

Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (63)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР: СОБРАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Часть II

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

ВЫПУСК № 2 (63)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР: СОБРАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

**Материалы Всероссийской конференции
с международным участием, посвященной юбилею
основателя Тамбовской школы когнитивной лингвистики
доктора филологических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки РФ
БОЛДЫРЕВА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА**

**г. Тамбов
18–19 сентября 2025 г.**

Часть II

Тамбов
2025

УДК 40
ББК 80
К57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–89450 от 06 мая 2025 г.

Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2025 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н. Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Фурс Л. А., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Демьянков В. З., доктор филологических наук, профессор;
Заботкина В. И., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л. В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С. Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л. А., доктор филологических наук;
Потанина Н. Л., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А. Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е. А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н. Н. Болдырев ; М-во науки и высш. обр. РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008– .

ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. №2(63) : Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной юбилею основателя Тамбовской школы когнитивной лингвистики доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Болдырева Николая Николаевича. г. Тамбов, 18–19 сентября 2025 г. Часть II / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2025. – 624 с.

ISBN 978-5-00078-927-8

В издании отражены актуальные проблемы когнитивной лингвистики, обсуждаемые в ходе Всероссийской конференции с международным участием «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы», посвященной юбилею профессора Н. Н. Болдырева, основателя Тамбовской школы когнитивной лингвистики. Поднимаемые темы конференции включают теоретико-методологические проблемы когнитивной лингвистики; новые аспекты и подходы к изучению концептуализации и категоризации мира в языке; анализ языковых данных с использованием компьютерных технологий и когнитивного моделирования; роль когнитивной лингвистики в междисциплинарных исследованиях, исследованиях по прагматике, социолингвистике, межкультурной и полимодальной коммуникации; когнитивные аспекты текста и разных типов дискурса.

Издание адресовано широкому кругу специалистов в области когнитивной лингвистики.

**УДК 40
ББК 80**

ISBN 978-5-00078-927-8 (Вып. № 2(63). Часть II)
ISBN 978-5-89016-442-1

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2025
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2025

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION

Cognitive Studies of Language

VOLUME # 2 (63)

**INTERPLAY OF COGNITIVE
AND LINGUISTIC STRUCTURES:
SCIENTIFIC SCHOOL ASSEMBLY**

Papers of the All-Russian scientific conference
with international participants
dedicated to the Jubilee of the founder
of the Tambov School of Cognitive Linguistics,
Doctor of Philology, Professor, Honored Scholar of RF
NIKOLAY N. BOLDYREV

**Tambov
September 18–19th, 2025**

Part II

Tambov
2025

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscomnadzor), Certificate of Registration PI No. FS77–89450.

The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2025. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N. N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);

Furs L. A., Doctor of Philology, Professor (volume executive editor);

Demyankov V. Z., Doctor of Philology, Professor;

Zabotkina V. I., Doctor of Philology, Professor;

Babina L. V., Doctor of Philology, Professor;

Vinogradova S. G., Doctor of Philology;

Panasenko L. A., Doctor of Philology;

Potanina N. L., Doctor of Philology, Professor;

Sharandina A. L., Doctor of Philology, Professor;

Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);

Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);

Kozlova E. A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary)

Cognitive studies of language / editor-in-chief N. N. Boldyrev ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Derzhavin Tambov State University, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Tambov : Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2008– .

ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. # 2(63) : Interplay of cognitive and linguistic structures: Scientific school assembly: Papers of the All-Russian scientific conference with international participants dedicated to the Jubilee of the founder of the Tambov School of Cognitive Linguistics, Doctor of Philology, Professor, Honored Scholar of RF Nikolay N. Boldyrev. Tambov, September 18–19th, 2025. Part II / Volume editor-in-chief L. A. Furs. – Tambov : Derzhavinsky Publishing House, 2025. – 624 p.

ISBN 978-5-00078-927-8

The volume presents the current problems of cognitive linguistics discussed during the All-Russian conference with international participation “Interplay of cognitive and linguistic structures: Scientific school assembly”, dedicated to the Jubilee of Professor N. N. Boldyrev, founder of the Tambov School of Cognitive Linguistics. The topics of the conference include theoretical and methodological problems of cognitive linguistics; new aspects and approaches to the study of conceptualization and categorization of the world in language; analysis of linguistic data using computer technology and cognitive modeling; the role of cognitive linguistics in interdisciplinary research, research on pragmatics, sociolinguistics, intercultural and polymodal communication; cognitive aspects of text and different types of discourse.

The collection of papers is aimed at a wide range of specialists in the field of cognitive linguistics.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ БОЛДЫРЕВ

доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
основатель Тамбовской школы когнитивной лингвистики

NIKOLAY N. BOLDYREV

Doctor of Philology, Professor,
Honored Scholar of the Russian Federation,
founder of the Tambov School of Cognitive Linguistics

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	19

VIII. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

<i>Алтабаева Е. В.</i> Когнитивная интерпретация концепта желание в художественном дискурсе	25
<i>Анисимов В. Е.</i> Особенности восприятия кинопостера как поликодовой единицы кинодискурса (на материале французского языка)	30
<i>Анисимова Е. Д., Анисимов В. Е.</i> Репрезентация социальной рекламы в пространстве медицинского сериала: лингвокогнитивный анализ	35
<i>Arakelova A. R., Demidova E. V.</i> Cancel culture discourse and new cognitive models: metaphorical framing	39
<i>Бабаева Р. И.</i> Формирование ментальной границы «свой – чужой» как персуазивная стратегия предвыборной политической коммуникации (на материале плакатов немецкой партии ХДС)	45
<i>Белошицкая Н. Н.</i> Драматургичность обиходного дискурса: самопрезентация и управление впечатлением	50
<i>Блинова О. А.</i> Обложка журнала как пример мультимодального регионалистского дискурса (на материале ирландского журнала AN PHOBLACHT)	55
<i>Борботько Л. А.</i> Дискурсивная личность театрального критика: медийность и элитарность	59
<i>Бочарникова Е. А.</i> Интердискурсивность и интертекстуальность как способ цифровой коммуникации	64
<i>Буревестник У. И.</i> Репрезентация концепта LONELINESS в текстах группы Muse	68
<i>Вестербейк А. Г. М., Бударина А. О., Коннова М. Н.</i> Пространственная концептуализация темпорального опыта в поэзии У. Вордсворта	72
<i>Ванько Т. Р.</i> Синтаксис онлайн кинокритики эпохи ВЕБ 2.0	77
<i>Володина О. В.</i> Конфликтность англоязычного общественно-политического предвыборного дискурса	82
<i>Грищева В. В.</i> Смысловые основания вербализации музыки в англоязычном драматургическом дискурсе	86
<i>Даниленко И. А.</i> Темпоральная актуализация когнитивной доминанты «ВОЙНА» (на материале российского медиа дискурса)	91
<i>Денисова Е. А.</i> Гибридизация кодов в пространстве текста публичного выступления	95
<i>Дроздова Т. В.</i> От цифры – к «цифре»: функционирование языкового знака в ИТ-сфере и в публицистическом дискурсе, о новых технологиях в аспекте действия когнитивных механизмов	101
<i>Дронова Н. П.</i> Метафорическая инверсия в дискурсе фастнахтшпиля	105
<i>Дронова О. А.</i> Индивидуально-авторский концепт FREMDLING в художественном дискурсе Германа Ленца	110
<i>Дубовицкая Е. Ю.</i> Оценка событий с помощью прилагательных вкусовой семантики в англоязычном политическом дискурсе	115

<i>Закурдаева Н. В., Закурдаев А. Д.</i> Корпускулярно-волновой дуализм как основной принцип передачи информации в политическом медиадискурсе	119
<i>Землякова К. В.</i> Макроструктура экспертного медиадискурса психологической тематики	124
<i>Ильина Е. В.</i> Реализация концептуально-тематической области ДЕТСТВО в мемуарном дискурсе	129
<i>Кожанов Д. А., Гарьковская Т. Н.</i> Конструирование плана содержания английских широкозначных существительных в художественном и научном дискурсах	134
<i>Кононова И. В., Белослудцева Д. А.</i> Дискурсивная репрезентация ценности RESPONSIBLE CONSUMPTION в англоязычных СМИ	138
<i>Космодемьянская В. И., Радюшкина А. А.</i> Речевая стратегия театральности в политическом дискурсе 45-го президента США Д. Трампа	143
<i>Кузьменко П. Б.</i> 'In fact' как показатель «дополнения реальности»	147
<i>Купцов А. Е.</i> Акцентуаторы-дискурсивы как инструменты коммуникации: их характеристики и функциональная значимость.	152
<i>Кшеновская У. Л.</i> Аналогия и девиация как когнитивные механизмы лингвокреативности.	156
<i>Логунова А. А.</i> Стратегия солидаризации с аудиторией в устном политическом дискурсе: русско-английский перевод (на материале переводческого корпуса МГПУ)	160
<i>Меньшикова Е. В.</i> Анализ особенностей семантики русских дискурсивных единиц типа И НЕ ГОВОРИ и их английских коррелятов.	164
<i>Мироненко К. Н., Калинин О. И.</i> Метафорический образ СССР в контексте описания событий Второй мировой войны в институциональных СМИ КНР	169
<i>Ненашева Ю. А.</i> Просодическая организация рекуррентных структур как реализация процедурного знания	174
<i>Огнева Е. А.</i> Концепция информативного трансфера когнитивных координат	179
<i>Озерова Е. Г.</i> Интердискурсивность текстов лирической прозы.	183
<i>Палехова О. В.</i> Прецедентный характер современного немецкого медиадискурса.	187
<i>Петрова И. М.</i> Анализ элементов когнитивного стиля КОНКРЕТНОСТЬ / АБСТРАКТНОСТЬ в публицистическом дискурсе	190
<i>Петрова Ю. С.</i> Языковая репрезентация концепта КРИЗИС в медиадискурсе британской прессы	195
<i>Пискарева А. В.</i> Когнитивные механизмы категоризации дискурса судебного шоу.	200
<i>Плисов Е. В.</i> Основные компоненты волонтерского дискурса	203
<i>Потанина Н. Л.</i> Концепт РОДИНА в художественном дискурсе России и Англии.	208
<i>Рогозина И. В.</i> Дерогативное коммуникативное поведение как результат специфической когнитивной деятельности.	216
<i>Семенова Т. И., Тюрнева Т. В.</i> Эпистемическая параметризация медиадискурса	221

<i>Сергиенко П. И.</i> К вопросу об этнических стереотипах в англоязычном PR дискурсе	225
<i>Соколова В. Л.</i> Концептуальные механизмы активации имплицитного значения при реализации англоязычной коммуникативной стратегии UNDERSTATEMENT	231
<i>Сурмятова Ю. В.</i> Концепт GESUNDHEIT / ЗДОРОВЬЕ в образовательном дискурсе (на материале учебника “Guten Tag, Doctor!” / «Здравствуйте, доктор!»)	235
<i>Тананыхина А. О., Тананыхина А. Ю., Карловская В. Н.</i> Полидискурсность современного англоязычного текста детского фэнтези.	240
<i>Троценкова Е. В.</i> DEINFLUENCING: обсуждение новой дискурсивной практики в англоязычных медиа.	245
<i>Хакимова Е. М.</i> Моббинг с позиций когнитивно-дискурсивной исследовательской парадигмы	249
<i>Четверикова А. А.</i> Смысловая доминанта MENTAL HEALTH в дискурсе глянцевого журнала о психологии.	254
<i>Чупахина А. О.</i> Особенности актуализации оценки объекта PERSON в дискурсе интервью с англоязычными художниками	258
<i>Шефер Е. А.</i> Взаимодействие когнитивных и языковых структур в дискурсе трудового права.	263
<i>Шилова Н. В.</i> Коммуникативные частицы в контексте нейросетевого дискурса	268
<i>Шмелёва Е. С.</i> Основные направления метафоризации в англоязычных таблоидах 2000–2024 гг.	272
<i>Шутёмова Н. В.</i> Эстетическая оценка в жанре декларации о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия	277

IX. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА

<i>Богданова С. Ю.</i> Взаимодействие пространственных «опор» в тексте художественного произведения	282
<i>Воронцова Ю. А.</i> Ономастические единицы в интернет-комментариях	287
<i>Горячева М. В.</i> Библийские фразеологизмы в языке: прецедентный потенциал Библии как макротекста	292
<i>Грищева В. В., Шевелева Е. О.</i> Специфика маркеров невербального кода коммуникации в англоязычной драме	295
<i>Гудкова К. В.</i> Концептуальные и категориальные номинации референта во вторичном тексте: сравнительный анализ русского и английского текстов.	300
<i>Ершова Н. Б., Матвеева М. В.</i> Лексическая репрезентация фольклорного концепта GÜTE (ДОБРОТА) в сказке братьев Гримм “DIE STERNTALER”	305
<i>Ефименко Т. Н.</i> Профилирование как механизм смыслообразования и воздействия в медиатексте.	309
<i>Закурдаева Н. В.</i> Консьюмер и просьюмер: типология адресата в медиакommunikation.	314

<i>Захарова О. С.</i> Средства репрезентации интеллектуальной оценки в англоязычном фундаментальном аналитическом обзоре валютного рынка.	318
<i>Измайлян Д. Б.</i> Механизмы формирования оценочных значений в новостном медиатексте.	322
<i>Исаева И. П.</i> Аналогия как основа интермедиальных корреляций (на примере англоязычного художественного текста)	328
<i>Кащеева А. В.</i> Бесконфликтность учебного текста на английском языке.	332
<i>Комкова Н. И.</i> Особенности репрезентации концепта РАДОСТЬ в прозе Б. В. Шергина	337
<i>Корнева В. В.</i> Метонимии, которыми мы живем в медийном пространстве	341
<i>Корокина П. Ж.</i> Понятие “PICTURESQUE” в травелоге У. Гилпина о путешествии по Норфолку.	346
<i>Кузьмина Е. А., Безукладова И. Ю.</i> Когнитивные стратегии манипуляции общественным мнением (на примере современной немецкой прессы)	350
<i>Кузьмина М. Ю.</i> Особенности прямой номинации эмоционального состояния отчаяния (DESPAIR) в прозе У. С. Моэма	355
<i>Лебедев Л. В.</i> Ментальное пространство метафоры в романах В. Набокова “SPEAK, MEMORY” / «ДРУГИЕ БЕРЕГА»	359
<i>Макарова А. С.</i> Особенности вербализации концептуальной диады ЦИТ и МЕЧ в православных медиатекстах	363
<i>Маслова Ж. Н.</i> Особенности концептуализации смысла в ритмической структуре поэтического текста	367
<i>Наумова А. И.</i> Кросскультурная трансформация концепта-доминанты СЕСТРА РЭТЧЕД при переводе романа К. Кизи «Над кукушкиным гнездом»	372
<i>Некрасова М. Ю.</i> Концептуализация морского сражения в поэме Л. А. Сен-Томе “Le Mercure”.	377
<i>Николаева Н. В.</i> Эмоциональные состояния одиночества и отчаяния в поэзии Джона Берримена (на материале поэтического цикла «Песни сновидений»)	381
<i>Нильсен Е. А., Машкова Е. Р.</i> Проблемы перевода текстового компонента компьютерных игр поджанра «соулслайк»	386
<i>Пашков С. М.</i> Доминантный принцип и проблема категориального моделирования текста	390
<i>Петухова Т. И.</i> Эмотивность репрезентации перцептивного события в автокомментарии художника	394
<i>Рябуха О. В., Лобанова А. К.</i> Интерпретация прецедентных текстов как когнитивный процесс	399
<i>Сувандии Н. Д.</i> Образ АЪТ (КОНЯ/ЛОШАДИ) в тувинских сказках.	404
<i>Толстых О. А.</i> Когнитивная модель текста современного музейного аудиогuida	409
<i>Ушакова А. П., Шишкина С. А.</i> Лингвокультурные аспекты образа правителя в средневековой русской литературе (на материале произведения святого Иоанна Максимовича «Феатрон»)	414

<i>Черезова М. А., Блинова Ю. А.</i> Нарративные признаки современного новостного текста (на материале немецких СМИ)	419
<i>Шакирова Д. Ш.</i> Цветовая концептуализация как отражение культуры и национальной идентичности в романе «Собственник» Дж. Голсуорси	423
<i>Шапошникова А. П.</i> Описание болезни в дневниковых записях как способ категоризации действительности (на материале русского языка первых десятилетий XXI в.)	428

X. КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЯЗЫКА

<i>Барабанова И. Г.</i> К вопросу о понятии «концепт» в когнитивных исследованиях	433
<i>Борзилов А. Д.</i> Англоязычные грамматические конструкции с композиционным подлежащим FAMILY: когнитивная интерпретация.	438
<i>Голованова Е. И.</i> Роль качественных прилагательных в концептуализации профессионального знания	444
<i>Голубкова Е. Е., Захарова А. Г.</i> Прецедентные акронимы типа UNICEF-inspired с позиций грамматики конструкций	450
<i>Давыдова Е. И.</i> К вопросу о когнитивных основах вторичной репрезентации предикативности в языке.	454
<i>Доржу А. Ш.</i> Макроконцепт ЗЛО в тувинской лингвокультуре (на материале фразеологизмов и паремий)	459
<i>Иванова Н. А., Улиткин И. А.</i> Когнитивные механизмы перевода терминов в области профессиональной коммуникации	464
<i>Ивашкевич И. Н.</i> Об антропоморфном восприятии мира сквозь призму семантики английских природных пространств	469
<i>Кирееenkova Е. Е.</i> К вопросу о формировании языкового модуля в когнитивной лингводидактике	475
<i>Красикова Е. А.</i> Интерпретация мира в языке: роль внутренней формы китайского иероглифического знака	480
<i>Николаев В. О.</i> Репрезентация концепта TRUST в среднеанглийском языке.	485
<i>Николаева Е. С.</i> Метафора как когнитивный инструмент концептуализации реальности: теоретический аспект.	488
<i>Никулина Е. А., Солошенко М. А.</i> Английские терминологизмы как языковое выражение концепта VICTORY.	493
<i>Романова Т. В.</i> Ассоциативный эксперимент как способ верификации тезауруса когнитивной лингвистики.	498
<i>Рябых Е. Б.</i> Моделирование индивидуально-авторской метафорической интерпретации парфюмерного запаха в немецком языке	502
<i>Сулейманова О. А.</i> Метафора движения в описании когнитивных действий	507
<i>Третьякова Т. П.</i> Представление семантики коммуникативных идиом в рамках когнитивной процедуры	512
<i>Фазилова А. А.</i> Какое вы имеете право? Или лексико-семантический портрет единицы <i>right</i> в корпусном ресурсе Sketch Engine.	518

<i>Чеханова И. В.</i> Когнитивные механизмы образования сравнительных конструкций	523
<i>Чжао Сюй.</i> Репрезентация концептов НАЧАЛО и КОНЕЦ в русском языковом сознании сквозь призму ассоциаций	526

XI. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Ачкасов А. В.</i> Когнитивная нагрузка в последовательном переводе с использованием средств распознавания речи	532
<i>Ачкасов А. В., Наговицына И. А.</i> Когнитивные аспекты локализации вебсайтов	536
<i>Бредис М. А.</i> Контактные пословичные параллели как проявление лингвокультурного трансфера (на примере пословиц разноструктурных языков)	541
<i>Вишнякова Е. А.</i> Интеграция культурного знания как фактор успешности межкультурного общения	546
<i>Гуляниц А. Б., Гуляниц С. Б.</i> Когнитивные основы передачи абстрактных чувствительных в межкультурной коммуникации (корпусное исследование)	550
<i>Денек М. В.</i> Этнопсихология зеленого цвета во французской лингвоцветовой картине мира (на материале перифраз)	555
<i>Иванова О. А.</i> Чужое «свое»: осмысление некоторых символов немецкой традиционной культуры в современном контексте	560
<i>Комисарова Л. С.</i> Влияние концепции чужого и своего в метафорах на эффективность коммуникации в межкультурном контексте	564
<i>Кузнецов В. Г.</i> Идеология и язык (на материале перевода советизмов на французский и английский языки)	568
<i>Куксова Н. А.</i> Когнитивные аспекты репрезентации синего цвета в русской и английской лингвокультурах	572
<i>Левицкий А. Э., Никульшина Т. Н.</i> Антропонимы как культурные маркеры сказочного дискурса: сопоставительный аспект.	577
<i>Нурутдинова А. Р.</i> Когнитивные и аффективные аспекты японской паремимологической картины мира	582
<i>Савватеева И. А.</i> Визуальная интерпретация категории отношения в итальянском и английском языках в семиотическом аспекте.	588
<i>Серова И. Г.</i> Вторичная репрезентация прецедентных феноменов при переводе анимационного фильма на иностранный язык	593
<i>Убоженко И. В.</i> Методология дифференцирования творческого переводческого решения: когнитивно-рефлексивная интроспекция	599
<i>Федяева Е. В.</i> Коммуникативный этностиль как составляющая межкультурной коммуникации.	604
<i>Федяева Е. В., Массон Э. В.</i> Универсальное vs культурноспецифическое знание как основание процесса метафоризации	608
<i>Эсаулова А. В.</i> Ситуативно-смысловая обусловленность и концепция вежливости в речевых актах ветотивного характера	613
<i>Ян Юнья.</i> Изучение концепта ЧЕСТЬ РОДИНЫ в китайской и русской лингвокультурах (на материале китайских и русских плакатов)	618

CONTENTS

Foreword	19

VIII. COGNITIVE STUDIES OF DISCOURSE

<i>Altabaeva E. V.</i> Cognitive interpretation of the concept of DESIRE in artistic discourse	25
<i>Anisimov V. E.</i> Perception of the film poster as a film discourse polycode element (based on the material of the French language)	30
<i>Anisimova E. D., Anisimov V. E.</i> Representation of social advertising in the space of medical series: linguocognitive analysis	35
<i>Аракелова А. Р., Демидова Е. В.</i> Дискурс <i>cancel culture</i> и новые когнитивные модели: метафорический фрейм.	39
<i>Babaeva R. I.</i> Formation of the mental boundary “own – alien” as a persuasive strategy of pre-election political communication (based on posters of the GERMAN CDU party)	45
<i>Beloshitskaya N. N.</i> Dramaturgy of everyday discourse: self-presentation and impression management	50
<i>Blinova O. A.</i> Magazine cover as multimodal regionalist discourse (the case of the Irish AN PHOBLACHT)	55
<i>Borbotko L. A.</i> Theatre critic as media and elite discourse personality	59
<i>Bocharnikova E. A.</i> Interdiscursivity and intertextuality as a means of digital communication.	64
<i>Burevestnik U. I.</i> Representation of the concept LONELINESS in the texts by Muse	68
<i>Westerbeek A. G. M., Budarina A. O., Konnova M. N.</i> Metaphoric perception of temporal experience in William Wordsworth’s poetry.	72
<i>Vanko T. R.</i> Syntax of online film reviews of the WEB 2.0 era	77
<i>Volodina O. V.</i> Markers of conflict in socio-political pre-election discourse.	82
<i>Grishcheva V. V.</i> Meaning-formation aspects of music verbalization in English drama discourse	86
<i>Danilenko I. A.</i> Temporal actualization of the cognitive dominant “WAR” (based on Russian media discourse)	91
<i>Denisova E. A.</i> Hybridization of codes in the public speaking text	95
<i>Drozdova T. V.</i> From digit – to “digit”: on language sign functioning in IT-field and public discourse, on new technologies as caused by cognitive mechanisms.	101
<i>Dronova N. P.</i> Metaphorical inversion in the discourse of <i>fastnachtspiel</i>	105
<i>Dronova O. A.</i> Individual-author’s concept of FREMDLING in the artistic discourse by Hermann Lenz.	110
<i>Dubovitskaya E. Yu.</i> Evaluation of events with the help of adjectives of taste semantics in the English-language political discourse	115
<i>Zakurdaeva N. V., Zakurdaev A. D.</i> Wave-particle dualism as the main principle of information transmission in political media discourse	119
<i>Zemlyakova K. V.</i> Macrostructure of expert media discourse on psychological topics	124

<i>Ilyina E. V.</i> Realization of the conceptual-thematic domain CHILDHOOD in memoir discourse.	129
<i>Kozhanov D. A., Garkovskaya T. N.</i> Designing the semantic framework of English nouns with broad semantics in literary and scientific discourses.	134
<i>Kononova I. V., Belosludtseva D. A.</i> Discursive representation of the value of RESPONSIBLE CONSUMPTION in English media.	138
<i>Kosmodemianskaia V. I., Radyushkina A. A.</i> The speech strategy of theatricality in the political discourse of the 45th President of the United States D. Trump.	143
<i>Kuzmenko P. B.</i> ‘In fact’ as a marker of ‘additive reality’	147
<i>Kuptsov A. E.</i> Accentuators-discourse markers as communication tools: their characteristics and functional significance	152
<i>Kshenovskaya U. L.</i> Analogy and deviation as cognitive mechanisms of linguistic creativity	156
<i>Logunova A. A.</i> Solidarity strategy in oral political discourse and its Russian-to-English translation (on MCU synchronous translation database).	160
<i>Menshikova E. V.</i> Russian and English discourse units such as I NE GOVORI: comparative and semantic analysis.	164
<i>Mironenko K. N., Kalinin O. I.</i> Metaphorical image of the USSR in the context of World War II in institutional media of China	169
<i>Nenasheva Yu. A.</i> Prosody of recurrent structures as realization of procedural knowledge	174
<i>Ogneva E. A.</i> The theory of an informative transfer of cognitive coordinates	179
<i>Ozerova E. G.</i> Interdiscursivity of lyrical prose texts	183
<i>Palekhova O. V.</i> Precedent character of modern German media discourse	187
<i>Petrova I. M.</i> Analysis of elements of cognitive style: SPECIFICITY/ABSTRACTION in journalistic discourse.	190
<i>Petrova Yu. S.</i> Linguistic representation of the concept of CRISIS in the British media discourse	195
<i>Piskareva A. V.</i> Cognitive mechanisms of discourse categorization in court shows	200
<i>Plisov E. V.</i> Leading components of volunteer discourse.	203
<i>Potanina N. L.</i> The concept of HOMELAND in the artistic discourse of Russia and England	208
<i>Rogozina I. V.</i> Derogatory communicative behavior as a result of specific cognitive activity.	216
<i>Semenova T. I., Tyurneva T. V.</i> Epistemic parametrization of media discourse	221
<i>Sergienko P. I.</i> On the issue of ethnic stereotypes in English PR discourse.	225
<i>Sokolova V. L.</i> Conceptual mechanisms activating implicit meaning in the English communicative strategy of UNDERSTATEMENT	231
<i>Surmyatova Yu. V.</i> Concept GESUNDHEIT / HEALTH in educational discourse (based on the material of the student’s book “Guten Tag, Doctor!”).	235
<i>Tananykhina A. O., Tananykhina A. Yu., Karlovskaya V. N.</i> Polydiscursivity of contemporary English children’s fantasy text	240

<i>Troshchenkova E. V.</i> DEINFLUENCING: discussions of a new discursive practice in English-language media	245
<i>Khakimova E. M.</i> Mobbing from the position of the cognitive-discursive research paradigm	249
<i>Chetverikova A. A.</i> The basic dominant of MENTAL HEALTH in the discourse of glossy psychology magazines	254
<i>Chupakhina A. O.</i> Actualization of PERSON evaluation in the discourse of interviews with English-speaking artists	258
<i>Shefer E. A.</i> Interaction of cognitive and language structures in labour law discourse	263
<i>Shilova N. V.</i> Communicative particles in the context of neural network discourse	268
<i>Shmelyova E. S.</i> Key metaphorization directions in English language tabloid articles dated 2000–2024	272
<i>Shutemova N. V.</i> Aesthetic evaluation in statements of outstanding universal value of world heritage sites	277

IX. COGNITIVE STUDIES OF THE TEXT

<i>Bogdanova S. Yu.</i> The interaction of spatial ‘prompts’ in a fictional text	282
<i>Vorontsova Yu. A.</i> Onomastic units in Internet comments	287
<i>Goryacheva M. V.</i> Biblical phraseological units in language: precedent potential of the Bible as a macrotext	292
<i>Grishcheva V. V., Sheveleva E. O.</i> A code to crack: communicative markers in English drama.	295
<i>Gudkova K. V.</i> Conceptual and categorial nominations of the referent in the secondary text: comparative analysis of Russian and English texts	300
<i>Yershova N. B., Matveeva M. V.</i> Lexical representation of the folklore concept GÜTE (KINDNESS) in the fairy tale of the Brother Grimm “DIE STERNTALER”	305
<i>Efimenko T. N.</i> Profiling as a sensemaking and influence cognitive mechanism in media text.	309
<i>Zakurdaeva N. V.</i> Consumer and prosumer: the typology of the addressee in media communication	314
<i>Zakharova O. S.</i> Means of intellectual evaluation representation in the English fundamental analytical review of the foreign exchange market	318
<i>Izmailyan D. B.</i> The mechanism for assigning evaluative meaning in news text	322
<i>Isaeva I. P.</i> Analogy as a foundation of intermedial correlations (based on English literary texts)	328
<i>Kashcheyeva A. V.</i> Conflict-free nature of English educational text	332
<i>Komkova N. I.</i> The features of representation of the concept DELIGHT in the prose of Boris Shergin	337
<i>Korneva V. V.</i> Metonymies that we live by in the media space	341
<i>Korokina P. Zh.</i> The concept of PICTURESQUE in W. Gilpin’s travelogue about the Norfolk trip	346

<i>Kuzmina E. A., Bezukladova I. Yu.</i> Cognitive strategies of manipulation of public opinion (on the example of the modern German press)	350
<i>Kuzmina M. Yu.</i> Features of the direct nomination of the emotional state of despair in W. S. Maugham's prose	355
<i>Lebedev L. V.</i> Mental space of metaphor in V. Nabokov's novels "SPEAK, MEMORY" / "DRUGIE BEREGA"	359
<i>Makarova A. S.</i> Features of verbalization of the conceptual dyad of SHIELD and SWORD in Orthodox media texts	363
<i>Maslova Zh. N.</i> Peculiarities of conceptualization of sense in the rhythmic structure of a poetic text	367
<i>Naumova A. I.</i> Cross-cultural transformation of the dominant concept NURSE RATCHED in the translation of the novel by K. Kesey "One Flew Over The Cuckoo's Nest"	372
<i>Nekrasova M. Yu.</i> Conceptualization of naval battle in L. A. Saint-Thomas' poem "Le Mercure"	377
<i>Nikolaeva N. V.</i> The emotional states of loneliness and despair in John Berryman's poetry (on the material of the cycle of poems "The Dream Songs")	381
<i>Nilsen E. A., Mashkova E. R.</i> Translation challenges of the textual component of "souls-like" subgenre computer games	386
<i>Pashkov S. M.</i> Dominant principle and the problem of categorial text modeling	390
<i>Petukhova T. I.</i> Emotivity of perceptual event representation in artist's autocommentary	394
<i>Ryabukha O. V., Lobanova A. K.</i> Interpreting precedent texts as a cognitive process.	399
<i>Suvandiy N. D.</i> Image of АБТ (HORSES) in Tuvan fairy tales.	404
<i>Tolstykh O. A.</i> Cognitive model of the modern museum audioguide.	409
<i>Ushakova A. P., Shishkina S. A.</i> Linguistic and cultural aspects of the image of a ruler in medieval Russian literature (based on the work of St. John Maximovich "THEATRON")	414
<i>Cherezova M. A., Blinova Yu. A.</i> Narrative signs in modern news text (on the material of German media)	419
<i>Shakirova D. Sh.</i> Color conceptualization as a reflection of culture and national identity in the novel "The Man of Property" by J. Galsworthy	423
<i>Shaposhnikov A. P.</i> Description of illness in diary entries as a way of categorizing reality (on the material of the Russian language of the first decades of the XXI century).	428

X. COGNITIVE METHODS OF ANALYSIS IN LANGUAGE RESEARCH

<i>Barabanova I. G.</i> About the term "concept" in cognitive research	433
<i>Borzilov A. D.</i> English grammatical constructions with FAMILY as the compositional subject: a cognitive treatment	438
<i>Golovanova E. I.</i> The role of qualitative adjectives in the conceptualization of professional knowledge	444

<i>Golubkova E. E., Zakharova A. G.</i> Precedent acronyms of the UNICEF-inspired type from the standpoint of construction grammar	450
<i>Davydova E. I.</i> On the cognitive basis of secondary representation of predication in language	454
<i>Dorzhu A. Sh.</i> Macroconcept EVIL in Tuvan linguoculture (based on phraseological units and proverbs)	459
<i>Ivanova N. A., Ulitkin I. A.</i> Cognitive mechanisms of translation of terms in the field of professional communication	464
<i>Ivashkevich I. N.</i> On the anthropomorphic perception of the world through the prism of the English natural spaces	469
<i>Kireenkova E. E.</i> To the question of the language module formation in cognitive linguodidactics	475
<i>Krasikova E. A.</i> Interpretation of the world in language: the role of the inner form of the Chinese hieroglyphic sign	480
<i>Nikolaev V. O.</i> Representation of the TRUST concept in Middle English	485
<i>Nikolaeva E. S.</i> Metaphor as a cognitive tool for conceptualizing reality: a theoretical aspect.	488
<i>Nikulina E. A., Soloshenko M. A.</i> English quasi-idioms as a language implementation of the concept VICTORY	493
<i>Romanova T. V.</i> Associative experiment as a way to verify the thesaurus of cognitive linguistics.	498
<i>Riabykh E. B.</i> Modeling of the author's metaphorical interpretation of the perfume smell in German	502
<i>Suleimanova O. A.</i> Metaphor of movement in the description of cognitive actions	507
<i>Tretyakova T. P.</i> Presentation of communicative idiom semantics in cognitive procedure framework	512
<i>Fazilova A. A.</i> What gives you the right? The lexical-semantic portrait of the lexical unit <i>right</i> in the Sketch Engine corpus resource	518
<i>Chekhanova I. V.</i> Cognitive mechanisms of comparative constructions formation	523
<i>Zhao Xu.</i> Representation of the concepts BEGINNING and END in Russian linguistic cognition through the prism of associations.	526

XI. COGNITIVE BASES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

<i>Achkasov A. V.</i> Cognitive load in consecutive translation with the use of speech recognition tools	532
<i>Achkasov A. V., Nagovitsyna I. A.</i> Cognitive aspects of website localization	536
<i>Bredis M. A.</i> Contact proverbial parallels as a manifestation of linguocultural transfer (on the example of proverbs of structurally different languages).	541
<i>Vishnyakova E. A.</i> Integration of cultural knowledge as a factor of successful intercultural communication.	546
<i>Guliyants A. B., Guliyants S. B.</i> Cognitive basis for the translation of abstract nouns in intercultural communication (corpus research).	550

Contents

<i>Deneko M. V.</i> Ethnopsychology of the green color in the French linguistic color worldview (based on the material of periphrasis) . . .	555
<i>Ivanova O. A.</i> Foreign “own”: understanding of some symbols of traditional German culture in a modern context	560
<i>Komisarova L. S.</i> Influence of the concepts of SELF and NON-SELF in metaphors on the effectiveness of communication in the intercultural context. . . .	564
<i>Kuznetsov V. G.</i> Ideology and language (based on the translation of sovietisms into French and English)	568
<i>Kuksova N. A.</i> Cognitive aspects of representation of <i>blue</i> in Russian and English linguacultures	572
<i>Levitsky A. E., Nikulshina T. N.</i> Anthroponyms as cultural indicators of fairy-tale discourse from the comparative perspective	577
<i>Nurutdinova A. R.</i> Cognitive and affective aspects of the Japanese paremiological world picture	582
<i>Savvateeva I. A.</i> Visual interpretation of the category of relations in Italian and English in the semiotic aspect	588
<i>Serova I. G.</i> Secondary representation of precedent phenomena in the translation of animation film into a foreign language	593
<i>Ubozhenko I. V.</i> Differentiation methodology of creative translation solutions: cognitive-reflexive introspection	599
<i>Fedyaeva E. V.</i> Communicative ethnostyle as a component of intercultural communication	604
<i>Fedyaeva E. V., Masson E. V.</i> Universal vs culture specific knowledge as the basis for the metaphORIZATION process	608
<i>Esaulova A. V.</i> Situational-semantic conditionality and the concept of politeness in speech acts of a prohibited nature	613
<i>Yang Yunya.</i> Study of the concept HONOUR OF THE MOTHERLAND in Chinese and Russian linguocultures (on the material of Chinese and Russian posters	618

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание содержит материалы Всероссийской конференции с международным участием «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы». Конференция посвящена знаменательному событию – юбилею основателя Тамбовской школы когнитивной лингвистики доктора филологических наук, профессора Николая Николаевича Болдырева.

Николай Николаевич Болдырев – известный в России и за рубежом ученый в области общего и частного языкознания и когнитивной лингвистики. Его вклад в развитие лингвистической науки и высшего образования по достоинству оценен государством и общественностью. Н. Н. Болдырев – Почётный работник высшего профессионального образования РФ (2001 г.), Заслуженный деятель науки РФ (2002 г.), лауреат общенациональной премии Российского профессорского собрания «Профессор года – 2018» в номинации «Филологические науки».

Научно-педагогическая деятельность Н. Н. Болдырева более 40 лет связана с Тамбовским государственным университетом имени Г. Р. Державина, его становлением как одного из ведущих вузов региона и страны. Н. Н. Болдырев прошел путь от ассистента кафедры до проректора по науке и международным связям. В настоящее время Николай Николаевич – директор Сетевого научно-образовательного центра когнитивных исследований, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики.

Под руководством Н. Н. Болдырева в ТГУ им. Г. Р. Державина из его учеников и коллег сложилась ведущая научная школа – творчески перспективный коллектив из подготовленных им докторов и кандидатов наук, а также молодых ученых, успешно разрабатывающих проблему «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур».

Теоретико-методологические установки и понятийно-терминологический аппарат научной школы были заложены в докторской диссертации Н. Н. Болдырева «Функциональная категоризация английского глагола» (г. Санкт-Петербург, 1995, научный консультант – д.филол.н., проф. Н. А. Кобрина). Ученым была разработана концепция формирования значения языковых единиц в процессе их использования в речи – теория функциональной категоризации языкового знака. В рамках данной концепции им предложен функционально-семиологический подход к исследованию языка и его единиц, с учетом которого выделены и описаны основные принципы и механизмы формирования значения отдельного слова в высказывании, раскрыта сущность прототипического принципа организации

языковых категорий и многофакторный, интегративный характер выстраивания смысла высказывания.

Эта диссертация, будучи новаторской по замыслу, по глубине и значимости полученных выводов, а также другие работы ученого – монографии, учебные пособия и статьи (всего более 400 работ), каждая из которых имеет знаковый характер, получили высокую оценку научного сообщества. Описываемые в них научные результаты являются основой концепции Тамбовской школы и одновременно ориентиром для широкого круга исследователей, которые изучают язык с позиций одного из самых приоритетных направлений в современной мировой лингвистике – когнитивного подхода.

Н. Н. Болдырев является разработчиком ряда когнитивных теорий: языковой интерпретации, языка как системы оперирования знанием о мире, бесконфликтного языкового общения, в рамках которых предложены концептуально-таксономический, когнитивно-матричный, когнитивно-доминантный, концептуально-интерпретационный и концептуально-инференционный методы анализа языка. Ученый ввел в научный обиход и обосновал понятия интерпретирующей функции языка, функциональной категоризации языковых единиц, интегративного принципа формирования смысла высказывания, оценочной концептуализации и категоризации, модусных концептов и категорий, языковых форматов знания, когнитивной матрицы как единицы многоаспектного знания, когнитивного контекста, субъектного принципа организации высказывания, концептуальной деривации, первичной и вторичной языковой интерпретации, когнитивно-языковой интерпретанты. Выделил функции, типы, модели и схемы интерпретации мира и знаний о мире в языке.

Развитию научной школы «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур» способствовали следующие события:

1. Открытие Н. Н. Болдыревым в ТГУ им. Г. Р. Державина аспирантуры и докторантуры по специальностям «Германские языки» и «Теория языка», а также диссовета по присуждению ученой степени кандидата (с 1998 г.), а затем доктора (2000 г.) наук по этим специальностям.

2. Создание в 2003 году Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», одним из организаторов которой был Н. Н. Болдырев. С 2003 г. он – президент, с 2017 г. – почётный президент РАЛК. Цель РАЛК – систематизация и популяризация фундаментальных знаний в области когнитивной лингвистики и расширение сфер их применения.

3. Учреждение в 2003 году общероссийского научно-теоретического журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» (в Перечне ВАК, индекси-

руется в Scopus, 1-й квартиль) и в 2008 году научной серии «Когнитивные исследования языка» (в Перечне ВАК). Н. Н. Болдырев – инициатор создания и главный редактор данных изданий.

4. Открытие Н.Н Болдыревым Лингвистического центра (с 2008 года Сетевой научно-образовательный центр когнитивных исследований), который обеспечивает выполнение работ по конкретным научным проектам, занимается обобщением и систематизацией современных фундаментальных знаний по лингвистике и внедрением их в учебный процесс.

5. Тесное сотрудничество центра и кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики ТГУ им. Г.Р. Державина в контексте деятельности школы: выполнение работ по научным проектам, развитие связей с ведущими образовательными и научными центрами России и зарубежья, проведение конгрессов, конференций и семинаров по когнитивной лингвистике и участие в научных мероприятиях вне вуза, публикационная активность, преподавательская и наставническая деятельность.

Важной составляющей исследовательской программы научной школы под руководством Н. Н. Болдырева является построение общей теории языковой репрезентации знаний на основе изучения когнитивных структур, связанных с интерпретативной деятельностью человека. Исследователи исходят из положения о том, что познание и использование языка являются в значительной степени интерпретационными процессами. Концептуальная система языка при этом видится как многоуровневая модель, рассматриваемая с точки зрения отражения знаний о мире (лексический компонент), репрезентации языкового знания (грамматический компонент) и интерпретации этих знаний (модусные концепты и категории). Категории модусного типа обеспечивают возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирование новых интерпретационных смыслов.

На этой основе уточняется типология языковых и когнитивных структур и механизмов их взаимодействия, на различном языковом материале получила дальнейшее развитие методика концептуального анализа и когнитивного моделирования (д.филол.н., проф. Н. Н. Болдырев и его ученики).

В исследовательскую программу научной школы входит построение теории вторичной репрезентации концептов в языке (д.филол.н., проф. Л. В. Бабина и ее ученики); обоснование теории синтаксической репрезентации (д.филол.н., проф. Л. А. Фурс и ее ученики); теории морфологической репрезентации (д.филол.н., проф. Н. А. Беседина и ее ученики), теории ономастической репрезентации (д.филол.н., проф. А.С. Щербак и ее ученики).

Исследовательская программа школы также включает изучение координат субъекта познания в языке и представление теории концептуальной конфигурации (д.филол.н., доц. О. В. Магировская), описание интерпретирующего потенциала лексических категорий (д.филол.н., доцент Л. А. Панасенко), обоснование субъектного принципа формирования социокультурной специфики дискурса (д.филол.н., доцент О. Г. Дубровская), эгоцентрическое моделирование категоризации пространства (д.филол.н., доцент И. Ю. Безукладова), изучение когнитивных основ коммуникативного членения сложного предложения (д.филол.н., доцент С. Г. Виноградова), структурирование интегративного формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (д.филол.н., профессор В. С. Григорьева), моделирование процесса количественной интерпретации качества (д.филол.н., доцент Е. В. Федяева), описание интерпретирующего потенциала категории уступительности (д.филол.н., доцент Г. П. Берзина).

Средства и способы репрезентации культурных, индивидуально-авторских, локальных, оценочных, эмоциональных, интерпретирующих концептов, а также особенности метонимического и метафорического способов репрезентации участников ситуаций – субъекта, объекта и их характеристик представлены в кандидатских диссертациях О. А. Давыденковой, Н. А. Гуниной, Л. А. Гиренко, Е. А. Козловой, И. Н. Меркуловой, Е. Д. Гавриловой, Е. Ю. Дубовицкой, Н. А. Куксовой, В. В. Алпатова, Н. М. Кравцовой, Е. И. Давыдовой, Т. Н. Тимофеевой, Д. В. Маховиковой, И. В. Беляевой, Е. Д. Блохиной, С. С. Фроловой и др.).

Общественное и государственное признание результатов деятельности школы Н. Н. Болдырева проявляется в финансовой поддержке выполняемых под его руководством научных проектов в виде грантов различных фондов и организаций. Среди них проекты в рамках Федеральной целевой программы Минобрнауки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» «Исследование взаимодействия мыслительных и языковых структур» и «Исследование типов и форматов знания в языке» (2010–2012 гг.), «Категориальный уровень представления знаний в языке» (2012–2013 гг.); Госзадания Минобрнауки РФ, проекты «Исследование языка как системы репрезентации и интерпретации знаний» (2012–2013 гг.), «Теория языковой интерпретации как когнитивной деятельности» (2014 г.); проекты РГНФ «Оценочная категоризация мира в русском и западноевропейских языках» (2010–2012 гг.), «Язык как интерпретирующий фактор познания» (2015–2017 гг.); проект РФФИ «Издание научного труда «Язык и система знаний. Когнитивная теория языка» (2018 г.); проекты РНФ «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном кон-

тексте» (2015–2017 гг.), «Доминантный принцип организации языкового сознания» (2018–2020 гг.), «Интерпретирующий потенциал вторичных структур в языковой картине мира» (2020–2022 гг.), «Когнитивные основы бесконфликтного языкового общения» (2022–2024 гг.); проекты для проведения конференций, конгрессов, научных семинаров.

С учетом разрабатываемой школой фундаментальной проблематики ее руководителем подготовлены 15 докторов и 26 кандидатов наук, членами коллектива – более 30 ученых.

О широком признании научной школы Н. Н. Болдырева свидетельствуют публикации руководителя и коллектива в центральных отечественных и зарубежных научных изданиях, их частое цитирование в монографиях, диссертациях и статьях. Благодаря этим и другим работам ученых о Тамбовской школе когнитивной лингвистики знают во всех центрах лингвистического образования России, а также за рубежом. Количество цитирований трудов основателя школы Н. Н. Болдырева в РИНЦ составляет 17575 единиц, индекс Хирша равен 66.

Коллектив ученых занимается рецензионной и редакторской деятельностью. Н. Н. Болдырев – ответственный редактор более 50 сборников научных трудов и монографий по проблемам языкознания и непосредственно когнитивной лингвистики. Является членом редколлегии ряда научных журналов ведущих вузов страны, экспертом различных фондов и организаций федерального и международного уровней.

Школа под руководством Н. Н. Болдырева поддерживает научные связи с институтами РАН, многими ведущими вузами России, ближнего и дальнего зарубежья. Ученые проводят семинары по программе повышения квалификации «Проблемы когнитивной лингвистики», предлагая авторские лекции. Научный руководитель и ведущий лектор семинара Н. Н. Болдырев прочел авторские курсы лекций в десятках вузов России и ближнего зарубежья (Казахстан, Узбекистан). Во главе со своим руководителем школа организует конференции и конгрессы по когнитивной лингвистике на базе ТГУ им. Г. Р. Державина и активно участвует в научных мероприятиях в вузах России и за ее пределами, на многих из которых Н. Н. Болдырев выступает в качестве приглашенного пленарного докладчика.

Обсуждаемые проблемы в трудах участников этой конференции свидетельствуют о том, что научные традиции Тамбовской школы получают дальнейшее углубление и развитие, а предлагаемые учеными новые концепции и методы когнитивного исследования языка говорят об упрочении и перспективности когнитивной лингвистики как научной парадигмы знания в отечественной науке.

Дорогой Николай Николаевич!

Поздравляем Вас со знаменательным юбилеем! Вы относитесь к числу ученых, которые успешно совмещают в своей профессиональной деятельности педагогический, исследовательский и наставнический таланты. Вы всегда привлекаете нас широтой своих научных интересов, глубиной знаний, стремлением к открытию новых горизонтов познания, удивительной работоспособностью и требовательностью к себе как ученому. Блестящий лектор, Учитель по призванию, известный Ученый, Вы всегда утверждаете в умах и сердцах Ваших учеников и коллег истинные человеческие и профессиональные ценности. Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, нескончаемого творческого оптимизма и новых творческих успехов во всех сферах Вашей многогранной деятельности! Счастья, тепла Вам и Вашим близким!

Редакционный совет, коллеги, ученики

VIII. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

Е. В. Алтабаева (Москва, Россия)

*Московский педагогический
государственный университет
evaltabayeva@mail.ru*

КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА ЖЕЛАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены базовые положения исследования когнитивной интерпретации концепта ЖЕЛАНИЕ в разных типах русского художественного дискурса как одного из наиболее актуальных форматов категоризации данного концепта. Основной метод исследования – метод концептуального анализа. Рассматриваются средства представления желания в концептуальном пространстве замятинского и розановского дискурсов. На основе проанализированного материала выявляются интерпретационные возможности репрезентации концепта ЖЕЛАНИЕ в произведениях В. В. Розанова и Е. И. Замятина. Делается вывод о степени участия выявленных средств в формировании индивидуально-авторской концептосферы.

Ключевые слова: когнитивная семантика, концепт ЖЕЛАНИЕ, художественный дискурс, концептуальное пространство, интерпретационный компонент концепта ЖЕЛАНИЕ.

Одним из актуальных направлений когнитивной науки остается исследование различных дискурсивных практик и механизма языковой интерпретации категориальных смыслов, реализующихся в их пределах. В число таких категориальных смыслов входит желание осуществления какого-либо действия.

Концептуализация желания происходит на основании выделения и осмысления субъектом наиболее существенных для него свойств предметов и явлений, которые помещаются в тот или иной возможный и предпочитаемый им мир и квалифицируются как объекты желания или желаемые ситуации. Благодаря концептуализации субъект оформляет свои представления о желаемом в формате ментального концепта

ЖЕЛАНИЕ, относящегося к корпусу фундаментальных концептов национального языкового сознания [Алтабаева 2021: 30–39]. Иерархически организованную систему репрезентаций желаемого в языке обеспечивают процессы категоризации. Исследования процессов категоризации желаний подтверждают постулат когнитивной науки о том, что в основе формирования языковых категорий как особого формата знания о мире находятся те или иные концепты, а «категория – это объединение объектов на основе общего концепта», и все знания человека о мире отражены в нашем сознании в виде определенной системы категорий [Болдырев 2018: 109]. Поскольку в содержании всякой категории, как известно, синтезируются два типа знания человека о действительности – знание языковое и неязыковое, для их объективации в языке предусмотрены специальные формы и способы выражения.

Так, концептуальная семантика желательности (оптативности) получает грамматическую и/или лексико-синтаксическую категоризацию в структуре оптативных предложений. Средства передачи желательности объективны, они заложены в языковой системе, тогда как выбор этих средств – прерогатива говорящего: в его распоряжении находится разветвленная система способов, предназначенных для выражения самых разных видов и оттенков желаний. При этом важно учитывать, что «во всех случаях имеются в виду не индивидуальные представления говорящего, а «типизированные представления», заключенные в значениях языковых единиц и их сочетаний» [Бондарко 1996: 13–14].

Когнитивный подход к языку, в частности, теория прототипов, позволяет представить организацию репрезентационной системы концепта ЖЕЛАНИЕ как совокупность прототипических средств и интерпретационного компонента. Если прототипическим, ядерным средством будем считать форму *инфинитив + частица бы* (по нашей версии это устоявшаяся в синтаксисе конструкция, претендующая на статус формы желательного наклонения в силу наличия инвариантной категориальной семантики желательности осуществления действия/наступления состояния и регулярности употребления, особенно в значении первого синтаксического лица), тогда к околожерной зоне поля оптативности следует отнести формы сослагательного глагольного наклонения с вариантным значением желательности, к ближней периферии – случаи предикатной желательности с лексико-синтаксической категоризацией разного рода (см. подробнее: [Алтабаева 2021: 139–153]). На дальней периферии, ближе к полю императивности, располагаются формы повелительного наклонения в оптативной функции. Наконец, особый интерес представляет интерпретационный компонент,

в который входят случаи неузуального употребления форм оптативных глаголов в составе оптативных предложений. Данная сфера репрезентации весьма характерна для художественного дискурса, поэтому важно выявить интерпретационные особенности концепта ЖЕЛАНИЕ, реализуемые в индивидуально-авторской концептосфере. Рассмотрим авторскую интерпретацию концепта ЖЕЛАНИЕ на материале дискурсов В. В. Розанова и Е. И. Замятина.

Одна из особенностей замятинского дискурса – импликация оценки ситуации как желательной для ее субъекта, т.е. невыраженность предполагаемого модально-оптативного глагола, ср.: *Забиться бы куда-нибудь...* (Е. Замятин. Уездное) – *Хочу забиться*. ... В первом случае смысловая структура денотата не расчленяется на модус и диктум, как во втором. Импликация модальной оценки (функции модального глагола *хочу* принимает на себя *бы* – грамматический показатель ирреальной модальности) усиливает выразительные возможности высказывания, делает его более экспрессивным. У Замятина употребление высказываний с эксплицированной модальной оценкой мы обнаруживаем в немногих случаях, причем преимущественно с безличной формой модального глагола, например: *Домой как-то не хотелось: решили поехать на бокс* (Е. Замятин. Островитяне); *Нынче Иван Павлыч огорчил протопопа: поговорить отвлеченно не захотел, вот приспичило ему тотчас после обеда к исправнику бежать по какой-то экстренной надобности* (Е. Замятин. Алатырь). Тяготение автора к предложениям с имплицированной желательностью можно объяснить его стремлением к компрессии фразы и за счет этого к усилению эффекта воздействия на читателя. Писатель продуктивно использует грамматические репрезентации концепта ЖЕЛАНИЕ как для номинации ситуации, так и с прагматической целью: *Хоть бы одна на смех, одна какая-нибудь дождинка* (Е. Замятин. Куны).

Так, в концептуальном пространстве замятинского дискурса желание говорящего (или другого лица) передается в разных речевых регистрах – либо в форме прямой речи персонажа: – *Деньжат бы, вот только перехватить где. У келаря разве?* (Е. Замятин. Уездное); – *А ну-ко-сь ей нету, Африки-то? Приедешь – ей нету? а то бы я приехал бы* (Е. Замятин. Африка), либо в виде несобственно-прямой речи, когда авторское повествование ведется как бы от имени самого героя: *...авось возьмут писцом, помощником бы к казначейскому зятю. Вот бы фуражку тогда с кокардой – знай наших!* (Е. Замятин. Уездное); *Марей в светлом кругу постукивает молоточком. Глаза устали. Поесть бы да опять за работу...* (Е. Замятин. Север).

Следует отметить, что в обоих речевых регистрах активно функционируют оптативные высказывания, в составе которых имеются частицы, контаминирующие с частицей *бы* (*вот бы, если (ежели) бы, как бы, лишь бы, только бы, лучше бы, хорошо бы, хоть бы* и др.). Авторское использование этих контаминаций позволяет интерпретировать оптативную ситуацию путем передачи разнообразных оттенков желательной семантики, связанных с проявлением субъективного значения модальности и лица, т. е. авторства говорящего, усилить выразительность повествования, а именно: актуализировать эмоционально-экспрессивную окраску высказывания, оценочный компонент его семантики. В произведениях Замятина обнаружено более 100 употреблений 14-ти оптативных частиц, передающих свыше 20-ти модальных оттенков желательности.

В лирико-философской прозе В. В. Розанова представлен достаточно широкий спектр узуальных средств репрезентации концептуальной семантики желания, как ядерных, так и периферийных: *«Вот бы тебе подцепить дружка, как эта кокотка, вот бы тебе устроиться к кому-нибудь»*; *Он хотел выставить «пошлость пошлого человека»* (В. Розанов. Опавшие листья. Короб первый). Выделяется следующая особенность: в осмысление и описание состояния желания оказывается включенным носитель этого состояния, его субъект, во-первых, и акт осознания данного состояния самим субъектом, во-вторых, что оказывает непосредственное влияние на категоризацию желания в дискурсе Розанова, проявляющуюся в окказиональной интерпретации репрезентантов исследуемого концепта в границах предикатной, лексико-синтаксически вербализованной желательности. Рассмотрим соответствующие примеры из розановского дискурса.

1. Интерпретация личной формы глагола *хотеть* как существительного: *Во всяком органе мы должны различать аппетит и дар. Его «хочу» и его «могу».* *Это о теле и о государстве* (Мимолетное). Здесь личная форма оптативного глагола 1-го лица единственного числа употребляется в предметном значении, т. е. субстантивируется в условиях дискурса и тем самым и приобретает грамматические признаки имени существительного (средний род, единственное или множественное число), его синтагматику (сочетается с признаковыми словами: *хорошее, всякое, дерзкое, разбойное, железное, великое, народное, мировое, ваше, его, мое, это* и др.) и синтаксические функции. Розановское *«хочу»* (*«не хочу»*) в его дискурсе приобретает субстанциональное значение, выполняет разнообразные функции существительного, окказиональность которых подчеркивается авторскими кавычками: *Но это ваше «хочу» скверно*

(функция субъекта), *Нигилисты принесли «волюшку», разгул и «хочу»* (функция объекта) и другие.

2. Интерпретация безличного глагола (*не*) *хочется* как существительного: *Блаженно, если «хочется» сливается с «необходимо»...* (В. Розанов. Сахарна); *Но «хочется» и «не хочется» всегда властнее «знаю» и «не знаю»* (В. Розанов. Террор). Безличная форма оптативного глагола у Розанова также подвергается окказиональной субстантивации, получая статус самостоятельного субъекта человеческого сознания, живущего в авторской концептосфере особой жизнью, однако в силу своей грамматической специфики не демонстрирует такой синтагматического разнообразия, как форма 1-го лица *хочу*.

В. В. Колесов подчеркивал, что у В. В. Розанова «идея понимается и как противоположная вещи («природе»), и как совмещенная с нею (в сознании)» и что все его творчество стало «раскрытием русских ментальных концептов, которые он находил у “простого народа”» [Колесов 2007: 211]. Но если в замятинском дискурсе мысль о состоянии желания вербализуется средствами, совмещающимися с «природой» русского желания, с приоритетом грамматических репрезентаций, то в дискурсе розановском отчетливо прослеживается тенденция противоречия грамматической предназначенности глагола желания его контекстному употреблению. Подводя итоги, следует заключить, что в дискурсе произведений Е. И. Замятина и В. В. Розанова находят свое отражение такие архетипические свойства славянского этнокультурного сознания, которые определяют особенности не только концептуализации и категоризации, но и интерпретации состояния желания субъекта. Результаты проведенного исследования дают возможность сделать вывод о степени участия интерпретационного компонента репрезентативной системы концепта ЖЕЛАНИЕ в формировании индивидуально-авторской концептосферы В. В. Розанова и Е. И. Замятина.

Литература

- Алтабаева Е. В. Оптативность в русском языке: комплексное описание. М.: Изд-во МПГУ, 2021.
- Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Категориальная система языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.
- Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Колесов В. В. Реализм и номинализм в русской философии языка. СПб.: Logos, 2007.

E. V. Altabaeva (Moscow, Russia)
Moscow State Pedagogical University

COGNITIVE INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF DESIRE IN ARTISTIC DISCOURSE

The article presents the basic provisions of the study of the cognitive interpretation of the concept DESIRE in different types of Russian artistic discourse as one of the most relevant formats for categorizing this concept. The main research method is the method of conceptual analysis. The means of representing desire in the conceptual space of Zamyatin's and Rozanov's discourses are considered. Based on the analyzed material, the interpretative possibilities of representing the concept DESIRE in the works of V. V. Rozanov and E. I. Zamyatin are revealed. A conclusion is made about the degree of participation of the identified means in the formation of the individual-author's conceptual sphere.

Key words: cognitive semantics, concept of DESIRE, artistic discourse, conceptual space, interpretative component of the concept of DESIRE.

В. Е. Анисимов (Москва, Россия)
*Московский государственный
институт международных отношений
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
anisimov.vladislav.95@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КИНОПОСТЕРА КАК ПОЛИКОДОВОЙ ЕДИНИЦЫ КИНОДИСКУРСА (на материале французского языка)

В статье рассматриваются когнитивные особенности восприятия кинопостера и его отдельных элементов современной молодежной аудиторией. Исследование, проведенное на основе анализа анкетирования, позволило выявить элементы кинопостера с наиболее высоким аттрактивным, информационным и прагматическим потенциалом.

Ключевые слова: кинодискурс, кинопостер, аттрактивный, информационный и прагматический потенциал.

Когнитивно-дискурсивная парадигма, предполагающая рассмотрение каждого языкового явления «на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова 2004, 16], позволяет обратиться к исследованию прагматики дискурса с позиции его восприятия участниками общения в условиях пря-

мой и непрямой коммуникации. Анализ прагматически-ориентированных элементов в рамках дискурсов креативного формата, таких как кинодискурс, способствует выявлению когнитивных особенностей восприятия единиц данных дискурсов, направленных на прямое или косвенное взаимодействие с реципиентом и побуждение последнего к определенным действиям, предусмотренным прагматикой данного дискурса.

В фокусе данного исследования находится анализ когнитивных особенностей восприятия зрителем кинопостера и его основных элементов, основанный на результатах проведенного нами анкетирования. В анкетировании приняли участие 125 человек в возрасте 17–30 лет, имеющие или получающие высшее образование и владеющих французским языком на уровне B1-C1 общеевропейских компетенций владения иностранным языком (англ. Common European Framework of Reference, CEFR). Выбор целевой группы обусловлен необходимостью определения восприятия современной молодежной аудиторией элементов кинопостера французского кинофильма. В качестве основных задач исследования нами были поставлены выявление респондентами наиболее привлекательных, информативных и прагматических элементов как иконической, так и графической части кинопостера.

Кинопостер (или киноафиша) представляет собой коммуникативную поликодовую функционально-прагматическую единицу кинотекста информационно-рекламного содержания, которая взаимодействует с потенциальным зрителем на предпросмотровом этапе и служит для привлечения к просмотру кинофильма наибольшего числа представителей целевой аудитории [Анисимов 2024]. Структурно рассматриваемый элемент кинодискурса состоит из графической (кинозаголовок, слоган, имена создателей кинофильма и актеров, упоминание о наградах кинофильма на фестивалях, название компании-прокатчика) и иконической (кадр из кинофильма, рисунок или коллаж, как правило, с изображением персонажей произведения) составляющих. Во времена зарождения кинематографа кинопостеру отводилась особая роль по взаимодействию со зрителем, что напрямую сказывалось на репутации кинофильма в прокате и его кассовых сборах [Гафарова 2018].

Для проведения опроса нами были отобраны 5 постеров современных французских кинофильмов периода 2017–2023 гг. (рис. 1): *Sous le même toit* (2017), *Antoinette dans les Cévennes* (2020), *Les complices* (2023), *38°5 quai des orfèvres* (2023), *Les Petites Victoires* (2023). Их особенностью является наличие большого количества элементов графической и иконической составляющих. К графической составляющей данных кинопостеров относятся кинозаголовок, слоган, имена режиссеров и их команды, имена актеров, исполняющих главные роли; информация о премиях, полученных кинофиль-

Рис. 1. Кинопостеры, предложенные респондентам в рамках анкетирования

мами на кинофестивалях. В постере кинофильма *Sous le même toit* также содержится дополнительная графическая информация, характеризующая основных героев кинопроизведения. Иконическая составляющая кинопостеров представлена фигурами основных персонажей фильма.

В ходе анкетирования респондентам было предложено последовательно ответить на 7 вопросов: вопросы 1–2 носили градационный характер, 3–7 – закрытый характер с выбором ответа. Кратко обозначим и прокомментируем результаты проведенного исследования. Элементами кинопостеров, на которые респонденты обратили внимание в первую очередь, оказались кинозаголовки (29,1%), имя режиссера кинофильма (21,2%), фигуры персонажей кинофильма (19,4%), слоган кинофильма (14,9%). Последними из элементов предложенных кинопостеров были найдены имена актеров, исполнивших

главные роли (9,7%), и информация о полученных фильмами премиях в рамках кинофестивалей (5,7%). Говоря об особенностях восприятия элементов кинопостера, отметим, что большинство респондентов вначале обратило внимание на текстовую (графическую) составляющую объекта – кинозаголовок, имя режиссера – и лишь затем на иконическую составляющую, на которой изображены главные герои произведения. Кроме того, при наличии дополнительной графической информации на кинопостере, как в случае с кинофильмом *Sous le même toit*, ее восприятие также являлось достаточно частотным (10,9%).

Среди критериев, оказавших наибольшее аттрактивное воздействие на восприятие элементов кинопостера, респонденты указали яркий цвет (35%), удачное расположение элемента на кинопостере (31%) и размер шрифта (24%). Наименее существенным критерием с точки зрения аттрактивности элемента было признано расположение элемента кинопостера относительно изображения, т.е. иконической составляющей (10%). Подводя общий итог аттрактивному воздействию кинопостера на реципиента, предположим, что первостепенное обращение реципиентов к текстовому (графическому) элементу кинопостера (кинозаголовку) связано с его ярким цветом, расположением строго по центру постера и крупным шрифтом, т.е. факторами, которые, по мнению самих участников опроса, существенно усиливают аттрактивный потенциал элементов киноафиши. В свою очередь, расположенные в правом и левом верхних углах постера эмблемы и информация о полученных кинофильмом премиях, ввиду не крупного шрифта, не всегда выгодного расположения на функционально-прагматической единице кинотекста и неяркого цвета, не способствуют быстрой находке данной информации на кинопостере.

Согласно мнению респондентов, наиболее информативными элементами постера, представляющими информацию о сюжете кинофильма, являются его название (37,5%) и слоган (18%). Подчеркнем, что, как и при анализе аттрактивного потенциала кинопостера, в случае с его информативной нагрузкой на первый план также выходит графическая составляющая кинопостера, более полно предоставляющая потенциальному зрителю завязку сюжета афиши и сведения о персонажах киноистории.

При рассмотрении кинопостера как элемента рекламной кампании фильма нельзя оставить за рамками исследования прагматическую составляющую его элементов. На наш взгляд, более высоким прагматическим потенциалом будут обладать наиболее аттрактивные и информативные элементы кинопостера, поскольку они способны привлечь внимание потенциального зрителя к самой афише, сообщить ему завязку сюжета, кратко охарактеризовать персонажей киноистории и, соответственно, побудить его к просмотру

кинофильма. Следовательно, наиболее прагматически-ориентированными элементами кинопостера будут являться кинозаголовок, имя режиссера кинофильма, слоган и изображение героев киноистории. Их прагматический потенциал, в свою очередь, зависит от удачного сочетания хромографемики (в первую очередь цвета элемента) и супраграфемики (размер используемого шрифта), а также расположения элемента на кинопостере.

Проведенное исследование, включавшее в себя анкетирование современной молодежной аудитории и последующий анализ полученных результатов, позволило выявить элементы кинопостера с наиболее высоким аттрактивным, информативным и прагматическим потенциалом. Основное внимание адресатов при обращении к постеру кинофильма сосредоточено на его графических элементах, которые обладают большей привлекательностью и информативностью для потенциального зрителя. Аттрактивная и информативная стороны элементов кинодискурса обуславливают их прагматический потенциал, связанный с рекламной функцией кинопостера и заключающийся в привлечении к просмотру конкретного кинофильма как можно большей зрительской аудитории.

Литература

Анисимов В. Е. Структурно-прагматические особенности постера кинофильма (на материале французского кинодискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 1. С. 184–192.

Гафарова С. Р. Что стало с киноплакатом // Бизнес и дизайн ревю. 2018. № 4 (12). С. 9.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.

*V. E. Anisimov (Moscow, Russia)
MGIMO University*

PERCEPTION OF THE FILM POSTER AS A FILM DISCOURSE POLYCODE ELEMENT (based on the material of the French language)

The article examines the cognitive features of the perception of a film poster and its individual elements by a modern youth audience. The study, conducted on the basis of a questionnaire analysis, allowed us to identify the elements of a film poster with the highest attractive, informational and pragmatic potential.

Key words: film discourse, film poster, attractive, informational and pragmatic potential.

Е. Д. Анисимова (Москва, Россия)
*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
kate.dk01@gmail.com*

В. Е. Анисимов (Москва, Россия)
*Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
anisimov.vladislav.95@mail.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИЦИНСКОГО СЕРИАЛА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Исследование посвящено изучению лингвокогнитивных аспектов восприятия социальной рекламы в семиотическом пространстве сериала. Представление реальных элементов социальной рекламы в сериальном и – шире – кинодискурсе позволяет приблизить повествование к реальности, а также проиллюстрировать социальные проблемы, являющиеся сюжетом непосредственно рекламного объекта.

Ключевые слова: социальная реклама, кинодискурс, сериал, медицинский сериал, восприятие, лингвокогнитивный анализ.

Современные интегративные исследования дискурса подразумевают всестороннее изучение различных форм и особенностей репрезентации его элементов с применением различных подходов, среди которых: лингвистический, семиотический, прагматический, когнитивный и т. д. Так, одним из актуальных направлений дискурсивных исследований становится когнитивно-дискурсивная парадигма, рассматривающая подобные явления с позиции когниции и коммуникации [Кубрякова 2004]. Реализация такого подхода позволяет изучать прагматический потенциал отдельных элементов дискурса как элементов не прямой коммуникации автора с реципиентом.

Кинодискурс является одним из наиболее популярных массовых видов дискурса. В широком смысле, кинодискурс представляет собой гипероним по отношению к сериальному и мультипликационному дискурсам [Анисимов 2024], объединяя все виды аудиовизуальных текстов, структурно и функционально соответствующих понятию «фильм» (совокупность кадров, образующих динамическое целое, обладающее сюжетом и направленно созданное автором для отражения его идей в реальном мире).

Одним из свойств современного кинодискурса является его способность включать в свой состав единицы иных дискурсов, гармонично вписывая их в сюжетное и семиотическое пространства. И. В. Зыкова отмечает, что включение элементов иных дискурсов представляет собой инструмент лингвокреативности. По мнению исследователя, элементы других дискурсов, например, поэтического или художественного могут играть различную роль во взаимодействии с кинодискурсом: так, роман или поэтическое произведение могут служить основой для сценария кинофильма и содержать с ним общие элементы, интертекстуальные отсылки к общим элементам (если произведение одного дискурса играет роль претекста для другого) или иным элементам культуры [Зыкова 2024].

В свою очередь, мы рассматриваем элементы иных дискурсов, репрезентируемые в кинопроизведениях и играющие в них значимую прагматическую роль как полидискурсивные единицы, т.е. «синтетические единицы, имеющие форму репрезентации текста дискурса, в семиотическом пространстве которого осуществляется их функционирование, тогда как прецедентное содержание данных единиц связано с другим дискурсом» [Анисимов 2024: 42]. Подобными полидискурсивными единицами могут становиться элементы песенного дискурса, обзоры на кинопроизведения, рекламные элементы, например, интегрированные в кинофильм в формате product placement и т.д. Одним из видов полидискурсивных единиц могут становиться объекты социальной рекламы как особого вида некоммерческой рекламы, направленной на осведомление потенциальных реципиентов о социальных проблемах общества (глобальных или локальных) и обладающей лингвокультурной спецификой репрезентации в связи с актуализацией различных социальных компонентов [Анисимова 2023].

Примером интеграции социальной рекламы в пространства иных дискурсов становится включение ее элементов в семиотическое пространство кинофильма. Подобный тип интеграции объединяет традиционный и современных способы репрезентации объектов социальной рекламы за счёт демонстрации плакатов социальной рекламы, размещенных в специализированных учреждениях посредством кинопродукции. За счёт репрезентации подобных элементов у потенциального зрителя возникает эффект приближения киноповествования к реальности, а также создается дополнительный элемент прагматического воздействия на реципиента за счёт фигурирования акцентного объекта в фокусе внимания зрителя.

В данном исследовании были проанализированы лингвокогнитивные особенности репрезентации объектов социальной рекламы в ряде медицинских сериалов российского (Скорая помощь, Склифосовский, Капельник), американского (Emergence NYC, The Resident, New Amsterdam, ChicagoMed,

House M.D., The PITT, The Good Doctor) и британского (Call the Midwife, This is going to hurt) производства.

Рассматривая особенности репрезентации объектов социальной рекламы, можно отметить, что с точки зрения оказываемого прагматического воздействия их можно разделить на две большие группы: декоративные (не выполняющие прагматическую функцию) и сюжетные (играющие значительную роль для сюжета кинофильма). При этом стоит отметить, что в отличие от многих других типов рекламы, объекты социальной рекламы часто являются сюжетными компонентами, за счёт которых коллективный автор кинотекста и дополнительно фокусирует внимание зрителя на развивающемся на экране действии, а не на рекламируемом продукте.

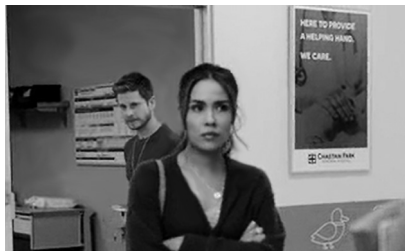

Рис. 1. Пример использования постера социальной рекламы в качестве вспомогательного сюжетного элемента

Так, в примере на рис. 1 представлен объект социальной рекламы следующего текстового содержания: *Here to provide a helping hand. We care (данные организации) / Мы здесь, чтобы протянуть руку помощи. Мы заботимся о вас (данные организации).* При этом сюжетное действие 13 серии 2 сезона сериала *The Resident* основывается на организации льготной медицинской помощи для людей, не имеющих медицинской страховки. Появляющаяся в кадре социальная реклама с активным текстовым ком-

понентом позволяет напомнить потенциальному зрителю основную идею эпизода, а также затронуть актуальную для современного американского общества проблему в области здравоохранения. Помимо этого, действия врачей в совокупности с рекламным лозунгом позволяют сформировать у потенциального зрителя положительный образ медицинского работника, стремящегося помогать людям. Такое применение социальной рекламы также направлено на разрушение стереотипа о врачах, как людях, стремящихся к заработку денег, бытующему в сознании современного жителя США [Carpenter 2009].

Другим примером может стать объект социальной рекламы, фигурирующий в 3 серии 9 сезона российского сериала *Склифосовский*. За спиной персонажа Олега Брагина (актер Максим Аверин) висит плакат с текстом *Спасем. Сохраним*, сопровождающийся иконическим изображением человеческого сердца в ладонях хирурга, озаренных светом. Посредством интертекстуальной отсылки к молитвенной формуле «спаси и сохрани», характерной

для русского православия [Адрианов 2021], в сочетании с медицинским компонентом (руки хирурга, реалистичное изображение человеческого сердца), а также использованием глагольных форм в повелительном наклонении 1 лица множественного числа создается эффект доверительного отношения к врачам, обещающим помощь. Данный объект социальной рекламы также поддерживает сюжетное действие: главный герой, врач-хирург, сообщает родственникам удачные итоги экстренной операции по пересадке сердца пациенту. Когнитивное воздействие на реципиента при этом направлено на создание образа врача-спасителя, формирование образа безусловного доверия медицинскому специалисту, руками которого руководит Бог.

Аналогичные примеры можно увидеть в иных рассмотренных нами сериалах вне зависимости от страны производства. При этом следует отметить, что если американские и британские сериалы в основном направлены на демонстрацию проблемы платной медицины и необходимости развития программ обязательной медицинской помощи, то в российских сериалах объекты социальной рекламы направлены на формирование доверия к медицинским работникам и информирование потенциального реципиента о возможностях современной медицинской системы в России.

Таким образом, можно говорить о том, что включение объектов социальной рекламы в пространство медицинского сериала обусловлено комплексным ментальным воздействием таких элементов на потенциального зрителя и направлено на формирование определенного (чаще – положительного) образа профессионального работника, разрушение негативных стереотипов и продвижение социальных инициатив, актуальных для данного общества. Применение объектов социальной рекламы в качестве полидискурсивных элементов семиотического пространства позволяет коллективному автору кинофильма решить ряд когнитивно-прагматических задач по воздействию на реципиента и сфокусировать его внимание на ключевых актуальных проблемах, затрагиваемых в кинопроизведении.

Литература

Адрианов Г. «Спаси и сохрани». Опыт исследования о происхождении молитвенной формулы на нательном кресте // Ипатьевский вестник. 2021. № (4). С. 135–140. doi: 10.24412/2309–5164–2021–4–135–140.

Анисимов В. Е. Внешняя иерархия французского кинодискурса // Дискурс профессиональной коммуникации. 2024. Т. 6, № 4. С. 34–64. DOI 10.24833/2687–0126–2024–6–4–34–64.

Анисимова Е. Д. Феноменология социальной рекламы во французском и русском рекламном дискурсе // Язык и коммуникация в контексте культуры: материалы

международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 12 апреля 2023 года. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. С. 66–71.

Зыкова И. В. Специфика полимодальной репрезентации поэтического текста в кинодискурсе: лингвокогнитивный подход // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–1(58). С. 51–56.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.

Carpenter J. Doctors and Nurses: Stereotypes and Stereotype Change in Interprofessional Education // Journal of Interprofessional Care. 2009. 9. 151–161. 10.3109/13561829509047849.

E. D. Anisimova (*Moscow, Russia*)
RANEPA

V. E. Anisimov (*Moscow, Russia*)
MGIMO University

REPRESENTATION OF SOCIAL ADVERTISING IN THE SPACE OF MEDICAL SERIES: LINGUOCOGNITIVE ANALYSIS

The paper is devoted to the study of linguocognitive aspects of the social advertising perception in the semiotic space of the TV series. Representation of social advertising real elements in a serial and – wider – film discourse allows to bring the ongoing plot action closer to reality, as well as to illustrate social problems that are the plot of the advertising object itself.

Key words: social advertising, film discourse, series, medical series, perception, linguocognitive analysis.

A. R. Arakelova, E. V. Demidova (*Pyatigorsk, Russia*)
Pyatigorsk State University
amaliia.arakelova@gmail.com, eva.demidova.85@list.ru

CANCEL CULTURE DISCOURSE AND NEW COGNITIVE MODELS: METAPHORICAL FRAMING

The article examines how cancel culture discourse shapes cognitive models of social behavior through metaphors. Having analyzed a corpus of 40 newspaper articles on cancel culture, we have identified and categorized the dominant conceptual metaphors which permeate and shape digital spaces. Our findings indicate that cancel

culture discourse is framed predominantly through legal, warfare, and disease metaphors, which contribute to a changing understanding of public shaming and moral judgment in contemporary society.

Key words: cancel culture discourse, critical discourse analysis, metaphors, conceptual metaphors.

Introduction

Cancel culture as a linguistic and social phenomenon offers a plethora of research directions, and is of particular interest due to a number of factors. Firstly, the way cancel culture shapes public discourse has proven it to be a major force of political and social control. Having originated as a movement for equality and social justice, cancel culture today is a complex mechanism that may lead to punishment, ostracism, accountability, and even radical social persecution depending on what the social media users decide.

Secondly, the language that helps shape cancel culture is now a phenomenon in its own right: researchers study the features of communication of the discourse participants, look into the ways language represents social groups within cancel culture, analyze new terms and language patterns typical of cancel culture discourse, etc.

In this paper, we aim to explore a different aspect of cancel culture, namely its potential for framing cognitive and language models through metaphors. Conceptual metaphors act as an indicator of how we view, process and categorize the world around us, including moral and social judgement. The study of their language representation is therefore instrumental in understanding and tracking changes in linguistic, cultural and behavioral patterns of discourse participants.

Theoretical Framework: Conceptual Metaphors and Discourse Analysis

According to Conceptual Metaphor Theory (CMT) [Lakoff & Johnson 1980], the theoretical framework of which lies in the basis of this research metaphor is not merely a stylistic and rhetorical device but rather an integral part of how we think and study the world. The cognition of abstract concepts by means of applying or mapping them onto concrete experiences is also a way of structuring and restructuring reality [Lakoff & Johnson 1980].

As Kövecses (2017) points out, Lakoff and Johnson's theory suggests that metaphors extend far beyond decorative function and permeate the most

neutral, and hence, most non-deliberately used forms of language [Kövecses 2017]. This means that language users and language creators could and do exploit this device to create certain meanings and images for better interpretation or to achieve a certain effect.

In Charteris-Black's work "Metaphor Theory in Political Discourse Analysis" (2011) CMT is applied to understanding political language. According to the author metaphors in political discourse serve to frame political arguments and influence public opinion, they can uncover ideologies and pinpoint strategies used by politicians [Charteris-Black 2011]. This focus on language extends to the broader debate on political correctness and cancel culture, where speech regulation often produces paradoxical effects – seeking noble goals but sometimes achieving the opposite [Neuwirth 2023].

The analysis of existing academic work on cancel culture has shown that discourse studies on the topic examine the connection of linguistic, extra-linguistic and pragmatic characteristics of cancel culture discourse in relation to social change, self-censorship, political correctness and justice both online and offline [Hasan et al 2024; Ng 2022; Astafurova, Palashevskaya 2024; Semenova 2023; Bouvier 2021]. Yet, none of the conducted research has looked into how metaphor helps to shape cancel culture discourse and which meanings conveyed through metaphors permeate this type of discourse. We aim to shed light onto this issue and explain our findings within this article.

Results and Discussion

In order to analyze the discourse of cancel culture, we have gathered a corpus of 40 newspaper articles which meet selection criteria: publication dates (2019–2023), ideological diversity (the newspapers express both left and right-wing views), publication source (well-established newspapers with large turnover, e.g. *The New York Times*, *The Washington Post*).

Since the discourse of cancel culture reflects power dynamics between social and political institutions, existing ideologies, and latest social moods and trends, construing reality and influencing public opinion has become an integral part of it. Employing the idea of source and target domains we have discovered that cancel culture makes use of metaphors to realize certain complex ideas through familiar concepts and shape the narrative in a certain way.

As modern cognitive research recognizes that cognition and conceptualization are culturally shaped, influenced by geography, culture, and society [Boldyrev, Fedyeva 2023], we, too, have studied metaphors

Legal Metaphors (42%)	War Metaphors (32%)	Disease Metaphors (26%)
• <i>Court of public opinion</i> • <i>Tried in the court of social media</i> • <i>Verdict on their character</i> • <i>Sentenced to obscurity</i> • <i>Exonerated by the public</i> • <i>Paying the price for their actions</i> • <i>Facing judgment</i> • <i>Convicted in the eyes of society</i> • <i>Due process is being squashed by public opinion</i> • <i>A cultural inquisition</i> • <i>Trial by Twitter</i> • <i>A digital witch hunt</i> • <i>Cancel culture as an executioner</i>	• <i>Culture war</i> • <i>Fighting back against cancel culture</i> • <i>Ideological battlefield</i> • <i>The woke mobs are coming</i> • <i>Weaponized outrage</i> • <i>A political attack</i> • <i>Collateral damage in the cancel wars</i> • <i>Silencing dissent as a strategic assault</i> • <i>Mobilizing against ideological enemies</i> • <i>A siege on free speech</i>	• <i>Social virus</i> • <i>Spreading toxicity</i> • <i>Infected by outrage culture</i> • <i>Cancel culture is contagious</i> • <i>A plague on discourse</i> • <i>Moral panic as a pandemic</i> • <i>Purging harmful elements from society</i> • <i>Cancel culture was a diagnosis</i>

Table 1. Metaphor categories within cancel culture discourse

within broad linguistic and extra-linguistic context. Ultimately, we have identified three dominant categories that reflect the frames that are shaped by cancel culture discourse: **legal metaphors**, **war metaphors**, **disease metaphors** (Table 1).

The dominance of legal, war, and disease metaphors in cancel culture discourse as presented by print mass media is indicative of new and purposely shaped cognitive models disseminated through the language. Metaphorical framing is aimed to reinforce the idea of cancel culture as an alternative justice system – hence, legal metaphors; war metaphors escalate ideological divisions and prime the addressee for the state of conflict, while disease metaphors amplify fears of cancel culture’s uncontrollable spread and unpleasant repercussions.

Let us consider legal metaphors and their implications in more detail. Legal metaphors are the most commonly used type of metaphors within the analyzed newspaper articles. They frame cancel culture as an informal and unpredictable justice system where individuals, entities and whole institutions are subjected to public trials, judgments, and punishments outside of traditional legal frameworks:

Some people became nervous about how social media had changed power dynamics in the court of public opinion [McGrady 2021].

This text fragment illustrates how cancel culture aligns with the notions of due process, guilt, sentencing, and exoneration. By framing cancel culture as *the court of public opinion* text authors intensify public fears that accusations may lead to social exile and reputational damage. Such kind of metaphors reinforce the perception of cancel culture as a socially punitive rather than corrective phenomenon.

In our opinion, all of the identified cognitive models contribute to polarized attitudes, making it difficult to engage in deep and fruitful discussions about accountability, free speech, and social justice. Revealing and interpreting these metaphors allows for a more critical approach to the study of cancel culture, offering insights into how language shapes social cognition and public discourse.

Conclusion

Considering abovementioned, we believe conceptual metaphors to be important in interpreting (hidden) meanings that cancel culture discourse revolves around and disseminates in the society. Cancel culture relies heavily on the “language culture” within it: the way people phrase certain ideas and concepts is critical for the creation of certain meanings, and in this sense, metaphors are used as a useful tool. Legal metaphors which frame cancel culture as a form of punishment outside of the judicial system, war metaphors which present it as a war-like ideological confrontation and disease metaphors which depict cancel culture as being contagious/viral and fast-spreading contribute to the debate around cancel culture influencing how it is seen and spoken about.

References

Astafurova T., Palashevskaya I. Discourse of Cancel Culture in Anglo-Saxon Academia // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Jazykoznanije*. 2024. # 23. S. 70–83. 10.15688/jvolsu2.2024.4.6.

Boldyrev N. N., Fedyaeva E. V. Cognitive Research Methods in Linguistics: Conceptual-Inferential Analysis // *RUDN Journal of Language Studies. Semiotics and Semantics*. 2023. # 14(3), P. 686–703. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703>

Bouvier G., Machin D. What gets lost in Twitter ‘cancel culture’ hashtags? Calling out racists reveals some limitations of social justice campaigns // *Discourse & Society*. 2021. # 32. P. 307–327. 10.1177/0957926520977215.

Charteris-Black J. Metaphor in Political Discourse // *Politicians and Rhetoric*. London: Palgrave Macmillan, 2011. P. 28–51. DOI: 10.1057/9780230319899_2.

Kövecses Z. Conceptual metaphor theory // The Routledge Handbook of Metaphor and Language / edited by Semino, Elena, and Zsófia Demjén. Routledge, 2017. P. 13–27.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: Univ. of Chicago press, 2008.

McGrady C. The strange journey of ‘cancel,’ from a Black-culture punchline to a White-grievance watchword. URL: https://www.washingtonpost.com/lifestyle/cancel-culture-background-black-culture-white-grievance/2021/04/01/2e42e4fe-8b24-11eb-aff6-4f720ca2d479_story.html

Neuwirth R.J. Equality in view of political correctness, cancel culture and other oxymora // International Journal of Legal Discourse. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 1–29. URL: <https://doi.org/10.1515/ijld-2023-2003>

Ng E. Cancel culture: a critical analysis. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2022.

Rahman S.M.M. Sociolinguistic implications of ‘cancel culture’: the prose of language, power and social dynamics in digital spaces // British Journal of Arts and Humanities. 2024. # 6. URL: <https://www.universepg.com/bjah/sociolinguistic-implications> 10.34104/bjah.02403170324.

Semenova O.F. Cancel culture – the speech behavior of modern society // Review of Business and Economics Studies. 2023. # 11(1). P. 13–18. DOI: 10.26794/2308-944X-2023-11-1-13-18

А. Р. Аракелова, Е. В. Демидова

(Пятигорск, Россия)

Пятигорский государственный университет

ДИСКУРС CANCEL CULTURE И НОВЫЕ КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ: МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ФРЕЙМ

В статье рассматривается как дискурс культуры отмены формирует когнитивные модели социального поведения посредством метафор. Проанализировав корпус из 40 газетных статей о культуре отмены, мы выявили и классифицировали доминирующие концептуальные метафоры, которые пронизывают и формируют цифровые пространства. Наши результаты показывают, что дискурс культуры отмены формируется преимущественно через юридические, военные метафоры и метафоры болезни, которые способствуют изменению понимания публичного позора и морального суждения в современном обществе.

Ключевые слова: дискурс культуры отмены, критический анализ дискурса, метафоры, концептуальные метафоры.

Р. И. Бабаева (Иваново, Россия)
Ивановский государственный университет
nitdaf@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ
МЕНТАЛЬНОЙ ГРАНИЦЫ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»
КАК ПЕРСУАЗИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЛАКАТОВ НЕМЕЦКОЙ ПАРТИИ ХДС)**

Статья посвящена персуазивным средствам, которые используются на немецкоязычных предвыборных плакатах немецкой партии ХДС для формирования ментальной границы «свой-чужой». Конструирование образа «своих» осуществляется словами с семантикой общности, номинациями страны/региона, а объединение на основе неприятия «чужих» создается указанием имени конкретного человека, конкретного места, партии-конкурента.

Ключевые слова: политический дискурс, предвыборный плакат, ментальная граница, речевая стратегия, оценочность, немецкий язык.

Как известно, политические и географические границы, разделяющие людей, время от времени могут меняться, что закрепляется в соответствующих документах, но границы, сформированные и закреплённые в сознании человека, могут существовать ещё долгое время, так как в их основе лежит ментальное разделение на «своих» и «чужих». Данная оппозиция является универсальной, она пронизывает разнообразные уровни и сферы деятельности человека, что делает её интересным объектом изучения многих научных направлений. Дихотомия «свой-чужой» описывается в различных научных парадигмах и для её обозначения используются разнообразные термины, например, концепт [Пичкур 2013], мыслительная операция членения универсума на «свое» и «чужое» [Лаптева 2013], семантическая оппозиция [Кишина 2011], концептуальная триада «свой – чужой – иной» [Кислякова, Соломина 2011], категория «свой-чужой» [Маралов, Маралова 2021].

В основе дифференциации «своего» и «чужого» лежит идентификация своего отношения по определённым признакам, если «идентификация даёт положительные результаты, то человек воспринимается как свой, отрицательные – как чужой. В то же время отмечается, что «свое» не существует и невозможно без «чужого». «Свое» очерчено границами, отделяющими его от «чужого» и являющимися границами «своего» в восприятии обеих сторон. «Чужое» – обязательное и необходимое условие «своего» [Каган

2011: 42; Маралов, Маралова 2021: 88]. Разграничение на «своих» и «чужих» происходит под влиянием различных факторов и может быть управляемым ментальным процессом, что особенно зримо проявляется в рамках политического коммуникации, где на основе управляемого формирования данной ментальной границы реализуется идеолого-манипулятивный потенциал политического дискурса [Кишина 2011].

Ярким примером процесса привлечения людей в ряды «своих» являются предвыборные кампании, когда каждая партия за короткий период времени стремится убедить рядового гражданина в том, что именно он для нее – «свой», что она о нем заботится. Формирование соответствующей ментальной границы в сознании человека, когда он начинает идентифицировать себя как сторонника данной партии, является основной целью агитационной деятельности перед выборами.

В рамках данной статьи представлены результаты исследования, целью которого было выявление вербальных средств, формирующих у реципиента восприятия партии или кандидата как «своих», а его конкурентов – как «чужих». Материалом анализа послужили предвыборные плакаты разных лет немецкой партии ХДС, которой удается на протяжении многих лет занимать лидирующие позиции на выборах в Бундестаг, в том числе и на выборах в январе 2025 года [Weltanschauung 2025]. Выбор предвыборных плакатов в качестве объекта научного рассмотрения объясняется значимостью и длительностью существования данного жанра в рамках политического дискурса (подробно см.: [Бабаева 2014; 2018]). Внедрение интернет-ресурсов, социальных сетей и многочисленных мессенджеров в политическую конкурентную борьбу не смогло вытеснить традиционные плакаты с арены предвыборных баталий. Плакаты представляют собой креолизованные тексты, где различные семиотические коды, переплетаясь, дополняя и усиливая друг друга, нацелены на достижение единого персуазивного эффекта.

Для формирования образа «своего» в рекламных текстах используются прежде всего вербальные средства, которые могут поддерживаться визуальными образами, выступающими в определенной мере эмоциональными триггерами. В ряды «своих» реципиенты привлекаются употреблением местоимений *wir*, *unser*, *alle*, которые, с одной стороны, являются номинациями адресанта, но, с другой стороны, они и не исключают общности с реципиентом. Например, на плакате с текстом „*In Frieden für Alle das tägliche Brot. CDU*” (1953) визуальной поддержкой является образ улыбающейся девушки в косынке, выглядывающей из-за стога сена, которая олицетворяет простых людей. Местоимение и привлекательный образ должны у потенциальных избирателей пробудить стремление почувствовать себя частью этого сообщества.

Похожий эффект могут вызвать и местоимения на плакатах с вербальными компонентами: *“Unsere Sicherheit CDU”* (1965); *“Wir bauen den Fortschritt auf Stabilität CDU”* (1972); *“Wir haben die Kraft. CDU”* (2009). Включение реципиента в «свои» может быть достигнуто и употреблением лексических единиц с семантикой общности: *gemeinsam, miteinander*. Например, *„Bundeskanzler Helmut Kohl. Dieser Kanzler schafft Vertrauen. Arbeit, Frieden, Zukunft Miteinander schaffen wir's CDU sicher sozial und frei“* (1983); *„Gemeinsam erfolgreich. CDU“* (2017); *“Gemeinsam für ein modernes Deutschland CDU”* (2021). Наиболее распространенным средством включения реципиента в ряды сторонников партии является использование номинации Германии, которая может олицетворять общую территорию, общую любовь, общую культуру. Например, следующий текст на плакате подчеркивает общую для рекламируемой партии и реципиента территорию: *“Helmut Kohl Kanzler für Deutschland. CDU sicher sozial und frei“* (1976); *„Entscheidung für Deutschland CDU für Zukunft“* (1987); *„Kanzler für Deutschland. Freiheit, Wohlstand Sicherheit CDU“* (1990); *„Deutschlands Chancen nutzen CDU“* (2005). На другом плакате вербальный компонент актуализирует общую любовь к стране *„Aus Liebe zu Deutschland. CDU sicher sozial und frei“* (1976). Следующий текст, содержащий объединяющую номинацию Германии, расширяет круг «своих» до мировых масштабов, вероятно, подчеркивая популярность Германии за границей и указывая на поддержку страны «мировым классом», о котором можно только догадываться: *“Weltklasse für Deutschland”* (1998). Этим слоганом, вероятно, подчеркивается, что транснациональные корпорации, сторонники глобализма – это тоже «свои». Размытость границ «своих» имеет место в тексте одного из плакатов на последних выборах: *“CDU. Für ein Land, auf das wir wieder stolz sein können“* (2025). Реципиент может *Land* соотносить либо с Баварией, которую представляет партия, либо со всей страной.

На плакатах партии ХДС представлены и образы «чужих», в этом случае объединение «своих» происходят на почве непринятия определенных лиц, объединений, стран, идеологий. Например, образ «чужих» передается именем собственным и изображением конкретного человека: *“Chruschew fordert: stürzt Adenauer nun erst recht CDU“* (1961); смысл текста поддерживается изображением кричащего Хрущева с поднятым кулаком. Образ врага может ассоциироваться с определенным географическим названием: *“Alle Wege des Marxismus führen nach Moskau Darum CDU”* (1953); смысл текста усиливается изображением советского солдата, так как с плаката на реципиента смотрят глаза и видна часть военного головного убора, где нарисованы красные серп и молот. «Чужие», представленные на предвыборных плакатах ХДС, – это носители враждебной идеологии, которая мо-

жет быть либо названа конкретно, либо передана через косвенное указание в вербальной или графической форме: “*Aus Liebe zu Deutschland: Freiheit statt Sozialismus CDU sicher, sozial und frei*”; “*CDU schützt vor Enteignung*”, текст сопровождается изображением женщины с граблями посредине поля, над которой возвышается огромная фигура солдата, направляющего оружие на мирно работающую женщину; идея изъятия благ (*Enteignung*) и постоянной угрозы исходит от представителя социалистического строя. «Чужими» могут быть и представители партии-конкурента: “*Machen Sie es wie die Preise, laufen Sie der SPD davon*” (1976) (Делай это, как цены, убегай от СПД); “*Den Linken jetzt die rote Karte. CDU*” (1976); “*Komm aus Deiner linken Ecke. CDU*” (1976). В текстах данных плакатов используются вербальные или графические метафоры, так, убегающая обнаженная девушка может ассоциироваться с непослушными резвыми ценами, а красная карточка в ситуации спортивных соревнований – это призыв не голосовать за партию Левых. Исключение из группы «своих» может передаваться через овеществление конкурента (расчеловечивание): на плакате с текстом “*Flaschen gehören in den Keller und nicht in die Regierung*” (1976) головы противников изображены в виде горлышек бутылок; вербальный компонент “*Am 3. Oktober hauen wir sie in die Pfanne!*” сопровождается графическим дополнением, где головы противников изображаются в виде лиц, а рядом сковородка с глазуньей и кожей от разбитого яйца.

Таким образом, предвыборные плакаты партии ХДС позволяют сделать вывод о том, что формирование ментальной границы «свой-чужой» в сознании потенциальных избирателей является частью персуазивной коммуникативной стратегии и осуществляется через предвыборные плакаты с помощью определенного набора вербальных средств, а также графических образов, являющихся эмоциональными триггерами закрепления этих границ.

Литература

Бабаева Р. И. Маркеры персуазивности в немецкоязычных политических лозунгах (на материале австрийских предвыборных плакатов) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/markery-persuazivnosti-v-nemetskojazychnyh-politicheskikh-lozungah-na-materiale-avstriyskich-predvybornyh-plakatov> (дата обращения: 28.02.2025).

Бабаева Р. И. Предвыборный политический плакат как средство убеждения (на материале немецких и российских плакатов) // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 10–15.

Каган В. Е. Homo Xenophobicus: психология «своего» и «чужого» // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 40–45.

Кислякова Е. Ю., Соломина В. В. Концептуальная триада «свой – чужой – иной» в английском и русском языках: теоретико-методологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (10). С. 72–76.

Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «Свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // СибСкрипт. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-oppozitsiya-svoy-chuzhoy-kak-realizatsiya-ideologo-manipulyativnogo-potentsiala-politicheskikh-diskursov> (дата обращения: 28.02.2025).

Лантева М. Л. «Свое» и «чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013.

Маралов В. Г., Маралова Т. П. Психологические детерминанты дифференциации отношения к людям по принципу «свой-чужой» // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-determinanty-differentsiatsii-otnosheniya-k-lyudyam-po-printsipu-svoy-chuzhoy> (дата обращения: 28.02.2025).

Павлина С. Ю. Катализаторы экспрессивности политического плаката: интердискурсивность и интерсемиозис как основа поликодовой креативности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 31–44. DOI 10.25205/1818–7935–2023–21–3–31–44.

Пичкур А. И. Лингвокультурные особенности развертывания концепта «свой-чужой» в политическом дискурсе (на материале СМИ ФРГ) // Эволюционные процессы в системе языка и дискурсе: междунар. сб. науч. ст. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. С. 170–179.

Weltanschauung auf Wahlplakaten? URL: <https://fowid.de/meldung/weltanschauung-wahlplakate> (дата обращения: 28.02.2025).

R. I. Babaeva (*Ivanovo, Russia*)
Ivanovo State University

**FORMATION OF THE MENTAL BOUNDARY “OWN – ALIEN”
AS A PERSUASIVE STRATEGY
OF PRE-ELECTION POLITICAL COMMUNICATION
(BASED ON POSTERS OF THE GERMAN CDU PARTY)**

The article deals with persuasive means used in German-language election posters of the German CDU party to form the mental boundary of “own – alien”. The image of “own” is constructed by words with the semantics of community, nominations of the country/region, and the unification based on the rejection of “them” is created by indicating the name of a specific person, a specific place, a competing party.

Key words: political discourse, election posters, mental boundary, opposition “own – alien”, evaluativeness, German.

Н. Н. Белошицкая (Архангельск, Россия)
*Северный (Арктический) федеральный
университет им. М. В. Ломоносова
n.beloshickay@narfu.ru*

ДРАМАТУРГИЧНОСТЬ ОБИХОДНОГО ДИСКУРСА: САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕМ

В рамках модели анализа драматургичности дискурса предлагается рассмотрение стратегий самопрезентации и управления впечатлением в ситуациях обиходного дискурса. Комплекс пресуппозиций, образующих фоновое знание, позволяет субъектам дискурса определить фрейм коммуникативной ситуации и задать рамки интерпретации. Схема анализа включает выявление интенции, обоснование выбора речевой тактики, рассмотрение рецепции речевого поведения субъекта адресатом наблюдателем, анализ перлокутивного эффекта и выявление языковых средств – индикаторов драматургичности.

Ключевые слова: драматургичность дискурса, самопрезентация, языковая личность, управление впечатлением, тональность, индикаторы драматургичности.

Драматургичность дискурса определяется нами как аспект дискурса запланированного, детерминированного перлокутивными ожиданиями субъекта, а также сценарными предписаниями и нормами социума. Природа феномена драматургичности характеризуется относительной статичностью существующих когнитивных форматов знаний субъекта, полученных в результате социализации и слагающих тезаурус фонового разделяемого знания. Прежде всего, это знания субъекта о социокультурном контексте, «отражающие опыт его взаимодействия с окружающим миром» [Болдырев, Дубровская 2016: 31] и зафиксированные в концептуальных структурах стереотипного знания (фреймы, сценарии). Эти знания позволяют прогнозировать и выстраивать дискурсивное развертывание, так как создают концептуальное основание драматургичности дискурса, что обуславливает динамичность стратегической реализации субъектом сценарных ходов. Результатом является коррекция представлений и концептуальные изменения в индивидуальном сознании. В глобальном смысле драматургичность дискурса выступает инструментом достижения «интерсубъективности жизненного контекста» [Хабермас 2022: 35] и реализуется в управлении впечатлениями адресата и выстраивании своего социального лица.

Драматургическая перспектива анализа коммуникативного поведения в условиях социальных интеракций берет свое начало в социологических

теориях. И. Гофман вводит в анализ коммуникации такие параметры, как категория социального лица, передний и задний планы самопрезентации, а также устанавливает в качестве точки отсчета конструирования социального образа момент определения ситуации или фрейма интерпретации [Гофман 2003; 2009]. Методологическую основу когнитивно-дискурсивного осмысления феномена драматургичности составляют презентационная теория дискурса [Олянич 2004], анализ дискурсивного проявления личности [Карасик 2021, 2022], исследования концептуальной природы неискренности и перформанса в коммуникации [Плотникова 2000].

Предметом рассмотрения в этой статье являются основные стратегии драматургичности – самопрезентация и управление впечатлениями. Категория языковой личности находится в фокусе анализа. Аналитическая перспектива исследования дискурса с позиции драматургичности предполагает самопрезентацию субъекта как процесс непрерывного конструирования социальной личности. Этот процесс опосредуется фактором адресата – субъекту необходимо понимать, как воспринимает его действия, а значит и образ, партнер по коммуникации. «Понятие самопрезентации означает поэтому не спонтанное экспрессивное поведение, но соотнесенную со зрителем стилизацию выражения своих переживаний» [Хабермас 2022: 108]. Презентация себя подразумевает и контроль над речевым поведением, и возможность управления интеракцией в целом, например, через смену регистра. Иллюстрацией может служить переключение коммуникации в неформальный модус с помощью выражения-сигнала *без церемоний*.

Лена, давайте поговорим. Мне кажется, нам следует объясниться. У меня есть несколько щекотливых вопросов. Разрешите без церемоний? Я вас слушаю, – говорит [ruscorporata.ru].

Намеренная постановка ситуации связана с подготовкой определенного эффекта. Это часть стратегии драматургичного конструирования дискурса.

Дискурсивная компетенция субъекта интеракции определяет качество инсценирования социальных церемоний. Самопрезентация субъекта неизбежно подвергается коррекции, так как в ходе социальной интеракции индивид вынужден приспосабливаться к ситуации. Взаимное принятие линий поведения является залогом бесконфликтной коммуникации – сохранением социального лица всех участников интеракции.

Объектом рассмотрения выступает обыденный дискурс – с позиции социальной драматургии И. Гофмана, данный тип дискурса представляет собой, так называемый задний план взаимодействия, осуществляемого вне сцены институционализированного социального контекста. Вне институционали-

зированного общения роли, предписанные социумом, не требуют строгого исполнения. Постановочность коммуникации замечают, когда нарушается привычный сценарий взаимодействия, или в случаях демонстративности и перформативности речевых действий. В этой связи большей иллюстративностью обладает акцентированная драматургичность. Концептуальным основанием драматургичности самопрезентации главным образом служит оппозиция искренность-неискренность. В. И. Карасик, рассматривая самовыражение языковой личности в разных типах дискурса, выделяет три типа самовыражения: произвольное, намеренное и завуалированное [Карасик 2022].

Перлокуция обмана, манипулирования свойственна завуалированному самовыражению (самопрезентации). Существующие в языке номинации нарочитого поведения градуируются по степени интенсивности, обладают ярко-выраженной оценочностью, подчеркивая неискренность или игровой характер речевого поведения субъекта, его театральность: *заливаться соловьем, прикинуться простачком, красоваться* и многие другие. «Наш язык не только называет окружающий нас мир, но и дает нам возможность “назвать себя” миру. Происходит идентификация себя и другого “я”». [Олянич 2004: 197–198].

Исследование феномена драматургичности позволяет заметить, что выбор тональности в большинстве случаев выступает основным средством, маркирующим иллокутивную составляющую речевого действия [Белошицкая 2023]. Выбор тональности субъектом дискурса определяется психологической предрасположенностью к тому или иному модусу представления своего видения мира и служит ключом для выведения имплицатуры.

Самопрезентация как проявление драматургичности предполагает рефлекссию субъекта, что определяет необходимость обращения к интроспекции в попытках вскрытия когнитивного плана речевого поведения субъекта. В этом случае тексты художественной литературы служат незаменимым источником материала, так как форма отражения реальной ситуации предполагает позицию наблюдателя (самого субъекта или автора).

Внешность, знаете ли, серая, невыразительная, – с притворным сожалением вздохнул он. Куда мне до Вадима! Ну, не надо приbedняться, Максим, не знаю, как вас по батюшке. Петрович. По-моему, вы приbedняетесь, а? Или нарываеьтесь на комплимент? – теперь она смотрела на него *наигранно насмешливо* [ruscorga.ru]. Жанровая форма представленной в отрывке ситуации – беседа-флирт. Жанровый канон предписывает игровое речевое поведение, маркеры тональности – *с притворным сожалением*,

наигранно насмешливо, подчеркивают шуточный характер интеракции. Супraseгментные характеристики – акцентное выделение (*с сожалением вздохнул*), маркирование интонацией (*насмешливо*) служат типичными средствами реализации тональности. Самопрезентация осуществляется через нарочитую скромность и самообесценивание. Привлечение внимания через попытку попроситься на комплимент служит тактикой осуществления управлением впечатления. Компетентный собеседник с легкостью перехватывает контроль над интеракцией, вскрывая интенции адресанта. Соревновательность и динамизм, свойственные шутовскому обмену, маркируют принятие социальных образов, транслируемых субъектами, а значит и успешность их стратегических реализаций.

Вашим ученостям не обучен, да и зачем они мне? На кой шут сдались? Ну хорошо, виноват я перед тобой, виноват – тебе стало легче? Брюханова начинало бесить явное нежелание Захара говорить серьезно, чего-чего, а прикинуться простачком Захар любил [ruscorp.org.ru].

Презентационный тезаурус языковой личности включает означенные паттерны речевого поведения, вербализованные с помощью высказываний, которые можно отнести к индикаторам драматургичности. Рассмотрим, например, вопросительное высказывание *тебе стало легче?* Смысл высказывания в контексте явно противоречит значению единиц, слагающих его локуционный уровень, и маркирует агональную импликацию. Манипулятивная самопрезентация через конструирование образа «человека из народа» простого и понятного позволяет субъекту избежать потери социального лица и осуществить контроль над ситуацией – *Ну хорошо, виноват я перед тобой, виноват – тебе стало легче?* Иллокуция агрессии и вызова, замаскированная в речевом акте извинения, определяет изощренную тактику управления впечатлением. Самопрезентация осуществляется через намеренное опрошение своего социального статуса. Прагматические установки субъекта и выстраиваемая линия самопрезентации получили точную лексико-фразеологическую фиксацию «прикинуться простачком», этот легко узнаваемый и тиражируемый способ самопрезентации в языковом сознании фиксируется с помощью данной языковой формулы.

Основные жанры обыденного дискурса – болтовня, ссора, выяснение отношений, флирт, комплимент – создают условия для акцентированной самопрезентации и управления впечатлениями. Анализ речевого поведения с перспективы драматургичности конструирования дискурса позволяет выявить языковые индикаторы стратегий драматургичности и детализировать представление о концептуальных основаниях этих стратегий.

Литература

Белошицкая Н. Н. Когнитивная природа драматургической дискурсивной тональности // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–2. (54). С. 367–371.

Болдырев Н. Н., Дубровская О. Г. Социокультурный контекст интерпретации мира и формирования дискурса // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Том 75. № 1. С. 29–39.

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу: пер. с англ. / под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.

Карасик В. И. Самовыражение в разных типах дискурса // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 564–574.

Карасик В. И. Языковая пластика общения: монография. М.: Гнозис, 2021.

Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004.

Плотникова С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2000.

Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: «Весь мир», 2022.

Национальный корпус русского языка. 2003–2025. URL: ruscorpora.ru

*N. N. Beloshitskaya (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University*

DRAMATURGY OF EVERYDAY DISCOURSE: SELF-PRESENTATION AND IMPRESSION MANAGEMENT

The article focuses on the analysis of the self-presentation and impression management strategies in everyday communication within the model of the discourse dramaturgy. The discourse's subjects rely on the shared presuppositions to define the communicative situation and set the interpretation framework. The analytical scheme involves defining intentions, explaining the choice of the tactics, investigating the addressee's reception, perlocutionary effect, and finding indicators for discourse dramaturgy.

Key words: discourse dramaturgy, self-presentation, language personality, impression management, tonality, discourse dramaturgy indicators.

О. А. Блинова (Москва, Россия)

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
o.blinova@my.mgimo.ru

**ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА
КАК ПРИМЕР МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО
РЕГИОНАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ИРЛАНДСКОГО ЖУРНАЛА
AN PHOBLACHT)**

Статья посвящена обложке журнала как жанру регионалистского медиадискурса. Показано, как ирландский регионалистский дискурс конструируется с опорой на категории пространства, колористический символизм, визуальные метафоры, исторический вертикальный контекст, кодовые переключения.

Ключевые слова: регионализм, регионалистский дискурс, Ирландия, объединенная Ирландия.

Регионализм определяется как политическая борьба за статус территории: практика регионализма стремится (по крайней мере декларативно) обеспечить получение районом институционального статуса [Каганский 2002]. Многозначность и междисциплинарность данного понятия отмечается многими исследователями: проблематика активно разрабатывается с позиций географии, политологии, социологии. Несмотря на относительно устоявшуюся точку зрения на регионализм как на дискурс [Докучаев 2012; Киселев 2006], внимания лингвистов регионалистскому дискурсу до сих пор уделялось относительно мало. Между тем регионалистский дискурс представляет собой актуальный объект исследования, поскольку ставит целью сконструировать новую региональную идентичность и таким образом сформировать новое мировоззрение, произвести «ребрендинг регионального культурного ландшафта» [Щипков 2017: 46–47].

Вслед за О. И. Астаховой мы будем понимать идентичность как концепт, конструируемый в дискурсе «с помощью социально и исторически детерминированного механизма производства истины» и как «комплекс идентификаций (вербализаций конкретных смыслов), организованный дискурсивными практиками, характеризующийся незавершенностью, условностью и ризоматичностью» [Астахова 2020: 121], а под регионалистским дискурсом – разновидность идентитарного политического дискурса, описывающего политическую действительность в конкретном регионе.

Регионалистский дискурс стремится утвердить политическое, социальное и культурное пространство региона как самостоятельного субъекта политической действительности.

В современных условиях одним из важнейших полей для политической борьбы становится медиадискурс, традиционный и сетевой, в том числе и в своем мультимодальном измерении. Такой жанр мультимодального медиадискурса, как журнальная обложка, смог преодолеть вызов дигитализации, сопровождающийся упадком печатной прессы, и превратился в самостоятельный цифровой жанр, который обрел бытование в сетевом медиадискурсе. Цифровые изображения обложек тиражируются на официальных сайтах изданий, а также активно распространяются в социальных сетях непосредственно пользователями. Эта устоявшаяся практика объясняет, почему журнальная обложка по-прежнему остается в фокусе исследователей мультимодального медиадискурса. С жанровой точки зрения обложка представляет собой мультимодальный текст – фото, а нередко и политическую карикатуру, – сочетающий вербальный и визуальный компоненты.

В настоящем исследовании мы обращаемся к ирландскому англоязычному изданию *An Phoblacht* (ирл. гэльский: «Республика») – ежеквартальному журналу, продвигающему в том числе регионалистскую повестку объединенной Ирландии. В последние годы данная повестка обретает все больший вес в связи с приходом к власти партии «Шинн Фейн», чья платформа предполагает проведение референдума в обоих государствах и последующее объединение Северной Ирландии и Республики Ирландия в единое государство.

В связи с этим для исследователей медиадискурса представляет особый интерес то, как себя репрезентируют сторонники объединенной Ирландии в СМИ и как репрезентируется концепт UNITED IRELAND.

Рис. 1. Обложка *An Phoblacht*
№ 3, 2021 г.

В качестве примера и иллюстративного материала обратимся к обложке одного из выпусков *An Phoblacht* (рис. 1).

Анализ вербального компонента этого мультимодального текста позволяет выявить особенности работы с графикой, кодовые переключения и интердискурсивность.

Крупный белый шрифт, позволяющий быстро определить тему номера. Перед нами ангажированное издание, избегающее вопросительных предложений: текст оформлен как утверждение, декларативно (размер шрифта позволяет обойтись и без восклицательных знаков).

Название издания традиционно приводится на ирландском гэльском. Как известно, одним из результатов нахождения Ирландии в составе Соединенного королевства стала утрата автохтонного языка, и сегодня гэльский наделен символическим значением и используется сторонниками «объединенной Ирландии» как мощный положительный стереотип. Отметим что англоязычные анонсы заголовков на обложке на гэльский не дублируются, так что можно предположить, что выбор языка для заголовка вызван стремлением усилить идеологический посыл и напомнить читателям об их ирландской языковой идентичности, отличной от британской.

Интердискурсивность проявляется в вынесенной в фокус деформированной цитате из неофициального гимна Британской империи: *Britannia rules the waves* преобразовано в *Britannia waives the rules* за счет омофонии (*waives / waves*) и омонимии (*rules*) по принципу хиазма. Британскую империю, а в ее лице современное британское правительство, критикуют за стремление прекратить расследования убийств, совершенных во время ирландской смуты (*The Troubles*).

Отрицательная оценочность находит развитие в визуальном компоненте мультимодального текста. Иконические элементы содержат апелляцию к истории и утверждают преемственность с настоящим за счет изображения оружия как времен Римской империи (фигура Британии в шлеме, со щитом и с трезубцем в руках восходит к образу, символизирующему Империю, и римской истории на Британских островах), так и Смуты (черно-белое фото бойца). При этом фигура Британии оснащена атрибутами враждебной лондонской власти: полицейской дубинкой, современным шлемом, армейскими ботинками. Под ее ногами не римская колесница, а зеленая земля. Традиционная колористическая метафора позволяет определить зеленую землю как территорию Ирландии, которую Британия таким образом попирает. Подобный ракурс позволяет однозначно вписать «зеленую ирландскую землю» (с никак не маркированной разницей между Северной Ирландией и Республикой Ирландия) и Великобританию в оппо-

зицию «свой – чужой», где «чужой» снабжен эксплицитно маркированной отрицательной оценкой.

Подводя итоги, отметим, что в рассмотренном примере регионалистский дискурс в поддержку объединенной Ирландии конструируется вокруг фигуры «врага» – Великобритании. Процесс задействует категории пространства (ирландская земля), символику колористического ряда (зеленый цвет для обозначения Ирландии), визуальные метафоры, исторический вертикальный контекст, а также кодовые переключения. Таким образом, конструирование идентичности в данном образце регионалистского дискурса происходит с опорой на историческую, лингвистическую и культурную идентификации.

Литература

Асташова О. И. Конструирование региональной идентичности в медиадискурсе: опыт сравнительного анализа // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 120–133.

Докучаев Д. С. Регионализм как политический дискурс: методология интерпретации // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 4. С. 70–78.

Каганский В. Л. Регионализация, регионализм, пострегионализация // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М.: ИГ РАН, 2002. С. 12–18.

Киселев К. В. Дискурс региональной идентичности в современной России // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. С. 122–128.

Щипков В. А. Регионализм как идеология глобализма // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 3(3). С. 44–49.

O. A. Blinova (*Moscow, Russia*)

Moscow State Institute of International Relations

MAGAZINE COVER AS MULTIMODAL REGIONALIST DISCOURSE (THE CASE OF THE IRISH *AN PHOBLACHT*)

The article explores magazine covers as a genre of regionalist media discourse. Based on a analysis of an *An Phoblacht* cover we demonstrate how Irish regionalist discourse is constructed around the categories of space, colour symbolism, visual metaphors, historical vertical context, and code-switching (Irish Gaelic / English).

Key words: regionalism, regionalist discourse, Ireland, United Ireland.

Л. А. Борботько (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
ludmilaborbotko@gmail.com

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ ТЕАТРАЛЬНОГО КРИТИКА: МЕДИЙНОСТЬ И ЭЛИТАРНОСТЬ

Исследование посвящено рассмотрению театральной рецензии как инструмента информирования аудитории о культурном событии, формирования и передачи ценностных смыслов, продвижения театра как института культуры и критика как дискурсивной личности. Особое внимание обращено к элитарности как свойству театрального дискурса в приложении к текстовому воплощению рецензии.

Ключевые слова: театральный дискурс, рецензия, элитарность, аттрактивность, медиатор.

В фокусе проводимого исследования находится театральный дискурс, разворачивающийся в контексте, создаваемом драматургом и адаптированным для сценического воплощения режиссером-постановщиком. Он трактуется как «действие, постановочное по своей природе, но идентичное реальной жизни по способу представления» [Слышкин 2018: 126]. Категориальными признаками театрального дискурса являются его репертуарный характер, ритуализованность, синтетичность, семиотичность, регламентированность, сценичность, развлекательность, перформансность [Борботько 2014: 113]. Одно из перечисленных выше свойств, а именно регламентированность соотносится с пониманием культуры как инфраструктуры [Викулова 2011: 218] и предполагает реализацию дискурса в определенных хронологических рамках с конкретным составом участников, непосредственно задействованных в постановке на театральной сцене или сопровождающих театральную коммуникацию за пределами театра. Если спектакль видится центральным элементом матрицы театрального дискурса, то одной из периферийных составляющих, находящихся в позиции эпитекта, но влияющих на функционирование всей системы, является театральная рецензия. Как дискурсивный жанр рецензия представляет собой критическое сообщение, созданное экспертом в области театрального искусства, обладающим профессиональной репутацией. Следовательно, адресат, воспринимая критический текст, руководствуется, прежде всего, принципами «авторитетности адресанта как источника информации» [Маркетинговая лингвистика 2020: 27].

Востребованность жанра рецензии обусловлена имеющимся функциональным потенциалом: она информативна, предлагает «профессиональную интерпретацию» демонстрируемого спектакля, содержательна, «решает просветительские и воспитательные задачи» [Викулова 2016: 33]. Как автор рецензии критик играет роль медиатора между театральным произведением и зрителем, который принимает и декодирует адресованный ему коммуникативный канал. Помимо этого, рецензент информирует аудиторию о конкретном театральном событии, заслуживающем внимания, старается сфокусироваться на отдельных элементах, использовать собственный экспертный опыт. Тем не менее, рецензия не может считаться сугубо аналитическим текстом в силу реализации аттрактивной функции привлечения аудитории к описываемому спектаклю, популяризации театра в целом и самопредставления критика как специалиста.

На сегодняшний день справедливо сказать, что цифровизация всех сфер общественной жизни способствует тому, что театральный дискурс масштабно представлен в медиа пространстве в форме различных платформ, сайтов, телеграм-каналов и др. Следовательно, наблюдается корреляция театрального и медийного дискурсов [Викулова 2022: 48]. Подобное взаимовлияние дискурсивных форматов обуславливает причастность рецензии к сфере массовой коммуникации и возможность оказать «завуалированное воздействие как на отдельные личности, так и на массы» [Заботкина 2023: 15]. Популяризация жанра рецензии также становится следствием цифровизации, способствующей тому, что тексты, в том числе, в процессе медиатизации, становятся более доступными для аудитории при условии соответствия формы и содержания типу аудитории. При этом, нельзя не обратить внимание на изменения, которым подверглась аудитория. Сегодняшняя коммуникативная среда трансформирует зрителей в критиков посредством опции открытого комментирования и размещения собственных отзывов на увиденные спектакли. Следовательно, становится более размытой грань между рецензентом как профессионалом-экспертом и его аудиторией.

Сказанное выше в некоторой степени противоречит еще одному свойству, присущему дискурсивной личности театрального критика наряду с ролью информатора и медиатора. Речь идет об элитарности как характерологической особенности языка критических статей, традиционно адресованных представителям элитарной культуры, готовым воспринимать создаваемое рецензентом коммуникативное сообщение, и размещаемых в изданиях, принадлежащих к элитарным СМИ. Принадлежность театральной критики к элитарному дискурсу обусловлена «совокупностью вербальных

и невербальных репрезентаций приоритетов и ценностей коллективной элитарной личности» [Островская 2013: 85]. Более того, возможность соотносить театральный и элитарный дискурсы достигается за счет свойственной обоим типам когнитивно-коммуникативных моделей семиотичности, конвенциональности, институциональности и интертекстуальности [Островская 2015: 181].

Рассмотрим отдельные аспекты элитарной сущности театральной рецензии. Профессиональный театральный критик онтологически является элитарной языковой личностью, владеющей и соблюдающей литературные, этические, стилистические нормы в соответствии с коммуникативными рамками и целями. При этом, участвуя в процессе коммуникации, элитарная языковая личность нацелена не только на трансляцию нормативного и корректного образа родного языка, но и культурных ценностей, присущих конкретному народу и человечеству в целом. Следовательно, владение знаниями, представлениями и собственными суждениями о шедеврах мировой культуры наряду с умением оперировать прецедентными текстами, имеющими определенное общехудожественное значение, а также со стремлением пополнять имеющиеся знания, развивать профессиональные и общекультурные компетенции, восполнять возможные пробелы – это признаки носителя элитарного типа культуры.

Подчеркнем, что требования к критику как представителю элитарной культуры соразмерны требованиям к аудитории. Адресант демонстрирует собственную принадлежность к элитарному типу языковой личности посредством использования в продуцируемом тексте рецензии разнообразных речевых жанров в зависимости от моделируемой коммуникативной ситуации, планируемых целей и задач, а также от умения эффективно и корректно «переключать» жанровые системы и коммуникативные коды. В свою очередь, потенциал адресата как элитарной языковой личности проявляется в умении интерпретировать сказанное в рецензии благодаря имеющимся знаниям, разделять взгляды автора и ценностные ориентиры. Если текст рецензии – это критический анализ увиденного на театральной сцене, основанный на собственном опыте рецензента, его индивидуальной системе ценностей, то от подготовленности адресата во многом зависит, насколько успешным окажется критик в реализации собственного аттрактивного потенциала.

Третьим элементом, обуславливающим принадлежность рецензии к элитарному типу культуры, является тип публикующего СМИ. Нельзя отрицать, что «выделение элитарной прессы обусловлено тем, что типологическая система косвенным образом связана с социальной структурой

общества» [Попова 2008: 10]. Другими словами, элитарный тип изданий, публикующих определенного рода материалы, создается и адресован элитарным языковым личностям. Данный тип СМИ является эталонным в наполнении, в языковом оформлении, а также с точки зрения адресант-адресатной характеристики.

Обозначив векторы проявления элитарности в приложении к театральной критике, подчеркнем, что перечисленные признаки репрезентированы, прежде всего, посредством «элитарного речевого поведения», «дискурсивных практик, характерных для элитарной языковой личности» [Островская 2015: 181]. Текст, подготовленный рецензентом, построен таким образом, чтобы формировать у аудитории соответствующий уровень культуры, необходимый для корректной интерпретации. Более того, аудитория способна оценить уровень компетентности критика в отличие от массового зрителя. Приведем пример: *Salt-Water Moon, on first impressions, is a will they/won't they kind of set up, but this play is in fact the third in a series of five 'Mercer Plays' and anyone with a knowledge of French's work already knows how things will turn out* [Theatre Weekly, URL]. Предлагая критический анализ спектакля *Salt-Water Moon*, рецензент напоминает аудитории о принадлежности книги, ставшей основой для инсценировки, к серии, повествующей о скитаниях семьи Мерсер в эмиграции (*this play is in fact the third in a series of five 'Mercer Plays'*). Таким образом, критик предполагает, что читающий данную рецензию знаком с книгами Д. В. Френча и может предугадать вектор развития сюжета (*anyone with a knowledge of French's work already knows how things will turn out*).

Таким образом, рецензия, проявляет себя как аналитический текст, содержательно и стилистически соотносимый с предметной областью «Театр», тем самым, демонстрируя принадлежность к различным типам дискурсивных пространств – театральному, медийному. Признаком театральной рецензии является в то же время ее элитарность, рассматриваемая в приложении к триаде критик (адресант) – аудитория (адресат) – тип СМИ и обусловленная профессионализмом и репутацией рецензента, соответствующим кругозором и уровнем культуры читателей, запросом целевой аудитории.

Литература

Борботько Л. А. Категории театрального дискурса как институционального образования // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2014. № 3(23). С. 113–122.

Викулова Л. Г. Семиометрия рефлексии о ценностях современного общества // Лингвистика и аксиология. Этносемиометрия ценностных смыслов. М.: Тезаурус, 2011. С. 196–230.

Викулова Л. Г. Музыкальное произведение XVII века в дискурсе XXI века: к вопросу о музыкальной репутации и зрительской рецепции в жанре рецензии / Л. Г. Викулова, Н. Л. Шевченко // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2016. № 3(31). С. 32–40.

Викулова Л. Г. Французская афиша как ключевой жанр театрального дискурса // Романские тетради: Романия как цивилизационное понятие: сборник научных статей / отв. ред. Л. Г. Викулова. Т. 2. М.: Языки народов мира, 2022. С. 47–56.

Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Ментальные пространства манипулятивно-го воздействия в медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 15–25.

Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста. М.: ФЛИНТА, 2019.

Островская Т. А. Дискурсообразующие концепты дискурса элиты // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 3(126). С. 83–89.

Островская Т. А. Дискурс элиты / Т. А. Островская, З. Р. Хачмафова // Дискурс-Пи. 2015. № 2(19). С. 180–182.

Попова А. В. Дискурс-картины мира и кортежного взаимодействия элитарных средств информации. Минск: Изд. дом БГУ, 2008.

Слышкин Г. Г. Коммуникативное пространство театра: digital-эволюция и перспективы / Г. Г. Слышкин, Л. А. Борботько // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4(32). С. 126–133.

Theatre Weekly. URL: <https://theatreweekly.com/review-salt-water-moon-at-finborough-theatre/> (дата обращения: 28.02.2025).

*L. A. Borbotko (Moscow, Russia)
Moscow City University*

THEATRE CRITIC AS MEDIA AND ELITE DISCOURSE PERSONALITY

The research regards theatre review as a tool for informing the audience about a cultural event, for creating and transmitting axiological meanings as well as for promoting theatre as an institute of culture along with critics themselves as discourse personalities. The emphasis is on theatrical critical texts belonging to the elite discourse.

Key words: theatrical discourse, review, elite discourse, attractiveness, mediator.

Е. А. Бочарникова (Астрахань, Россия)

Астраханский государственный

технический университет

Bocharnikova2006@bk.ru

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Интегрирование информационных технологий значительным образом повлияло на жизнь человека, его мироощущение, когнитивную деятельность и концептуальную систему. В статье описаны некоторые особенности цифрового мышления и цифровой коммуникации, реализующиеся в цифровом тексте. Интердискурсивность (далее – ИД) и интертекстуальность (далее – ИТ) рассматриваются как категории, способные отвечать требованиям цифровой коммуникации в части получения и оформления информации. Рассмотрен пример актуализации категорий ИД и ИТ в вербальном научном тексте с целью выявления признаков цифровой коммуникации.

Ключевые слова: интердискурсивность (ИД), интертекстуальность (ИТ), цифровое мышление, цифровая коммуникация, цифровой текст, концептуализация, понятие.

Утверждение главенствующей роли киберпространства в современном научном сообществе определило цифровое мышление как одно из условий реализации современной научной коммуникации. На данном этапе именно этот тип мышления становится все более актуальным способом познания окружающего мира.

Цифровому мышлению, по мнению исследователей, свойственны интеграция, взаимосвязь и интеллектуальный обмен (коллективный человеческий разум интегрируется в цифровое виртуальное пространственное и временное измерение) [Филиппова 2023]; эволюция и инновации, а также равенство, открытость и доступность (с точки зрения Хабермаса, в основе коммуникации лежит взаимодействие символов [Хабермас 2001]).

Цифровое мышление, как полагают исследователи, способствует развитию и анализу полученной из различных источников информации (входящей как к разным концептосферам, так и к разным модальностям), характеризуется объемностью, многозначностью, гибкостью, вариативностью соотношения знаков и значений [Грекова 2019]. Средствами когнитивного моделирования выступают алгоритмы, фреймы и сценарии, позволяющие на более глубоком уровне проследить взаимосвязь явлений, изучить содержание и структуру понятий [Седов 2024].

Цифровое мышление лежит в основе цифровой коммуникации. Вслед за Ю. А. Зуляром, под цифровой коммуникацией мы понимаем новый вид

социальной интеракции, при которой создаваемая в устной и письменной формах информация представлена в электронном виде [Зуляр 2006].

Цифровая коммуникация неизбежным образом влияет на парадигму ментальной деятельности человека, изменяя систему его представлений, ощущений и восприятий. Согласно наблюдениям исследователей, одной из важнейших характеристик современной медиасреды становится эмоциогенность – способность эмотивной единицы влиять на эмоциональное состояние адресата. Текст, не учитывающий предпочтения конкретной читательской публики, оформленный монотонно, может остаться не востребованным [Богуславская, Богуславский 2017]. Происходит трансформация мышления: появляется клиповое восприятие, увеличивается объем образных форм выражения, убыстряются ментальные процессы [Гиренок 2002].

Цифровая коммуникация вербализуется в цифровом тексте, понимаемом как линейный текст в цифровом формате и как нелинейный текст, интегрированный с гиперссылками и медиаобъектами [Dalton, Proctor 2008]. В отличие от вербального текста, существующего как последовательность объединенных смысловым единством коллокаций и слов, цифровой текст производится в цифровой среде, с участием вербальных и невербальных элементов. Основными свойствами цифрового текста признают гипертекстовость/нелинейность (см., например: [van Os M. 2014, Лебедева, Веселовская, Купрещенко 2020]), интерактивность [Kress 2003, Jin 2013] и мультимодальность/поликодовость [Burnett 2002, Пищальникова 2022]. Представляется, что категории ИД и ИТ, характерные для вербальных текстов, в определенной степени соответствуют характеру цифрового текста и по-особому реализуются в нем.

Отметим, что многие исследователи (Архипов И. К., Белоглазова Е. В., Пелевина Н. Д., Гордиевский А. А., Миловидов В. А. и др.), относя ИД и ИТ к видам диалогичности, говорят о неравнозначности данных понятий. Мы тоже рассматриваем ИТ как результат уже проявившейся ИД, и интересной представляется точка зрения китайского исследователя Виджая К., понимающего ИД как функцию аккумуляции общих ресурсов в рамках различных дискурсивных практик [Vijay 2010]. Исходя из этого, можно сделать заключение, что ИД – неотъемлемое свойство цифровой коммуникации, значимое в изучении научного текста.

Тем не менее в рамках заявленной проблематики следует учитывать роль обеих категорий. Как отмечает А. Г. Сонин, поликодовые тексты объединяют в едином графическом пространстве семиотически гетерогенные составляющие (вербальный текст в устной и письменной форме, изображения, знаки и символы иной природы) [Сонин 2005: 117]. ИТ служит средством визуальной экспликации этих составляющих (о чем свидетельствуют ка-

вычки, сноски, ссылки, примечания, шрифты и т. п.), тогда как ИД, на наш взгляд, – категория синтезирования смыслов – выступает проявлением поликодовости на концептуальном уровне.

Далее представлен фрагмент вербального текста американского психолога Д. Канемана, в котором автор рассуждает о рациональных и нерациональных мотивах мыслительного процесса (вербальные репрезентанты ИД и ИТ выделены нами и синкретично представляют обе категории):

*A compelling narrative fosters an illusion of inevitability. Consider the story of how **Google** turned into a giant of the technology industry. Two creative graduate students in the computer science department at Stanford University come up with a superior way of searching information on the Internet. They seek and obtain funding to start a company and make a series of decisions that work out well. Within a few years, the company they started is one of the most valuable stocks in America, and the two former graduate students are among the richest people on the planet* (Kahneman 2011: 195).

Описывая случай с историей создания гиганта информационных технологий – компании Google – и концептуализируя понятие психологии “illusion of inevitability”, автор демонстрирует, как убедительный нарратив создаёт иллюзию неизбежности, при этом действие психологического закона иллюстрируется с помощью объективации категорий ИД и ИТ. Проявление первой усматриваем в наложении нескольких типов дискурса в ментальной системе автора и последующей перекомпоновке концептуальных признаков в структуре концептуализируемого понятия; маркерами второй выступают лексические и графические репрезентанты взаимодействия семиотических систем/дискурсивных сфер. Так, упоминание компании Google и глобальной информационной сети (the Internet) отсылает к дискурсу информационных технологий; указание страны – America – объективирует географический дискурс; образовательный дискурс прослеживается в названии университета (Stanford University); маркерами дискурса экономики выступают такие понятия и коллокации, как: “industry”, “funding to start a company”, “valuable stocks”, “the richest people”.

Если обратиться к трактовке концептуализируемого понятия “illusion of inevitability”, то репрезентанты ИД и ИТ представляют ряд характеристик, например: “contradicts objective “reality” as defined by general agreement” [<https://www.britannica.com/topic/illusion>], “something that is sure to happen” [<https://www.britannica.com/dictionary/inevitability>]. Описывая понятие психологии, обозначающего субъективное ощущение, автор апеллирует к содержанию вышеперечисленных дискурсов/систем знаков, анализ взаимодействия смыслов которых создает картину, иллюстрирующую идею автора: убежденность двух студентов в успехе задуманного предприятия

и их настойчивые действия оказываются сильнее общераспространённого убеждения и отодвигают страх неопределенности.

Интеграция смыслов и выявленная в результате работы гибкого, варибельного и объемного мышления взаимосвязь явлений позволили прийти к вышеуказанному умозаключению. Использование прецедентных названий, вызывающих образы и «восстанавливающих» факты и события, стимулирует поиск информации, что также является признаком цифровой коммуникации. Мыслительная деятельность автора при этом соотносима с характером цифрового мышления.

Таким образом, рассматривая актуализацию категорий ИД и ИТ в вербальном и цифровом текстах, можно провести параллель в их проявлении и предположить, что данные категории в указанных видах текста проявляют неидентичные свойства и по-разному воспринимаются адресатом.

Литература

Богуславская В. В., Богуславский И. В. Медiateкст и хэштеги: цифровая трансформация СМИ // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 5. С. 51–58.

Гиренок Ф. И. Антропологические конфигурации философии // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М.: ИФ РАН, 2002. С. 415–420.

Грекова А. А. Особенности мышления представителей «цифрового поколения» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2019. Т. 12, № 1. С. 28–38.

Зуляр Ю. А. Массовые коммуникации в рекламе: учеб. пособие. Иркутск: ИГУ, 2006.

Иерусалимская А. О. Интертекстуальность vs интрэдискурсивность как сложившийся дискурс // Вестник Северного федерального университета. 2016. № 2. С. 104–111.

Лебедева М. Ю., Веселовская Т. С., Купрещенко О. Ф. Особенности восприятия и понимания цифровых текстов: междисциплинарный взгляд // Перспективы науки и образования. 2020. № 4 (46). С. 74–98.

Пицальникова В. А. Определение цифрового текста как методологическая проблема // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6(861). С. 9–14.

Седов В. В. Цифровое мышление и лидерство как ключевые факторы в современном мире // Этносоциум. 6 (192). 2024. С. 36–46.

Филипова И. А. Создание метавселенной: последствия для экономики, социума и права // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1. С. 7–32. URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.1>

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2001.

Burnett R. Technology, learning and visual culture // Silicon literacies: Communication, Innovation and Education in the Electronic Age. London, New York: Routledge, 2002. P. 141–153.

Dalton B., Proctor C. P. The changing landscape of text and comprehension in the age of new literacies. Handbook of research on new literacies. London, New York: Routledge, 2008. P. 297–324.

Jin S.H. Visual design guidelines for improving learning from dynamic and interactive digital text // *Computers&Education*. 2013. #. 63. P. 248–258.

Kahneman D. Thinking, fast and slow. Penguin, 2011.

Kress G.R. Literacy in the new media age. Psychology Press. London: Routledge, 2003.

van Os M. Digital Text in Education. 2014.

Vijay K. Interdiscursivity in professional communication // *Discourse and Communication*. 2010. 1(4). P. 32–50.

E.A. Bocharnikova (*Astrakhan, Russia*)

Astrakhan State Technical University

INTERDISCURSIVITY AND INTERTEXTUALITY AS A MEANS OF DIGITAL COMMUNICATION

The integration of information technologies has significantly influenced a person's life, their worldview, cognitive activity and conceptual system. The article describes some of the features of digital thinking and digital communication implemented in a digital text. Interdiscursivity (hereinafter – ID) and intertextuality (hereinafter – IT) are considered as categories capable of meeting the requirements of digital communication in terms of obtaining and processing information. An example of updating the categories of ID and IT in the verbal text is considered in order to identify signs of digital communication.

Key words: interdiscursivity (ID), intertextuality (IT), digital thinking, digital communication, digital text, conceptualization, concept.

У.И. Буревестник (*Тамбов, Россия*)

Тамбовский государственный университет

имени Г.Р. Державина

koksi557@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА LONELINESS В ТЕКСТАХ ГРУППЫ MUSE

В статье рассматриваются средства репрезентации концепта LONELINESS в текстах британской рок-группы Muse. Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения знаний о взаимосвязи языка и культуры, а также особенностей восприятия реальности через музыкальные тексты. В работе используется междисциплинарный подход, позволяющий сочетать лексикографические исследования и контекстуально-концептуальный анализ.

Ключевые слова: концепт LONELINESS, репрезентация концепта, рок-дискурс, рок-группа Muse.

В настоящее время когнитивная лингвистика представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся областей лингвистических исследований, которая находит свое место на пересечении лингвистики, психологии, философии и антропологии. В последние десятилетия наблюдается значительный интерес к изучению взаимосвязи языка и мышления, что обусловлено необходимостью понимания того, как языковые структуры формируют и отражают когнитивные процессы.

Одним из явлений, изучаемых лингвистами-когнитологами, является концепт. Представления о концепте относятся к числу важнейших исходных установок теории концептуализации. Это понятие имеет междисциплинарный характер, ввиду чего оно трактуется в соответствии с различными подходами. Н. Н. Болдырев предлагает трактовать концепты как «те идеальные абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания. Человек мыслит концептами» [Болдырев 2019: 30–31]. «Концепт – это единица осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев 2019: 48]. То есть концепт – многоаспектное понятие, некоторая единица сознания, которая шире отдельного слова и его семантики. Это идеальный мыслительный образ, хранящий в себе весь накопленный опыт и знания о том или ином объекте или явлении.

Для полного и глубокого понимания концептов возникает необходимость их изучения в рамках разных дискурсов. Музыка в целом и жанр рок в частности формирует и отражает различные культурные аспекты, служит средством самовыражения и социальной критики. Изучение различных концептов в текстах песен позволяет проследить, как взаимосвязаны язык и культура, а также выявить специфику мышления и восприятия реальности различных авторов в контексте времени. Целью данной статьи является выявление средств выражения концепта LONELINESS в текстах британской рок-группы Muse.

Для выявления базовых содержательных элементов концепта стоит обратиться к лексикографическим исследованиям и дефиниционному анализу. Согласно данным, представленным в статье К. С. Воробьевой и А. А. Мережко, концепт LONELINESS имеет две основные характеристики: 1) *mental state of the subject*, 2) *spatial isolation of the object* [Воробьева, Мережко 2016: 109]. С. А. Феттер с помощью компонентного анализа словарных дефиниций выявляет группы лексических единиц, репрезентирующих концепт LONELINESS: номинации уединенной местности; действия,

обозначающие уединение субъекта действия; действия, обозначающие уединение объекта действия; номинации одинокого человека; характеристики одинокого человека [Феттер 2018: 197].

Для текстов песен группы Muse концепт LONELINESS является одним из ключевых. Среди характеристик концепта выявляются как вышеуказанные базовые, так и дополнительные, более конкретные, например: одиночество как отсутствие отношений (lack of relationships); психоэмоциональное состояние (psychoemotional state); противостояние обществу, непринятие им (opposition to society, its rejection).

При этом наиболее часто концепт репрезентируется с помощью лексем: *alone* в качестве характеристики человека или производимых действий (*I was all alone* [[https://musewiki.org/Map_of_Your_Head_\(song\)](https://musewiki.org/Map_of_Your_Head_(song))]; *Walk home alone* [[https://musewiki.org/Soaked_\(song\)](https://musewiki.org/Soaked_(song))] и т.д.), *lonely* как признак действий, субъекта текста или обозначения объекта (*To warm the lonely night* [[https://musewiki.org/Can%27t_Take_My_Eyes_Off_You_\(song\)](https://musewiki.org/Can%27t_Take_My_Eyes_Off_You_(song))]; *Too lonely to pretend* [[https://musewiki.org/In_Your_World_\(song\)](https://musewiki.org/In_Your_World_(song))]), *loneliness* как обозначение собственно явления, состояния (*No one's noticed our loneliness* [[https://musewiki.org/Shine_\(song\)](https://musewiki.org/Shine_(song))]).

Одиночество в текстах группы Muse рассматривается как отсутствие отношений, часто в результате расставания с любимым человеком. Это погружает в пустоту, автор описывает ощущение холода снаружи и внутри. Это прослеживается в нескольких текстах, например, в песне “Ghosts (How can I move on)”:

*But I am lost in a void
With your ghost and our memories
<...>*

*How can I sleep with this coldness beside me
How can I sleep with this coldness inside me.*

[[https://musewiki.org/Ghosts_\(How_Can_I_Move_On_\(song\)\)](https://musewiki.org/Ghosts_(How_Can_I_Move_On_(song)))]

Немаловажно отметить авторскую метафорическую номинацию, связанную с пространственной изоляцией и одновременно психоэмоциональным состоянием лирического героя в песне “Cave”. Образ, вынесенный в название, указывает на замкнутость, подчёркивается принадлежность пространства герою: “*Come in my cave*” [[https://musewiki.org/Cave_\(song\)](https://musewiki.org/Cave_(song))]. Следующая строка при этом подчёркивает нежелание героя подпускать кого-либо к себе: “*I'll burn your heart away*” [[https://musewiki.org/Cave_\(song\)](https://musewiki.org/Cave_(song))]. Эта метафорическая номинация повторяется в тексте “Falling with the crowd”:

*I wanna go home
Dressed by **no one else**
Drilled into **my cave**.*

[[https://musewiki.org/Falling_with_the_Crowd_\(song\)](https://musewiki.org/Falling_with_the_Crowd_(song))]

Одиночество представляется как потребность, нежелание общения, нахождения в обществе, что показано в первой строке примера. Пещера – это дом, изолированное пространство, принадлежащее только герою. В песне “Soaked” присутствует похожее средство выражения, призыв спрятаться в укрытии навсегда после долгих, вероятно, неудачных поисков любви и смысла: “**Take shelter and hide forever**” [[https://musewiki.org/Soaked_\(song\)](https://musewiki.org/Soaked_(song))]. «Укрытие», желание «спрятаться» также свидетельствует о попытке избегать общества, потребности в одиночестве.

Таким образом, рассматриваемый концепт LONELINESS оказывается значимым для творчества группы Muse. Его средства выражения разнообразны, к ним относятся как стандартные языковые способы репрезентации (однокоренные лексемы *alone, lonely, loneliness*), так и некоторые особые, авторские способы (обозначения замкнутых пространств *cave, shelter*; языковые средства обозначения ощущений и действий героя *lost in a void, hide* и др.). Среди характеристик концепта обнаруживаются как те, которые выявляются в результате анализа средств лексем – номинантов концепта, так и те характеристики, которые выявляются за счет анализа текста песен, к базовым характеристикам концепта можно добавить: одиночество как отсутствие отношений; психоэмоциональное состояние; противостояние обществу, принятие им; одиночество как потребность.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е издание. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Воробьева К. С. Построение модели концепта «одиночество/loneliness» // Теоретические и прикладные аспекты развития современной науки: сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: ИП Сигитов Т. М., 2016. С. 107–111.

Феттер С. А. Структурные особенности языковой репрезентации концепта «LONELINESS» в лексикографических источниках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8–1(86). С. 194–198.

Can't Take My Eyes Off You (song). URL: [https://musewiki.org/Can%27t_Take_My_Eyes_Off_You_\(song\)](https://musewiki.org/Can%27t_Take_My_Eyes_Off_You_(song)) (дата обращения: 03.02.2025).

Cave (song). URL: [https://musewiki.org/Cave_\(song\)](https://musewiki.org/Cave_(song)) (дата обращения: 02.02.2025).

Falling with the Crowd (song). URL: [https://musewiki.org/Falling_with_the_Crowd_\(song\)](https://musewiki.org/Falling_with_the_Crowd_(song)) (дата обращения: 02.02.2025).

Ghosts (How Can I Move On) (song). URL: [https://musewiki.org/Ghosts_\(How_Can_I_Move_On\)_song](https://musewiki.org/Ghosts_(How_Can_I_Move_On)_song) (дата обращения: 02.02.2025).

In Your World (song). URL: [https://musewiki.org/In_Your_World_\(song\)](https://musewiki.org/In_Your_World_(song)) (дата обращения: 01.02.2025).

Map of Your Head (song). URL: [https://musewiki.org/Map_of_Your_Head_\(song\)](https://musewiki.org/Map_of_Your_Head_(song)) (дата обращения: 02.02.2025).

Shine (song). URL: [https://musewiki.org/Shine_\(song\)](https://musewiki.org/Shine_(song)) (дата обращения: 03.02.2025).

Soaked (song). URL: [https://musewiki.org/Soaked_\(song\)](https://musewiki.org/Soaked_(song)) (дата обращения: 02.02.2025).

U. I. Burevestnik (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

REPRESENTATION OF THE CONCEPT *LONELINESS* IN THE TEXTS BY MUSE

The article focuses on the means of representing the concept *LONELINESS* in the lyrics of the British rock-band Muse. The relevance of the research is conditioned by the need to expand knowledge about the relationship between language and culture, as well as the peculiarities of perception of reality through musical texts. The work uses an interdisciplinary approach that allows combining lexicographic research and contextual and conceptual analysis.

Key words: concept *LONELINESS*, concept representation, rock discourse, rock-band Muse.

А. Г. М. Вестербеek, А. О. Бударина, М. Н. Коннова
(Калининград, Россия)

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
anikawesterbeek@gmail.com,
abudarina@kantiana.ru,
mkonnova@kantiana.ru

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО ОПЫТА В ПОЭЗИИ У. ВОРДСВОРТА

На примере произведений У. Вордсворта рассматриваются особенности образного выражения темпорального опыта в англоязычном поэтическом дискурсе. Демонстрируется значимость для авторского переосмысления времени горизонтального и вертикального векторов движения в пространстве. Доказывается, что

в иносказательном контексте художественного текста пространственные измерения глубины, широты, длины соотносятся с различными гранями событийного наполнения пространства памяти.

Ключевые слова: темпоральный опыт, поэтический дискурс, метафора, У. Вордсворт.

Темпоральный опыт – сложный синтез знаний, переживаний, ассоциаций, умений, отношений, осознаваемых и остающихся вне сознательного осмысления, – является неотъемлемой составляющей взаимодействия человека с миром. Формирующийся в пространстве «здесь и сейчас», темпоральный опыт вбирает в себя множественные импульсы и оценки, рожденные предшествующими событиями. Составляя ту когнитивную среду, в которой складываются представления индивида о настоящем и будущем, темпоральный опыт неотделим от памяти как «основной формы восприятия реальности прошлого в нашем времени» [Бердяев 1990: 57].

Вербализация темпорального опыта, неоднородного по своей природе, предполагает действие различных когнитивных механизмов, центральная роль среди которых принадлежит процессам метонимического и метафорического проецирования. Метонимия, опирающаяся на континуальность мира и смежность составляющих его явлений, отражает ассоциативные связи между объектами действительности. Метафора, апеллирующая к аналогическому мышлению, устанавливает сходства между различными сущностями, способствуя постижению сложных или неизвестных феноменов сквозь призму знакомых областей опыта [Коннова 2018: 72–96].

Результаты метафорической и метонимической концептуализации темпорального опыта закрепляются на всех уровнях языковой системы и реализуются во многих видах дискурса. Особым своеобразием отличаются художественные формы передачи темпоральных смыслов, сочетающие новизну образного выражения с глубиной философского видения мира и значительной силой эмоционально-оценочного воздействия. Художественный хронотоп воспроизводит тончайшую ткань темпоральных переплетений, отражающих индивидуальный и национальный темпоральный опыт, его личностное и сверхличностное измерения, его новаторские и традиционные аспекты.

Цель настоящей статьи – исследование особенностей пространственной концептуализации темпорального опыта в произведениях У. Вордсворта (1770–1850) – основоположника романтического направления в английской литературе, во многом предопределившего развитие европейской поэтической традиции в XIX в. В качестве материала для анализа привле-

каются стихотворение “An Evening Walk” («Вечерняя прогулка», 1793 г.), и центральная для творчества художника поэма “The Prelude or, Growth of a Poet’s Mind” («Прелюдия, или Становление сознания поэта», 1798–1850 гг.).

Ведущий временной вектор «Вечерней прогулки» и «Прелюдии» – ретро-спекция. Обращенные к минувшим событиям, эти тексты представляют собой художественное воспроизведение прошлого, существующего в мире памяти. Ведущей метафорической проекцией, структурирующей в индивидуально-авторской картине мира У. Вордсворта многомерный мир памяти, выступает концептуальная схема TIME IS SPACE / ВРЕМЯ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО. Фундаментальная модель высокой степени абстракции, эта метафора на текстовом уровне конкретизируется в языковых реализациях, отражающих базовые пространственные измерения – длину, высоту и глубину.

Вертикальный вектор (глубина), представляющий в современных языках лишь одну из периферийных возможностей концептуализации времени [Haspelmath 1997], оказывается ключевым для поэтического переосмысления соотношения прошлого и настоящего. Рассмотрим три характерных примера:

(1) Even now she decks for me a distant scene, / (For *dark and broad the gulf of time between*) / Gilding that cottage with her fondest ray (“An Evening Walk”);

(2) O Friend! ...Think not that I could pass along untouched / By these remembrances <...> / whatever else of power, / Or pleasure sown, or fostered thus, may be / Peculiar to myself, let that remain / Where still it works, though *hidden from all search / Among the depths of time* (“The Prelude”, book V);

(3) *Through times of honour and through times of shame / Descending*, have I faithfully retraced / The perturbations of a youthful mind / Under a long-lived storm of great events (“The Prelude”, book XI).

В первом из приведенных фрагментов автор подчеркивает непреодолимость преграды между пространством настоящего (*now*) и отдаленными картинами детства (*a distant scene*) посредством метафоры *dark and broad the gulf of time between* (букв. «темна и широка пропасть времени между [ними]»). Лексема *gulf* («расселина, ущелье») актуализирует здесь образ неизмеримой, кажущейся бездонной глубины. Синестетический эпитет *dark* («темный»), указывающий на скрытость от физического зрения, метонимически передает мысль о недоступности предельных глубин памяти осознанной оценке. Эпитет *broad* («обширный»), актуализирующий идею пустоты-разрыва между отстоящими точками в событийном пространстве, подчеркивает качественное различие и несовместимость прошлого и настоящего. Устойчивые эмотивные со-значения, присущие объединенным идеям темноты словам *dark* и *gulf*, имплицитно ассоциируются с тяжелыми, драматическими переживаниями, которые отделяют детство и зрелые

годы. В стихотворении, созданном двадцатитрехлетним поэтом, метафора «бездны» времени воспринимается с некоторой долей условности, как фигура речи – яркая и запоминающаяся авторская гипербола. Составляющая отдельную обособленную синтагму, она формирует непрямую антитезу с метафорой света, сквозь призму которой автор воспринимает состояние надежды, окрашивающей воспоминания о прошлом – *she decks for me a distant scene **gilding** that cottage with her fondest ray* (букв. «она [надежда] украшает далёкую картину..., касаясь деревенского дома самым ласковым из своих золотых лучей»).

В пятой книге «Прелюдии» (фрагмент 2) метафора служит средством осмысления возможности сосуществования в человеческой душе прошлого и настоящего. Указывая на неослабевающее влияние прошлого (*these remembrances*), продолжающего действовать и в настоящем (*still it works*), поэт описывает пространство памяти метафорой «объёмного» времени – *hidden from all search/ Among the depths of time* (букв. «...скрытые от всех поисков в глубинах времени»). Словоформа *the depths* уподобляет память темным морским водам; предлог *among* («среди, между») отсылает к содержательному «наполнению» памяти, имплицитно образуя образы минувших событий. Совершившиеся однажды во времени и, казалось бы, преданные забвению (*hidden from all search*), они продолжают незримо оказывать влияние на настоящее и будущее.

В третьем фрагменте («Прелюдия», книга XI) поэт прибегает к сложной пространственно-динамической метафоре для описания самого процесса воспоминания. В стихе *Through times of honour and through times of shame Descending* (букв. «Сквозь времена почёта и времена стыда опускаясь») художественное воссоздание прошлого уподобляется движению вниз, в глубину, от настоящего к минувшему. Предлог *through* вводит образ объёмного пространства; его качественное событийное наполнение (*a long-lived storm of great events*) определяется метонимически, через отсылку к полярным состояниям – поры славы (*times of honour*) и времени позора (*times of shame*).

Наряду с метафорой «трёхмерного» времени хронотоп памяти в произведениях У. Вордсворта определяют традиционные образы «горизонтального» времени, структурируемые моделью *TIME IS A LANDSCAPE WE MOVE THROUGH/ ВРЕМЯ – ЭТО МЕСТНОСТЬ, ПО КОТОРОЙ МЫ ДВИЖЕМСЯ*. Последние регулярно сочетаются с реализациями динамических метафор. Ср.:

(4) *There, as I ranged at will the pastoral downs... / Time with his retinue of ages fled / Backwards, nor checked his flight until I saw / Our dim ancestral Past in vision clear / Saw multitudes of men ...* ("The Prelude", book XIII).

В приведенном фрагменте метафоры служат средством концептуализации широких пластов исторической памяти. Первая из развернутых метафор, будучи реализацией концептуальной схемы TIME MOVES / ВРЕМЯ ДВИЖЕТСЯ, вводит персонифицированный образ времени, которое посредством сочетания *retinue of ages* (букв. «свита веков») уподоблено правителю, окруженному придворными. Предикат *fled backwards* (букв. «неслось назад») и конкретизирующая группа второго сказуемого *nor checked his flight* (букв. «и не остановило своего полёта»), подчеркивая стремительность смены времён, актуализируют парадоксальную траекторию движения – в обратном направлении (*backwards*). Предел полёта времени, обозначенный пространственным союзом *until* («до тех пор, как»), соотносится с реалиями первобытной истории (*ancestral Past*). Определение *dim* («тусклый, неясный») указывает на удаленность прошлого от мысленного взора повествователя. Воссоздание истории в памяти воспринимается как приближение к прошлому, сообщающее лирическому герою способность созерцать прошлое как находящееся предельно близко, о чём свидетельствует метафора непосредственного зрительного восприятия *I saw in vision clear* (букв. «я наблюдал в отчётливом видении»).

Воссоздавая в «Прелюдии» образы времени, в пространстве которого совершается жизнь человека, У. Вордсворт указывает на невидимое присутствие в мире Того, Кто пребывает вне естественного земного хронотопа:

(5) ...The one / Supreme Existence, the surpassing life / Which – to the boundaries of space and time, / Of melancholy space and doleful time, / Superior, and incapable of change, / Nor touched by welterings of passion – is, / And hath the name of, God (“The Prelude”, book VI).

Образ замкнутого пространства, определяемого внешними межевыми линиями – границами времени (*boundaries of time*), противопоставляется здесь беспредельности Творца вселенной, бытием Своим превосходящего само понятие жизни (*Supreme Existence, the surpassing life*). Характеризуя время земного существования эпитетом *doleful* («скорбный»), поэт упоминает и о причине страданий – действии страстей, которые иносказательно уподобляет бушующему морю (*welterings of passion*).

Проведенный анализ позволяет заключить, что в авторской картине мира У. Вордсворта темпоральный опыт структурируется посредством нескольких ключевых концептуальных метафор. Пространственные параметры глубины, широты, линейной продолжительности, проецируемые на область времени, переосмыслиются, приобретая новые эмоционально-оценочные значения, соотносимые с индивидуальным переживанием поэтом прошлого и настоящего.

Литература

Бердяев Н. А. О небесной истории. Время и вечность // Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: «Мысль», 1990. С. 49–66.

Коннова М. Н. Категоризация темпорального опыта в английском и русском языках: дис. ... д-ра филол. наук, 2018.

Haspelmath M. From Space to Time. Temporal Adverbials in the World's Languages. Muenchen; Newcastle: Lincom Europa, 1997.

A. G. M. Westerbeek, A. O. Budarina, M. N. Konnova

(Kaliningrad, Russia)

Immanuel Kant Baltic Federal University

METAPHORIC PERCEPTION OF TEMPORAL EXPERIENCE IN WILLIAM WORDSWORTH'S POETRY

Drawing on “An Evening Walk” (1793) and “The Prelude” (1770–1850) we analyze spatial metaphoric models of time in William Wordsworth's world view. We demonstrate that both horizontal and vertical axes, as well as the three spatial dimensions of depth, width and length, serve as relevant source of analogies for unique poetic perception of past experience.

Key words: temporal experience, poetic discourse, metaphor, William Wordsworth.

Т. Р. Ванько (Москва, Россия)

*Московский государственный
лингвистический университет
bestgrammar@yandex.ru*

СИНТАКСИС ОНЛАЙН КИНОРЕЦЕНЗИИ ЭПОХИ ВЕБ 2.0

Актуальность исследования обусловлена фрагментарностью описания синтаксических параметров онлайн кинорецензии в условиях веб 2.0, без учета сложностей ее архитектуры. Новизна определяется сопоставительным анализом синтаксиса адаптированного цифрового контента (профессиональных кинорецензий) и пользовательского цифрового контента (любительских кино отзывов), что позволяет определить тенденции развития синтаксиса коммуникации веб 2.0.

Ключевые слова: адаптированный цифровой контент, пользовательский цифровой контент, профессиональная онлайн кинорецензия, любительская онлайн кинорецензия, синтаксические характеристики.

Технологии веб 2.0 и веб 3.0 превратили рядовых пользователей Интернета в полноправных создателей контента. Сегодня пользовательский контент либо полностью замещает контент, предоставляемый самими сайтами, либо существует параллельно с ним. Архитектура онлайн коммуникации веб 2.0 предполагает сосуществование адаптированного и пользовательского контентов с различными синтаксическими характеристиками [Herring 2013: 4]. Недостаточная изученность синтаксических параметров различных типов виртуального дискурса определили задачи исследования, а именно, сопоставление основных синтаксических параметров пользовательского контента (любительских кино отзывов) и его традиционного аналога (профессиональных онлайн кинокритик) с целью установления основных тенденций развития синтаксиса виртуальной коммуникации веб 2.0.

Рождение нового «дигитального»/цифрового языка виртуальной коммуникации, обусловленное техническими возможностями веб 2.0 и веб 3.0, сопровождается изменением его языковых характеристик, которые необходимо изучать [Herring 2013; Клушина 2018:53]. Язык цифровой коммуникации имитирует в виртуальной среде реальное общение в офлайн условиях. Это особенно характерно для пользовательского контента, который отличается разговорно-просторечным стилем общения, диалогичностью, спонтанностью и непринужденностью с нарушением общепризнанных языковых норм, активным использованием визуальных невербальных средств коммуникации (фото, видео, эмодзи, интернет-мемы) [Клушина 2018: 54]. К специфическим признакам синтаксиса цифровой коммуникации относят упрощенный синтаксис, парцелляцию, эллипсис, графические невербальные средства (шрифт, разрядка, цвет, капитализация, знаки препинания), которые имеют основной целью экономию языковых и мыслительных усилий как для автора, так и для получателя [Клушина 2018: 54; Турко 2024: 3010].

Основное внимание при изучении синтаксиса языка цифровой коммуникации обращалось на синтаксические характеристики языка цифровых СМИ [Ванько 2022] и других жанров виртуальной коммуникации: в мессенджерах, по электронной почте, соцсетях, блогах и т. п. [Трофимова, Барабаш 2020]. Критический онлайн дискурс является пространством, где одновременно сосуществуют два типа цифрового контента: адаптированный (профессиональные онлайн кинокритик) и пользовательский (любительские онлайн кино отзывы), что создает уникальную возможность сопоставить их синтаксические параметры и выявить основные направления развития синтаксиса виртуальной коммуникации. Синтаксические характеристики онлайн кинокритик рассматривались изолированно [Ванько 2013; Шкайдерова 2014; Сабурова, Голикова 2015]. Сопоставительный анализ позволил бы вы-

явить сходство и различие адаптированного и пользовательского контента и установить синтаксические тенденции цифровой коммуникации веб 2.0.

Сопоставительный анализ синтаксиса адаптированного и пользовательского дискурса веб 2.0 проведен на материале отобранных на сайте IMDb.com (Internet Movie Database) 10 профессиональных кинокритических рецензий (общий объем 7211 слов – 34210 печатных знаков) и 20 любительских отзывов (3192 слова – 14208 печатных знаков) на американский телевизионный сериал «Идеальная пара» (The Perfect Couple) 2024 года. В результате были выявлены как сходство, так и различие синтаксических черт.

Нами установлены различия в размере публикаций: количество слов в профессиональных кинокритических рецензиях в четыре раза превышает этот показатель в любительских отзывах (691 и 170 слов соответственно), что объясняется содержанием контента. Адаптированный контент следует стандартной схеме написания профессиональной рецензии и строится более длинными и информативными предложениями, содержащими в среднем в 1,3 раза больше слов, чем в зрительском отзыве (30 и 20 слов соответственно). Наоборот, отзывы Интернет-пользователей служат целям самовыражения и общения в виртуальном пространстве. Их предложения менее информативны, но более экспрессивно и эмоционально окрашены, т.к. передают сиюминутную реакцию на фильм. Спонтанностью реакции можно объяснить обилие эллиптических предложений (21% пользовательского контента).

Сравнительный анализ коммуникативных типов предложений установил как сходство, так и различие публикаций адаптированного и пользовательского контента. Они одинаково тяготеют к использованию повествовательных предложений (91% и 76% соответственно). Различие проявляется в частотности в вопросительных и восклицательных структурах. Вопросы в три раза частотнее в профессиональных кинокритических рецензиях (7%), чем в любительских (2%). Представляется, что профессиональные кинокритики используют вопросы, чтобы заинтересовать и побудить читателя к просмотру фильма или ознакомлению с рецензией. Напротив, восклицательные предложения типичны для пользовательских отзывов (21% пользовательского контента), воплощая повышенную эмоциональность и экспрессивность любительского киноотзыва. Адаптированный онлайн контент пользуется восклицательными структурами редко (2%).

Сравнение структурных типов предложений продемонстрировало наиболее значимые различия в синтаксисе адаптированного и пользовательского онлайн дискурса. Адаптированный контент свободно использует простые (27%), сложносочиненные (29%), сложноподчиненные (23%) и смешанные предложения с подчинительной и сочинительной связью (21%).

Широкий спектр синтаксических структур делает профессиональные кинокритические рецензии более содержательными, позволяет выражать разнообразные связи и взаимодействие элементов. Напротив, непрофессиональные пользовательские онлайн отзывы содержат в своем большинстве простые предложения (72%), т.к. они просты для создания и восприятия, и, следовательно, делают пользовательский контент динамичным, подобным реальной коммуникации. Зафиксированы случаи использования сложноподчиненных (16%), сложносочиненных (10%) и смешанного типа (3%) предложений в пользовательских онлайн кино отзывах, однако, они менее характерны.

Наши данные указывают на сходство адаптированного и пользовательского цифрового критического дискурса в ассортименте используемых типов придаточных предложений. Чаще встречаются определительные придаточные (45% в профессиональных кинокритических рецензиях и 43% в непрофессиональных) и дополнительные (29% и 34% соответственно) предложения, служащие для информирования читателя. Различные типы придаточных обстоятельственных (26% в адаптированном и 23% в пользовательском контенте) – придаточные предложения времени, условия, причины, уступки, сравнительные – демонстрируют более низкую частотность.

Сопоставление паралингвистических средств невербальной коммуникации выявило различия между адаптированным и пользовательским контентом. Адаптированный дискурс преследует цель проинформировать читателя рецензии и побудить его к просмотру фильма, поэтому использует красочные и наглядные фото и видео элементы. Пользовательский контент служит платформой для выражения эмоций и мнений рядового пользователя после просмотра фильма. Здесь характерны графические невербальные средства (жирный шрифт, курсив и цвет, капитализация и мультипликация) – общепризнанные паралингвистические средства эмотивизации и экспрессивизации речи, служащие для обозначения эмоционального состояния автора [Турко 2024: 3010].

Структурное оформление профессиональных и любительских кинокритических рецензий указывает на сближение двух типов контента коммуникации веб 2.0. Их публикации всегда имеют заголовок и разбивку на параграфы (от 2 до 9), что свидетельствует о развитии непрофессионального пользовательского контента в направлении улучшения формы и содержания. Параллельно с этим наблюдается имитация адаптированным контентом некоторых черт спонтанного общения в офлайн условиях: нарушение регламентированной стандартной структуры, отсутствие деления на параграфы или, наоборот, их большое количество (от 4 до 13).

Сопоставительный анализ синтаксиса адаптированного и пользовательского контента выявил как сходство, так и различие, что свидетельствует

о тенденции на сближение синтаксиса двух видов цифрового дискурса. Выявленные процессы указывают на изменения в прежде строго регламентированном профессиональном критическом дискурсе с целью имитации стиля и интонации пользовательского дискурса, обладающего характеристиками устно-письменной речи.

Литература

- Ванько Т.Р.* Синтаксис «digital native media» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 16–22.
- Ванько Т.Р.* Своеобразие языка кинорецензии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 26 (686). С. 106–111.
- Клушина Н.И.* О дигитализации языка // Филологические беседы. Русская речь. 2018. Вып. 6. С. 52–56.
- Сабурова Н.А., Голикова А.С.* Дискурсивные характеристики непрофессиональной кинорецензии в виртуальном пространстве // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2015. № 3(38). С. 281–290.
- Трофимова Г.Н., Барабаш В.В.* Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакommunikation). М.: РУДН, 2020.
- Турко У.И.* Смайлик, эмоджикон и эмодзи как невербальные средства общения в интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. Вып. 9. URL: <https://doi.org/10.30853/phil20240427>
- Шкайдерова Т.В.* Адаптация кинорецензии к новым медиа условиям // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 141–145.
- Herring S.* Discourse in Web 2.0: Familiar, Reconfigured, and Emergent // Discourse 2.0. Language and New Media. Washington DC: Georgetown University Press, 2013. С. 1–27.

T. R. Vanko (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

SYNTAX OF ONLINE FILM REVIEWS OF THE WEB 2.0 ERA

The relevance of the study is due to the fragmentary description of online film review syntax of the web 2.0 era, without taking into account the complexity of its architecture. The novelty is determined by the comparative analysis of the syntax of adapted digital content (professional film reviews) and user-generated digital content (amateur film reviews), which allows us to determine the trends in the syntax of web 2.0 communication.

Key words: adapted digital content, user-generated digital content, professional online film review, amateur online film review, syntactic characteristics.

О. В. Володина (Ростов-на-Дону, Россия)

*Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
sirotinetsov@mail.ru*

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА

В статье анализируются особенности общественно-политического дискурса на материале текстов предвыборных речей и заявлений лидеров общественного мнения в США – Д. Трампа, К. Харрис. Цель статьи – определить степень конфликтности текстов предвыборных речей на стилистическом, семантическом и прагматическом уровнях, выделяя средства ее манифестации в анализируемом виде дискурса. Полученные результаты индексируют степень конфликтности текста, путем учета частотности соответствующих лексических маркеров.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс, маркеры конфликтности, уровни манифестации.

Общественно-политический дискурс, ключевой характеристикой которого выступает социально обусловленный плюрализм мнений, характеристик и оценок, включает множество конфликтных коммуникативных ситуаций, вызывающих негативные эмоции, отражающих противоречия сторон. Подобные поляризированные дебаты особенно актуальны в период политической предвыборной гонки.

Предвыборные дебаты нашли отражение в газетных текстах, на радио, телевидении, в Интернете. Анализируемые сферы реализации англоязычного общественно-политического предвыборного дискурса маркированы такими когнитивно-прагматическими установками, как интенция личностной индивидуальной презентации, яркое выражения жесткой принципиальной позиции по ряду жизненно-важных вопросов, социально-значимый контент, психологическая близость для аудитории, высокая социальная значимость [Тертычный 2014: 8].

Анализ речей кандидатов на пост президент США позволил выделить две неравномерные по объему группы выступлений: выступления первой группы, характеризующиеся ярко выраженной эмоциональностью при обсуждении, и выступления второго типа, характеризующиеся доминирующим рациональным подходом и фактологическим анализом.

Одним из ключевых аспектов, влияющих на восприятие кандидата, является лексика, которую он использует. Конфликтотенная лексика, наме-

ренно или нет, может способствовать углублению противоречий в обществе, эскалации напряженности и формированию негативного образа политического оппонента [Макаренко 2016: 193]. Данное исследование посвящено анализу лексических маркеров конфликтогенности в предвыборных речах Дональда Трампа и Камалы Харрис, кандидатов, представляющих различные политические взгляды и стили коммуникации.

Конфликтный потенциал любой речи, выступления, заявления обусловлен, в первую очередь, особенностями лексики общественно-политического дискурса, к которым относят наличие: а) манифестативной лексики, то есть характерной именно для данной общественной группы; б) оценочных, эмоционально-экспрессивных и ассоциативных характеристик информационного повода [Дондо 2015: 88].

Выступления политических лидеров США – Д. Трампа и К. Харрис – были проанализированы на наличие лексических маркеров конфликтогенности, под которыми мы, вслед за Н. В. Карповской, понимаем единицы, обладающие отрицательной оценочностью, эмоциональной окраской и «высоким когнитивно-прагматическим потенциалом в плане выражения субъективной оценки агрессивности, воинственности, враждебности, нетерпимости и т. д., при этом актуализация потенциала данных единиц в речи способствует возникновению конфликтных ситуаций» [Карповская 2022: 18].

Анализу подверглись представленные в медийном пространстве выступления кандидатов в 2023–2024 гг. Методом сплошной выборки были выделены лексические маркеры конфликтогенности, характерные для каждого из лидеров общественного мнения, рассмотрены их семантические и структурные особенности.

В рамках данного исследования были выявлены такие лексические конфликтогенные единицы как негативная оценочная лексика, обценная лексика, преувеличения, обобщения, зоосравнения, стереотипы, прямые оскорбления, обвинения, угрозы, негативные междометия, негативные устойчивые высказывания.

Политические выступления Дональда Трампа в период предвыборной кампании отличались прямолинейностью, эмоциональностью, полемическим характером. Он активно использовал язык, направленный на создание ощущения кризиса и угрозы, а также на подчеркивание собственной роли как спасителя нации.

Одним из наиболее распространенных лексических маркеров конфликтогенности в речи Трампа является использование негативно окрашенных оценочных суждений в отношении политических оппонентов и оппозиционных сил. Отмечена высокая частотность использования таких

слов и выражений, как «*weak*», «*incompetent*», «*corrupt*», «*disinformation*», «*radical leftists*», «*fake news*», «*disastrous deal*». Подобная лексика не только дискредитирует оппонентов, но и формирует у избирателей негативное представление о них, усиливая поляризацию общества.

Преувеличения и обобщения также занимают важное место в арсенале риторических приемов Трампа. Он часто использовал слова «*always*», «*never*», «*everyone*», «*noone*», «*great*», что создает впечатление абсолютной уверенности в своей правоте и не оставляет места для альтернативных точек зрения. Например, заявления типа «*we are lied to all the time*» или «*our border is completely open*» не соответствуют действительности, но способствуют формированию у избирателей чувства тревоги и неуверенности.

Еще одним характерным лексическим маркером является использование стереотипов и упрощенных представлений о различных социальных группах. Трамп часто прибегал к генерализации и навешиванию ярлыков, особенно в отношении мигрантов и этнических меньшинств. Подобные высказывания могут способствовать разжиганию ненависти и дискриминации, а также углублять социальные противоречия.

Наконец, в речи Трампа иногда встречались прямые оскорбления и выпады в адрес оппонентов. Он не стеснялся использовать уничижительные прозвища и оскорбительные эпитеты, что, безусловно, является ярким проявлением конфликтогенности.

Выступления Камалы Харрис отмечены более сдержанным и рациональным тоном и меньшей частотностью отмеченных в ходе анализа текстов предвыборной компании лексических маркеров конфликтогенности. Доминирующей интенцией данного политика явилось стремление презентовать себя как кандидата, способного объединить общество и преодолеть разногласия.

Лексические маркеры конфликтогенности в выступлениях К. Харрис базируются на приемах контраста и противопоставления. Она подчеркивала различия между своими взглядами и взглядами Трампа, акцентируя внимание на негативных последствиях его политики. В выступлениях отмечена высокая частотность использования таких выражений как «*incompetent leadership*», «*failed decisions*», «*dangerous policies*», «*push lies*». Хотя эти выражения не являются прямыми оскорблениями, они все же содержат негативную оценку и могут способствовать формированию негативного отношения к оппоненту.

К. Харрис также использовала лексику, направленную на мобилизацию своих сторонников: «*fighting for justice*», «*defending rights*», «*creating a better future*». Данные маркеры могут быть классифицированы как кон-

фликтогенные, поскольку подразумевают наличие противника, с которым необходимо бороться.

В отличие от Трампа, Харрис старалась избегать использования стереотипов и обобщений. Однако в ее речи иногда встречались выражения, которые можно интерпретировать как намеки на недостатки оппонента («*lack of responsibility*», «*lack of empathy*»).

Таким образом, выступления американских лидеров характеризуются высокой степенью фликтогенности. Сравнительный анализ лексических маркеров фликтогенности в речах Трампа и Харрис показывает, что оба кандидата использовали лексику, которая могла способствовать углублению противоречий в обществе. Однако они делали это разными способами. Основной стратегией использования лексических маркеров фликтогенности Трампа и Харрис является понижение статуса речевого партнера. Трамп использовал более агрессивный и прямолинейный стиль, прибегая к оскорблениям, преувеличениям и стереотипам, гиперболизации недостатков оппонентов, оскорблениям, упрекам, нападкам и т. д. Харрис, напротив, старалась использовать более сдержанный и рациональный тон, прибегая к контрасту, противопоставлению и мобилизующей риторике, однако в ее выступлениях также отмечены лексические маркеры фликтогенности, описывающие психическое состояние здоровья оппонента или его умственные способности.

Наибольшее число лексических маркеров фликтогенности отмечено в текстах политической аналитики, рассматривающих международную и межкультурную коммуникации. Лексические маркеры фликтогенности выступлений обоих рассматриваемых лидеров адресованы как друг другу, так и лицам, занимающим позицию, противоположную позиции выступающего.

Литература

Дондо С. А. Основные принципы определения типов общественно-политического дискурса // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 87–91.

Карповская Н. В., Абкадырова И. Р., Давтянц И. И. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах фликтогенности и их когнитивно-прагматическом потенциале // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2022. № 1(2). С. 14–25.

Макаренко Г. С. Эксплицитные и имплицитные маркеры фликтогенности публицистического текста // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 1. С. 192–195.

Тертичный А. А. Интернет-публицистика: жанровый профиль // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 6. С. 7–16.

O. V. Volodina (*Rostov-on-Don, Russia*)
Rostov State University of Economics (RINH)

MARKERS OF CONFLICT IN SOCIO-POLITICAL PRE-ELECTION DISCOURSE

The article analyzes the peculiarities of socio-political discourse on the material of texts of pre-election speeches and statements of public opinion American leaders – D. Trump, K. Harris. The aim of the article is to determine the degree of conflictogenicity of the texts of election speeches at the stylistic, semantic and pragmatic levels, highlighting the means of its manifestation in the analyzed type of discourse. The obtained results index the degree of text conflict by taking into account the frequency of corresponding lexical markers.

Key words: socio-political discourse, markers of conflictogenicity, levels of manifestation.

В. В. Грищева (*Москва, Россия*)
*Московский государственный
лингвистический университет*
walya86@mail.ru

СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЕРБАЛИЗАЦИИ МУЗЫКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается специфика когнитивно-дискурсивного пространства англоязычного драматургического текста сквозь призму смыслового потенциала объективации музыки. Полученные данные демонстрируют, как функционирование музыки в драме позволяет автору передавать наиболее значимую информацию. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что языковая манифестация музыки дополнительно активизирует внимание читателя/зрителя и обеспечивает смысловую актуализацию.

Ключевые слова: драматургический дискурс, смысл, музыка, авторская ремарка.

Смыслообразование драматургического дискурса является интеграцией представленных в тексте пьесы вербальных и невербальных знаков, интерпретация которых зависит от когнитивно-ассоциативного опыта потенциального реципиента, а также в целом от специфики лингвокультурного сообщества. При таком подходе подчеркивается особая роль ремарочного

текста, который порождает «дополнительные коннотации и смыслы константой по отношению к вербально очерченному пространству диалога между взаимодействующими актантами пьесы» [Шляхова 2022: 787], что актуально звучит с точки зрения интерпретации роли обращения к музыке в авторских комментариях в пьесе.

Новизна представленного в статье материала определяется тем, что в нем впервые дается обобщенная характеристика функционирования музыки в пьесе в качестве средства общения, что, естественно, подчеркивает не только ее знаковую, но и коммуникативную природу.

Предваряя рассуждения, непосредственно связанные с ролью музыки и ее объективацией в драматургическом дискурсе, особо подчеркнем, что совокупность методов воздействия на читателя в драматургическом дискурсе будет значительно варьироваться. В этом смысле на первый план выступают такие смыслоформирующие элементы, которые способны воздействовать на органы чувств потенциального зрителя и поддерживать перформативный характер пьесы. В связи с этим прослеживается взаимосвязь между перформативностью и дополнительной смысловой актуализацией наиболее важных для понимания смысловых компонентов [Грищева 2024: 99]. Другими словами, в драматургическом произведении автор стремится отобразить и организовать языковые элементы таким образом, что в проекции повлияет на интеллектуальное и эмоциональное состояние реципиента в соответствии с закладываемым смыслом [Старостина 2021: 115].

Итак, в драматургическом дискурсе задействованы не только вербальные, но и невербальные средства, к которым в том числе относится музыка, причем, музыкальные средства и приемы играют ключевую роль в постижении смысла театрального действия. Читатель, в свою очередь, также реагирует на включение музыки в пьесу, поскольку она относится к иной знаковой системе.

Далее необходимо также остановиться на положении о том, что степень участия музыки в смыслоформировании пьесы действительно является высокой, поскольку музыкальное оформление служит основным целям создаваемого художественного события. Объективация музыки выступает в качестве некоего смыслового вектора, который обеспечивает полное погружение в действие, разворачивающееся в драматургическом дискурсе. Некоторые исследователи, занимающиеся проблемами семиотики сценического действия [Григорьянц 2007], отмечают, что существует информация, которую сложно или невозможно вербализовать. Таким образом, музыка в процессе трансформации драматургического текста в сценическую по-

становку выступает в качестве одного из таких главных средств по актуализации смыслов.

В продолжение наших рассуждений о роли музыки в драматургическом дискурсе с точки зрения формирования смысла обратим внимание также на то, что манифестация музыки способствует лучшему пониманию воспроизводимых событий, поскольку обладает мощным потенциалом по созданию атмосферы в драматургическом тексте и впоследствии на сцене. Обратимся к примерам из пьесы Питера Шеффера «Упражнение для пяти пальцев» (“Five Finger Exercise”) для доказательства данного наблюдения:

(The sound of piano music is heard off. It is the “Gavotte in D Minor; Bach: Sixth English Suite.” Pamela leans across Clive’s knees, her right elbow on his left knee and her face cupped in her right hand).

Pamela (*listening*). He’s the best, isn’t he? <...>

(They *listen* for a moment). <...>

(The piano music ceases.)

В приведенном отрывке представлен диалог между братом Клайвом Херрингтоном и его сестрой Памелой, который разворачивается на фоне музыкальной композиции. В представленном фрагменте вербализация музыки передается достаточно точным и детальным указанием на английскую сюиту И. Баха *Sixth English Suite, the sound of piano music*, созданную для клавишных инструментов и исполненную в тональности гавота до минор. Стоит обратить внимание на то, что драматург при описании музыкального сопровождения мизансцены использует термины, относящиеся к области музыкального искусства *gavotte, D minor*, что позволяет конкретнее передать тактовый размер и другие оттенки звучания мелодии, влияющие на формирование эмоциональной атмосферы сценического действия. Лирический, мелодичный мотив музыкальной композиции также соотносится с движениями действующих лиц. Так, в ремарках, описывающих действия Памелы глаголы *cup, lean across* указывают на неспешные движения и имплицитно удовольствие, которое персонаж получает от музыкальной мелодии. Значимым элементом в формировании музыкального образа становится и близкое расположение действующих лиц друг к другу, которое фиксируется в описании *her right elbow on his left knee, her face in her right hand*. Такой смысловой акцент в представлении действующих лиц позволяет приблизить героев к читателю и глубже передать их нежные и теплые чувства друг к другу. Кроме того, стоит отметить, что в таком случае объективация музыки не выходит на первый план, а актуализируется именно так называемое «закадровое» звучание, которое передается

глаголом в страдательном залоге *is heard off*, связанным с доносящимися звуками. Использование в авторских ремарках повтора глагола *listen* в разных временных грамматических формах *listening*, *listen*, прямо указывающим на внимательное вслушивание в музыкальную композицию, дополнительно акцентирует роль музыкальной составляющей в качестве смыслового компонента.

В процессе анализа была также выявлена структурообразующая роль выстраиваемого музыкального образа, который знаково фиксируется в пьесе за счет указания на начало *the sound of piano music is heard off* и конец музыкальной композиции *the piano music ceases*. Экспрессивно-стилистическая окраска глагола *cease*, посредством которого передается резкое завершение музыкального исполнения, имплицитно смену эмоционального настроения в пьесе и переход к другой мизансцене.

Вернемся к центральному положению данной работы, согласно которому вербальная объективация музыки в англоязычной драме не только формирует смысловые доминанты в структуре драматургического действия, но и, прежде всего, обусловлена проявлением и актуализацией семиотического потенциала музыки в англоязычном драматургическом дискурсе. Так, ярким примером, в котором музыка является знаком-образом, передающим основной смысловой лейтмотив, заложенный автором, может служить следующий фрагмент:

(A passage is repeated on the piano off several times, than there is an irritated bang on the keys and the noise stops.) <...>

(The explosive opening of the “Brahms Third Symphony, No. 3 in F Major, 1st Movement” is *heard coming* from a gramophone in Walter’s room.)

(He looks up. *Dangerously. One stops. The other starts.*) <...>

Louise (*enjoying the music and beating time to it*). Where to – Mr. Benton? <...>

Louise (*still beating time*). Ssh!

Основную смысловую нагрузку в проиллюстрированном отрывке из мизансцены к пьесе несет обращение к музыкальному произведению немецкого композитора И. Брамса. В авторской ремарке дается указание на третью симфонию с подробным описанием ее музыкального исполнения в конкретной тональности *F Major* и конкретизацией воспроизводимой композиционной части *1st Movement*. Обращение к первой части третьей симфонии И. Брамса воссоздает атмосферу нарастающего конфликта в семье Херрингтонов, поскольку эта мелодия характеризуется особым драматизмом, тревожностью и имплицитно эмоциональную неустойчивость. Формирование знака-образа посред-

ством данного музыкального произведения поддерживается также стилистически-окрашенным прилагательным *explosive*, которое используется для описания первых аккордов упомянутой мелодии. Таким образом музыка выступает в качестве дополнительного актуализатора атмосферы взрывного противостояния между супругами. В связи с этим знаково фиксируется создание звукового образа, оказывающего значительное эмоционально-экспрессивное воздействие на читателя, а, следовательно, влияющего на восприятие описываемых событий. Стоит заметить, что обращение к музыке естественным образом «подсвечивает» главный смысловой лейтмотив, связанный с конфликтом в семье Херрингтонов. Такой эффект достигается также за счет закадрового звучания музыки, которое передается глаголом *hear* в страдательном залоге и указывает на слуховое восприятие.

Анализ свидетельствует о том, что заданная обращением к музыке смысловая доминанта пьесы поддерживается описанием поведенческих характеристик действующих лиц. В авторских ремарках, представляющих действия Стэнли, эмоциональный накал передается посредством коротких синтаксических конструкций *Dangerously. One stops. The other starts*. Причем употребление стилистически-маркированного наречия *dangerously* особым образом коррелирует с выстраиваемым звуковым образом, имплицитующим опасный супружеский конфликт. Такие детали служат дополнительным условием формирования смысла.

Обобщая результаты проведенного исследования в области смыслоформирующей роли музыки, можно констатировать, что объективация музыки получает невербальное воплощение на сцене, что в целом является дополнительным коммуникативным каналом, через который передается наиболее значимая смысловая информация.

Литература

Григорьянц Т. А. Семиотика сценического текста // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 66–69.

Грищева В. В. Лингвопрагматические аспекты когерентности в драматургическом тексте (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2024.

Старостина Ю. С. Англоязычная драматургия в контексте дискурсивно-коммуникативного лингвоаксиологического подхода: теоретические аспекты // Филология: научные исследования. 2021. № 11. С. 107–120.

Шляхова М. М. Наречные ремарки и их функции в драматургическом дискурсе // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 32, вып. 4. С. 785–792.

V. V. Grishcheva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

**MEANING-FORMATION ASPECTS
OF MUSIC VERBALIZATION
IN ENGLISH DRAMA DISCOURSE**

The article aims to study the specifics of cognitive-discursive space of English drama text through the prism of meaning-formation potential of music objectivation. The obtained results show how the functioning of music in plays enables the author to render the most significant information. The conducted research allowed to conclude that linguistic manifestation of music contributes to further intensification of a reader's/spectator's attention and actualizes meaning-formation.

Key words: drama discourse, meaning, music, stage directions.

И. А. Даниленко (Белгород, Россия)
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
danilenko_ia@bsu.edu.ru*

**ТЕМПОРАЛЬНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ
КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ «ВОЙНА»
(на материале российского медиа дискурса)**

Вслед за усложняющимися политическими, экономическими и социальными отношениями усложняются и языковые способы их отражения. Познавательных концептов с их однозначными трактовками становится не достаточно. Для выражения более сложных явлений в языке формируются когнитивные доминанты, которые могут включать в себя несколько концептов, объединённых общей идеей. Темпоральная актуализация когнитивной доминанты представляет собой процесс включения новых познавательных концептов в когнитивную доминанту.

Ключевые слова: когнитивная доминанта, познавательный концепт, темпоральная актуализация, когнитивно-герменевтическое моделирование.

Естественные языки формируются под влиянием особенностей восприятия окружающего мира и «выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, коллективную философию» [Богачёв 2007: 4], которая является обязательной для всех носителей одной культуры.

В рамках каждой культуры есть ряд фундаментальных социальных концептов. Для большинства культур такими концептами являются, например, ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ. В каждой отдельно взятой культуре они трактуются по-разному и имеют разные номинативные поля, но само наличие таких «эквивалентных концептов» [Пименова 2012] – объективный факт.

Современный мир, в котором постоянно идёт процесс глобализации информационного пространства, экономические, политические и торговые отношения между представителями разных культур постоянно усложняются, уже не может обходиться простыми социальными концептами-доминантами, существующими изолированно друг от друга. Сложность социального мироустройства ведёт к объединению нескольких социальных концептов-доминант в более объёмные по содержанию когнитивные конструкторы – когнитивные доминанты.

В рамках данного исследования под когнитивной доминантой понимается один или несколько концептов, мыслительных картинок, схем, фреймов и сценариев [Бабушкин 2003], выражающих наиболее актуальное общественное явление на определённом историческом этапе развития общества. В своих исследованиях Н. Н. Болдырев разграничивает все когнитивные доминанты на общие и частные. Под общими когнитивными доминантами он понимает доминанты, характерные для целой группы людей. Под частными когнитивными доминантами он понимает доминанты индивидуального сознания [Болдырев 2020: 32]. Преломляя эту концепцию в данном исследовании, мы понимаем общую когнитивную доминанту, как доминанту целого языка.

Исследование выполнено на материале новостных статей, опубликованных на сайте газеты «Московский комсомолец» и на сайте Первого канала. В качестве метода исследования был применён метод когнитивно-герменевтического моделирования, основанный на понимании и истолковании лексических единиц и контекстов.

Развивая теорию С. В. Ильясовой о «ключевых словах эпохи» [Ильясова 2014], рассмотрим ключевую когнитивную доминанту современности. В отличие от других когнитивных доминант, когнитивная доминанта «война» является темпорально актуализируемой. Она получает широкое распространение в языке во время военных действий и утрачивает актуальность в мирное время, в то время как, например, когнитивная доминанта «Любовь» остаётся релевантной на любом историческом этапе развития общества [Даниленко 2024]. Актуализация когнитивной доминанты представляет собой процесс выдвижения одного или нескольких языковых концептов, объединённых общностью идеи, и формирование на их основе когнитивной доминанты. В случае с когнитивной доминантой «война» такая акту-

ализация носит временный характер. С развитием политических событий когнитивная доминанта «война» продолжает расширяться, включая в себя всё новые концепты. Так, в Российской Федерации официально принятым обозначением военного конфликта является название «специальная военная операция Вооружённых сил РФ, проводимая с 24 февраля 2022 года с целью демилитаризации и денацификации Украины». Эта операция подразумевает не только собственно военные действия, но и различного рода спасательные операции, проводимые силами МЧС и другими гражданскими службами на территории ДНР и ЛНР, что указывает на представленность таких концептов, как ПОМОЩЬ и БЕЗОПАСНОСТЬ.

Одним из значительных событий в мировой политике стал визит президента РФ В. В. Путина в КНР в мае 2024 года. В ходе данного визита обсуждался исключительно политический вопрос легитимности украинского президента В. Зеленского по истечении его срока пребывания у власти: «Это вопрос оценки. Конечно, прежде всего, должны ответить конституционные институты, и вообще политическая система самой Украины» [Первый канал 2024], как отметил Владимир Путин, отвечая на вопрос журналиста о возможности ведения переговоров с нынешним президентом Украины. Тот факт, что в современном русскоязычном обществе не возможно обсуждение вопросов проведения специальной военной операции без обсуждения текущей политической ситуации, как в России, так и в других странах, подчеркивает значение концепта ПОЛИТИКА.

Во время того же визита президента РФ В. В. Путина в КНР, журналисты попросили его прокомментировать предложение лидера Франции о возможном перемирии на время Олимпийских Игр, имея в виду прекращение боевых действий на территории ДНР и ЛНР. На это В. В. Путин ответил, что «в отношении нас нарушают, а хотят, чтобы мы исполняли те правила, которые нам диктуют. Разве это соответствует каким-то элементарным нормам справедливости?» [Военное обозрение 2024], имея ввиду запрет МОК на участие российских спортсменов в олимпиаде во Франции. В рассмотренной новостной заметке нет ни слова о боевых действиях, тем не менее, читателю ясно, что обсуждение вопросов олимпиады идёт именно в контексте таких действий на территории ЛНР и ДНР, что указывает на соотнесение концепта СПОРТ с военным конфликтом.

Таким образом, анализ военных конфликтов в современном мире, позволяет определить структуру когнитивной доминанты, представляющей собой несколько концептов, объединённых общностью идеи. Когнитивная доминанта «война» имеет несколько фокусов: ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ, ПОМОЩЬ, БЕЗОПАСНОСТЬ, ПОЛИТИКА, СПОРТ и др. Процесс темпоральной актуализации представляет собой расширение когнитивной доминанты за счёт включения в свой состав новых концептов.

Литература

Бабушкин А. П. Картина мира и концептосфера языка // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы международного симпозиума. Ч. 2. Волгоград: Перемена, 2003. С. 12–13.

Богачев Р. Е. Отражение английской языковой картины мира в концептах “home”, “freedom”, “privacy”, “common sense”: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007.

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4(43). С. 21–79.

Даниленко И. А. Историко-культурологический потенциал формирования художественного концепта KRIEG // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 2 (69). С. 47–52.

Ильясова С. В. Ключевые слова-маркеры эпохи как объект языковой игры (на материале языка российских СМИ) // Грани познания. 2014. № 1 (28). С. 60–62.

Пименова М. В. Эквивалентные концепты // Філологічні трактати. 2012. № 4. С. 93–99.

Серова С. А., Семишова Е. П. Ключевые слова текущего момента в медиаязыке периода специальной военной операции // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2 (99). С. 424–426.

Военное обозрение [Электронный ресурс]: Президент РФ прокомментировал предложение Запада об олимпийском перемирии. URL: <https://topwar.ru/242593-prezident-rf-prokommentiroval-predlozhenie-zapada-ob-olimpijskom-peremirii-sami-narushajut-principy-v-otnoshenii-rossii.html>.

Первый канал [Электронный ресурс]: Большая пресс-конференция состоялась по итогам государственного визита Владимира Путина в Китай URL: https://www.1tv.ru/news/2024-05-17/476863-bolshaya_press_konferentsiya_sostoyalas_po_itogam_gosudarstvennogo_vizita_vladimira_putina_v_kitay

I. A. Danilenko (Belgorod, Russia)

Belgorod State National Research University

TEMPORAL ACTUALIZATION OF THE COGNITIVE DOMINANT “WAR” (based on Russian media discourse)

As political, economic and social relations become more complex, the linguistic ways of reflecting them also become more complex. Cognitive concepts with their straight interpretations sometimes cannot be enough. To express more complex phenomena in a language cognitive dominants are formed which may include several concepts united by a common idea. Temporal actualization of a cognitive dominant is the process of including new cognitive concepts into the field of a cognitive dominant.

Key words: cognitive dominant, cognitive concept, temporal actualization, cognitive-hermeneutic modeling.

Е. А. Денисова (Санкт-Петербург, Россия)
*Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина
denisovaea72@mail.ru*

ГИБРИДИЗАЦИЯ КОДОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

Практика смешения кодов или так называемая гибридная языковая практика становится всё более актуальной в эпоху глобализации. Английский язык как средство межнациональной коммуникации выступает в качестве превалирующего компонента биязычия. Цель исследования – выявить случаи гибридизации кодов и инофонных инклюзий в тексте публичного выступления В. В. Путина на ПМЭФ 2024.

Ключевые слова: языковой компонент, гибридизация кодов, дискурс, языковые регистры, публичная речь.

Высокий темп экономического роста и социально-экономические отношения между государствами способствуют культурному сближению народов и оказывают значительное влияние на языковую ситуацию в целом, проникая во все сферы человеческой деятельности, во все сферы дискурса. Исследование биязычия с позиций текстопроизводства публичных речей может изучаться междисциплинарно, что подтверждается степенью разработанности такого направления в дискурсологии, социолектологии, теории билингвизма, языковой вариативности, языкового контактирования, текстологии в поле отечественного и зарубежного языкознания. Современная контактология активно использует термин «транснациональная коммуникация», способствующий минимизации барьеров между нациями и этническими группами средствами английского языка, который в XXI в. совершенно не является препятствием для общения в мировом пространстве. Биязычие как социокультурный языковой компонент, принцип взаимодействия культур в языковом контексте, тенденции культурной «перекодировки» современного общества в условиях глобализации являются актуальными и имеют перспективу для дальнейшего изучения. Настоящее исследование строится на материале лексикографических источников, новостных лент и текста публичного выступления В. В. Путина на ПМЭФ 2024. Методами исследования служат: генерализация и систематизация, аналитико-описательный, сопоставительный, метод сплошной выборки, функциональный.

Подчеркнём, что единого определения понятия «дискурс» и комплексного подхода к данному явлению не существует, поскольку дискурсивная

парадигма обладает сложным и безграничным характером, что подтверждается наличием разноречивых толкований сущности дискурса в отечественной и зарубежной лингвистике, лексикографии, дискурсологии. Например, британские лингвисты Дж. Браун (G. Brown) и Дж. Юл (G. Yule) описывают дискурс как «динамичный процесс, в котором говорящий/пишущий пользуется языком как инструментом в определённой коммуникативной ситуации, в определенном контексте для выражения смысла и достижения поставленных целей, намерений» [Brown, Yule 1983: 27]. Так, политический дискурс характеризуется текстопостроением и персуазивными приёмами в речевом акте. Политическая деятельность невозможна без использования языка и строится на языке. Влияние современной культуры средств массовой информации на коммуникативное поведение и эффективность общения отражается в технологизации, глобализации и интернационализации дискурса в целом, в разговорности и профессионализации медиатизированного политического дискурса в частности [Clayman, Heritage 2002: 125]. Восприятие текстов публичных выступлений достигается посредством четкого описания коммуникативных продуктов автором предполагаемой аудитории, оценкой коммуникативных намерений выступающего аудиторией, контекстно-зависимыми значениями, социокультурными ограничениями, коммуникативными действиями участников. Двойственность перлокутивного акта и перлокутивной силы предполагают достижение эффекта в таких случаях: различия между целевой аудиторией в целом и подмножеством слушателей как составных частей этой аудитории; аргументированное воздействие на слушателя оратором /докладчиком вербально и невербально; статус участников в рамках концепции участия. Язык используется стратегически и осуществляет локутивные / иллокутивные действия, предполагаемые перлокутивные эффекты [Austin 1980: 75]. Текст публичного выступления требует изучения языкового контента в контексте и учета прагматических принципов. Соответственно в действие запускаются конвенциональные (локутивный акт / локуция; иллокутивный / иллокуция) и неконвенциональные акты (перлокуция). Локуция подразумевает фонологическую сторону высказывания: фонетическое, лексико-грамматическое, семантическое оформление речи, в то время как иллокуция обеспечивает указание на значение выражаемой пропозиции и коммуникативную цель высказывания. За намеренное воздействие на адресата и достижение результата отвечает перлокуция. Такие прагматические подходы демонстрируют герменевтику доверия и основаны на принципах сотрудничества и качества. Данные принципы подразумевают неоспоримые фундаментальные максимы: 1. Не говорите того, что считаете ложью. 2. Не говорите того, для чего у вас нет до-

статочных доказательств. Эти максимы прослеживаются в публичном выступлении президента РФ В.В. Путина на ПМЭФ 2024. Современный политический дискурс как наиболее распространенный являет собой язык, используемый политиками в публичных выступлениях и речевом взаимодействии с аудиторией, включая публично-разговорный стиль общения, гибридизацию стилей, гибридизацию кодов, доступ к средствам массовой информации все большего числа людей. Аудитория становится важнейшим элементом политического дискурса, участником, которому адресуются сообщения, а именно: утверждённая аудитория (приглашённые участники из стран в зале), сторонние участники (организаторы мероприятия, волонтеры, наблюдатели, телезрители, подписчики в социальных сетях). Продумываются стратегии и формы обращения к аудитории с целью установить солидарность [Агюйо 2015: 1–7.]. По мнению П. Бейли (P. Bayley), профессора Болонского университета, такого понятия, как политический язык, не существует, а существует широкий и разнообразный спектр дискурсов, жанров, регистров, которые можно классифицировать как формы политического языка [Bayley 2004: 10]. Рассмотрим в качестве примера одно из ежегодных и значимых мероприятий, проводимых на территории РФ, в г. Санкт-Петербург, Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ), в рамках которого политики, бизнесмены и иной контингент помимо бизнеса и глобальной экономики, обсуждают экологию, науку, образование, социальные проблемы, культуру. Форум нацелен на привлечение инвестиций в российскую экономику; помощь компаниям в поисках партнеров, поставщиков и заказчиков на территории РФ и за рубежом; повышение интереса инвесторов и СМИ к бизнес проектам; обсуждение глобальных экономических вопросов; продвижение интересов России в мировой экономике. ПМЭФ предлагает разнообразные форматы обсуждения: панельные дискуссии, круглые столы, брифинги, тематические площадки, гостиная губернаторов, территория инноваций, выставки (где компании открывают собственный стенд и демонстрируют свою продукцию и услуги), бизнес-завтраки. Главное событие ПМЭФ – пленарное заседание и выступление президента России В.В. Путина. Текст публичного выступления можно рассматривать с позиций экстралингвистических и лингвистических параметров. К *экстралингвистическим параметрам* отнесём: локацию мероприятия, форму обсуждения, цель, центральную тему – формирование многополярного мира, направление на адресата (участников, целевая аудитория). Информация о целевой аудитории позволяет выбрать нужную тональность коммуникации, подходящие каналы воздействия и повествования на определённую тему. Фрагменты дискурса концентрируются на взаимном по-

строении «точек соприкосновения», или общих знаний, интересов, интенций участников форума. *Лингвистические параметры* текста публичного выступления – это филигранная работа по установлению отношений с аудиторией и использованию различных прагматических стратегий в тексте, среди которых можно выделить не только фигуры речи, сочетания нарративов и небольших рассказов, но и детальный отбор регистров или языков в контексте социального биязычия: практику переключения кодов, языкового смешения, включения в текст публичного выступления инофонных инклюзий. Текст выступления президента РФ направлен на современные тенденции развития определённых явлений в различных сферах жизни: глобализацию (как процесс усиления взаимосвязи и взаимозависимости между странами, регионами, народами и культурами в мире); информатизацию; концепцию устойчивого развития; инновации (процесс создания и внедрения новых идей, продуктов, услуг, технологий), при этом активно используется приём гибридизации кодов / языкового смешения. В текст выступления вводится корпус англицизмов из сферы экономики (всего 22), обратимся лишь к некоторым из них: *startup* (*a fledgling business enterprise, startup business*); *brand* (*a printed mark made for similar purposes: trademark*); *marketplace* (*the world of trade or economic activity*); *business lift* (*to raise or develop a business*); *masterplan* (*a plan giving overall guidance*) [Merriam-Webster Dictionary] и др. Рассмотрим указанные выше англицизмы в функциональном плане, выбор языковых единиц текста как средства коммуникации в условиях определённого контекста: **Startup** в значении «новый проект» и Startup в значении «для начинающих»: *“Overseas investment in a startup has long been in demand”*. – За рубежом инвестиции в стартапы уже давно пользуются спросом. *“Now he runs the health startup together with a fast-growing team”*. – Сейчас он руководит стартапом в области здравоохранения вместе с быстрорастущей командой. *“Examples of such collaboration are incubators and accelerators for startup entrepreneurs”*. – Примерами такого сотрудничества являются инкубаторы и акселераторы для начинающих предпринимателей; **Marketplace** в значении «рынок» и Marketplace, как оптимизированная онлайн-платформа (интернет-сайт) по предоставлению продуктов и услуг: *“A global marketplace means more competition from around the world”*. – Глобальный рынок означает усиление конкуренции по всему миру. *“The transportation fuels marketplace shouldn’t be monopolistic”*. – Рынок транспортировки топлива не должен быть монопольным; **Masterplan** в значении «комплексное развитие с технико-экономическим обоснованием»: *“These projects are a crucial tool of the masterplan to illustrate the mechanism and success of the Strategic Masterplan as a whole”*. – Ключевые проекты

представляют собой важный инструмент, позволяющий продемонстрировать механизм и последовательность реализации стратегического Мастер-плана в целом. “The draft masterplan was then presented at a public meeting and sent to every household together with a short summary and a questionnaire”. – Затем проект генерального плана был представлен на открытом совещании и разослан всем жителям города с коротким резюме и вопросником. **Business lift** в значении «развивать бизнес»: “US business hires lobbyists to lift sanctions against Russia”. – Американский бизнес нанимает лоббистов для наращивания санкций против России. “A lot of people say now that business will lift up the developing economies, and social business will take care of the rest”. – Многие говорят, что коммерческий сектор поднимет экономики развивающихся стран, а об остальном позаботится социальный бизнес.

В тексте публичного выступления В.В. Путина перечисленные выше англицизмы используются инклюзивно / альтернативно: «поддержка малого бизнеса и **стартапов**»; «**маркет плейсы** формируют кровеносную систему доставки товаров»; «такой конкурс зарекомендовал себя, как **бизнес лифт**»; «**мастерпланы** для дальневосточных регионов»; «многие из реальных **брендов...**» (анг. brand – клеймо, торговая марка; встречается в коллокациях: бренд менеджмент (brand management), бренд имидж (brand image), бренд франшиза (brand franchise), бренд паритет (brand parity), имя бренда (brand name)); «строительство гостиниц и **кэмпингов** для комфортного размещения (анг. to camp – стоять лагерем, восходящего к лат. campus «поле»; англ. camping – специально оборудованный лагерь для автотуристов); «для поддержки **ИТ** отрасли, **ИТ** компаний предусмотрен ряд мер» (ИТ (анг. Information Technology «информационные технологии») [ПМЭФ 2024]). Инклюзия как речевое образование / гибридизация кодов / языковые смешения всегда соотносятся с актуальной коммуникативной ситуацией, определяются интенциями спикера, уровнем его языковой компетенции и спецификой билингвальной практики в обществе [Muysken 2000:14], характеризуются функциональностью как в устном, так и письменном дискурсе, проникновением иноязычных элементов в матричный язык (язык-реципиент), в нашем случае русский, что иллюстрируется выборкой иноязычных инклюзий из текста публичного выступления В.В. Путина на ПМЭФ 2024. Языком-донором послужил английский язык. Насколько оправдано языковое смешение и альтернативное использование англицизмов в данном случае? Во-первых, языковые контакты носителей языка-донора и языка-реципиента имеют ряд особенностей: установку на экономическую, политическую и культурную интеграцию; необходимость закрыть языковую нишу в языке-реципиенте более компактной лексемой, потребность

в номинации новых явлений, стремление к экономии языковых средств и др. Во-вторых, представленные примеры иноязычных инклюзий из современного английского языка имеют отношение к сфере экономики. Как элементы языка они легко встраиваются в рамки матричного предложения или реплики на русском языке, интегрируются с другими его членами, выполняют синтаксические функции членов предложения, морфемики, имеют падежные окончания, склоняются по роду и числу, др. Смешение кода как альтернативное использование инофонных единиц внутри устного или письменного текста соответствует правилам морфологии и синтаксиса одного языка, средствам включения лексического состава из другого.

Литература

Arroyo J. Pragmatics of Political Discourse // *The Encyclopedia of Applied Linguistics*. 2015. P. 1–7.

Austin J. How to do Things with Words. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

Bayley P. Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse. Amsterdam and Philadelphia, 2004.

Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Clayman S., Heritage J. The News Interview: Journalists and Public Figures on the Air. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Merriam Webster Dictionary Online. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>

Muysken P. Bilingual Speech: A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

ПМЭФ: даты в 2024 году, участники и программа мероприятия. URL: <https://www.rbc.ru/base/27/09/2024/66f661ef9a7947100ae0432b> (дата обращения 06.10.2024).

E. A. Denisova (*Saint Petersburg, Russia*)
Pushkin Leningrad State University

HYBRIDIZATION OF CODES IN THE PUBLIC SPEAKING TEXT

The practice of code mixing or so-called hybrid language practice is becoming increasingly relevant in the era of globalization. English as a means of interethnic communication acts as a predominant component of bilingualism. The purpose of the study is to identify cases of hybridization of codes and foreign-language inclusions in the text of Vladimir Putin's public speech at SPIEF 2024.

Key words: language component, code hybridization, discourse, language registers, public speech.

Т. В. Дроздова (Астрахань, Россия)

*Астраханский государственный
технический университет
drozdova_astu@mail.ru*

**ОТ ЦИФРЫ – К «ЦИФРЕ»:
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА
В ИТ-СФЕРЕ И В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ,
О НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ В АСПЕКТЕ ДЕЙСТВИЯ
КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ**

В статье рассматривается действие когнитивных механизмов метонимии и метафоры как обуславливающих развитие семантики слова *цифра* и передачу данным языковым знаком различных смыслов в ИТ-сфере и в публицистическом дискурсе об инновационных технологиях.

Ключевые слова: языковой знак, семантика, концептуализация, когнитивная метонимия, когнитивная метафора, когнитивный контекст, референт, интерпретация.

Цифровые технологии, являющиеся частью информационных (ИТ), активно обсуждаются в настоящее время в российском социуме в плане их использования в специализированных и обыденных областях жизнедеятельности. Следствием явилось формирование вокруг данной темы, получившей статус доминантной (ср.: [Болдырев 2019]), особой области публицистического дискурса, в рамках которого, по утверждению Е. В. Мариновой, уже сформировался собственный подъязык, описанию которого посвящен целый ряд научных трудов указанного автора (см.: [Маринова 2023 и др.]). Анализу с лингвофилософских и лингвоментальных позиций подвергались и отдельные языковые единицы публицистического дискурса о «цифре», в том числе и вынесенная в заголовок статьи лексема (см.: [Сегал 2019; Волков 2020 и др.]).

Учитывая представленные в указанных выше работах результаты анализа слова *цифра* и его производных, мы ставим целью более подробно рассмотреть в данной статье когнитивные механизмы, обусловившие расширение семантики этого языкового знака и его функционирование с разными смыслами в ИТ-сфере и в публицистическом дискурсе. Эмпирический материал получен из Национального корпуса русского языка [<http://ruscorpora.ru>] и лексикографических источников, указанных в списке литературы. В работе использовались концептуально-дефиниционный анализ, метод когнитивного моделирования, элементы семантического анализа и метод инференции.

Слово *цифра* в его прямом значении – «*знак, обозначающий число*» [Ожегов, Шведова 2002: 876] – характеризуется высокой степенью абстракции. В научно-техническом дискурсе слово *цифра* в своем основном значении выполняет функцию термина, при этом референтом может выступать какое-либо конкретное число, понятие или графический символ. Подобная связь ментально устанавливается субъектами в сфере ИТ между языковым знаком *цифра* и символами 1 и 0 в процессе концептуализации нового способа записи данных/информации, так называемого, «двоичного кода», который определяется как «*код, содержащий только два кодовых знака/символа, например 1 и 0*» [ИТС 2016: 21]. В фокус внимания субъектом помещается отличительный признак осмысляемого феномена, формулируемый здесь как «использование цифр/символов 1 и 0 в качестве средства кодирования информации». Концептуализация понятия «двоичный код» осуществляется, таким образом, посредством действия механизма когнитивной метонимии: через его отношение к другому понятию – «цифра» (зд. конкретно: 1 и 0).

Следствием становится не только появление в языковом сознании специалистов ИТ-сферы доминантного понятия «двоичный код», но и введение в соответствующую терминосистему прототипической языковой единицы его репрезентации – слова *цифра*, семантизированного в новом значении, что также приводит к расширению области референции данного языкового знака. Когнитивный контекст, сформированный совокупностью теоретических конструкторов (концептов/понятий и категорий) (см.: [Болдырев 2019а: 34–35]), представляющих знание ИТ-сферы, обеспечивает закрепление нового значения слова, реализуя которое, *цифра* используется в ИТ-дискурсе, скорее, как профессионализм, а не как термин.

Когнитивно-доминантный принцип организации научного знания [Болдырев 2018] обуславливает необходимость отражения связи доминантного понятия «двоичный код», репрезентированного лексемой *цифра*, с другими доминантными элементами концептосферы ИТ через генерирование знаков-терминов, эксплицирующих или имплицитных эту связь. При этом осуществляется референция к когнитивным структурам хранения знания ИТ-сферы. Пропозиция, фиксирующая данную связь на когнитивном уровне, может быть записана в самом общем виде как: использовать (кто-либо/что-либо; двоичный/цифровой код). В экспоненте несколькихсловных терминов экспликация связи обозначаемого ими понятия с понятием «двоичный/цифровой код» осуществляется через использование в атрибутивной функции деривата *цифровой*, репрезентирующего соответствующий смысл: *цифровая информация, цифровая платформа, цифровой сигнал*, и др. (См. новые значения деривата *цифровой*: 1. *Переводящий с помощью электронных систем*

информацию в двоичный код; 2. Предназначенный для обработки, хранения и передачи такой информации [Ефремова. 2000. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-214-4.htm#zag-128161>]).

Значительное количество языковых знаков, созданных по структурно-семантической модели *цифровой + Имя сущ.*, заимствовано в публицистический дискурс о новых технологиях из ИТ-сферы. Причем такие аналитические дериваты рассматриваются как основные элементы языка дискурса о «цифре» (см.: [Маринова 2023]), в котором также представлен широкий спектр иных областей знания: *цифровая цивилизация, цифровая экономика, цифровое мышление, цифровое развитие* и др. Референтами таких знаков, как и лексемы *цифра*, по мнению А. П. Сегала [Сегал 2019] и В. В. Волкова [Волков 2020], являются симулякры – предметы мысли, не обладающие материальной бытийностью, с чем трудно не согласиться.

Отдельные референты, обозначаемые единицами, созданными по указанной модели (например, *цифровая технология, цифровая запись* и т. п.), получают вторичную интерпретацию в языке (см.: [Болдырев 2011] и др.), вследствие чего на ментальном уровне профилируется смысл, соотносящийся с одним из тех значений прилагательного *цифровой* (см. выше), которые имплицитно или включают смысл «двоичный/цифровой код». Здесь можно говорить о следующей ступени действия когнитивного механизма метонимии: обозначении референта через его признак, представленный на вербальном уровне уже имеющимся для его репрезентации языковым знаком *цифра*, используемым в образованном метонимическом переносе значения. Укажем, что в публицистических текстах это слово часто употребляется в кавычках, например: *Хотя совершенно ясно, что семья самостоятельно не может дать ребенку все необходимые знания, и в этом плане на помощь приходит как раз «цифра»* (Время хоумскулеров // Известия, 17.12.2020).

Результаты анализа эмпирического материала свидетельствуют о том, что, во-первых, определение смысла, передаваемого языковым знаком *цифра*, т. е. определение его референта, будет обусловлено лингвистическим и коммуникативным контекстами его употребления и/или темой дискурса (ср.: [Волков 2020]). Во-вторых, репрезентируемая в дискурсе ситуация и, в частности, обозначенный словом *цифра* референт, осмысляются его участниками метафорически, что устанавливается на основе инференции, с опорой на семантику глаголов, находящихся в отношении предикации к указанному языковому знаку и /или с учетом значения соответствующего предлога. Иными словами, действие когнитивного механизма метонимии дополняется в дискурсе действием когнитивного механизма метафоры (т. е. имеет место явление метафтонимии).

Реконструкция концептуальных моделей метафоры показывает, что обозначаемый словом «*цифра*» абстрактный референт интерпретируется как:

– субъект действия (модель персонификации): *Министр назвал это очередным шагом к тому, что **цифра** облегчит жизнь простого человека* (Пилотный проект по введению электронных «родовых сертификатов» запустят в 2020 году // Парламентская газета, 2020.02.20);

– объект (инструмент): *... экономика и промышленность нуждаются в IT-специалистах, умеющих использовать «цифру» как инструмент для достижения реальных прорывных результатов* («Цифра» для жизни. Какими IT-разработками занимаются в университетах // АИФ. ru 2022.04.25);

– замкнутое пространство (контейнер): *Вообще – мы будем жить в «цифре», в цифровом веке* (Всеобщая цифровизация: футуристические прогнозы Кирилла Каема // АИФ № 29. «АиФ Урал» 2017. 07.19);

– территория (незамкнутое плоское пространство): *Все оставшиеся регионы должны перейти на цифру до 3 июня* (Аналога не имеет: что принесет россиянам переход на цифровое ТВ // iz.ru 2019.01.28).

В завершение отметим, что, как появление нового зафиксированного словарями значения у слова *цифра*, так и его контекстуальное использование с разными смыслами, обусловлены действием когнитивных механизмов метонимии и метафоры. При этом в контексте публицистического дискурса неспециалисту не всегда оказывается возможным точно определить, какой именно смысл и/или что за референт репрезентирует данный языковой знак.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная специфика языковой интерпретации знаний // Вестник Казахского национального университета. Серия филологическая. 2011. № 3 (133). С. 11–18.

Болдырев Н. Н. Доминантные конструкторы научного знания // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXV. С. 13–21.

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 21–30.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019а.

Волков В. В. «Цифра», постчеловек и киборги: лингвистический и лингвоментальный аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 12 (446). Филологические науки. Вып. 122. С. 31–39. DOI: 10.47475/1994–2796–2020–11204

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index.htm>

- ИТС – Информационные технологии. Словарь. М.: Стандартинформ, 2016.
- Маринова Е. В. Русский язык цифрового общества: семантика, сочетаемость, прагматика ключевых слов // Русский язык за рубежом. 2023. № 2. С. 24–28.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.
- Сегал А. П. «Цифра» и «Цифровое общество» как симулякры XXI века (о терминологической строгости при описании процессов коммуникации // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. № 3. С. 2898–2908. DOI: 10.15372/PEMW20190302

T. V. Drozdova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University

**FROM DIGIT – TO “DIGIT”:
ON LANGUAGE SIGN FUNCTIONING IN IT-FIELD
AND PUBLIC DISCOURSE, ON NEW TECHNOLOGIES
AS CAUSED BY COGNITIVE MECHANISMS**

The paper considers cognitive mechanisms of metonymy and metaphor as resulting in developing a new meaning by the word *digit* and its representing ambiguous referents in the field of IT and in journalistic discourse on innovative technologies.

Key words: language sign, meaning, conceptualization, cognitive metonymy, cognitive metaphor, cognitive context, referent, interpretation.

Н. П. Дронова (Тамбов, Россия)
*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
dronovanina@yandex.ru*

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ
В ДИСКУРСЕ ФАСТНАХТШПИЛЯ**

На основе когнитивно-дискурсивного анализа показаны взаимообусловленный характер связи дискурса и метафорической инверсии, возможности «прирастания» интерпретационного потенциала ключевой метафоры, релевантная роль в формировании комической ситуации.

Ключевые слова: комический дискурс, метафорическая инверсия, принцип «перевертывания», дихотомия концептов, языковая игра.

Карнавалы́ный дискурс фастнахтшпиля XVI в. – сложнейшее историко-культурно-обусловленное образование, своеобразное «зеркало», «исторический источник взаимоотношений, ценностных представлений и образа мысли городской среды нижнего и среднего уровня» [Ridder, Nöcker, Lüpke 2022: 6]. Специфика данного типа дискурса заключается в том, что в его событийном развитии картина мира раннего Нового времени представляется как комическая модель «перевернутого мира» (*törichte verkehrte Welt*), мира «наизнанку», «наоборот» (М. Бахтин), в центре которой действует человек «неразумный» со всеми слабостями и пороками. Дихотомия концептов NARRHEIT – WIEßHEIT (ГЛУПОСТЬ – МУДРОСТЬ) является своеобразной константой в смысловой организации многих дидактически нагруженных литературных произведений переходного периода (Э. Роттердамский, С. Франк, Т. Мурнер и др.), что объясняется сменой парадигм мышления и бытования к началу Нового времени и особой сосредоточенностью на познании природы человека. До сих пор не иссякает научный интерес германистов к дискурсу фастнахтшпиля, многосторонне изучающих нередко через призму принципа «перевертывания» наиболее злободневные темы, не утратившие актуальности, – социальный порядок, человек и его недостатки, взаимоотношения полов, воспитание, обычаи праздника и др. (Hagen Bastian, Werner Metzger, Sophie Pichler, Werner Röcke, Klaus Ridder, Margit Roth, Norbert Schindler и др.).

В языковом плане «перевернутый мир» фастнахтшпиля представлен образно-художественной системой, в которой центральное место занимает триада образно-оценочных моделей: гротеск – ирония – метафора. Ряд исследователей отмечают недостаточное внимание изучению метафоричности дискурса фастнахтшпиля, в том числе в творчестве Г. Сакса (1494–1576) (Roth 1997, Pichler 2016, Klimczak 2018). Когнитивно-дискурсивный подход как комплекс традиционных и инновационных приемов анализа (см. подробнее: [Болдырев 2019: 410–411]) позволяет в данной статье сосредоточиться на наименее изученной проблеме – метафорической инверсии в фастнахтшпиле Г. Сакса “*Eulenspiegel mit dem Pelzwaschen*“ (1556) («Как Уленшпигель постирал меха» – перевод здесь и далее Н. Д.), в котором метафорическая инверсия идиомы *j-m den Pelz waschen* является центральным «структурообразующим принципом повествования», и на основе которой осуществляется «высвечивание» антонимических концептов ГЛУПОСТИ – МУДРОСТИ, репрезентирующих образ мысли и модель поведения персонажей в «перевернутом мире».

Термин «метафорическая инверсия» (*metaphorische Inversion* – Th. Leclère) понимается как особый способ концептуализации мира и человека, в основе которого заложен принцип «переворачивания» основного смысла метафоры с переносного на буквальный и, соответственно, конструирование события в контексте буквального смысла, что возможно преимущественно в комическом дискурсе. Германист Тило Леклер в диссертации на тему “*Silene. Weisheit, Sprichwort, Körper – Figurationen und Zusammenhänge in frühneuzeitlicher Literatur*“ (2014) подчеркивает, что «метафорическая инверсия – это фигура, которая, с одной стороны, в процессе производства конструирует реальный образ или действие из метафорически понимаемого языкового образа», «с другой, в процессе рецепции от зрителя/читателя требуется ретрансляция буквально инсценированного, чтобы вернуться к глубинному смыслу изображаемого» [Leclère 2014: 144]. В данном случае наблюдается ментальная операция «расщепления» концептуальной структуры сложного абстрактно-логического содержания на первичный и вторичный смыслы, в результате которого «переставленный элемент» (первичный, прямой смысл) «оказывается выделенным и привлекает внимание» (Ахманова 2004). Один из наиболее известных немецко-нидерландских фольклорных персонажей Уленшпигель в своих рассказанных историях экспериментирует именно с метафорической инверсией, переворачивая смысл «с ног на голову», проверяя таким образом «правдивость» определенного изречения или устойчивого выражения. «В исследовательской литературе об Уленшпигеле неоднократно указывается, что «языковая игра» главного героя является наиболее примечательной характеристикой его историй (*ein markantes Charakteristikum der Historien*), и что Уленшпигелю особенно свойственны те «словесные анекдоты», в которых он доводит метафору до абсурда посредством буквального понимания» [Lutz Mackensen: цит. по: Leclère 2014: 142].

В одной из своих историй Уленшпигель «изучает» буквальный смысл идиомы *j-m den Pelz waschen* (досл. стирать меха). На основе истории, рассказанной Уленшпигелем, Г. Сакс сочинил гротескно-комический фастнахтшпиль, в котором представлены контекстуальные условия актуализации метафорической инверсии данной идиомы, поясняемой в переносном смысле как *j-n prügeln, ausschelten* (Г. Паул), задать кому-л. трепку, головомойку (Москальская 1980). Интерпретирующий потенциал ключевой метафоры складывается, таким образом, не только из абстрактно-логического смысла о наказании человека, но и из буквального смысла, по сути, «алогического» – (стирать мех – запрещенный прием), актуализирующегося в условиях

особой ситуации и при участии амбивалентно-оценочного персонажа – плута и мудрого шута Уленшпигеля.

«Метакоцепт РОЛЬ или СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС регулирует речевое поведение субъекта дискурса в зависимости от того, с какой социальной группой он себя идентифицирует» [Болдырев 2019: 320]. «Асоциальный статус» бродяги / трикстера (Schalk) предопределяет его стратегию обмана и тактики «самопрезентации мага», тактики лжи и убеждения собеседниц женского пола, излюбленных «объектов» комизма [Дронова 2023]. Языковая игра Уленшпигеля в шпиле Г. Сакса вербально строится на иронически-окрашенной концептуальной интеграции буквального смысла ключевого глагола *waschen*, обозначающего физическое действие по отношению к меховым изделиям (ю.-нем. *die Pelz*), и смысла ряда квалификаторов по аналогии с реальной картиной стирки бытовых вещей: 1) «качество» стирки: *kunstvoll* (искусно), *so sauber* (так чисто), 2) способ стирки: *mit Händen, ohne Laug und Asche* (руками и без щелочи и золы), 3) срок стирки: гипербола *in längstens zwei Stunden* (самое большее за два часа), 4) цвет: *weißwaschen, schneeweiß waschen* (отбелить), 5) новизна постиранных мехов: *völlig neu* (совершенно новый), *den Pelz neu machen, Pelz erneuern lassen* (обновить), 6) отношение к делу: *den Pelz mit Fleiß waschen* (стирать меха усердно). Данная номенклатура квалификаторов участвует в формировании гипотетически-ирреального ассоциативно-образного смысла «процесса и желаемого результата», имплицитно профилирующего «безрассудство» доверчивых собеседниц. Кулинарная метафора *die Pelz zubereiten* («приготовить» меха) в прямом смысле используется в вербализации «закладки мехов» подобно продуктам питания в котел (Kessel), как ВМЕСТИЛИЩЕ, где совершается чудо стирки (искусство пришельца). Например: *Es wird schöner noch denn neu!* (Мех будет еще лучше, чем новый!)

Метафорическая инверсия наблюдается также в пародийном конструировании плутом ритуала по заклинанию «архидревних» мехов (*Pelze uralt*), состоящего из цепочки конкретных императивов, выбор слов в которых коррелируется с элементарными знаниями из сферы «телесности». Ср.: *die Gestalt verwandeln* (изменить форму /фигуру), *die alten Haar lassen* (отбросить старые волосы), *die Haut verjüngen* (омолодить кожу). «Одурачивание» персонажей подкрепляется привлечением образа огня, символически выполняющего разрушительную и очистительную функции. Например: *Darnach glüht ob des Feuers Glut / und euch alle verjüngen tut.* (И пусть раскаляется пламя огня / чтобы сделать вас всех (=меха) молодыми). Гипотетически-ирреальная метафора МОЛОДОСТИ (*die Pelze, die Haut*

verjüngen) повторяется дважды, дополняя концептуальный потенциал ключевой метафоры, профилируя эксплицитно надежду на «возврат к юности» = обновление вещей, а имплицитно – наивность и глупость верящих в эту затею шута/хитреца.

Языковая игра Уленшпигеля строится не только на материале пословиц, устойчивых выражений (как это было показано выше), но и на креативном конструировании новых структур, вытекающих нередко из контекста абсурдных ситуаций. Так, префиксальный глагол *etw. auswaschen*, включающий однокорневой глагол *waschen*, вербализуется в шпиле как в буквальном смысле: *что-л. вымывать, в том числе изнутри*, так и в метафорическом, не отмечаемом в немецкоязычных словарях. Например: *Eulenspiegel: Sie ...haben ohne Lauge, Seife, Aschen / die Pelz um die Köpfe ausgewaschen*. (Уленшпигель: Меха́ми помыли головы друг другу / без щелочи, без мыла и золы). В буквальном смысле упомянутый глагол вербализует комическую потасовку женщин остатками меховых изделий из котла и в переносном смысле – устроить друг другу моральную трепку). Уникальный персонаж Уленшпигель, в имени которого содержится слово *Spiegel* – зеркало), будоражит «перевернутый мир», отражая подобно зеркалу, все многообразие человеческой глупости. Не случайно остроумный плут афористично констатирует: *Die Welt, die will betrogen sein!* (Мир хочет обмануться!)

Таким образом, «метафорическая инверсия» как особый способ концептуализации мира и человека, базирующийся на профилировании буквального смысла устойчивых выражений, позволяет расширить интерпретирующий потенциал метафоры и соответственно ее функциональные возможности. При этом решающим условием актуализации метафорической инверсии является специфика дискурса, обусловленного, в свою очередь, рядом социокультурно-обусловленных факторов (хронотоп, социальная среда, роль и статус участников коммуникации, интенции и др.).

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Leclère Thilo. Silene, Weisheit, Sprichwort, Körper – Figurationen und Zusammenhänge in frühneuzeitlicher Literatur: diss. dokt. philol. Köln, 2014.

Ridder K., Nöcker R., von Lüpke B. Rosenplütsche Fastnachtspiele. Edition und Kommentar von Nürnberger Spieltexten des 15. Jahrhunderts (einschließlich der Fastnachtspiele in der Handschrift Dresden). Berlin: Schwabe Verlag GmbH, 2022.

N. P. Dronova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

METAPHORICAL INVERSION IN THE DISCOURSE OF FASTNACHTSPIEL

Based on cognitive-discursive analysis, the interdependent nature of the connection between discourse and metaphorical inversion, the possibility of “increasing” the interpretative potential of the key metaphor, and the relevant role in the formation of a comic situation are shown.

Key words: comic discourse, metaphorical inversion, the principle of “inversion”, dichotomy of concepts, language game.

О. А. Дронова (Тамбов, Россия)
*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
odronova@tsutmb.ru*

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ КОНЦЕПТ *FREMDLING* В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНА ЛЕНЦА

В статье рассматривается индивидуально-авторский концепт *FREMDLING* в художественном дискурсе Г. Ленца. Анализируется связь этого концепта с традициями немецкой литературы и философии, способы его вербализации в творчестве Ленца. Делается вывод о том, что этот концепт отражает специфику саморефлексии писателя.

Ключевые слова: индивидуально-авторский концепт, художественный дискурс, Герман Ленц, чужое, автобиографизм.

Творчество немецкого писателя Германа Ленца (Hermann Karl Lenz 1913–1998) автобиографично. Объектом рефлексии писателя на протяжении всей его жизни было чувство собственной чужеродности в современности. «Вне твоей кожи начинается чужбина» – пишет Ленц в романе «Глаза слуги» (“Die Augen eines Dieners“, 1964). Главным произведением писателя стал девяти томный цикл автобиографических романов «Прошедшее настоящее» (“Vergangene Gegenwart“, 1966–1997), герой которых – писатель-неудачник Ойген Папп, alter ego Германа Ленца. Название пятого романа цикла – «Чужак» (“Ein Fremdling“, 1983) – отражает специфику самовосприятия

героя и отношения к нему окружающих. Ощущение собственной чужеродности у Ленца имеет биографические корни: в юности, пришедшей на годы гитлеровской диктатуры, Ленц, противник нацизма, вынужден был скрывать свои взгляды. Но и в послевоенной Германии восприятие самого себя как чужака у писателя не изменилось, поскольку, как говорил Ленц, концентрация, которая требуется в профессии писателя, заставляет его жить на дистанции, не теряя контакта с людьми. В романах Ленца осмысливается биография творческой личности – одиночки, предпочитающего карьерным достижениям и материальным благам мир собственных фантазий и творчества. Эти романы полемизируют с ориентацией современного общества на успех, который, как правило, предполагает конформизм. Концепт *FREMDLING* занимает центральное место в духовных исканиях этого автора.

Исследование функционирования индивидуально-авторских концептов в художественном дискурсе продолжает оставаться актуальным и мало изученным вопросом современной лингвистики и литературоведения. Художественный дискурс отражает индивидуальную картину мира автора и включает в себя помимо концептов той или иной лингвокультуры, также художественные концепты, одним из видов которых является индивидуально-авторский концепт. Под индивидуально-авторским концептом мы понимаем вслед за Е. В. Сергеевой «информационную целостность, содержание и вербализация которого присущи творчеству только одного автора» [Сергеева 2006: 65]. По мнению исследовательницы, лишь те концепты являются индивидуально-авторскими, лексемы-экспликатеры которых наполняются индивидуальным содержанием. Индивидуально-авторские концепты представляют собой модификации концептов национальной концептосферы, возникающие в результате реализации авторских интенций в художественном дискурсе.

Лингвокультурный концепт *FREMD* в немецком языке вызывает большой исследовательский интерес (Иванова О. А., Яцевич О. Е., Свинкина М. Ю., Степаненко О. А. и др). По данным словаря «Дуден», семантика лексемы *fremd* в немецком языке включает в себя, в первую очередь, иностранное происхождение: *“nicht dem eigenen Land oder Volk angehörend“*, но помимо этого незнакомое, непривычное: *“ungewohnt; nicht zu der Vorstellung, die jemand von jemandem, etwas hat, passend; anders geartet“* [Duden]. В состав семантики существительного *Fremder*, помимо иностранного происхождения, входит и психологическая чужеродность: *“der sich auch innerlich fremd fühlt oder seiner Umgebung besonders fremd vorkommt“* [Duden]. Что касается лексемы *Fremdling*, то она не является

стилистически нейтральной: по данным словаря «Дуден» она используется либо в возвышенном, либо ироничном смысле [Duden]. В целом, в немецком языке суффикс *-ling* служит для образования существительных, обозначающих лиц, обладающих отрицательными качествами – *Feigling*, *Weichling* и др.

Исследование индивидуально-авторских концептов невозможно без учёта диалога художника с культурной традицией. Проблема чужого занимает центральное место в немецкой литературе и философии, начиная с эпохи романтизма. Наиболее фундаментальные исследования репрезентации «чужести» в немецкой литературе проведены в многочисленных работах Н. В. Пестовой, указывавшей на амбивалентность этой категории в романтизме, где чуждое фигурирует не только как боль и страдание, но и как наслаждение [Пестова 2002: 68]. Опыт чужеродности, отчуждения, самоотчуждения – неотъемлемая часть антропологии модернизма, в котором этот опыт связан с «романтической сладкой горечью одиночества» [Пестова 2002: 70]. Проблеме чужого посвящены работы философов – Г. Зиммеля, З. Фрейда, А. Шюца. Если Г. Зиммель рассматривал позицию чужака с точки зрения её нахождения в специфическом пространстве относительно социальной группы – одновременно «вне» и «визави» [Зиммель 2003: 174], то в представлениях А. Шюца чужак – это тот, кто не разделяет историю социальной группы, из-за чего сомневается в её ценностях, нормах и образцах поведения.

Стоит подчеркнуть, что образ художника в европейской литературе часто связывается с темами одиночества, маргинальности, непонятости, чужеродности и шутовства (Э. Т. А. Гофман, Ф. Кафка, Э. Золя, Т. Манн, Г. Бёль и др.). После возникновения представлений о гении и гениальности в XVIII в. европейской культуре начинает оформляться парадигма восприятия творческой личности, которая, по мнению К. М. Богдаля, включает в себя аспекты «сингуляризации», «маргинализации», а также «нобилитации» (см.: [Bogdal 2007: 196–197]). Художник – чужак, наделённый особым статусом, обусловленным его гениальностью и уникальностью.

В художественном исследовании образа чужака Г. Ленц опирался на романтические традиции и традиции литературы рубежа XIX–XX вв. В автобиографических романах Ленца возникает целый ряд контекстуальных синонимов концепта *FREMDLING*: *Dekadenzling* [Lenz 1986: 62], *Luftibus* [Lenz 1986: 136], *Außenstehender* [Lenz 1986: 206], *Eigenbrötler* [Wanderer 269], *Zaungast*, *Außenseiter*, *Randfigur* [Lenz 1988: 210]. Стоит отметить, что многие из этих существительных имеют негативную коннотацию, например, *Eigenbrötler*, которое означает “*männliche Person*,

die sich absondert, ihre Angelegenheiten für sich allein und auf ihre Weise erledigt und andern in ihrem Verhalten merkwürdig erscheint“ [Duden]. Существительное *Luftibus* не зафиксировано в словаре «Дуден» и представляет собой вариант разговорного уничижительного и ироничного *Luftikus* – “*leichtsinniger, oberflächlicher, wenig zuverlässiger Mann*“ [Duden]. *Dekadenzling* также не зафиксировано в словаре, это существительное образовано от *Dekadenz* с помощью суффикса *-ling*, и отражает связь психологии чужака с декадентским настроением усталости и упадка. Лексема *Dekadenzling* также включает в себя ироничную оценку. Большое количество существительных с негативной оценкой отражает как критичное отношение социума к герою Ленца, так и его собственные сомнения в самом себе.

В вербализации концепта FREMDLING в художественном дискурсе Ленца активно участвует метафора. Положение чужака в социуме отражается с помощью ориентационных метафор, подчеркивающих дистанцию между чужаком и его социальной группой, но не в физическом, а в психологическом плане. Так возникает метафора границы, ограждающей чужака от внешнего мира: “*weil du in dir eine Barriere spürst; eine Fremdheitsbarriere*“ [Lenz 1988: 124]. Ряд перечисленных выше контекстных синонимов понятия FREMDLING связаны с семантикой нахождения «вовне» (*außen*) – т.е. вне того пространства, где находится большинство: авторский неологизм *Außenstehender* – дословно «стоящий снаружи», а также *Außenseiter*, *Randfigur*. Интересно использование в этом контексте существительного *Zaungast* – непрошенного гостя, вынужденного наблюдать за торжеством издалека, дословно: стоящего за забором (см.: [Duden]).

Стоит обратить внимание на частотность использования наречия *abseits* (в стороне, на отдалении) для характеристики статуса чужака, его психологического состояния и образа жизни: “*du aber stehst abseits*“ [Lenz 2013: 88], “*und fühlte sich abseits; dich abseits fühlen ist dir angemessen*“ [Lenz 2013: 68], *er war froh, abseits zu sein* [Lenz 1988: 59], *kein übler Standort, so abseits* [Lenz 1988: 129].

Другая метафора, связанная с образом чужака у Ленца – *abwesend* – метафора «отсутствия», отсутствующего вида, пребывания в особом пространстве мыслей и фантазий: “*du bist immer so abwesend*“ [Lenz 1988: 54], “*Er ging leichtfüßig und sah abwesend aus, mit merkwürdigen Augen*“ [Lenz 1988: 369].

В сознании автобиографического героя Ленца, его родиной является то пространство, которое он создал в своих мечтах. Это пространство

недостижимо для окружающих: „*du willst in einen Bezirk kommen, der für die anderen unerreichbar ist*“ [Lenz 2013: 19]. Ленц любил фантазировать о довоенной Вене, которую он знал по книгам своих любимых австрийских авторов, этот фантазийный мир он считает родным: „*eine andere Heimat, dort, in Wien, um neunzehnhundert*“ [Lenz 2013: 62].

Таким образом, концепт FREMDLING – ключевой элемент авторской концептосферы Ленца, концентрирующий в себе специфику саморефлексии Ленца и его оценку окружающими. Этот концепт отражает ощущение психологической дистанции между художником и другими людьми, его стремление к изоляции и одиночеству. Индивидуально-авторский концепт FREMDLING в художественном дискурсе Ленца продолжает темы и мотивы романтической и модернистской литературы.

Литература

Зиммель Г. «Эссе о чужаке» // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования. 2003. № 2003. С. 181–187.

Пестова Н. В. Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2002.

Сергеева Е. В. Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификации // Сибирский филологический журнал. 2006. № 1–2. С. 63–69.

Bodga K.-M. Historische Diskursanalyse der Literatur. Heidelberg: Synchron, 2007. Duden. Onlinewörterbuch. URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 21.02.2025).

Lenz H. Neue Zeit. Frankfurt am Main: Insel, 2013.

Lenz H. Der Wanderer. Roman. Frankfurt am Main: Insel, 1986.

Lenz H. Ein Fremdling. Roman. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 1988.

O. A. Dronova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

INDIVIDUAL-AUTHOR'S CONCEPT OF *FREMDLING* IN THE ARTISTIC DISCOURSE BY HERMANN LENZ

The article examines the individual author's concept of FREMDLING in the artistic discourse by H. Lenz. The article analyzes the connection of this concept with the traditions of German literature and philosophy; the ways of its verbalization in Lenz's work. It is concluded that this concept reflects the specifics of the writer's self-reflection.

Key words: individual author's concept, artistic discourse, Herman Lenz, alien, autobiography.

Е. Ю. Дубовицкая (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
katerinalis-2002@yandex.ru

ОЦЕНКА СОБЫТИЙ С ПОМОЩЬЮ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ВКУСОВОЙ СЕМАНТИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Исследование посвящено особенностям функционирования прилагательных вкусовой семантики в англоязычном политическом дискурсе. В статье даются примеры, как эти прилагательные используются в своей вторичной номинации для выражения оценки того или иного события. Затрагивается вопрос о роли когнитивного контекста в его динамическом и статическом аспектах.

Ключевые слова: прилагательные вкусовой семантики, когнитивный контекст, оценочная категоризация, оценочная концептуализация.

Современный политический дискурс отражает различные культурные, социальные и духовные контексты. События, которые описываются в этих контекстах, служат не только источником информации для населения, но и способом формирования общественного отношения к этим событиям. Выбор языковых средств становится мощным инструментом средств массовой информации. Зачастую именно оценка события со стороны источника влияет на его отражение и интерпретацию со стороны реципиента. Предпринимаемое исследование посвящено анализу особенностей функционирования прилагательных вкусовой семантики *sugary, bitter, sour, salty, sweet* в британском и американском политическом дискурсе. Эти прилагательные становятся мощными средствами риторики. Они помогают говорящему обратить внимание аудитории на противоречия в законах, общественных инициативах, принятых решениях.

Прилагательные вкусовой семантики довольно распространены в политическом дискурсе. Они используются не только в кулинарных контекстах, но и для описания общественно-политических событий и явлений в целом. Выражения типа «горькая правда» существуют в разных европейских языках и используются в одинаковой функции – для описания какой-либо неприятной информации, которую тем не менее необходимо признать и принять. Она может быть болезненной, неудобной, но обязательно правдивой.

Рассматриваемая тема тесно связана с оценочной категоризацией и оценочной концептуализацией. Эта теория зародилась в трудах Н. Н. Болдырева. Вслед за автором, под оценочной концептуализацией понимается «оценочное осмысление объектов окружающего мира и образование в результате этого оценочных концептов в нашем сознании», а под оценочной категоризацией – «мысленное соотнесение объекта или явления с определенной аксиологической категорией, или группировку объектов или явлений по характеру их оценки в соответствующие аксиологические классы и категории» [Болдырев 2002: 104]. В исследовательской работе Е. Д. Гавриловой, затрагивающей тему оценочной категоризации и оценочной концептуализации, отмечается, что огромную роль в оценке играет субъективный фактор. Источник и реципиент могут воспроизводить и слышать/читать одни и те же языковые единицы, но интерпретация их содержания будет разниться в зависимости от контекста. Именно в контексте происходит сужение, или, другими словами, высвечивание, конкретного содержания [Гаврилова 2005: 40].

Однако встает вопрос о том, как с помощью определенных языковых средств формируется содержание, понятное целому сообществу людей. Для успешной интерпретации необходимо понимание стереотипов, общественных норм и установок, которые универсальны для коллективного знания в данный период развития общества. Н. Н. Болдырев обращает также внимание на два типа когнитивного контекста, а именно на его статический и динамический аспекты. Они, по мнению автора, являются способами осмысления конкретной языковой единицы и ее функционирования в языке. Коллективное знание проявляется в статическом аспекте, динамическое – в индивидуальном. Второе как раз и проявляется в конкретном выборе языковых средств в той или иной ситуации [Болдырев 2019: 231]. Взаимодействие коллективного и индивидуального аспектов когнитивного контекста обеспечивает успешную интерпретацию индивидуальных репрезентаций коллективным разумом.

Приведем и проанализируем примеры употребления прилагательных вкусовой семантики с точки зрения статического и динамического аспектов когнитивного контекста. Во всех нижеприведённых примерах выделенные прилагательные выступают в своей вторичной номинации.

*There are **bitter** memories of 2006, when the paper's issue featuring the Muhammad cartoons sold 500,000 copies and the previous editorial shareholders quietly took home six-figure dividends, infuriating the rest of the staff* [<https://app.ludwig.guru/s/bitter>]. В этом примере прилагательное *bitter* используется в сочетании с именем существительным *memories* для опи-

сания противоречивого события 2006 года, когда популярный таблоид опубликовал карикатуру с пророком Мухаммедом. Этот инцидент вызвал большой негативный отклик в обществе не только мусульман, но и у представителей других конфессий, поскольку затронул тему религиозной чувствительности. Для понимания выделенного выражения необходимо знание когнитивного контекста, а именно – сложного концепта, за которым стоит ситуация с публикацией противоречивой карикатуры и получение из этого выгоды. Здесь этот концепт является опорой на коллективное знание, которым обладают верующие всего мира. Так проявляется статический аспект когнитивного контекста. Динамический же аспект проявляется в выборе журналистом выделенного выражения для описания негативной оценки событий в прошлом.

В следующем примере прилагательное *bitter* используется для описания ожесточенного противостояния между Соединенным Королевством и ЕСПЧ. *Of the 1,243 UK applications pending for judicial assessment at the end of last year, over 1,000 relate to voting rights for prisoners – the unresolved issue that has provoked a **bitter** stand-off between the UK parliament and the ECHR* [<https://www.theguardian.com/law/2015/jan/29/uk-broke-law-european-human-rights-cases-2014>]. Здесь это прилагательное используется в значении “*expressing a lot of hate and anger*” [<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/bitter>]. Для осмысления выделенного выражения необходимо понимание когнитивного контекста, а именно ситуации, связанной с избирательными правами заключенных. Журналист транслирует свое негативное отношение к описываемому событию, обращая внимание общественности на эту проблему, которая на тот момент так и не была решена.

*The Shawshank Redemption, stars Tim Robbins as Andy Dufresne: a banker wrongly jailed for murdering his wife, who spends two decades getting **sweet** revenge on the corrupt governor, while plotting his own ingenious escape.* [<https://app.ludwig.guru/s/sweet>]. В этом примере используется устойчивое выражение *sweet revenge* по отношению ко всем известной ситуации с коррумпированным губернатором. Здесь статическим аспектом когнитивного контекста выступает ситуация, связанная с долгой и тщательной подготовкой мести по отношению к предателю. Выбор выражения *sweet revenge* является индивидуальным выбором говорящего, который, в свою очередь, понятен большому кругу читателей.

Схожим образом функционируют такие прилагательные вкусовой семантики, как *salty* и *sugary*. *Salty* часто употребляется для описания событий, связанных с реакциями СМИ по отношению к результатам выборов или

других серьезных ситуаций, которые обычно вызывают большой общественный резонанс. Это такие выражения, как *salty responses*, *salty comments* и *salty voter reactions*. Что касается прилагательного *sugary*, оно также часто используется в политическом дискурсе, например, в выражениях *sugary promises*, *sugary rhetoric in speeches* и *sugary media coverage*. В этих выражениях в качестве динамического аспекта когнитивного контекста выступает отрицательная оценка событий.

В следующем примере используется прилагательное *sour*. *In the early 1990s, thousands of American troops withdrew from Somalia in disarray after a badly planned anti-famine intervention went sour* [<https://app.ludwig.guru/s/sour>] Британский таблоид The Guardian вспоминает провальную кампанию со стороны американских войск, связанную с борьбой с голодом. Из-за плохого планирования кампания провалилась (*went sour*).

Как мы видим из всех приведенных примеров, прилагательные вкусовой семантики используются в СМИ в качестве инструмента риторики неодобрения описываемых ситуаций. Эти прилагательные переносят свои свойства и качества из первоначального значения в новые контексты посредством вторичной номинации. Знание первичного значения прилагательных вкусовой семантики, а также знание самой ситуации, которая подвергается субъективной оценке, обеспечивает эффективный перенос из первичной номинации во вторичную. Интересным также является тот факт, что все эти прилагательные используются для отрицательной оценки события. Такой способ осмысления значения этих языковых единиц обусловлен, как отмечалось выше, взаимодействием статического и динамического аспектов когнитивного контекста. Именно взаимодействие этих аспектов позволяет выразить не только информацию, но и отношение к ней.

Литература

Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Посвящается Е. С. Кубряковой. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 103–114.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Гаврилова Е. Д. Оценочные категории «Good» и «Bad» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international>

Ludwig.guru. URL: <https://app.ludwig.guru/>

E. Yu. Dubovitskaya (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

**EVALUATION OF EVENTS WITH THE HELP
OF ADJECTIVES OF TASTE SEMANTICS
IN THE ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL DISCOURSE**

The research is devoted to the peculiarities of the functioning of adjectives of taste semantics in the English-language political discourse. The article provides examples of how these adjectives are used in their secondary nomination to express the evaluation of a particular event. The issue of the role of cognitive context in its dynamic and static aspects is considered.

Key words: adjectives of taste semantics, cognitive context, evaluative categorization, evaluative conceptualization.

Н. В. Закурдаева (Орел, Россия)
Академия ФСО России
zakurdaeva.n@inbox.ru

А. Д. Закурдаев (Москва, Россия)
Национальный исследовательский
университет «МЭИ»
zakurdayev.a@inbox.ru

**КОРПУСКУЛЯРНО-ВОЛНОВОЙ ДУАЛИЗМ
КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ**

В статье рассмотрены особенности функционирования таких разновидностей медиакommunikации, как масс- и соц-медиа. В масс-медиа формируемые смыслы передаются от дискурсивных элит (посредством СМИ) к реципиенту в форме однонаправленных информационных волн, состоящих из совокупности текстов по одному инфоповоду; в соц-медиа отдельные тексты-корпускулы транслируют смыслы среди акторов внутри социальной сети, создавая горизонтальные и вертикальные связи между ними. Автор приходит к выводу, что в медиадискурсе при передаче информации от коммуникатора к реципиенту действует принцип корпускулярно-волнового дуализма.

Ключевые слова: информационная волна, масс-медиа, соц-медиа, корпускулярно-волновой дуализм.

Медиакоммуникацию понимают как открытую нелинейную систему, состоящую из информационных полей разных типов, динамику этих полей определяют информационные волны (термин А. В. Болотнова) которые могут представлять собой поток текстов-реакций на один информационный повод: «под информационными волнами... мы понимаем ряд публикаций, распределенных по времени, затрагивающих одну подтему в рамках информационного события, имеющих высокую степень сходства по речевым маркерам» [Градосельская 2019: 1192].

Каждая волна имеет источник – дискурсивные элиты, который генерирует смыслы и передаёт их посредством передатчика (СМИ), а также имеет среду распространения (социальные сети, люди, СМИ, интернет-платформы) и технические каналы (радиоволны, интернет, телевидение).

Информационные волны создаются с целью воздействия на массовое сознание путем суггестии (реклама, пропаганда, политические кампании – все это примеры целенаправленного использования информационного воздействия для формирования определенных установок), эмоционального заражения реципиентов (это особенно заметно в социальных сетях) или создания когнитивного диссонанса; а также с целью оказания социального воздействия – информация играет ключевую роль в формировании общественного мнения. СМИ, социальные сети, лидеры мнений могут влиять на восприятие обществом различных событий и проблем; оказывать влияние на коллективное поведение – информация может служить катализатором коллективных действий, как позитивных, так и негативных; распространение новых идей и смыслов может приводить к значительным социальным изменениям. Таким образом, информационные волны – это динамическая модель, которая помогает понять, как информация распространяется и воздействует на аудиторию.

Информационные волны могут быть естественными и искусственными. Естественная волна является результатом отклика на реально произошедшее событие, она нарастает непосредственно после появления инфоповода, затем затухает; искусственная волна создается по поводу фейкового события, и сначала появляется несколько небольших волн как информационный вброс, затем, в отличие от естественных волн, появляется большая волна. В содержании обеих волн может присутствовать как правдивая информация, так и фейковая. Кроме того, тексты-репрезентанты естественной и искусственной волн будут иметь различную конфигурацию. Тексты искусственной волны имеют в своей основе базовый текст-фрактал, который в различных текстах модифицируется, тексты естественной волны, имея черты схожести, все же различаются (аспект темы, позиция автора, стилистика и т. д.).

Механизм распространения информационной волны в разных типах медиадискурса различен: в масс-медиа доминирует волновой принцип распространения смыслов, в соц-медиа – корпускулярный, так как масс-медиа распространяют информацию на основе нелинейной иерархической модели, а соц-медиа – сетевой. Обе модели подчиняются синергетическим законам, поскольку и медийный дискурс, и общество являются синергетическими системами.

В нелинейной иерархической модели информация от коммуникатора к реципиенту передается волнами: сначала появляется инфоповод (реальное или виртуальное событие, затем происходит закрепление инфоповода в медиадискурсе СМИ – рождается первая информационная волна, формируется дискурс события. Далее в результате когнитивной обработки первичных медиатекстов создается нарратив как официальная версия рассказа о событии [Закурдаева 2024: 532]. Каждый конкретный текст в составе информационной волны выступает как фрактал по отношению к остальным, следовательно, дискурс события имеет фрактальную природу (у текстов-репрезентантов можно выделить схожие и различные черты). После первой информационной волны появляется корпус вторичных текстов, расширяющих поле информации. Смысл создания нескольких информационных волн заключается в инициировании «вторичной информационной волны» на уровне межличностного общения – для стимулирования обсуждений, оценок, появления слухов. На последнем этапе распространения волн осуществляется «расщепление информационного ядра, растворение информационной волны, переход ее в информационное эхо» [Болотнов 2015: 102].

Волновой механизм позволяет управлять сознанием общества непрямым способом, когда субъект управления остаётся в тени, «информационные волны являются главным инструментом информационных войн XXI века» [Бурова 2022: 940]. В масс-медиа информация движется от СМИ к реципиентам, волна движется в одном направлении, при этом практически отсутствует обратная связь (от реципиента к коммуникатору).

Сетевая модель коммуникации, в отличие от иерархической модели масс-медиа, построена на основе теории математических графов, в которой акторы представлены в виде вершин, а их взаимосвязь – в виде связывающих их линий или ребер. Способ связи узлов сети между собой может быть различным: существуют направленные и ненаправленные связи. Власть одного актора над другим в сетевой модели осуществляется посредством разделения графов: «ненаправленный граф подразумевает равноправное взаимодействие акторов, которые находятся в равной степени доступности

друг для друга, ... направленный граф подразумевает неравенство доступности одного актора другому» [Каримов 2018: 118].

Связь между акторами внутри сети носит различный характер: *сильная* связь наблюдается между акторами, которые часто взаимодействуют, имеют близкие отношения. *Слабая* связь – между акторами, которые также являются близкими людьми, но взаимодействуют редко. Если взаимодействие осуществляется на формальном уровне, то это *отсутствующая* связь. Большинство связей между акторами соц-медиа – отсутствующие. М. Грановеттер считал, что «любая форма новой мысли для актора с гораздо большей вероятностью поступает к актору посредством каналов со слабой связью... То есть информация по слабым связям способна проникнуть дальше по сети, но скорее всего повлиять на акторов способен актор с сильной связью» [Каримов 2018: 120].

Движение информации в сети нелинейно. Сеть децентрализована, так как в ней соединяются узлы, она обрабатывает потоки информации, которые движутся по каналам связи между узлами. Работа сети зависит от количества вершин, их валентности, качества каналов связи, направленности потоков и т. д. В сетевой модели коммуникации информация движется в разных направлениях: от одной вершины графа к другой. Информационная волна в сетевой модели становится дискретной и распадается на отдельные импульсы (тексты-корпускулы), которые передаются от одного актора сети к другому в разных направлениях.

Согласно теории корпускулярно-волнового дуализма, любая материально выраженная частица (текст) обнаруживает в себе признаки частицы и волны. Смысл – это энергия, которая передается волной (совокупностью текстов) или импульсом (отдельным текстом-корпускулой) в зависимости от типа коммуникации: масс-медиа или соц-медиа. Таким образом, дискурс масс-медиа имеет волновую природу (недискретную), а соц-медиа – импульсную (дискретную, корпускулярную), следовательно, в медиадискурсе при передаче информации от коммуникатора к реципиенту действует принцип корпускулярно-волнового дуализма.

Литература

Болотнов А. В. Информационные волны и их типы в современном медиадискурсе: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (159). С. 102–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-volny-i-ih-tipy-v-sovremennom-mediadiskurse-k-postanovke-problemy>.

Бурова Е. А., Михайлов А. В. Информационные волны // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2022. Том 3. С. 940–942. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-volny>.

Градосельская Г. В., Волгин А. Д. Декомпозиция информационного события через определение информационных волн // Управление развитием крупномасштабных систем MLSD'2019: Материалы двенадцатой международной конференции. Научное электронное издание. М., 01–03 октября 2019 г. / под общей ред. С. Н. Васильева, А. Д. Цвиркуна. М.: Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2019. С. 1192–1196.

Градосельская Г. В., Щеглова Т. Е. Теоретические основы исследования информационных волн в социальных сетях // Управление развитием крупномасштабных систем MLSD'2019: Материалы двенадцатой международной конференции Научное электронное издание. М., 01–03 октября 2019 г. / под общей ред. С. Н. Васильева, А. Д. Цвиркуна. М.: Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2019. С. 1196–1199.

Закурдаева Н. В. Синергетическая модель передачи информации в политическом медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–2(58). С. 529–533.

Каримов Р. Н. Интерпретация и роль каналов коммуникации в сетевой модели // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. № 7 (4А). С. 115–125.

*N. V. Zakurdaeva (Orel, Russia)
Russian Federation Security Guard Service
Federal Academy*

*A. D. Zakurdaev (Moscow, Russia)
National Research University "MPEI"*

WAVE-PARTICLE DUALISM AS THE MAIN PRINCIPLE OF INFORMATION TRANSMISSION IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

The article examines the functioning features of such types of media communication as mass and social media. In mass media, the generated meanings are transmitted from discursive elites (through the media) to the recipient in the form of unidirectional information waves consisting of a set of texts along one information channel; in social media, individual text corpuscles transmit meanings among actors within the social network, creating horizontal and vertical connections between them. The author comes to the conclusion that the principle of wave-particle dualism applies in media discourse when transmitting information from a communicator to a recipient.

Key words: information wave, mass media, social media, wave-particle dualism.

К. В. Землякова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный

университет телекоммуникаций

им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

zemlyakova.kv@sut.ru

МАКРОСТРУКТУРА ЭКСПЕРТНОГО МЕДИАДИСКУРСА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

В статье приводится макроструктура экспертного Интернет-дискурса на тему психологии. Данный дискурс конструируется с учетом читательского запроса. Описано, как дискурсивный мир психологической науки в экспертных текстах строится по модели «проблема – решение». Демонстрируется, что глобальные структуры научного и экспертного дискурсов не совпадают, состав макрофреймов в каждом определяется их коммуникативной значимостью.

Ключевые слова: миромоделирование, репрезентационная структура, дискурсивный мир, глобальная структура, макрофрейм, топик, Telegram-дискурс.

За миром дискурса стоят ментальные образования, выносимые «на поверхность» в виде материализуемых текстовых пространств, и задачей когнитивно-дискурсивного моделирования является соотнесение языковых форм, в которых отливается моделируемый мир, с участком реальности, который спроектирован на дискурс с использованием его вербально-семиотических возможностей. Процедура выявления репрезентационных структур называется миромоделированием, т. е. воссозданием реальности, спроектированной в дискурсе в результате когнитивных операций, и подробно разработана в работах С. Л. Кушнерук. Разный масштаб ментально-языковой объективации действительности результируется в разных по охвату репрезентационных структурах: дискурсивных мирах, текстовых мирах и производных текстовых мирах [Кушнерук 2019: 85]. Дискурсивный мир не отображает внешний мир, а создает собственный мир макрореальности [там же: 131]. На основе текстовой базы строятся текстовые миры, модели которых передают индивидуально окрашенную версию происходящего, создаваемую читателем. «Текстовый мир является результатом деятельности реципиента по интерпретации текстовой базы» [Кушнерук 2012: 97].

Предметом внимания данной статьи выбрана макроструктура дискурса психологической сферы под авторством эксперта, обладающего специальным знанием, которое транслируется им на непрофессиональ-

ную пользовательскую аудиторию в социальных сетях, к примеру, через Telegram-каналы. Экспертный дискурс генерируется как ответ на запрос аудитории.

Исследователи по-разному определяют термин макроструктуры. Макроструктура текста, по мысли А. А. Негрышева, затрагивает формально-семантический уровень организации текста и определяется совокупностью макротекстовых позиций, которые, в свою очередь, вытекают из типа дискурса [Негрышев 2020: 154]. Под макроструктурой на примере научного дискурса Т. Н. Хомутова понимает *глобальную семантическую структуру*, в ее составе выделяются: темы, подтемы, топики, выражающие декларативное (эксплицитное) знание, в то время как сама макроструктура выражает процедурное знание (часто имплицитное знание о том, как выполнять действия). Макроструктура первична по отношению к тематической структуре [Хомутова, Силкина 2018: 24] и организует тематическую структуру исходя из эпистемической ситуации.

Под эпистемической ситуацией понимается преобразование результатов познавательной деятельности по получению знания в текстовый результат. Для экспертного дискурса такой ситуацией выступает совокупность экстралингвистических факторов, приводящих эксперта к порождению текстов, содержащих знание, адаптированное для непрофессиональной аудитории с учетом поступившего от нее запроса.

Для создания экспертных текстов автору необходимо понимание, осмысление читательского запроса с содержащейся в нем проблемы. Под «пониманием», как пишет М. И. Киосе, в русле когнитивно-функциональной лингвистической школы понимается инференция, т. е. получение выводного знания путем обращения к другому концепту (Н. Н. Болдырев), и интерпретация, результат которой – распознавание значения (В. З. Демьянков). Исследование интерпретации осуществляется через анализ концептуализации и категоризации в языке. В когнитивно-дискурсивной парадигме (А. А. Кибрик) понимание сближается с распознаванием речи [Киосе 2023: 19–20]. На создаваемые тексты оказывает влияние не только мыслительная, но и языковая деятельность автора, который одновременно представляет собой профессиональную языковую личность.

Экспертный дискурс порождается с использованием научного или специального знания, и за исходную точку можно взять структуру научного текста. Модель научного текста можно охарактеризовать как «проблема – решение» [Хомутова, Силкина 2018: 24]. Аналогично, экспертный дискурс нацелен на поиск и объяснение решения проблем, поступающих от читателей. Если предметной областью экспертного дискурса выступает

психологическое знание, то круг тем постов и комментариев охватывает не все возможные терминологические области этой науки, но очерчивается только теми концептами, которые вызывают у читателей непонимание и требуют разъяснения экспертом.

Для поиска макроструктуры следует обратиться к **ментальной модели**. Е. С. Кубрякова пишет, что при восприятии текста у адресата, на базе извлеченной из текста информации, формируется ментальная модель, идентичная заложенной в него адресантом. Это приводит к мысли о том, что текст как «организованная форма коммуникации, уже содержит в себе самом некие единицы, средства, сигналы и т.п., достаточные и необходимые для построения на его основе правильной и осмысленной модели» [Кубрякова 2001]. Ментальная модель охватывает непосредственно то, что присутствует в самом тексте, но, что важнее, обеспечивает адресату выход за пределы этой информации и служит источником дальнейших его интерпретаций.

Макроструктурой, упорядочивающей знание о некоем фрагменте действительности, выступает макрофрейм. Макроструктура задается продуцентом дискурса исходя из информационно-содержательной стороны последнего. Макрофреймы могут распадаться на фреймы, но в основе такого разложения лежит не иерархическая упорядоченность знаний о предмете, но сам референциальный участок мира реального [Кушнерук 2019: 91] и взаимоотношения между явлениями не производного мира, а физического, материального. Это объясняет единственность выделяемой макроструктуры для каждого вида дискурса. Так, для дискурсивного мира психологической науки в целом могут быть намечены такие макрофреймы, как ПСИХИКА, ЛИЧНОСТЬ, ПОЗНАНИЕ, СОЗНАНИЕ, за которыми стоят определенные классы явлений, объединяемые в категории (психические Процессы, Состояния, Свойства), соответственно, макроструктура психологического дискурса задается названными макрофреймами, а не иными, что обусловлено самим глобальным значением данного дискурса. Однако глобальная структура экспертного дискурса формирует сеть макрофреймов иначе, исходя из моделей «проблема – решение» и «вопрос – объяснение».

Т. ван Дейк и В. Кинч пишут, что макроструктура не собирается из фреймов или сценариев, представляющих собой иерархические структуры знаний и имеющих в основном стереотипную природу. «Макроструктуры являются структурами самого дискурса и часто единственны в своем роде» [ван Дейк, Кинч 2000: 49]. Это обеспечивает предугадывание адресатом сообщения общего содержания дискурса. Действительно, к экспертным

блогам читатели обращаются с запросом не просто узнать информацию на психологическую тему, а получить интерпретацию некой проблемной ситуации с целью поиска ее решения. Субъектно-объектные отношения в Интернет-дискурсе экспертных блогов можно охарактеризовать как «эксперт – обучаемые».

Макроструктуру формируют макрофреймы, представляющие собой многоуровневые ментальные конструируемые [Кушнерук 2019: 132], обладающие коммуникативной значимостью в дискурсе. Как уже было сказано, тематическая структура – часть глобальной смысловой структуры. В отличие от научного психологического дискурса, топиками экспертного Интернет-дискурса могут быть: *Отношения* (детско-родительские и семейные, дружеские, романтические, рабочие), *Воспитание детей*, *Самореализация*, *Деньги и Карьера*, *Любовь*, *Достижение целей* и другие. «Топики соответствуют основным событиям дискурса, и поэтому по ним легко вспомнить, чему вообще посвящен текст», в то время как частное оформление и конкретные языковые формы быстро забываются читателем [Шевцова 2017: 133]. Так, в текстах разных авторов-экспертов могут быть представлены одинаковые фрагменты дискурсивного мира через обращение к идентичным топикам:

*Простой пример: вместо того чтобы заглушать тревогу **прокрастинацией** или едой, можно задать себе вопрос: «О чем эта тревога? Что она пытается мне сказать?»*

*Мы часто ставим перед собой цели, но почему-то не всегда достигаем их. Мы называем это **прокрастинацией**, откладывая на потом или ищем другие оправдания. Почему нам не хватает энергии или мотивации для действий?*

*Нельзя пинками победить **прокрастинацию** надолго, потому что прокрастинация – симптом, который вам о чем-то сообщает.*

Краткое содержание в виде макропропозиции едино для всех приведенных фрагментах и позволяет читателю сформировать знание о неизвестном явлении. Данные примеры объединены следующей макропропозицией: *прокрастинация мешает человеку реализовать свои цели и снижает качество жизни, справиться с ней возможно не силовыми методами, а «проработкой» причин.*

Фрейм ПРОКРАСТИНАЦИЯ в составе макрофрейма ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ демонстрирует нарушение логико-семантических связей между лексемами, служащими знаками макрофреймов дискурса. Это свойство позволяет сделать наблюдение о несовпадении структур научного и экспертного дискурсов на одну тему. В перспективе исследования макроструктуры

экспертного дискурса на психологические темы еще предстоит выявить иерархическую организацию дискурса с делением дискурсообразующих макрофреймов на составляющие их фреймы и слоты.

Литература

Дейк Т. А. ван, Кинч В. Макростратегии // Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.

Киосе М. И. Терминологический кластер «Понимание» в когнитивной лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 9(877). С. 16–24. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_16.

Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 72–81. URL: <http://philology.ru>.

Кушнерук С. Л. Дискурсивный и текстовый миры: возможности уровневой стратификации дискурса // Политическая лингвистика. 2012. № 2(40). С. 93–102.

Кушнерук С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации. М.: ФЛИНТА, 2019.

Хомутова Т. Н., Силкина О. М. Макроструктура научной аннотации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 15. № 4. С. 21–30. DOI 10.14529/ling180404.

Шевцова В. М. Глобальная структура дискурса: макропропозиция и тематический репертуар // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике. Том 1. М.: МГИМО МИД РФ, 2017. С. 131–137.

Negryshev A. A. The macrostructure of news media text: discursive approach // Russian Linguistic Bulletin. 2020. No. 1(21). P. 154–156. DOI 10.18454/RULB.2020.21.1.23.

K. V. Zemlyakova (*St. Petersburg, Russia*)
The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
of Telecommunications

MACROSTRUCTURE OF EXPERT MEDIA DISCOURSE ON PSYCHOLOGICAL TOPICS

The paper presents the macrostructure of expert Internet discourse devoted to psychology. This discourse is constructed considering the readers' requests. It is described how the discursive world of psychological science in expert texts is built according to the "problem-solution" model. It is demonstrated that the global structures of scientific and expert discourses do not coincide, the combination of macroframes in each is determined by their communicative significance.

Key words: world-modeling, representational structure, discursive world, global structure, macroframe, topic, Telegram discourse.

Е. В. Ильина (Тюмень, Россия)

*Уральский государственный университет
путей сообщения, филиал в г. Тюмени,
Тюменский государственный
медицинский университет
Elyina@usurt.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ ДЕТСТВО В МЕМУАРНОМ ДИСКУРСЕ

В статье приведен системный анализ лингвокогнитивных механизмов формирования и интерпретации глубинных смыслов мемуарного текста на примере фрагментов воспоминаний Л. Н. Андерсен как социокультурного наследия эмигрантов первой волны. Эксплицируются объективированные в дискурсе и транслирующие эмигрантскую аксиологию структуры знаний, кодифицированные в концепте ДЕТСТВО и его коррелятах.

Ключевые слова: мемуарный дискурс, концептуально-тематическая область, эмигрантская лингвокультура, детство.

Интерпретирующая функция языковой картины мира [Болдырев 2015: 17] реализуется в мемуарном дискурсе как результат активизации когнитивных механизмов памяти автора – субъекта дискурса. К индикаторам мемуарного дискурса [Карасик 2017: 110] следует отнести автобиографичность (самопрезентацию), документальность, фрагментарную актуализацию информации в форме воспоминаний, ассоциативный характер образов [Орлова 2004: 6] и их социокультурную маркированность. В контексте миграционной лингвистики мемуарный дискурс коррелирует с категориальной моделью миграционного дискурса – эмигрантским дискурсом как особым коммуникативным процессом и видом социальной практики, аккумулирующей как лингвистическую, так и экстралингвистическую составляющие [Миграционная лингвистика... 2019: 15, 49]. В языковой картине мира эмигранта как носителя уникального социолекта особую роль играют концептуально-тематические области – унифицированные «когнитивные схемы восприятия» объективной действительности, функционирующие как смысловое поле для «определения и интерпретации формируемых смыслов» [Болдырев 2015: 23], а также познавательный и ценностный ориентир для языкового коллектива [Болдырев 2015: 17].

Цель исследования – репрезентация концептуально-тематической области ДЕТСТВО как фрагмента языковой картины мира эмигранта

с помощью анализа лингвокогнитивных механизмов формирования и интерпретации глубинных смыслов мемуарного текста. Исследование сфокусировано на экспликации архетипических и семантических структур, кодифицированных в мемуарах как социокультурном наследии эмигрантов первой волны (1918–1940). Материалом исследования выступают фрагменты «Зебра» и «Харбин. Гимназия», опубликованные в мемуарном цикле «Другие берега. Из воспоминаний» сборника «Одна на мосту» [Андерсен 2006], автором которого является Ларисса Николаевна Андерсен (1911–2012), известная представительница восточной ветви русской эмиграции, участница харбинского литературного объединения «Молодая Чураевка», яркая фигура культурного мира русского Харбина 30-х годов XX века. Методология исследования предполагает системный анализ мемуарного дискурса и включает следующие его компоненты: а) грамматический анализ – характеристику морфологических доминант, грамматических категорий и их функций в идиостиле Л. Н. Андерсен; б) стилистический анализ – интерпретацию авторских изобразительно-выразительных средств и фигур речи с позиций когнитивной поэтики; в) лингвокогнитивный анализ – идентификацию стоящих за языковыми средствами структур знаний, объективированных в дискурсе и транслирующих эмигрантскую аксиологию.

Миниатюра «Зебра» – это воспоминание о первых детских радостях и страхах, особенно усиливающихся от переживаний за неопределенное будущее и проявляющихся в снах ребенка, о попытках регуляции сильных положительных и отрицательных эмоций, когда «печалются или радуются все клеточки нового тела». В мемуарном фрагменте концептуально-тематическая область ДЕТСТВО вербализируется посредством лексем-ассоциативов (в том числе диминутивов): *игра, картинки, кружевное платье, клеточки нового тела, открытка, детский пальчик*. Наречия с антонимичной семантикой *изумительно радостно, сладко, спокойно* и *особенно трудно* выступают лексическими доминантами и коррелируют с пространственно-временной оппозицией светлого дня *в пахучих зарослях бурьяна*, веселой игры с немотивированным названием «в зебры», и тревожного, трудного состояния перед сном. Единственным спасением, оберегом от *слез, печали и страхов* становится для ребенка рождественская открытка – символ связи неопределенного, пугающего настоящего со счастливым прошлым, которое «где-то, может быть, и есть, но к чему не можешь добраться». Концептуализируется классическая для эмигрантской картины мира пропозиция утраты прошлого, невозможности возвращения в родное и безопасное пространство. Смысловые доминанты мемуарного дискурса

вербализируются с помощью лексем *рождество* (символ духовного обновления), *ангел* (глашатай добрых вестей). Непосредственность детского мировосприятия объективируется с помощью ассоциативно-образных лексико-семантических рядов с концептуальным признаком «сияние, блеск»: *золотая труба* – *золотые блестки* – *глянцевая блестящая поверхность*. Образ ангельского полета над зимними заснеженными домиками актуализирует стереотипную архетипическую связь с рождественской Россией, в культуре которой зима – национально маркированное время года. Для героини синий цвет – аллегория радости, экспрессивно выраженная с помощью возрастающей градации: *синий, как сапфир* (денотативный признак), *как глубокая радость* (аксиологическая пресуппозиция), как все волшебное, недостижимое и несбыточное (метафорический образ). Таким образом, когнитивной доминантой фрагмента становится мотив ностальгии по детству как благодатному времени, где естественна вера в мечты и интуитивная причастность к ирреальному миру, возвышенному и доступному лишь чистой детской душе.

Рассмотрим языковое и когнитивно-стилистическое своеобразие фрагмента «Харбин. Гимназия», репрезентирующего эстетическое и духовное мировидение эмигрантки-гимназистки. Образ героини в этих воспоминаниях-миниатюре – художественная проекция в гимназическое детство – дается глазами взрослого человека. Текст гармонично сочетает в себе элементы различных жанров: прозаические размышления рассказчицы о минувшей юности, эпистолярный фрагмент (письмо девушки Тани другу Косте), лирическое стихотворение «После экзамена». В совокупности создается единое художественное пространство, которое становится ретроспективой, транслирующей эмоциональное состояние гимназистки. Заглавие «Харбин. Гимназия» выполняет важную композиционную роль: включается в образную систему и объективирует в дискурсе ряд как стереотипных компонентов, соотносящихся с концептом ДЕТСТВО, так и окказиональных, образующих самостоятельные, пересекающиеся между собой концептуальные ассоциативные поля. Первая часть заглавия кодифицирует место действия (физический модус) *Харбин*, а вторая конкретизирует коммуникативное сознание автора (духовно-эстетический модус) с помощью метаконцепта ГИМНАЗИЯ.

Авторская аксиология реализуется в мемуарно-художественном дискурсе за счет концептов-коррелятов ОБУЧЕНИЕ (вербализации: *классная комната, учитель, дети, экзамен, ранцы*), ЭКЗАМЕН (вербализации: *задачи-головоломки, страхи, победно пляшут ранцы, молния и гром, Марь Иванна в черном платье, ответ на наших лицах*), ВЕСНА (вербализации: *открытая*

форточка, упавшее солнце, пар при смехе; небо, словно водоем неисчерпаемых улыбок; звучащий снег, поединок носа с морозом, хрустальный хруст зеркальных льдинок, солнце пустилось в пляс), ЧУВСТВА (вербализации: милый Костя, все равно люблю тебя; всегда буду любить тебя; хотела, чтобы ты был хорошим), ГОРОД (вербализации: китайская дудочная песенка, слепой китаец и мальчик-поводырь, мостик шаткий), ДОМ (вербализации: наш дом; тепла раскрытые объятия, крыльцо; дымок, витающий упорно; залаял черный Винг), ЛИТЕРАТУРА (вербализации: «Синяя птица», литературный поединок, Метерлинк, Пушкин, стихотворенья).

Ценностные ориентиры и духовные идеалы героини объективируются в мемуарном дискурсе через эпистолярное описание взаимоотношений юных Тани и Кости. Для Тани мерилом ценности является одна из ключевых для русской лингвокультуры аксиологема ДУША: *как бы я любила тебя, если б у меня не было души*. Критерием нравственности для юных гимназистов становится отношение к котенку, которого Костя отверг из-за непривлекательной внешности (*простой, некрасивый, хвост маленький, не махровый*). Эксплицитно выражена позиция автора письма Тани, которая видит в котенке живое существо, главное достоинство которого заключается в обладании душой (*у него может быть хорошая душа*).

В стихотворении «После экзамена» концептуализируется антропоморфный образ дома как активного субъекта, значимость которого для юных лирических героинь носит не только прагматический (*Стучим, кричим, звоним. // И ждем*), но и ценностный характер (*тепла раскрытые объятия, надежда теплая*), как и для всех зачастую обездоленных и бездомных эмигрантов – современников автора. Как и в миниатюре «Зебра», в стихотворении «После экзамена» репрезентируется сквозной концепт РАДОСТЬ (вербализации: *славно, неисчерпаемые улыбки, звенящий смех, смешнее и смешней*) и актуализируется символика синего цвета, связанного с прецедентным именем Пушкин (*...синие глаза // Воспел в своих стихотвореньях*). Концептуализируется пресуппозиция: имя Пушкина и синий цвет символизируют Россию как непреложную для эмигранта ценность.

Следует отметить, что тональность и динамика мемуарного текста варьируются в зависимости от жанровой формы: для прозаического фрагмента характерна меланхоличность и недосказанность, ассоциирующиеся с весенним лениво-беззаботным настроением (за счет эллипсиса и односоставных назывных предложений), в эпистолярном тексте запечатлена интимность первых юношеских чувств и логическая последовательность наивных полудетских умозаключений (за счет оценочных лексем *милый,*

хороший, хорошая, люблю – плохой, дурак, простой, некрасивый, маленький и риторических вопросов), в финальном стихотворении преобладает танцевальная ритмика (лексемы *бежать, в пляс, пляшут, ритмический танец, скорее*).

Таким образом, в мемуарно-художественном дискурсе Л. Н. Андерсен концептуально-тематическая область ДЕТСТВО и ее репрезентанты (концепты РАДОСТЬ, ХАРБИН, ГИМНАЗИЯ) подвергаются метаязыковой рефлексии, субъективной концептуализации и актуализируют модально-оценочный аспект социокультурного знания как составляющей эмигрантской лингвокультуры.

Литература

Андерсен Л. Н. Одна на мосту: стихотворения, воспоминания, письма. М.: Русский путь: Русское зарубежье, 2006. URL: <https://litmir.club/br/?b=175115>.

Болдырев Н. Н., Дубровская О. Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 14–25.

Карасик В. И. Дискурсивная мода в мемуарном тексте // Язык и мода. 2017. № 2017. С. 108–120.

Орлова Н. А. Речевой жанр «мемуары» и его реализация в текстах носителей разных типов речевой культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.

Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: монография / Е. О. Зубарева, Е. В. Исаева, А. В. Иценко [и др.]. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2019.

E. V. Ilyina (Tyumen, Russia)

Ural State University of Railway Transport,

branch in Tyumen,

Tyumen State Medical University

REALIZATION OF THE CONCEPTUAL-THEMATIC DOMAIN *CHILDHOOD* IN MEMOIR DISCOURSE

The article provides a systematic analysis of the linguistic-cognitive mechanisms of formation and interpretation of the deep meanings of the memoir text using the example of fragments of memories by L. N. Andersen as a sociocultural heritage of emigrants of the first wave. The structures of knowledge objectified in discourse and broadcasting emigrant axiology, codified in the concept *CHILDHOOD* and its correlates, are explicated.

Key words: memoir discourse, conceptual-thematic field, emigrant linguistic culture, childhood.

Д. А. Кожанов (Барнаул, Россия)

*Алтайский государственный
педагогический университет
dsf46k@yandex.ru*

Т. Н. Гарьковская (Новосибирск, Россия)

*Новосибирский государственный университет
tatyana.garkovskaya@g.nsu.ru*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ШИРОКОЗНАЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСАХ

Статья представляет собой попытку рассмотреть функциональный потенциал широкозначной лексики в художественном и научном дискурсах. В качестве исходного положения выступает тезис об особой роли, которую играют широкозначные существительные в процессах формирования дискурсивного пространства и в процедурах генерирования смыслов в различных дискурсивных ситуациях.

Ключевые слова: широкозначные существительные, научный дискурс, художественный дискурс, контекст, порождение смыслов, интерпретация.

Класс широкозначных существительных закономерно привлекает внимание исследователей, занимающихся различными типами дискурса, т.к. наполнение плана содержания данных языковых единиц обусловлено, в первую очередь, когнитивными и прагматическими параметрами дискурса, в пространстве которого они находят свою реализацию. На открытость класса существительных с обобщенным значением указывает Х. Шмид, отмечая уникальное сочетание семантических, когнитивных и дискурсивных параметров в их концептуальной структуре [Schmid 2018]. Следует отметить, что существительные широкой семантики обладают непостоянным временным концептуальным содержанием, которое наполняется в зависимости от дискурсивной ситуации, в которой они функционируют [Гарьковская 2004: 330]. Процесс формирования плана содержания данных языковых единиц в различных дискурсивных ситуациях представляет собой сложный, многокомпонентный когнитивный процесс, включающий элементы генерализации, конкретизации, профилирования, перспективизации, инференции и концептуальной метафоры [Беседина 2008].

Перечисленные выше когнитивные процессы и механизмы находят свою реализацию, в первую очередь, в художественном дискурсе, где они участвуют в процессах конструирования ментального пространства, которое

«могло бы функционировать по своим собственным законам, но при этом было бы убедительным и непротиворечивым в своей целостности» [Щирова, Сергаева 2022: 160]. В примере 1 реконструирование читателем авторской картины мира художественного произведения обеспечивается использованием широкозначного существительного *case*:

(1) *Harry did the best he could, trying to ignore the pains in his forehead. Neville thought Harry had a bad **case** of exam nerves because Harry couldn't sleep, but the truth was that Harry kept being woken by his old nightmare* (J.K. Rowling).

В данном примере существительное широкой семантики *case* используется автором для обозначения состояния или ситуации, которую можно интерпретировать как определенный «случай», связанный с потрепанными нервами перед экзаменом (*a bad case of exam nerves*). Невилл ошибочно диагностирует состояние Гарри, что добавляет элемент юмора и напряжения в повествование. При помощи фразы *but the truth was that* создается контраст между реальностью и предположениями других персонажей.

Аналогичным образом функционирует и широкозначное существительное *matter*, семантика которого конструируется непосредственно в пространстве соответствующего дискурса (пример 2):

(2) *"Do you?" said the boy, with a slight sneer. "Why is he with you? Where are your parents?"*

*"They're dead," said Harry shortly. He didn't feel much like going into the **matter** with this boy* (J. K. Rowling).

В примере 2 широкозначное существительное *matter* обозначает конкретную проблему или ситуацию, связанную с родителями Гарри, в которую он отказывается углубляться, так как она эмоционально болезненна для него. Существительное *matter* служит неким контейнером-вместилищем, на что указывает предлог *into* в выражении *go into* [Лакофф, Джонсон 2008: 57].

Авторские концепты, принадлежащие художественной картине мира, реконструируются читателем в процессе интерпретации художественного текста на основе восстановления семантики широкозначных существительных, реализующихся в том или ином окружении (пример 3):

(3) *"I'm not going in that forest, he said, and Harry was pleased to hear the note of panic in his voice. "Yeh are if yeh want ter stay at Hogwarts," said Hagrid fiercely. "Yeh've done wrong an' now yehve got ter pay fer it." "But this is servant **stuff**, it's not for students to do. I thought we'd be copying lines or something, if my father knew I was doing this, he'd tell yer that's how it is at Hogwarts," Hagrid growled* (J.K. Rowling).

В примере (3) существительное широкой семантики *stuff* обозначает неопределенный тип работы или деятельности, которая считается непод-

ходящей для студентов. Это абстрактное понятие, охватывающее все действия, связанные с выполнением обязанностей слуги, на что указывает существительное *servant* в атрибутивной позиции. Речь идет о физической или рутинной работе, которую обычно выполняют слуги, а не ученики. Как следствие, в семантике фразы *servant stuff* присутствует негативный оттенок, указывающий на недовольство персонажа тем, что ему предстоит делать.

Научный дискурс, представляющий собой в некоторой степени противоположность художественному дискурсу, также демонстрирует высокую плотность широкозначных существительных, присущую всем типам научных текстов. Предельно абстрактные научные понятия, принадлежащие концептуальному уровню научного дискурса, вербализуются в научном тексте при помощи как терминологической, так и широкозначной лексики. Если терминологическая лексика обеспечивает предельно точную передачу информации при использовании минимума языковых средств, то преимущество широкозначной лексики в сфере научной коммуникации объясняется тем, что данные языковые единицы обладают способностью определять направление интерпретативной деятельности адресата [Кожанов 2018: 770].

Как следствие, изучение механизмов функционирования широкозначной лексики в научном дискурсе приобретает особое значение в контексте проблемы генерирования новых смыслов (пример 4):

(4) *In the case of visual statistical learning, when presented with picture sequences with embedded regularities, both younger and older adults were able to extract the regularities* [www.cambridge.org].

В примере 4 широкозначное существительное *case* относится к области «visual statistical learning» (визуального статистического обучения), то есть речь идет о конкретной ситуации или контексте, связанном с этим явлением. Его выбор обусловлен научным стилем текста и необходимостью передать точное значение без потери формальности.

Не менее важную роль единицы класса широкозначной лексики играют при установлении синтаксических и семантических связей между отдельными фрагментами научного текста (пример 5):

(5) *In the case of the former, the meaning contribution of the particle is questioned, whereas in the case of the latter, the questioned element is the sentence content, and the particle 'ba' remains scopeless, as expected with a discourse particle* [www.cambridge.org].

В примере 5 существительное *case* указывает на два различных случая, требующих отдельного рассмотрения. Оно помогает разделить обсуждение на две части, каждая из которых рассматривает разные элементы лингвистического анализа. Таким образом, широкозначные существительные вы-

ступают в научном тексте репрезентантами фрагментов научной картины мира, уподобляясь терминологической лексике (примеры 6, 7):

(6) *The interpretation is left unspecified, since it is a **matter** of the particular lexical constructions* [www.cambridge.org].

(7) *It is the result of how people – even trained politicians – define the social situation and the accompanying social rules. Management of face in a digital environment is limited to the **stuff** that appears on screen* [www.cambridge.org].

Существительное широкой семантики *matter* в примере 6 выполняет роль указателя на область или аспект, зависящий от контекста. Его использование подчёркивает зависимость интерпретации от этих параметров контекста и создаёт формальное объяснение причины неопределённости. В примере 7 широкозначное существительное *stuff* служит универсальным заменителем для таких терминов, как «информация», «контент» или «визуальные элементы». Его использование подчёркивает общность описания и позволяет сосредоточиться на идее ограничения управления имиджем цифровыми возможностями.

Реализуясь в пространстве различных дискурсов широкозначные существительные демонстрируют определенную функциональную специфику. Семантическая диффузность таких знаков наделяет их способностью передавать разного типа знания «в диффузном и свернутом виде» [Ирисханова 2014: 99]. Если в научном дискурсе существительные *stuff*, *case* и *matter* используются для обозначения абстрактных концепций или объектов исследования, а их значения ограничиваются контекстом научного обсуждения, то в художественном дискурсе их значения становятся более размытыми и адаптируются под конкретные ситуации, позволяя автору показать внутренний мир персонажей или создать определенную атмосферу.

Литература

Беседина Н. А. Метод концептуально-репрезентативного анализа в когнитивных исследованиях языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка. Тамбов: Издательство ТГУ, 2008. С. 61–72.

Гарьковская Т. Н. О когнитивном потенциале существительных с широким значением и их функционировании в дискурсе (на материале английского языка) // Бытие и язык. Новосибирск, 2004. С. 324–330.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Кожанов Д. А. Экспрессивный потенциал элементов научного дискурса в художественном тексте // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2018. Т. 28. № 5. С. 768–774.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Щирова И. А., Сергаева Ю. В. Синкретизм как «измерение» научно-фантастического текста: опыт системного описания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. 2022. Т. 2. № 2. С. 159–170.

Rowling J. K. *Harry Potter and the Sorcerer's Stone*. Bloomsbury Publishing, 2003.

Schmid H.-J. Shell nouns in English – a personal roundup // *Caplletra. Revista Internacional de Filologia*. 2018. № . 64. P. 109–128.

URL: www.cambridge.org

D. A. Kozhanov (*Barnaul, Russia*)

Altai State Pedagogical University

T. N. Garkovskaya (*Novosibirsk, Russia*)

Novosibirsk State University

DESIGNING THE SEMANTIC FRAMEWORK OF ENGLISH NOUNS WITH BROAD SEMANTICS IN LITERARY AND SCIENTIFIC DISCOURSES

The article presents an attempt to view the functional potential of nouns with broad semantics in literary and scientific discourses. The main thesis that forms the theoretical basis of the article is connected with the role that is played by nouns with broad semantics in the processes of designing discursive space and in procedures of generating meanings in different discursive situations.

Key words: nouns with broad semantics, scientific discourse, literary discourse, context, generation of meanings, interpretation.

И. В. Кононова, Д. А. Белослудцева
(*Санкт-Петербург, Россия*)

Санкт-Петербургский государственный

экономический университет

ivkononova-unecon@yandex.ru

d.belosludtseva@gmail.com

ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТИ RESPONSIBLE CONSUMPTION В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В статье на материале британского сегмента корпуса News on the Web (NOW) с применением метода коллокаций установлена содержательная специфика и оценочная интерпретация ценности *responsible consumption* в СМИ Великобритании. Корпусные данные отражают коллективистский характер ценности осознанного

потребления в британской культуре, а также ее рутинизацию и смещение в морально-этическое измерение.

Ключевые слова: медиадискурс, концепт, ценность, дискурсивная репрезентация, коллокация.

Одним из активно развивающихся направлений современной дискурсивной лингвистики является изучение языковой репрезентации лингвокультурных феноменов в медиадискурсе [Кондратьева, Игнатова 2021; Kochetova 2023; Кочетова, Кононова 2024]. Исходным тезисом исследователей является положение о том, что медиатизация имеет ярко выраженное лингвокультурное измерение, поскольку СМИ, сами являясь неотъемлемой частью культуры, находятся под ее влиянием, а медийные коммуникативные практики, будучи фактором культурной консолидации, воплощают ценности социума.

В статье представлены результаты лингвистического описания содержательной специфики лингвокультурного концепта RESPONSIBLE CONSUMPTION в его дискурсивной реализации в современных медиа Великобритании. Ценность ответственного/устойчивого/осознанного потребления (responsible/sustainable/conscious consumption) начала особенно активно обсуждаться в СМИ разных стран после того, как в 2015 году Генеральная Ассамблея ООН приняла 17 целей для устойчивого развития человечества, 12-й из которых является «обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства». Под ответственным потреблением понимают практику использования ресурсов окружающей среды таким образом, чтобы сохранить их для будущих поколений. В последнее десятилетие концепт ОСОЗНАННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ стал приобретать новые содержательные признаки, отражение которых можно наблюдать в первую очередь в медийном дискурсе. *Разумное потребление* становится своего рода жизненной философией и освещается в СМИ не только как фактор устойчивого экономического и общественно-политического развития, но и как этический ориентир отдельных индивидуумов и общества в целом.

Исследование проводилось на материале британского сегмента пополняемого корпуса англоязычных медиатекстов *News on the Web* общим объемом более 20,3 млрд слов. С помощью функций “Collocates” и “Word List” были выделены основные коллокации, репрезентирующие концепт RESPONSIBLE CONSUMPTION в британском сегменте корпуса NOW в период с 2010 по 2025 гг. Под коллокацией в настоящем исследовании вслед за Дж. Синклером понимается совместное появление двух или более лексических единиц в максимальном интервале слева и справа от анализируемого слова [Sinclair 1991]. Корпусные исследования позволяют рассмат-

ривать большие текстовые массивы и получать верифицированные выводы о содержательной структуре и значимости концептов в их дискурсивной интерпретации.

На первом этапе исследования проводился поиск биграмм для левого контекста с ядерным словом *consumption*: 1) Adj + consumption и 2) V + consumption. В первые 30 по частотности биграмм, образованных по модели Adj + consumption, вошли (далее в скобках представлена статистическая мера MI, пороговой величиной которой считается 3.0): *conspicuous consumption* (12.24), *excessive consumption* (9.37), *increased consumption* (5.63), *safe consumption* (4.93), *moderate consumption* (6.92), *responsible consumption* (4.82), *sustainable consumption* (5.47), *conscious consumption* (6.62), что подтверждает важность освещения феномена потребления в британских медиа с точки зрения его умеренности и разумности. Озабоченность британского общества проблемой безответственного потребления отражается также глагольными биграммами с ядерной лексемой *consumption*, наиболее частотными из которых являются: *reduce consumption* (6.22), *reducing consumption* (6.50), *cut consumption* (3.54), *limit consumption* (3.86). Контексты корпуса демонстрируют регулярное употребление данных коллокаций в сочетании с модальными глаголами должностования (*need, must, should*), глаголами и существительными с семантикой целеполагания, необходимости и достижения (*to achieve, to aim, to require, to call for; goal, demand, target, solution, decision, etc.*): (1) *What we need to see to make this happen is the introduction of **targets to reduce consumption** with credible plans to achieve them* (18.01.2024, The Herald).

Далее проводился анализ контекстов употребления в корпусе атрибутивных биграмм *responsible consumption*, *sustainable consumption* и *conscious consumption*, являющихся наиболее частотными репрезентантами исследуемого концепта.

Было установлено, что в большей части контекстов осознанное потребление репрезентируется как стратегия, связанная с ответственным производством и направленная на снижение негативного воздействия на окружающую среду: (2) *The initiative calls for **responsible consumption**, conservation, and collective action against **climate** change* (22.08.2023, Zawya). Медийные нарративы также регулярно отражают связь ответственного потребления с идеей социального и технического прогресса и устойчивого будущего. Ср.: (3) *Through a collective commitment to **responsible consumption**, we can forge a path towards a more **sustainable future*** (Zawya, 19.11.2023); (4) *...the state is shifting to an **innovative and sustainable consumption** model aimed at **saving future generations** of resource*

scarcity (27.07.2023, Zawyа). Подчеркивается важность экономии ресурсов ((5) *The trend towards **sustainable consumption** includes the obvious idea of eliminating **needless waste**...* (31.08.2021, The Guardian)), переработки отходов и повторного использования продуктов производства ((6) *As stewards of the environment, we need to drive **responsible consumption** and promote **healthy recycling practices*** (06.02.2025, Zawyа)).

Ответственное потребление концептуализируется в британских СМИ одновременно как индивидуальный выбор отдельного гражданина ((7), *The environment is very important **to me**, so **my** third goal is **responsible consumption*** (05.11.2023, The Comet) и как вызов, требующий совместных усилий всего общества (*complex challenge that requires collective effort, collective commitment/movement/action/goal/aims/success*). Отражение британскими СМИ разумного потребления как коллективистской ценности проявляется в частотном употреблении ее ключевых репрезентантов в условиях узкого контекста с прилагательными *collective* и *collaborative*, существительными собирательной семантики (*communities, cities, people*), а также личными и притяжательными местоимениями 1-го лица, множественного числа (*our, we, us* и пр.): (8) *There is significant interest in giving bikes a second life as **we** strive to more **sustainable consumption** levels* (19.09.2024, Cycling). Местоимения *we* и *our* входят в число наиболее частотных коллокатов лексем *sustainable* и *consumption*, выделенных в окне наблюдения 4/+4.

Медийные нарративы акцентируют также рутинизацию практик ответственного потребления: (9) ***Responsible consumption** is becoming an **everyday habit*** (09.06.2021, The Drum). Корпус отражает семантическую аттракцию между словосочетаниями *sustainable/responsible/conscious consumption* и словами *patterns, practices, lifestyle(s), habit(s)*. Ответственное потребление концептуализируется в СМИ как общественно одобряемый стиль жизни и поведенческий паттерн. Так, по данным корпуса, лексема *practices* входит в 15 наиболее частотных полнозначных коллокатов прилагательного *sustainable* с показателем меры MI – 6.02, свидетельствующей о высоком взаимном тяготении слов. Коллокация *sustainable practices* демонстрирует устойчивый рост нормализованной частотности с 0.12 в 2010 г. до 0.87 в 2025 г.

Наблюдается процесс «морализации» регулятивной ценности «осознанное потребление»: (10) *These include raising awareness of the issues of **ethical and sustainable consumption*** (20.07.2022, The Oxford Times). Умеренное потребление представляется в британских СМИ как новая этическая норма. Отмечается также эстетизация ценности – осознанное потребление регулярно ассоциируется с понятием «устойчивой моды» (*sustainable fashion*),

под которой понимается отказ от избыточно частой смены модных трендов и направлений: (11) *Another cause close to her heart is **sustainable fashion and conscious consumption*** (16.10.23, The Dorset Echo). Корпусные данные позволяют выявить неологизмы, номинирующие новые социальные тренды, которые свидетельствуют о морализации и эстетизации утилитарной ценности умеренного потребления: *underconsumption* (намеренное недопотребление), *customizing* (обновление и преобразование бывших в употреблении вещей), *preloved* (любимый предыдущим хозяином), *re-home* (найти вещи новый дом) и пр. Так новое значение лексемы *underconsumption* впервые фиксируется корпусом NOW в 2024 г. в составе словосочетания '*underconsumption core*' *lifestyle*, номинирующего образ жизни, предполагающий намеренный минимализм: (12) *The nomadic way of life is popular with (mainly) young people, and preceded the 'underconsumption core' lifestyle* (29.12.2024, The Times). Появление новой лексики в числе номинаций практик осознанного/ответственного потребления подтверждает рост значимости медиаконцепта. Частотное употребление эмотивной лексики в условиях узкого контекста с номинациями концепта (*we **strive** to more sustainable consumption levels, we are **excited** to empower more conscious consumption* и пр.) свидетельствует о положительном векторе его оценочной интерпретации.

Таким образом, медиадискурс Великобритании репрезентирует растущую значимость ценностного концепта RESPONSIBLE CONSUMPTION. Изначально утилитарная регулятивная ценность становится новой этической нормой, разделяемой большей частью общества. Корпусные данные отражают коллективистский характер ценности осознанного потребления в британской культуре, а также тенденцию к ее рутинизации и эстетизации, которая проявляется в концептуализации минимализма как привлекательного стиля жизни.

Литература

Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ) // Научный диалог. 2021. № 3. С. 69–85.

Kochetova L. A. Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. 2023. Vol. 22. # 5. P. 6–18.

Кочетова Л. А., Кононова И. В. Медиатизация регулятивной ценности «здоровый образ жизни» в англоязычных СМИ: корпусный подход // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 6. С. 186–208.

English-Corpora.org – News on the Web (NOW). URL: <https://www.english-corpora.org/>
Sinclair J. Corpus, concordance, collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.

I. V. Kononova, D. A. Belosludtseva
(Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics

**DISCURSIVE REPRESENTATION
OF THE VALUE OF *RESPONSIBLE CONSUMPTION*
IN ENGLISH MEDIA**

Based on the British segment of the News on the Web corpus (NOW) using the collocation method, the article analyzes the semantic specificity and evaluative interpretation of the value of *responsible consumption* in the UK media. The corpus data reflect the collectivistic nature of the value in British culture, as well as its routinization and shift towards the ethical dimension.

Key words: media discourse, concept, value, discursive representation, collocation.

В. И. Космодемьянская, А. А. Радюшкина
(Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена
kosmoviktoria@gmail.com; galeya-2001@yandex.ru

**РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ТЕАТРАЛЬНОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
45-го ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА**

В статье рассматривается такая разновидность политического дискурса, как победная речь Д. Трампа на выборах президента США в 2016 г. Основное внимание уделено наиболее встречающейся стратегии театральности и тактикам, которые ее реализуют.

Ключевые слова: американский политический дискурс, победная речь Д. Трампа, коммуникативные стратегии, стратегия театральности, речевые тактики.

В связи с постоянно изменяющейся политической ситуацией в мире, все больше и больше растет интерес к изучению политического дискурса. Значительное количество работ посвящено изучению политического дискурса с лингвистической точки зрения, поскольку именно в коммуникативной сфере (сфере общения) особенно очевидным представляется влияние языка на жизнь и взаимодействие людей в обществе. Политический дискурс представляет собой институционализированный вид дискурса и является

инструментом борьбы за власть, манипулирования общественным мнением и формирования общественного сознания [Шейгал 2005]. «Политический дискурс» определяется как «разновидность дискурса, целью которого является завоевание, осуществление и сохранение политической власти» [Перельгут 2013; Чудинов 2008]. А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич в своей совместной работе определяют политический дискурс как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич 1991]. Таким образом, политический дискурс объединяет в себе социальные, политические, лингвистические и культурологические аспекты.

В 2016 г. состоялась президентская гонка, в которой впервые в истории США принял участие и выиграл человек, не имеющий ни государственного, ни политического, ни военного опыта – Дональд Трамп, бизнесмен, в прошлом владелец конкурса красоты «Мисс Вселенная» и ведущий реалити-шоу на телеканале NBC. Феномен Д. Трампа значителен для современной политики в целом, и изучения политического дискурса, в частности, поскольку именно его язык, речь, коммуникативные стратегии, особенности личности (бизнесмен, но не политик) позволили ему выиграть политические выборы 2016 г. вопреки многочисленным прогнозам и ожиданиям конкурентов, журналистов, общества. Известный корреспондент газеты «The Economist» Марк Джонсон писал: “Language is virtually all a politician has to wield influence with” («язык – это практически все, чем располагает политик для оказания влияния») [Johnson 2016], и Д. Трамп использовал его в полной мере, став феноменом в политическом мире Америки и мира. Именно поэтому изучение его речи представляет актуальным, т.к. она отражает мышление человека, который, не являясь членом политического сообщества, смог войти в него, преодолеть сопротивление политической системы, во многом переформатировав ее под себя, завоевав поддержку большого числа как политиков, так и простых граждан.

Основным фактором при выборе ключевых стратегий в рамках победной речи, так же, как и предвыборных выступлений, является присутствие адресата-наблюдателя, поэтому адресанту необходимо закрепить свой положительный имидж в глазах избирателей, не дать усомниться в сделанном выборе и эксплицитно или имплицитно указать на слабые стороны оппонента, тем самым повысив свою значимость в глазах аудитории. Победная речь Д. Трампа, произнесенная 6 ноября 2016 г., [<https://www.nytimes.com/2016/11/10/us/politics/trump-speech-transcript.html>], оказалась практически полностью построенной на основе стратегии театральности. К реализующим ее тактикам мы отнесли следующие: побуждения, кооперации, прогнозирования и обещания.

Тактика побуждения направлена на то, чтобы побудить наблюдателей совершить какое-либо действие, а также убедить в правильности своей точки зрения. *Now it's time for America to bind the wounds of division; have to get together.* Трамп красноречиво посредством метафоричного сравнения старается убедить и побудить свою аудиторию к тому, что совместными усилиями они смогут «залечить раны» и стать единым целым, объединившись вокруг него самого как новоизбранного президента.

Он обращается ко всем: к республиканцам, демократам и иным независимым во взглядах гражданам, побуждая к общим для всех действиям, тем самым манипулируя общественным сознанием и концепцией сплоченности и отсутствием сепарации. *To all Republicans and Democrats and independents across this nation, I say it is time for us to come together as one united people.* Главная задача Трампа – апеллируя к ценностям американского народа и вызывая определенные эмоции, окончательно склонить симпатии избирателей на свою сторону. В данных примерах одновременно с тактикой побуждения реализуется тактика кооперации.

Тактика кооперации реализуется за счет частого употребления местоимения «мы», что демонстрирует близость и сплоченность избранного президента с народом. Данная тактика призвана еще раз убедить избирателей в правильности сделанного ими выбора. *It's about us – on our victory, tremendous potential. I've gotten to know our country so well – tremendous potential.* Эпитет *tremendous*, намеренно повторяющийся в реплике Трампа, призван усилить эмоциональный отклик у аудитории. Обращение к чувству гордости за страну и народ формирует ощущение единства, которое понадобится Трампу в дальнейшем как основа для поддержки гражданами его будущих решений, для удержания от возможного активного выражения несогласия, для закрепления за собой имиджа объединяющего страну лидера.

Тактика прогнозирования реализуется Трампом для того, чтобы описать светлое и счастливое будущее, которое ждет американцев с ним во главе страны. *We have a great economic plan. We will double our growth and have the strongest economy anywhere in the world. At the same time, we will get along with all other nations willing to get along with us. We will be. We expect to have great, great relationships. No dream is too big, no challenge is too great.* Повторение оценочного эпитета *great (future), great relationships*, употребление превосходной степени прилагательного *the strongest*, сравнения *anywhere in this world*, не оставляют никому и малейшего шанса усомниться в великом будущем великой страны, по мнению Трампа.

Тактика обещания представляет собой добровольное решение или обязательство перед народом. *Working together, we will begin the urgent*

task of rebuilding our nation and renewing the American dream. I've spent my entire life and business looking at the untapped potential in projects and in people all over the world. That is now what I want to do for our country... I promise...

Трамп использует прямую коммуникацию и перформативный глагол *promise*, обещая полностью перестроить работу, изменить жизни людей к лучшему. Апеллируя к своему успешному опыту в бизнесе, Трамп формирует в сознании адресата основу для ожиданий положительных результатов его деятельности в политике.

Вышеуказанные тактики служат актуализации таких значимых для американского общества понятий, как величие страны (*tremendous potential, great (economic plan/relationship/future), tremendous potential, double our growth*), Американская мечта (*American dream*), сила (*the strongest (economy), tremendous potential*), единство (*us, our, bind the wounds of division, get together, come together as one united people*). Необходимость обращения к ценностным ориентирам обусловлена их способностью «выполнять функцию регулирования взаимоотношений между участниками коммуникации» [Сидорова 2011: 5; Машкович 2021: 35], и в качестве форм регулирования отношений с избирателями Трамп имплицитно использует идеи сплочения вокруг себя, убеждения в своей силе и решительности, стремится укрепить собственный авторитет.

В заключение отметим, что стратегия театральности в победной речи Д. Трампа реализуется тактиками побуждения, кооперации, прогнозирования и обещания. С их помощью он стремится повлиять на картину мира электората, закрепив в его сознании образ себя как уверенного лидера. Отталкиваясь от известного в обществе мнения о себе как об эффективном бизнесмене, Д. Трамп старается обеспечить в сознании адресата перенос представлений о своей успешности в роли предпринимателя на свою будущую деятельность в роли президента, обещая рост экономических благ и расширение влияния во внешнеполитической сфере. Таким образом, выбор Дональдом Трампом стратегии театральности как преобладающей в победной речи 2016 г. продиктован тем, что опыт шоумена позволяет ему сделать свое выступление более зрелищным, а речь эмоциональной и вызывающей отклик.

Литература

Машкович О. А. Аксиологические доминанты риторического идеала современного студенчества в текстах президентских выступлений // Филология: научные исследования. 2021. № 6. С. 34–44. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.6.35884 URL: https://nbpublib.com/library_read_article.php?id=35884

Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2013. № 2. С. 35–41.

Сидорова Н. А. Основы лингвоаксиологической концепции речевой коммуникации: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2008.

Шейгал Е. И. Проблемы анализа политического дискурса // Русский язык в современном обществе: (Функциональные и статусные характеристики): сб. обзоров. Сер. «Теория и история языкознания» / отв. ред.: Опарина Е. О., Казак Е. А. М., 2005. С. 51–70.

Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). М.: Знание, 1991.

Johnson M. Double-plus Effective // The Economist. June 18th., 2016. P. 80.

Trump D. Victory Speech, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/11/10/us/politics/trump-speech-transcript.html>

V.I. Kosmodemianskaia, A.A. Radyushkina

(St. Petersburg, Russia)

The Herzen State Pedagogical University of Russia

THE SPEECH STRATEGY OF THEATRICALITY IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE 45th PRESIDENT OF THE UNITED STATES D. TRUMP

The article examines such an implementation of political discourse of D. Trump's as his victory speech in the US presidential election campaign in 2016. The main focus is on the most common strategy of theatricality and the tactics that realise it.

Key words: American political discourse, D. Trump's victory speech, communication strategies, strategy of theatricality, speech tactics.

П. Б. Кузьменко (Воронеж, Россия)

Воронежский государственный университет

p.kuzmenko2012@yandex.ru

‘IN FACT’

КАК ПОКАЗАТЕЛЬ «ДОПОЛНЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ»

В статье рассматривается фраза *in fact* как показатель «дополнения реальности». Обсуждается общая функция этой фразы, а также её различные варианты. Выделяются различные дискурсивные смыслы, реализующиеся в зависимости от контекстуального окружения и интенций говорящего.

Ключевые слова: реальность, показатель реальности, генерализация, конкретизация, дискурсивный смысл, английский язык.

Апелляция говорящего к реальности и факту весьма часто востребована в ходе его дискурсивной деятельности. В связи с этим носители английского языка часто используют фразу *in fact*. Множество контекстов, содержащих эту фразу, реализует разные позиции, в которых она встречается, а также её довольно разнообразное окружение. Толковые словари английского языка объясняют значение этой фразы с помощью следующих языковых средств: *actually; in reality; in point of fact; in truth*. Эти дефиниции имеют в своем составе компонент «реальность», «действительность». Слово *факт*, как известно, происходит от лат. *factum – an event, occurrence, deed, achievement*. По определению Н. Д. Арутюновой, «факт имеет значение истины» [Арутюнова 1999: 491], в связи с чем можно говорить о его прямом отношении к реальности (на основании внутренней формы этого слова).

В качестве переводных соответствий *in fact*, обнаруженных нами в параллельном подкорпусе НКРЯ, предлагается ряд средств, имеющих в своем значении компонент «реальность»: *на самом деле, в действительности, на деле (же), в деле, по сути, фактически*. Кроме того, часто обнаруживались фразы, в значении которых этот компонент не просматривается: *вообще, то есть, даже, более того, кстати, точнее*.

Фраза *in fact* прошла определенную эволюцию от адвербиалии (предлог+сущ.) до маркера с противительным значением и, наконец, дискурсивного маркера [Traugott 2005]. Рассматривались пути её прагматикализации [Шилихина 2015].

В соответствии с этим *in fact* представляет интерес с точки зрения разных способов презентации реальности. Установление того или иного её аспекта впоследствии позволит нам обнаружить правила выведения базового значения этого средства. Для этой цели мы обращаемся не только к левостороннему окружению, но и к материалу русского языка: переводы интересующих нас контекстов могут подсказать тот или иной оттенок смысла, способствующий появлению *in fact*. Такой подход к материалу позволит выяснить, какие именно аспекты реальности подчеркиваются говорящим, какое именно содержание в связи с этим модифицируется и какие когнитивные операции осуществляет при этом говорящий.

Представляется, что можно говорить об определенной динамике, которая просматривается при движении от одного положения дел (далее – ПД) к другому. В левостороннем окружении, как правило, присутствует содержание, которое затем получает модификацию в правостороннем окружении. В результате получается более точное, более сложное и, наконец, более эффективное представление какого-либо ПД, которое сопровождается

ется *in fact*. Важно отметить, что левостороннее окружение *in fact* нельзя при этом рассматривать как нереальное (хотя оно часто может включать неправильные представления говорящего). Общим свойством для всех ПД, предшествующих *in fact*, является их некоторая информационная недостаточность или неполное знание, в связи с чем необходимо добавление каких-то сведений, соответствующих **реальному** положению дел. На этом основании мы можем говорить о дополненной реальности, а фразу *in fact* рассматривать как её показатель.

В связи с этим интерес представляют дискурсивные смыслы, возникающие в условиях противопоставления данной реальности и реальности дополненной. В обобщенном виде функция *in fact* может быть сформулирована как маркер дополненной реальности, фоном которой служит «данная» реальность. Архисемой этой фразы является аддитивность, которую мы понимаем как своеобразную информационную технологию, используемую говорящим для наиболее адекватного отражения некоторого ПД и для донесения своего коммуникативного намерения читателю/слушателю в процессе общения. Речь идет о том, чтобы дополнить содержание предыдущего высказывания (или даже нескольких) за счет последующего. Фактически же эта дискурсивная функция многовариантна. Рассмотрим случаи реализации данной технологии с помощью фразы *in fact*.

1) Необходимость уточнения степени проявления того или иного признака или свойства чего-либо обуславливает наличие эмпазы. В последующем контексте мы обнаруживаем наличие признака большей интенсивности. В реальность «вводится» более интенсивная степень признака. В этом случае номинируемое ПД остается неизменным, меняется лишь его оценка говорящим:

I don't like him. In fact hate him. (Я не люблю его. **Точнее**, я его ненавижу.)

He's not joking. In fact, he's dead serious. (Он не шутит. **Вернее сказать**, он чертовски серьезен.)

I've recovered completely. In fact, I feel terrific. (Я полностью выздоровел. **К тому же**, я чувствую себя потрясающе.)

2) Предъявление более частных характеристик того или иного ПД является разновидностью конкретизации сообщения. В русском языке показателями этой ситуации являются лексемы *даже*, *кстати*, *вернее*, *точнее*, *конкретнее* и под.

There's no pressure on us. In fact, it's been diverted to the opposition. (На нас никто не оказывает давление. **Точнее**, оно направлено на оппозицию.)

I'll be fully fit by the time of the international. In fact, I'm looking to be back against Coventry on Wednesday night. (Я буду в полной форме ко времени

международного турнира. **Если быть точным**, я рассчитываю вернуться к игре против «Ковентри» в среду вечером).

*I used to live in France; **in fact** not far from the place.* (Я раньше жил во Франции. **Кстати**, недалеко от этого места.)

3) К добавленной реальности можно отнести случаи генерализации в сообщении о ПД, сделанном на основании фактов, содержащихся в левой части. Это выражается средствами, подчеркивающими область охвата ПД. В русском языке такое допущение обозначается с помощью словосочетаний *вообще, по сути дела, в сущности*. Справа говорящий указывает на наиболее общую тенденцию, к которой относится не только ПД, о котором говорится в левостороннем окружении, но и любые другие:

*At Dartington we don't believe in such short-cuts. **In fact** we don't believe in making any cuts **at all**.* (В Дартингтоне мы не верим в такие сокращения. **В сущности, мы вообще** не верим в какие-либо сокращения.)

*We're talking business in Japanese. **In fact**, we're multilingual, capable of talking many of the languages you speak.* (Мы говорим о бизнесе на японском. **По сути**, мы многоязычны и можем говорить на многих языках.)

Генерализация может проявлять себя иначе. Её в этом случае рассматривают не как логико-семантическое отношение, а как способ представления действительности [Инькова, Манзотти 2019]. Говорящий представляет ситуацию, не выделяя сущностные признаки, абстрагируется от деталей, которые затемняют общую картину. В нашем корпусе такой тип генерализации выявляется в том случае, когда *in fact* охватывает не всю пропозицию, а относится только к её компоненту и находится к нему в препозиции.

*My results show that this conjecture was, **in fact**, correct.* (Мои результаты показывают, что это гипотеза была, по сути, верной.)

*It doesn't matter that the gun was **in fact unloaded**.* (...по сути не было заряжено.)

*The planet Earth is not, **in fact**, perfectly spherical.* (...в сущности не является идеально сферической.)

Медальная позиция фразы *in fact* в сочетании с отрицанием создает противительные отношения, тем самым сближаясь с разрешением кажимости [Кузьменко 2024], о которой будет сказано далее.

4) Говорящий может дополнять реальность с помощью развития положения дел. Предложенные выше технологии добавления реальности отличаются тем, что в правой части высказывания происходит развитие на базе какого-либо компонента упомянутой пропозиции (сохранение субъекта или референта). Несколько другой случай развития имеет место в том случае, когда происходит соположение разных пропозиций, тем не менее

демонстрирующих отношения смежности. В русскоязычном материале *in fact* соответствуют различные маркеры добавления: *кстати, к тому же, да и, более того*. Так, например, отсутствие машины связано с неумением её водить и т.д.:

A fashion accessory collection allow you to choose a cause close to your heart. In fact, gifts to enliven you, a friend, family or home. Коллекция модных аксессуаров позволит вам выбрать то, что вам по душе. К тому же, это подарки, которые украсят вас, друга, семью или дом.)

I don't have a car. In fact I can't drive it. (У меня нет машины. Да я и водить не умею.)

I don't watch TV. In fact I don't have one. (Не смотрю телевизор; да у меня его и нет.)

Как видим, в этом простейшем случае фраза не имеет специфической функции. К одному ПД добавляется другое ПД по смежности. Это приводит к выхолащиванию *in fact* до одной архисемы. Пропозициональное значение в правостороннем окружении уже другое.

5) Наиболее отчетливо добавленная реальность наблюдается в контекстах т.н. разрешения кажимости, где она противопоставляется мнимым представлениям говорящего, а также служит средством их корректировки. Кажимость в этом случае выражена глаголами перцепции, когниции и речи. В качестве соответствий *in fact* наиболее часто выступают словосочетания *на самом деле, на деле, в действительности*, и под.

These people claimed to speak Russian. In fact they were speaking a Russified Belarusan, often with the admixture of Yiddish words. (На самом деле, они говорили...)

The picture looked very impressive. In fact it was an imitation. (Картина выглядела впечатляюще. В действительности это была подделка.)

Таким образом, фраза *in fact* в качестве маркера дополненной реальности участвует в формировании следующих смыслов, представляющих некоторые из вариантов дискурсивной функции аддитивности: эмфаза, конкретизация, генерализация, добавление смежного положения дел и разрешение кажимости.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
Инькова О., Манзотти Э. Связность текста: мереологические логико-семантические отношения. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.
Кузьменко П.Б. «Оказывается» как маркер разрешения кажимости (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 2. С. 695–699.

Шилихина К. М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики // Вестник Воронежского гос. университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 120–125.

Traugott E. Regularity in Semantic Change. New York: Cambridge University Press, 2005.

P. B. Kuzmenko (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

‘IN FACT’ AS A MARKER OF ‘ADDITIVE REALITY’

The article examines the phrase *in fact* as a marker of ‘augmented reality’. The general function of this phrase is discussed, as well as its variants. The author highlights various discursive meanings, which are realized depending on the contextual environment and the speaker’s intentions.

Key words: additive reality, reality marker, generalization, specification, discursive meaning, English.

A. E. Курцов (Ярославль, Россия)
Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского
kurcov.a@mail.ru

АКЦЕНТУАТОРЫ-ДИСКУРСИВЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ КОММУНИКАЦИИ: ИХ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

В статье рассматриваются акцентуаторы-дискурсивы как важные инструменты коммуникации, способствующие структурированию и организации речевого потока. Анализируются характеристики акцентуаторов-дискурсивов, их функциональная значимость и влияние на эффективность общения.

Ключевые слова: акцентуаторы-дискурсивы, коммуникация, дискурс, функциональный диапазон.

Коммуникация представляет собой комплексный и полиаспектный процесс обмена информацией между индивидуумами с использованием языковых знаков, включающий вербальные и невербальные средства. Этот процесс, прежде всего, основывается на кодировании и декодировании информации

(сообщений), где адресант формирует и выражает свои мысли и идеи с помощью языковых средств, а адресат интерпретирует их. Обратная связь, которая включает в себя реакцию получателя (адресата) на сигнал, инициирует новый круг смыслового обмена информацией, а процесс коммуникации завершает полный цикл, возвращаясь к отправителю (адресанту).

Процесс коммуникации можно проиллюстрировать в виде схемы, где *адресант* – отправитель сообщения; *кодирование* – процесс формирования мысли в сообщении; *канал передачи* – средство, через которое сообщение передается (речь, текст); *адресат* – получатель сообщения; *декодирование* – процесс интерпретации сообщения адресатом; *интерпретации сообщения* – понимание и осмысление полученной информации; *обратная связь* – реакция адресата на сообщение; *реакция адресата* – инициирует новый круг обмена информацией, возвращая внимание к адресанту.

Как известно, дискурс и коммуникация – это взаимосвязанные концепции, где дискурс представляет собой структурированный текст или речь с контекстом, а коммуникация – процесс обмена информацией между людьми. Дискурс организует и придаёт смысл сообщениям, улучшая их восприятие и интерпретацию, в то время как коммуникация включает отправителя, сообщение, канал и получателя. Вместе они формируют основу для эффективного общения, влияя на то, как мы понимаем и воспринимаем информацию в различных ситуациях [Бабаян 2023; Купцов 2021; Шилова 2023].

Для эффективности общения (акта коммуникации), как отмечает Е. Ю. Викторова, данных средств бывает недостаточно, следовательно, участникам коммуникации необходимы дополнительные вспомогательные средства, используемые как раз ради данной интеракции [Викторова 2016: 22].

В научном сообществе отсутствует единое мнение по поводу классификации акцентуаторов-дискурсивов как синтаксических или прагматических категорий, а также по поводу типов реплик-высказываний, которые они охватывают. Кроме того, продолжаются дискуссии о взаимосвязи данных лексических единиц с другими установленными категориями, такими как междометия, модальные частицы и наречия, ориентированные на говорящего/пишущего.

Акцентуаторы-дискурсивы представляют собой важный объект исследования в области прагматики, так как они существенно влияют на прагматическую компетентность говорящих. Их использование способствует повышению ясности и выразительности речи, а также улучшает взаимодействие с коммуникантом. Кроме того, дискурсивные маркеры выполняют множество функций, связанных с управлением в дискурсе и установлением отношений между адресантом и адресатом. Данные единицы языка определяются и ана-

лизируются преимущественно через их функциональные характеристики и роли, которые они могут выполнять в процессе коммуникации.

К. Хайленд описывает *акцентуаторы-дискурсивы* как лингвистические выражения, обладающие саморефлексивным характером и относящиеся к тексту, автору и предполагаемому читателю этого текста [Hyland 2004]. В том же ключе В. Коппл пишет, что данные лексические единицы являются элементами языка, которые не влияют на референциальное значение высказывания [Copple 2012]. При детерминации *акцентуаторов-дискурсивов* указывают на тот факт, что данные лексические единицы представляют собой неизменяемые языковые единицы, которые не осуществляют синтаксической функции в предложении, но выполняют специфические функции в рамках.

Акцентуаторы-дискурсивы обладают особенными характеристиками, которые отличают их от других единиц языка. Так, в метадискурсе К. Хайленд выделяет следующие их отличительные особенности: 1) не вносят в содержание пропозициональной информации; 2) задействованы исключительно в тех аспектах дискурса, где необходимо установить взаимодействие писателя и читателя и/или говорящего и слушающего; 3) имеют различные функции в разных контекстах [Hyland 2019]. К. Чапетон [Chapetón 2009], анализируя ключевые исследования, посвященные характеристикам *акцентуаторов-дискурсивов*, выделяет ряд их основных особенностей:

- 1) характерны как для устной, так и для письменной речи;
- 2) являются короткими и фонологически сокращенными;
- 3) мобильность, то есть способность их передвижения в предложении;
- 4) не имеют собственного лексического значения;
- 5) не имеют четкой грамматической функции;
- 6) их отсутствие в дискурсе может привести к потере определенных смысловых нюансов в высказывании;
- 7) полифункциональны.

Акцентуаторы-дискурсивы обладают как прагматическим, так и пропозициональным значением. Эти лексемы служат для объединения предложений и абзацев, обеспечивая связность текста. Они применяются как в письменной, так и в устной речи, способствуя формированию диалогической речи и обозначая отношение говорящего/пишущего к высказываемому. В качестве лингвистических элементов дискурсивные маркеры выполняют ключевые функции в дискурсах различных стилей

Д. Блейкмор рассматривает дискурсивные маркеры с точки зрения их функции в установлении связности в дискурсе, то есть когерентности, которая означает понятийно-смысловую цельность текста. Когерентность рассматривается как когнитивное явление, которое включает в себя ин-

теграцию воспринимаемой слушателем информации в более обширную структуру текста. Это предполагает наличие структурной связи как между отдельными текстами, что способствует формированию целостного понимания содержания и намерений автора [Blakemore 1988]. К. Эйджмер и А. Симон-Ванденберген проводят различие между дискурсивными и прагматическими маркерами, придавая большее значение последним. Они отмечают, что прагматический маркер – это слово или выражение, которые не влияют на пропозициональное содержание высказывания, в то время как дискурсивный маркер указывает на отношения когерентности. Несмотря на это различие, граница между этими двумя категориями может быть размыта [Aijmer, Simon-Vandenberg 2006].

Следовательно, приходим к выводу, что акцентуаторы-дискурсивы в письменной и устной речи играют ключевую роль в когерентности и когезии текста, позволяя авторам более эффективно управлять вниманием аудитории и акцентировать важные аспекты обсуждаемой темы. Правильное применение акцентуаторов-дискурсивов способствует не только лучшему пониманию информации, но и формированию определенного эмоционального отклика у слушателей или читателей. Таким образом, акцентуаторы-дискурсивы играют важную роль в межличностной коммуникации и могут быть использованы как средство для усиления аргументации и убеждения в различных контекстах.

Литература

Бабаян В. Н., Купцов А. Е. Лингвопрагматические особенности высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2(33). С. 142–151.

Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2016.

Купцов А. Е. Коммуникативные частицы как языковые средства репрезентации дополнительной информации в художественном дискурсе: на материале английского, испанского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2021.

Шилова Н. В. Отрицательная оценочная семантика дискурсивных маркеров во франкоязычном художественном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4(55). С. 680–683.

Aijmer K. *Ad Foolen, Simon-Vandenberg A-M.* Pragmatic markers in translation: a methodological proposal // *Approaches to Discourse Particles*. 2006. # 1. P. 101–114.

Blakemore D. "So" as a constraint on relevance" // R. M. Kempson (ed.), *Mental Representations: The Interface between language and Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Chapetón C. The Use and Functions of Discourse Markers in EFL Classroom Interaction // Profile Issues in Teachers' Professional Development. 2009. P. 57–78.

Hyland K., Tse P. Metadiscourse in academic writing: A reappraisal // Applied linguistics. 2004. 25(2). P. 156–177.

Hyland K. Metadiscourse: Exploring interaction in writing (2nd ed.). Bloomsbury, 2019.

Kopple W.J. The importance of studying metadiscourse // Applied Research in English. 2012. 1(2). P. 37–44.

A. E. Kuptsov (Yaroslavl, Russia)

*Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky*

ACCENTUATORS-DISCOURSE MARKERS AS COMMUNICATION TOOLS: THEIR CHARACTERISTICS AND FUNCTIONAL SIGNIFICANCE

The article considers accentuators-discourse markers as important communication tools that contribute to the structuring and organization of speech flow. The characteristics of accentuators-discourse markers, their functional significance and impact on communication effectiveness are analyzed.

Key words: accentuators-discourse markers, communication, discourse, functional range.

У.Л. Кшеновская (Новосибирск, Россия)

*Новосибирский государственный
педагогический университет
sj@7ngs.ru*

АНАЛОГИЯ И ДЕВИАЦИЯ КАК КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

В статье анализируются основные когнитивные механизмы, задействованные в процессе лингвокреативности – аналогия и девиация. Аналогия и девиация проявляются как на концептуальном, так и на языковом уровнях. По аналогии строятся лингвокреативные явления на всех уровнях языка. Когнитивный механизм девиации проявляется на языковом уровне в языковых аномалиях.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, дискурс, лингвокреативность, когнитивные механизмы, аналогия, девиация.

Говоря о когнитивных механизмах, лежащих в основе лингвокреативности, а именно о тех ментальных операциях, которые протекают в сознании творческой языковой личности на этапе кодирования смыслов, лингвисты в первую очередь обращают внимание на аналогию и девиацию. Несомненно, данные два механизма сопряжены между собой, так как несмотря на то, что лингвокреативность зачастую вызвана потребностью автора к творческому самовыражению и отхождению от регулярности и стандартности, это, тем не менее, двунаправленный процесс и для обеспечения успешности коммуникации, результат такого творческого процесса должен быть узнаваем, успешно декодирован и как продукт индивидуального словотворчества со временем приобщен к системе коллективного знания. Именно поэтому аналогия и девиация выступают ключевыми механизмами на этапе кодирования смыслов. Процесс декодирования смысла лингвокреативной единицы также происходит благодаря способности реципиента к улавливанию скрытых смыслов по аналогии. При этом и аналогия, и девиация проявляются как на концептуальном, так и на языковом уровнях, что еще раз подчеркивает взаимосвязь и взаимодействие мышления и языка.

Аналогия рассматривалась в лингвистике Е. С. Кубряковой как процесс образования одной языковой формы по образцу и подобию другой [Кубрякова 1990: 31]. С позиций когнитивной лингвистики аналогия выступает одним из ключевых механизмов, позволяющих языковой личности осмысливать новую информацию на основе сходства с уже имеющейся, т. е. лежит в основе процессов категоризации и концептуализации. Аналогия, будучи связана с ассоциативным мышлением, является основным «стимулом креативности», ибо «более креативные личности могут быстрее устанавливать различные ассоциативные отношения, находить новые аналогии, в том числе и скрытые» [Заботкина 2022: 188]. Творческая языковая личность, подбирая языковое оформление некоему смыслу в ее сознании, либо опирается на регулярные модели, либо целенаправленно нарушает их, выявляя неожиданные связи между ранее известным и новым, тем самым обогащая язык.

Говоря о языке, следует отметить, что лингвокреативность, построенная по принципам аналогии, выделяется на всех его уровнях, от фонетического вплоть до текстового (лингвокреативные единицы зачастую могут выполнять текстообразующую функцию), нередко проявляясь на нескольких уровнях одновременно, например, на фонетическом, морфологическом и лексическом. Такого рода явления И. В. Зыкова и М. И. Киосе назвали «синхронизацией параметров лингвокреативности» [Зыкова, Киосе 2020: 32]).

Рис. 1. Примеры проявления лингвокреативности на нескольких уровнях языка

Примеры такого рода синхронизации новых слов или переосмысления имеющихся по аналогии со звуковым сходством (*shoe/sui, flies/fries, beg/bake*) представлены на рисунке 1.

Когнитивный механизм девиации связан с отклонением от нормы с целью создания новых смыслов, функционируя на основе перераспределения фокусов внутри концептуальной системы языковой личности и активизации неконвенциональных способов категоризации информации, т.е. оригинальное сочетание структур, с «независимым, автономным характером матриц, которые соотносятся в творческом акте» [Koestler 1964: 655].

Девиация проявляется на языковом уровне, соответственно, в нестандартной сочетаемости слов, порождая языковые аномалии на различных уровнях языка.

Рассмотрим проявление девиации на языковом уровне в нетипичной, аномальной сочетаемости наречия *very* с неградуируемыми прилагательными в следующих примерах из художественного и кинематографического дискурсов:

He looked very dead (Е. Hemingway)

I am very divorced (сериал “Desperate Housewives”).

Несомненно, аналогия и девиация как ключевые когнитивные механизмы в основе лингвокреативности тесно связаны между собой. Однако, если аналогия стремится к воспроизведению знакомого шаблона, то девиация, напротив, сознательно разрывает его. Подчеркнем «сознательно», так как девиация может возникать и в результате ошибки. При этом «удачные» девиации могут со временем стать новыми образцами для аналогии.

Таким образом, аналогия и девиация как ключевые механизмы лингвокреативности находятся в диалектическом единстве. Аналогия стремится к воспроизводимости и регулярности, в то время как девиация разрушает привычные связи и модели и создает новые, позволяя языку эволюционировать,

предоставляя языковой личности безграничные возможности для творческого использования языка и максимального раскрытия креативного потенциала, заложенного в нем. В рамках данной статьи мы рассмотрели два основных механизма, лежащих в основе лингвокреативной деятельности языковой личности, позволяющие увидеть, что изменения, которые постоянно происходят в языке, с одной стороны, являются системными и регулируются закономерностями языковой системы, с другой – являются результатом творческих отклонений от этих норм, т.е. возникают через процессы аналогии и девиации.

Литература

Бабина Л. В. Лингвокреативность как проявление ориентирующей функции языка (на примере словообразования) // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: мат-лы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 160–164.

Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.

Заботкина В. И. Креативность личности в языке и коммуникации // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 182–192.

Зыкова И. В., Киосе М. И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: Кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40.

Козлова Л. А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их реализации в тексте // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (18). С. 121–128.

Koestler A. The Act of Creation. NY: One 70 Press, 2014.

U. L. Kshenovskaya (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Pedagogical University

ANALOGY AND DEVIATION AS COGNITIVE MECHANISMS OF LINGUISTIC CREATIVITY

The article describes the main cognitive mechanisms of analogy and deviation involved in the process of linguistic creativity. Analogy and deviation manifest themselves both at the conceptual and linguistic levels. Analogy is employed at all levels of language in the process of linguistic creativity. The mechanism of deviation finds its linguistic manifestation in the non-standard compatibility of words.

Key words: cognitive linguistics, discourse, linguistic creativity, cognitive mechanisms, analogy, deviation.

*А. А. Логунова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
Logunovaaa124@mgpu.ru*

**СТРАТЕГИЯ СОЛИДАРИЗАЦИИ С АУДИТОРИЕЙ
В УСТНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
РУССКО-АНГЛИЙСКИЙ ПЕРЕВОД
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО КОРПУСА МГПУ)**

В статье рассмотрены языковые средства реализации стратегии солидаризации на русском языке и их перевод на английский язык. Проведенный анализ структурных и семантических особенностей языковых маркеров, специфика данной языковой пары, имплицитные маркеры стратегии солидаризации позволяют предложить стратегии перевода языковых средств.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, стратегия солидаризации, устный перевод, политический дискурс, языковые маркеры.

В контексте развития международной коммуникации получение и передача информации через выступления политических лидеров является неотъемлемой частью жизни современного общества. Ключом к пониманию того, какая именно интенция говорящего заложена в текст, является лингвистический анализ персуазивных средств [Иссерс 2002]. Для взаимодействия с аудиторией спикеры используют стратегии кооперации, среди которых стратегия солидаризации позволяет установить контакт и доверительные отношения между говорящим и слушающим [Хутыз 2012]. Необходимость изучения функции речевого воздействия и определяет актуальность предпринятого исследования.

Методологическую основу исследования составляют теоретические положения, связанные с:

- положениями о вербализации коммуникативного процесса, актуального, непосредственного использования языка, что определяет такие основные его черты, как динамичность, процессуальность, смыслообразующий характер [Соколова 2023; Сулейманова, Фомина, Тивьева 2020];
- изучением политического дискурса в аспекте манипулятивного воздействия [Сулейманова, Фомина, Тивьева 2020; Fitzsimons, Kay 2004];
- представлением о коммуникативных стратегиях и тактиках современной русской речи с учетом возможности вариативной интерпретации действительности [Иссерс 2002; Тивьева 2011];
- определением стратегии солидаризации в контексте взаимодействия с аудиторией и результатом её использования [Хутыз 2012; Lakoff 1982];

– определением стратегии перевода языковых средств, используемых для речевого воздействия [Хутыз 2012; Чекмаева 2023].

Методику исследования составляет контент-анализ аудио- и видеозаписей выступлений в рамках устного политического дискурса общей длительностью 3 часа 13 минут, статистический анализ для выявления наиболее частотных вербальных маркеров реализации стратегии солидаризации, описание и систематизация полученных в ходе исследования результатов, выявление принципов перевода данных маркеров. На первом этапе анализа производился поиск видео- и аудиоматериалов политической тематики из корпуса МГПУ. Материал исследования составляют 03:13:24 часов устной речи. Проанализировано 333 контекста, представляющих коммуникативные микроситуации, на русском языке и их перевод на английском языке. Далее отобранные примеры систематизированы с учетом их коммуникативного воздействующего потенциала. Затем выявлены лексические и грамматические средства репрезентации стратегии солидаризации. При создании эмпирической базы и выявлении системы способов солидаризации в рамках устного политического дискурса задействованы классификации стратегий и тактик кооперации [Иссерс 2002; Соколова 2023; Сулейманова, Фомина, Тивьяева 2020; Тивьяева 2011; Хутыз 2012; Чекмаева 2023; Fitzsimons, Kay 2004; Lakoff 1982].

Выявлено, что участники коммуникации в рамках устного политического дискурса прибегают к реализации пяти основных тактик:

1) Речевые формы установления контакта:

Тактика установления контакта с аудиторией заключается в создании благоприятного впечатления о себе путем апелляции к мнению аудитории и привлечении внимания, которая реализуется следующими приемами:

а) обращение к собеседнику: *Уважаемый господин Президент – Esteemed Mr. President;*

б) использование риторического вопроса и вопросительных предложений: *Важно ли для Вас как для президента, как для политика-республиканца, как для человека, наконец, достигнуть до конца нынешнего года новых конкретных соглашений на переговорах с нашим генеральным секретарем? – Do you think that it will be possible for you and the General Secretary to get a treaty on the limitation of strategic arms during the time that you are still president?*

Важно выделить еще один маркер данной тактики – приветствие. В рамках речевого этикета, произнося приветствие, говорящий сигнализирует о готовности к общению и предлагает сделать его доброжелательным. Формы приветствия также различаются. Это могут быть стандартные фразы: *Добрый день. – Good afternoon.*

2) Выражение взаимопонимания:

Выражение согласия с оценкой проблемы, данной адресатом, используется для расположения собеседника к себе, для выражения взаимопонимания:

а) фразы, выражающие согласие: *Как сказал мой коллега, мы едины в необходимости полностью выполнять Минские договоренности. – We have touched upon this situation in Ukraine and **we have agreed with my counterpart** that Minsk Agreements are to be observed rigorously without any restrictions.;*

б) тактика положительного комментария: *Я хочу от души **поблагодарить** Вас за приглашение посетить сегодня Белый Дом, Соединенные Штаты Америки, и оказанное теплое гостеприимство моей делегации. – Distinguished Mr. President, ladies and gentlemen, I would like to **thank** you for your invitation to visit your country.*

Часто данные приемы относятся к хеджам. Они могут смягчить несогласие, выразить похвалу, а также указать на общность точек зрения говорящего и слушающего [Соколова 2023].

3) Создание общности с аудиторией:

Тактика создания общности с аудиторией является самой явной речевой манипуляцией. Для её реализации используются:

а) местоимения, выражающие общность: *История таким образом напоминает и о **наших** возможностях, и о **нашей** ответственности. – History is thus reminding **us both** of **our** opportunities and of **our** responsibility.;*

б) использование слов, выражающих общность: *Проблему в Северной Корее можно решать **совместно** только с США, Кимай и Россией. – / I think the issue of North Korea can be solved by **joining** efforts of United States, China and Russia;*

в) использование устойчивых для определённой культуры словосочетаний: *Одна **храбрая** американка по имени Линн Кокс этим летом всего за два часа преодолела вплавь расстояние между **нашими** странами. – Last summer it took a **daring** American girl by the name of Lynn Cox a mere two hours to swim the distance separating **our** two countries.;*

г) использование императивов, а также глаголов в форме первого лица множественного числа: *Благодарю вас и **начнем** ответы на вопросы. Ну как **начнем**, так сразу и **закончим**. Всего 2–3 вопроса. So with this I want to stop with my introductory remarks. **We'll** have just a couple of questions and as soon as **we start we're going to finish** so very short.*

Данная тактика является наиболее частотной и универсальной для всех типов дискурса.

4) Создание образа «чужих»:

Цель использования тактики создания образа чужих заключается в противопоставлении сообществ друг другу, а также в акцентировании

собственных (и собеседника) положительных сторон и уменьшении привлекательности облика оппонента, «чужого». Для достижения данного эффекта используются речевые формулы:

а) противопоставление и антитеза: *Мы обратили внимание, что и вы, и наши другие западные коллеги имеют свои взгляды на причину такой ситуации.* – *We noticed that both you and your western colleagues have own reasons for explaining why the relations are at such a low point.*

В рамках стратегии солидаризации тактика создания образа «чужих» не всегда базируется на принципе «свое – хорошее, чужое – плохое», что изменяет воздействующий потенциал текста.

5) Тактика выражения поддержки:

Следует упомянуть, что тактика выражения поддержки будет значительно различаться в англоязычной и русскоязычной среде, что связано с лингвокультурными особенностями данных народов.

а) эмпатия: *Господин Президент, и в заключение я не могу не поздравить Вас с огромными успехами Вашей страны в области экономики.* – *Mr. President, allow me to conclude by congratulating you with a great economic success that your country is witnessing during your office.*

б) советы: *Без деталей хочу хотел донести в эти две недели одну мысль: нам надо быть вместе, не разойтись так, как мы разошлись после войны.* – *Without going into too much detail, I would like to convey the main message that I was trying to convey during those two weeks here – we must make sure that now at this time we, our two nations do not go the separate ways, as happened after World War II.*

Таким образом, при переводе приемов стратегии солидаризации необходимо учитывать лингвокультурные особенности, правила этики и делового общения в разных странах.

Литература

- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS, 2002.
- Соколова А. В. Русско-английский перевод высказываний-хеджей, описывающих когнитивные операции говорящего // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов: тезисы международной научной конференции, 12–13 мая 2023 г. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2023. С. 242–244.
- Сулейманова О. А., Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и методы лингвистических исследований: учебное пособие. М.: Языки народов мира, 2020.
- Тивьяева И. В. Речеактовая структура монологического высказывания ретроспективной направленности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 3–2. С. 492–495.
- Хуыз И. П. Солидаризация: характеристики феномена и уровни его реализации // Язык. Текст. Дискурс. 2012. № 10. С. 176–180.

Чекмаева Н. А. Коммуникативное взаимодействие в русскоязычном публичном академическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. 2023. № 3. С. 94–101.

Fitzsimons G. M., Kay A. C. Language and Interpersonal Cognition: Causal Effects of Variations in Pronoun Usage on Perceptions of Closeness // Personality and Social Psychology Bulletin. 2004. Vol. 30. Iss. 5. P. 547–557.

Lakoff R. T. Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples of advertising // Tannen D. (ed.) Analysing Discourse: text and Talk. Georgetown University Press, 1982. P. 25–42.

A. A. Logunova (Moscow, Russia)
Moscow City University

SOLIDARITY STRATEGY IN ORAL POLITICAL DISCOURSE AND ITS RUSSIAN-TO-ENGLISH TRANSLATION (ON MCU SYNCHRONOUS TRANSLATION DATABASE)

Solidarity and positive politeness strategies are widely used in communication due to their multifunctionality. Tracing and investigating the nuances of the solidarity markers in Russian language through political oral discourse is the top priority of the paper. This paper puts forward for consideration specific features of solidarity strategy in Russian and English languages, along with outlining the translation strategies.

Key words: linguistic manipulation, oral discourse, politic discourse, positive politeness tactics, translation.

Е. В. Меньшикова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
MenshikovaEV@mgpu.ru

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ СЕМАНТИКИ РУССКИХ ДИСКУРСИВНЫХ ЕДИНИЦ ТИПА И НЕ ГОВОРИ И ИХ АНГЛИЙСКИХ КОРРЕЛЯТОВ

Настоящее исследование выполнено в рамках когнитивно-дискурсивного подхода и направлено на анализ семантики русских дискурсивных единиц и их английских коррелятов. Триангуляционная методика работы включает в себя проведение корпусного эксперимента.

Ключевые слова: дискурсивные формулы, коммуникативы, дискурсивные единицы, корпусное исследование, семантика.

Как известно, язык представляет собой исторически сформировавшуюся систему содержательных форм, выполняющих функцию словесного выражения мыслей. Являясь основным средством коммуникации, он подчиняется определенным законам. Важно также понимать, что комплекс норм и правил, которым подчиняется язык, может быть культурно обусловлен: так, неотъемлемой частью любого языка является речевой этикет [Меньшикова 2022]. В связи с этим особую значимость приобретает задача, связанная с выявлением и установлением законов ситуативного применения дискурсивных этикетных языковых единиц, поскольку вербальное предъявление положительного образа и дальнейшее взаимодействие участников коммуникации регулируется правилами речевого поведения. Многие исследователи отмечают важность развития эмпирических знаний в области межкультурной коммуникации [Борботько 2019; Гулиянц 2020; Иванова 2020; Лягушкина 2013]. Появляется все больше работ, посвященных особым конструкциям коммуникативного синтаксиса [Шаронов 2017; Мосалева 2017; Рахилина 2021; Жукова 2019].

Отметим, что речевой этикет неразрывно связан с понятием коммуникативной ситуации, которая представляет собой сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом произведении, направляемом адресату [Формановская 2005]. При анализе любой коммуникативной ситуации необходимо учитывать особенности ее участников (адресата и адресанта), а также такие элементы, как тема, цель, место, время, условия и средства коммуникации. В зависимости от вышеперечисленных компонентов для построения высказывания используются определенные фразы и выражения. Высокая вариативность и неоднородность состава в том числе ответных реплик, задействованных в рамках коммуникативной ситуации, обуславливают сосуществование как клишированных единиц, не представляющих трудности при их переводе или смысловой интерпретации, так и более сложных и комплексных структур.

Вопрос стереотипности единиц речевого этикета рассматривается в работе [Рахилина 2021]. Формулы вежливости, представляющие собой речевую реакцию на ситуацию, авторы определяют как рутины. В аспекте же изучения теории речевых актов Е. В. Рахилина выделяет в качестве маркеров речевых актов такую разновидность ответных реплик, как дискурсивные формулы. Дискурсивные формулы представляют собой устойчивые выражения или целые законченные предложения, напрямую связанные с содержанием предыдущей реплики. В рамках исследований данных языковых единиц под руководством Е. В. Рахилиной ведется создание лингвистической базы

данных «Прагматикон» [<https://pragmaticon.ruscorpora.ru/>], посвященной дискурсивным формулам русского языка. Подобные языковые единицы, находящиеся в той же прагматической зоне, попадают в фокус внимания и других ученых. Так, И. А. Шаронов вводит понятие коммуникативов – ответных реплик диалога, обладающих особыми признаками (к примеру, автономность и идиоматичность) и служащих для формирования диалогического взаимодействия [Шаронов 2017]. Уточняя метаязык настоящего исследования, являющийся важным инструментом, с помощью которого осуществляется исследовательская работа [Сулейманова 2018], необходимым представляется отметить, что в связи со спецификой исследуемых нами языковых единиц понятия *коммуникативы*, *дискурсивные формулы* и *дискурсивные единицы* в работе не дифференцируются. Таким образом, дискурсивные единицы обладают рядом свойств, определяющих методику настоящего исследования.

В связи с тем, что целью исследования является детальное описание семантики выбранных языковых единиц, а также выявление особенностей и принципов, лежащих в основе их употребления в русском и английском языках, на первом этапе работы проведен анализ лексикографических описаний дискурсивной единицы *И не говори*. На примере подобных идиоматичных реплик наиболее ярко заметно несовершенство компонентного анализа: обнаруженные в словарях значения представлены фрагментарно или вовсе отсутствуют. Тем не менее, их анализ позволяет полагать, что формула *И не говори* представляет собой выражение полного согласия с мнением собеседника; совпадение семантических компонентов в различных словарях свидетельствует о закреплённости соответственных представлений в сознании языкового носителя. При этом, в том числе по данным, приведенным в лингвистической базе «Прагматикон», формула дает негативную оценку тому, что было сказано собеседником. Лишь один словарь приводит дополнительное значение «плохо, лучше и не спрашивай», что в очередной раз подтверждает неструктурированность и незавершенность процесса фиксации значений дискурсивных единиц в словарях.

Далее проводилась работа по созданию эмпирической базы исследования. В связи с диалогическим характером дискурсивных единиц наиболее релевантным подходом к их изучению видится конверсационный анализ устной речи, бытовых диалогов. Таким образом, материалом для исследования послужили высказывания с исследуемыми языковыми единицами, набранные из параллельного корпуса и из корпуса устной речи (НКРЯ), представленного расшифровками магнитофонных записей публичной и бытовой повседневной устной речи, а также транскриптами кинофиль-

мов, театральных спектаклей и записей чтения художественной прозы в исполнении авторов и профессиональных чтецов. Корпус примеров, набранных методом сплошной выборки, составил более 200 предложений с исследуемыми языковыми единицами. Их дальнейший анализ позволил выделить контексты, дополняющие и уточняющие семантические описания единицы, представленные как в словарях, так и в ресурсе «Прагматикон». Таким образом, исследуемая ответная реплика может вносить следующую информацию (см. табл. 1).

Таблица 1
Семантическая структура формулы *И не говори*

Семантический фон	Пример
Говорящий соглашается с мнением собеседника по поводу негативного события, усиливая негативную оценку	<i>Раздражает. — И не говори.</i>
Говорящий соглашается с мнением собеседника по поводу позитивного события, усиливая позитивную оценку	<i>Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы! — Просто не говорите.</i>
Говорящий отклоняется от прямого ответа на вопрос, давая отрицательную оценку положения дел	<i>Ну, а как вы, Пашенька, в церковной жизни участвуете? — Ах, не говорите. Уж так дурно, так запустила.</i>
Говорящий не согласен с мнением собеседника	<i>Сказки! — Не говори, старики рассказывают!</i>

Для отбора эквивалентов исследуемых единиц на английском языке на третьем этапе работы задействованы материалы двуязычных словарей и параллельный корпус НКРЯ (ср. *don't speak/talk of it, that's right, don't I know it*). Анализ собранных примеров и предложенных в словарях эквивалентов позволяет полагать, что исследуемые единицы чаще всего передаются с помощью контекстуального перевода. Действительно, на наш взгляд, в отличие от поиска постоянного универсального эквивалента именно выбор вариантного соответствия, зависящего от коммуникативного намерения говорящего и, соответственно, от типа стимульного речевого акта, представляется наиболее релевантной стратегией передачи дискурсивных единиц.

Четвертый этап исследования заключался в создании опросной формы. В контексте диалога информантам предлагается заполнить пропуск в ответном высказывании, выбрав формулу из предложенного списка или предложив свой вариант. Перспективу исследования составляет проведе-

ние опроса среди носителей языка для верификации выдвинутых гипотез о значении исследуемой дискурсивной единицы.

Таким образом, проведенное исследование позволит дополнить лексико-графические описания рассматриваемых дискурсивных единиц и выделить принципы, лежащие в основе их употребления в русском и английском языках.

Литература

Борботько Л. А., Викулова Л. Г., Воробьева Л. А. Основы межкультурной коммуникации: Государственные и национально-культурные символы. 2-е издание, стереотипное. М.: ФЛИНТА, 2019.

Гуляниц А. Б., Гуляниц С. Б., Семина В. В. Проблема создания лингвокультурного комментария как средства межкультурной коммуникации // Вестник Московского городского педагогического университета Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 3(39). С. 133–140.

Жукова С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка как хочешь, как знаешь в диахроническом аспекте // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 3. № 15. С. 295–319.

Иванова А. М., Гуляниц С. Б. Межкультурная коммуникация в академической среде: к проблеме перевода терминов образовательной сферы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 4. С. 71–81.

Лягушкина Н. В., Иванова А. М. Развитие эмпирических знаний в области межкультурной коммуникации у будущих переводчиков (на примере работы с пособием П. Р. Палажченко «Мой несистематический словарь») // Европейский журнал социальных наук. 2013. № 12–2 (39). С. 273–282.

Меньшикова Е. В. Речевой этикет в диалоге культур: особенности передачи этикетных формул в русско-английском переводе // Сборник студенческих статей по результатам международной научно-практической конференции «Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации». М.: МГПУ, 2022. С. 405–410.

Мосалева С. В., Шаронов И. А. Особенности употребления коммуникативов группы подтверждения и согласия // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 11. С. 46–56.

Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27.

Сулейманова О. А., Фомина М. А. Проблема разработки метаязыка семантического описания в современной лингвистике // Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 163–176.

Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007.

Шаронов И. А. Коммуникативы в естественных и в художественных диалогах // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 114–127.

E. V. Menshikova (Moscow, Russia)
Moscow City University

**RUSSIAN AND ENGLISH DISCOURSE UNITS
SUCH AS *I NE GOVORI*:
COMPARATIVE AND SEMANTIC ANALYSIS**

Amid the growing interest in discourse formulae the paper offers a linguistic overview of discourse formulae *I ne govori* and its English equivalents. The research procedure is based on the corpus experiment being an integral part of the triangulation approach to the semantic analysis of the units in question.

Key words: communicatives, discourse formulae, discourse units, corpus research, semantics.

К. Н. Мироненко (Москва, Россия)
Военный университет им. князя Александра Невского
mirkotofei@mail.ru

О. И. Калинин (Москва, Россия)
Военный университет им. князя Александра Невского,
Московский государственный лингвистический университет,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
okalinin.lingua@gmail.com

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СССР В КОНТЕКСТЕ
ОПИСАНИЯ СОБЫТИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СМИ КНР¹**

В статье рассмотрен образ СССР в институциональном медиадискурсе КНР, сформированный через систему концептуальных метафор. Проведен анализ частотных метафорических моделей: «жертвы», «стихийного бедствия» и «цены», выявлены их когнитивные и дискурсивные функции. Установлено, что в китайских СМИ образ СССР представлен в положительном ключе с акцентом на самопожертвование советского народа.

Ключевые слова: когнитивная метафора, медиадискурс, Китай, образ СССР, Вторая мировая война.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–18–00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

Введение

Важнейшим элементом современного медиадискурса является целенаправленное моделирование объективно существующей социально-политической реальности, нацеленное на концептуализацию существующей политической картины мира адресата и формирование коммуникативно-поведенческих шаблонов, «изменение когнитивных и ценностных параметров мировосприятия целевой аудитории» [Лингвистика информационно-психологической войны 2020: 320]. При этом в отечественной лингвистике особое внимание уделяется анализу функциональных характеристик официальных медиа КНР [Карабулатова 2021], а также исследованию специфики реализации государственной позиции китайского руководства посредством медиадискурсивных практик [Калинин, Игнатенко 2022].

Актуальность данного исследования продиктована современными мировыми тенденциями по уничтожению роли СССР в победе во Второй мировой войне, а также необходимостью оценки формируемого отношения к вкладу Советского Союза у граждан Китая в целях понимания проводимой правительством КНР политики в отношении России как преемницы СССР.

Объектом исследования выступает институциональный медиадискурс КНР как инструмент формирования представлений о роли СССР во Второй Мировой войне. В качестве **предмета** определена совокупность когнитивных метафор Второй мировой войны как механизм репрезентации роли Советского Союза в медиадискурсивном пространстве современной КНР.

Цель исследования – выявить наиболее частотные концептуальные метафоры, репрезентирующие Вторую мировую войну, и доминантные характеристики в реконструируемом образе СССР посредством анализа наиболее частотных концептуальных метафор.

Материалом для анализа послужили аналитические статьи различных институциональных новостных интернет-изданий, среди которых: 中国军网, 搜狐, 新华网, 网易军事, 新浪网, 腾讯新闻, 凤凰网, отобранные методом сплошной выборки и составившие корпус объемом 30 тысяч слов, в котором было выявлено 75 контекстов, содержащих метафорические словоупотребления со сферой-целью «СССР».

Основная часть

В когнитивно-дискурсивном направлении современного языкознания метафора рассматривается как «явление одновременно когнитивное и лингвосоциальное, во многом кодирующее общественные процессы в текстах

дискурса» [Калинин 2021: 116]. Метафоры могут служить средством манипуляции сознанием, поскольку «они позволяют политическим лидерам сформировать определенные представления и ассоциации в головах своей аудитории» [Чудинов 2001: 44], «с помощью метафор мы переживаем политические события не только рационально, но и эмоционально, проникая в самую суть политической реальности» [Солопова 2017: 9].

В контексте уже разработанной методологии когнитивно-дискурсивных исследований метафорики мы полагаем выявление наиболее частотных метафорических моделей Второй мировой войны валидным подходом анализа образа СССР в институциональном медиадискурсе КНР. Так, наиболее показательными стали нижеследующие метафорические модели:

1. Метафора «жертвы»

1) “如果要用一个词语来形容二战中的苏联，那就一定是**牺牲**了”。 – *Если бы пришлось одним словом характеризовать действия Советского Союза во Второй мировой войне, я бы назвал это **самопожертвованием**.*

2) “在法西斯恐怖的最困难条件下，他们表现了苏联人的**优秀品质**以及对党和社会主义祖国的**赤胆忠心**” (凤凰网)。 – *В тяжелейших условиях фашистского террора советские люди продемонстрировали **выдающиеся качества**, они **верой и правдой** служили партии и социалистической Родине.*

Метафорический образ СССР строится на концепте жертва, выражая идеи самопожертвования и страданий, где СССР представлен как субъект, приносящий себя в жертву ради высших целей. Использование гипербол и эмоционально окрашенных выражений усиливает аффективную прагматику.

2. Метафора «стихийного бедствия»

1) “德军把苏联数千个城市和村镇变成**废墟**”。 – *Немецкая армия превратила в **руины** тысячи советских городов и деревень.*

2) “在《小路》，《喀秋莎》等旋律伴奏下，苏联儿女前仆后继，将城市化为巷战的**炼狱**，把沦陷区变为开展游击战消耗敌人的**泥潭**”。 – *Под песни «Дороженька» и «Катюша» сыны и дочери СССР превращали города в **чистилища** для ведения партизанских сражений, оккупированные районы – в **болота** для партизанской войны, все ради того, чтобы уничтожить неприятеля.*

3) “这个世界上从来没有人想到过，苏联能够从一个**千疮百孔的废墟国家**，发展成一个无比强大的**红色巨人**”。 – *Когда Советский Союз только начинал свое образование, никто в мире и представить не мог, что совершенно новая страна всего за двадцать лет сможет превратиться из **полностью разрушенного государства** в огромного мощного **красного колосса**.*

Метафорический образ СССР связан с концептом СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ, передающим разрушительность войны, и реализуется через

сравнение с эмоционально окрашенными лексемами *руины, чистилище*, что создает картину тотального разрушения и хаоса. Формируется концептуальная метафора ВОЙНА – СТИХИЯ, подчеркивающая неконтролируемый, всепоглощающий характер войны, акцентируя внимание как на разрушении, так и последующем возрождении СССР, что соответствует идеологической риторике стойкости народа.

3. Метафора «цены»

1) “...也付出了**无法挽回的惨痛代价**，在这场惨烈的战争中，苏联人民正是用**自己的生命筑成了血肉的防线**” (搜狐)。 – [Советский Союз] *заплатил за это **неподъемную и страшную цену**, жертвуя своими жизнями в этой жестокой войне, советский народ выстроил оборону из **собственной плоти и крови**.*

2) “苏军走向最后胜利的道路上，依然还是用**无数的生命和鲜血铺就的**从莫斯科到柏林，每**一步每一公里**，都是用**高昂的代价**换来的。很难想象**代价**会是如此之大” (网易军事)。 – *Можно убедиться, что путь советской армии к окончательной победе был по-прежнему **вымощен неисчислимым количеством жизней**, каждый шаг, каждый километр от Москвы до самого Берлина стоил **колоссальных жертв**... трудно представить, что **цена** за нее может быть столь высока.*

Метафорический образ СССР строится вокруг концепта ЦЕНА ПОБЕДЫ, где война представлена как «сделка с непомерной платой». Реализуется концептуальная метафора ПОБЕДА – ДОРОГОСТОЯЩАЯ ПОКУПКА, выраженная через образы *невосполнимой цены и территорий, оплаченных жизнями*. Дискурсивно такая метафорика подчеркивает тяжесть утрат и неизбежность жертв, усиливая трагизм войны и создавая эффект экзистенциальной сделки, где победа оплачивается человеческими жизнями.

Заключение

Образ СССР в дискурсе китайских СМИ представлен преимущественно в положительном ключе, подчеркивается жертвенность и героизм советского народа и роль СССР в победе над фашизмом. Через метафоры конструируется образ могущественной державы, способной изменить ход войны, где ключевые топосы – самопожертвование народа, решительные действия правительства и сверхдержавность. Эти метафоры не только описательны, но и выполняют идеологическую функцию, укрепляя уважение к СССР и пропагандируя коммунистические ценности как правильный политический путь, поддерживая политическую идентичность китайской нации.

Литература

Калинин О. И., Игнатенко А. В. Сравнительный анализ использования метафор в русских, английских и китайских медиатекстах информационного и воздействующего характера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 4. С. 1062–1082. DOI 10.22363/2313–2299–2022–13–4–1062–1082.

Калинин О. И. Когнитивная метафора и дискурс: направления и методы современных исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 5. С. 108–121. DOI 10.15688/jvolsu2.2021.5.9.

Карабулатова И. С., Лагуткина М. Д. Образ Китая в лингвоинформационной модели современного медиадискурса (на материале русских и китайских СМИ) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. № 4. С. 40–53. DOI 10.37482/2687–1505-V124.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. I / А. А. Бернацкая, И. В. Евсеева, А. В. Колмогорова [и др.]; под ред. проф. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017.

Солопова О. А. Метафора в моделировании будущего: «светлый» сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов XXI в.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С. 55–70. DOI 10.17223/19986645/46/5.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001.

K. N. Mironenko (Moscow, Russia)
Military University

O. I. Kalinin (Moscow, Russia)
Military University, Moscow State Linguistic University,
South Ural State University (National Research University)

METAPHORICAL IMAGE OF THE USSR IN THE CONTEXT OF WORLD WAR II IN INSTITUTIONAL MEDIA OF CHINA

The article examines the image of the USSR in the institutional media discourse of the PRC, constructed through a system of conceptual metaphors. An analysis of frequent metaphorical models, including “sacrifice”, “natural disaster”, and “cost”, was conducted, identifying their cognitive and discursive functions. It has been established that the image of the USSR in Chinese media is predominantly positive, with an emphasis on the self-sacrifice of the Soviet people.

Key words: cognitive metaphor, media discourse, China, image of the USSR, World War II.

Ю. А. Ненашева (Челябинск, Россия)
*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
nenajalex@gmail.com*

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕКУРРЕНТНЫХ СТРУКТУР КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕДУРНОГО ЗНАНИЯ

Просодия представляет собой процедурное знание, которое исходит из действий по решению задач в ходе дискурсивной деятельности. Такое знание – набор правил, определяющих тенденции применения просодических средств/их комбинаций в соответствии с ролью «операторов» – субъектных/объектных квалификаторов. Автор предлагает рассмотреть такой набор правил, используемых в высказываниях с неполной синтаксической формой на примере неполных повелительных высказываний.

Ключевые слова: просодия, дискурс, процедурное знание, прагматика, императив/повелительное высказывание, неполная синтаксическая структура.

Поскольку просодическая подсистема языка функционирует в речевой деятельности на основе особым образом организованных знаний, подобно другим подсистемам, но при этом характеризуется рядом особенностей, придающих единицам данной подсистемы автономный статус, вышеупомянутые знания также должны носить особый характер – характер «ситуативных, или операционных концептов» [Болдырев 2013: 9]. Просодия как реализация процедурных знаний представляет собой набор правил использования таких единиц для решения задач, возникающих в момент речепорождения/речевосприятия [Болдырев 2019; Чемодурова 2023; Щирова 2019]. Использование правил происходит в условиях неопределенности, где часть неопределенности снимается с помощью сигналов, указывающих на наиболее эффективный способ решения проблемы в данных условиях, – «операторов» [O'Mahony et al 2021; Ненашева 2023]. В функции «операторов» входит указание на прагматическое значение, соответствующее коммуникативному намерению говорящего [Шаховский 2018; Колмогорова и др. 2019].

Применение процедурного знания характеризуется рекуррентностью. И. Ю. Колесов определяет структуры рекуррентных единиц как «функционально значимые частотные и регулярно воспроизводимые структуры ... таких образований, которые появляются в результате комбинирующих

и конструирующих механизмов языка и в своей основе опираются на результаты концептуализации и языковой категоризации описываемых ситуаций (референтных сцен)» [Колесов 2023: 103]. И. Ю. Колесов также отмечает, что изучение рекуррентных структур предполагает внимание ко всем содержательным структурам, вовлеченным в образование и функционирование этих структур в дискурсе. То есть грамматическая «дефективность» синтаксических форм – (prepositional phrases, non-sentences, fragments) – в дискурсе не стихийна, она образуется в соответствии с правилами структуры дискурса, она рекуррентна, и, в свою очередь, обеспечивает рекуррентность, например, просодической организации высказываний [Aijmer 2014]. Анализ неполных синтаксических форм показывает, что некоторые «прагматические контексты» приводят к тому, что часть синтаксической структуры высказывания может опознаваться говорящим как избыточная и «отсекаться» от общей структуры [Leech, Svartvik 2003: 99, 128; Quirk et al. 1985: 842–843]. Чаще всего это тематическая часть информационной структуры высказывания, что выражается в более высокой частотности таких типов неполных синтаксических структур как предложное словосочетание. Рекуррентность таких структур отмечалась и в более ранних работах: авторы называют их формулаичными [Leech, Svartvik 2003; Quirk et al. 1985]. Характеристики формулаичности соответствуют критериям рекуррентности: частотность, фиксированное значение и относительная стабильность формы как результат когнитивной и дискурсивной деятельности [Lin 2018: 16; Wray 2002: 89, 96–97].

Материалом исследования послужили два корпуса устной речи британского варианта английского языка (22 художественных текста более 2,5 миллионов слов). Исследование просодической организации речи проводилось на материале повелительных высказываний, основанием для общей выборки послужили: 1) иллокутивный характер высказываний, 2) специфическая грамматическая форма, 3) особый порядок формирования в онтогенезе человеческой речи [Aikhenvald 2010; Jary, Kissine 2014]. Критерием специальной выборки являются: 1) неполный характер синтаксической структуры и 2) специфика неполной синтаксической структуры высказывания – предложные словосочетания. Специальная выборка составила 86 высказываний.

В результате анализа в выборке неполных повелительных высказываний было выявлено, что некоторые предлоги чаще участвуют в производстве предложных конструкций: *off to sm. place/off with you, out of sm. place/out with it, back to/on/away/in sm. place, over/in/down here.*

Производные предложные конструкции составляют 74,4%, что подтверждает частотный аспект рекуррентности предложных конструкций. Эти конструкции также представляют собой либо полные идиоматические выражения *off with you*, *out with it*, либо часть идиоматического выражения *off to*, *out of*, что подтверждает относительную стабильность формы и наличие фиксированного значения. Мы предлагаем называть такие конструкции рекуррентными/формулаичными конструкциями. 25,6% представляют собой собственно предложные конструкции – части полной синтаксической структуры. Интонационные конструкции (ИК), выделенные в ходе компьютерного анализа (PRAAT), характеризуются двумя видами тонального движения: 1) простым тональным движением, представляющим собой дельту между значениями ЧОТ смежных автоматически определяемых ударных слогов (АОУС) и 2) сложным тональным движением, представляющим собой одно и более тональных движений внутри одного АОУС.

ИК повелительных высказываний, представляющих собой собственно предложные конструкции, реализуют преимущественно нисходящее тональное движение в терминальном тональном движении. Вариативность терминального тонального движения проявляет зависимость от прагматического значения высказывания: высказывания, характеризующиеся выраженной эмотивной нагрузкой, характеризуются более высокой вариативностью скорости, тонального уровня и диапазона тонального движения. Просодическая организация повелительных высказываний, представляющих собой собственно предложные конструкции, характеризуется меньшей вариативностью, чем просодическая организация повелительных высказываний, представляющих собой рекуррентные/формулаичные конструкции.

Просодическая организация повелительных высказываний, представляющих собой рекуррентные/формулаичные конструкции, характеризуется большей стабильностью составляющих ИК. Так ИК высказываний, включающих в себя словосочетания *off to sm. place* и *off with you*, различается степенью стабильности: ИК высказываний, включающих в себя словосочетания *off with you*, характеризуются относительным единообразием поведения просодических составляющих: выраженное (>4 полутонов) нисходящее движение в первом АОУС и невыраженное (<4 полутонов) нисходящее или восходящее терминальное тональное движение. Эти ИК проявляют меньшую зависимость от наличия эмотивной нагрузки.

ИК высказываний, включающих в себя словосочетания *out of sm. place/out with it* проявляют те же тенденции, что и ИК высказываний,

включающих в себя словосочетания *off to sm. place* и *off with you*. ИК высказываний, включающих в себя словосочетания, характеризующиеся меньшей степенью идиоматичности, проявляют большую вариативность, зависящую от эмотивной нагрузки. Идиоматичность словосочетаний в составе высказываний снижает зависимость вариативности от прагматического фактора.

Высказывания, включающие в себя словосочетания *back to/on/away/in sm. place* и *over/in/down here*, характеризуются большей вариативностью лексических составляющих. В структурах этих высказываний изменяется первый компонент – предлог, вторая часть является более постоянной. Это обуславливает специфику поведения просодических составляющих в ИК. ИК высказываний, включающих в себя словосочетания *back to/on/away/in sm. place* характеризуются невыраженным (<4 полутонов) восходящим тональным движением в первом АОУС, и выраженным (>4 полутонов), в том числе совокупно выраженным тональным движением во втором-третьем АОУС. Терминальное тональное движение носит невыраженный (<4 полутонов) характер. ИК высказываний, включающих в себя словосочетания *over/in/down here*, напротив, характеризуется выраженным (>4 полутонов) терминальным тональным движением, направление терминального тонального движения проявляет зависимость от наличия эмотивной нагрузки.

Таким образом, неполная синтаксическая форма повелительных высказываний в дискурсе характеризуется специфической просодической организацией, которая отражает процедурное знание, реализуемое говорящими через рекуррентность и формулаичность, которые являются результатом грамматикализации и десемантизации неполных конструкций. Чем сильнее выражены рекуррентность и формулаичность, тем стабильней является ИК высказывания и тем меньшую вариативность ИК проявляет от наличия и характера эмотивной нагрузки.

Литература

- Болдырев Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (034). С. 5–13.
- Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
- Колесов И. Ю. Английские рекуррентные структуры как грамматические конструкции // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 99–112.
- Колмогорова А. В., Калинин А. А., Маликова А. В. Кто и о чем говорит в «радостных» и «грустных» текстах: в поисках признаков дискриминации в текстах разной

эмоциональной тональности // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (193). С. 219–234.

Ненашева Ю. А. Лексические активаторы когнитивных процессов в просодической организации высказываний при чтении вслух // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–2(54). С. 495–499.

Чемодурова З. М. Символизм транскультурального художественного текста как механизм усиления когнитивной активности читателей // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 2. С. 24–37.

Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. 1. С. 54–79.

Щирова И. А. Когнитивная активность читателя как условие успешной интерпретации // Известия Воронежского педагогического государственного университета. Филологические науки. 2019. № 1(134). С. 148–152.

Aijmer K. *Conversational Routines in English*. London and New York, NY: Routledge, 2014.

Aikhenvald A. Y. *Imperatives and commands*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Jary M., Kissine M. *Imperatives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Leech G. A., Svartvik J. *Communicative Grammar of English*. London: Pearson Education, 2003.

Lin P. *The Prosody of Formulaic Sequences. A Corpus and Discourse Approach*. London and New York, NY: Bloomsbury Academic, 2018.

O'Mahony J., et al *Factors Affecting the Evaluation of Synthetic Speech in Context* // The Proceedings of the 11th ISCA Speech Synthesis Workshop (SSW 11). 2021. P. 148–153.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Pearson Longman, 1985.

Wray A. *Formulaic Language and the Lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Yu. A. Nenasheva (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

PROSODY OF RECURRENT STRUCTURES AS REALIZATION OF PROCEDURAL KNOWLEDGE

Prosody is procedural knowledge which represents the results of decision-making in discourse. Procedural knowledge of this kind embodies rules defining usage of prosodic units in accordance with the 'operators' – subject/object qualifiers. The author studies such rules applied to utterances with incomplete syntactical structures, such as imperatives.

Key words: prosody, discourse, procedural knowledge, pragmatics, imperative, incomplete syntactic structure.

Е. А. Огнева (Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ogneva@bsu.edu.ru*

КОНЦЕПЦИЯ ИНФОРМАТИВНОГО ТРАНСФЕРА КОГНИТИВНЫХ КООРДИНАТ

В статье изложена авторская концепция информативного трансфера когнитивных координат. Представлен механизм функционирования личностно-маркированных и социумно-маркированных когнитивных скреп в процессе трансфера когнитивных координат. Акцентируется внимание на неизученности проблемы взаимосвязи дискурсивной тональности и дискурсивных когнитивных аттракторов. Введено понятие «лингвосоциумная обобщенная личность» как компонент информативного трансфера. Изложена типология дискурсивных интерпретативных координат как результат механизма функционирования личностно-маркированных и социумно-маркированных когнитивных скреп.

Ключевые слова: дискурсология, когнитивные координаты, личностно-маркированные когнитивные скрепы, социумно-маркированные когнитивные скрепы, информативный трансфер.

Одним из актуальных вопросов современной дискурсологии видится исследование информативного трансфера когнитивных координат, под которым предлагается понимать когнитивный механизм передачи миромоделирующей информации на основе изменения ее свойств. В соответствии с авторской концепцией информативный трансфер когнитивных доминант выстраивается в виде следующей триады: текстовые когнитивные координаты – дискурсивные интерпретативные координаты – дискурсивные когнитивные координаты.

Текстовые когнитивные координаты как высокочастотные текстовые когнитивные аттракторы указывают на границы текстовой когнитивной модели. Они предопределены интенцией автора и законами языка, на котором создан текст. В ряде случаев текстовые когнитивные координаты обусловлены не только интенцией автора и законами языка, но и лингвосоциумным запросом, под которым понимаются информативные ожидания социума, предопределяющие актуализацию текстовой информации. Свойства текстовых когнитивных координат зависят от жанра текста. Впервые в качестве текстовых когнитивных координат были рассмотрены «когнитивные текстовые доминанты и когнитивные скрепы» [Огнева 2014].

Дискурсивные интерпретативные координаты предстают в виде информативов, номинирующих функциональную среду информативного кода. Дискурсивные интерпретативные координаты возникают в процессе трансфера текстовых интерпретативных координат в формат дискурса. Этот тип трансфера знаний в процессе развертывания дискурса осуществляется с учетом фактора передачи «когнитивных единиц от одного участника коммуникативного процесса к другому» [Болдырев 2020: 81].

Механизм коммуникативного перехода когнитивных единиц основан на явлении синергии дискурсивных когнитивных аттракторов адресата и адресанта. Рассмотрение данного механизма сопряжено с фактом существования «дискурсивных аттракторов» [Абрамова 2023: 47], которые, приобретая свойства дискурсивных когнитивных аттракторов, формируют дискурсивные когнитивные координаты.

Синергия дискурсивных когнитивных аттракторов адресата и адресанта взаимосвязана с «дискурсивной тональностью» [Карасик 2024: 126]. Данная проблематика взаимосвязи дискурсивной тональности и дискурсивных когнитивных аттракторов на данный момент в науке ещё не рассмотрена, но можно предположить, что параметры функционирования дискурсивной тональности прямо пропорциональны параметрам личностно-маркированных и социумно-маркированных когнитивных скреп, которые образуются в момент трансфера текстовых когнитивных координат в дискурсивные когнитивные координаты при проявлении свойств интерпретативных дискурсивных координат с учетом того, что под текстом понимается устный или письменный информативный посыл любой знаковой длины.

Под личностно-маркированными когнитивными скрепами предлагается понимать тематические текстово-дискурсивные когнитивные узлы, сопрягающие текстовый и дискурсивный форматы, обладающие свойством фиксации трансферной информации, предопределенной параметрами языковых личностей, порождающих текст и дискурс, и экстралингвистическими факторами.

Под социумно-маркированными когнитивными скрепами предлагается понимать тематические текстово-дискурсивные когнитивные узлы, сопрягающие текстовый и дискурсивный форматы в момент фиксации трансферной информации, предопределенной свойствами языковой личности автора или авторов текста и свойствами социумной, совокупной (обобщенной) личности, порождающей дискурс в определенных экстралингвистических условиях.

Следовательно, личностно-маркированные и социумно-маркированные когнитивные скрепы возникают и функционируют в момент восприятия

и первичного осмысления информации текста отдельной языковой личностью или лингвосоциумной обобщенной личностью. Под лингвосоциумной обобщенной личностью предлагается понимать унифицированный мыслительный формат какой-либо страты общества или всего социума. Принципы функционирования лингвосоциумной обобщенной личности в данной статье детально не излагаются.

В свете неизученности свойств личностно-маркированных и социумно-маркированных когнитивных скреп интересным представляется вопрос о продолжительности момента восприятия и первичного осмысления текста языковой личностью и лингвосоциумной обобщенной личностью?

Предполагается, что продолжительность момента восприятия и осмысления текста языковой личностью в процессе перехода текста в формат дискурса меньше, чем при восприятии и осмыслении текста лингвосоциумной обобщенной личностью.

Однако могут быть исключения, обусловленные свойствами языковой личности и лингвосоциумной обобщенной личности. Данное предположение отчасти сопряжено с мнением В. З. Демьянкова о том, что «дискурсы дают объяснения и обоснования с помощью как броских, так и скрытых логических переходов» [Демьянков, 2024: 19].

Исследование именно скрытых логических переходов могло бы «приоткрыть занавес» механизма интерпретации функционирования личностно-маркированных и социумно-маркированных когнитивных скреп в процессе трансфера текстовых когнитивных координат в дискурсивные когнитивные координаты с учетом того факта, что «среди аттрактивных точек текста и аттрактивных точек дискурса статус дискурсивных интерпретативных координат имеют только те, которые одновременно являются аттракторами в тексте и в дискурсе» [Огнева, Семченкова, Шептун, 2025: 261].

В настоящее время обосновано существование типологии дискурсивных интерпретативных координат, состоящей из следующих четырёх типов: «1) социумно маркированные дискурсивные интерпретативные координаты, 2) культурно-маркированные дискурсивные интерпретативные координаты, 3) национально-маркированные дискурсивные интерпретативные координаты, 4) нейтральные дискурсивные интерпретативные координаты» [Там же: 262]. Перечень дискурсивных интерпретативных координат открыт и может быть пополнен по результатам дальнейшего исследования данного явления.

Представленная типология дискурсивных интерпретативных координат описывается на «интерпретирующий потенциал» [Бабина 2022: 159].

Степень сопряжения интерпретирующего потенциала и информативного трансфера когнитивных координат в настоящее время ещё не изучена детально, тем не менее, можно говорить о том, что сопряжение интерпретирующего потенциала текстового и дискурсивного форматов знания позволяет представить следующий информативный трансферный вектор, состоящий из информативных субвекторов: адресант → текст как информативный посыл, в структуру которого заложены текстовые когнитивные аттракторы, формирующие текстовые когнитивные координаты → коммуникативный импульс, в котором текстовые когнитивные координаты приобретают свойство дискурсивных интерпретативных координат на основе включения механизма функционирования личностно-маркированных и социумно-маркированных когнитивных скреп → дискурсивные когнитивные координаты, формирующиеся на основе дискурсивных когнитивных аттракторов в информативной среде адресата.

Данная таксономическая модель информативного трансферного вектора составляет основу представленной концепции информативного трансфера когнитивных координат.

В перспективе предложенная концепция информативного трансфера текстовых когнитивных координат в дискурсивные когнитивные координаты может быть применена для понимания механизмов различных целенаправленных манипулятивных процессов в масс-медиа, в институциональных типах дискурса, Интернет-коммуникации.

Литература

Абрамова У. К. Дискурсивные когнитивные аттракторы в политических высказываниях Маргарет Тэтчер (на материале речи М. Тэтчер «Britain Awake») // Филологический аспект. 2023. № 03 (95). С. 44–50.

Бабина Л. В. Интерпретирующий потенциал производных слов в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1 (48). С. 159–178.

Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Тамбов: Принт-Сервис, 2020.

Демьянков В. З. Дискурс и нарратив лингвистического исследования // Англистика в третьем тысячелетии: новые подходы и пути развития. Тезисы докладов Международной научной конференции. Минск, 2024. С. 19–20.

Карасик В. И. Осмысление разума в разных типах дискурсивной тональности // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью. Сб. материалов VI Международной научной конференции (г. Челябинск,

26 апреля 2024 г.). Челябинск: Челябинский государственный университет, 2024. С. 126–135.

Огнева Е. А., Семченкова И. В., Шептун Н. Н. Матричное картирование дискурсивных интерпретативных координат информативного кода на английском, французском и русском языках // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2025. Т. 18. № 1. С. 260–266.

Огнева Е. А. Синергия в модели текстового художественного мира // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 4. С. 463. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13955>.

Е. А. Ogneva (Belgorod, Russia)

Belgorod State National Research University

THE THEORY OF AN INFORMATIVE TRANSFER OF COGNITIVE COORDINATES

The article describes the author's theory of informative transfer of cognitive coordinates. The mechanism of personality-marked and socially-marked cognitive links' functioning in the process of cognitive coordinate's transfer is presented. Attention is focused on the unexplored problem of the relationship between discursive tonality and discursive cognitive attractors. The concept of "linguosocium generalized personality" as a component of informative transfer is introduced. The typology of discursive interpretive coordinates is presented as a result of the functioning mechanism in personality-marked and socially-marked cognitive links.

Key words: discursology, cognitive coordinates, personality-marked cognitive links, linguosocium-marked cognitive links, informative transfer.

Е. Г. Озерова (Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ozerova@bsuedu.ru*

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ ТЕКСТОВ ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Интердискурсивное пространство текстов лирической прозы актуализирует процесс взаимодействия, прежде всего, с религиозным и песенным дискурсом, поскольку ценностно-когнитивные пересечения способствуют созданию лирической архитектоники посредством художественной и образной коммуникации автора

и читателя, при которой когнитивная информация интерпретируется и порождается чувственный модус восприятия текста.

Ключевые слова: интердискурсивность, лирическая проза, лингвопоэтика, религиозный дискурс, песенный дискурс.

Интердискурсивное взаимодействие детерминировано включенностью культурных, исторических, ментальных и религиозных факторов при порождении текстов лирической прозы. Интердискурсивность, отмечает Н. Ю. Георгинова, – «явление не новое. Факт пересечения, взаимодействия различных семиотических систем, находящий свое выражение в тексте, отмечался и ранее» [Георгинова 2014: 151].

Интердискурсивное пространство текстов лирической прозы актуализирует процесс взаимодействия, прежде всего, с религиозным и песенным дискурсом, поскольку ценностно-когнитивные пересечения способствуют созданию лирической архитектоники посредством художественной и образной коммуникации автора и читателя, при которой когнитивная информация интерпретируется и порождается чувственный модус восприятия текста.

Языковые средства, формирующие этот чувственный модус, демонстрируют многовекторные пересечения религиозного, фольклорного, песенного дискурсов. Интердискурсивность такого взаимодействия посредством дискурсивной экспликации когнитивной информации способствует образно-эстетическому восприятию художественной действительности и трансформирует интертекстуальные номинации в лирические образы.

Когнитивно-прагматическая интерпретация речежанровой природы лирикопрозаического текста основывается на понимании лирической прозы как лаконичного прозаического текста с преобладающим чувственно-авторским «Я» и повышенно-эмоциональным (поэтическим) стилем речемышления [Озерова 2013: 152].

В ценностно-смысловом пространстве лирической прозы интердискурсивность и интертекстуальность становятся центральными когнитивно-культурными категориями, благодаря которым происходит реализация субъективно-креативных стратегий автора.

Интердискурсивное взаимодействие лирической прозы и религиозных текстов порождает лирическую архитектуру произведения посредством феномена интертекстуальности.

Проблемы когнитивной лингвопоэтики, которые представляют синтез ментальных, образных и ценностно-культурных феноменов, раскрываются благодаря жанровому своеобразию текстов лирической прозы, что иллюстрируют интердискурсивные пересечения.

Смысловое содержание дискурса русской лирической прозы репрезентировано интертекстуальным комплексом пересечения с песенным дискурсом, который актуализирует взаимодействие языкового и музыкального наполнения и порождает лирическую архитектуру всего произведения.

Песенный дискурс также способствует сохранению культурных традиций, передает чувственно-эмотивное настроение в ситуации конкретного коммуникативного взаимодействия. Специфика взаимодействия дискурсивного пространства текстов лирической прозы и песенного дискурса обусловлена эмоциональным воздействием на адресата, благодаря чему актуализируется когнитивная и аксиологическая деятельность читателя.

Интердискурсивность также способствует актуализации воздействующих факторов на адресата текстов лирической прозы, поскольку дискурсивные пересечения выявляют ценностно-смысловые векторы всего произведения.

Следовательно, интердискурсивность текстов лирической прозы детерминирована интертекстуальным пространством текстов лирической прозы, благодаря чему выявляются ценностно-смысловые, духовно-религиозные и культурные универсалии ментальных ресурсов взаимодействующих информационных кодов, которые репрезентируют когнитивно-культурную систему авторского модуся.

Интертекстуальность, являясь одной из важнейших категорий дискурса русской лирической прозы, принимает участие в создании семантической системы духовных и культурных смыслов. Концепция интертекстуальности восходит к идее неоклассической философии об активной роли социокультурной среды в смыслопонимании и смыслопорождении.

Интердискурсивные связи являются актуализатором музыкального церковного песнопения и обусловлены народными и церковно-музыкальными традициями, которые демонстрируют лиричность распевных мелодий. Такое интердискурсивное включение церковного пения создаёт особую лирическую архитектуру.

В моей памяти живы воспоминания о посещениях церкви в детстве – церковное пение, возвышенное, чистое настроение молящихся, дрожащие огоньки свечей, темные лики святых (А. Д. Сахаров).

...негромкое, стройное пение, мерное, кадельное звяканье, скорбно-покорные, горестно-умилённые возгласы (И. А. Бунин, «Жизнь Арсеньева. Юность»).

Интердискурсивность текстов лирической прозы аккумулирует когнитивно-культурные знания, создавая целостность лирического воздействия на читателя.

Интердискурсивность лирической прозы пронизана интертекстуальными пересечениями и проявляется как «пространство, где идёт процесс образования смыслов» [Барт 1989: 415].

Интердискурсивность выявляется при взаимодействии ценностно-смыслового и когнитивно-культурного включения разных дискурсов, благодаря чему порождается интегративная архитектура текстов лирической прозы. Религиозный текст при включении в лирический прозаический текст, формирует акцент на духовно-культурной значимости такого пересечения.

Следовательно, интердискурсивность как ведущая категория лирической прозы эксплицирует культурные и духовные ценности, благодаря чему художественные тексты приобретают лиричность повествования и порождают у читателя словесные, индивидуально-событийные ассоциации, погружаясь в дискурс лирической прозы, воспринимая ценностно-смысловое содержание произведения и интерпретируя авторские интенции.

Литература

Георгинова Н. Ю. Интердискурсивность, интертекстуальность, полифония: к соотношению понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 1. С. 149–155.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: «Прогресс»: «Универс», 1989.

Озерова Е. Г. Лирикопрозаический текст как особый речевой жанр // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2013. № 3 (47). С. 152–155.

E. G. Ozerova (Belgorod, Russia)

Belgorod State National Research University

INTERDISCURSIVITY OF LYRICAL PROSE TEXTS

The interdiscursive space of lyric prose texts actualizes the process of interaction, first of all, with religious and song discourse, since value-cognitive intersections contribute to the creation of lyric architectonics through artistic and figurative communication between the author and the reader, in which the cognitive information of the text is interpreted, resulting in the generation of a sensory mode of perception of lyric prose.

Key words: Interdiscursivity, lyrical prose, linguapoetics, religious discourse, song discourse.

О. В. Палехова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
palekhova@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО МЕДИАДИСКУРСА

В статье анализируется современный немецкоязычный политический медиадискурс с точки зрения прецедентных феноменов, уже существующих, а также только вошедшие в коллективное когнитивное пространство немецкоязычного лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: прецедентные феномены, прецедентное событие, когнитивное пространство, медиадискурс.

Современный медиадискурс всё чаще выступает в качестве инструмента политического информирования, опосредования нужных адресанту установок и, как следствие, формирование нужных политических взглядов и мнений у массового адресата. Для наибольшего воздействия на эмоциональную и когнитивную сферы потенциального адресата в канву дискурса влетают те или иные прецедентные феномены, запускающие активный интерпретационный процесс «распознавания» отсылок к культурно-значимым знакам: ситуациям, высказываниям, именам, событиям, датам и т. п. [Палехова 2024: 94].

Как показывают наши примеры, помимо отсылок к уже широко известным прецедентным феноменам – историческим событиям и датам, цитатам и высказываниям известных личностей – в немецком медиадискурсе постоянно возникают новые единицы, при употреблении которых «осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного» прецедентного феномена [Захаренко, Красных, Гудков 1997: 83]. В качестве примера может служить лексема *Heizungsgesetz* (закон об отоплении), принятый в 2023 г. и самый обсуждаемый на предвыборных дебатах в 2025 г. большинством партий, которые «*хотят отменить*» непопулярный закон: *(Fast) alle wollen das GEG abschaffen*. Обозначение закона, подробно предписывающего переход на новое отопление к 2045, свёрнут до простой аббревиатуры *das GEG*, понятной каждому представителю немецкого общества и отсылающей как к прецедентной ситуации, так и к прецедентному имени *светофорная коалиция (Ampelkoalition)*, которая приняла этот закон.

Примером ставшим совсем недавно прецедентным событием может служить *die Vance-Rede* (речь Вэнса). Речь Джей Ди Вэнса на мюнхенской

конференции по безопасности вызвала общественный резонанс, став одним из ключевых слов в немецких массмедиа и, тем самым, уже перешло в группу прецедентных феноменов: во-первых, как прецедентное имя (*Вэнс*), во-вторых, как прецедентная ситуация, отсылающая к политическому контексту, и, наконец, в-третьих, некоторые фрагменты речи, которые также содержат отсылки к прецедентным текстам, уже цитируются, становясь прецедентным высказыванием.

Следует отметить, что в массмедиа прецедентные имена *Vance* и *Trump* используются вместе с *зима 2025*, противопоставляемое *9 ноября 1989*, которое, на наш взгляд, можно определить как прецедентное событие. В отличие от прецедентной ситуации, понимаемой многими авторами как «реальная единичная ситуация», «совокупность обстоятельств» [Гудков 2000: 41; Высоцкая 2013: 119], прецедентное событие отсылает, во-первых, к конкретной дате, во-вторых, имеет конкретное название. Как, например, *9 ноября 1989 г.*, известное также как *Mauerfall* и *победа свободы и мира*. Таким образом, противопоставляемая прецедентному событию *падение Берлинской стены* ситуация *зима 2025* имплицитно противоположную ситуацию, а именно: поражение свободы и европейского мира:

(1) *Willkommen im Winter 2025, der eine neue Zeitenwende markiert und der sich womöglich als eine Art Gegenstück zum 9. November 1989 erweisen wird.* (Ohne die USA, gegen Russland und China: Europa muss alleine kämpfen).

Одним из современных прецедентных феноменов в немецкоязычных массмедиа стало имя *Грета* (*Грета Тунберг*), отсылающее, в свою очередь к прецедентному феномену *Greta-Effekt* и к прецедентной ситуации *Fridays-For-Future*. При этом эффект *Греты* претерпел в немецкоязычных СМИ трансформацию в *grüne Welle* (зеленой волны), однозначно декодируемый как фактор, влияющий на выбор зеленых кандидатов. В качестве примеров могут служить фрагменты швейцарских и немецких статей 2019 и 2025 гг.

(2) *Vor der Parlamentswahl in der Schweiz sagten Umfragen eine grüne Welle voraus. Erste Ergebnisse bestätigen das. (...). Im bislang stets konservativ wählenden Kanton Glarus schaffte ein grüner Politiker eine kleine Sensation. Auch in vielen anderen Kantonen legten grüne Kandidaten nach ersten Auszählungsergebnissen zu* (“Greta-Effekt” bei Parlamentswahlen? Grüne Welle fegt über die Schweiz 2019).

(3) *Waren es zur aktivsten Zeit von Fridays for Future die Grünen und die SPD oder 2009 die FDP, die den richtigen Ton bei den jungen Leuten trafen, waren es diesmal die Linke und die AfD. (...) „Der Greta-Effekt“ ist weg... („Wir wollen halt, dass sich schnell etwas ändert“ 2025).*

Как показывают многочисленные примеры, одним из самых частотных прецедентных феноменов в немецком политическом медиадискурсе

являются цитаты. В качестве интертекстуальных включений в журнальную статью могут служить, во-первых, источники информации (*Umfragen vor der Parlamentswahl sagen, ungeachtet der düsteren Umfragewerte, laut...*), во-вторых, цитирование с использованием презентных форм конъюнктива, маркирующих в немецком языке косвенную речь:

(4) *Wie Kreml-Sprecher Dmitri Peskow in Moskau sagte, habe die Ukraine das „Recht“ auf einen EU-Beitritt. Aber... eine „dauerhafte und langfristige Lösung“ des Ukraine-Kriegs sei ohne eine „umfassende Berücksichtigung der Sicherheitsfragen auf dem Kontinent unmöglich“* (Christian Kerl 2025).

(5) *Das politische Interesse sei bei jungen Menschen insgesamt geringer als bei der älteren Bevölkerung, so Jun, man informiere sich oftmals weniger detailliert („Wir wollen halt, dass sich schnell etwas ändert“ 2025).*

В-третьих, цитирование, маркируемое кавычками, т.е. при помощи прямой речи или при дословной отсылке к высказыванию, например:

(6) *Doch sowohl Bundeskanzler Olaf Scholz (SPD), als auch Außenministerin Annalena Baerbock (Grüne) sehen das kritisch: „In diesen heißen Krieg werden keine Soldaten geschickt“, sagte Baerbock. Sie hält diese Diskussion für verfrüht und bezeichnete es als „eine sehr deutsche Debatte, jetzt den 48. Schritt zu machen vor dem ersten Schritt“* (Hamburger Abendblatt 2025).

Таким образом, немецкоязычные массмедиа не только активно используют прецедентные феномены для вовлечения массового адресата в активный интерпретационный процесс, заключающийся в распознавании отсылок к широко известным событиям, ситуациям или высказываниям, но и создают новые прецедентные феномены, публикуя вызвавший в мире резонанс события, вводя новые имена и даты, формируя тем самым фоновые знания и, как следствие, дополняя общее когнитивное пространство немецкоговорящего лингвокультурного сообщества.

Литература

Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 18. С. 117–137.

Гудков Д. Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 11. М.: Издательство Диалог МГУ, 2000. С. 40–46.

Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Издательство Диалог-МГУ, 1997. Вып. 1. С. 82–103.

Палехова О. В. Прецедентные феномены в немецких массмедиа // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник материалов III Всероссийской (национальной)

научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 28–29 октября 2024 г. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. С. 94–97.

Christian Kerl. Putin will mit Selenskyj reden – EU-Beitritt der Ukraine möglich // Hamburger Abendblatt, 2025. URL: <https://www.abendblatt.de/politik/article408335816/usa-und-russland-starten-gespraech-ueber-ukraine-krieg.html>.

Danielle Friedrich Sturm. Ohne die USA, gegen Russland und China: Europa muss alleine kämpfen // Tagespiegel.de, 2025. URL: <https://www.tagesspiegel.de/meinung/ohne-die-usa-gegen-russland-und-china-europa-muss-alleine-kampfen-13238392.html>.

„Greta-Effekt“ bei Parlamentswahlen? Grüne Welle fegt über die Schweiz // RT. 2019. URL: <https://de.rt.com/europa/93717-greta-effekt-in-schweiz-rutsch-bei-den-parlamentswahlen-alpenrepublik/>.

„Wir wollen halt, dass sich schnell etwas ändert“ // Tagesschau.de. 2025. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/bundestagswahl/junge-waehler-motivation-100.html>.

O. V. Palekhova (*Saint Persburg, Russia*)
Saint Petersburg State University of Economics

PRECEDENT CHARACTER OF MODERN GERMAN MEDIA DISCOURSE

The article analyzes the modern German-speaking political media discourse in terms of precedent phenomena that already exist, as well as those that have just entered the collective cognitive space of the German-speaking linguistic and cultural community.

Key words: precedent phenomena, precedent event, cognitive space, media discourse.

И. М. Петрова (*Москва, Россия*)
Московский городской педагогический университет
miinna@yandex.ru

АНАЛИЗ ЭЛЕМЕНТОВ КОГНИТИВНОГО СТИЛЯ КОНКРЕТНОСТЬ / АБСТРАКТНОСТЬ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу элементов когнитивного стиля, таких как конкретность и абстрактность, в контексте публицистического дискурса. На основе анализа публицистических текстов Томаса Л. Фридмана, выявляются языковые маркеры, указывающие на предпочтение автором конкретного или абстрактного когнитивного

стиля. Эти маркеры помогают понять, как стилистический выбор влияет на восприятие информации различными читательскими аудиториями.

Ключевые слова: когнитивные стили, конкретность, абстрактность, публицистический дискурс, языковые маркеры, аналитический стиль.

Когнитивные стили являются важной концепцией как в психологии, так и в когнитивной лингвистике. Они определяют индивидуальные особенности восприятия, обработки и интерпретации информации [Карпова, Яблокова 2016]. Интересен подход Дж. Кагана, который выделяет аналитический и глобальный когнитивные стили. Согласно данному подходу, «аналитики» фокусируются на деталях и частях информации, а «глобалисты» склонны обрабатывать информацию как единое целое [Kagan 1965]. Понимание этих различий имеет большое значение в контексте публицистического дискурса, поскольку выбираемые автором стили могут существенно влиять на восприятие текста читателем.

Конкретность и абстрактность мышления представляют собой два важных критерия анализа когнитивного стиля. Конкретное мышление фокусируется на детальном, специфическом содержании, представлении конкретных случаев и примеров. Абстрактное мышление, напротив, включает анализ на более высоком уровне обобщения, где используются широкие концепции и теоретические рамки [Зайцева 2012]. Это различие может влиять на то, как авторы публицистических текстов представляют информацию и убеждают свою аудиторию [Al-Otaibi 2021].

Методология исследования реализации элементов когнитивного стиля в языке основывается на теоретических концепциях когнитивных стилей, таких как поля зависимости/независимости Г. Виткина, а также аналитический и глобальный стили, предложенные Дж. Каганом. Понимание этих теорий необходимо для достоверного объяснения различий в когнитивных подходах авторов. Критериями анализа могут выступать конкретность и абстрактность мышления. Конкретность предполагает внимание к деталям, использованию примеров и фактов, тогда как абстрактность подразумевает аналитические рассуждения и концептуальные обобщения.

Анализ когнитивного стиля в тексте можно проводить посредством выявления языковых маркеров, указывающих на конкретность или абстрактность мышления. Эти маркеры помогают определить, как автор представляет информацию – опирается ли он на факты и примеры или использует более обобщенные и концептуальные подходы. Например, маркеры элементов когнитивного стиля конкретность могут включать: **использование конкретных существительных:** названия людей, мест, объектов: *New York City, the Eiffel Tower, Tesla, engineer, biologist*; **описательная лексика:** *red brick building,*

high-speed train, crisp autumn air; **даты и числа**: *in 2023, five percent, three weeks*; **прямое цитирование**: *She said, 'I'll be there by 6 PM.'*; **глаголы действия**: *calculate, build, write*. Маркеры элементов когнитивного стиля абстрактность представлены: **абстрактными существительными**: *freedom, democracy, intelligence, happiness*; **обобщающими прилагательными и наречиями**: *significant, important, frequently, typically*; **концептуальными глаголами**: *consider, evaluate, conceptualize, understand*; **употреблением метафор и аналогий**: *time is a thief, heart of stone*; **квалифицирующими конструкциями**: *in theory, generally speaking, to some extent*.

Один из примеров применения конкретности в публицистике можно наблюдать у Томаса Л. Фридмана, известного американского журналиста и колумниста газеты The New York Times. Его работы часто содержат конкретные примеры событий и ситуации, что помогает сделать его аргументы более убедительными и доступными для широкой аудитории. В таблице 1 представлены результаты статистического анализа элементов когнитивного стиля конкретность/абстрактность в одной из работ Томаса Л. Фридмана.

Таблица 1

Статистический анализ использования маркеров элементов когнитивного стиля конкретность / абстрактность в тексте
Thomas L. Friedman. Trump Is Going Woke // The New York Times. 2025. – 29 января. – С. 22

Маркеры когнитивного стиля конкретность	Количество	Маркеры когнитивного стиля абстрактность	Количество
Concrete Nouns: <i>Specific people, places, objects mentioned: Donald Trump, Mars, China, Beijing, DeepSeek, R1, the United States, America, Chinese astronaut, U.S. astronaut, Xiaomi, Huawei, BYD, Waymo, Google, G.M., Cruise, Tesla, San Francisco, Apple.</i>	19	Abstract Nouns: <i>Concepts, ideas, qualities: freedom, democracy, intelligence, happiness, wokeism, ideology, interest, strategy, vision, innovation, potential, autonomy, creativity, politics, output, abundance, efficiency, planning, ecosystem, interest.</i>	20
Descriptive Lexicon: <i>Detailed descriptions using adjectives: red planet, energy-devouring, electricity-guzzling, American A.I. companies, digital transportation devices, fossil-fuels, autonomous driving technology.</i>	7	Generalizing Adjectives and Adverbs: <i>General evaluation words: significant, important, efficient, cheap, clean, abundant, exceptional, frequently, typically, greater, stronger.</i>	11

Маркеры когнитивного стиля конкретность	Количество	Маркеры когнитивного стиля абстрактность	Количество
Dates and Numbers: Specific times or quantities: “14 percent,” «\$14 billion,» «five states,» «year-on-year,» «40 percent,» «\$890 billion,» «in 2023.»	7	Conceptual Verbs: Abstract actions and mental processes: <i>understand, impugn, consider, evaluate, conceptualize, understand, approach, opting, strengthen, address, propose.</i>	11
Direct Quotation: Use of direct speech or exact quotes: “What took you so long?”, “America will soon be greater, stronger and far more exceptional than ever before,” «Trump declared that the United States is facing an energy emergency,” “which would be hugely expensive.”	4	Metaphors and Analogies: Use of metaphors and analogies: “time is a thief”, “ecosystem, stupid”, “like ringing a fire alarm”, “heart of stone”.	4
Action Verbs: Specific actions: <i>manage, curb, generated, declared, propel, land, meet, unveiled, acquire, improve, require, generate, become, dominate, lose, use, apply, change, build, decided, shut down, exploit, double down.</i>	23	Qualifying Constructions: Phrasal qualifiers: <i>in theory, generally speaking, to some extent.</i>	3
	60		49

Представленный статистический анализ показывает, что текст содержит 60 маркеров конкретности и 49 маркеров абстрактности. Использование конкретного языка – специфические имена, места, числа, прямые цитаты и глаголы действия – помогает закрепить обсуждение на реальных примерах и фактах. Абстрактные маркеры – охватывающие более широкие концепции, оценки, мыслительные процессы и метафорический язык – позволяют исследовать основные темы и последствия, такие как политические идеологии и результаты стратегий. Этот баланс способствует всестороннему обсуждению, внедряя конкретные данные в рамки абстрактного рассуждения и критики. Созданный корпус текстов изучаемого автора включает 21 статью, изданные в разные периоды на страницах газеты The New York Times. В результате статистического анализа маркеров элементов когнитивного стиля конкретность/абстрактность Томаса Л. Фридмана можно

сделать вывод о его склонности к использованию как аналитического, так и стратегического когнитивного стиля.

Таким образом, понимание и изучение когнитивных стилей открывает новые возможности для анализа и интерпретации публицистических текстов. Оно помогает не только выявить индивидуальные особенности автора, но и оценить, как эти особенности могут повлиять на восприятие информации различными аудиториями. Это подчеркивает важность дальнейших исследований в этой области, направленных на углубление понимания взаимодействия когнитивных стилей и дискурсивных стратегий в контексте современных медиа.

Литература

Зайцева В. Ю. Взаимосвязь когнитивного стиля «Конкретная / абстрактная концептуализация» с языком // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 76. С. 1094–1103.

Карпова Е. В., Яблокова А. В. Когнитивные стили: история вопроса и новые проблемы // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 220–226.

Al-Otaibi B. T. Языковая личность автора в газетном тексте // Theoretical & Applied Science. 2021. № 7(99). С. 26–29. DOI: 10.15863/TAS.2021.07.99.7. EDN HWJJHM.

Kagan J. Impulsive and Reflective Children: Significance of Conceptual Tempo // Learning and the Educational Process / ed. J. Krumboltz. Chicago: Rand McNally, 1965.

*I. M. Petrova (Moscow, Russia)
Moscow City University*

ANALYSIS OF ELEMENTS OF COGNITIVE STYLE: SPECIFICITY/ABSTRACTION IN JOURNALISTIC DISCOURSE

The article focuses on the analysis of cognitive styles, in terms of specificity and abstraction, in the context of journalistic discourse. Based on the analysis of journalistic texts, such as those by Thomas L. Friedman, linguistic markers indicating an author's preference for specific or abstract cognitive styles are identified. These markers help to understand how stylistic choices affect the perception of information by various audiences.

Key words: cognitive styles, specificity, abstraction, journalistic discourse, linguistic markers, analytical style.

Ю. С. Петрова (Москва, Россия)
Московский государственный институт
международных отношений (МГИМО МИД)
yu.petrova@my.mgimo.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА КРИЗИС В МЕДИАДИСКУРСЕ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ

В статье описана языковая репрезентация концепта crisis в медиадискурсе британской прессы на материале журнала новостной направленности The Economist and The Guardian. Установлены группы языковых средств, номинирующих данный концепт. Установлено ядро и периферия номинативного поля, а также выявлены ассоциаты концепта.

Ключевые слова: медиадискурс, фрейминг, концепт, сценарий, языковая репрезентация.

С распространением информационных технологий трудно переоценить роль СМИ в формировании общественного мнения, восприятия действительности и общественных процессов. СМИ поднимают вопросы первостепенной важности, оказывая намеренное влияние на массовое сознание, поэтому медиадискурс может служить индикатором общественных настроений. Медиадискурс настолько глубоко проникает в сознание общества, в жизнь людей, что многие живут в реальности, созданной для них СМИ.

Целью исследования является выявление языковых репрезентаций кризиса в медиадискурсе новостных британских печатных изданий. СМИ в значительной степени влияет на сознание людей и восприятие актуальных вызовов, таким образом формирует общественное мнение. Современные технические достижения значительно расширили возможности СМИ формировать массовое сознание, сделав сознание податливым для манипуляций [Фрейд 1969: 10]. Массовый потребитель информации не имеет собственного мнения, поскольку он имеет слабое теоретическое и критическое мышление, поэтому грамотное манипулирование и умелая подача информации открывает безграничные возможности для внушения человеческим массам нужных идей [Ольшанский 2002: 56]. В исследовании рассмотрены языковые средства репрезентации внеязыковых реалий, играющих значительную роль в формировании фреймов, которые, закрепляясь в сознании человека, участвуют в формировании восприятия актуальной проблемы. Фреймы составляют знания о типичных ситуациях, а также реальных или гипотетических объектов.

Тема кризиса в британском медиадискурсе особенно актуальна в последнее десятилетие. Цепь драматичных событий последних лет привела к падению уровня жизни. Начавшийся в 2015 г. европейский миграционный кризис, разрушительные последствия выхода Британии из Европейского союза в 2016 г., мировая пандемия 2020 г. и продолжающийся геополитический кризис 2022 г. – все эти события негативно отразились на экономической ситуации в Великобритании и способствовали росту инфляции. Цены на товары первой необходимости в Соединённом Королевстве продолжают расти быстрее, чем доходы домохозяйств, что приводит к продолжающемуся снижению реальных доходов. Ведущие британские экономисты считают текущий финансовый кризис самым сложным за последние 80 лет [TASS].

Материалы исследования заимствованы из статей британской печатной прессы новостной направленности The Economist and The Guardian, опубликованных на электронных ресурсах.

Как единица мышления, концепт сформирован в результате познавательной деятельности человека во время получения индивидуального жизненного опыта. Динамическая форма ментального опыта отношение является ментальным пространством. В процессе создания, а также восприятия дискурса в мышлении происходит развертывание ментальных пространств [Степанова 2017: 8]. Ван Дейк считает, что средства массовой информации освещают события в форме сценариев. Сценарии по концепции Минского отражают стандартную последовательность событий, обусловленную повторяющейся ситуацией [Ван Дейк 2000: 69].

Процесс исследования концепта как когнитивной единицы предполагает определение номинативного поля. Построение номинативного поля концепта представляет собой установление и описание совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки. Так как концепт объективируется различными языковыми единицами, в данном исследовании исследуются языковые единицы, объективирующие концепт КРИЗИС, которые были найдены в статьях о кризисных ситуациях на разные темы. Эти языковые единицы выступают опорой для исследования номинативного поля.

При анализе прямых номинаций концепта КРИЗИС было обнаружено, что наиболее часто употребляемое стилистически нейтральное существительное *нестабильность* выступает в качестве одного из ключевых, так как наиболее всеобъемлюще номинируют исследуемый концепт. Примеры описывают нестабильность разного уровня, а именно общемировую, социальную, экономическую.

1. *Extreme events like the disappearance of an area of sea ice the size of Greenland during last year's austral winter are a symptom of a quickening underlying **instability**.* Нестабильность указана симптомом природного кризиса.

*China's property crisis would be causing dramatic social **instability**.* Кризис недвижимости в Китае вызывает социальную нестабильность. Нестабильность означает кризисную ситуацию.

*Wars and **global instability** are also playing a part.* Глобальная нестабильность играет значительную роль в миграционном кризисе.

Среди прямых номинаций также выделяется существительное *угроза* или *угроза стабильности*.

2. *Climate change is a graver **threat**.* В статье об экономическом кризисе угрозой финансовому благополучию называется изменение климата.

*Treating climate change and conflict as a single **threat to global stability**, requiring a coherent response, has become a global imperative.* Угроза мировой стабильности представляет изменение климата.

Концепт кризиса номинируют лексемы *конфликт, война, бедность и насилие*.

3. *Climate change and spiralling **conflict** are two of the defining features of our time.* Глобальный кризис современности состоит из климатического кризиса и продолжающихся конфликтов.

*With competing groups vying for control of **diminishing resources**, whole regions can become trapped in a downward spiral of **poverty, violence and environmental degradation**.* Глобальный кризис тесно связан с нехваткой ресурсов, бедностью и насилием.

*Somalia and Iraq are two of the most climate-vulnerable countries in the world, as well as recurrent arenas of **war**.* Климатический кризис представлен в сочетании с военными конфликтами в статье об изменениях климата.

*Along the Mali-Niger border, for example, drought is driving nomadic pastoralists into **conflict** with sedentary farmers.* Конфликт выступает следствием засухи и продовольственного кризиса в Африке.

A series of crises – some global and some homemade – have battered the British economy since 2008. Глагол *batter* означает сильно ударить несколько раз. Кризис с силой ударил несколько раз по Британии. Кризис связан с насилием.

4. Значимая прямая номинация угроза часто используется с прилагательным *looming, brewing*, которые означают *надвигающаяся, нарастающая*, что сопряжено с ощущением тревоги в ожидании кризисной ситуации, и это усугубляет сам кризис.

*For China, Taiwan's elections are a **looming crisis**.* В статье о геополитическом кризисе в Тайване, выборы представляют надвигающийся кризис.

*Germany and France are in crisis – is the next global financial crash **brewing**?* В статье описывается финансовый кризис зарождается в Германии и Франции.

The looming crisis in cosmology. Надвигающийся кризис характеризует недостаток объективных данных в науке о космосе.

5. Концепт кризиса номинируют лексемы, обозначающие *спад, падение, обрушение, обвал, крах*.

*Is the global housing **slump** over?* В статье поднимается вопрос о мировом кризисе недвижимости.

*It's a nerve-wracking time for cosmologists – is everything they thought they knew about to **come crashing down**?* Нехватка знаний о космосе приведет к обрушению представлений о вселенном и кризисе в науке о космосе.

*The war in Gaza is exacerbating Egypt's economic **collapse**.* Война в Газе усугубляет экономический крах в Египте.

К периферии номинативного поля также можно отнести последствия кризиса, так как они также объективируют содержание концепта. Выделяются лексемы, которые выступают в атрибутивной функции к существительным, номинирующим концепт КРИЗИС. Это прилагательные и существительные означающие *жестокость, апокалиптичность, катастрофичность*.

6. *Each by itself is extremely serious. When they come together, as they increasingly do, the result may be **globally devastating**.* Последствия политического и экономического кризисов могут иметь опустошительные последствия.

*The longer-term repercussions of the crisis for the AL and for Sheikh Hasina may prove **calamitous**.* Последствия кризиса в Бангладеш могут оказаться катастрофическими.

*The Loire, France's longest river, was an **apocalyptic** sight this summer.* В статье об энергетическом кризисе описываются последствия кризиса, а именно местность, которая выглядит апокалиптично.

При анализе ассоциативного поля концепта КРИЗИС ассоциатами выступают плохая погода, холод, охлаждение и перегрев, неблагоприятная погода.

6. *Just a normal **winter** would feel very **cold** by recent standards... **cold weather** tends to come with a **lacklustre breeze**, hampering wind farms. The first proper **winter** in three years had already reignited energy debates. Coming in from the **cold**...* В статьях об энергетическом кризисе холодная зима и холод выступает ключевой лексемой-репрезентантом концепта кризис.

*That is an increase of more than 50% on 2020, when new rules were brought in to **cool the overheating** market.* Во время строительного кризиса в Китае были приняты законы, чтобы охладить перегретый рынок недвижимости.

*In the Middle East and the Horn of Africa, prolonged **droughts** are making it harder to eke out livelihoods and uprooting communities.* Продовольственный кризис в развивающихся странах сопровождается засухами.

***Rising temperatures** are withering crops; more **frequent floods** are destroying them.* Продовольственный кризис в Азии и Африке вызван неблагоприятными погодными условиями: наводнениями и повышением температуры.

Анализ номинативного поля и некоторых ассоциатов позволяет описать содержание концепта КРИЗИС в языковом сознании. Можно заключить, что в бленде кризисной ситуации образуется эмерджентная структура, которая заставляет воспринимать экономический, энергетический, миграционный или экологический кризис как нестабильность, угрозу, конфликт, насилие, разрушение, неблагоприятные условия.

Литература

Ван Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.

Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002.

Степанова Н. В. Основы теории дискурса. СПб.: ГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.

Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. Избранное. Т. I. Л.: Academic Press, 1969.

TASS. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20901451>

***Yu. S. Petrova** (Moscow, Russia)
MGIMO-University*

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF *CRISIS* IN THE BRITISH MEDIA DISCOURSE

The article presents an analysis of the features of the representation of the concept crisis in the media discourse of the British press based on the material of the news magazine The Economist and The Telegraph. The mental structures of the concept are considered, and an analysis of linguistic expressions that verbalize appeals to the linguocultural concept is carried out.

Key words: media discourse, framing, concept, scenario, linguistic representation.

А. В. Пискарева (Москва, Россия)
*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
anastasiia.piskareva@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ ДИСКУРСА СУДЕБНОГО ШОУ

В данной статье рассматриваются когнитивные механизмы, определяющие организацию и восприятие дискурса судебного шоу. Оно объединяет элементы юридической риторики, эмоциональной аргументации и манипулятивных стратегий, что требует комплексного подхода при его анализе. Особое внимание уделяется таким когнитивным процессам, как перспективизация, категоризация и фреймирование.

Ключевые слова: когнитивные механизмы, судебное шоу, дискурс, перспективизация, категоризация, фреймирование.

Судебные шоу представляют собой уникальное явление в современной медийной культуре, обладая специфическим дискурсом, в котором смешиваются юридическая и телевизионная составляющие. В условиях большого информационного потока зрители вынуждены быстро категоризировать поступающую информацию для того, чтобы адекватно интерпретировать события, происходящие на экране. Ключевую роль в этом процессе играет когнитивная категоризация, позволяющая структурировать данные и формировать представления о происходящем.

Современные исследования в области когнитивной лингвистики подчёркивают, что дискурс «погружён в жизнь», то есть неизбежно связан с экстралингвистическими факторами: социокультурным контекстом, прагматическими характеристиками и психологическими особенностями участников коммуникации [Арутюнова 1990: 24]. Именно в судебном шоу эта проблема становится особенно актуальной, поскольку здесь происходит пересечение нескольких дискурсов: судебного, поскольку в судебном шоу преобладает правовая тематика, и телевизионного, так как судебное шоу является одним из жанров телевизионных программ. В судебном шоу экстралингвистические факторы играют особую роль и напрямую влияют на речь действующих лиц, принимающих участие в данных телевизионных программах.

Ключевым понятием в когнитивной лингвистике является концепция категоризации, согласно которой люди воспринимают окружающий мир через систему понятий и категорий. Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1990: 24] утверждает, что дискурс не может существовать вне социокультурного

и прагматического контекста, а его структура определяется совокупностью когнитивных установок участников коммуникации. В судебном шоу категоризация информации осуществляется с помощью применения определённых рамок для интерпретации происходящего – так называемых «фреймов», которые могут включать категории «справедливость», «вина», «право» и «моральный долг», позволяющие зрителю интуитивно ориентироваться в сложной дискурсивной среде.

Судебное шоу характеризуется не только вербальной, но и ярко выраженной невербальной коммуникацией. Полиmodalность данного дискурса обусловлена синтезом различных каналов информации: речевых сообщений, визуальных образов, кинесических сигналов и интонационных особенностей. Согласно исследованиям Kress и Van Leeuwen [Kress, Van Leeuwen 1996: 30–32], визуальные компоненты дискурса играют важную роль в передаче смысловых акцентов, что особенно заметно в телевизионных форматах, где зритель воспринимает информацию через множество сенсорных каналов одновременно.

Например, в судебном шоу изменение интонации ведущего, использование выразительной мимики и жестов способствуют усилению эмоциональной окраски правовых аргументов, что в совокупности с речевыми средствами создаёт целостное представление о конфликте. Таким образом, когнитивные механизмы полиmodalной коммуникации обеспечивают многоуровневое восприятие дискурса судебного шоу и позволяют интегрировать различные виды информации в единую смысловую конструкцию.

Перспективизация является одним из центральных когнитивных механизмов в организации дискурса, под которым подразумевается «когнитивный процесс, конструирования объекта в дискурсе под определенным углом зрения» [Петрова 2017: 290]. Этот процесс предполагает индивидуальный способ интерпретации событий, что позволяет участникам коммуникации выстраивать собственную картину мира на основе уже имеющихся у них фоновых знаний. В судебном шоу перспективизация используется для создания благоприятного нарратива: судья, адвокаты и участники дела формируют своё видение ситуации, акцентируя внимание на тех аспектах, которые выгодны их позиции.

В качестве примера рассмотрим формат судебного шоу «Час суда», где наблюдаются ярко выраженные когнитивные стратегии влияния на аудиторию.

В рамках шоу наблюдается активное использование механизма перспективизации. Судья, адвокаты и участники конфликта сознательно выбирают ту или иную точку отсчёта, через призму которой интерпретируют события. Такая смена перспектив способствует формированию у зрителя ощущения динамики и глубины происходящего, позволяя каждому участнику дискурса

представлять ситуацию в выгодном для себя свете. Более того, участники шоу посредством субъективации (выражения личного отношения к фактам) и объективации (представления фактов как нейтральных данных) создают двойственный дискурс, где объективные факты и эмоциональные оценки сплетаются в единое целое.

Помимо этого, в судебном шоу ведущие и участники активно используют метафорические конструкции для обозначения категорий «виновности», «справедливости» и «моральной ответственности». Изменение интонации, использование риторических вопросов и акцентирование ключевых деталей дела способствуют тому, что зритель начинает воспринимать аргументы одной стороны как более убедительные. Такой когнитивный приём помогает направлять внимание аудитории на определённые аспекты конфликта, исключая или нивелируя менее значимые детали.

Особенностью судебных шоу является интеграция вербальных и невербальных средств коммуникации. Наряду с речевыми средствами активно используются визуальные и кинесические сигналы – мимика, жесты, интонационные изменения. Согласно теории полимодальной коммуникации, именно такое сочетание каналов обеспечивает многослойное восприятие информации [Kress, Van Leeuwen 1996: 30–32]. Анализ ряда выпусков судебных шоу демонстрирует, что невербальные сигналы часто усиливают смысловую нагрузку высказываний, что особенно заметно при демонстрации эмоционально насыщенных моментов судебных разбирательств. Таким образом, когнитивные механизмы способствуют созданию целостного дискурсивного поля, где каждый элемент – от слова до жеста – играет свою роль в формировании общего нарратива.

Проведенный анализ дискурса судебного шоу позволяет сделать вывод о том, что судебное шоу как медиапродукт является сложной системой, в которой когнитивные механизмы категоризации, фреймирования и перспективизации играют ключевую роль. Интеграция вербальных и невербальных средств (полимодальная коммуникация) обеспечивает многомерное восприятие и способствует более глубокому структурированию информации зрителем. Более того, применение когнитивных стратегий позволяет участникам шоу манипулировать общественным восприятием правосудия, создавая нарративы, направленные на формирование симпатий или антипатий у аудитории.

Данные результаты указывают на необходимость дальнейших исследований в области когнитивного анализа телевизионного и судебного дискурсов. Такой междисциплинарный подход позволит не только глубже понять механизмы формирования дискурса в судебных шоу, но и оценить их влияние на общественное сознание в целом.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклоп., 1990. С. 136–137.
- Петрова Н.Ю. Социокогнитивные аспекты перспективизации и драматический дискурс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 6 (777). С. 289–297.
- Романов В.А. Правовой дискурс: когнитивный анализ. СПб.: Издательство «Питер», 2012.
- Kress G., Van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London: Routledge, 1996.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

*A. V. Piskareva (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

COGNITIVE MECHANISMS OF DISCOURSE CATEGORIZATION IN COURT SHOWS

This article examines the cognitive mechanisms that determine the organization and perception of court show discourse. It integrates elements of legal rhetoric, emotional argumentation, and manipulative strategies, necessitating a comprehensive analytical approach. Special attention is given to cognitive processes such as perspectivization, categorization, and framing.

Key words: cognitive mechanisms, court show, discourse, perspectivization, categorization, framing.

*Е. В. Плисов (Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный педагогический
университет им. К. Минина
e_plissov@mail.ru*

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ВОЛОНТЕРСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются ключевые элементы, формирующие волонтерский дискурс. Автор анализирует общественные и культурные факторы, влияющие на функционирование волонтерского дискурса, а также его социальное взаимодействие с другими дискурсами, отмечает способы формирования позитивного образа волонтерства и его восприятия в различных социальных группах через трансляцию

основных ценностей волонтерского дискурса. В результате устанавливаются обязательные компоненты, позволяющие построить модель волонтерского дискурса с учетом социокультурной специфики.

Ключевые слова: дискурс, волонтерский дискурс, компоненты дискурса, ценности дискурса.

В современной лингвистике существует большое количество исследований, посвященных волонтерскому дискурсу. Будучи институциональным видом дискурса волонтерский дискурс возникает в волонтерских организациях, т. е. в условиях общения волонтеров и укрепляется в общественных уставах, порядках, нормах и правилах, имеющих вербальное выражение [Бабаева, Шмелева 2022; Вашунина, Зимина 2021; Плисов 2024]. Целью данной работы является установление обязательных компонентов волонтерского дискурса, позволяющее построить модель этого вида дискурса с учетом социокультурной специфики.

Цель волонтерского дискурса состоит в осознанном активном участии говорящих в общественно-значимом действии, направленном на социализацию людей, остающихся на периферии общественной жизни ввиду их ограниченных возможностей. Основными ценностями волонтерского дискурса являются гуманизм, милосердие, толерантность, трудолюбие, энтузиазм, мобильность, которые выражаются в совместных усилиях на благо общества [Филиппова 2014: 11]. К ценностям волонтерского дискурса можно также отнести и общие ценности волонтерской деятельности, такие как бескорыстное служение, серьезное отношение к выполняемой работе, непосредственно проявляющиеся в текстах и языке, подчеркивается вера в важность выполняемой работы и пользу для человечества в целом [Дементьев 2021: 309]. Кроме того, к ценностным показателям относятся справедливость, жертвование и развитие личности.

Хронотоп волонтерского дискурса – это время, затраченное на волонтерскую деятельность, и место, где происходит соответствующий процесс. Временная сторона в различных исследованиях указана по-разному, в зависимости от организации, страны или других факторов. В некоторых организациях временной аспект точно прописывается. К примеру, некоторые волонтерские программы в Германии делятся на краткосрочные (от 2-х недель до 1 месяца) и долгосрочные (от месяца до трех). Продолжительность рабочего дня составляет от трех до пяти часов. Т. А. Филиппова отмечает, что топос волонтерского дискурса представлен специальными знаками – локативами и топонимами. Знаки-локативы могут рассматривать детально, а могут суммировать волонтерскую деятельность. Знаки-топонимы конкретизируют

ся: в хоронимах – географических названиях стран, в эргонимах – названиях организаций, участвующих в волонтерской деятельности и т. п. [Филиппова 2014: 10–12]. Местом, где происходит волонтерская деятельность или дискурс, являются различные организации. Это могут быть развивающиеся страны, слабо развитые города, небольшие поселения, которые остро нуждаются в помощи, также медицинские и педагогические учреждения, церкви разных конфессий, культурные центры, музеи, библиотеки и т. п., а также пенитенциарные учреждения, в которых осуществляется помощь осужденным. Волонтерская помощь распространена в вузах, где оказывается помощь студентам с ОВЗ, гостям или иностранным студентам, волонтеры могут знакомить новичков с вузом, городом, оказывать помощь в найме жилья, заполнении документации, освоении языка обучения и т. п.

Исследуя тему волонтерского дискурса, ученые выделяют несколько наиболее значимых направлений прохождения волонтерской деятельности. Сюда относятся: образование, интеллектуальное волонтерство, патриотизм; медицина; социальное направление; культура; спорт; экология; общественная безопасность и оказание помощи в чрезвычайных ситуациях [Захарова, Белинская 2019: 57–58]. Ученые отмечают основные направления волонтерской деятельности: социальное (помощь инвалидам, пожилым людям, бездомным); культурное (сохранение культурного достояния, создание атмосферы открытости и доступности культурных пространств); военно-патриотическое (патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти); экологическое (сохранение окружающей среды, решение экологических проблем) [Зверева, Буренина 2020: 10].

По мнению В. В. Дементьева, существуют официальные / ритуализованные и неофициальные жанры (субжанры, жанроиды и т. п.) волонтерского дискурса, например, пресс-конференция волонтера или волонтерской организации о своей работе, церемониальные мероприятия (награждения волонтеров и т. п.); блог волонтера или волонтерской организации (разной степени официальности / неофициальности); интервью и другие [Дементьев 2021: 309].

Главными участниками волонтерского дискурса являются волонтеры и люди, которым оказывается помощь. По мнению Т. А. Филипповой, участников волонтерского дискурса можно разделить на две основных группы – агентов и клиентов, где в отношении первых используются лексемы, содержащие различные свойства, например, пол и возраст (*мужчина, женщина, подросток, студент* и т. д.), работа в команде или индивидуально, функциональная деятельность (*ассистент, консультант, координатор, специалист*). Клиенты представлены несколькими группами.

К первой группе относятся люди, незащищенные в телесном состоянии: *пациенты* хосписов и больниц, а также люди с врожденными или приобретенными дефектами. Вторая группа – это *дети, пожилые люди, ветераны, сироты, жертвы* войн или катастроф, то есть социально незащищенные слои населения. К последней группе относятся *некоммерческие организации*, которые не имеют достаточных средств для оплаты труда, а также представители таких организаций, например, *руководители и персонал, учащиеся* [Филиппова 2014: 14]. Чтобы стать участником волонтерской работы, например, в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран недостаточно лишь знаний иностранного языка и желания работать волонтером. Д. Конзак и О. М. Чернышова в своей работе подробно описывают какими качествами и умениями должен обладать участник волонтерской деятельности при оказании помощи осужденным. Стоит отметить, что волонтеры осуществляют свою деятельность в тесном сотрудничестве с компетентным лицом, назначенным для оказания помощи осужденному [Конзак, Чернышова 2014: 84–85]. Свои критерии есть и при выборе волонтеров в других сферах. В своем исследовании Е. П. Зуева рассматривает несколько вузов Германии. В каждом вузе предъявляются свои требования к участникам волонтерской деятельности. Так, например, в Техническом университете г. Хемниц волонтеры подбираются для каждого иностранного студента, который испытывает затруднения в чем-либо, индивидуально. Таким образом у обоих должно быть много общего, например, возраст, интересы, специализация, направления [Зуева 2021: 117].

В исследовании Т. И. Захаровой и Г. П. Белинской можно увидеть сравнительный анализ участников волонтерской деятельности стран США и России. Так, в США активными участниками являются подростки в возрасте 15–17 лет, в России же наиболее активными участниками является молодежь, но по сравнению с США доля молодежи, которая участвует в волонтерском движении, существенно выше, чем в России [Захарова, Белинская 2019: 59]. Участником волонтерского дискурса может стать любой человек, готовый помогать людям, ответственный и не боящийся трудностей и лишь в зависимости от организации или страны указываются особые требования к желающим стать волонтером, такие как знание иностранного языка, совершеннолетие, а в некоторых случаях прохождение предварительного обучения.

Таким образом, волонтерский дискурс играет важную роль в современной общественной жизни, имеет свои ценности: справедливость, жертвенность, развитие личности и другие. Его целью является намеренная вовлеченность говорящих в общественно-значимое действие, направленное

на социализацию людей, оказавшихся на периферии активной общественной жизни ввиду их ограниченных ресурсов. Важное место в дискурсе занимает хронотоп. В каждой стране и организации хронотоп выделяется по-разному. Так, например, волонтерство может быть краткосрочным или неограниченным, регулярным и нерегулярным. Главными участниками волонтерского дискурса являются волонтеры и люди, которым оказывается помощь. В зависимости от программы волонтер должен обладать определенным набором навыков и умений, например, знанием иностранного языка, желанием работать и помогать людям, устойчивостью к стрессовым ситуациям и т.д. Из этого следует, что цель, ценности, хронотоп, жанры, участники являются обязательными компонентами волонтерского дискурса как дискурса институционального типа и помогают лучше раскрыть понятие, сущность и структуру волонтерского дискурса.

Литература

Бабаева А. В., Шмелева Н. В. Репрезентации «человеческой исключительности» в культурном потоке Нового времени // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 1. С. 12.

Ваишнина И. В., Зимина М. В. Опыт экспериментальных исследований ментальных репрезентаций // Когнитивные исследования языка. 2021. № 47. С. 174–181.

Дементьев В. В. Переживательные истории о котиках в Рунете в парадигме жанров волонтерского дискурса // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 305–326.

Захарова Т. И., Белинская Г. П. Молодежная волонтерская деятельность: российский и зарубежный опыт // Молодежь Востока России: история и современность. Хабаровск: Дальневосточный институт управления, 2019. С. 57–63.

Зверева Е. А., Буренина Н. В. Англоязычные СМИ о волонтерской деятельности // ОГАРЕВ-ONLINE. 2020. № 6 (143). С. 10.

Зуева Е. П. Оптимизация процесса адаптации иностранных студентов в вузах Германии // Современные подходы к повышению качества сервиса в индустрии туризма и гостеприимства в условиях межкультурной коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2021. С. 115–118.

Конзак Д., Чернышова О. М. Волонтерская работа в пенитенциарных учреждениях Германии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 3 (27). С. 83–89.

Плисов Е. В. Социокогнитивные аспекты современного немецкоязычного волонтерского дискурса // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5(61). С. 573–577.

Филиппова Т. А. Лингвосемиотика англоязычного волонтерского дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014.

Янушкевич И. Ф., Филиппова Т. А. Хронотопические характеристики англоязычного волонтерского дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32). Ч. I. С. 220–223.

E. V. Plisov (*Nizhny Novgorod, Russia*)
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

LEADING COMPONENTS OF VOLUNTEER DISCOURSE

The article examines the key elements that form the volunteer discourse. The author analyzes the social and cultural factors that influence the functioning of the volunteer discourse, as well as its social interaction with other discourses, notes the ways of forming a positive image of volunteering and its perception in various social groups through the transmission of the main values of the volunteer discourse. As a result, mandatory components are established that allow us to build a model of volunteer discourse taking into account socio-cultural specifics.

Key words: discourse, volunteer discourse, components of discourse, values of discourse.

Н.Л. Потанина (*Тамбов, Россия*)
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина
tatulia_tmb@mail.ru

КОНЦЕПТ РОДИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И АНглиИ

В статье рассмотрена актуальная проблема взаимодействий литературного дискурса с национальной языковой картиной мира. На материале репрезентативных текстов русского и британского классиков Н. В. Гоголя и Ч. Диккенса (Ch. Dickens) обоснована специфика поэтологического оформления представлений о родной стране, характерных для русской и английской лингвокультуры.

Ключевые слова: концепт, родина, роман, поэма, художественный дискурс, языковая картина мира, Диккенс, Гоголь.

Размышляя о роли дискурса в историко-культурном развитии, Р. Барт особо выделил XIX в. – эпоху, в которую простое изложение фактов обрело статус «высшего доказательства этих фактов, утвердив повествование как главное означающее реальности» [Барт 2003: 440]. Главное следствие этого изменения Р. Барт увидел в «парадоксальном» превращении «повествовательной структуры, выработанной в мастерской вымышленных

рассказов (в процессе создания мифов и эпопей)», в «знак и одновременно доказательство реальности» [Барт 2003: 440]. Тем самым художественное слово становится, по Барту, фактором обоснования высокой значимости дискурса для национальной ментальности, а влияние литературного дискурса на формирование общественного мнения начинает восприниматься как очевидное и неоспоримое.

В свою очередь введенное М. Фуко понятие «порядок дискурса» фиксирует реакцию социума на опасность дискурсивных практик. По мысли М. Фуко, «в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности» [Фуко 1996: 49–50].

В этих условия фигура автора обретает особое значение. Его языковая личность несет в себе черты национальной языковой картины мира. Как и «каждый отдельный человек, в том числе как представитель определенного социума» [Болдырев 2022: 41], автор «конструирует мир в своем сознании сообразно своему образу жизни, среде обитания, видам деятельности и отдаваемым предпочтениям, выступая в качестве наблюдателя, концептуализатора и категоризатора. Интерпретируя поступающую информацию в соответствии с этими доминантами и ранее сложившимися представлениями, он ... структурирует и переструктурирует знания о мире, давая им оценку в широком смысле слова, превращая данную информацию в новое знание интерпретационного характера...» [Там же]. При этом каждый автор выступает как деятельный участник процесса «овнешнения» (М. М. Бахтин) историко-культурных интенций и выразитель дискурсивных смыслов своей эпохи, сообщая им поэтический (а, следовательно, и интерпретирующий) характер за счет выбора определенных когнитивных и языковых механизмов – то есть адекватных способов «конфигурирования знаний и их представления на концептуальном и языковом уровне» [Болдырев 2022: 41].

Представления о родине относятся к числу доминант человеческого сознания. Вместе с представлениями о рождении и семье, материнстве и отцовстве, жизни и смерти они определяют основные черты многих национальных концептосфер. Понимание РОДИНЫ (лат. PATRIA) как земли отцов характерно и для русской (ОТЧИЗНА), и для английской (FATHERLAND), и для французской (TERRE DE NOS PERES), и для немецкой (VATERLAND) концептосфер. При этом в языковых картинах мира, связанных с христиан-

ством, смыслы семейного родства коррелируют с духовно-религиозными смыслами, определяемыми идеей ОТЦА как первого лица христианской Троицы [Рапопорт 1997: 53–54]. Память о родной земле становится основой культурной памяти, понимаемой как форма передачи и актуализации национальных культурных смыслов и являющейся условием формирования человеческой личности. Это сообщает ей чувство неразрывной связи со своим сообществом, убежденность в его уникальности и нравственном достоинстве [Assman 1992: 56]. Тем самым концепт РОДИНА должен быть отнесен к числу фундаментальных концептов национальной языковой картины мира. Вместе с тем его интерпретации в разных художественных традициях могут быть различными.

Наряду с уже указанными смыслами, для русской национальной концептосферы характерны смыслы ЕДИНСТВА, ОБЩНОСТИ, СОЮЗА, СОБОРНОСТИ. Эти смыслы сосуществуют в противоречивом единстве с идеями ОДИНОЧЕСТВА, ПРОСТОРА, РАВНИНЫ, ДАЛИ [Ключевский 1956: 66; Бердяев 1990: 28; Нива 1999: 12]. Обширное семантическое пространство, возникающее между этими полюсами, отражает интерпретационный потенциал концепта РОССИЯ/РОДИНА.

Сопоставление художественных интерпретаций концепта РОДИНА в поэме Гоголя (1809–1852) «Мертвые души» (1842) и романе Диккенса (1812–1870) «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» (“Life and Adventures of Martin Chuzzlewit”, 1843–1844) дает возможность обозначить когнитивные механизмы, лежащие в основе их образности, и выделить значимые черты национальной языковой картины мира, представленные в художественном дискурсе. Такое сопоставление прозы русского и английского классиков вполне обосновано. Во-первых, Гоголь и Диккенс – не только современники, но и почти ровесники, то есть принадлежат к одной и той же эпохе общеевропейского культурного развития, а рассматриваемые здесь тексты опубликованы ими с разницей в один-два года. Во-вторых, в основе прозы обоих авторов лежит один и тот же реалистический метод, а присущая им обоим склонность включать в жанровую парадигму романа элементы, восходящие к иным художественным системам (например, романтизму), только подтверждает сказанное до этого. В-третьих, творчество обоих писателей представляет собой классику, то есть своего рода канон для русской и британской национальных литератур. Наконец, в – четвертых, возможность сопоставления Гоголя и Диккенса обоснована поэтологической близостью их прозы, многократно отмеченной отечественными и зарубежными исследователями разных поколений. Эта близость обусловлена как исповедуемыми обоими

писателями ценностями «гражданства» и патриотизма, так и общей для их мировоззрения склонностью к мистицизму. Идиостиль обоих авторов характеризуется сочетанием бытописательства и фантастики, юмора и сатиры, лиризма и резонерства; символическими обобщениями и детализацией. Есть основания предполагать, что художественная репрезентация концепта РОДИНА в текстах Гоголя и Диккенса осуществляется за счет использования комплекса поэтологических средств на основе действия механизма когнитивной семантики.

Нарративная структура «Мертвых душ» и «Мартина Чезлвита» включает в себя лейтмотив дороги (road). Механизмом создания этого мотива стала концептуальная метафоризация. В обоих текстах концептуальная метафора дороги (*road*) репрезентирует как жизненный путь центрального персонажа, так и исторический путь его родной земли, тем самым способствуя художественной репрезентации концепта РОДИНА. Для Диккенса и Гоголя этот мотив имеет принципиальное значение. В романе Диккенса Томас Пинч пускается в неблизкую дорогу из провинциального Солсбери в столичный Лондон, волнуемый новыми планами и предполагаемыми опасностями. Дилижанс, в котором он едет, запряжен четверкой серых (“four greys”) [Dickens: электронный ресурс]. Герой Гоголя Чичиков движется по российским дорогам, обуреваемый рискованными коммерческими прожектами. Он едет в бричке, которую везет «птица-тройка» [Гоголь 1984: 248]. Эти эпизоды в текстах русского и английского классиков редко сопоставляются, несмотря на их очевидную, хотя и неполную, близость [Потанина 2019: 107–135]. Однако, на наш взгляд, такое сопоставление открывает новые возможности для продуктивных заключений относительно специфики национальной ментальности и их художественного осмысления в литературе. Как уже отмечено, мотив дороги в текстах Гоголя и Диккенса соотнесен с образом родной страны. Причем у Гоголя это соотнесение эксплицитно («*Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься?*») [Гоголь 1984: 248]. В создании этого образа задействована когнитивная схема сравнения: за счет сопоставления двух разных концептов (*птица*, *тройка*) создается образ свободы и движения. При этом уподобление упряжки из трех коней свободно летящей птице эксплицитировано. У Диккенса в этом месте используется концептуальная метафора: (*four greys*). Образ родной страны здесь дан имплицитно: он прочитывается благодаря любовно выписанным и столь же любовно созерцаемым картинам родной природы. При этом оба автора акцентируют стремительность движения: *Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстают и остается позади* [Гоголь: там же]; “*Yoho, by churches*

dropped down by themselves in quiet nooks, with rustic burial-grounds them, where the graves are green, and 4) daisies sleep – for it is evening – on the bosoms of dead» [Dickens: электронный ресурс].

В движении гоголевской *птицы-тройки* ощущается мистическая тайна: *...не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение?* [Гоголь: там же]. Движение *четверки серых* более буднично, хотя и совершается упорно и неуклонно. И самым этим четверем лошадам автор не уделяет столько внимания, сколько уделяет Гоголь своим *неведомым свету коням*: *...и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах?* [Гоголь 1984: 248]. *Четверка серых* направляется в Лондон, то есть от периферии родного мира к его центру. Ее путь – маршрут дилижанса – заранее проложен, выверен и известен. Цель движения гоголевской *птицы-тройки* неведома ни автору, ни его герою: *Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа* [Гоголь 1984: 249]. *Птица-тройка* летит так, что «...не успевает означиться пропадающий предмет» [Гоголь 1984: там же]. Это составляет разительный контраст с неспешной поступью *четверки серых*. Однако именно неспешность этого движения позволяет автору нарисовать картину родной Англии как хранительницы традиций и основу стабильности. Используя прием детализации, он скрупулезно и любовно описывает старые церкви и их шпили, сельские кладбища и речки со стоящими в прозрачной воде стадами, людей, идущих с работы, телеги, перебирающиеся через овраги, цветущие молодые побеги и старые вековые деревья, горделиво смотрящиеся в озера.

Это не значит, что у Гоголя нет подобной детализации. Напротив, она является неременной и даже особо притягательной краской его идиостиля, на что в свое время точно указал А. П. Чудаков, связав детализированный характер гоголевского мира с присущей русской ментальности *идеей всеохватности*. В соответствии с ней, справедливо полагает А. П. Чудаков, Гоголь, начав с наиболее близкого к персонажу объекта, мысленно переходит к другим, более удаленным в пространстве и/или во времени, и в конце концов перед его мысленным взором возникает весь мир [Чудаков 1992: 41–42]. Развивая приведенную характеристику, можно сказать, что при этом Гоголю важно знать, какое именно место в огромном мире занимает его родина. Что значит: *Россия–в–Мире?*

Анализ диккенсовского текста позволяет заключить, что подобный вопрос отнюдь не занимает британского автора. В предельно детализированной и поэтической картине родного мира, возникающей в описании пути Томаса

Пинча, кругозоры провинциального героя, ранее не выезжавшего за пределы своего графства, и автора, объехавшего к этому времени Европу и Америку, странным образом совмещены. Причина такого совмещения состоит в том, что для британской ментальности РОДИНА – это и *дом* – что в английской языковой картине мира равнозначно *крепости* – и даже *целый мир*. (*My Home is my Castle* – это выражение восходит к работе «Установления английского права» (опубл. до 1644) английского юриста Эдварда Кока (1552–1634) [Серов 2003: электронный ресурс]).

Картина родного мира, созданная Диккенсом, не столько обширна, сколько предельно подробна. В описании этого мира есть и сравнения, как у Гоголя, но чаще Диккенс использует многосоставные эпитеты: *Yoho, past hedges, gates, and trees; past cottages and barns, and people going home from work. Yoho, past donkey-chaises, 1) drawn aside into the ditch, and empty carts 2) with rampant horses, 3) whipped up at a bound upon the little watercourse, and 4) held by struggling carters close to the five-barred gate, 5) until the coach had passed the narrow turning in the road. ... Yoho, past hedges, gates, by churches 1) dropped down by themselves in quiet nooks, 2) with rustic burial-grounds them, 3) where the graves are green, and 4) daisies sleep – for it is evening – on the bosoms of dead....* Все эти эпитеты тяготеют к единому смысловому центру, добавляя смысловые нюансы к образу РОДИНЫ, понимаемой одновременно и как весь МИР, и как ДОМ – средоточие нравственных ценностей. Стоит ли говорить, что для англичанина состязание с понятием так миром лишено смысла?

В художественную репрезентацию РОДИНЫ Диккенс включает картину ночной природы, исполненную покоя и гордого величия: *Hedges, trees, low cottages, church steeples, blighted stumps and flourishing young slips, have all grown upon the sudden, and mean to contemplate their own fair images till morning* [Dickens 1951: 565]. Мысль о национальном достоинстве сопрягается здесь с идеей неизменности существующего порядка вещей: *... as real gauze has done now, and would again* [Dickens 1951: 565]. В отличие от Гоголя, здесь мысль о национальном достоинстве не связана с идеей состязания. Точнее, эта идея возникает, но интерпретируется как совершенно фантастическая, и при этом все равно не лишенная самолюбования: *...emerging now upon our broad clear course; withdrawing now, but always dashing on, our journey is a counterpart of hers. Yoho! A match against the Moon!* [Там же]. Тем самым, если судить по приведенному пассажи, никто в подлунном мире не достоин того, чтобы соревноваться с Англией и англичанами.

Потому, если для Гоголя представляется важным отметить, что за стремительным бегом-полетом *птицы-тройки* ревниво (*косясь*) наблюдают

другие народы и государства» [Гоголь 1984: 249], то англичанина идея состязания всерьез не занимает. Глазами своего путешествующего героя автор сосредоточенно всматривается в глубины родного мира. Это пристальное и горделивое внимание основано не только на уже отмеченном выше английском понимании дома как крепости, но и на островной психологии (“Great Expectations”, 1860–1861, “Our Mutual Friend”, 1863–1864). О ней Диккенс десятилетием позже весьма критически отзовется в своем памфлете «Островизмы» (“Insularities”, 1856): *It is more or less the habit of every country – more or less commendable in every case – to exalt itself and its institutions above every other country, and be vain-glorious. ... We English people, owing in a great degree to our insular position, ... have been in particular danger of contracting habits which we will call ... Insularities.* [Dickens: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/74938/pg74938-images.html>]

Таким образом, на основе анализа текстов поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» и романа Диккенса «Мартин Чезлвит» можно заключить, что константы национальной ментальности, отраженные в языковой картине мира, оказывают существенное влияние на классический художественный дискурс.

Поэтологическая репрезентация концепта РОДИНА в поэме Гоголя «Мертвые души» и романе Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» основана на использовании образных схем, которые выступают в роли когнитивных механизмов формирования смыслов. Такими схемами являются: сравнение (*птица – тройка, Home – Castle*), метонимическая номинация (кладбище – место ... *where the graves are green*), детализация, концептуальная метафора (дорога / *road* / *история родины; птица-тройка/ Россия; четверка серых/the four greys / Англия; hedges, trees, low cottages, church steeples / патриархальная Англия; Home/Великобритания; Moon/ Вселенная; состязание / match / международные отношения*) и другие.

Оригинальные художественные интерпретации концепта РОДИНА в рассмотренных текстах классической литературы базируются на применении способа интерпретационной семантики, обеспечивающего создание художественного образа с учетом эстетических позиций русского и английского писателей, а также особенностей языковой картины мира, присущих национальным культурам России и Англии.

Литература

Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с франц., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2003. С. 427–441.

- Бердяев Н. Судьба России. М.: Наука, 1990.
- Болдырев Н. Н. Теоретические и методологические основы изучения вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 1(48). С. 19–79.
- Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. В. Р. Щербины. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1.
- Диккенс Ч. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1982–1984. Т. 1, 4.
- Диккенс Ч. Собрание сочинений: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1957–1963. Т. 28.
- Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения: в 8 т. М.: Наука, 1956. Т. 1.
- Нива Ж. Возвращение в Европу. М.: Наука, 1999.
- Потанина Н. Л. Замятин и Диккенс // Творческое наследие Е. И. Замятина в новых научных концепциях и гипотезах. Тамбов: Принт-Сервис, 2019. С. 107–135.
- Рапопорт А. Единство в разнообразии: наследие европейской культуры // Системные исследования. Методологические проблемы. М.: Наука, 1997. Вып. 25. С. 53–105.
- Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003. URL: <https://rus-wingwords-dict.slovaronline.com/>
- Фуко М. Порядок дискурса // Его же. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет: пер с франц. М.: Касталь, 1996. С. 49–96.
- Чудаков А. П. Слово-вещь-мир. От Пушкина до Толстого. М.: Наука, 1992.
- Assman J. Das Kulturelle Gedachtnis. Miinchen; C. H. Beck, 1992.
- Dickens Ch. Insularities // Household Words. A Weekly Journal conducted by Charles Dickens. 1856. № 304. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/74938/pg74938-images.html>.
- Dickens Ch. Life and Adventures of Martin Chuzzlewit. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/74938/pg74938-images.html> eBook of Martin Chuzzlewit by Charles Dickens.

N. L. Potanina (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University

THE CONCEPT OF HOMELAND IN THE ARTISTIC DISCOURSE OF RUSSIA AND ENGLAND

The article examines the actual problem of literary discourse interactions with the national linguistic worldview. Russian and British writers N. V. Gogol and C. H. Dickens are used to substantiate the specifics of the poetological formation of ideas about their native country, characteristic of Russian and English linguistic cultures.

Key words: concept, homeland, novel, poem, artistic discourse, linguistic worldview, Dickens, Gogol.

И. В. Рогозина (Барнаул, Россия)
*Алтайский государственный технический
университет им. И. И. Ползунова
irogozi@mail.ru*

ДЕРОГАТИВНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена изучению гендерно-маркированного дискурса Д. Трампа в лингво-когнитивном аспекте. Ее цель – реконструкция модели векторного поля коммуникативного поведения Д. Трампа в отношении женщин. Реконструированная модель обнаруживает асимметрию двухчастной структуры поля, идентифицирует в каждой из частей векторы комплиментарных и дерогативных речевых действий политика.

Ключевые слова: лингвокогнитивное моделирование, векторное поле коммуникативного поведения, дерогативное коммуникативное поведение, гендерно маркированные фрагменты дискурса.

Последние десятилетия характеризуются масштабными изменениями, связанными с развитием Интернета, оказывающего влияние практически на все сферы жизни современного мира. Происходящие изменения, в частности, находят выражение в трансформации формата общения в медиaprостранстве, что проявляет себя в том числе, в изменении ценностно-этических реалий, включая модификацию этикетных норм, снижение стандартов речевой культуры, а также «увеличение числа конфликтогенных и агрессивных ситуаций» [Гончарова 2022: 229]. Подобная трансформация выступает как следствие изменения коммуникативного поведения языковых личностей, социальный статус которых варьируется от рядовых блогеров до лиц, облеченных высокими властными полномочиями. Являясь общемировой тенденцией, снижение стандартов речевой культуры наблюдается и в дискурсивных англоязычных практиках. Поэтому изучение особенностей коммуникативного поведения высокостатусных языковых личностей англоязычных стран через призму полярных речевых проявлений, безусловно, обладает свойством актуальности.

На наш взгляд, в этом плане наиболее репрезентативной языковой личностью является президент США Д. Трамп, который известен своим достаточно агрессивным коммуникативным поведением и в реальном, и в виртуальном пространстве. Обсуждение его речевых действий, в частности, в отношении женщин, имеющих высокое положение в социальной

структуре американского общества, занимает существенную часть медиа-пространства США [Walsh 2018; Shear 2018; Lange 2023]. Соответственно, целью настоящей работы является реконструкция модели векторного поля коммуникативного поведения Д. Трампа в отношении женщин на основе лингвокогнитивного анализа гендерно-маркированных фрагментов дискурса американского президента.

В связи с вышесказанным возникает необходимость, отталкиваясь от предложенного в свое время И. А. Стерниным понятия коммуникативного поведения [Стернин 2003: 11], уточнить его для достижения поставленной в настоящей работе цели. Актуализация процессуально-деятельностного и когнитивного подходов предоставляет возможность рассматривать коммуникативное поведение как результат когнитивной деятельности, репрезентируемой последовательностью речевых действий языковой личности, совершаемых ею в относительно продолжительный период времени. Произведенное уточнение позволяет ввести понятие дерогативного коммуникативного поведения, под которым в работе понимается совокупность и/или последовательность осознаваемых и/или обдуманных речевых действий, сопряженных с нарушением ценностно-этических норм общения в отношении народа, социальной группы или отдельных личностей.

Прежде чем перейти к решению задач по достижению поставленной цели, необходимо кратко описать языковой материал исследования, включающий 57 гендерно-маркированных фрагментов дискурса Д. Трампа, отобранных с опорой на два принципа – принцип вербализации отношения к женщинам и принцип включения этих фрагментов другими масс-медиа в свой дискурс. Посредством контент-анализа было выявлено, что 20% фрагментов являются комплиментарными и адресованы Д. Трампом главным образом, своим родственникам или друзьям, в то время как 80% содержат признаки дерогативных речевых действий, направленных против других лиц женского пола в ответ на критические высказывания в его адрес.

Следует особо подчеркнуть, что коммуникативное поведение Д. Трампа наглядно демонстрирует аксиологизм познавательной деятельности в сфере политики, т.е. аксиологизм, который воплощается в оценочных суждениях, основанных на специфической когнитивной деятельности, весьма своеобразно и тесно переплетающейся с прагматической. По этой причине целесообразно исследовать его коммуникативное поведение в русле когнитивного подхода через призму ментальных операций, которые составляют процедуру оценивания, заключающуюся в выборе объ-

екта оценки, выборе признака оценки, а также в приписывании значения признака объекту оценки [Баранов 2007: 75]. Для реконструкции модели векторного поля коммуникативного поведения Д. Трампа считаем также необходимым развести два важных для нашего исследования понятия – *объект коммуникативного поведения* и *объект оценки*. Объектом коммуникативного поведения в нашем случае является либо гендерная группа в целом (женщины), либо ее отдельные представительницы, а в качестве объекта оценки выступает какая-либо часть, черта, особенность объекта коммуникативного поведения.

Лингвокогнитивный анализ фрагментов гендерно маркированного дискурса Д. Трампа позволяет реконструировать векторное поле коммуникативного поведения американского президента в отношении женщин (рис. 1). Пространство поля, прежде всего, делится на две неравные по своим качествам части – положительную (комплиментарную) и отрицательную (дерогативную). Вместе с тем выделенные части отличаются и количественными параметрами: комплиментарная формируется единственным вектором, нацеленным исключительно на оценку внешних данных, в то время как дерогативная представлена тремя актуальными для американского президента векторами, направленными на три объекта оценки в следующем процентном соотношении – *внешность* (65%), *личностные характеристики* (24%) и *интеллект* (11%). В свою очередь, вектор дерогативного коммуникативного поведения, направляющий речевые действия на внешние данные женщин, «распадается» на три проекции – *внешность в целом* (23%), *лицо* (27%), *фигура* (15%).

М. Шиер считает, что Д. Трамп чаще всего критикует внешность женщин, потому что «это является способом принизить их способности, интеллект или эффективность – иногда все вместе» [Shear 2018] [Здесь перевод мой – И. В. Рогозина]. Проследим, как последовательность ментальных операций, сопровождающих процедуру оценки Д. Трампом внешности, лич-

Рис. 1. Векторное поле коммуникативного поведения Д. Трампа в отношении женщин

ности и интеллекта женщин, реализуется на языковом уровне. В свое время одним из объектов дерогативного коммуникативного поведения Д. Трампа, стала Ариана Хаффингтон, которая как редактор и со-основатель издания *HuffPost* публиковала о нем критические материалы, что вызвало ответные речевые действия. Для одного из них Д. Трамп выбрал в качестве объекта оценки внешние данные А. Хаффингтон в целом, вербализовал приписываемый признак при помощи атрибутива *unattractive*, а высокое значение признака выразил посредством лексемы *extremely*, что в конечном итоге обрело форму выражено дерогативного оценочного суждения – “the extremely unattractive Arianna Huffington” [Walsh 2018].

Как было показано выше, значительное количество гендерно маркированных фрагментов дискурса Д. Трампа имеют в качестве объекта оценки женские лица. Характерным примером являются речевые действия Д. Трампа в отношении Роузи О’Доннелл, комедийной актрисы, телепродюсера, а также в свое время соведущей ток-шоу *The View*, где она в критическом ключе высказывалась о Д. Трампе. Аксиологическое знание эксплицируется в приводимом ниже фрагменте атрибутивами *fat* и *ugly*, имеющими выраженную отрицательно-оценочную семантику:

If I were running The View, I’d fire Rosie O’Donnell. I mean, I’d look at her right in that fat, ugly face of hers, I’d say, ‘Rosie, you’re fired [Shear 2018].

В политике эмоциональную сферу субъекта оценки более всего приводит в движение состояние борьбы и конкуренции, что и заставляет Д. Трампа «переходить на личности» в своем коммуникативном поведении. Поскольку Хилари Клинтон была основным конкурентом Д. Трампа на президентских выборах 2016 г., не удивительно, что ее личностным чертам была дана крайне негативная оценка, эксплицированная лексемой *nasty* в сочетании с указанием на значение признака (*very*), в сопровождении целой серии негативно оценочных прилагательных, возведенных в превосходную степень: *Very, very nasty ... the meanest, the most horrible, most disrespectful of anybody in the U. S. Senate* [Lange 2023].

Аналогичный алгоритм ментальных операций наблюдаем и в оценочных суждениях Д. Трампа относительно женского интеллекта. После того, как Максин Уотерс, член Палаты представителей Конгресса США от Демократической партии, во время первого президентства Д. Трампа выступила с призывом объявить ему импичмент, Д. Трамп предпринял ряд речевых действий с целью показать абсурдность этого предложения. Выбрав в качестве объекта оценки интеллект М. Уотерс, он приписал ему низкий коэффициент (*low IQ*) и возвел значение признака в самую низкую степень при помощи лексемы *extraordinarily*. В результате член Конгресса

США М. Уотерс была охарактеризована как *an extraordinarily low IQ person* [Lange 2023].

Таким образом, осуществление лингвокогнитивной реконструкции векторного поля коммуникативного поведения Д. Трампа позволило выявить асимметрию его двухчастной структуры, идентифицировать в каждой из частей векторы комплиментарных и дерогативных речевых действий и на базе их анализа сделать вывод о том, что гендерно-маркированный дискурс американского президента является в значительной степени принадлежностью конфликтной коммуникации.

Литература

- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Гончарова Л. М. К вопросу о трансформации культурно-языковых норм в современном социуме // Общая и русская лингвоаксиология: коллективная монография. М. – Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. С. 228–252.
- Стернин И. А. К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Карасик, Н. А. Красавский. Волгоград: Перемена, 2003. С. 5–15.
- Lange J. 61 things Donald Trump has said about women 2023. URL: <https://theweek.com/donald-trump/655770/61-things-donald-trump-has-said-about-women>
- Shear M. D., Sullivan E. “Horseface,” “Lowlife,” “Fat,” “Ugly”: How the President Demeans Women 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/16/us/politics/trump-women-insults.html>
- Walsh J. 11 insults Trump has hurled at women. URL: <https://www.businessinsider.com/trumps-worst-insults-toward-women-2018-10>

I. V. Rogozina (Barnaul, Russia)

I. I. Polzunov Altai State Technical University

DEROGATORY COMMUNICATIVE BEHAVIOR AS A RESULT OF SPECIFIC COGNITIVE ACTIVITY

The research paper is devoted to the study of D. Trump’s gender-marked discourse in the linguo-cognitive aspect. Its purpose is to reconstruct the vector field model of D. Trump’s communicative behavior towards women. The reconstructed model reveals the asymmetry of the two-part structure of the field and identifies the vectors of complimentary and derogative speech actions of the politician in each part.

Key words: linguo-cognitive modeling, vector field of communicative behavior, derogatory communicative behavior, gender marked fragments of discourse.

Т. И. Семенова, Т. В. Тюрнева (Иркутск, Россия)

Иркутский государственный университет

tisemenova54@mail.ru, tyurneva_tv@bk.ru

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ МЕДИАДИСКУРСА

Актуальность исследования обусловлена важностью изучения дискурса как «новой реальности языка» во взаимосвязи когнитивных и коммуникативных свойств дискурсивной деятельности. Целью статьи является обоснование эпистемического статуса медиадискурса, выявление и описание эпистемических параметров смыслопорождения в различных типах и жанрах медиатекстов.

Ключевые слова: эпистемика дискурса, медиадискурс, медиа текст, эпистемический статус, эпистемический параметр, эпистемическая параметризация.

Неразрывное единство дискурса и знания обусловлено, с одной стороны, тем, что большая часть человеческого знания имеет дискурсивную природу, а с другой – тем, что производство и понимание дискурса невозможно без активации контекста знаний о мире. Понимание дискурсивной деятельности как процесса социально обусловленного взаимодействия выводит в исследовательский фокус феномен дискурса как «явление когнитивное, т. е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [Кубрякова 2012: 122]. О важности изучения продуцируемого в дискурсивной деятельности знания свидетельствует предложенный Т. А. ван Дейком вектор на исследование эпистемики дискурса (*discourse epistemics*), направленный на выявление и систематизацию типов знания, порождаемых в дискурсе, на социальные условия порождения знания, на стратегии управления знанием адресата в дискурсивной деятельности [Dijk 2014: 17]. Обращение к исследованию эпистемических параметров дискурса и их языкового воплощения открывает перспективу выявить условия порождения знания в различных типах и жанрах дискурса, описать стратегии адаптации порождаемых в дискурсе знаний к предполагаемым знаниям адресата, установить когнитивные и языковые механизмы, обеспечивающие дискурсивное представление знаний.

Исследование коммуникативных и эпистемических параметров, релевантных для отдельных типов дискурса, получают научное освещение, так, например, разрабатываются коммуникативно-эпистемические параметры политического, религиозного, лирического дискурсов [Задворная 2001], рассматривается эпистемика научного дискурса [Чалова 2024], обосновывается

эпистемический статус высказывания [Шакирова 2006], разрабатываются проблемы спецификации массмедийных дискурсов в системе их эпистемических параметров [Кожемякин 2012, 2017].

Е. А. Кожемякин ставит вопрос об эпистемическом статусе средств массовой информации, рассматривая последние в качестве эпистемического объекта, т.е. объекта, меняющегося вследствие приращения знания о нём [Кожемякин 2017: 28]. Медиа, как утверждает автор, не обладают самостоятельным онтологическим статусом, поскольку сами знания порождаются эпистемическими субъектами (журналистами, медиапрофессионалами, участниками медиасообщества), конструирующими социальную медиареальность. Дискурсивное конструирование социально-культурной и политической реальности в медиатекстах отражает «не реальный мир, а мир, подвергшийся трансформации, искажению и оценке» (“not a real world, but a world skewed and judged”) [Fowler 1991: 11]. В настоящее время, по мнению Е. А. Кожемякина, открытыми остаются вопросы как об особенностях «самого знания, зафиксированного в медиатекстах» [Кожемякин 2012: 136], так об эпистемологической специфике медиатекстов [Кожемякин 2017].

Медиадискурс как совокупность «речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2020: 110] реализуется в виде медиатекстов как дискретных единиц в единстве знаковых единиц вербального и медийного уровней. В содержании медиаконтента выделяют новости, информационную аналитику и комментарий, авторские тематические материалы (*features*), рекламу [Там же]. Эпистемологический подход к медиадискурсу видится в изучении особенностей эпистемической организации медиадискурса с учётом его форматно-жанровой типологизации и функционально-стилевой дифференциации медиатекстов. Исследование медиадискурса в ракурсе его эпистемической организации требует выявления и систематизации критериев, измерительных категорий, параметров, обуславливающих эпистемический статус медиадискурса. Опираясь на понимание лингвистической параметризации как способности языкового объекта быть измеренным на основе значимых параметров, считаем возможным обосновать эпистемическую параметризацию медиадискурса, под которой понимаем выделение эпистемических параметров и систематизацию их вербальной и невербальной (медийной) репрезентации. В эпистемическом содержании медиатекстов представляется возможным выделить следующие значимые параметры: 1) эпистемическая доминанта медиатекста; 2) эпистемический статус медиатекста; 3) истинностная оценка; 6) прагматические условия экспликации эпистемических модусов. Коротко осветим сущностные аспекты выделенных выше параметров.

Эпистемическое пространство медиатекстов формируют ментальные категории знание и мнение, актуализацией которых выступают модусы *знания, незнания, полагания (мнения), сомнения и допущения, истинностной оценки*. Эпистемическая доминанта медиатекста предопределена его функционально-жанровой дифференциацией. Так, модус знания является доминирующим модусом новостных текстов, предназначенных наиболее полно реализовывать информативную функцию, обеспечивая точность, объективность, достоверность. Модус полагания (мнения) доминирует в авторских материалах (текстах группы *features*), направленных на достижение воздействия «в его художественно-эстетическом проявлении» [Добросклонская 2020: 38].

Термином «*эпистемический статус*» Дж. Лайонз обозначает субъективную квалификацию отношения говорящего к истинности пропозиции [Лайонз 2003: 194]. В структурировании семантического аспекта эпистемического статуса высказывания Р. Д. Шакирова выделяет параметры «объективный эпистемический статус» высказывания и «субъективный эпистемический статус» высказывания. В исследуемых нами медиатекстах объективный эпистемический статус характерен для новостных текстов, ведущей стратегией которых является стратегия достоверности. Как известно, достоверность выражается самим фактом отсутствия показателей достоверности. Публицистические тексты, объединяющим признаком которых является указание авторства, наделены субъективным эпистемическим статусом в силу того, что они выражают отношение к истинностному значению пропозиции, именно поэтому «ненадёжность передаваемого сообщения непременно должна оговариваться» [Арутюнова 1999: 587]. Субъективный эпистемический статус эксплицируется эпистемическими наречиями, модальными глаголами в эпистемическом значении, конструкциями эпистемической модальности.

Параметр *истинностная оценка* выражает степень уверенности модусного субъекта в истинности пропозиции. Категория истинности – ложности рассматривается «не как бинарная оппозиция (дизъюнкция), а как шкала вероятностных оценок» [Арутюнова 1999: 430]. В содержании медиатекстов о событиях социальной жизни прагматически значимым является модус отрицательной истинностной оценки, посредством которого актуализируется отношение содержания текста к действительности (*фальшивка, дезинформация, клевета вымысел, fake news, delusion, fallacy, myth, post truth, misleading comments*).

Важной характеристикой медиадискурса признается диалогичность как взаимодействие двух или нескольких смысловых позиций. Эксплицитный

модус порождается внутренним или явным диалогом, это «диалогический вызов собеседнику, апелляция к его мнению» [Арутюнова 1999: 430].

Итак, эпистемика медиадискурса представляет собой динамическое образование в совокупности значимых эпистемических параметров. Перспектива исследования видится в дальнейшей разработке методики эпистемической параметризации медиадискурса, в выявлении и анализе эпистемических параметров отдельных типов функционально-жанровых типов медиатекстов. Научный интерес представляет изучение в медиатекстах апелляции к эпистемическому модусу при моделировании интерактивного взаимодействия автора и адресата. Обращение к изучению коммуникативных аспектов адресант-адресатного взаимодействия в медиатекстах позволит более глубоко раскрыть природу эксплицитных модусов и их коммуникативных аспектов.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999.

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: «КДУ»: «Добросвет», 2020.

Задворная Е. Г. Коммуникативно-эпистемические параметры высказывания и дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2001.

Кожемякин Е. А. Социально-эпистемологические характеристики медийных дискурсов // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2012. № 18 (137). Вып. 15. С. 134–139.

Кожемякин Е. А. Массмедиа и медиаисследования: эпистемический объект vs эпистемическая культура // Коммуникативное пространство культуры: материалы междунар. науч. конф., Орел, 16–17 марта 2017 г. Орел: Орлов. гос. ин-т культуры, 2017. С. 27–35.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение / пер. с англ. В. В. Морозова и И. Б. Шатуновского; под общ. ред. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Шакирова Р. Д. Эпистемический статус высказывания: на материале современного немецкого языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Набережные Челны, 2006.

Чалова О. Н. Функционально-прагматические параметры высказываний с эксплицитным модусом незнания в научном диалоге // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. № 3. С. 152–158.

Fowler R. Language in the news: Discourse and ideology in the press. London, New York: Routledge, 1991.

Van Dijk T. A. Discourse and knowledge: A sociocognitive approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

T. I. Semenova, T. V. Tyurneva (Irkutsk, Russia)
Irkutsk State University

EPISTEMIC PARAMETRIZATION OF MEDIA DISCOURSE

The significance of this study lies in exploring discourse as a “new reality of language,” with particular emphasis on the intricate interplay between its cognitive and communicative dimensions. The objective of the paper is to provide a rigorous theoretical foundation for the epistemic status of media discourse and to delineate the epistemic parameters governing the process of meaning generation across diverse types and genres of media texts.

Key words: discourse epistemics, media discourse, media text, epistemic status, epistemic parameter, epistemic parametrization.

П. И. Сергиенко (Москва, Россия)
*Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
poserg@bk.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПАХ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ PR ДИСКУРСЕ

Данная работа посвящена рассмотрению функционирования этнических стереотипов в англоязычном дискурсе по связям с общественностью, с особым вниманием к лингвистическим средствам передачи ключевых представлений, оказывающим влияние на массовую аудиторию. Будучи типизированным и упрощенным механизмом структурирования знания и передачи информации, стереотипы оказываются эффективным инструментом воздействия и управления поведением аудитории. Изучение способов формирования и функционирования стереотипов способствует улучшению межнационального взаимодействия и бесконфликтной коммуникации.

Ключевые слова: этнические стереотипы, PR дискурс, бесконфликтная коммуникация.

Когнитивный подход к исследованию стереотипов в массовой коммуникации предполагает изучение способов лингвистической репрезентации устоявшихся представлений, характеристик и норм поведения в обществе. Вопрос о взаимодействии представителей разных культур, их разное вос-

приятие и действия всегда остаются в центре внимания многих исследований. Важность изучения процессов формирования и использования стереотипного восприятия в рамках англоязычного дискурса по связям с общественностью подчеркнута необходимостью рассмотреть способы категоризации и структурирования знаний носителей языка.

В глокализованном мире постглобальной эпохи этнические стереотипы перестают быть принадлежностью конкретного общества, но получают широкое тиражирование, что способствует их общепланетарному распространению. Исторически поликультурные общества стремились создать условия для благоприятного проживания представителей разных народов, этносов и конфессий. Для успешного осуществления межкультурного диалога на современном этапе необходимо учитывать этнические особенности, а также стереотипизированное представление о них.

Около ста лет назад увидела свет работа американского политического обозревателя У. Липпмана «Общественное мнение» (“Public Opinion”), в которой автор описывает стереотипные общественные представления как основной механизм осуществления воздействия на аудиторию в средствах массовой информации, по его словам, путем создания «псевдо-реальности» (pseudo-reality), поскольку именно устойчивое упрощенное знание о мире управляет процессом восприятия [Lippman 2007]. Исследователь заключает, что наша псевдо-реальность, представления о внешнем мире являются определяющим элементом мыслей, чувств и действий.

Согласно теории американского пропагандиста Г. Д. Лассвелла (H. D. Lasswell), исследовавшего политические процессы во время Первой мировой войны через призму бихевиористского подхода, для управления общественным мнением требуется определить источник социального страха, несогласия и возмущения и искать возможности решить эти задачи, гармонизируя свои усилия с целями и задачами направленной коммуникации [Lasswell 1923]. Также важно отметить, что, формируя четкую репрезентацию в языке, стереотипные представления получают выражение и моделирующую функцию, поскольку способны формировать знание о мире.

С точки зрения социо-психологических исследований, этническая идентичность как феномен когнитивного процесса сознания заключается в представлении результата идентификации себя частью этноса, противопоставляя другим [Стефаненко 2009]. Исследователи отмечают, что «национальное мироощущение как некий устойчивый фрагмент картины мира, хранящийся в сознании, получило название стереотип» [Миньяр-Белоручева, Покровская 2012: 91]. Этнические стереотипы, являясь системой пред-

ставлений и мнений представителей определенного этноса, их позиций, статуса и культурных норм, выступают важным элементом хранящейся памяти и ментального конструирования, играют важную роль в процессе коммуникации и выстраивания социального поведения. Ярko отражая национальные особенности характера и поведения, этнические стереотипы могут использоваться как для создания комичного и юмористического эффекта, так и для направленного суггестивного воздействия с целью оказания влияния на аудиторию.

Н. Н. Болдырев с позиции когнитивного подхода говорит о том, что, представляя определенный фрагмент знаний о ситуации, говорящий использует соответствующий фрейм, акцентируя свои знания на выбранном аспекте, а также профилируя информацию с целью достижения положительного эффекта коммуникации [Болдырев 2006]. Также важно отметить, что набор знаний об определенном стереотипизированном явлении или ситуации, помогает носителям языка осмыслить и категоризовать информацию, что получает выражение в языковых единицах и дает возможность исследователям воссоздать ключевые модели и оценки, хранящиеся в ментальном пространстве.

Рассматривая англоязычный дискурс по связям с общественностью на предмет функционирования и прагматических задач использования этнических стереотипов, необходимо учитывать богатую палитру языковых средств и суггестивную составляющую текстов. Благодаря культурно и этнически маркированным языковым единицам авторам PR-сообщений удастся создавать эффективные и выразительные тексты, которые, неся в себе этнические стереотипные представления, позволяют формировать общественное мнение и оказывать влияние на поведение людей.

Обратимся к PR-текстам международной компании Procter and Gamble, производящей товары массового потребления, и их апеллированию к стереотипным этническим представлениям англоязычного общества. Как показывает исследование, многие тексты по связям с общественностью компании-гиганта связаны со стремлением преодолеть негативные стереотипы, сложившиеся в американском обществе, связанные с особенностями внешности, карьерными достижениями и потребностями темнокожих женщин: *Procter & Gamble Co. has a new video ... focused on Black women pushing back against other people's beauty expectations. But unlike prior work from the agency for P&G, it's more product focused, and unlike prior advertising on the subject, it is more about moving beyond bias than fighting it* [Marketing News and Strategy, URL]. Представленный текст указывает на существование предвзятого отношения в обществе к внешности темнокожих женщин, по-

сколько такие лексические единицы, как *black women, other people, beauty expectations, fighting stereotype* указывают на несоответствие идеалам красоты. В то же время посыл информационного сообщения указывает на то, что представительницы темнокожего населения решили не бороться с устоявшимся негативным восприятием, а развиваться вне его учета: *to move beyond bias, rather than fighting, more product focused, unlike prior advertising on the subject*. Современные темнокожие женщины достигают успеха в бизнесе, возглавляют крупные предприятия, гордятся спортивными и иными достижениями.

Следующий отрывок из пресс-релиза компании P&G рассказывает о новом продукте, поддерживающем темнокожих женщин в области получения технического образования: *Black women have historically been underrepresented in the science, technology, engineering and mathematics (STEM) workforce. P&G brands Royal Oils by Head & Shoulders and Gold Series from Pantene are determined to help change that by supporting the growth and development of future Black female STEM-focused innovators through a new initiative* [P&G, URL]. В данном тексте идет речь о том, что темнокожие женщины исторически были ущемлены в вопросе получения образования в научной сфере, инженерном деле и математике (STEM). Новые продукты компании P&G нацелены на поддержание тенденции количественного роста темнокожих женщин, занятых в высокотехнологичных и научных областях знания.

Схожую цель ставит перед собой и пресс-релиз компании, информирующей об инициативе бренда Miele поддержать темнокожих женщин в их деятельности предпринимателей: *From the moment we stepped into P&G, we saw a diverse team of leaders who share our values and vision for innovation, education and community empowerment, including several Black leaders who play a key role in the hair care and beauty businesses* [P&G, URL]. В компании Procter and Gamble уделяется большое внимание поддержке ценностей и будущих инноваций, образованию, усилению значения общественности, в чем активно участвуют темнокожие женщины-руководители, в данном случае в области индустрии красоты и продукции по уходу за волосами. В целом, следует отметить, что современная общественная тенденция борьбы с расовым угнетением и любыми проявлениями неравноправия по национальному признаку оказывается актуальной, поскольку отражает все еще существующие противоречия и поддержание оппозиции «свой-чужой» как ключевого массового отождествления себя с определенным коллективом, национальностью, расой или культурой.

При исследовании способов выражении этнической идентичности и стереотипном представлении о них мы также обращались к газетным статьям спортивной тематики, а также футбольным комментариям. В моменты наиболее ярких и напряженных матчей между представителями разных национальностей особенно остро выглядят следующие лексические единицы, отражающие национальный дух игроков, служащие эффективным инструментом представления информации и убеждения аудитории: *the fighting spirit of the English* (соперничающий дух британцев), *German efficiency* (немецкая эффективность), *French flair* (французский шарм), *Spanish toughness* (испанская жесткость) и т. д., — отражающие манеру игры игроков-представителей разных стран. Также отмечается сила и выносливость игроков африканского происхождения, на которых многие европейские клубы делают особую ставку. Вместе с тем, в футбольном мире также отмечается использование негативных высказываний в социальных сетях и комментариях, носящих расистский характер. Как реакция на данные проявления игроки-представители разных видов спорта, включая футбол, регби, крикет, и другие спортсмены выражают свой протест в виде отказа от использования популярной социальной платформы с хештегом #stoponlineabuse: *Cricket players, rugby unions, and more athletes joined the social media blackout as well. The Premier League also supported the boycott, saying it would not stop challenging companies “until discriminatory online abuse is removed from the game and wider society”* [The Guardian, URL]. Борьбу с дискриминацией также поддерживают и крупнейшие футбольные игроки, и целые клубы, приводя аналитические данные исследований: *Football is a beautiful game. But when the passion of the game meets racism, things can get pretty ugly. Racism and online abuse aren't new. The problem is that the number of spiteful comments has been increasing online* [The Conversation, URL]. Следует отметить, что для достижения высоких спортивных результатов и общественного благополучия в мультикультурном обществе в целом необходимо поддерживать этническую идентичность, возможность сотрудничества и взаимного обмена опытом, взглядами и ценностями.

Исследование лингвистических единиц выражения стереотипизированных представлений и современных тенденций, направленных на достижение этнического равноправия, раскрывает ментальные конструкты, общественное мнение и картину мира, существующие в англосаксонском сознании. Изучение глубинных процессов формирования этнических стереотипов позволяет осуществлять бесконфликтную коммуникацию, ведущую к продуктивному межкультурному диалогу.

Литература

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Миньяр-Белоручева А. П., Покровская М. Е. Этнические стереотипы в современном языковом пространстве // Национальный психологический журнал. 2012. № 2 (8). С. 90–94.

Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от энтологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Сер. 14. № 2. 2009. С. 3–17.

Lasswell H. D. Chicago's old first ward. A case study in political behavior. National Municipal Review, 12(3), 127–131. doi:10.1002/ncr.4110120308

Lippmann W. Public Opinion. BN Publishing. USA, 2007.

Marketing News and Strategy. URL: https://adage.com/article/marketing-news-strategy/pg-looks-beyond-black-hair-stereotypes-new-campaign/2476711?__cf_chl_tk=gseQxEP7JIPWpaE08hIIx8DjhG35z1SsOEKj5dvzBn8-1735733593-1.0.1.1-YG3PxQa8HMiTPPTtjplmPrfUwyizmpNw.nkS_zJdA.c

P&G, Procter and Gamble. URL: <https://news.pg.com/news-releases/news-details/2023/Mielle-Organics-Joins-PG-Beauty-in-a-Major-Move-for-Black-Entrepreneurs-Serving-Black-Women/default.aspx>

P&G, Procter and Gamble. URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20201116005721/en/>

The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/sport/2021/apr/28/cricket-unites-to-join-english-footballs-weekend-boycott-of-social-media>

The Conversation. URL: <https://theconversation.com/racist-abuse-at-football-games-is-increasing-home-office-says-but-the-sports-race-problem-goes-much-deeper-124467>

P. I. Sergienko (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

ON THE ISSUE OF ETHNIC STEREOTYPES IN ENGLISH PR DISCOURSE

The work is devoted to the study of functioning of ethnic stereotypes in public relations discourse, with special attention to the linguistic means of conveying key ideas influencing the audience. Being a typed and simplified mechanism for structuring knowledge and transmitting information, stereotypes turn out to be an effective tool for influencing and controlling behaviour. The study of ways of forming and functioning of stereotypes contributes to the improvement of international interaction and conflict-free communication.

Key words: ethnic stereotypes, PR discourse, non-conflict communication.

В.Л. Соколова (Москва, Россия)

Московский государственный
лингвистический университет
sokolova_mglu@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ АКТИВАЦИИ ИМПЛИЦИТНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ UNDERSTATEMENT

В статье рассматривается коммуникативная стратегия understatement, использующаяся с целью снижения категоричности высказывания и характеризующаяся наличием номинального и имплицитного значений. В ходе исследования выявляются некоторые концептуальные механизмы активации имплицитного значения, которые также соотносятся с языковым уровнем их реализации.

Ключевые слова: understatement, коммуникативная стратегия understatement, недосказанность, преуменьшение, непрямая коммуникация, имплицитное значение, дискурсивное программирование.

Understatement, возможно, является одним из самых противоречивых терминов современного лингвистического понятийного аппарата, так и не переведенным на русский язык. И причиной отсутствия окончательного перевода этого термина является не низкая изученность явления коммуникации, обозначаемого как understatement, а наоборот высокое разнообразие в его понимании и смысловом наполнении.

Среди наиболее распространенных подходов к understatement является его рассмотрение как коммуникативного преуменьшения [Джигоева 2004; Костырева 2024], однако нередко understatement понимается как недосказанность [Новикова, Бондарь 2013] или «занижение, сдержанное высказывание (суждение)» [Филиппова 2007: 5].

При этом спектр понимания категории understatement оказывается предельно широк: от средства выражения недосказанности [Новикова, Бондарь 2013] до рассмотрения understatement как высоко вариативной лингвокультурологической категории выражения дистанцированности в языке [Джигоева 2009; Иванова 2013].

Интересно понимание understatement в работе Е. В. Падучевой, где understatement рассматривается как коммуникативная стратегия, которая «состоит в том, чтобы сделать более слабое утверждение, но такое, из которого более сильное вытекает как импликатура дискурса или даже в силу регулярных механизмов семантической деривации» [Падучева 2007: 2].

В своей работе мы вслед за Е. В. Падучевой рассматриваем understatement как коммуникативную стратегию, однако, в нашем понимании, данная коммуникативная стратегия существует как часть более широкой лингвокультурологической категории understatement, представленной в работах А. А. Джигоевой и В. Г. Ивановой [Джигоева 2009; Иванова 2013].

Исследуемая в данной статье коммуникативная стратегия understatement имеет целью снижение категоричности высказывания, которое характеризуется наличием номинального и имплицитного значений, как, например, в высказывании *We are having a bit of a problem here*, которое номинально может рассматриваться как утверждение о наличии небольшой проблемы, но, в то же время, имплицитно указывает на то, что проблема существенная.

Материалом исследования послужили примеры коммуникативной стратегии understatement, которые обычно рассматриваются в категории What Brits say and what they mean («что британцы говорят и что они имеют в виду»), на таких аутентичных образовательных ресурсах, как Eat, Sleep, Dream English и English with Lucy, и отвечают двум требованиям: их коммуникативной целью должно быть смягчение категоричности высказывания и они должны иметь номинальное и имплицитное значения.

Целью данной работы было выявление принципов активации имплицитного значения в проявлениях коммуникативной стратегии understatement в материале исследования.

Для достижения поставленной цели дискурсивная структура и концептуальные основания исследованного материала были рассмотрены применительно к реализации в нем выявленного нами ранее механизма организации и самоорганизации дискурса, названного дискурсивным программированием [Соколова 2023]. Данный механизм «предусматривает взаимообусловленность реализации различных элементов дискурса» [Соколова 2023: 120]: дискурсивно программирующего и дискурсивно программируемого. В концептуальном плане в основе дискурсивного программирования лежит фреймовый механизм, в соответствии с которым дискурсивно программирующий фрейм реализует дискурсивно программируемый фрейм через один или несколько его терминалов. Среди свойств дискурсивного программирования, релевантного для данной работы, является его направленность: оно может быть прямым (когда дискурсивно программирующий фрейм или терминал фрейма предшествует дискурсивно программируемому), обратным (когда дискурсивно программируемый фрейм или его терминал предшествуют дискурсивно программирующему) и двойным (когда одновременно реализуются и прямое и обратное дискурсивное программирование).

На первом этапе исследования для выявления концептуальных принципов активации имплицитного значения были идентифицированы фреймы, дискурсивно программирующие макро-фрейм REVERSE MEANING, а на втором этапе материал исследования был систематизирован в зависимости от направленности выявленных в нем процессов дискурсивного программирования.

В результате было выявлено три модели концептуальной организации исследованного материала: с прямым, обратным и двойным дискурсивным программированием.

К модели с **прямым дискурсивным программированием** были отнесены случаи реализации коммуникативной стратегии understatement, в которых макро-фрейм REVERSE MEANING реализуется одновременно с макро-фреймом NOMINAL MEANING через дискурсивно программирующий его терминал, который в большинстве рассмотренных примеров заполнял слот “intonational pattern”. Данная модель реализуется, например, когда слот “intonational pattern” фрейма высказывания *Very interesting* заполняется терминалом “low falling tone”, одновременно принадлежащим к макро-фрейму REVERSE MEANING. Таким образом, терминал “low falling tone” осуществляет прямое дискурсивное программирование имплицитного (в данном случае – обратного) значения фрейма высказывания *Very interesting*. В рассмотренном материале активация имплицитного значения с использованием прямого дискурсивного программирования производилось преимущественно на фонетическом уровне.

Модель с **обратным дискурсивным программированием** включает в себя случаи, когда дискурсивное программирование макро-фрейма REVERSE MEANING осуществляется с помощью принадлежащих ему терминалов “countersuggestion” и “reason for refusal”, в процессе коммуникации реализующихся после фрейма RESPONSE. Например, в *Could do. But perhaps we could...* терминал “countersuggestion” дискурсивно программирует макро-фрейм REVERSE MEANING, активируя таким образом имплицитное значение первоначально выражающего согласия высказывания *Could do*. В рассмотренном материале активация имплицитного значения с использованием обратного дискурсивного программирования производилось преимущественно на уровне одного или двух взаимосвязанных предложений.

Модель с **двойным дискурсивным программированием** объединила примеры использования коммуникативной стратегии understatement, где макро-фрейм REVERSE MEANING дискурсивно программируется одновременно двумя элементами концептуальной структуры рассматриваемого высказывания. Например, в *We've got a bit of a problem here. Our water pipes have*

burst... макро-фрейм REVERSE MEANING применительно к номинальному значению высказывания *a bit of a problem* дискурсивно программируется, с одной стороны, семантической структурой устойчивого сочетания *a bit of a*, которое помимо своего номинального значения “a small piece or amount of something” [CD] имеет значение “a considerable amount” [CED] (прямое дискурсивное программирование), а с другой стороны – семантикой дальнейшего высказывания *Our water pipes have burst...* (обратное дискурсивное программирование), которое подразумевает наличие серьезной, а не незначительной проблемы. В рассмотренном материале активация имплицитного значения с использованием двойного дискурсивного программирования производилась преимущественно на семантическом уровне в рамках одного или двух взаимосвязанных предложений.

Таким образом, настоящее исследование, обращаясь к understatement как к коммуникативной стратегии, выявило ряд принципов активации имплицитного значения различными элементами концептуальной структуры, которые могут как реализовываться одновременно с фреймом, концептуализующим номинальное значение высказывания, так и следовать за ним. Кроме того, сделаны предположения о некоторых соответствиях между концептуальными особенностями и языковым уровнем реализации имплицитного значения в англоязычной коммуникативной стратегии understatement.

Литература

Джиоева А. А., Иванова В. Г. Understatement как отражение англо-саксонского менталитета // Английский язык на гуманитарных факультетах. Теория и практика: сборник научных и методических трудов. Вып. 3. М., 2009. С. 5–29.

Иванова В. Г. Лингвистические аспекты изучения Understatement в современном английском языке // Вестник МГИМО. 2013. № 5 (32). С. 252–260.

Костырева С. С. Преуменьшение (Understatement): «Британский феномен» или универсальный маркер подтекста? // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы IX Международной научно-практической конференции, Минск, 19–20 октября 2023 г. БГУ. Витебск, 2024. С. 48–52.

Новикова Л. В., Бондарь О. А. Коммуникативные постулаты прагмалингвистики через призму категории «недосказанность (understatement)» // Вестник Нижегородского государственного университета. 2013. № 2. С. 13–18.

Падучева Е. В. Understatement и смещенное отрицание. BASEES Conference. Cambridge, 31 March – 2 April. 2007. С. 1–7.

Соколова В. Л. Типология и коммуникативный потенциал дискурсивного программирования в зависимости от его направленности и качественных характеристик

(на материале англоязычного дискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 7 (875). С. 119–125.

Филиппова М. М. Обзор некоторых понятий, существующих в английском языке для отражения косвенных смыслов // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2007. Вып. 34. С. 4–26.

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

CED – Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>

*V. L. Sokolova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

CONCEPTUAL MECHANISMS ACTIVATING IMPLICIT MEANING IN THE ENGLISH COMMUNICATIVE STRATEGY OF UNDERSTATEMENT

The article addresses the communicative strategy of understatement, which is aimed at making a statement less categoric and possesses the nominal and the implicit meanings. The author reveals some of the conceptual principles triggering the activation of the implicit meaning in the communicative strategy of understatement and relates them to the language level of their implementation.

Key words: understatement, the communicative strategy of understatement, indirect communication, implicit meaning, discursive programming.

*Ю. В. Сурмятова (Тюмень, Россия)
Тюменский индустриальный университет
zolnikova_yuliya@mail.ru*

КОНЦЕПТ *GESUNDHEIT* / ЗДОРОВЬЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНИКА “GUTEN TAG, DOCTOR!” / «ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОКТОР!»)

Данная статья посвящена описанию концепта ЗДОРОВЬЕ в дискурсивной учебной практике учебника Е. Н. Миллера “Guten Tag, Doktor!”. Определены лексические репрезентанты концепта, структурированы ядерные и каузальные атрибуции в гуманитарном образовательном дискурсе.

Ключевые слова: концепт *Gesundheit*, дискурсивная учебная практика, лексический репрезентант, каузальная атрибуция.

Развитие и становление онтологии путем формирования гуманитарного мышления у специалистов всех профилей и специальностей обратило внимание ученых разных областей исследования мира на конструктивное формирование мировидения у последующего поколения. В основу наблюдения за «принципиально новой дискурсивной парадигмой» лег постулат о «феномене коммуникации, как принципиально новом пространстве “people-space”, в котором решающее значение имеет *слово*, определяемое тем, кто сказал, как сказал и для кого сказал» [Науки на страже здоровья: от истории к современности 2024: 105]. В связи с этим дискурсивный анализ становится крайне востребованным инструментом формирования эффективных и конструктивных способов усвоения знаний о человеке, человечестве и мире. Междисциплинарные связи и специфика профессий диктуют отбор и использование языкового материала таким образом, чтобы в наиболее сжатые сроки оформить прочные знания будущих специалистов.

Коммуникативная компетентность специалиста зачастую ценится работодателем выше, чем профессиональные навыки. Видение реальности через сформированное дискурсивное пространство с учетом идеологических, коммуникативных, межличностных, психологических, социальных и прочих ролей проявляет исходную языковую картину мира. Лингвокультурология в этом случае – это инструмент познания и генерации мышлеобразования и мыслевыражения путем определения ценностных векторов общения и межкультурного взаимодействия. Становятся аксиологически значимыми своевременность и актуальность изложенного и зафиксированного в письменной форме информационного потока, а «нефиксированная, субъективная речь зависит от контекста употребления» [Волобуева 2010: 40].

В этом случае образовательный дискурс, понимаемый нами как регламентированный процесс импортирования и взаимообогащения информацией в системе «специалист» – «будущий специалист», осуществляется на базе имеющейся когнитивной платформы, заложенной этносом, в системе которого родился коммуникант. Процесс приращения знаний человечества изучается учеными всех отраслей знания: антропологами, историками, лингвистами, педагогами, психологами, социологами, философами, экономистами и многими другими, что в свою очередь обуславливает метапредметность интересубъективной коммуникативной среды. Факторы, влияющие на пополнение когнитивной базы знаний также многообразны: внимательность и сосредоточенность, эмоциональные связи и опыт, пластичность и восприимчивость мозга, визуализация и ассоциации. Но все это невозможно без гуманитарного диалога, который предполагает учет и применение

разнообразных каналов для передачи смыслов, воздействия, суггестии, эмотиологии, нейронауки, психолингвистики и теории сознания.

Процесс обучения немислим без коммуникативной практики, дискурс в данном случае – благодатный фонд для когнитивного анализа. Формат учебных материалов в последнее время существенно расширился, что обусловлено вызовами современности: обучающиеся, замкнутые на определенный период пандемии оценили пользу всестороннего изучения учебного предмета (визуального, тактильного и аудиального). Особые формы реализации учебного процесса (удаленное деловое взаимодействие), по мнению О. В. Ведуты, требуют формирования и соблюдения в том числе и «коммуникативной культуры дистанционного обучения» [Ведута 2024: 61]. А тем временем медиатексты, аудио- и видеоматериалы, виртуальные носители, на взгляд автора, сужают возможности воображения получателей информации, развлекают и могут при недозированном использовании плохо сказаться на состоянии здоровья.

В связи с этим предметом анализа нами был избран учебный комплекс «классического» поколения учебников для студентов высших и средних медицинских учебных заведений “Guten Tag, Doktor!” написанный ученым, преподавателем немецкого языка, издателем, билингвом Евгением Николаевичем Миллером при научном консультировании врача Любови Григорьевны Миллер. Профессор Миллер является создателем серии учебников, собирателем фольклора «немцев Поволжья», издателем газеты, автором теле- и радиопередач, опытным наставником, который сформировал актуальные и сегодня, доступные для в том числе самостоятельной работы обучающихся учебники. Прагматика структуры материала выстроена с учетом изученного, полезного для жизни опыта для повышения коммуникативного уровня и речевой готовности. Автор, являясь носителем немецкого языка, озвучил наиболее интересные материалы с целью формирования фонематического слуха как важного этапа в порождении речевых актов.

На примере упомянутого издания мы можем наблюдать эффективную коллаборацию медицинского и образовательного дискурсов на русском и немецком языке, выявляющих связь базовых концептов ЗДОРОВЬЕ и GESUNDHEIT для будущих медицинских работников. Автора статьи особо интересовали разделы Вводного и Основного курсов, посвященные изучению здоровья / *Gesundheit*, здорового состояния человека / *Wie ist der Mensch, wenn er gesund ist*, параметрам здорового состояния / *Wie kann der Mensch sein*, советам по сохранению и восстановлению здоровья / *Was kann der Mensch tun*, профилактике / *Prophylaxe*. Приоритет здоровья как субстанциональной ценности для жизни человека определяется автором

Was ist Gesundheit?

Gesundheit bedeutete nach einer Definition der Weltgesundheitsorganisation von 1948 nicht nur das Nichtvorhandensein von Krankheit, sondern den Zustand vollkommenen physischen, psychischen und sozialen Wohlbefindens. Heute versteht man unter Gesundheit überwiegend das Freisein von (vorübergehenden) Krankheiten, die die physischen Funktionen (Kraft, Ausdauer, Beweglichkeit) und psychische Befindlichkeit beeinträchtigen.

Рис. 1

с самого начала учебника, а в качестве понятия – антагониста выступает болезнь / *Krankheit*, состояние нездоровья / *Wie ist der Mensch, wenn er krank ist*.

Комплексный паттерн выражения, закрепленный в образовательном дискурсе и являющийся отражением сознания, сформированного в процессе приобретенного опыта, через концепт выражен автором через работу со словом, словосочетанием, текстом и иллюстрацией. Содержание витального концепта GESUNDHEIT наполняется автором в прецедентных текстах через ссылку на определение Всемирной организации здравоохранения: рисунок 1.

Из этого определения мы видим, что *Здоровье* – это не только отсутствие болезни, а также состояние совершенного физического, психического и социального самочувствия. Этимология немецкого слова *Gesundheit* восходит к: *mittelhochdeutsch gesuntheit* → *gmh*, *althochdeutsch gisunt* → *goh* und *gisunti* → *goh* „*Unverletztheit*“, belegt seit dem 8. Jahrhundert и является этимологически связанным с понятиями *gesondheid* (африкаанс), *hāl* (древне-английский), *heel* (голландский). Наибольшее значение в толковании имеют поля «*Zustand* / состояние», «*Wohlbefindens* / благосостояние», «*Kraft* / сила, выносливость», «*Ausdauer* / выдержка, терпение, упорство, усидчивость», «*Beweglichkeit* / подвижность», «*subjektives Lebensgefühl* / субъективная жизненная позиция и стиль / образ жизни».

Согласно данным учебника, состояние здоровья неразрывно связано с медицинским освидетельствованием: «*vom medizinisch feststellten Zustand* / установленное медициной состояние», «*Gesundheitsstatistik* / статистика здоровья», «*International gebräuchliche Indikatoren* / международные показатели», «*Lebenserwartung* / продолжительность жизни». К антропометрическим инструментам оценки физического состояния относятся

«*morphologische Merkmale (Strecken, Umfänge, Bögen, Winkel u. a.)* / морфологические признаки (длины, обхваты, изгибы, углы и т. п.)».

Каузальные атрибуции, ассоциирующие здоровье с условиями его формирования заключаются в том, чтобы «*die Körper- und Organfunktionen sowie die psychischen und geistigen Reaktionen nicht wesentlich von der Durchschnittsnorm des betreffenden Lebensalters abweichen* / функции организма и органов, а также психологические и психические реакции не имели значительных отклонений от средней нормы для данного возраста». К положительным параметрам формирования здорового состояния Миллер относит: «*Er hat seinen normalen Zustand* / у него нормальное состояние», «*Ihm scheint alles schön und wunderbar ringsum* / ему кажется все вокруг чудесным», «*Er geht zum Geschäft wie zum Feiertag* / он идет на работу как на праздник», «*Er ist bereit, alles zu leisten* / он готов на всё», «*Er hat einen klaren Kopf* / у него ясный ум», «*Er ist stark und kräftig* / он силен и могуществен», «*Er ist wissbegierig und talentiert* / он любознателен и талантлив».

К субполевым понятиям, противопоставленным ядерному признаку, можно отнести: «*Krankheit* / заболевание», «*anomaler Zustand* / аномальное состояние», «*Gebrechlichkeit* / слабость, дряхлость», «*Abhängigkeit* / зависимость, пагубная привычка, привыкание».

В итоге следует отметить, что витальный концепт GESUNDHEIT / ЗДОРОВЬЕ, как и остальные сформирован по принципу ядро (архилексемы) – периферия (каузальные атрибуции). Дидактически значимыми для формирования ценностного отношения медицинских работников и пациентов согласно учебнику “Guten Tag, Doktor!” будут немецкие константы: нормальное состояние, благополучие, сила, выносливость, выдержка, терпение, подвижность, образ / стиль жизни и профилактика. Здоровье как объект изучения и концепт немецкоязычной языковой картины мира имеет перспективу ценностного ориентира и достоинства.

Литература

Ведута О. В. Культура дистанционного обучения студентов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 1(53). С. 54–61.

Волобуева О. Н. Оценочный компонент в семантической структуре фразеологизмов интеллектуальной сферы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 11(192). С. 38–41.

Миллер Е. Н. Здравствуй, доктор! = Guten Tag, Doktor!: учеб. нем. яз. для сред. и высш. мед. учеб. заведений. Ульяновск: Яз. и лит., 1998.

Науки на страже здоровья: от истории к современности / Л. Н. Шабатура, О. Е. Яцевич, Н. В. Омелаенко [и др.]. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2024.

Yu. V. Surmyatova (*Tyumen, Russia*)
Industrial University of Tyumen

**CONCEPT *GESUNDHEIT* / *HEALTH*
IN EDUCATIONAL DISCOURSE
(BASED ON THE MATERIAL OF THE STUDENT'S BOOK
“GUTEN TAG, DOCTOR!”)**

This article is devoted to the description of the concept of *HEALTH* in the discursive teaching practice of E. N. Miller's Student's book “Guten Tag, Doktor!”. The lexical representatives of the concept are identified, core and causal attributions in the humanitarian educational discourse are structured.

Key words: the concept of *HEALTH* / *GESUNDHEIT*, discursive practice, lexical representative, causal attribution.

A. О. Тананыхина (*Санкт-Петербург, Россия*)
*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
allatan@mail.ru*

A. Ю. Тананыхина (*Санкт-Петербург, Россия*)
*Санкт-Петербургский государственный
педагогический университет
asya-tn@yandex.ru*

В. Н. Карловская (*Санкт-Петербург, Россия*)
*Ленинградский Государственный университет
имени А. С. Пушкина
valeryka05@gmail.com*

**ПОЛИДИСКУРСНОСТЬ
СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА
ДЕТСКОГО ФЭНТЕЗИ**

В исследовании представлена актуализация категории интердискурсивности в тексте современного англоязычного детского фэнтези. Резюмируется, что полидискурсивность является характерной чертой текстов детского фэнтези, разнообразие переплетающихся дискурсов определяет развитие сюжета и выполняет текстообразующую функцию.

Ключевые слова: детское фэнтези, дискурс, интердискурсивность, полидискурсивность, текстообразующая функция.

Текст фэнтези, получивший развитие и эволюционировавший из текста волшебной сказки [Тананыхина 2014], в XXI в. приобрёл особую популярность и любовь читателей. Особенный интерес лингвистов вызывает реализация текстовой категории интердискурсивности в текстах фэнтези. Актуальным для настоящего исследования является рассмотрение дискурса как «коммуникативного процесса, приводящего к образованию определенной формальной структуры – текста» [Чернявская 2013: 117], вместе с этим, дискурс следует рассматривать и как «коммуникативное событие, порождающее текст» [Чернявская 2004: 106]. Интердискурсивность же следует рассматривать как диалог дискурсов, который является, в том числе, и «конструктивным, шифтерным элементом организации текста» [Тананыхина, Афанасьева 2014: 4061–4072].

Базовым элементом «переключки дискурсов» или интердискурсивности в текстах англоязычного фэнтези является художественный дискурс. Для настоящего исследования релевантным является толкование художественного дискурса В. В. Фещенко как «совокупности вербальных высказываний, сформированной в результате взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства» [Фещенко 2021: 30]. Яркими примерами диалога дискурсов являются тексты, предназначенные для детского чтения, например, детская волшебная сказка, где традиционно и ожидаемо сосредоточены разнообразные дискурсы, такие как художественный дискурс, дискурс волшебного мира, дидактический, социальный, бытовой и другие дискурсы.

Интерес для исследования репрезентации категории интердискурсивности представляют тексты англоязычных фэнтези для детей из циклов книг Сильвии Гроув “The Mapmakers Trilogy” («Трилогия картографов») и, в первую очередь, интересен для рассмотрения текст первого романа трилогии “The Glass Sentence” («Стеклянная карта»).

Прежде всего, резонно сказать, что художественный дискурс является основополагающим элементом, и все другие дискурсы, функционирующие в произведении, взаимодействуют в первую очередь именно с художественным дискурсом, с помощью которого, несомненно, выстраивается сюжетная линия произведения. Следом за художественным дискурсом в первом романе цикла С. И. Гроув “The Glass Sentence” необходимо упомянуть дискурс письменной коммуникации (эпистолярный). Прологом романа предстает отрывок личного письма бабушки к внуку, указывающий на адресата и отправителя (что является обязательным организационным элементом для личного письма): *Elizabeth Elli to her grandson Shadrack*, имеется дата: 1860. Отрывок представляет именно форму личного письма, имеющего сложные синтаксические формы, характерные для письменной коммуникации: *It became apparent that in one terrible moment the various parts of the world had come apart. They were unfastened*

from time. Spinning freely in different directions, each piece of the world had been flung into a different Age. When the moment passed, the pieces lay scattered, as close to each other in space as they had always been, but hopelessly separated by time [Grove 2014: 15]. Вместе с тем, в указанном примере на эпистолярный дискурс накладывается и волшебный дискурс, что является характерным для жанра детского фэнтези: привычный мир прекратил свое существование, и кусочки знакомого мира разлетелись в разные направления и эпохи.

В этом же отрывке на дискурс личного письма накладывается мемуарный дискурс, речь ведется от первого лица, используются местоимения *I* и *my*. Помимо этого, используются характерные для мемуарного дискурса лексические маркеры времени: *IT HAPPENED LONG ago* (для привлечения читательского внимания маркер усилен капитализацией), *when I was only a child, Back then, On one especially warm day in the summer of 1799, July 16, In the days and weeks and months that followed, when*. Опираясь на вышеизложенное, становится очевидным, что за эпистолярным и мемуарным дискурсами здесь закреплена текстопорождающая функция, которая направляет дальнейшее развитие сюжета.

Необходимым является упомянуть и бытовой дискурс, естественную коммуникацию между хорошо знакомыми людьми, предполагающую поддержание контакта и общение на бытовом уровне: *“Thank you. I’m sorry to have caused you so much worry,” Sophia said, sitting down beside them at the table. “Did Miles leave as planned?” “Yes,” Shadrack said, rumpling his hair tiredly* [Grove 2014: 18]. Маркерами бытового дискурса в примере являются формула благодарности (*Thank you*); формула извинения (*I’m sorry to have caused you so much worry*); запрос информации и ответ на запрос (*Did Miles leave as planned? Yes, ...*).

Естественным спутником бытового дискурса зачастую является рекламный дискурс, который всегда рассчитан на потенциальных покупателей, а для коммуникации используется бытовой дискурс. Героиня романа девочка София слышит речь зазывалы на представление цирка, приехавшего на гастроли из другой эпохи, присутствуют маркеры рекламного дискурса: обращение к присутствующим потенциальным зрителям (*ladies and gentlemen*); заверение потенциальных зрителей (*I assure you*), использование повелительного наклонения, побуждение к действию – покупке билета в цирк (*Seize the opportunity now before it’s too late*). Используются характерные лексические элементы рекламного дискурса (*seize the opportunity, today, now*) [Grove 2014: 18].

Следует упомянуть еще и политический дискурс, что является в настоящим контексте совершенно резонным даже для детского фэнтези, поскольку действие происходит в парламенте и София присутствует на заседании парламента и слышит речь члена парламента Руперта Мидлза, изобилу-

яющую маркерами политического дискурса: речь ведется от первого лица, используются личные местоимения первого лица (*I, my, we, our*), обращение к слушающей аудитории (*our beloved New Occident, our altered world, our territory*). применяются лексические маркеры времени (*this fourteenth of June of the year eighteen ninety-one, today*). Спикером умело создаются впечатляющие образы внешних врагов (*The pirates in the United Indies, the hordes of raiders from the Baldlands, greedy foreigners, outsiders*), а также применяются лексические маркеры, определяющие важность и неотложность выступления в политических дебатах (*parliament, I am honored to appear, a plan for the betterment, the gradual encroachment of our territories from north, west, and south, ignoring the realities, altered world*, и восклицание *I am loath to see my tolerance and my industry made a mockery by the greed and cunning of outsiders!*, передающее эмоциональность выступающего) [Grove 2014: 7]. В речи члена парламента заметны и стилистические средства, делающие речь более эмоционально насыщенной (метафора *the edges of our territory are eaten away* и метафорический эпитет *greedy mouths*). Выступающий выполняет поставленную перед собой прагматическую задачу и получает отклик аудитории: *Clapping and cheering erupted from the crowd* [Grove 2014: 7].

Хотелось бы упомянуть еще один вид дискурса, влетающий в основную канву художественного и волшебного дискурсов фэнтези, поэтический дискурс. В качестве примера рассмотрим эпиграф к третьей главе романа, который является примером контаминации фикционального и реального миров. Признаком смешения миров является присутствие в волшебном мире отрывка из реального сочинения «Музофил» английского поэта и историка Сэмюэла Дэниэл (1562–1619), содержание которого блистательно накладывается на контекст сюжетной линии романа детского фэнтези. Эпиграф имеет форму стиха раннего новоанглийского периода, датирован 1599 г. Заметным является использование архаизмов и орфографических и грамматических норм раннего новоанглийского периода (*knows whither we may vent, This gaine of our best glorie, shal, t'inrich, th'yet, refin'd, th'accents*). В эпиграфе реализуются и стилистические художественно-изобразительные средства, характерные, в том числе, и для поэтического дискурса: инверсии (*The treasure of our tongue, to what strange shores*), метафора (*the treasure of our tongue*), метафорические эпитеты (*strange shores, best glorie*), риторический вопрос (*The treasure of our tongue?*). Необходимо отметить и использование графической выразительности – курсива и полужирного шрифта для придания дополнительной выразительности рассматриваемому тексту.

Таким образом, характерной, базовой чертой англоязычного текста детского фэнтези, который служит прямым естественным наследником

детской волшебной сказки, является множественное использование интердискурсивности, следовательно, полидискурсивность, резонно занимает ведущее место в числе типичных черт современного англоязычного детского фэнтези. В тексте детского фэнтези происходит переплетение разнообразных видов дискурса, в частности, в тексте фэнтези С. И. Гроув "The Glass Sentence" происходит диалог художественного, волшебного, эпистолярного, бытового, рекламного и поэтического дискурсов. Переплетение дискурсов выполняет фундаментальную текстообразующую функцию и способствует развитию сюжета.

Литература

Тананыхина А. О., Афанасьева Е. Г. Интердискурсивность как текстообразующий фактор в романах Терри Пратчетта // В мире научных открытий. 2014. № 11–10 (59). С. 4061–4071.

Тананыхина А. О. Эволюционное развитие жанра сказки в современном англоязычном дискурсе // Научный журнал «Научное мнение». 2014. № 10. С. 96–99.

Фещенко В. В. Художественный дискурс; к определению термина в перспективе лингвоэстетики // Новый филологический вестник. 2021. № 1(56). С. 16–35.

Чернявская В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. М.: Просвещение, 2004. С. 106–111.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М: Флинта: Наука, 2013.
Grove S. E. The Glass Sentence. NY: Penguin, 2014.

A. O. Tananykhina (St. Petersburg, Russia)
State Russian Herzen Pedagogical University

A. Yu. Tananykhina (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

V. N. Karlovskaja (St. Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University

POLYDISCOURSIVITY OF CONTEMPORARY ENGLISH CHILDREN'S FANTASY TEXT

The article examines the representation of the category of interdiscursivity in the text of contemporary English-language children's fantasy. It is concluded that polydiscursivity is a characteristic feature of children's fantasy, the diversity of intertwined discourses determines the development of the plot and has a text-forming function.

Key words: children's fantasy, discourse, interdiscursivity, polydiscursivity, text-forming function.

Е. В. Троценкова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.troschenkova@spbu.ru

DEINFLUENCING: ОБСУЖДЕНИЕ НОВОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА

В статье рассматривается мини-корпус медиа статей, посвященных явлению деинфлюенсинга как относительно новой маркетинговой стратегии. На базе метода ключевых слов и семантической кластеризации с последующим семантическим и контекстным анализом выделяются основные темы, затрагиваемые в описаниях деинфлюенсинга в медиатекстах, выявляются особенности его интерпретации и оценки. Отмечается, что несмотря на превалирующую положительную оценку, явление осмысливается как комплексное и неоднозначное.

Ключевые слова: инфлюенсинг, деинфлюенсинг, медиадискурс, маркетинговые стратегии, анализ по ключевым словам, семантические кластеры, семантический и контекстный анализ.

Развитие технологически-опосредованной коммуникации и новых медиа привело к тому, что значительная доля потребляемой информации доходит до пользователя через интернет-платформы, что заставило компании адаптироваться к новым условиям и развивать возможности онлайн маркетинга для продвижения товаров и услуг. В последние годы ключевую роль в современном маркетинге все больше играли инфлюенсеры. В отличие от традиционной коммерческой рекламы бренды пытались через сотрудничество с блогерами, создающими нативные интеграции, выстроить более тесную эмоциональную связь с потребителем и создать иллюзию «совета от друга» при рекламе продукции и повышении продаж. Однако «гонка манипулятивных вооружений» не останавливается, и мы имеем дело со все новыми ее витками: «критическое осмысление старых атакующих приемов и выработка общественной защиты от них провоцируют появление более продвинутых приемов» [Троценкова 2021: 526]. Одним из элементов этого процесса стало появление так называемой практики «деинфлюенсинга», о которой стали активно писать в англоязычных медиа примерно с 2023 г., подвергая ее анализу, осмыслению и оценке.

Несмотря на то, что обсуждаемый тренд совершенно новый и начал активно развиваться только с 2023 г., когда в социальной сети TikTok резко набрал популярность хэштег #deinfluencing, это явление уже успело привлечь внимание исследователей. Задаются вопросы о том, до какой степени деин-

флюенсинг – это форма сопротивления культуре чрезмерного потребления и консюмеризма, или же он всего лишь новая форма работы современного инфлюенсера [Bainotti 2023]

С позиций когнитивной лингвистики было бы интересно смоделировать комплекс представлений о том, что такое деинфлюенсинг как явление и какую роль он играет в онлайн коммуникации и маркетинге. В этой статье сфокусируемся на более частной цели – выделить и описать основные тематические линии, по которым практика деинфлюенсинга обсуждается в медиа. Основной метод – это метод ключевых слов с их последующим семантическим и контекстуальным анализом. В качестве материала было использовано 13 англоязычных статей соответствующей тематики за период 2023–2024 гг. На основе отобранных статей был создан текстовый мини-корпус (объемом 16649 слова, 846 предложений), из которого на начальном этапе ключевые слова автоматизированно выделялись при помощи Извлекателя ключевых слов [<https://wordcount.com/ru/keyword-extractor>]. Ранжированные по частотности однословные единицы были отобраны для дальнейшей работы до 5 вхождений включительно, также учитывались двухсловные и трехсловные их комбинации – до 3 вхождений включительно. Полученные таким образом 347 однословных единиц были дополнительно подвергнуты автоматической семантической кластеризации при помощи Free Keywords Clustering Tool [<https://keywordclustering.zenbrief.com>] (с дефолтным ограничением минимального размера кластера 5 единиц), в результате получено 15 семантических кластеров. Все полученные данные далее рассматривались с учетом общего содержания статей и конкретных контекстов их употребления.

Из 15 автоматически полученных кластеров – 9 представляют интерес с учетом контекстного анализа. Один из них связан с основным фокусом внимания статей – явлением деинфлюенсинга – **deinfluencers** (8 ед.) и противопоставляется другому семантическому кластеру – **influence** (9 ед.), явление видится как альтернатива инфлюенсингу, что отражает еще один кластер – **alternative** (12 ед.). В самом деле, все анализируемые статьи построены на контрасте деинфлюенсинга как нового явления с работой традиционных инфлюенсеров в социальных медиа. Противопоставление регулярно подчеркивается морфологически: *influencer* – *deinfluencer*; *encourage* – *discourage*, *authentic* – *inauthentic*, *consumerism* – *anti-consumerism*; за счет союзов, союзных слов и предлогов с соответствующим значением: *however*; *in contrast to*, *in stark contrast*, *instead of*; существительных и субстантивированных прилагательных: *a counterpoint to*, *a counter-movement*, *the polar opposite of*, *backlash against*, *the exact opposite*; глагольных форм – деинфлюенсинг

описывается в основном через отрицание: *do not get the Stanley cup, they shouldn't buy* и глаголы, обозначающие критическое отношение: *to criticize, to fight [consumerism]*. В отличие от результатов автоматической кластеризации, однако, контекстный анализ позволяет выделить, что композиционно за таким противопоставлением двух явлений обычно следуют специальные оговорки о сходных чертах и о том, что деинфлюенсинг может быть лишь новой формой замаскированного инфлюенсинга: *Deinfluencing might just end up as... another form of influencing; <...> become just another clever marketing tactic* и т.д.

Два семантических кластера – **promoting** (11 ед.) и **purchases** (16 ед.) отражают помещение обоих явлений в общий контекст маркетинговых стратегий продвижения товаров и услуг на современных платформах, особенно Tiktok, который упоминается значительно чаще остальных (**продукты корпорации Meta признаны экстремистскими и запрещены в РФ*) – Tiktok (53 уп.), Instagram (15 уп.), Youtube (10 уп.), Facebook (6 уп.). Наиболее частотные 2- и 3-словные ключевые единицы также связаны с обозначением этого контекста: *social media marketing* (7 уп.), *social media platforms* (7 уп.), *social media influencers* (6 уп.), *traditional influencer marketing* (6 уп.); *social media* (64 уп.), *influencer marketing* (55 уп.), *deinfluencing trend* (33 уп.), *consumer behavior* (15 уп.).

Деинфлюенсинг мыслится как явление новое и быстро набирающее популярность, что отражают кластеры **recent** (14 ед.) и **gaining** (7 ед.). Контекстный анализ показывает, что возникновение тренда деинфлюенсинга связывается не только с экономическим кризисом (*cost-of-living crisis, another economic crisis, economic crash, a declining economy, in today's economy*), но и с ценностями поколения *Gen Z* (18 уп.). Семантический кластер **excess** (10 ед.) до определенной степени отражает, реакцией на что стал тренд деинфлюенсинга. Среди наиболее частотных ключевых слов находим *consumerism* (23 уп.), *overconsumption* (14 уп.), причем анализ контекстов показывает, что эти явления получают негативную оценку как агрессивный и деструктивный маркетинг, особенно это хорошо видно по тому, с какими определениями встречаются данные слова: *gluttonous, needless, fickle, rampant [consumerism], frenzy of consumerism, hyper-consumerism, relentlessness of the selling, pressure to constantly consume, overshopping, creating excess waste, FOMO-inducing messaging, flashy excess and aspirational lifestyle, consumer frenzy*.

В противопоставление этому деинфлюенсинг мыслится как более честное и открытое общение с аудиторией, что отражает кластер **genuinely** (10 ед.): *genuinely, genuine, true, honesty, credibility, honest, authenticity, authentic, trust, reputation*. Впрочем, контекстный анализ показывает, что авторы статей

иногда более аккуратно и критично подходят к оценке этого явления с учетом культуры «новой искренности»: *In an era of fauxthenticity, our view is that deinfluencing may quickly lose its initial intent and become just another clever marketing tactic.* Fauxthenticity – осознанная, продуманная и надуманная попытка казаться подлинным, изящным и естественным [www.urbandictionary.com]; очень продуманные и взвешенные усилия по созданию иллюзии прозрачности и вовлеченности бренда в жизнь обычных людей с помощью не слишком тонких коммуникативных приемов, создание впечатления, что бренду «не все равно» [www.socialmediatoday.com].

Так или иначе, в большинстве анализируемых материалов деинфлюенсинг видится новым средством, более эффективным по сравнению с инфлюенсингом, чья репутация несколько испорчена, способом выстроить более доверительные, партнерские отношения с аудиторией, что отражает кластер **relationships** (14 ед.): *relationships, relationship, experiences, sharing, engage, partner, engagement, engaging, love, share, embracing, partnerships, engaged, conversation*. Ключевые слова, отражающие идеи честности, прозрачности, заботы об окружающей среде, оказываются одними из наиболее частотных в исследуемом материале: *trust* (32 уп.), *authenticity* (28 уп.), *authentic* (14 уп.), *transparency* (28 уп.), *transparent* (5 уп.), *honest* (24 уп.), *honesty* (6 уп.), *genuine* (23 уп.), *credibility* (16 уп.), *sustainable* (10 уп.).

Таким образом, видно, что несмотря на новизну самого феномена деинфлюенсинга, он получил уже достаточно много внимания в онлайн журналистике. Медиа описания этой маркетинговой практики подробно и рассматривают ее как комплексную, многогранную и неоднозначную. Преобладает положительная оценочность по контрасту с критикой инфлюенсинга: деинфлюенсинг ассоциируется с ценностями аутентичности, честности, разумного потребления в противовес растущей усталости потребителей и чувства вины за чрезмерное потребление в условиях беспокойства по поводу состояния окружающей среды и экономики. Однако более детальный контекстный анализ полученных ключевых слов и семантических кластеров позволяет делать выводы о некоторой настороженности относительно деинфлюенсинга и потенциала его воздействия на аудиторию социальных медиа.

Литература

Троценкова Е. В. «Гонка вооружений» в общественно-политическом дискурсе: диалог новых медиа и их аудитории в когнитивном аспекте и роль исследователя // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4(47). С. 520–527.

Извлекатель ключевых слов. URL: <https://wordcount.com/ru/keyword-extractor>

Bainotti L. Trending resistance: a study of the tiktok #deinfluencing phenomenon // AoIR Selected Papers of Internet Research. 2023. URL: <https://doi.org/10.5210/spir.v2023i0.13392>

Fauxthenticity // Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=fauxthenticity>

Free Keywords Clustering Tool. URL: <https://keywordclustering.zenbrief.com>

Getting Real About 'Fauxthenticity'. Published April 16, 2014. URL: <https://www.socialmediatoday.com/content/getting-real-about-fauxthenticity>

E. V. Troshchenkova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

DEINFLUENCING: DISCUSSIONS OF A NEW DISCURSIVE PRACTICE IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

The article deals with a mini-corpus of media articles devoted to the phenomenon of deinfluencing as a relatively new marketing strategy. Based on the method of keywords and semantic clustering with subsequent semantic and contextual analysis, the main topics touched upon in the descriptions of deinfluencing in media texts are identified, and the peculiarities of its interpretation and evaluation are revealed. It is noted that despite the prevailing positive assessment, the phenomenon is conceptualized as complex and controversial.

Key words: influencing, deinfluencing, media discourse, marketing strategies, keyword analysis, semantic clusters, semantic and contextual analysis.

Е. М. Хакимова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
khakimova-elena@yandex.ru

МОББИНГ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЫ

В работе рассматривается моббинг как вид деструктивного общения в ходе профессиональной деятельности. Результатом исследования является описание указанного феномена по таким параметрам, как тип дискурса, роли участников моббинг-процессов, иллюкативная цель моббинга, его когнитивная база и коммуникативно-прагматический инструментарий.

Ключевые слова: моббинг, деструктивное общение, когнитивные структуры, коммуникативная стратегия, речевые тактики, лингвоэкология.

Моббинг (от англ. *mob* «толпа», «окружать толпой, нападать») – травля человека на рабочем месте, разновидность профессионально-деструктивных коммуникаций, опыт которых получают члены многих коллективов в современном социуме. В состав лексической группы, выдаваемой Словарем ассоциаций русского языка онлайн по запросу «моббинг», входят такие единицы, как *давление, издевательство, унижение, агрессия, конфликт, психологическое насилие, жертва, изоляция, дискриминация, страдание* [<https://sinonim.org/as/моббинг>].

Распространенность подобных практик, их сложная природа, разнообразие способов реализации, серьезность негативных последствий – все это делает указанный феномен значимым объектом междисциплинарного научного изучения: появившийся в 1958 г. в публикации зоолога К. Лоренца термин «моббинг» вскоре стал использоваться исследователями в области психологии, социологии, медицины, менеджмента, педагогики, юриспруденции. В ходе комплексного изучения установлены типы участников деструктивных коммуникаций, выявлены их функционально-ролевые, социально-иерархические, гендерные характеристики [Корыстина 2012]. Авторы детально исследуют детерминанты моббинга – личностные (психологические качества коммуникантов, их отношение к профессиональной деятельности); организационные (специфика корпоративной культуры, авторитарный стиль руководства, функционирование компании в условиях кризиса); социетальные (история конкретного общества, особенности социального габитуса, активное использование моделей агрессивного поведения в масс-медиа) [Батаева 2016]. Разработана интегральная классификация видов рассматриваемой реалии по ряду критериев, среди которых количество участников (индивидуальный и групповой моббинг); степень подконтрольности деструктивных процессов (управляемый и стихийный моббинг); частотность проявлений (эпизодический и регулярный моббинг); направление коммуникативного вектора (боссинг, стаффинг, буллинг, сэндвич-моббинг) и другие дифференциальных признаки [Лушников, Чуча, Смирнов 2022]. Значительное внимание уделено описанию конкретных моббинг-действий [Колодей 2007] и корреляционному анализу связи между ними и проявлениями стресса у тех, кто был объектом коммуникативных атак [Булгаков, Булгакова, Шумский 2021]. Одним из ключевых аспектов научного осмысления являются юридические, организационные, личностные способы минимизации последствий моббинга и его профилактика [Бабанов 2016].

Полученные результаты соотносятся с концепцией деструктивного общения, представленной в работах Я. А. Волковой и её соавторов [Волкова

2014; Дмитриева, Волкова 2015; Волкова, Панченко 2016], позволяя рассматривать моббинг как дискурсивное событие, в котором реализуются определенные когнитивные феномены. Цель нашей работы – изучение коммуникативного поведения участников моббинга с фокусом на его речевом компоненте. Эмпирическую базу составили высказывания, репрезентирующие деструктивность как «злокачественную форму агрессии» [Э. Фромм 1994]. Методы исследования – интроспекция, включенное наблюдение, когнитивно-дискурсивный анализ речевого материала. В рамках указанного теоретико-методологического подхода получена характеристика моббинга по ряду параметров.

Тип дискурса – институциональный. Моббинг является видом деструктивного общения в ходе профессиональной деятельности, и его реализация обеспечивается взаимодействием механизмов административного дискурса с реалиями тех общественных структур, на базе которых функционирует «моббингующий» коллектив. Так, в системе высшего образования агрессоры дискредитируют преследуемых коллег в студенческих группах, создают стрессогенную обстановку в ходе процедуры конкурсного отбора на профессорско-преподавательские должности и используют другие специфические для этой функциональной сферы приемы.

Роли участников моббинг-процессов – авторы деструктивного общения (мобберы) и адресаты (непосредственная «мишень» и наблюдатели, стремящиеся сохранить нейтралитет). Характер взаимодействия между ними определяется ресурсным дисбалансом: человек, подвергшийся коммуникативным атакам, ограничен в возможности их отражения из-за более высокого служебного статуса оппонента, количественного превосходства мобберов, собственной психической уязвимости, юридической незащищенности и прочих значимых для деловых коммуникаций факторов. Принципиальное отсутствие паритета отличает моббинг от конструктивных профессиональных конфликтов и придает ему исключительную токсичность, для устранения которой обычно требуется внешнее вмешательство.

Иллокутивная цель дискурсивного события – демонстрация символического доминирования моббера путем публичного унижения оппонента, подавления его субъектности через лишение профессионального и личного достоинства.

Когнитивная база моббинга – концепты и сценарии, образующие глубинную структуру рассматриваемого дискурсивного события. Как и все прочие разновидности деструктивных коммуникаций, моббинг вызывается и поддерживается концептами гнева, ненависти, зависти, обиды, страха

и других негативных эмоций, моделирование которых является одной из актуальных задач эмотивной лингвозкологии. Что касается прототипического когнитивного сценария моббинг-атак, то он включает в себя следующие элементы: наличие раздражающего эмоционального стимула – проявление речевой и / или невербальной агрессии в адрес оппонента – попытка адресата привести контрдоводы – эскалация конфликта, как правило, без внутреннего конструктивного разрешения – увольнение преследуемого сотрудника в большинстве случаев.

Коммуникативно-прагматический инструментарий – стратегия конфронтации, в ходе реализации которой участники моббинг-процессов обращаются к различным речевым тактикам. В нашей работе предметом анализа стали механизмы коммуникативного поведения мобберов. Рассмотрим некоторые из выявленных тактик.

Игнорирование – демонстративный отказ от высказываний как форма социальной эксклюзии. Следует отметить, что в настоящее время эта тактика реализуется не только в формате традиционного делового взаимодействия (например, молчание начальника в ответ на устное приветствие подчиненного или его письменное обращение), но и в цифровом коммуникативном пространстве (отсутствие информации о сотруднике на корпоративном ресурсе).

Ограничение коммуникативной активности оппонента – создание крайне дискомфортных условий для выражения альтернативной позиции. Моббинг исключает полноценный диалог, поскольку агрессоры не предоставляют коллеге слово или постоянно перебивают его уничижительными репликами (*Да пусть вещает, её не переговоришь!*).

Дискредитация – компрометация сотрудника, разрушение его деловой репутации. Для этого используется множество приемов: обесценивание профессиональной деятельности коллеги (*Документы, которые представлены сегодня на конкурс, все в порядке, но есть предыстория вопроса: когда были разработаны дополнительные требования к участникам конкурса на профессорско-преподавательские должности, в университете оказалось много недоработанных профессоров, в том числе и N*); обвинение в нарушении профессиональных и этических норм без приведения доказательств (*отстранен от обязанностей куратора за неудовлетворительную работу по сохранению контингента учащихся; Что вы вводите людей в заблуждение!*); институциональное хамство (*Вы достали нас своими документами! Выйдите из кабинета!*) и другие.

Семиотическими маркерами рассмотренных коммуникативных механизмов являются единицы разных уровней языковой системы: аффикс

с семантикой несоответствия определенной норме (*недо-*), канцеляризмы (*неудовлетворительная работа по сохранению контингента*), субстандартная лексика (*достали*), использование местоимения 3-го лица для указания на присутствующего при обсуждении человека, обилие императивных конструкций и т.д., а также ряд невербальных сигналов – резкий тон замечаний, повышение интонации, угрожающая мимика, жестикуляция, пантомимика. Эффективные способы реагирования на подобные проявления деструктивности в современной науке изучены недостаточно, и мы полагаем, что осмысление речевых практик экологичного противостояния моббингу, позволяющих человеку сохранить свою субъектность с помощью слова, может стать перспективным аспектом дальнейших когнитивно-дискурсивных исследований.

Литература

Бабанов С. А. Моббинг-стратегии в трудовом коллективе и их профилактика // Управление качеством медицинской помощи. 2016. № 1–2. С. 114–124.

Батаева Е. В. Моббинг на рабочем месте (междисциплинарные аспекты изучения) // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 3. С. 49–66. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4587.

Булгаков А. В., Булгакова Е. А., Шумский Д. А. Вертикальный и горизонтальный моббинг в государственных компаниях и организациях среднего профессионального образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 2. С. 79–95. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-2-79-95.

Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014.

Волкова Я. А., Панченко Н. Н. Типология деструктивных коммуникативных личностей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (106). С. 110–117.

Дмитриева О. А., Волкова Я. А. Моббинг как тактика деструктивного институционального общения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 8 (103). С. 83–88.

Колодей К. Моббинг. Психотеррор на рабочем месте и методы его преодоления / пер. с нем. Е. И. Высочиновой. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.

Корыстина Е. С. Об участниках моббинга в организациях // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2012. № 4. С. 132–138.

Лушников А. М., Чуча С. Ю., Смирнов Д. А. Моббинг в трудовом праве и психологии: опыт междисциплинарного подхода // Государство и право. 2022. № 7. С. 155–161. DOI: 10.31857/S102694520021132-6.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994.

E. M. Khakimova (*Chelyabinsk, Russia*)
South Ural State University

MOBBING FROM THE POSITION OF THE COGNITIVE-DISCURSIVE RESEARCH PARADIGM

The paper explores mobbing as a type of destructive communication in professional activities. The description of this phenomenon by such parameters as the type of discourse, the roles of participants in mobbing processes, the illocutionary goal of mobbing, its cognitive base and communicative-pragmatic tools is the result of the study.

Key words: mobbing, destructive communication, cognitive structures, communication strategy, speech tactics, linguoecology.

A. A. Четверикова (*Белгород, Россия*)
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
aanastasia.chetverikova@yandex.ru*

СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА *MENTAL HEALTH* В ДИСКУРСЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ О ПСИХОЛОГИИ

В статье рассматривается смысловая доминанта *MENTAL HEALTH* как способ структурирования дискурса глянцевого журналов о психологии. Данная доминанта реализуется за счет передачи автором таких областей знаний, как *HEALTH, SELF-AWARENESS, SELF-REGULATION, SOCIAL SKILLS, ACCEPTANCE*. Настоящее исследование также раскрывает полимодальную сторону данной смысловой доминанты.

Ключевые слова: дискурс, смысловая доминанта, область знания, полимодальность.

Понятие смысловой доминанты восходит к теории эмоционально-смысловой доминанты, разработанной В. П. Беляниным. Данная психолингвистическая теория применима к изучению разных жанров и разных аспектов текста. В. П. Белянин утверждает, что каждый текст обладает эмоционально-смысловым потенциалом, который выражается в наличии в нем определённых смысловых доминант. Данные доминанты в свою очередь создают речевую системность, которую В. П. Белянин определяет как совокупность лексико-семантических, синтаксических, стилистических, а также эмоционально-образных особенностей текста. В свою очередь,

данные особенности создают целостность текста и, с одной стороны, позволяют выделить текст из числа ему подобных, с другой стороны, объединить его с текстами, схожими с ним в определённом отношении [Белянин 2000].

В исследованиях по когнитивной лингвистике обоснован когнитивно-доминантный принцип организации дискурса. Н. Н. Болдырев и В. С. Григорьева отмечают, что в качестве когнитивных доминант могут выступать «конкретные концепты и категории, концептуально-тематические области, системы ценностей и оценок, стереотипы, модели и схемы восприятия и репрезентации мира в языке» [Болдырев, Григорьева 2018: 15]. Сказанное позволяет предположить, что дискурс любого глянцевого журнала основан на определенных концептуально-тематических областях, которые задают тематическую направленность журнала.

Говоря о смысловых доминантах в дискурсе глянцевых журналов о психологии, необходимо отметить тот, факт, что ценности, транслируемые журналами в последние годы, претерпели изменения. Если ранее глянцевые журналы рассказывали о том, как достигнуть высокого социального статуса, построить карьеру, завоевать признание, то в настоящее время важна любовь к себе, осознанность, принятие, что привело к отказу от постоянного «достигаторства» в пользу сбалансированной жизни. В итоге данное смещение приоритетов в социуме отразилось прежде всего на содержательной стороне дискурса глянцевых журналов о психологии. Теперь в статьях предоставляется информация не о том, как сделать карьеру любой ценой, а о том, как сохранить ментальное здоровье. Знакомство со статьями из таких журналов позволяет говорить, что смысловые доминанты глянцевых журналов о психологии также претерпели изменения.

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать смысловые доминанты дискурса англоязычных глянцевых журналов о психологии. Главной смысловой доминантой данного дискурса является концепт MENTAL HEALTH, который в свою очередь представлен следующими областями знаний: HEALTH, SELF-AWARENESS, SELF-REGULATION, SOCIAL SKILLS, ACCEPTANCE. Данные категории репрезентируются темами статей, иногда и целых рубрик, которые в конечном счете направлены на передачу главной мысли – способах сохранения ментального здоровья.

Рассматривая специфику смысловых доминант в дискурсе глянцевых журналов о психологии, необходимо отметить полимодальный характер сообщения – обязательную составляющую дискурса любого глянцевого журнала (о полимодальности подробнее см. [Ирисханова 2012]). В данном дискурсе полимодальность включает не только изображение, но и цветочное оформление, которое дополнительно оказывает влияние на читателя, вызывая к определенным эмоциям.

Рис. 1

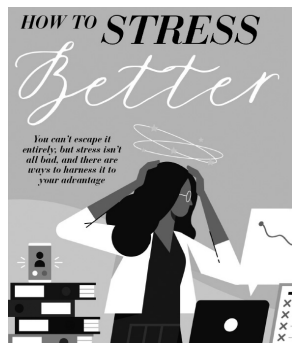

Рис. 2

Прежде всего журналы о психологии полны идей и советов о том, как непосредственно сохранить ментальное здоровье. Например, статья с заголовком “Give your brain a microbreak”, которая рассказывает о важности отдыха и дает практические советы *Just a few minutes' rest can help you reset and recharge. Here's how to refocus your energy quickly and effectively.* Для того, чтобы подчеркнуть важность перезагрузки для мозга, автор сопровождает статью рисунком в виде «цветущего» мозга (рис. 1), метафорически указывая на пользу отдыха [Psychology Now 2024: 110–111].

Ментальное здоровье невозможно без готовности человека здраво реагировать в стрессовых ситуациях, поэтому одной из главных задач журналов о психологии рассказать читателю, как преодолевать трудности и справляться с эмоциями, раскрывая тему “self-regulation”. Так, в статье “How to stress better” автор рассказывает о том, как преодолеть стресс *You can't escape it entirely, but stress isn't all bad, and there ways to hardness it to your advantage.* В заголовках подобных статей обычно используется конструкция *how to...*, которая подразумевает определенную инструкцию, зачастую достаточно простую в исполнении. При этом общая атмосфера статьи достаточно позитивная (рис. 2), включающая светлые тона, которые наталкивают читателя на мысль, что преодоление стресса действительно выполнимая задача [Psychology Now 2024: 52].

В статьях о психологии авторы часто рассказывают читателям о социальных навыках общения в рубриках “social skills”. Так, в статье “The healing power of thinking of others” автор предпринимает попытку убедить читателя в необходимости помогать другим. Подобные статьи предполагают, что, помогая другим людям, человек, прежде всего, делает это на пользу своему здоровью *Self-care is usually thought of as doing things to help ourselves. But*

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

turning our attention towards helping others also benefits our mental and physical health. Статья сопровождается рисунками (рис. 3), на которых изображены люди, оказывающие помощь другим на зеленом фоне, который в свою очередь ассоциируется с исцелением [Psychology Now 2024: 98].

Также смысловая доминанта MENTAL HEALTH реализуется через область знания ACCEPTANCE. Принятие выступает важным аспектом психологической зрелости личности. Оно может касаться эмоций, других людей, неприятных ситуаций. Зачастую данный концепт реализуется в виде конструкции *when/why ... is good*. Например, в следующей статье под названием “why it’s good to cry” автор помогает читателям принять свои слезы. Текст расположен на темно-синем фоне с изображением капель слез и плачущей женщины (рис. 4), что в целом создает печальную картину, располагающую к проявлению подобных эмоций. Подзаголовок *Sometimes a proper blub is the best thing we can do to improve our mood* подчеркивает, что слезы могут принести пользу для общего состояния человека [Psychology Now 2024: 29].

Тема “self-awareness” раскрывается в статьях о познании себя, которые также сопровождаются практическими советами. Так, статья “Radiate confidence” делится с читателем советами о том, как обрести уверенность в себе *Self-doubt holding you back? Channel your inner warrior with our expert tips*. Статья сопровождается изображением (рис. 5) темнокожей девушки с объемными бедрами и заболеванием витилиго, идущей за бабочкой, которая олицетворяет легкость, указывая на тот факт, что даже люди с нестандартной внешностью могут обрести уверенность в себе [Psychology Now 2024: 37].

Таким образом, основной смысловой доминантой глянцевого журнала о психологии является сохранение ментального здоровья, которая репре-

зентуется через такие области знания, как HEALTH, SELF-AWARENESS, SELF-REGULATION, SOCIAL SKILLS, ACCEPTANCE. Все эти категории отражают важные стороны жизни каждого человека, тем самым помогая читателю преодолевать трудности и выстраивать сбалансированную жизнь.

Литература

Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. М.: Тривола, 2000.

Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.

Psychology Now. Volume 6. 2024.

Psychology Now. Volume 9. 2024.

A.A. Chetverikova (Belgorod, Russia)
Belgorod State University

THE BASIC DOMINANT OF MENTAL HEALTH IN THE DISCOURSE OF GLOSSY PSYCHOLOGY MAGAZINES

The article examines the basic dominant of MENTAL HEALTH as a way of structuring the discourse of glossy psychology magazines. This dominant is realized through the author's transfer of such areas of knowledge as HEALTH, SELF-AWARENESS, SELF-REGULATION, SOCIAL SKILLS, ACCEPTANCE. This study also reveals the multimodal side of this basic dominant.

Key words: discourse, basic dominant, field of knowledge, multimodality.

A. O. Чупахина (Санкт-Петербург, Россия)
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
alexandra.chupakhina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ОЦЕНКИ ОБЪЕКТА PERSON В ДИСКУРСЕ ИНТЕРВЬЮ С АНГЛОЯЗЫЧНЫМИ ХУДОЖНИКАМИ

В статье исследуются особенности актуализации оценки человека в дискурсе интервью с англоязычными художниками. Особое внимание уделяется анализу взаимодействия интеллектуальных, эстетических и эмотивных оценочных значений в одном контексте. Делается вывод о том, что в текстах интервью преобладают по-

ложительный и амбивалентный характер оценки, который связан с интерактивностью оценочных значений и обусловлен спецификой объекта оценивания.

Ключевые слова: дискурс интервью с художником, искусствоведческий дискурс, эстетическая оценка, интеллектуальная оценка, эмоциональная оценка, оценка объекта PERSON, эмоционально-оценочный диссонанс.

Оценка в лингвистике является универсальной категорией и выражает субъективное отношение говорящего к объекту действительности. В логико-философских интерпретациях оценка представляется как проявление положительного или негативного отношения к объекту, опирающееся на дихотомию *хорошо/плохо*. При этом структура оценки включает такие компоненты, как субъект, объект, основание и характер оценки [von Wright 1963; Ивин 1970].

Н. Д. Арутюнова трактует оценку как процесс сравнения свойств объекта с идеализированной моделью мира. Положительная оценка дается в случае, если объект соответствует данной модели, а отрицательная – если наблюдается отклонение. Ученый делит оценочные значения на общеоценочные, основанные на дихотомии *хорошо/плохо*, и частнооценочные, которые основаны на квалификации отдельных свойств объекта и делятся на три группы: 1 – *сенсорные оценки*, которые включают сенсорно-вкусовые, интеллектуальные и эмоциональные оценки; 2 – *сублимированные оценки*, включающие эстетические и этические оценки; 3 – *рационалистические оценки*, которые составляют утилитарные, нормативные и телеологические оценки [Арутюнова 1999].

Е. Г. Хомякова и Т. И. Петухова отмечают, что репрезентация оценки может сопровождаться оценочно-эмоциональным диссонансом – явлением, при котором существует несоответствие или конфликт между рациональным, логическим суждением об объекте оценивания и эмоциональной реакцией на него. Оценочно-эмоциональный диссонанс обуславливает актуализацию амбивалентной оценки, которая репрезентируется в речи посредством противоречивых оценочно-эмотивных значений [Хомякова, Петухова 2012].

Целью нашего исследования является выявление специфики языковой репрезентации оценки объекта PERSON и субъективных представлений художника о ценности человека.

На основе семантического толкования из словаря Cambridge Dictionary под объектом PERSON понимается представитель человеческого вида, обладающий индивидуальными чертами характера: “Person – a man, woman, or child; Person is also used when describing someone’s character or personality” [Cambridge Dictionary]. В процессе анализа текстов интервью с англоязыч-

ными художниками были выявлены эстетическая, эмоциональная и интеллектуальная типы оценки. Последовательно рассмотрим актуализацию каждого типа:

I do love the people that I paint. I admire them and much of the subject is about love, and about feeling (Elizabeth Peyton).

В представленном дискурсивном фрагменте развернутую репрезентацию получает эмоциональная оценка художником объекта PERSON посредством эмотивного предиката с положительной семантикой *love* и эмотивных существительных *love, feeling*. Эмоциональная оценка реализуется на синтаксическом уровне путем употребления эмфатического *do* перед предикатом *love*. Эмотивный предикат *admire* одновременно актуализирует эмоциональную и эстетическую оценки, поскольку его семантика включает в себя как семы восхищения, так и наслаждения красотой, которая вызывает положительные эмоции.

В следующем примере художник репрезентирует эстетическую оценку объекта PERSON, при этом в фокусе внимания оказывается невербальное мимическое поведение человека:

I think people's faces look how they do from a lot of internal conscious decision making or even just the movements, how they use their face – it has to do with their emotional character. I think everybody is beautiful, can be beautiful (Elizabeth Peyton).

В рассматриваемом фрагменте репрезентирован объект PERSON в контексте эстетической оценки внешности *people's faces*. Эстетическая оценка носит эксплицитный характер и представлена прилагательным с положительной оценочной семантикой *beautiful*. Объект оценивания рассматривается не только с точки зрения внешнего облика, но и невербального мимического поведения *the movements, how they use their face*. Фрагмент предложения с анафорическим *it* (*it has to do with their emotional character*) свидетельствует о том, что для художницы наибольшей эстетической силой обладает совокупность внутренних эмоциональных качеств человека, которые отражаются в его мимике.

Рассмотрим пример актуализации интеллектуальной оценки объекта PERSON:

I became really fond of her as a friend. She had read a great deal. Her letters to me in the wintertime were fabulous, telling me of moose and foxes that she would see crossing the open fields on moonlight nights [Hoving 1978: 126]

В представленном дискурсивном фрагменте интеллектуальная оценка получает репрезентацию посредством предиката с положительной

эмотивной семантикой *became really fond of*, который эксплицирует, что художник заинтересован в объекте оценивания *fond of her as a friend* как в друге, с которым интересно общаться, что подтверждает предложение *She had read a great deal*. Использование интенсификатора *a great deal* в сочетании с предикатом *had read* акцентирует внимание на высокой степени образованности и обширных знаниях объекта оценивания. Характеристика писем прилагательным с положительной оценочной семантикой *fabulous* свидетельствует о том, что они имеют хороший слог и содержат интересную информацию, что объективирует положительную интеллектуальную оценку объекта PERSON.

Вместе с тем, особенность актуализации оценки объекта PERSON в рассматриваемых текстах интервью заключается в доминирующем интегративном характере оценочных значений: как правило, в речевых высказываниях одновременно актуализируется несколько типов оценок, которые преимущественно имеют положительный или амбивалентный оттенок, но никогда – негативный.

Рассмотрим примеры, в которых художники репрезентируют эстетический, эмоциональный и интеллектуальный типы оценки одновременно:

He had a very interesting, asymmetrical face. Everyone thought of time as a blur, but he had a very specific face. I remember wanting to bring Bacon out from behind the blur. I wanted to know him not just as an art world person, but as ... I don't know ... as a friend I suppose (Lucien Freud).

В рассматриваемом примере художник описывает то, что его привлекло в объекте оценивания: необычная внешность и личность человека. Эстетическая оценка получает репрезентацию посредством использования прилагательных *interesting, asymmetrical* и *specific*, которые в одном контексте актуализируют амбивалентный характер оценки, так как в рамках описания внешнего вида они создают эмоционально-оценочный диссонанс – художник получает эмоциональное и эстетическое удовольствие от внешности, несоответствующей общепринятым канонам красоты. Вместе с тем, необычная внешность объекта оценивания побуждает художника узнать человека ближе, о чем свидетельствует фрагмент *I wanted to know him as a friend*, который в контексте высказывания имплицитно интеллигентно оценивает, поскольку процесс узнавания человека происходит в связи с взаимным интересом в общении.

I'm very inspired by them or there is something I really want to know about or understand in them. So, fascination? Yes. Admiration? Yes. But also curiosity – I get fascinated by what people are doing and what they're making and how it's what I need at that moment (Elizabeth Peyton).

Представленный пример иллюстрируют положительную оценку объекта PERSON, которая объективируется существительными с положительной оценочно-эмотивной семантикой *fascination*, репрезентирующее эмоциональную оценку, *admiration*, репрезентирующее эстетическую оценку, и *curiosity*, репрезентирующее интеллектуальную оценку. Использование однокоренных предикатов *want to know about*, *understand* также указывают на интеллектуальный характер оценки, поскольку художница стремится ближе узнать объект PERSON. Предикат *get fascinated* эксплицирует положительную эмоционально маркированную оценку деятельности объекта *by what people are doing and what they're making*.

Таким образом, художник формирует особые отношения с человеком, портрет которого он хотел бы написать. Данные отношения включают эмоциональную привязанность, эстетическое восхищение и интеллектуальный интерес, которые обуславливают объективацию на вербальном уровне эстетических, эмоциональных и интеллектуальных оценочных значений. Особенностью оценочных высказываний является их интегративный характер: чаще всего в одном контексте сочетаются эстетический, эмоциональный и интеллектуальный типы оценок, создающие многогранный образ объекта PERSON. Языковую репрезентацию рассматриваемые типы оценки получают посредством лексических единиц с преимущественно положительной эмотивной и оценочной семантикой, а также посредством синтаксических конструкций, которые способствуют эмфатизации высказываний.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 130–274.
- Ивин А.Л. Основания логики оценок. М.: Изд-во Московского университета, 1970.
- Хомякова Е.Г., Петухова Т.И. Понятие эмоционально-оценочного диссонанса и его репрезентация в англоязычном тексте // Материалы XLI Международной филологической конференции. Вып. 16. СПб., 2012. С. 56–60.
- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/>
- Elizabeth Peyton: 'help me feel my feelings' (an interview) by Paul Laster. URL: <https://www.conceptualfinearts.com/cfa/2016/12/19/i-portait-people-who-help-me-feel-my-feelings-an-interview/>
- Hoving T., Wyeth A. Two Worlds of Andrew Wyeth: A Conversation with Andrew Wyeth. Houghton Mifflin Harcourt, 1978.
- Lucian Freud in conversation with Michael Auping. URL: <https://www.bridgemanimages.com/en/lucian-freud-michael-auping/11600>
- Von Wright H. The Varieties of Goodness. London: Routledge, 1963.

A. O. Chupakhina (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

ACTUALIZATION OF PERSON EVALUATION IN THE DISCOURSE OF INTERVIEWS WITH ENGLISH-SPEAKING ARTISTS

The article explores the features of actualization of person evaluation in the discourse of interviews with English-speaking artists. Special attention is paid to analyzing the interaction of intellectual, aesthetic and evaluative meanings in one context. The positive and ambivalent character of evaluation prevails in the texts of interviews, which is connected with the interactivity of evaluative meanings and is conditioned by the specificity of the object of evaluation.

Key words: artist interview discourse, art discourse, aesthetic evaluation, intellectual evaluation, emotional evaluation, PERSON object evaluation, emotional-evaluation dissonance.

Е. А. Шефер (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
sheferea@susu.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОГНИТИВНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР В ДИСКУРСЕ ТРУДОВОГО ПРАВА

Настоящая статья посвящена изучению категоричности/некатегоричности в англоязычном и русскоязычном дискурсах трудового права. Основное внимание уделяется взаимодействию когнитивного и языкового секторов универсальной интегральной модели категоричности/некатегоричности в Трудовых кодексах РФ и Канады с целью выявления различий двух культур.

Ключевые слова: категоричность, некатегоричность, дискурс трудового права, когнитивный сектор, вербализация.

Трудовое право, как особая область юридической практики, требует точного использования языка, поэтому необходимость уточнения языка права в юридическом дискурсе назрела давно [Барабаш 2015: 24]. Мы исследуем категорию категоричности/некатегоричности (К/НК) в рамках интегрального подхода, разработанного Т.Н. Хомутовой, для выявления универсальных характеристик данной категории в полном объеме [Хомутова 2010: 93]. Взаимодействие когнитивных и языковых структур в дискурсе трудового

права позволяет определить влияние культурных различий на правовые нормы и их интерпретацию.

Категория К\НК была проанализирована в русскоязычном дискурсе трудового права на материале «Трудового кодекса РФ» (92811 словоупотреблений) [ТК РФ] и в англоязычном – на материале «Трудового кодекса Канады» (93560 словоупотреблений) [Canada Labour Code]. В результате интегрального анализа мы получили актуальные интегральные модели категории К/НК в дискурсе трудового права в двух языках [Шефер 2022: 641; Шефер 2023: 804]. Сопоставительный лингвокультурологический анализ вышеуказанных моделей позволил выявить универсальную (или «общую для данной выборки языков» [Шабан 2020: 68]) интегральную модель категории К/НК дискурса трудового права, которая послужит основой для исследования когнитивных и языковых структур в их взаимодействии.

Когнитивный сектор

Когнитивный сектор категории К/НК в дискурсе трудового права представляет собой фрагмент знания в области трудового права, который можно проанализировать через призму концептосфер. Сопоставительный анализ данных позволяет нам отметить, что концептосферы категоричности в англоязычном и русскоязычном дискурсах трудового практически совпадают по составляющим их концептам: ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ/OBLIGATION, УВЕРЕННОСТЬ/ASSURANCE, ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИЗНАКА/ FEATURE RESTRICTION, однако различаются по своим количественным показателям. Например, концепт ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ в русском языке представлен 2094 маркерами, тогда как в английском – 1471. Концепт УВЕРЕННОСТЬ в русском языке представлен 158 маркерами, в английском языке концепт ASSURANCE – 46. Концепт ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИЗНАКА в русском языке насчитывает всего лишь 183 маркеров, в то время когда в английском языке концепт FEATURE RESTRICTION по количественным показателям стоит на первом месте и составляет 1662 маркера. Такое расхождение в показателях можно объяснить специфической чертой англоязычной культуры по отношению к деятельности – концентрацией на решении проблемы. По отношению к пространству англоязычная культура индивидуалистична, где четко определен адресат права и обязанностей.

Концептосфера некатегоричности в дискурсе трудового права исследуемых языков также демонстрирует совпадение по трем ключевым концептам: ДОПУСТИМОСТЬ/POSSIBILITY, ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ/STIPULATION, ОГРАНИЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОВОРЯЩЕГО/ LIABILITY

RESTRICTION. Однако в количественном отношении в англоязычном дискурсе преобладает концепт POSSIBILITY с 828 маркерами против 278 маркеров концепта ДОПУСТИМОСТЬ в русскоязычном дискурсе, а концепт STIPULATION / ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ – 449 маркеров против 227 маркеров в русскоязычном дискурсе. В то же время, концепт ОГРАНИЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОВОРЯЩЕГО (283 маркера) количественно прева-лирует в русскоязычном дискурсе трудового права над концептом LIABILITY RESTRICTION в англоязычном праве (107 маркеров), определяя характерные черты англоязычной культуры по отношению к характеру аргументации, ввиду фактуальности и конкретности текстов законодательных актов.

Языковой сектор

На морфологическом уровне сопоставительный анализ показал, что универсальной характеристикой категоричности является форма настоящего времени глаголов для выражения «настоящего предписания». В русском языке таких форм было выявлено 1736 (*устанавливается, допускается, предоставляется*), в то время как в английском – 745 (*becomes, begins, applies*), что подтверждает авторитарные культурные ценности, присущие русскому языку. Универсальных морфологических средств вербализации некатегоричности нами выявлено не было.

Универсальные лексические средства вербализации категоричности включают модальные слова и глаголы с семантикой долженствования и необходимости. В английском языке они представлены в большем количестве – 732 словоупотребления (*shall, must, will*), в то время как в русском языке – 279 (*обязан, должен необходимо*). Менее частотное использование модальных слов в русскоязычном дискурсе компенсируется формой настоящего времени глагола, которая передает необходимую степень категоричности. Глаголы речи с семантикой уверенности также встречаются в англоязычном и русскоязычном дискурсах трудового права в разном количестве. В русскоязычном дискурсе было выявлено 41 словоупотребление глагола речи с семантикой уверенности (*утверждать, требовать*), который превышает показатель в англоязычном дискурсе – 23 (*declare, claim*), что связано с авторитарными качествами русской культуры. Определительные и отрицательные местоимения и наречия используются в дискурсах трудового права обоих языков для выражения уверенности, однако, со значительной разницей в количественных показателях в пользу англоязычного дискурса трудового права – 1662 (*any, no, every*) словоупотребления против 144 (*любой, каждый, все*) в русскоязычном дискурсе. Высокий показатель определительных

местоимений в англоязычном дискурсе связан с культурными ценностями по отношению к пространству, которые ориентированы на личное пространство и являются индивидуалистическими, поэтому здесь наблюдается четкое указание, на кого или на что распространяется то или иное право или обязательство. Русскоязычная культура относится к общественным, поэтому показатель ориентирования на личность невысокий.

Некатегоричность в обоих языках представлена модальными глаголами и словами с семантикой возможности и допустимости. В англоязычном дискурсе данный показатель превалирует и составляет 828 словоупотреблений (*could, might, may*), а в русскоязычном дискурсе данный показатель равен 278 (*возможно, могут быть, может быть*). Еще одним универсальным маркером некатегоричности являются словосочетания, указывающие на источник информации, не имеющий отношения к говорящему, тем самым ограничивая ответственность говорящего. В данном случае русскоязычные маркеры в количестве 283 (*в соответствии, согласно*) превалируют над англоязычными, которые насчитывают 107 (*in accordance with, in the opinion of, according to*) маркеров. Таким образом, в русскоязычном Трудовом кодексе прослеживается большее количество ссылок на другие источники права, что указывает на то, что авторы данного законодательно акта при формулировании правовых норм опирались на факты, на другие нормативно-правовые акты, ограничивая ответственность говорящего, а не действовали интуитивно.

Анализ синтаксических структур показал, что обусловленность правовой нормы в обоих языках выражается с помощью сложноподчиненных предложений с придаточным условным практически с одинаковой частотой в процентном отношении относительно общего числа средств вербализации некатегоричности: 26,5% в англоязычном (*A person shall not make a complaint under subsection (1) if they have made a complaint that is based... [Canada Labour Code]*) и 28% в русскоязычном дискурсах (*Если работник в день увольнения не работал, то соответствующие суммы должны быть выплачены не позднее следующего дня... [ТК РФ]*). Мы считаем, что полученный результат обусловлен регламентированностью Трудового кодекса, его фактуальностью и конкретностью в обоих языках.

Взаимодействие когнитивных и языковых структур в дискурсе трудового права демонстрирует значительные культурные различия между русским и английским языками. Эти различия проявляются как в количественных показателях использования концептов, так и в морфологических, лексических и синтаксических средствах вербализации. Однако по своим качественным характеристикам исследуемые когнитивные и языковые структуры оказались во многом схожи, что обусловлено стандартизованностью и регламен-

тированностью правовых отношений в обеих культурах. Понимание этих аспектов является ключевым для более глубокого анализа правовых норм и их интерпретации в различных культурных контекстах.

Литература

Барабаш О. В. Энантиосемия в языке правовых актов. // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: мат-лы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. Том 4. СПб.: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», 2015. С. 23–28.

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N197-ФЗ (ред. от 30.04.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

Хомутова Т. Н. Научный текст: интегральный подход. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010.

Шабан А. К. Средства вербализации вежливости в деловом дискурсе: универсальное и культурно-специфическое (на материале английского, арабского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2020.

Шефер Е. А. Интегральный анализ категории категоричности / некатегоричности в русскоязычных источниках трудового права // Евразия-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации: мат-лы Международного научного культурно-образовательного форума, Челябинск, 06–08 апреля 2022 г. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. С. 639–642.

Шефер Е. А. Интегральная модель категории категоричности / некатегоричности в англоязычных источниках трудового права // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4(55). С. 802–806.

Canada Labour Code (R.S.C., 1985, c. L-2). URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/L-2/>

E. A. Shefer (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

INTERACTION OF COGNITIVE AND LANGUAGE STRUCTURES IN LABOUR LAW DISCOURSE

The paper deals with the study of categoricity/non-categoricity in English- and Russian-language discourses of labour law. The main attention is paid to the interaction of cognitive and linguistic sectors of the universal integral model of categoricity/non-categoricity in the Labour Codes of the Russian Federation and Canada in order to reveal the differences between the two cultures.

Key words: categoricity, non-categoricity, labour law discourse, cognitive sector, verbalization.

Н. В. Шилова (Ярославль, Россия)
Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского
n.shilovanina@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЧАСТИЦЫ В КОНТЕКСТЕ НЕЙРОСЕТЕВОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена роли коммуникативных частиц в нейросетевом дискурсе. Рассматриваются функции языковых элементов, такие как уточнение смысла, выражение эмоций и структурирование диалога. Анализ их использования в взаимодействии с искусственным интеллектом подчеркивает их значимость для создания более естественного и эффективного общения между пользователями и ИИ.

Ключевые слова: коммуникативные частицы, нейросетевой дискурс, искусственный интеллект, уточняющие частицы, эмоциональные частицы, согласительные частицы, сомнительные частицы.

С развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ) и нейросетевых моделей, коммуникация между человеком и машиной становится все более сложной и многогранной. Эффективное взаимодействие в этом контексте требует от искусственного интеллекта умения не только обрабатывать информацию, но и учитывать эмоциональные, интонационные и контекстуальные аспекты общения. Одним из ключевых компонентов, способствующих созданию более естественного и человеческого диалога, являются коммуникативные частицы – слова и выражения, которые, несмотря на отсутствие самостоятельного лексического значения, играют значимую роль в структуре и интерпретации высказывания. Коммуникативные частицы, такие как *да, нет, наверное, все-таки* и другие, выполняют функции модальности, эмфазы и дискурсивного управления, что способствует созданию более естественного и понятного диалога [Купцов 2021; Купцов, Шилова 2024]. Однако в условиях нейросетевого дискурса, где отсутствуют невербальные сигналы и контекстуальные подсказки, их значение приобретает особую актуальность. Таким образом, правильное использование коммуникативных частиц может существенно повлиять на восприятие сообщений и качество взаимодействия с искусственным интеллектом.

Цель данной статьи заключается в исследовании роли коммуникативных частиц в контексте нейросетевого дискурса. Рассматриваются их функции, примеры использования в диалогах с нейросетями и влияние на восприятие

текста. В результате предполагается выявить, каким образом знание о коммуникативных частицах может способствовать созданию более эффективных и естественных моделей общения с искусственным интеллектом.

Нейросетевой дискурс представляет собой новый подход к анализу и генерации текстов, основанный на применении нейронных сетей и технологий обработки естественного языка (NLP), а также методов машинного обучения и анализа данных. В отличие от традиционных моделей, нейросетевые системы способны не только обрабатывать текстовые данные, но и извлекать из них смысл, создавая связный и контекстуально релевантный дискурс.

Нейросетевой дискурс часто строится в форме вопросов и ответов. Пользователь задает вопрос или делает утверждение, а ИИ отвечает на него, основываясь на своем обучении и доступной информации. Важно, чтобы ответы были не только информативными, но и уместными в контексте. Рассмотрим основные характеристики нейросетевого дискурса с генерированными примерами.

Одной из ключевых характеристик нейросетевого дискурса является его способность учитывать контекст общения. Нейронные сети могут анализировать предшествующие сообщения и извлекать из них информацию, благодаря механизмам внимания (attention mechanisms), которые позволяют моделям фокусироваться на наиболее значимых частях текста. Например:

Пользователь: Я вчера смотрел фильм о космосе.

ИИ: Это интересно! Какой именно фильм вы смотрели? Вам понравился сюжет?

Пользователь: Да, это был «Интерстеллар».

ИИ: «Интерстеллар» действительно захватывающий фильм! Как вы относитесь к его концепции времени и пространства?

Нейросетевой дискурс обладает высокой степенью связности. Модели способны генерировать длинные тексты, которые сохраняют логическую структуру и последовательность. Например:

Пользователь: Напиши рассказ о приключениях кота.

ИИ: Однажды в маленьком городке жил кот по имени Мурзик. Он был не просто домашним питомцем, а настоящим искателем приключений. Каждое утро он покидал дом и исследовал окрестности. Однажды, прогуливаясь по парку, он встретил дружелюбную белку по имени Снежка, которая предложила ему помочь найти потерянный орех. Вместе они отправились в увлекательное путешествие, полное неожиданных встреч и забавных ситуаций...

Нейросетевые модели могут адаптироваться к различным стилям и жанрам общения. Они способны изменять тональность и лексику в зависимости от заданного контекста или предпочтений пользователя. Например:

Пользователь: Мне нужно написать деловое письмо.

III: Конечно! Какую информацию вы хотите включить в письмо?

Пользователь: Я хочу поблагодарить коллегу за помощь в проекте.

III: Вот пример: «Уважаемый [Имя], хотел бы выразить свою искреннюю благодарность за вашу помощь в нашем недавнем проекте. Ваши идеи и поддержка были неоценимыми для достижения успеха...»

Современные нейросетевые модели могут анализировать эмоциональную составляющую текста и адаптировать свои ответы в соответствии с настроением собеседника. Например:

Пользователь: Я сегодня очень расстроен.

III: Мне жаль слышать, что вы расстроены. Хотите поговорить об этом? Иногда обсуждение своих чувств может помочь.

Пользователь: Да, я не знаю, как справиться с давлением на работе.

III: Понимаю, это может быть очень тяжело. Возможно, стоит рассмотреть методы управления стрессом, такие как медитация или прогулки на свежем воздухе.

Нейросетевые модели могут переводить тексты и генерировать ответы на разных языках, сохраняя при этом смысл и контекст. Например:

Пользователь: Можешь перевести «Как дела?» на испанский?

III: Конечно! «Как дела?» переводится на испанский как «¿Cómo estás?»

Пользователь: А как будет «Спасибо»?

III: «Спасибо» на испанском – «Gracias».

Нейросетевой дискурс эффективно обрабатывает большие объемы текстовых данных, выявляя закономерности, темы и тренды, что открывает новые возможности для анализа социальных медиа, научных публикаций и других источников информации. Например:

Пользователь: Какие тенденции в социальных медиа сейчас актуальны?

III: На основе анализа последних данных можно выделить несколько ключевых тенденций: рост популярности коротких видеороликов, увеличение интереса к экологическим темам и активное использование платформ для онлайн-образования. Эти тренды показывают, что пользователи ищут более интерактивные и значимые способы взаимодействия с контентом.

Нейросетевой дискурс представляет собой сложное взаимодействие между человеком и искусственным интеллектом, которое требует учета множества факторов: структуры диалога, адаптивности, использования

языковых элементов и обработки эмоциональной окраски. Эффективное взаимодействие в этом контексте зависит от способности ИИ понимать и реагировать на потребности и ожидания пользователя, создавая тем самым более естественный и продуктивный диалог.

Коммуникативные частицы играют важную роль в диалогах с нейросетями, так как они помогают уточнять смысл, выражать эмоции и делать общение более естественным и человечным. Рассмотрим примеры использования таких частиц в диалогах с ИИ. 1. Уточняющие частицы (*то есть, например, на самом деле, в общем, как бы, а именно* и другие) помогают прояснить информацию или задать дополнительные вопросы для более глубокого понимания. Например:

Пользователь: Мне нужно сделать отчет.

ИИ: То есть вы хотите, чтобы я помог вам собрать данные для отчета?

2. Эмоциональные частицы (такие как *ну, вот, правда, все-таки, наверное, возможно, точно* и другие) придают высказыванию эмоциональную окраску, помогают выразить чувства или отношение к сказанному. Например:

Пользователь: Я очень переживаю по поводу предстоящего экзамена.

ИИ: Понимаю, это может быть действительно стрессовым. Возможно, стоит попробовать немного расслабиться перед ним.

3. Согласительные частицы (*да, конечно, ну да, так точно, естественно* и другие) подтверждают информацию или выражают согласие с предыдущим высказыванием. Например:

Пользователь: Мне кажется, что я не справлюсь с этим проектом.

ИИ: Да, иногда это действительно может быть сложно. Но давай рассмотрим, как можно упростить задачу.

4. Сомнительные частицы (*может быть, как будто, возможно, не знаю, не уверен, наверное* и другие) выражают неуверенность или колебания относительно сказанного. Например:

Пользователь: Я не знаю, стоит ли мне принимать это предложение.

ИИ: Может быть, стоит обдумать все плюсы и минусы, прежде чем принимать решение?

Таким образом, знание о коммуникативных частицах и их функциях в естественном языке открывает новые горизонты для разработки более эффективных и естественных моделей общения с искусственным интеллектом. В будущем дальнейшие исследования в этой области могут привести к созданию ИИ, который не только понимает смысл слов, но и способен учитывать нюансы человеческой коммуникации, что в свою очередь откроет новые возможности для применения технологий в различных сферах жизни.

Литература

Купцов А. Е., Шилова Н. В. Дидактический функциональный диапазон дискурсивных маркеров в художественном дискурсе при обучении студентов языковых специальностей // Словарь. Лингвокультура. дискурс: Коллективная монография. В 2-х томах. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2024. С. 150–158.

Купцов А. Е. Коммуникативные частицы как языковые средства репрезентации дополнительной информации в художественном дискурсе: на материале английского, испанского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2021.

N. V. Shilova (Yaroslavl, Russia)

*Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky*

COMMUNICATIVE PARTICLES IN THE CONTEXT OF NEURAL NETWORK DISCOURSE

The article is devoted to the role of communicative particles in neural network discourse. The functions of linguistic elements are considered, such as clarifying meaning, expressing emotions, and structuring dialogue. An analysis of their use in interaction with artificial intelligence highlights their importance for creating more natural and effective communication between users and AI.

Key words: communicative particles, neural network discourse, artificial intelligence, clarifying particles, emotional particles, consonant particles, doubtful particles.

E. С. Шмельёва (Москва, Россия)

*Московский государственный
лингвистический университет
katherineshm@gmail.com*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕТАФОРИЗАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТАБЛОИДАХ 2000–2024 гг.

Текущее исследование посвящено рассмотрению основных направлений метафоризации в современном медийном дискурсе. В ходе анализа статей из тиражных таблоидов 2000–2024 гг. выявлены концептуальные метафоры (КМ), активируемые разноуровневыми стилистическими приемами (СП). Данные о частотности реа-

лизации КМ всех типов также сопоставлены с результатами, полученными ранее в отношении таблоидов 1990–1999 гг.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафоризация, стилистический прием, медийный дискурс, таблоид.

Исследование проведено в продолжение научных изысканий, осуществленных на предыдущем этапе в отношении выборки статей из тиражных таблоидов (*The Daily Express*, *The Daily Mail*, *The Sun*) за 1990–1999 гг. (см. [Шмелёва 2024a]), и нацелено на определение основных направлений метафоризации в актуальной популярной прессе на английском языке. На текущем этапе из указанных источников была отобрана сопоставимая по объему выборка текстов за 2000–2024 гг., а именно, 54 статьи объемом от 622 п. з. до 7621 п. з. различной жанровой направленности.

Первоначально в ходе исследования решалась задача, связанная с лингвостилистическим анализом текстов для выявления случаев контекстуальной реализации стилистических приемов всех языковых уровней. Уточним, что, вслед за Е. Г. Беляевской, под стилистическим приемом (СП) мы понимаем когнитивную «модель формирования контекста», которая «по-разному функционирует в разных типах дискурса» [Беляевская 2013: 9]. Исходя из данного определения, фиксировались все установленные СП вне зависимости от степени их креативности в дискурсе изучаемого типа, в результате чего суммарное число установленных СП составило 2077.

Далее была предпринята попытка концептуального анализа выявленных СП с целью установления основных направлений метафоризации в изучаемых текстах. Метафоризация, вслед за В. Н. Телия, трактуется нами как способ «представления действительности и мышления о ней в определенном вербально-ассоциативном диапазоне» [Телия 1988: 185–186]. Мы полагаем, что основным средством реализации такого представления служат СП, которые, формируя образность, активируют соответствующие концептуальные метафоры (КМ), что позволяет автору и получателю сообщения понимать и переживать «сущности одного вида в терминах сущности другого вида» (см. в [Лакофф, Джонсон 1987]). Согласно подсчетам, 241 СП из 2077 СП выборки (т. е. 12% всех СП) вербализуют КМ, выступая инструментом метафорического осмысления описываемых персоналий, событий и явлений.

На финальном этапе исследования установленные случаи активации КМ были классифицированы в соответствии с типологией А. П. Чудинова

[Чудинов 2001], вследствие чего в статьях выборки выделены антропо- и социоморфные, природоморфные и артефактные КМ. Заметим, что случаи активации антропо- и социоморфных КМ изучались в рамках исследования совместно, поскольку в медийном дискурсе, ввиду полиадресного характера его воздействия, зачастую сложно провести разграничение между отдельным индивидом и индивидом как частью общества. По итогам подсчетов было установлено, что наиболее часто в текстах выборки реализуются антропо-/ социоморфные КМ (130 КМ, т.е. 54% от КМ выборки), при этом число зафиксированных природоморфных КМ и артефактных КМ фактически идентично – 58 КМ и 56 КМ, что соответственно составляет 24% и 22% от КМ выборки. Преобладание **антропо-/социоморфного** направления метафоризации было прогнозируемо в силу антропоцентричной ориентации таблоидов, связанной с установкой в первую очередь на освещение деталей жизни публичных личностей. Заметим, что при анализе текстов англоязычных таблоидов 1990–1999 гг., число таких КМ также составило более половины (60%) от всех выявленных случаев [Шмелёва 2024а: 359].

Среди установленных примеров реализации антропо-/социоморфных КМ представляется возможным выделить следующие наиболее широко представленные подгруппы: КМ, относящиеся к описанию человека, включая части тела / болезни (1), эмоции / отношения (2); а также КМ, указывающие на деятельность человека, включая борьбу (3), путешествие (4), спорт / игру (5), религию / мифологию (6) и театр (7).

(1) *American communities plagued by violent crime*. – Американские сообщества, пораженные («зачумленные») насилием (The Sun, 23.07.2020).

(2) *The UK divorce from the EU*. – «Развод» Великобритании с ЕС (The Sun, 17.01.2019).

(3) *The five surviving Tory leader hopefuls will cross swords for the first time tomorrow*. – Пятеро оставшихся кандидатов на пост лидера тори завтра впервые «скрестят шпаги» (The Daily Mail, 14.07.2022).

(4) *The direction of travel in the EU was further integration*. – Направлением движения в ЕС была дальнейшая интеграция (The Daily Mail, 17.05.2013).

(5) *A marathon press conference lasting nearly three hours*. – «Марафонская» пресс-конференция продлилась почти три часа (The Daily Mail, 17.05.2013).

(6) *The self-styled prophet paints a grim vision of what's waiting for us in the new year*. – Самопровозглашенный «пророк» рисует мрачное видение того, что нас ждет в новом году (The Sun, 11.11.2017).

(7) *This country is isolating itself <...> on the world stage.* – *Эта страна изолирует себя <...> на мировой арене* (The Sun, 31.12.2016).

Целесообразно подчеркнуть, что активация КМ может осуществляться различными СП, создающими образность в тексте. Так, в приведенных контекстах КМ актуализируются посредством СП метафоры разной степени выразительности (1–4; 6–7), а также СП эпитета (5).

Как отмечалось ранее, на **природоморфные КМ** приходится около четверти всех зафиксированных примеров метафоризации, что полностью совпадает с результатами, полученными в отношении популярной прессы 1990–1999 гг. [Шмелёва 2024а: 360]. Примечательно, что значительная часть выявленных метафоричных контекстов носит клишированный характер, в особенности те из них, в которых активируется КМ воды (8):

(8) *Jeremy Corbyn DIDN'T cause surge in young voters.* – *Джереми Корбин НЕ вызвал приток молодых избирателей* (The Sun, 29.01.2018).

Другие широко представленные подгруппы природоморфных КМ с более высоким креативным потенциалом строятся на метафоричном сравнении с явлениями природы / катаклизмами (9) и с животными (10).

(9) *Chile's Bachelet approval sinks amid political and natural storms.* – *Рейтинг одобрения [Мишель] Бачелет в Чили падает на фоне политических и природных бурь* (The Daily Mail, 01.04.2015).

(10) *McCarthy's stinging rebuke.* – *«Жалаящий» упрек Маккарти* (The Sun, 21.07.2021).

В приведенных контекстах КМ актуализируются посредством СП зевгмы (9) и СП эпитета (10).

В отличие от природоморфных КМ, демонстрирующих фактически идентичную частотность реализации в текстах таблоидов 1990–1999 гг. и в популярной прессе 2000–2024 гг., при анализе **артефактных КМ** были зафиксированы значимые отклонения в полученных результатах. Так, общее число артефактных КМ в текстах 2000–2024 гг. превысило показатель по статьям 1990–1999 гг. [Шмелева 2024а: 361] в 1,5 раза. Замечено, что большая часть КМ данного типа активируется метафорами, фактически ставшими «антикреативными» в медийном дискурсе.

Часть зафиксированных артефактных КМ при этом строится на оригинальном сравнении с машинами / механизмами (11):

(11) *Mr Sarkozy, 59, used the UMP leadership to propel him to victory.* – *59-летний Саркози использовал руководство СНД в качестве «двигателя» к победе* (The Daily Mail, 29.11.2014).

Существенным отличием специфики реализации артефактных КМ в текстах анализируемого периода по сравнению со статьями 1990–1999 гг.

стало появление направления метафоризации, которое связано с современными технологиями. Мы склонны объяснять частотность реализации артефактных КМ такого рода в текстах 2000–2024 гг. продолжающейся компьютеризацией общества, что оказывает влияние на языковую картину мира, ретранслируемую прессой (12):

(12) *You check your personal rating on social media before plugging yourself into a virtual world.* – Ты проверяешь свой личный рейтинг в соцсетях перед тем, как подключить себя к виртуальному миру (The Sun, 18.10.2018).

Пример (12) активирует артефактную КМ, которая строится на метафорическом уподоблении человека машине (компьютеру).

Перейдем к выводам. Анализ текстов из англоязычных таблоидов 2000–2024 гг., а также сопоставление с данными предыдущего этапа исследования, проведенного на материале прессы 1990–1999 гг., установили, что основные направления метафоризации демонстрируют диахроническую устойчивость в прессе выбранного типа. Незначительные отклонения в полученных результатах, по нашим подсчетам, связаны с увеличением числа артефактных КМ, указывающих на современные электронные устройства, что отражает изменения в языковой картине мира вследствие научно-технического прогресса. Общие тенденции метафоризации в текстах прессы при этом остаются неизменными, что может свидетельствовать о влиянии самого дискурса выбранного типа на языковую структуру сообщения.

Литература

Беляевская Е. Г. Моделирование стилистических приемов в дискурсе // Вестник МГЛУ. 2013. Вып. 17 (677). Сер. Языкознание. С. 7–17.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. 1987. URL: <http://www.philo-logu.ru/lin-guistics1/lakoff-johnson-90.htm>.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 185–186.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Шмелева Е. С. Основные направления метафоризации в англоязычном медиадискурсе (на материале таблоидов 1990–1999 гг.) // Когнитивные исследования языка. 2024а. № 5(61). С. 357–362.

Шмелева Е. С. К вопросу об (анти)креативности медийного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024б. № 8(889). С. 130–136.

E. S. Shmelyova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

KEY METAPHORIZATION DIRECTIONS IN ENGLISH LANGUAGE TABLOID ARTICLES DATED 2000–2024

The study researches the main directions of metaphORIZATION in contemporary media discourse. Analysis of sample articles from high-circulation tabloids dated 2000–2024 has identified the stylistic devices (SDs) respectively activating conceptual metaphors (CMs). The occurrence frequency of CMs of all types has been then compared with the results of the previous stage of study implemented on the basis of tabloids dated 1990–1999.

Key words: conceptual metaphor, metaphORIZATION, stylistic device, media discourse, tabloid.

Н. В. Шутёмова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
n.shutemova@spbu.ru

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА В ЖАНРЕ ДЕКЛАРАЦИИ О ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ОБЪЕКТА ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Исследование нацелено на изучение специфики реализации эстетической оценки в одном из жанров институционального дискурса, входящих в документацию проекта «Всемирное наследие». Выявлено, что данный вид характеристики относится ко всем видам объектов, не ограничиваясь культурными, а его языковая репрезентация сочетает экспрессию и стандарт, проявляющиеся в рекуррируемых эпитетах.

Ключевые слова: категория оценки, эстетическая оценка, институциональный дискурс, жанр декларации о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия.

Тема нашего исследования связана с изучением функционирования категории оценки в дискурсе. Актуальность данной проблематики обусловлена распространенностью оценки во многих сферах деятельности человека и возрастающей диверсификацией предметных областей, что предполагает необходимость понимания, в чем состоит своеобразие способов репрезентации названной категории в разных типах коммуникации. Предметом

рассмотрения в настоящей статье является специфика реализации эстетической оценки в таком жанре институционального дискурса, как декларация о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия.

Предваряя анализ данного вопроса, отметим, что в классификации аксиологической семантики принято выделять общие и частные виды оценки. Если первые включают положительную, отрицательную и нейтральную характеристику субъекта или объекта, то ко вторым, согласно концепции Н. Д. Арутюновой, относятся, помимо сенсорных и рационалистических, оценки сублимированные, а именно: эстетическая и этическая [Арутюнова 1988]. Эстетическая оценка (далее – ЭО) представляет собой деятельность, направленную на познание ценности объекта сквозь призму категорий эстетики. При исследовании языковой репрезентации ЭО преимущественно учитывается дихотомия «прекрасное – безобразное». Однако в порождении эстетического суждения не меньшую роль играют и другие оппозиции, например «трагическое – комическое», «возвышенное – сниженное», поскольку эстетическое, как отмечал М. М. Бахтин [1994], бесконечно разнообразно и не сводится к прекрасному.

Кроме того, при изучении приемов реализации ЭО в дискурсе важно отметить, что ее фокус не ограничивается объектами искусства, поскольку эстетическое является компонентом не только художественной деятельности человека (но и, например, инженерного творчества). История искусства свидетельствует о том, что эстетической интерпретации подвергаются любые предметы. Б. М. Энгельгардт полагал, что «способность данного становиться объектом творчества зависит от постижения поэтом его внутренней, объективной... ценности» [Энгельгардт 2005: 231].

Полагаем, что репрезентация ЭО существенно зависит от типа дискурса, специфики жанра, идиостиля автора. Например, в искусствоведческом дискурсе оценка ориентируется на целостность эстетического объекта, учитывая систему его типологических свойств: идейности, эмотивности, образности и художественной формы, зависящей от используемого материала. Рассмотрим, в чем состоит своеобразие ЭО в декларациях о выдающейся универсальной ценности (Statements of Outstanding Universal Value, сокращенно – SOUV, далее – «декларации»), которые относятся к основным в документации, составляющей лингвистическое обеспечение проекта ЮНЕСКО «Всемирное наследие». Они содержат обоснование глобальной значимости достопримечательностей и перечень требований к их охране.

Параметрический анализ данного материала включает следующие этапы: выявление оценочного контекста, аксиологического субъекта и объ-

екта, контекстуального значения оценочной единицы, ее морфологических и стилистических свойств, вида выражаемой оценки.

Проведенное исследование показало, что субъектом ЭО выступает страна, которая подает заявку на включение своих уникальных объектов в Список всемирного наследия. В этом смысле в декларациях объективируется процесс культурной интроспекции, связанной с концептуализацией национально значимого как универсально ценного. Аксиологический фокус ЭО в документации охватывает все виды достопримечательностей, которые принято выделять в названном проекте. В их классификацию входят культурные, природные и смешанные объекты. При этом эстетической оценке подвергаются не только произведения архитектуры или садово-паркового искусства, но и промышленные сооружения или заповедники, не испытывавшие влияния человеческого фактора.

Языковая репрезентация ЭО в декларациях сочетает экспрессию и стандарт. Доминирующим средством выражения оценки здесь являются эпитеты, представленные оценочными прилагательными, наречиями, существительными (*beautiful, picturesque, marvellous, scenic, harmonious, attractive, unsurpassed, unique, magnificent, spectacular, artistic, aesthetic, exceptional, unrivalled, beautifully, harmoniously, elegantly, beauty, harmony, elegance, artistry, scenery* и другие). При этом средством аргументации ЭО объекта в оценочных суждениях служит дескриптивная лексика.

Например, в качестве художественного достижения осмысляются замки в древнем княжестве Гуинедд в Уэльсе:

- *The castles of Beaumaris and Harlech are **unique artistic achievements** for the way they combine characteristic 13th century double-wall structures with a central plan, and for the beauty of their proportions and masonry (CTWKEG).*

С этих позиций описывается и уникальный дизайн моста Форт-Бридж как инженерного чуда:

- *It is **unrivalled in its design and unique engineering**, featuring huge horizontal stone lintels capping... (FB).*

Как уникальные архитектурные творения концептуализируются белокаменные памятники Владимира и Суздаля:

- *At this time, the towns developed their individual architecture and art school. These white-stone monuments are **unique architectural creations**, and part of the Russian treasure-house of culture (WMVS).*

С помощью комплекса оценочных прилагательных и существительных актуализируется оценка непревзойденной красоты церкви Вознесения в Коломенском:

- *The Church of the Ascension is **unsurpassed in its marvellous beauty and elegance** of form and was built in spite of the strict canons of ecclesiastical architecture in the 16th century (CAK).*

Подчеркивается живописность такого культурного объекта, как Кенозерье:

- *Located in Kenozero National Park in the north-western area of the European region of the Russian Federation, the **picturesque** Kenozero relict cultural landscape depicts the peasant lifestyle that evolved here from the 12th century.*

Эстетическая значимость приписывается родникам, известковым террасам, водопадам пейзажной достопримечательной зоны Хуанлун:

- *Covering 60,000 ha, this area located within the Minshan Mountains also includes **spectacular** limestone formations and hot springs.*

- *The property contains all the necessary elements to demonstrate its **aesthetic importance** including, in particular, travertine formations, waterfalls and limestone formations (HSHIA).*

Отметим, что эпитеты, обуславливая выразительность деклараций, подвергаются в них рекурренции. Например, в описании природного и смешанного объектов (пейзажной зоны Хуанлун и горы Хуаншань) общим является оценочное существительное «scenery»:

- *Huanglong is renowned for its **beautiful mountainous scenery**, with relatively undisturbed and highly diverse forest ecosystems, combined with the more spectacular localised karst formations, such as travertine pools, waterfalls and limestone shoals (HSHIA).*

- *Today it holds the same fascination for visitors, poets, painters and photographers who come on pilgrimage to the site, which is renowned for its **magnificent scenery** made up of many granite peaks and rocks emerging out of a sea of clouds (MH).*

В то же время рекурренция эпитетов создает эффект их предсказуемости и ослабляет экспрессию, способствуя, однако, формированию интертекстуальности внутри корпуса деклараций.

В заключение необходимо отметить, что важную роль в актуализации ЭО в декларациях играет иррадиация семантики оценочной доминанты на контекст. Вследствие этого процесса в приведенных выше примерах соответствующую коннотацию обретает и дескриптивная лексика. Данный вид стилистической иррадиации можно назвать иррадиацией оценочной, или аксиологической. Ее классификация, на наш взгляд, зависит как от вида репрезентируемой оценки, так и от вида контекста. Если ее источником служит единица, объективирующая ЭО, то возникает иррадиация эстетически-оценочная. Если она ограничивается микроконтекстом,

то является контактной, если макроконтекстом – то дистантной. Влияние оценочной семантики на левый контекст создается при иррадиации ретроспективной, на правый – проспективной, на оба – радиальной. Как показал анализ, при реализации ЭО в декларациях представлены все виды оценочной иррадиации.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев: FIRM «NEXT», 1994.

Энгельгардт Б. М. Феноменология и теория словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

CAK – Church of the Ascension, Kolomenskoye. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/634>.

CTWKEG – Castles and Town Walls of King Edward in Gwynedd. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/374>.

FB – The Forth Bridge. Outstanding Universal Value. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1485>.

HSHIA – Huanglong Scenic and Historic Interest Area. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/638>.

KL – Cultural Landscape of Kenozero Lake. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1688>.

MH – Mount Huangshan. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/547>.

WMVS – White Monuments of Vladimir and Suzdal. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/633>.

*N. V. Shutemova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

AESTHETIC EVALUATION IN STATEMENTS OF OUTSTANDING UNIVERSAL VALUE OF WORLD HERITAGE SITES

The research is aimed at studying how aesthetic evaluation functions in Statements of Outstanding Universal Value of World Heritage Sites. It is revealed that all kinds of them are described from aesthetic perspective by means of recurrent epithets, which explains expressive and standard nature of these documents.

Key words: the category of evaluation, aesthetic evaluation, institutional discourse, Statements of Outstanding Universal Value of World Heritage Sites.

IX. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА

*С. Ю. Богданова (Иркутск, Россия)
Иркутский государственный университет
rusjap@mail.ru*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ «ОПОР» В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Статья посвящена вопросам, связанным с конструированием писателями ментальных пространств с использованием пространственных «опор» как основы для адекватного реконструирования этих ментальных пространств читателями. Проанализирована роль «опор» в виде последовательно расположенных в тексте фразовых глаголов, характеризующих разные ориентационные схемы, в создании художественного образа.

Ключевые слова: ментальное пространство, пространственные «опоры», фразовый глагол, ориентационная схема, художественное произведение.

Ментальные пространства, актуализируемые в языке различными пространственными лексическими единицами или единицами, имеющими пространственный компонент в семантической структуре, конструируются писателями с помощью определенных «опор» и реконструируются читателями в той или иной степени соответствия изначальному замыслу. Осознавая множественность способов реконструирования ментальных пространств, писатель уделяет большое внимание надежности таких «опор».

Используя ориентационные схемы, известные всем членам языкового сообщества, автор художественного произведения гарантирует адекватное восприятие текста читателями. Здесь, очевидно, справедливо упомянуть мысль Г. Тукан о том, что «литературные творения основаны на наших общих когнитивных способностях» [Tukan 2013: 38]. Однако, являясь мастером слова, писатель обладает креативным мышлением и должен предлагать читателю сложные художественные образы, привлекающие внимание и создающие некоторое «напряжение», сопутствующее их интерпретации. По словам Т. И. Воронцовой, «Образ – это цепь конкретно-чувственных представлений, которая образует метафорическую структуру» [Воронцова 2023: 118]. В данной

статье будут рассмотрены такие «цепи» из двух звеньев в виде пространственных представлений, создаваемые современными англоязычными писателями.

Совместное использование пространственных элементов, представляющих разные ориентационные схемы и измерения, является одним из приемов, с помощью которых конструируются ментальные пространства в художественном произведении, в частности, при создании образа динамически насыщенной ситуации [Богданова 2023]. Здесь будут проанализированы некоторые примеры последовательного использования фразовых глаголов с пространственными послелогами, как в качестве однородных сказуемых внутри предложения, так и в составе отдельных предложений.

В случае, если один из фразовых глаголов выполняет уточняющую функцию, как в предложении *And unfortunately Vincent will always hold her back, hold her down, you'll see* (Bradford), создаваемую концептуальную структуру можно рассматривать с точки зрения реконцептуализации пространственных отношений [Богданова 2007]. Фразовые глаголы *hold back* в значении *сдерживать* и *hold down* не давать подняться, подавлять, удерживать внизу с общим глагольным компонентом *hold* близки по значению, если речь идет о социальном статусе. Фрейм СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС предполагает его изменение на протяжении жизни, где продвижение вперед ассоциируется с движением вверх по социальной (карьерной) лестнице. Соответственно, ситуация отсутствия продвижения обозначается послелогами *back* и *down*, характеризующими ориентационную схему ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ в горизонтальном и вертикальном измерениях. Передача сходного значения разными языковыми формами с пространственным компонентом в семантической структуре создает образ женщины, которую ее муж Винсент удерживает в одном положении, не давая ей ни подняться, ни пойти вперед.

Используя такой прием, автор художественного произведения создает образ «на стыке» пространственных представлений, и ментальное пространство, активируемое таким способом, сразу становится многомерным.

Однородные сказуемые *was snowed in, cut off* в предложении *The village of Three Pines was snowed in, cut off* (Penny 2013) также выражены фразовыми глаголами с послелогами, характеризующими измерения «вмещенность» и «соприкосновение». Оба послелога могут характеризовать схему КОНТЕЙНЕР, хотя и с разных сторон: послелог *in* подчеркивает один аспект снегопада, обрушившегося на деревню Три Сосны, – люди были «заблокированы» в деревне, а послелог *off* подчеркивает то, что условная граница «отталкивает» от себя тех, кто пытается ее пересечь снаружи. Писатель сделала акцент на границе, отделяющей внутреннее от внешнего, которая является составной частью схемы. Глагол *snow* обозначает действие, не связанное напрямую с наложением

границы, однако сама конструкция – фразовый глагол с послелогом *in* – активирует в сознании фрейм Отграничение, подобно отыменным фразовым глаголам *fence in*, *tape in*, *barricade in*, *seal in* и др. Глагольный компонент таких глаголов всегда указывает на то, что именно создало препятствие, сформировало «границу», согласно ориентационной схеме КОНТЕЙНЕР, из-за чего объект оказался внутри отграниченного пространства. Второй фразовый глагол *cut off* подчеркивает непроницаемость этой границы за счет семантики глагольного компонента *cut* «отрезать» и отсутствие доступа извне к тому, что находится внутри. Взаимодействие пространственных «опор» в виде послелогов *in* и *off* позволяют сконструировать ограниченное ментальное пространство, в котором происходят описываемые в романе события.

Та же ориентационная схема КОНТЕЙНЕР представлена в следующих примерах из произведений разных авторов (1) *Move away, he ordered gently. Very slowly, back off* (Michaels); (2) *You have no idea what you've gotten hold of. Back off. Step away* (Penny 2015). Оба примера представляют прямую речь персонажей, что создает эгоцентрический контекст, ограничивая личное пространство говорящих. Фразовые глаголы расположены последовательно в разных предложениях, акцентируя внимание на защите личного пространства, недопущении пересечения его границы (фразовый глагол *back off* *отстраняться, отступать*) и на необходимости того, чтобы адресат *отделился от границы* (фразовые глаголы *move away* *удаляться* и *step away* «отступать»). При этом в примере (1) адресата просят отойти в сторону (*back off*), непосредственно сделав несколько шагов назад, прочь от личного пространства говорящего, а в примере (2) речь идет об абстрактном перемещении адресата, которого просят не вмешиваться и перестать заниматься расследованием. Именно данное дело и его расследование, в которое вовлечен говорящий, представляют собой «внутреннее» пространство, отделенное условной границей и совпадающее с личным пространством говорящего. Несмотря на наличие в семантике общего пространственного вектора «прочь от условной или реальной границы», послелог *off* и *away* нередко совместно представлены в составе фразовых глаголов в подобных эгоцентрических контекстах и служат «опорами» для конструирования ситуации угрозы со стороны говорящего. Сочетание пространственных измерений, обозначенных послелогам *off* и *away*, достаточно часто встречается в текстах художественных произведений англоязычных авторов, иногда в виде сложного послелога *off and away* в составе фразовых глаголов, характеризуя сложное пространственное измерение.

Ситуация с отступлением от чего-то задуманного или запланированного в другом, неэгоцентрическом контексте, представлена в примере *He expected*

to see Professor Robinson stopped in her tracks, or even turning back, backing up (Penny 2021). Персонаж профессор Робинсон действует согласно составленному плану, продвигая свою идею. Считая ее идею неправильной и опасной, инспектор надеется, что профессор остановится, а еще лучше откажется от этой идеи сама и отступит. Целенаправленное движение к цели, метафорически представленное как движение по дороге (*tracks*), может быть прекращено, и субъект движения может повернуть в противоположном направлении (*turn back*) или попятиться (*back up*). Фразовые глаголы *turn back* и *back up* содержат в своих составах однокоренные слова, в первом случае – это послелог *back*, а во втором – глагол *back*, что, безусловно, обеспечивает близость совокупных значений этих фразовых глаголов. Если рассматривать прямые пространственные значения, эти фразовые глаголы вызывают в сознании разные образы: глагол *turn back* актуализирует в языке разворот субъекта назад, а глагол *back up* – движение в обратном направлении (возможно, спиной вперед). Таким образом, в данном контексте использование фразовых глаголов со сходным значением в качестве однородных сказуемых вполне оправдано: профессор Робинсон может сначала пересмотреть свои идеи и полностью изменить подход, а затем начать двигаться в противоположном направлении. Главное же метафорическое значение, объединяющее оба фразовых глагола, – «отказаться от продвижения опасных идей».

Последовательное употребление фразовых глаголов *wake up проснуться* и *come to прийти в себя, очнуться* в одном контексте *The words were like a slap across Beauvoir's face. And with it he seemed to wake up. To come to* (Penny 2021) предоставляет читателю «опоры» для реконструирования образа изменения состояния персонажа Бовуара от бессознательного (как во сне или во время обморока) к осознанному после резких слов, имевших эффект пощечины. Пространственные векторы, характеризующие это изменение, не совпадают: метафорическое употребление послелога *up* соответствует ориентационной метафоре *conscious is up; unconscious is down* [Lakoff 1980: 15], то есть рассматривается как движение в вертикальной плоскости. Во фразовом глаголе *come to* основное пространственное значение заложено в дейктическом глаголе *come*, характеризующем центростремительное движение, метафорически осознаваемое с точки зрения возвращения из «невидимого контейнера» обратно к субъекту-наблюдателю. Последовательное использование писателем двух фразовых глаголов с пространственными опорами в данном примере объясняется также намеренной неопределенностью при передаче состояния персонажа: он был неадекватен, что метафорически соответствовало либо состоянию сна, либо состоянию обморока.

В большинстве проанализированных примеров речь, казалось бы, может идти о «передаче сходного значения различными языковыми формами» [Голубкова 2015: 66], однако в случае с последовательным использованием фразовых глаголов со «сходным значением» в рамках одного контекста такое использование представляется избыточным с точки зрения передачи определенного содержания. В действительности, в художественном произведении такие квазиизбыточные повторы выполняют стилистическую функцию, обеспечивая многомерность и сложность структуры конструируемого ментального пространства.

Литература

Богданова С. Ю. Концептуализация и реконцептуализация пространственных отношений (на материале английских фразовых глаголов): дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2007.

Богданова С. Ю. Концептуализация динамической ситуации с помощью комбинации пространственных элементов // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. № VII. С. 37–42.

Воронцова Т. И. Метафорическое видение мира и текста // Понять другого: проблемы интерпретации текста в современной науке: монография. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. С. 104–121.

Голубкова Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М.: ЯСК, 2015. С. 39–80.

Lakoff G. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Tucan G. Cognitive Poetics: Blending Narrative Mental Spaces. Self-Construal and Identity in Short Literary Fiction // Enthymema. 2013. VIII. P. 38–55.

S. Yu. Bogdanova (Irkutsk, Russia)
Irkutsk State University

THE INTERACTION OF SPATIAL ‘PROMPTS’ IN A FICTIONAL TEXT

The article deals with the issues related to the construal of mental spaces in the fictional text by means of spatial ‘prompts’ as a basis for readers to reconstruct these mental spaces corresponding to the writer’s intention. The role of ‘prompts’ in the form of phrasal verbs, successively located in the text, characterizing different orientation schemas, in the creation of an artistic image is analyzed.

Key words: mental space, spatial ‘prompts’, phrasal verb, orientation schema, fictional text.

Ю. А. Воронцова (Белгород, Россия)
Белгородский юридический институт МВД России
имени И. Д. Путилина
vorontsova73@mail.ru

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ

В статье рассматриваются ономастические единицы как конструктивный элемент семантической организации комментирующих высказываний. Отмечается, что онимы создают целостное коммуникативное пространство текста интернет-комментария, используются как средство репрезентации определенного концептуального содержания.

Ключевые слова: ономастические единицы, имя собственное, концептуальное содержание, интернет-комментарий.

Способность имен собственных хранить и передавать концептуальное знание о различных объектах, явлениях и ситуациях действительности обусловила выделение направления, в рамках которого ономастика описывается с опорой на основные постулаты когнитивной лингвистики (Болдырев Н. Н., Голубева О. В., Казанкова А. А., Робустова В. В., Степанов Ю. С., Фомина К. С., Щербак А. С.) и понимается как «способ представления, хранения и передачи информации / знания в именах собственных» [Робустова 2014: 42].

Описание имени собственного как значимого элемента для порождения, осмысления, интерпретации высказываний в разных типах дискурса сместило исследовательский акцент в сторону изучения роли онима в смысловой организации текста. Возможность ономастических единиц отражать в языковом сознании результаты интеллектуальной деятельности человека, объективировать разнородные сведения о мире делают их частотным средством организации семантического пространства комментирующих высказываний.

Обратимся к особенностям функционирования имен собственных на примере интернет-комментариев к новостным сообщениям, опубликованным в социальной сети ВКонтакте (орфография и пунктуация авторов комментариев сохранены).

Имена собственные используются в интернет-комментариях для индивидуализации и характеристики единичных объектов и концептуализации фрагментов действительности. Например, *Филипп Киркоров потратил*

миллион на торт для гостей презентации своего нового клипа. Десерт весом в 200 килограмм в виде черной пантеры сделали с любимыми вкусами артиста – ваниль и ягоды (НТВ, 11 декабря 2024 // сообщество Вконтакте). Комментарии: К 1: Филька «астанавись» слипнется в К 2: Пир во время чумы. Филька совсем не умный, думает люди будут восторгаться, а нет, люди не будут. К 3: Вот кто устраивает травлю русскому певцу Шаману.... К 4: Хоть Фильку и терпеть не могу, но он эти деньги не украл. А как никак заработал. К 5: Шут гороховый. К 6: Алкина брошенка. К 7: Полип Фарфоров. К 8: Это киркоровское мероприятие не лучше, чем голая вечеринка. Такое же пафосное и безнравственное выставление на показ своих богатств. На голой вечеринке хвастались бриллиантами, здесь безумно дорогими тортами и нарядами. К 9: А Киркоров одобрил эту содомию и похабщину своим «высоким» присутствием на этой вечеринке, где все участники годились ему в сыновья и дочери. К 10: Филиппу Бедросовичу понадобится съесть еще пуд соли, чтобы оценить этот свой жест, вернее его уместность. К 11: Опять дверью ошибся Филья.

Имена собственные входят в ментальный лексикон человека, поэтому они являются опорными точками в комментирующих высказываниях. Репрезентация ономастических знаний осуществляется с соблюдением конвенциональных норм именования человека, указывающих на различные характеристики «мужчина», «женщина», «прозвище», «сфера деятельности». Средствами вербализации антропонимического концепта являются следующие виды антропонимов: фамилия (*Киркоров*), имя (*Филипп, Филька, Филья*), имя и отчество (*Филипп Бедросович*), прозвище (*Полип Фарфоров, Алкина брошенка*), псевдоним (*Шаман*). Комментаторы не только демонстрируют знания об антропонимической системе языка, но и правила именования в зависимости от ситуации (полное имя, вторичное и т.д.).

Отметим, что информационное поле антропонимической единицы *Филипп Бедросович Киркоров* актуализируется как «народный артист Российской Федерации, эстрадный певец, актер, композитор и продюсер», но в комментирующих высказываниях данный оним в результате расширения его семантической наполняемости за счет имен *Филька, Филья*, прозвищ *Полип Фарфоров, Алкина брошенка*, а также устойчивого выражения *Шут гороховый* активизируют разные сведения в сознании коммуникантов об одном и том же человеке. Выбор антропонима обусловлен его коннотацией и связанных с ним ассоциаций, присутствующих в сознании автора комментирующего высказывания, при этом актуализированные семантические

признаки онима «навсегда сохраняются в качестве потенциально возможных характеристик» [Робустова 2014: 44].

Онимы *Полип Фарфоров* и *Шаман* как эксплицитно выраженные единицы текста направляют процедуру поиска через возникающие в сознании участников виртуального общения ассоциации. *Полип Фарфоров* – вымышленный, искусственно сконструированный путем рифмовки оним, являющийся шутливым прозвищем Ф. Киркорова. Имена *Полип Фарфоров* – *Филипп Киркоров* находятся в ономастической корреляции. Совпадение графем, созвучность обеспечивают декодирование означающего имени. Иносказательное указание на Ф. Киркорова формирует ироническую оценку. Оним *Шаман* входит в когнитивную базу членов одного лингвокультурного сообщества, вызывает однозначную ассоциацию, связанную с патриотическим стереотипом поведения. Пересечение информационных блоков денотатов имен *Полип Фарфоров* и *Шаман* должны активизировать ассоциативное восприятие образов. При этом участниками виртуальной коммуникации необходимо обладать соответствующими фоновыми знаниями, чтобы интерпретировать подтекстные значения «легкомысленный – серьезный». В данном случае ситуативный подтекст взаимодействует с тезаурусом реципиента, с его ассоциативным потенциалом. Имена собственные *Полип Фарфоров* и *Шаман* инкорпорируют устоявшийся свод характеристик, поэтому данные онимы относятся в указанные категории и используются в качестве положительных / отрицательных ценностных эталонов. «В случае использования имен собственных в коммуникации взаимная активация определенной информации осложняется разным объемом знаний, имеющихся у коммуникантов, а также возможно существующими различными коннотациями» [Робустова 2022: 281].

В антрополексеме *Алкина брошенка* происходит нарушение ономастических конвенций, не соблюдается антропонимическая традиция присвоения имени. Для более точной характеристики человека посредством лексических единиц повседневной разговорной речи создается прозвище, мотивированное событием из жизни именуемого лица и функционирующее на социальном уровне. Прозвище инкорпорирует определенный набор характеристик, подчеркивает индивидуальность субъекта действительности, при этом на первый план выдвигается негативный оценочный смысл «мужчина, брошенный конкретной женщиной».

Смысл имен собственных актуализируется в интернет-комментариях в результате воздействия на концептуальную систему участников коммуникации. «Сущность ономастической категоризации состоит в том,

что она отражает и интерпретирует концептуальную систему человека в языке, то, что принято называть языковой картиной мира» [Щербак 2010: 48].

Дискурсивные возможности ономастических единиц мотивированы их концептуальным содержанием. Например, *Водитель сгоревшей в центре Москвы арендной «Ламборгини» потребовал с компании-владельца Moscow Dream Cars 2,3 миллиона рублей. За моральный ущерб, залог и сгоревший чемодан с деньгами* (Mash|Мэш, 23 августа 2023 г. // сообщество Вконтакте). К 1: *Все сгорело, все! Три сумки по 37 миллионов! В каждой! Долларов! К 2: И они еще борются за звание автопроката высокой культуры и быта! Это же кошмар, кошмар! К 3: Три магнитофона, три кинокамеры заграничных, три портсигара отечественных, куртка замшевая... три... К 4: Ну и три чемодана с деньгами. К 5: Булгаков на все времена. К 6: Чемодан с деньгами? Улюкаев ты ли это? К 7: Готовый сценарий фильма. К 8: В стиле Гая Ричи. К 9: Куртка замшевая... три. К 10: А раннего Пикассо не было в авто? К 11: Помимо чемодана денег еще были: картина Пикассо, первая пластинка Beatles и пачка чипсов. К 12: И куртка кожаная, две. К 13: Замшевая вообще-то. К 14: Богатые тоже плачут. К 15: Две кинокамеры, два магнитофона. К 16: Все, что нажито непосильным трудом сгорело: три куртки замшевые, три кинокамеры импортные, три портсигара отечественных, куртка замшевая, ...три. К 17: А две куртки замшевые не сгорели? К 18: 3 сумки с деньгами, машины тоже – три. Иван Васильевич меняет профессию. К 19: Дайте ему еще и Оскар, за создание очередного сюжета к фильму Нетфликс.*

Комментирующие высказывания насыщены ономастическими единицами разных уровней и разной степени узнаваемости. Корреляция ономастических отсылок реализует подтекст на фоне тесной взаимосвязи с другими языковыми элементами, что приводит к созданию сложной системы семантических отношений, образованию смыслового синтеза комментариев. Ономастическое пространство комментирующих высказываний представлено именами-символами, олицетворяющими те или иные качества субъекта / объекта действительности, функционирующими на макросоциумном (*Гай Ричи, Пикассо, Beatles, Оскар, Нетфликс*) и социумном уровнях (*Булгаков, Улюкаев, Иван Васильевич меняет профессию, Богатые тоже плачут*). С помощью ономастических единиц участниками виртуального коммуникативного взаимодействия демонстрируется сомнение в истинности происходящего. В совокупности имена собственные профилируют характеристики, отражающие негативную оценку поведения

героя информационного сообщения. Антропонимы не только организуют содержание, но и создают семантическое пространство концепта «обман».

Отметим, что в комментирующих высказываниях последовательно расширяется контекстное значение за счет актуализированных импликационных семантических признаков онимов. Для декодирования информации, содержащейся в комментариях, необходимо «правильно определить, какая именно характеристика профилируется с помощью имени, какую категорию оно объективирует» [Робустова 2022: 282].

«Ономастические категории занимают особое положение в концептуальной системе языка в силу своей тесной взаимосвязи с познавательной деятельностью и когнитивными способностями человека» [Щербак 2012: 79]. Функционируя в виртуальном дискурсе, онимы выражают отношение к передаваемой информации, устанавливают контекстуальные цепочки, репрезентируют оценку события, участвуют в формировании смысловой многомерности текстов интернет-комментариев.

Таким образом, ономастические единицы создают целостное коммуникативное пространство, используются как средство репрезентации определенного концептуального содержания.

Литература

Робустова В. В. Ономастическая категоризация и динамика смыслового развития имени собственного // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. II (49). С. 281–286.

Робустова В. В. К когнитивной ономастике // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1. С. 41–49.

Щербак А. С. Ономастические категории: соотношение языковых и когнитивных структур // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 78–83.

Yu. A. Vorontsova (Belgorod, Russia)

*Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs in Russia
named after I. D. Putilin*

ONOMASTIC UNITS IN INTERNET COMMENTS

The article considers onomastic units as a constructive element of the semantic organization of commenting statements. It is noted that onyms create an integral communicative space of the text of an Internet comment, and are used as a means of representing a certain conceptual content.

Key words: onomastic units, proper name, conceptual content, Internet commentary.

М. В. Горячева (Орёл, Россия)

*Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева
starshinova.masha@yandex.ru*

БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКЕ: ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БИБЛИИ КАК МАКРОТЕКСТА

В статье анализируются библейские фразеологизмы как устойчивые выражения, обладающие высокой степенью воспроизводимости в языке. Рассматривается прецедентный статус Библии как макротекста и источника библейских фразеологизмов, выступающих средством сохранения культурного наследия, трансляции духовных ценностей. Особое внимание уделено коммуникативным фразеологизмам, их адаптации в современном дискурсе.

Ключевые слова: библейские фразеологизмы, прецедентный текст, коммуникативные фразеологизмы, лингвокультурология.

Библейские фразеологизмы представляют собой результат семантической трансформации текстов Священного Писания, которые благодаря своей образности, лаконичности и универсальности становятся источником устойчивых выражений [Бакина 2021]. Их возникновение определено спецификой библейских нарративов, включающих притчи, афоризмы, пророчества и символические образы, которые легко адаптируются в языковой системе.

Актуальность данной статьи обусловлена значительным интересом со стороны современных лингвистов к изучению Библии как прецедентного макротекста, формирующего библейское когнитивное пространство, оказывающего существенное влияние на формирование языковой картины мира представителей европейских лингвокультур. Прецедентные тексты, к которым относится Библия, обладают высокой культурной и языковой значимостью, что делает их важным объектом исследования в рамках лингвистики, культурологии и филологии.

Отметим, что прецедентный текст – это текст, обладающий высокой степенью культурной значимости и узнаваемости, который служит источником прецедентных единиц и активно используется в коммуникации. Библия характеризуется критериями узнаваемости, культурной значимости, частотности использования в речи и способностью порождать прецедентные единицы. Библия выступает в роли прецедентного макротекста для мировой культуры и служит источником прецедентных феноменов, актуализированных в форме текстовых реминисценций, включающих крылатые

слова, аллюзии, цитаты, пословицы, фразеологизмы, получивших название библейских [Бакина 2024: 98–100].

Важным фактором закрепления библейских фразеологизмов является процесс перевода макротекста Библии на национальные языки, оказавшее влияние на мировоззрение представителей европейских лингвокультур. Текст Священного Писания оказывает воздействие на формирование культурных и языковых кодов благодаря своей учебно-воспитательной функции.

Считаем необходимым дать определение понятию библейский фразеологизм. Согласно классификации А. В. Кунина, библейские фразеологизмы – это устойчивые выражения, восходящие к текстам Библии и обладающие высокой степенью воспроизводимости в языке [Кунин 1972]. Проф. А. В. Кунин выделяет цитатные, коммуникативные, образные типы библейских фразеологизмов.

Особый интерес для изучения представляют коммуникативные фразеологизмы, которые активно используются в речи как готовые речевые формулы. Они часто имеют форму предложений и выполняют определенные коммуникативные функции. В Библии, особенно в переводе Короля Якова, такие фразеологизмы встречаются достаточно часто. Они используются как прецедентные афоризмы, пословицы или прямые цитаты, которые передают моральные, этические или духовные истины и известны многим представителям европейских лингвокультур.

В качестве примера приведем ряд коммуникативных библейских фразеологизмов из Книги Короля Якова (King James Version).

Man shall not live by bread alone впервые употребляется в разговоре между Моисеем и Богом о важности духовной пищи. Данный фразеологизм употребляется в контексте обсуждения приоритетов в жизни и выражает необходимость духовных и интеллектуальных, а не только материальных ценностей человека.

В качестве еще одного примера приведем *Ask, and it shall be given you*. Данное наставление Иисуса о молитве и вере подчеркивает важность активного стремления к цели. В настоящее время это выражение часто используется в мотивационных контекстах.

Важно отметить, что не всегда библейские фразеологизмы употребляются в своем изначальном христологическом значении. Выражение *Let there be light!* в контексте выражает слова Бога при сотворении мира и символизирует начало чего-то нового, просвещение и озарение. Однако в современной речи данный коммуникативный библейский фразеологизм утрачивает связь с религиозным контекстом и может использоваться в переносном смысле для обозначения момента появления идеи или решения.

Данные примеры демонстрируют, как библейские фразеологизмы из Книги Короля Якова функционируют в качестве коммуникативных единиц, передавая культурный код и оставаясь актуальными в современной речи. Их использование подчеркивает прецедентный статус Библии как макротекста, формирующего когнитивное пространство.

С учетом представленной выше информации считаем, что библейские фразеологизмы активно функционируют в различных видах дискурса, включая повседневное общение, публицистику и художественную литературу. Прецедентный статус библейских фразеологизмов апеллирует к общеизвестным культурным кодам, что способствует повышению экспрессивности и убедительности речи говорящих. Однако в процессе функционирования некоторые библейские фразеологизмы подвергаются семантической трансформации, что приводит к изменению их исходного значения. Это связано с утратой глубокого знания библейских текстов и их адаптацией к современным реалиям. Тем не менее, ряд библейских фразеологизмов сохраняет свою актуальность благодаря универсальности заложенных в них идей.

Таким образом, библейские фразеологизмы играют значительную роль в формировании языковой картины мира представителей европейских лингвокультур. Прецедентный статус Библии как макротекста, обладающего высокой культурной и языковой значимостью, делает её источником фразеологизмов.

Исследование библейских фразеологизмов, в частности коммуникативных единиц, демонстрирует их способность передавать моральные, этические и духовные истины, а также адаптироваться к современным реалиям. Однако в процессе функционирования некоторые фразеологизмы подвергаются семантической трансформации, что приводит к утрате их исходного религиозного контекста и приобретению новых значений. Это свидетельствует о динамичности языковой системы и её способности адаптировать культурное наследие к актуальным потребностям общества.

С лингвокультурологической точки зрения библейские фразеологизмы представляют собой важный элемент культурной памяти, связывающий современное общество с историческим и религиозным наследием. Они не только обогащают язык, но и способствуют сохранению и передаче культурных ценностей, подчеркивая прецедентный статус Библии как источника библейских концептов. Изучение библейских фразеологизмов имеет большое значение для понимания механизмов взаимодействия языка, культуры и истории, а также для анализа процессов формирования и трансформации языковой картины мира.

Литература

Бакина А.Д. Библизмы vs библейские фразеологизмы: уточнение понятий (на примере английских и немецких текстов) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. № 6. С. 35–43.

Бакина А.Д. Интегративное описание библейской фразеологии (на материале английского и немецкого языков): дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2024.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1986.

Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь = English-Russian Phraseological Dictionary: ок. 20000 фразеол. единиц. 6-е изд., испр. М.: Живой яз., 2005.
The Holy Bible: King James Version. Massachusetts: Hendrickson Publishers, 2011.

M. V. Goryacheva (Orel, Russia)

Orel State University Orel State University

named after I. S. Turgenev

BIBLICAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN LANGUAGE: PRECEDENT POTENTIAL OF THE BIBLE AS A MACROTEXT

The article analyses biblical phraseological units as set expressions with a high degree of reproducibility in language. The article considers the precedent status of the Bible as a macrotext and as a source of biblical phraseological units, which act as means of preserving cultural heritage and transmitting spiritual values. Special attention is paid to communicative phraseological units and their adaptation in modern discourse.

Key words: biblical phraseological units, precedent text, communicative phraseological units, linguoculturology.

В. В. Грищева, Е. О. Шевелева (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

walya86@mail.ru; shevelev28@mail.ru

СПЕЦИФИКА МАРКЕРОВ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОДА КОММУНИКАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДРАМЕ

Цель статьи – выявить и обосновать существование в драматургическом тексте определенных маркеров, именуемых «маркерами невербального кода», то есть указаний на объективацию того или иного концепта, не связанных с его коммуникативной реализацией. На основе анализа скобочных ремарок автора драматургического

произведения выявлены основные средства и способы передачи концептуального содержания феномена «вежливость», обосновано указание на использование жестов как одного из основных «вербализаторов» одноименного концепта.

Ключевые слова: драматургический текст, концепт, вежливость, жесты.

Драматургический текст, или иначе «текст драмы» или «пьеса», долгое время находившийся вне фокуса внимания лингвистов, в настоящее время начинает выходить из исследовательской тени и становится весьма перспективным предметом научного анализа. Как всякое сложное, разноплановое когнитивно-дискурсивное явление, текст драмы имеет особую иерархическую структуру, характеризуется коммуникативной динамикой речевого сообщения, прагматическим эффектом восприятия данного сообщения, многоуровневым характером интеракции актантов, являющихся неотъемлемой частью драматургического текста – автором произведения, читателем, действующими лицами [Грищева, 2024; Сескутова, 2011; Short, 1989]. Специфика взаимодействия драматурга с читателем, потребность создать целостную картинку коммуникативного взаимодействия персонажей, необходимость обеспечить понимание смысла текста – всё это делает пьесу уникальным типом текста, требующим от реципиента определенных когнитивных усилий. Текст драмы – особое семиотическое пространство, снабженное массой отсылок и указаний. Подобные имплицитные маркеры не просто поддерживают интерес читателя к происходящим в произведении событиям и обеспечивают когерентность текста [Грищева, 2024], но и служат проводниками различных концептов.

В настоящем исследовании авторы рассматривают специфику реализации концепта «Вежливость» в тексте англоязычной драмы. Гипотеза исследования состоит в том, что текст драмы в силу своей структурной, когнитивно-дискурсивной, семантико-семиотической уникальности снабжен т.н. «маркерами невербального кода» (далее – МНК), то есть указаниями на мимику, жесты, позу и поведение персонажей, совокупно реализующих определенное концептуальное содержание. Понимание смысла текста, то есть смысла происходящего, обусловлено коммуникативной организацией драмы, а, следовательно, реализация концептов посредством указания на невербальные средства будет происходить максимально сжато и даже точно. Как представляется, подобные МНК обладают своей собственной семантикой, то есть служат средствами объективации (проявления) того или иного концепта в нашем случае – концепта ВЕЖЛИВОСТЬ в драматургическом тексте.

В целях изучения «семантики» жестов, их репрезентирующей функции, и возможности «подключения жестов для создания ... образов» [Ирисханова, 2023: 49] авторы обратились к пьесе признанного британского мастера де-

тектива – Агаты Кристи – *Towards Zero*. Результаты анализа представляем вашему вниманию.

Прежде всего, дадим некоторые замечания относительно отобранных фрагментов из предложенной в качестве источника материала исследования британской драмы. В первом действии события разворачиваются в поместье Галлз Поинт, которое принадлежит пожилой вдове, леди Трессилиан. В дом хозяйки на лето съезжаются званые гости, каждый из которых оказывается в фокусе читательского внимания по мере указания о его появлении «на сцене». В связи с этим в процессе анализа было выявлено, что важную роль в концептуализации действительности посредством МНК играют авторские ремарки, в которых содержится указание на приветствие и другие атрибуты гостевого этикета. С целью иллюстрации обратимся к некоторым примерам:

(1) *Mary (moving left centre) Mr Royde? (Royde moves to right of Mary and shakes hands with her); She greets Royde affectionately; They shake hands above the coffee table; Ah, Thomas. Nice to see you after all these years. (He stands up left of the chaise).*

В приведенных выше ремарках концепт ВЕЖЛИВОСТЬ реализуется при помощи лексических единиц, прямо указывающих на такой невербальный компонент общения, как рукопожатие – *shake hands*. МНК также выражается при помощи глагола *to greet*, который не номинирует конкретной формы приветствия, но акцентирует именно степень проявления учтивости и любезности посредством эмотивного наречия *affectionately*, которое имплицитно передает нежность, проявленную хозяйкой при встрече гостя. Помимо этого, в тексте пьесы имеется также косвенное указание на вежливость. В качестве подобного МНК выступает глагол *stand up*, который является знаком, выражающим приветствие. В проиллюстрированном примере подразумевается почтение и демонстрируется уважение по отношению к гостю. Создается атмосфера гостеприимства и передается расположение гостей к хозяйке дома и наоборот.

В ходе анализа установлено, что референция к жестам и мимике имеет значительный потенциал в объективации концепта ВЕЖЛИВОСТЬ. Приведем примеры авторских ремарок для иллюстрации данных результатов: *Lady Tressilian (Indicating the sofa); Royde In his case it was some fault in the steering; (Treves) Turning and smiling to her*. Обратим внимание на коммуникативный потенциал глагола *to indicate*, который репрезентирует жест, относящийся к проявлениям гостевого этикета, так как передает приглашение присесть и, следовательно, демонстрирует хороший тон. Глагол *to turn* также является средством реализации невербального кода, поскольку манифестирует жест «поворот к собеседнику», выражающий уважение

и доброжелательное расположение во время гостевой беседы. МНК *to smile*, относящийся к репрезентации мимики, в целом указывает на следование правилам этикета и используется в качестве знака благосклонности по отношению к партнеру по общению.

К результатам исследования можно также отнести выявленные МНК, которые характеризуют мужскую вежливость. Так, например, в следующих ремарках вербализация концепта «Вежливость» осуществляется посредством указания на движения *crossing quickly*, действия *picks up his suitcase* и мимику персонажа *looks at*, что фактически указывает на проявление этикета по отношению к женщине:

(2) Royde (***Crossing quickly*** to Mary) *No, no, I can't let you do that. (He picks up his suitcase and golf clubs); (He takes his pipe from his pocket and looks at lady Tressilian).*

Результаты исследования подтверждают коммуникативный потенциал МНК, которые реализуются посредством наречий в авторских комментариях, указывающих на степень проявления вежливости: Royde (*Apologetically*), Treves (*primly*), *shyly, rather shyly*. Таким образом языковые средства, характеризующие голос персонажа, описывающие манеру говорения, темп и чистоту речи, также участвуют в манифестации концептуального содержания феномена вежливости.

Анализ свидетельствует о том, что концепт ВЕЖЛИВОСТЬ объективируется посредством обращения к МНК, семантически связанными с т.н. «алкогольным» этикетом. Так, последовательно приведем примеры авторских ремарок, в которых содержится информация о том, что гостям предлагается крепленое испанское вино херес (английское название Sherry «шерри»):

(3) Royde *Thank you. (Mary pours two glasses of cherry); Mary (Handing a glass of sherry to Treves); Mary How dreadful (She hands a glass of sherry to Royde); Mary takes the glass of sherry to lady Tressilian. To Mary).*

Итак, одним из важных элементов хорошего тона при встрече гостей, который объективирует концепт «Вежливость», становится предложение аперитива. В данном случае МНК реализуются при помощи концептуально-связанных глаголов, называющих такие действия, как «налить напиток», «передать напиток»; номинации алкогольного напитка и его количества «бокал шерри», «два бокала шерри», а также указание на лицо, к которому обращен знак вежливости. Стоит отметить, что употребление данных авторских комментариев обрамляет основное действие и служит неким коммуникативным кодом к выстраиванию концепта ВЕЖЛИВОСТЬ. Проанализированные МНК приобретают особую значимость в процессе воспроизведения ситуации общения в пьесе, что обусловлено значительной

частью коммуникативного пространства, которое они занимают. Таким образом, МНК выступают в качестве когнитивных аттракторов, позволяющих точнее представить воспроизводимую действительность в пьесе.

Подводя итоги, отметим, что невербальный код коммуникации, представленный в авторских ремарках и конструирующий дискурсивное пространство драматургического текста, определяет концептуальное содержание лингвокультурного феномена «вежливость» в англоязычной пьесе, создает смысловую наполненность и обеспечивает оптимизацию когнитивной обработки текста драмы читателем. Перспективы дальнейшего исследования избранной проблематики видятся авторам в изучении корреляций вербального и невербального кодов в драматургическом тексте сквозь призму объективации различных концептов и, как следствие, отражения объективной действительности.

Литература

Грищева В. В. Лингвопрагматические аспекты когерентности в драматургическом тексте (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2024.

Ирисханова О. К. «Поэтика» повседневности в речи и жестах: метафоры локдауна // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 5 (56). С. 42–51.

Сескутова И. К. Текст, текстообразование, интертекстуальность (на материале англоязычной публицистики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Современная стилистика как научная парадигма исследования текста. 2011. Вып. 17 (623). С. 27–40.

Short M. Discourse analysis and the analysis of drama // Language, Discourse and Literature: An Introductory Reader in Discourse Stylistics. London: Unwin Hyman / ed. by R. Carter and P. Simpson, 1989. P. 138–168.

*V. V. Grishcheva, E. O. Sheveleva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

A CODE TO CRACK: COMMUNICATIVE MARKERS IN ENGLISH DRAMA

The article aims to establish and explain the use of the so-called ‘markers’ in the text of drama. These are named as ‘non-verbal code markers’ and indicate a certain concept regardless of its verbal realization. Based on the analysis of the playwright’s bracket remarks, we have identified the main ways to transfer the conceptual content of the phenomenon of POLITENESS and explain the use of gesture indicators as one of the verbalizers of the aforementioned concept.

Key words: the text of drama, concept, politeness, gestures.

К. В. Гудкова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
gudkova@bk.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ РЕФЕРЕНТА ВО ВТОРИЧНОМ ТЕКСТЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ТЕКСТОВ

В статье проводится сравнительный анализ категориальных и концептуальных номинаций референта во вторичном английском и русском тексте. В фокусе внимания находится динамический аспект номинаций референта. Показано, что динамика номинаций влияет на особенности репрезентации референта. Анализ проводится на материале вторичного текста жанра synopsis.

Ключевые слова: категориальные и концептуальные номинации референта, вторичный текст.

Под номинацией в лингвистике понимают образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т.е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений. Этим термином обозначают и результат процесса номинации – значимую языковую единицу [Телия 1990: 336].

С точки зрения когнитивного подхода можно сказать, что языковые номинации являются результатом процессов категоризации и концептуализации, которые являются важнейшими функциями человеческого познания. Обе эти функции нашего сознания и категоризация, и концептуализация осуществляются в сознании человека, в сознании формируются концепты и категории, которые затем вербализуются посредством языка, иными словами язык позволяет нам называть концепты и категории.

Эти процессы лежат в основе познавательной деятельности человека: человек делит мир на категории, относит различные объекты к этим категориям и формирует единицы знания об объектах и осмысляет объекты как единицы знания. Обмен информацией с помощью языка сводится к соотнесению предметов и событий с определенной категорией [Болдырев 2014: 38].

Любой текст является продуктом мыслительной деятельности человека и отражает ту или иную референтную ситуацию – реальную или вымышленную, в которой действуют те или иные участники данной ситуации, вводятся

определенные фрагменты реальной или вымышленной действительности, которые при вербализации получают свои наименования. Следует отметить, что в тексте при развитии событий номинации не являются закрепленными раз и навсегда. В процессе развертывания текстового пространства и участники, и фрагменты текстовой действительности могут получать и другие наименования, иными словами в тексте можно проследить динамический аспект номинаций референта данного текста.

В данном исследовании рассматриваются номинации персонажей и событий во вторичных текстах жанра synopsis балета. Синописис балета как вторичный текст создается на основе первичного текста. Основными особенностями синописиса балета как вторичного текста можно считать особые синтаксические построения, а именно, такой текст как правило не содержит развернутые предложения. Такое построение текста объясняется его основной функцией, которая заключается в том, чтобы познакомить зрителя с основными персонажами и с основными событиями, которые будут воплощены в танце. Как правило, synopsis характеризуется отсутствием эмоциональной и оценочной лексики, поскольку все эмоциональные переживания зритель должен получить от просмотра балетного действия, все эмоциональные переживания героев воплощаются и передаются языком танца. Зритель понимает эмоции персонажей из языка движений тел танцоров.

Synopsis или либретто балетного спектакля, в жанровом отношении, представляет собой своеобразную схему и отличается краткостью изложения содержания действия. Synopsis кратко излагает содержание балета, называет основные события и называет основных персонажей. Таким образом, можно увидеть, что в текстах данного жанра присутствует значительное число номинаций: как номинаций персонажей, так и номинаций событий.

Такие языковые особенности делают указанный жанр подходящим материалом для анализа динамического характера номинаций референта. В фокусе данного исследования находится динамический аспект текстовых номинаций. Сравнительный анализ английского и русского текста позволяет выявить отличия в способах номинаций референта в тексте.

Рассмотрим отрывок синописиса балета «Сильфиды» на английском языке.

On the eve of his wedding, James, a young Scotsman, sees a vision of an enchanting, winged Sylph. She is an ethereal spirit of the air who has fallen in love with him. James is captivated by the beautiful Sylph but, as he tries to touch her, she disappears into thin air. A party of guests and friends arrive with Effie, James' bride-to-be. James is distracted, still haunted

by the memory of **the Sylph**. Lost in thought, he gazes at the spot where she vanished. In his mind he can still see her and reaches out as though she is still there. It is, however, **Old Madge, the village sorceress**, whose hideous figure steps out of the shadows instead of the beautiful Sylph. Her revolting appearance and ravaged face cast a shadow over the celebrations. James' initial fear turns to anger and Effie tries to calm him. Old Madge starts to tell Effie's fortune. She predicts that Effie will marry not James, but **his friend Gurn, a Scottish peasant**, who is also in love with her. James loses his temper and sends **Old Madge** away. The party resumes and, in the general dancing and merrymaking, everyone soon forgets the unpleasant scene. At the height of the party, **the Sylph** reappears. She beckons to James and they vanish together. Effie is heartbroken.

Рассмотрим, как организованы номинации референта в тексте. Для этого рассмотрим текст с точки зрения концептуальных и категориальных номинаций, использующихся для создания образа референта. Текст содержит определенное число номинаций референта. Во-первых, в данном отрывке называются основные персонажи балетного действия: это жених и невеста Джеймс и Еффи, друг Джеймса Гурн, деревенская колдунья Мадж, и дева воздуха Сильфида. Во-вторых, называются основные события и происходящие действия: wedding, celebrations, party, dancing and merrymaking, a party of guests and friends.

Можно видеть, что создание образа референта происходит с участием имен собственных и базовых категориальных номинаций. Создание образа референта происходит путем прямого называния имени собственного, после которого, как правило следует категориальная номинация данного персонажа, то есть указывается *категория*, к которой принадлежит персонаж: *James, a young Scotsman, Effie, James' bride-to-be, his friend Gurn, a Scottish peasant, Old Madge, the village sorceress*. Категориальные номинации служат для понимания ролей, которые выполняют указанные персонажи в тексте. По мере развития текста категориальные номинации персонажей не меняются, персонажи называются своими именами собственными, либо используются анафорические местоимения.

При номинации событий и действий используются концептуальные номинации. Называется концепт WEDDING и все дальнейшие номинации относятся к этому концепту, то есть называют составные части указанного концепта. Такой способ создания образа референта способствует однозначной интерпретации происходящих событий у получателя текста. В английском тексте составные части названного концепта при их первичной номинации часто маркируются определенным артиклем, поскольку, в качестве составных

частей указанного концепта, они не требуют первичной номинации с неопределенным артиклем (THE CELEBRATIONS, THE PARTY). Читатель без труда идентифицирует указанные концепты и связывает их с основным событием wedding.

Обратимся к соответствующему отрывку синопсиса на русском языке.

Молодому шотландцу Джеймсу накануне свадьбы является любившая его прекрасная дева воздуха – Сильфида. Очарованный юноша пытается прикоснуться к ней, но Сильфида исчезает. Джеймс полон мыслей о таинственном существе.

Приходит невеста Джеймса Эффи. Соперник жениха Гурн тщетно пытается добиться ее расположения. Гости собираются танцевать.

Чтобы погреться у огня в дом проникает старуха Мэдж. Эффи убеждает Джеймса разрешить Мэдж погадать гостям. Колдунья предсказывает Эффи свадьбу с Гурном. Обозленный Джеймс прогоняет Мэдж, и та уходит, затаив обиду.

В разгар свадебного торжества вновь появляется Сильфида. Не в силах более совладать с собой Джеймс устремляется за ней.

В русском варианте соответствующего отрывка также называются основные персонажи и события балета. Также как и в английском варианте используются имена собственные и категориальные номинации для определения категории указанного персонажа. В отличие от английского варианта в русском тексте категориальные номинации предшествуют именам собственным, что является характерным для русского дискурса. Можно также заметить, что по мере развертывания текста категориальные номинации меняются. Так Сильфида, которая изначально была отнесена к категории дева воздуха, далее относится к категории существо. В данном случае мы имеем дело не только с расширением категории, но и категориальным сдвигом. Мэдж, которая изначально была отнесена в категории старуха, далее относится к категории колдунья. В данном случае происходит изменение категории, первоначальная категория возраст заменяется категорией: род деятельности. Такая смена категорий может вызывать затруднения у получателя текста, от которого потребуются определенные когнитивные усилия для установления кореферентных связей. В данном отрывке, связать номинации СТАРУХА и КОЛДУНЬЯ помогает употребление глагола *погадать*, значение которого указывает на производителя описанного глаголом действия.

Также определенные когнитивные усилия требуются при идентификации персонажа по имени Гурн, который в английском варианте текста отнесен к категории *друзья*. В русском варианте указанный персонаж но-

минируется как СОПЕРНИК. Данный концепт не является обязательной составляющей концепта СВАДЬБА, поскольку не на всех свадьбах у жениха бывают соперники. Соперник является элементом дальней периферии. В тексте для читателя возникает своего рода информативная недостаточность, которая требует заполнения, приходится затратить усилие на то, чтобы восстановить ход изложения.

Таким образом сравнительный анализ английского и русского текстов показал, что динамика прямых и категориальных номинаций референта влияет на особенности репрезентации референта. В английском тексте динамика способствует более быстрому сближению образов референта, в силу чего от получателя текста требуются меньшие когнитивные усилия при установлении кореферентных связей. В английском тексте категориальные номинации по мере развертывания не меняются. У получателя текста не возникает проблем с пониманием и идентификацией персонажей.

При восприятии русского текста для установления соответствующих связей затрачиваются большие когнитивные усилия, что связано с введением новых категориальных и периферических концептуальных номинаций.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2014.

Телия В. Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 336–337. URL: <https://www.mariinsky.ru/en/playbill/repertoire/ballet/silfida/>

K. V. Gudkova (*Saint Petersburg, Russia*)
Saint Petersburg State University

CONCEPTUAL AND CATEGORIAL NOMINATIONS OF THE REFERENT IN THE SECONDARY TEXT: COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND ENGLISH TEXTS

The article deals with the comparative analysis of categorial and conceptual nominations of the referent in the secondary text. The article focuses on the dynamic aspect of the nominations of the referent. It is shown that the nomination dynamic affects the representation of the referent. The secondary texts of the genre of synopsis are analysed.

Key words: conceptual and categorial nominations of the referent, secondary text.

Н. Б. Ершова, М. В. Матвеева

(Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет

имени Г. Р. Державина

ershova74@tsutmb.ru, m-v-matveeva@mail.ru

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ФОЛЬКЛОРНОГО КОНЦЕПТА GÜTE (ДОБРОТА)
В СКАЗКЕ БРАТЬЕВ ГРИММ “DIE STERN TALER”**

В статье рассмотрены средства лексической репрезентации фольклорного концепта GÜTE (ДОБРОТА) на материале сказки братьев Grimm “Die Stern taler”, установлено, что средством отражения фольклорного концепта в сказочном тексте является вербализация, в которой могут участвовать языковые единицы различных уровней, но ведущая роль принадлежит лексическим средствам.

Ключевые слова: лексическая репрезентация, когнитивная лингвистика, сказка, фольклорный концепт, ядро.

Интерес лингвистов к изучению фольклора объясняется не только стремлением к изучению его специфики, системы сюжетов, жанров и т. п., но и тем, что фольклор представляет собой отражение особой картины мира, сложившейся в народном сознании в течение тысячелетий и не утратившей значимости в наше время. Такой жанр фольклора, как сказка, исследовался в самых разных аспектах и является предметом изучения лингвофольклористики, лингвокультурологии, этнолингвистики, когнитивной лингвистики. Отдельные фольклорные концепты рассматривались в работах Е. Б. Артеменко, О. В. Волощенко, С. Г. Воркачева, В. Е. Добровольской, М. Н. Заметалиной, С. А. Кошарной и других ученых. Привлечение сказочных текстов как материала для когнитивных исследований представляет, на наш взгляд, значительный научный интерес, так как изучение сказочной концептосферы с целью выявления особенностей вербализации в ней тех или иных концептов, сходства и различия фольклорных и общекультурных концептов способствует решению проблем взаимодействия языка и культуры, формирования этноязыковой картины мира.

Фольклорный концепт представляет собой особый тип лингвокультурного концепта, который является результатом национального языкового сознания. По своей сути данный концепт – это совокупность культурно-значимых идей и смыслов, образовавшихся под влиянием фольклорного дискурса. Подобный тип концепта вызывает у лингвистов интерес, ведь

при его изучении можно исследовать особые коллективные и ценностные установки, отраженные в тексте, обобщающие все стереотипно-бытовые явления, характеризующие национальную самобытность. По своему содержанию он характеризуется различными актуальными для нации явлениями. Фольклорный концепт представляет собой разновидность общекультурного концепта. Однако важно отметить, что есть одно существенное различие: данный вид концепта, в отличие от других, сохраняет стабильность содержания. Отсюда можно сделать вывод о том, что фольклорный концепт является основой для этнической картины мира, хранящей и отражающей общественные представления и установки, национальное знание, т.е. является когнитивной единицей, репрезентирующей представление об экстралингвистических явлениях, имеющих важное значение для соответствующего фольклорного коллектива.

Говоря о статусе фольклорных концептов, можно сделать заключение, что выделяют дискурсообразующие и недискурсообразующие концепты.

Дискурсообразующими фольклорными концептами называют те концепты, которые представляют собой базис для дискурса, например, концепты ТРУД, НАДЕЖДА, МАТЕРИНСТВО, ДОБРОТА. Концепты, относящиеся к данной разновидности, составляют концептосферу дискурса. Также вокруг них образуется сам фольклорный дискурс, для которого актуальны те концепты, которые отражают ценности данной лингвокультуры, идеи и установки, которые могут стать объектом рефлексии внутри общества. Чаще всего к данным концептам относятся те, которые соотносятся с идеологическими или социальными ценностями, которые могут подвергнуться переосмыслению и смене оценочного значения. Недискурсообразующие концепты – это концепты, которые приобрели свое символическое наполнение через реализацию внутри фольклорного произведения.

Сказка занимает особое место в культурном пласте для каждой народности, ведь по своей природе она представляет собой результат устного народного творчества. В основу истории всегда закладывается изображение мира и живущих в нем людей, нет детального раскрытия правил и условностей.

Материалом для настоящего исследования была выбрана немецкая сказка из сборника сказок братьев Гримм “Die Sterntaler” (*«Звездные талеры»*). В сказке “Die Sterntaler” повествуется о бедной девочке-сироте, которая за свою доброту и богобоязненность получила награду с небес.

Интересующий нас фольклорный концепт GÜTE (ДОБРОТА) включает в себя комплекс моральных и этнических норм. Определяющими для данного концепта выступают элементы, относящиеся к категориям нравственности,

эмоциональности, религиозному аспекту, который, как было выявлено ранее, является базисным и важным для немецкой лингвокультуры.

Ядром для концепта GÜTE (ДОБРОТА) выступает имя прилагательное *gut* (хороший). *Es war aber gut und fromm* [Brüder Grimm, 1812: 378] (букв. Она была хорошей и благочестивой). В ходе повествования для характеристики главной героини автор целенаправленно использует семантически близкое к имени прилагательному *gut* имя прилагательное *fromm* (добрый; благочестивый): *und das fromme Mädchen dachte...* [Brüder Grimm, 1812: с. 378] (букв. и добрая девочка подумала...). При помощи использованных лексических единиц создается положительная коннотация образа главной героини, которая благодаря данным качествам характера в конце истории получает награду в виде талеров. Сами по себе данные лексемы несут позитивное значение, это подтверждает дефиниция, данная лексикографическим источником: словам соответствует синонимический ряд *rechtschaffen* (праведный) и *tüchtig* (способный); *vom Glauben an Gott geprägt* (верующий в Бога) [Duden].

Следует обратить внимание на понятие *Großzügigkeit* («щедрость»). Оно характеризует представления немецкого народа об идеалах личностных качеств человека, таких, как доброта и честность, что для немцев считается добродетелью. В связи с данными аспектами для исследования будет релевантным рассмотреть те случаи, которые раскрывают такую черту характера, как щедрость.

В рамках настоящего исследования мы проанализировали следующие отрывки: *Da tat es seine Mütze ab und gab sie ihm* [Brüder Grimm, 1812: 378] (букв. Затем она сняла шляпу и дала ему); *...da gab es ihm seins; und noch weiter; da bat eins um ein Röcklein, das gab es auch von sich hin* [Brüder Grimm, 1812: 378] (букв. Тогда отдала она ему свою (одежду); и после еще один (ребенок) попросил юбочку, и она отдала её); *...und zog das Hemd ab und gab es auch noch hin* [Brüder Grimm, 1812: 378] (букв. ...и сняла рубашку и тоже отдала ее). Главным образом вербализация происходит через глагольную единицу *geben* (давать).

В контексте данной сказки глагол используется для раскрытия щедрости главной героини. Бедная девочка в течение всего сюжета отдавала другим свои вещи, чтобы помочь, за что была вознаграждена в конце сказки. Понятие *Großzügigkeit* (щедрость) совпадает с когнитивными признаками исследуемого нами концепта.

Интересным для настоящего исследования представляется случай употребления свободных сочетаний, например: *Laßt die Tiere in Frieden, ich leid's nicht, daß ihr sie stört!* [Brüder Grimm, 1812: 319] (букв. Оставьте

животных в покое, я не допущу, что вы их беспокоите). В приведенном предложении вербализация происходит через свободное словосочетание *lassen in Frieden* (оставлять в покое). Глагольная единица стоит в форме повелительного наклонения, это свидетельствует о том, что лексема употреблена в качестве призыва к действию (в данном случае не трогать животных). Это раскрывает персонажа как сострадательного человека. Основываясь на этом заключении, мы можем сделать вывод о том, что имя существительное *sostрадание* является периферийным признаком для исследуемого концепта. Сюда можно отнести пример со словосочетанием *nicht leiden* (не допускать), которое сопоставляется автором с глаголом *stören* (беспокоить), стоящего в придаточной части данного предложения. По своему семантическому значению единица *stören* (беспокоить) является негативной – это заключение сделано на основе толкования, данного лексикографическим источником: *nachhaltig beeinträchtigen, zu zerstören, zunichtezumachen drohen* («упорно ухудшать, угрожать уничтожить, разрушить») [Duden]. Явление разрушения в языковой картине мира любого народа является губительным и пугающим, из чего следует, что единица *stören* («беспокоить») носит отрицательное коннотативное значение. Таким образом, герой, порицая и не допуская жестокого отношения к другим существам, показывает свою доброту, эмпатию и сопереживание, которые являются элементами, составляющими концептуальное поле концепта GÜTE (ДОБРОТА).

Обобщая все выше изложенное, следует сделать вывод о том, что такие качества характера, как доброта, эмпатия, отвечают моральным представлениям немецкого общества. Их также считают важными, т. к. данные личностные черты совпадают с идеями, репрезентативными через религию, которая в мировоззрении немцев представляет собой базис для формирования нравственных ценностей. Немецкие сказки являются формой накопления опыта нации и отражением языковой картины мира. Проведенный анализ позволил установить, что концепт GÜTE (ДОБРОТА) активно используется носителями немецкого языка с древних времён. Это свидетельствует об актуальности данного концепта для всех исторических периодов немецкой истории и находит свое отражение в фольклоре. К наиболее частотным средствам репрезентации концепта GÜTE (ДОБРОТА) относятся имена прилагательные, глаголы, средства отрицания и свободные сочетания. Средством отражения фольклорного концепта в сказочном тексте является вербализация, в которой могут участвовать языковые единицы различных уровней, но ведущая роль принадлежит лексическим средствам.

Литература

Алтруова А. Ш., Нурекешова Г. Р. Фольклорный дискурс как особый тип коллективной речевой деятельности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/folklornyy-diskurs-kak-osobyiy-tip-kollektivnoy-rechevoy-deyatelnosti/viewer>

Brüder Grimm Kinder- und Hausmärchen. URL: <https://www.reclam.de/data/media/978-3-15-018520-9.pdf>

Словарь К. Дудена. URL: <https://www.duden.de/>

*N. B. Yershova, M. V. Matveeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

LEXICAL REPRESENTATION OF THE FOLKLORE CONCEPT GÜTE (KINDNESS) IN THE FAIRY TALE OF THE BROTHER GRIMM “DIE STERNTALER”

The article considers the means of lexical representation of the folklore concept of GUTE (KINDNESS) based on the fairy tale of the brothers Grimm “Die Sterntaler”, it is established that the means of reflecting the folklore concept in a fairy-tale text is verbalization, in which linguistic units of various levels can participate, but the leading role belongs to lexical means.

Key words: Lexical representation, cognitive linguistics, fairy tale, folklore concept, core.

*T. H. Ефименко (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
tefimenko@mail.ru*

ПРОФИЛИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ И ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕДИАТЕКСТЕ

Данная статья посвящена вопросам изучения когнитивных механизмов формирования смысла и вторичной интерпретации, одним из которых является профилирование. В работе подчеркивается особая роль данного механизма в формировании определенной конфигурации знания, которая обеспечивает основу для создания воздействующего потенциала медиатекста.

Ключевые слова: когнитивные механизмы, профилирование, медиатекст, воздействующая функция.

Изучение когнитивных механизмов формирования смысла непосредственно связано с вопросами взаимодействия языка и мышления, в частности, каким образом язык помогает человеку организовывать и структурировать понимание мира, его объектов, различных событий и явлений. Необходимость изучения языка в тесной связи с мышлением человека неоднократно подчеркивалась в многочисленных трудах Николая Николаевича Болдырева и учеников его научной школы. Речемыслительная деятельность человека предполагает не только передачу информации, определенного знания другому человеку (адресату), но и формирование у последнего определенного восприятия и интерпретации мира, знаний о мире, различных событий, происходящих в мире [см. подробнее: Болдырев 2017]. Другими словами, автор сообщения создает в сознании адресата определенную траекторию конструирования смысла, формирования убеждения, оценки, побуждает его к определенным действиям. Это особенно явно прослеживается в медиа сообщениях (медiateкстах), основными функциями которых являются информирование и воздействие. Медiateксты представляют индивидуальную проекцию знаний автора, его восприятие, установки и убеждения, которые он (автор) транслирует аудитории. Как следствие, они воздействуют на концептуальную систему адресата, активируя в его сознании определенные структуры знания, формируют не только смысл высказывания, идеи, но и конструируют определенную конфигурацию знания о той или иной ситуации, событиях, описываемых в тексте.

Реализации данной цели способствует использование автором медiateкста определенных когнитивных и языковых механизмов формирования смысла и интерпретации знаний о мире, к которым относятся: профилирование, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, перспективизация, инференция и др. На языковом уровне данные механизмы получают материальную форму и выражаются через использование определённых языковых единиц.

В рамках данной статьи представляется интересным рассмотреть случаи использования профилирования, как одного из механизмов обработки знания, формирования смысла и моделирования воздействия в медiateксте. Выбор в пользу данного механизма обусловлен его функциональной спецификой, которая способствует структурированию определённых выделенных форматов знания в зависимости от интенции автора медiateкста. Данное понимание основано на известном определении Р. Лэнкера, согласно которому функциональная особенность профилирования состоит в навязывании определенного профиля какому-либо основанию или области, т.е. выделение из этого основания отдельного элемента [Langacker 1991]. Кроме того, профилирование, как один из типов выделенности, способствует реализации

определенной языковой цели [Лэнекер 2006: 18]. Следовательно, выделение или фокусировка внимания на определенных аспектах концептуальной структуры позволяет автору медиатекста создавать более четкие и конкретные представления о сложных ситуациях, объектах, событиях или явлениях, задавая при этом определенные параметры восприятия и толкования события или объекта, создавая нужный образ. Так, в процессе коммуникации адресантом (в данном случае автором медиатекста) на передний план, как правило, выдвигаются те характеристики концептов, которые, по его мнению, являются наиболее релевантными для данной коммуникативной ситуации и полностью реализуют его коммуникативную интенцию. Профилирование, как правило, опирается на существующие структуры знания у потенциального адресата, которые помогают конструировать смысл и интерпретировать информацию. Например, концепт ЛИДЕР в политическом дискурсе может профилироваться через фреймы АВТОРИТЕТ, ХАРИЗМА, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Так в одной из британских газет, автор статьи “Keir Starmer is in a tight spot, but a ‘Trump, baby, Trump’ strategy just won’t work” [<https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/feb/11/>], используя определенные языковые выражения и подчеркивая конкретные характеристики политических деятелей США и Великобритании, формирует оценочный образ «сильного политического лидера» на примере Д. Трампа и «неудачного подражателя политического лидера» – К. Стармера. Автор создает образ Кира Стармера как политика, который пытается имитировать Д. Трампа (но делает это неестественно и неудачно), выделяя следующие характеристики: *Keir Starmer is in a tight spot; just a shame, it's the radio edit of someone else's; slightly reminded me of Daniel Craig's accent in Knives Out*. Британский премьер позиционируется как человек, который пытается скопировать стиль Трампа, однако в реальности получается смешно и неубедительно. Такое описание как *it's the radio edit of someone else's* (радиоверсия чужой личности – перевод наш, Т. Е.), *PG take on Trump's R-rated blockbuster* (PG-версия R-rated блокбастера) и сравнение с туристами, перенимающими американские выражения, формируют образ неаутентичного политика, который не способен создать собственный харизматичный стиль: *...and return to Starmer, whose apparent desire to come off as a Chinese restaurant's Donald Trump impersonator...; Starmer opted on Monday to release photos and footage of illegal migrants being escorted on to planes to be deported – just like the Trump administration did last week...; Trump can put some deportees on a plane and everyone calls him strong; Starmer does it, and social media lights up with people scoffing it's just a publicity stunt... There is something particularly hilarious about men who are not at all like Trump trying to act their version of Trumpishly*.

Посредством использования данных языковых единиц автор статьи акцентирует внимание аудитории на определенных характеристиках концепта «неудачный политический лидер» (копирование чужого стиля, сравнение с туристами, подражающими американской культуре, оценка его политических шагов как постановочных и фальшивых).

При составлении оценочного образа Дональда Трампа, напротив, высвечиваются такие характеристики концепта УСПЕШНЫЙ ПОЛИТИК как: политик, обладающий *собственными законами физики*, которых не может воспроизвести никто другой. Его действия (например, депортация мигрантов) воспринимаются как проявление силы, тогда как аналогичные шаги К. Стармера выглядят как дешевый пиар-ход. *Trump is trying to do a watered-down version of him to appeal just enough to some people – at the same time as being just acceptable enough not to drive others away. The president has his own laws of physics, which don't apply to others.*

Основываясь на концептуальной области ПОЛИТИКА, автор текста создает образ успешного политического лидера, который играет по собственным правилам, а его действия вызывают у публики либо восхищение, либо возмущение, но не оставляют равнодушными. В частности, подчеркивается его уникальный стиль управления *У президента свои законы физики*, т.е. его поведение и поступки подчиняются другим, не традиционным политическим законам; акцентируется внимание на контрасте восприятия его действий и действий К. Стармера: *Д. Трамп может посадить депортируемых в самолет, и все называют его сильным. К. Стармер делает то же самое, и это вызывает лишь насмешки* (перевод наш, Т.Е.).

Формирование смысла, таким образом, происходит благодаря тому, что отдельные характеристики концептуальной области (ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР) профилируются на основании другой концептуальной области, например: НОРМА или ИДЕАЛ. Такое соотнесение обеспечивается за счет наличия в концептуальной системе человека межконцептуальных связей, которые, как справедливо отмечает Н.Н. Болдырев, требует наличие какой-либо общей характеристики между этими концептами [Болдырев 2013: 15].

Данные примеры показывают, что когнитивный механизм профилирование используется наряду с другими когнитивными механизмами, которые обеспечивают конструирование определенного (в данном случае оценочного) смысла, задают определённые параметры формирования идеи, основываясь на выделении конкретных структурных характеристик той или иной концептуальной области и, как следствие, формируют воздействующий потенциал медиатекста. К таким механизмам можно отнести концептуальную метафору: *is in a tight spot; strategy just won't work; laws of physics; a pale copy of somebody;*

unveiled a personality; the radio edit of someone else's; putting a smile on the face; versions of this syndrome; the prime minister's next symptoms; indicating to the British public that he had a huge number of ideas – и концептуальную метонимию: fixing one eye on the cameras; Daniel Craig's accent in Knives Out; we must leave Netflix's; most successful detective from ... Kentucky; a Chinese restaurant's Donald Trump impersonator; of whoever in the White House is charged with monitoring the US-UK special relationship; adopt mid-Atlantic accents after a couple of drinks; close to getting a Route 66 tattoo; had far more of an eye on iconic image.

Таким образом, профилирование как когнитивный механизм позволяет автору медиатекста сформировать определенный смысл, создавая образ объекта или события, навязать конкретное восприятие и интерпретацию события, ситуации и мира в целом.

Литература

Болдырев Н. Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2013б. Вып. XV. С. 12–21.

Болдырев Н. Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2017. С. 19–81.

Болдырев Н. Н. Когнитивные и языковые механизмы репрезентации знаний и формирования смысла. // БРЭ. URL: <https://bigenc.ru/c/kognitivnye-i-iazykovye-mekhanizmy-reprezentatsii-znanii-i-formirovaniia-smysla-63eec3>

Лэнкер Р. Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 15–27.

Langacker R. W. Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.

T. N. Efimenko (Moscow, Russia)
Moscow City University

PROFILING AS A SENSEMAKING AND INFLUENCE COGNITIVE MECHANISM IN MEDIA TEXT

This article considers the study of cognitive mechanisms involved in sensemaking and secondary interpretation, with profiling being one of them. Particular emphasis is placed on the pivotal role of profiling in a specific configuration of knowledge construction that provides the framework for influencing potential of media texts.

Key words: cognitive mechanisms, profiling, media text, influencing function.

Н. В. Закурдаева (Орел, Россия)
Академия Федеральной службы охраны
Российской Федерации
zakurdaeva.n@inbox.ru

КОНСЬЮМЕР И ПРОСЬЮМЕР: ТИПОЛОГИЯ АДРЕСАТА В МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

В статье рассмотрены две модели медиакommunikации: масс-медиа и соц-медиа, проанализированы их структура и особенности функционирования. Автор приходит к выводу о том, что для масс-медиа характерна иерархическая нелинейная модель коммуникации, для соц-медиа – сетевая. Различные модели медиакommunikации приводят к дифференциации типов адресата: в масс-медиа сформировался такой тип, как консьюмер (адресат, потребляющий готовые смыслы, сформированные дискурсивными элитами и транслируемые посредством СМИ), а соц-медиа – просьюмер (адресат, который участвует в формировании смысла сообщения, а не только потребляет готовый смысл).

Ключевые слова: масс-медиа, соц-медиа, консьюмер, просьюмер.

Многие современные лингвисты полагают, что к концу XX века сложился универсальный вариант коммуникационной модели, «учитывающий все базовые компоненты коммуникации, как-то: отправителя сообщения, его получателя, канал, обратную связь, само сообщение, процессы его кодирования и декодирования и, наконец, ситуацию общения или контекст» [Добросклонская 2006: 22]. Однако медиакommunikация неоднородна, в ней традиционно выделяют масс-медиа (печатные СМИ, радио, телевидение, информагентства и др.) и соц-медиа (социальные сети, блоги, форумы, видеохостинги и т. д.). Каждому типу медиакommunikации будет соответствовать своя коммуникационная модель: для масс-медиа характерна нелинейная синергетическая модель, для соц-медиа – сетевая модель. СМИ как социальный институт существует в двух «независимых стабильных формах: иерархической и сетевой [Шелонаев: 2013: 10]. Таким образом, масс-медиа и соц-медиа являются разными формами одного социального института, при этом обе формы соперничают в борьбе за информационные ресурсы, так осуществляется динамическая устойчивость системы СМИ (одна форма компенсирует недостатки другой).

Нелинейная иерархическая модель включает в себя адресанта (дискурсивные элиты) и отправителя сообщения (СМИ), адресата, канал связи, само сообщение. Она функционирует на синергетических основаниях:

сначала формируется дискурс конкретного политического события, рождается информационная волна, передающая смыслы от адресанта к адресату, при этом СМИ выступают в качестве посредника, они не создают смыслы; затем медиадискурс начинает самоорганизовываться под воздействием внутренних параметров порядка и работы управляющего параметра, т.е. дискурсивных элит, которые принимают управленческие решения и расставляют приоритеты, формируют повестку дня. Далее медиадискурс стабилизируется, происходит формирование нарратива – версии рассказа о событии, которая выгодна адресанту и не вызовет отторжения у адресата. Репрезентацией дискурса является релевантный текст, то есть текст, описывающий конкретное политическое событие. Но данный текст может быть оценен адресатом неоднозначно, излагаемая информация может быть воспринята как недостоверная, необъективная, неполная, не соответствующая уровню когнитивной сложности адресата и т.д. Нарратив представляет собой пертинентный текст, удовлетворяющий информационные запросы адресата [Закурдаева 2024: 530].

Сетевая модель коммуникации построена на основных принципах теории математических графов, в которой акторы представлены в виде точек или вершин, а их взаимосвязь – в виде связывающих их линий или ребер [Каримов 2018: 118] (на наш взгляд, общение в сети происходит при помощи интеракций, отправитель и получатель информации очень быстро и многократно меняются местами, поэтому более корректно применительно к сетевой модели коммуникации применять термины акторы (равноправные субъекты), а не адресат и адресант).

Каждая точка (вершина) графа имеет *валентность* – количество возможных связей с другими акторами (количество ребер). Чем больше количество ребер, тем больше валентность (коннективность) актора. Узлы социальной сети (акторы) могут иметь различные свойства (возраст, гендерная принадлежность, этническая принадлежность, образование и т.д.), часто узлы, которые объединяются в социальную сеть, тяготеют к тому, чтобы быть похожими, иметь схожие взгляды и интересы, это свойство называется *ассортативностью* [Рабчевский 2024: 44]. Узлы сети могут быть сгруппированы в *сообщества (кластеры, модули)*, с более высокой плотностью соединений/связей внутри, чем между этими сообществами (например, люди с правыми и левыми взглядами – разные кластеры). Пользователи проявляют различную активность в сети, есть активные пользователи (форумы, репосты, сообщения), есть умеренно активные или пассивные пользователи (в отличие от адресата масс-медиа, чью активность и силу обратной связи мы не можем оценить). Связность является

важнейшим свойством сети. Если удалить крупный узел (хаб), сеть теряет устойчивость и перестает функционировать.

Поскольку между масс-медиа и соц-медиа коммуникацией существуют принципиальные различия, следовательно, типы адресата в обоих видах коммуникации также будут различны.

В масс-медийной модели коммуникации источником информации и кодировщиком сообщения являются дискурсивные элиты. Т. ван Дейк называет их символическими элитами, они осуществляют символическую власть, которая в свою очередь является формой идеологической власти: «символические элиты играют важную роль в идеологическом обеспечении системы осуществления или поддержки власти в современном информационном и коммуникативном обществе» [ван Дейк 2015: 52]. Они отбирают факты для того, чтобы СМИ сконструировали событие, формируют новостную повестку дня, осуществляют институционализацию смысла, рекомендуют когнитивную «упаковку» для освещения событий. В самом общем смысле они играют роль организатора и контролера процессов массовой коммуникации, это коллективный субъект массовой коммуникации.

Особенность коммуникативных практик традиционных СМИ – асимметрия позиций субъекта речи и адресата коммуникативного действия: их смена невозможна (тогда как в соц-медиа смена акторов постоянно осуществляется, коммуникация симметрична). Таким образом, в роли адресанта в масс-медиа выступает анонимная социальная группа, управляющая информационной повесткой дня. СМИ являются передатчиком, ретранслятором готового смысла в интересах данной группы.

Для соц-медиа адресантом и адресатом может быть любой актор сети, выступающий под своим реальным именем или под ник-неймом, тогда мы имеем дело с виртуальным актором. Кроме того, в сети в роли акторов могут выступать боты (псевдоакторы, которые также ретранслируют смыслы в интересах дискурсивных элит). В соц-медиа адресант является источником и передатчиком сообщений, однако пересылаемая информация через хабы контролируется дискурсивными элитами.

В масс-медиа адресант является автором текста, адресат – читателем, слушателем, воспринимающим текст, в соц-медиа акторы являются и авторами, и читателями создаваемого контента – так изменяется культура публичного авторства. В соц-медиа коммуникации акторы образуют сетевое сообщество, внутри которого распределяются статусно-ролевые позиции каждого из них. Акторы формируют нормы и границы коммуникации в рамках своего сообщества. Сетевые сообщества не имеют четкой структуры

и иерархии, в них нет институционально закреплённых отношений, в отличие от масс-медиа.

Масс-медиа и соц-медиа как социальные институты осуществляют институционализацию смысла сообщений о политических событиях, осуществляют идеологическое кодирование информации, при котором «квант смысла получает не просто оценку, но и эмоцию, а также яркую, запоминающуюся, но в то же время прагматичную стилистическую упаковку» [Клушина 2021: 57]. Таким образом, в масс-медиа коммуникации кодирование (конструирование события) и декодирование (создание нарратива) информации осуществляют властные элиты, СМИ являются посредником, передатчиком готовых смыслов, а адресаты – потребителем готового смысла, **консьюмерами**, не обладающими критическим мышлением: «реципиенты смыслов, чья пробужденная и конкретно направленная социальная активность используется политиками» [Николайчук 2021: 21].

Кроме того, кодирование и раскодирование сообщений происходит в «режиме разделения коммуникативного процесса на два относительно независимых акта: 1) коммуникатор-посредник, 2) посредник-коммуникант» [Шелонаев 2013: с. 26]. В соц-медиа коммуникации адресат, являясь актором сети, меняет коммуникативные роли, выступая то в качестве адресата, то адресанта. В данном типе коммуникации адресат является **просьюмером**, т. е. и производителем, и потребителем смыслов, создаваемых в сети. Следовательно, типология адресата в масс-медиа и соц-медиа коммуникации различна.

Литература

Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.

Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-kak-objekt-lingvistiki-i-mezhkulturnoy-kommunikatsii>.

Закурдаева Н. В. Синергетическая модель передачи информации в политическом медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 2 (58). С. 529–533.

Каримов Р. Н. Интерпретация и роль каналов коммуникации в сетевой модели // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7. С. 115–125.

Клушина Н. И. Нарративные практики в современном российском медиадискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 1. С. 24–35.

Николайчук И. А., Якова Т. С., Янглева М. М. Потребление смыслов. Массмедиа, идеология, политика. М.: Издательство ИКАР, 2021.

Рабчевский А. Н. Основы информационного противоборства: сетевая наука: учебное пособие для вузов М.: Издательство Юрайт, 2024.

Шелонаев С. И. Институционализация медиaprостранства в российском обществе: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. СПб., 2013.

N. V. Zakurdaeva (Orel, Russia)
Russian Federation Security Guard Service
Federal Academy

CONSUMER AND PROSUMER: THE TYPOLOGY OF THE ADDRESSEE IN MEDIA COMMUNICATION

The article examines two models of media communication: mass media and social media, and analyzes their structure and operating features. The author comes to the conclusion that mass media is characterized by a hierarchical nonlinear model of communication, while social media is characterized by a network model. Different models of media communication lead to the differentiation of types of addressee: in mass media, a type has been formed as a consumer (an addressee who consumes ready-made meanings formed by discursive elites and broadcast through the media), and social media – a prosumer (an addressee who participates in the formation of the meaning of a message, and not only consumes ready-made meaning).

Key words: mass media, social media, consumer, prosumer.

О. С. Захарова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
st111446@student.spbu.ru

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ФУНДАМЕНТАЛЬНОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ ВАЛЮТНОГО РЫНКА

В работе изучаются способы репрезентации интеллектуальной оценки в англоязычном фундаментальном аналитическом обзоре валютного рынка. Дано описание жанра аналитического обзора и его видов: фундаментального и технического. Рассмотрена категория оценки и ее классификации. Представлено понятие речевого

воздействия и способы его реализации. Исследование выявило присутствие интеллектуальной оценки в выбранном жанре, к основным средствам ее репрезентации отнесены глаголы, прилагательные и существительные, выступающие в роли метафор и эпитетов.

Ключевые слова: англоязычный дискурс, аналитический обзор валютного рынка, фундаментальный аналитический обзор, категория оценки, интеллектуальная оценка, репрезентация интеллектуальной оценки.

Исследование нацелено на изучение языковых средств репрезентации интеллектуальной оценки в жанре фундаментального аналитического обзора валютного рынка на материале публикаций британских и американских аналитических агентств (“Reuters”, “IFCMarkets”, “FXStreet”) и деловых СМИ (“The Economist”, “The Daily Mail”, “Bloomberg”, “Forbes”) за 2022–2024 гг. Актуальность темы объясняется значимой ролью текстов выбранного жанра в экономике и политике. Объектом исследования является аксиологичность как одно из доминантных жанровых свойств АО, а предметом – средства вербализации категории оценки в нем.

Исходя из анализируемых данных различают фундаментальный (изучаются макроэкономические показатели) и технический (исследуются ценовые диаграммы) типы анализа валютного рынка и соответствующие виды АО [Щеголева 2025]. Жанр АО характеризуется информативностью, так как сообщает читателю о происходящих событиях с обязательным применением аналитического комментария [Ворошилов 2000], а как представитель медийного дискурса он призван оказывать на аудиторию влияние благодаря эмоциональности, экспрессивности и ясности изложения [Шестеркина, Лободенко 2013]. Такое воздействие в широком понимании трактуется как сопровождающая коммуникацию спонтанная или намеренная передача информации адресантом реципиенту [Шелестюк 2014]. К способам его реализации относят, например, семантические пресуппозиции, ссылку на неизвестный источник информации, опору на авторитет, аргументацию [Баранов 2007, Иссерс 2023].

Поскольку обзор передает экспертное мнение, то аксиологичность может считаться одним из основных его жанровых свойств. В нашем исследовании мы исходим из деятельностного понимания оценки и ориентируемся на когнитивно-прагматический взгляд на нее как на сопряженное с процессом познания освоение ценности объекта [Шутёмова 2022]. Оценка имеет структуру, включающую субъект (индивидуальный и коллективный), объект, шкалу, стереотипы, аксиологические предикаты, интенсификаторы и т.п. [Вольф 1985]. Наличие оценочной и дескриптивной составляющих значения слова позволяют выделить общую и частную оценку. Позитивная, нейтральная и негативная области общеаксиологической шкалы обуслови-

вают выделение соответствующих видов оценки [Арутюнова 1988; Вольф 1985]. Классификация типов частнооценочных значений, разработанная Н. Д. Арутюновой, признана наиболее подробной. Она подразумевает разграничение сенсорных, сублимированных и рационалистических оценок, состоящих из сенсорно-вкусовых (гедонистических), интеллектуальных, эмоциональных, этических, эстетических, утилитарных, нормативных, телеологических [Арутюнова 1988].

Исследование показало наличие в выбранном жанре интеллектуальных оценок наряду с остальными их типами: сенсорно-вкусовыми (гедонистическими), эмоциональными, этическими, эстетическими, нормативными, телеологическими и утилитарными, при существенном преобладании последних (99,8%). К основным средствам репрезентации интеллектуальной оценки в фундаментальном АО отнесены личные и неличные формы глаголов (46,2%), прилагательные (24,4%) и существительные (20,5%), выступающие в роли метафор и эпитетов.

Проанализируем фрагмент обзора, опубликованного на страницах новостного агентства Reuters от имени автора John Mccrank, эксплицитного индивидуального субъекта оценки, выражающего оптимизм относительно возможностей для благоприятного развития экономической ситуации в Америке благодаря продуманной политике ЦБ:

*(1) In prior appearances at the Jackson Hole conference, Powell's remarks have involved **high-level discussions** of Fed **strategy** and **analysis**. He **acknowledged** that in his opening remarks. But with the Fed trying to keep markets and the general public **apprised** of what is coming in the future, he said **the intensity** of the moment **required** a **more grounded** approach* [Reuters 2022].

На интеллектуальный характер оценки указывает глагол в форме прошедшего времени *acknowledged*, подчеркивающий рациональность и открытость говорящего: *to accept that something is true* [OD], и *required* с семами законности и обоснованности в значении: *to make somebody do or have something, especially because it is necessary according to a particular law or set of rules* [OD], а также причастие II *apprised*, передающего процесс информирования: *to tell or inform somebody of something* [OD]. Сочетание существительного *discussions*, обозначающего речевую деятельность, сопряженную с когнитивными процессами: *a conversation about somebody/something; the process of discussing somebody/something* [OD], с прилагательным *high-level*, характеризующим уровень дискуссии: *involving senior people; advanced* [OD], и выступающим в роли метафорически переосмысленного эпитета, а также существительные *strategy*, свидетельствующее о наличии продуманного плана и цели: *a plan that is intended to achieve a particular purpose* [OD], и *analysis*

с семами объективности: *the detailed study or examination of something in order to understand more about it; the result of the study* [OD], подтверждают принадлежность оценки к интеллектуальному типу.

Серьезность ситуации, сложившейся на рынке, подчеркивает существительное *the intensity* с семами силы: *the state or quality of being intense; the strength of something, for example light, that can be measured* [OD], и причастие II *grounded*, значение которого переосмыслено метафорически, в результате чего, оно описывает объект как серьезный и объективный: *having a sensible and realistic attitude to life* [OD], а его форма сравнительной степени выступает в роли интенсификатора. Средства объективации оценки участвуют в реализации таких способов речевого воздействия, как аргументация и опора на авторитет (отсылки к высказываниям главы ЦБ США Дж. Пауэлла) [Баранов 2007].

Итак, исследование показало наличие интеллектуальных оценок в жанре фундаментального аналитического обзора, доминирующими средствами репрезентации которых являются личные и неличные формы глаголов, прилагательные и существительные, которые стилистически могут быть соотнесены с метафорами и эпитетами. В качестве субъектов оценки в АО валютного рынка выступают специалисты в области экономики, финансов и политики, трейдеры, аналитики. Объектами оценки становятся валюты, валютные пары, графики движения их цен и события политического и экономического характера. Выявлены такие способы речевого воздействия, как аргументация и отсылка к авторитетному мнению [Баранов 2007].

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта, Наука, 2007.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
- Ворошилов В.В. Журналистика. Базовый курс. СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2000.
- Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2023.
- Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография. М.: Флинта: Наука, 2014.
- Шестеркина Л.Е., Лободенко Л.К. Сравнительный анализ жанров журналистских и рекламных медиатекстов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 9. С. 279–286.
- Шутёмова Н.В. Виды экспертной оценки творчества И. Наховой в англоязычном искусствovedческом дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Том 14. Вып. 3. С. 56–68.

Щеголева Н. Г. Валютный рынок и валютные операции: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025.

OD – Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

Reuters. Dollar eases off of 20-year high as euro boosted by rates view. URL: <https://www.reuters.com/markets/europe/dollar-gains-investors-brace-higher-rates-2022-08-29/>.

O. S. Zakharova (*Saint Petersburg, Russia*)
Saint Petersburg State University

MEANS OF INTELLECTUAL EVALUATION REPRESENTATION IN THE ENGLISH FUNDAMENTAL ANALYTICAL REVIEW OF THE FOREIGN EXCHANGE MARKET

The paper examines the ways of representing intellectual evaluation in the anglophone fundamental analytical review of the foreign exchange market. The genre of analytical review and its types are described: fundamental and technical. The evaluation category and its classifications are considered. The concept of speech impact and the ways of its implementation are presented. The study revealed the presence of intellectual evaluation in the chosen genre, the main means of representation of which include personal and non-personal forms of verbs, adjectives and nouns acting as metaphors and epithets.

Key words: anglophone discourse, analytical review of the foreign exchange market, fundamental analytical review, evaluation category, intellectual evaluation, intellectual evaluation representation.

Д. Б. Измаилян (*Москва, Россия*)
*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*
diana.izma@gmail.com

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В НОВОСТНОМ МЕДИАТЕКСТЕ

В статье рассматриваются языковые средства выражения оценки в новостных текстах СМИ. Анализируется то, каким образом формируется оценочность в тексте через открытые и скрытые механизмы речевого воздействия. На примере освещения конфликтной ситуации демонстрируется, как экспрессивные и стилистически немар-

кированные лексемы взаимодействуют в одном контексте для создания ингерентной и адгерентной оценочности.

Ключевые слова: оценка, медиатекст, новости, ингерентность, адгерентность, контекст.

В процессе организации языковой коммуникации особое место отводится описанию лингвистической категории *оценки/оценочности*. На фоне многочисленных определений этого понятия у многих лингвистов, исследовавших проблемы выражения оценочных значений (Ю. Д. Апресян, Н. А. Арутюнова, А. Вежбицкая, Т. В. Маркелова, В. Н. Телия и др.), сложилось единое представление об оценке как о семантическом понятии, в основе которого лежит аксиологический аспект языковых значений, что в виде упрощённой модели можно представить как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой» [Вольф 2009: 5]. Оценка тесно связана с категориями экспрессивности, эмоциональности, эмотивности, модальности и может даваться по самым разным признакам, однако основную сферу оценочных значений обычно соотносят именно с признаком «хорошо/плохо».

Оценочность является универсальной категорией как отдельных языковых средств, так и дискурса в целом; в сфере мужкультурной коммуникации на базе оценки выстраиваются шкалы ценностей и формируются стереотипы. С целью разграничения связанных понятий *оценки* и *оценочности* в этой статье под оценкой понимается языковое выражение положительного или отрицательного отношения автора к сказанному в тексте, а оценочность – это свойство языковых средств выражать оценку, т. е. конкретная реализация оценки [Марьянчик 2011: 101].

В сфере масс медиа оценочность является ведущей стилиобразующей чертой текста массовой информации, когда речь идёт о средствах выражения его воздействующей функции, при которой СМИ помимо того, что информируют о явлениях окружающей действительности, ещё интерпретируют их, дают им оценку, комментарий, способствуя, тем самым, формированию у человека определённого мнения и идеологической позиции [Измайлян 2023: 675]. В этом отношении оценка в медиадискурсе имеет социальный характер, так как строится на основе социально или идеологически мотивированных суждений, эмоций автора или медиа организации, направленных на определение восприятия «массовым адресатом» общественно значимых событий и создание у него определённых оценочных стереотипов, распространяемых по каналам СМК с помощью средств речевого воздействия [Шарафутдинова 2010: 141].

Средства массовой информации располагают целым арсеналом разнообразных механизмов формирования приемлемой для адресата оценки. Оценочность проявляется в тесном взаимодействии обладающих оценочным потенциалом разноуровневых языковых средств и лингвопрагматических характеристик, образующих аксиологическое поле данного текста. Отличительной особенностью медиатекста является то, что средства выражения оценки выявляются здесь уже на самой ранней стадии создания текста: в отборе и классификации фактов, высказываний и явлений действительности, в определении новостной ценности событий. Далее оценочный характер носит информация, тем или иным образом распределённая в тексте и представленная под особым углом зрения (напр., с учётом нужного соотношения негативных и позитивных деталей). Оценочное значение также заложено в графическом оформлении и в специфических лингвистических средствах (лексико-стилистических, грамматических, синтаксических). Именно такую преобразованную информацию и потребляет реципиент.

Оценку в медиатексте можно выражать как открыто с помощью эмоционально-оценочных выражений и комментариев, так и скрытно через неочевидные средства речевого воздействия, которые массовый адресат воспринимает на суггестивном, эмоциональном уровне. В современных СМИ сейчас не так часто можно столкнуться с открытой пропагандой; вместо прямого давления на адресата используются завуалированные приёмы воздействия, манипулирования общественным сознанием. Такой способ создания оценки закладывается автором в сообщение, но не навязывается, а постепенно и незаметно внушается адресату; реципиент едва ли способен обнаружить, осмыслить и подвергнуть критическому анализу встроенную в текст оценочность, и в дальнейшем, скорее всего, присвоит её себе для трансляции информации, полученной ранее; это сообщение, соответственно, так и останется без проверки или подтверждения.

Так, в новостных текстах массовой информации, по своей сути сугубо информационных текстах, воздействующая функция реализуется через скрытые механизмы формирования оценки. К наиболее незаметным для адресата способам «ненавязчивого навязывания» относится практика внедрения фактологической информации в концептуальную, когда оценочные значения и смыслы скрываются под завесой лингвоформатных свойств медиатекста. Умелый подбор фактов и цитирования для соблюдения принципов объективности и непредвзятости, эффективное использование средств распределения фокуса внимания, как выделение одних аспектов

явления или, наоборот, опущение, «затемнение» других, – всё это помогает автору рисовать образ события в черных либо в розовых тонах. В материалах, посвящённых военным и этническим конфликтам, различным ситуациям противостояния, событиям за рубежом, это можно проследить особенно отчётливо.

Освещая массовые волнения в Англии 2011 года, развернувшиеся на фоне нестабильной социально-экономической обстановки на Британских островах вследствие мирового финансового кризиса 2007–08 гг., ведущие национальные издания Великобритании тщательно стремились обойти вопрос расовой принадлежности митингующих или намеренно фокусировали внимание читателя на неоднородном составе митингующих, объединяя население из разных социально-экономических, гендерных и этнических групп в единую группу. Исходя из многократных сравнений этих событий с Брикстонскими беспорядками 1981 года, которые британцы считали последним в своей истории крупным межэтническим выступлением, перед изданиями стояла задача сгладить негативное отношение коренных британцев к иммигрантам. Известно, что вопросы иммиграции и мультикультурализма в этот период стояли особенно остро в стране, поэтому такое сравнение могло сформировать в коллективном сознании стереотипное представление о событиях и привести к ещё большему напряжению в обществе.

Приведённый пример демонстрирует, какое влияние оказывает *контекст* на реализацию оценочной семантики. В рамках лексической системы лингвисты выделяют *ингерентную* (языковую, узуальную) и *адгерентную* (речевую,okkaзиональную) оценку [Арутюнова 1984: 52]. Ингерентная оценка – это закреплённые в значении слова эмоциональная реакция и мнение говорящего по отношению к определённом референту. Ингерентной оценочностью обладают как лексемы, для которых оценка составляет собственно сигнификативно-денотативное значение (*bad, horrible, good, marvelous* и т.д.), так и лексемы, для которых оценочная сема относится к коннотативной семантике и является только ее частью. Под коннотативностью понимается наличие дополнительного эмоционально-экспрессивного оценочного значения к основному значению слова.

Адгерентная оценка – это эмоциональная реакция и мнение говорящего, которые актуализируются данной словоформой лишь в определённом речевом акте, на фоне конкретного контекста; эмоциональную окраску в таком случае лексеме придают конкретные эмоциональные наслоения и оттенки словесного окружения высказывания и общий эмоциональный тон текста. Категория адгерентности объединяет в себе элементы лексикологии

и стилистики, так как использование данного вида оценки в большинстве случаев привносится в контекст автором специально для подчёркивания характера и оттенка оценки.

В языке СМИ сегодня можно проследить устойчивую тенденцию к более активному использованию адгерентной оценки. Неявная, скрытая, контекстуально-ограниченная оценка всё чаще заменяет собой оценку, заложенную в узуальном значении слов. По данным современных исследований медиадискурса, ингерентная оценочность используется преимущественно для передачи позитивного отношения, тогда как негативный эмоциональный тон может транслироваться как ингерентной, так и адгерентной оценкой.

В примере о массовых волнениях в английских городах 2011 года издания широко используют негативно окрашенные ингерентные оценочные номинации, обобщённо характеризующие главных участников происходящих событий без уточнения деталей расового или социального происхождения митингующих: *groups of masked and hooded rioters, arsonists, looters, criminals* и др. В тех случаях, когда поднимается вопрос расового состава манифестантов, журналисты заменяют экспрессивно-эмоциональные оценочные выражения на нейтральные, обозначая представителей национальных меньшинств исключительно по принципу их этнической принадлежности: *Turkish, Kurdish, Asian, Afro-Caribbean, Afghan, Sikh*. Выделение отдельных этнических сообществ, возможно, указывает лишь на многонациональность в стране как фактическое положение дел, а не на исток проблемы. Однако информация в тексте распределяется таким образом, что оценочные лексемы соседствуют с нейтральными в одном контексте, что побуждает читателя эмоционально относить как тех, так и других к группе участников конфликта. Например, в одной части статьи описываются действия бунтующих, в другой автор подчёркивает, что нет доминирующей этнической группы среди демонстрантов, а затем упоминаются турки, азиаты, арабы и пр. Создаётся впечатление, что именно представители последних групп были наиболее заметны в роли участников беспорядков. Так, изначально нейтральные номинации участников по этническому признаку приобретают стилистически маркированную адгерентную коннотативность в данном контексте.

Итак, при всём многообразии лингвистических и лингвопрагматических средств, используемых современными СМИ для реализации своей воздействующей функции, адгерентная, контекстуально-ограниченная оценка является одной из наиболее активных форм выражения скрытой оценочности в информационных медиатекстах. В контекст встраивается

мощный механизм формирования определённых оценочных значений, которые закладываются не в сему номинации, а в её словесное окружение и развиваются через закрепление за ней ряда устойчивых коннотаций. Ввиду того, что коннотацию можно привить практически любому слову, именно говорящий присваивает этому слову положительное или отрицательное значение. Так, с помощью стилистического приёма создания требуемой коннотации СМИ могут оказывать влияние на языковое сознание массового адресата. В этом проявляется социальная природа оценки в медиадискурсе, когда различные идеологические установки СМИ обуславливают употребление одних и тех же по значению лексем в совершенно противоположных по стилистической окраске контекстах.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Проблемы структурной лингвистики. Москва: Наука, 1984.
Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: Эдиториал УРСС, 2009.
Измайлян Д. Б. Реализация когнитивно-идеологического компонента в текстах массовой информации // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 3(54). Часть II. С. 674–678.
Марьянчик В. А. Оценка как категория текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 100–103.
Шарафутдинова С. В. Формирование социальной оценки в дискурсе СМИ: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010.

D. B. Izmailyan (Moscow, Russia)

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

THE MECHANISM FOR ASSIGNING EVALUATIVE MEANING IN NEWS TEXT

The article examines the linguistic means of expressing evaluation in news media texts. The way in which evaluation is formed through open and hidden mechanisms of speech impact is analyzed. Using the example of covering a conflict situation, it is demonstrated how expressive and stylistically unmarked lexemes interact in one context to create inherent and adherent evaluation.

Key words: evaluation, media text, news, inherent evaluation, adherent evaluation, context.

И. П. Исаева (Барнаул, Россия)
*Алтайский государственный
педагогический университет
isaeva_ip@inbox.ru*

АНАЛОГИЯ КАК ОСНОВА ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫХ КОРРЕЛЯЦИЙ (на примере англоязычного художественного текста)

В статье рассматривается роль когнитивного механизма аналогии в процессе вербализации визуальных образов в художественном тексте. На примере экфрасиса автор рассматривает особенности функционирования механизма аналогии при перекодировке смыслов.

Ключевые слова: аналогия, когнитивный механизм, интермедиальность, интермедиальные корреляции, текст.

Художественный текст представляет собой пространство, в котором средствами языка опосредуются «визуальные, слуховые и иные образы мира и человеческого опыта» [Оборина 2019: 127]. Здесь происходит синтезирование предметно-чувственного опыта субъекта, культурного опыта и когнитивного опыта «перевыражения» смысла знаков одной кодовой системы средствами другой кодовой системы.

Когнитивная деятельность человека в большей степени зиждется на соотношении вербального и визуального, поэтому ментальные образы, будучи вербально репрезентированными в текстовом пространстве, «основаны прежде всего на визуальном компоненте той или иной степени четкости» [Оборина 2019: 129].

Можно сказать, что художественный текст характеризуется интермедиальностью, так как его природа обеспечивает инкорпорацию гетерогенных кодов, в том числе представляющих взаимодействие средств художественной выразительности различных видов искусства, например, литературы и живописи [Яровикова 2022: 324]. В таком случае, можно говорить об интермедиальных корреляциях, предполагающих действие когнитивного механизма аналогии, который обеспечивает ассоциативное связывание элементов смысла, отсылающих к кодам *разных* семиотических систем, но *одновременно* наличествующих в культурно-языковом сознании субъекта и в материально-знаковых формах текста.

Установление связей по аналогии между гетерогенными смысловыми элементами возможно по причине ассоциативной природы человеческого

мышления, что результируется в фиксации сходства между образом, создаваемым посредством вербализации визуального, и образом, хранящимся в памяти субъекта. Отметим, что любой акт установления и дешифровки интермедиальных корреляций предполагает интегрирование элементов смысла в процессе блендирования или смешения ментальных пространств, что в целом позволяет человеческому сознанию создавать конвенциональные структуры и рефлексивно переосмысливать их в творческо-созидательной деятельности [Turner 2006: 93].

Подобные ментальные структуры, несомненно, аккумулируют информацию из разных источников и обуславливают семиотическую гетерогенность текста в целом. Гетерогенность объясняется наличием в тексте аллюзивных мотивов на сюжеты и образы визуального плана, а также упоминанием в тексте произведений искусства, имен художников и т.п.

Интермедиальность как авторская стратегия намеренно выражается в материальной структуре произведения. Одной из форм интермедиальности является экфрасис, предполагающий вербальную репрезентацию произведений искусства в художественном тексте. Определенное значение смыслов в узнаваемых художественных образах позволяет актуализировать культурный контекст в пространстве текста за счет использования в качестве референциального инструмента известных произведений искусства. Роль аналогии при этом заключается в связывании реального визуального образа, транслируемого вербально, и фиктивного образа посредством установления различного рода сходств, что приводит к созданию новых смыслов.

(1) It was a direct and matter-of-fact little creature, with nothing sentimental about it; and something about the neat, compact way it tucked down inside itself – its brightness, its alert watchful expression – made me think of pictures I'd seen of my mother when she was small: a dark-capped finch with steady eyes [Tartt 2014: 29].

В примере (1) представлено описание картины «Щегол» нидерландского художника К. Фабрициуса. Динамическая инкорпорация образа птицы, изображенной на полотне, с образом матери главного героя Тео осуществляется посредством установления аналогий по принципу внешнего сходства. Здесь аналогия обеспечивает перекодирование визуального образа в вербальный с последующей проекцией интегрированных смыслов в новом образе – мамы героя в детстве. Подобная аналогия переводит экфрасис за пределы чисто визуального описания, делая его инструментом самовыражения и самопознания главного героя, запускает цепочку смысловых ассоциаций. Воспоминания о матери, представленные через образ маленькой птицы со «спокойными глазами», ассоциируются с безопасностью, стабильностью

и чувством защищенности. Образ птицы, одновременно хрупкой и настороженной, символизирует душу Тео, его внутреннее состояние – постоянное напряжение между желанием прикоснуться к красоте и страхом потери.

Часто экфрастические описания апеллируют к обыденному опыту субъекта, который фиксируется в статичных кадрах осмысления индивидуального бытия, вписанного в пространственно-временные координаты реальности. Когнитивный механизм аналогии позволяет при этом связывать фрагменты предшествующего опыта субъекта и эмоционально-эстетический эффект, получаемый в моменте непосредственного восприятия визуального художественного образа. Аналогия в данном случае обеспечивает переключение с одного смыслового центра на другой, ассоциативно связывая их по основанию сходства эмоционального переживания (см. пример (2)).

(2) *The wooden panel was tiny, “only slightly larger than an A-4 sheet of paper” as one of my art books had pointed out, although all that dates-and-dimensions stuff, the dead textbook info, was as irrelevant in its way as the sports-page stats when the Packers were up by two in the fourth quarter and a thin icy snow had begun to fall on the field. The painting, the magic and aliveness of it, was like that odd airy moment of the snow falling, greenish light and flakes whirling in the cameras, where you no longer cared about the game, who won or lost, but just wanted to drink in that speechless windswept moment. When I looked at the painting I felt the same convergence on a single point: a flickering sun struck instant that existed now and forever* [Tartt 2014: 341–342].

Отметим, что обеспечивая интермедийные корреляции, аналогия на языковом уровне часто репрезентируется в виде метафор, которые усиливают выразительность синтезированных словесно-визуальных образов. Так, в примере (2) развернутая метафора *I felt the same convergence on a single point: a flickering sun struck instant that existed now and forever* описывает способность картины сочетать мимолетную красоту с чувством вечного присутствия. Она подчёркивает магию искусства и его неподвластность времени, что, безусловно, в восприятии читателя превращает картину во что-то большее, чем просто изображение.

Перевыражение визуального посредством вербального неотъемлемо от цветовой метафорики, имеющей не только описательную, но и символическую функции. В примере (3) метафора *the muted colors bloomed with life* описывает момент, когда герой впервые видит картину при дневном свете и она буквально расцветает, наполняясь энергией и жизненной силой:

(3) *It was the first time I'd seen the painting in the light of day. In the arid room – all sheetrock and whiteness – the muted colors bloomed with life;*

and even though the surface of the painting was ghosted ever so slightly with dust, the atmosphere it breathed was like the light-rinsed airiness of a wall opposite an open window [Tartt 2014: 252].

Аналогия в данном случае позволяет переключить сознание реципиента с конкретных смыслов, прямо вербализованных в тексте, на абстрактные, выводимые читателем путем экзистенциально-ретроспективной рефлексии: приглушенные тона на картине приобретают яркость так же, как и неприметные вещи раскрывают скрытую красоту и значимость.

В целом, можно сказать, что вербальное представление визуальных образов в пространстве художественного текста предполагает переформатирование формы с сохранением смысла, что достигается за счет способности человеческого мышления к аналогизации – фиксации сходств при несущественности различий. При этом аналогия обеспечивает воспроизводимость процесса перевыражения смыслов, поскольку лежит в основе идентификации нового по уже освоенным схемам и моделям.

Литература

Оборина М. В. Интермедialность как средство понимания текста // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. 2019. № 2(61). С. 127–133.

Яровикова Ю. В. Особенности функционирования медиальных включений в живописном экфрасисе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 321–344.

Turner M. The Art of Compression // The Artful Mind: Cognitive Science and the Riddle of Human Creativity. New York: Oxford University Press, 2006. P. 93–113.

Tartt D. The Goldfinch. London: Abacus, 2014.

I. P. Isaeva (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

ANALOGY AS A FOUNDATION OF INTERMEDIAL CORRELATIONS (based on English literary texts)

The article examines the role of the cognitive mechanism of analogy in the process of verbalization of visual images in a literary text. Using ekphrasis as an example, the author describes the basic features of the functioning of analogy when the meaning is redecoded by the signs of another semiotic system.

Key words: analogy, cognitive mechanism, intermediality, intermedial correlations, text.

А. В. Кащеева (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
kashcheyeva@mail.ru

БЕСКОНФЛИКТНОСТЬ УЧЕБНОГО ТЕКСТА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается бесконфликтность как потенциальное свойство учебного текста. Это свойство обеспечивается тем, что этот тип текста предполагает соответствие знаниям адресата и нормам общения на концептуальном и языковом уровнях. Отмечается высокая степень нормативности и бесконфликтности данного типа текста. Она проявляется в содержательном, структурном и языковом плане, что подтверждено анализом учебного пособия на английском языке.

Ключевые слова: учебный текст, бесконфликтная коммуникация, структурно-содержательная норма, языковая норма, степень бесконфликтности, потенциальное свойство.

В статье рассматриваются нормы текстовой коммуникации в образовательной области, которые обеспечивают потенциальную бесконфликтность учебного текста. Исследование опирается на теоретические исследования когнитивных основ бесконфликтной языковой коммуникации на концептуальном и языковом уровнях [Болдырев 2024; 2024а]. Цель статьи заключается в том, чтобы обобщить нормы бесконфликтного общения в учебном тексте и рассмотреть их проявление на примерах учебников по английскому языку.

Под бесконфликтной коммуникацией понимается эффективная коммуникация на концептуальном и языковом уровнях, или «концептуально-языковое взаимодействие ее участников» [Болдырев 2024; 2024а: 6]. Если рассматривать эффективную коммуникацию в широком смысле безотносительно области определения, то можно утверждать, что взаимодействие участников коммуникации предполагает взаимодействие их систем знаний: общих культурных, социальных, профессиональных и языковых. Эффективность языковой коммуникации оценивается, в первую очередь, относительно структурно-содержательных и языковых норм общения, что обеспечивает осмысленность коммуникации и позволяет считать нормативность неотъемлемым свойством бесконфликтной коммуникации [Болдырев 2024а: 10, 16].

Несмотря на то, что в коммуникации присутствуют и языковая норма, и вариативность языкового выражения, они неоднозначно влияют на степень

конфликтности высказывания. В частности, в исследовании поликодовых текстов конфликтного характера была выявлена высокая степень вариативности смысловых структур и средств их языковой репрезентации, которые могут быть интерпретированы как отрицательно, так и положительно [Лату 2024].

В отношении учебных текстов чаще используют термин «эффективность». Приведем пример оценки эффективности учебных материалов для обучения иностранному языку на языковом и внеязыковом уровнях. Опираясь на социокультурную природу языка, авторы оперируют понятиями функциональной лингвистики, такими как жанр, регистр, денотативное, коннотативное и текстовое значение, а также лексико-грамматические способы их репрезентации (переходность, наклонение, тема-рематические отношения и когезия) [Developing Materials for Language Teaching; Zhang 2017: 87, 88]. В обобщенном виде параметры эффективности учебного текста для обучения иностранному языку могут образовывать две категории: тип текста, представленный риторической структурой, и иные свойства текста (функциональные и лексико-грамматические) [Zhang 2017: 93]. Очевидно, что указанные параметры свидетельствуют о высокой степени языковой нормативности учебных текстов для обучения иностранному языку и могут быть использованы для учебных текстов других предметных областей. Языковая вариативность рассматривается в отношении лексико-грамматических способов выражения смыслового содержания текста, но не его риторической структуры [Zhang 2017].

Эффективность учебного текста для обучения иностранному языку на внеязыковом уровне оценивается относительно смысловой значимости, которую текст представляет для целевого адресата, а также соответствия уровню культурной осведомленности адресата [Developing Materials for Language Teaching]. В терминах когнитивного подхода это, по сути, означает эффективность учебного текста на концептуальном и языковом уровнях, которая обеспечивает осмысленность и бесконфликтность коммуникации [Болдырев 2024a]. Она выражается в соответствии концептуального содержания учебного текста уровню знаний и потребностей адресата.

Краткий сравнительный анализ результатов исследований позволяет утверждать, что степень бесконфликтности текста зависит от его типа. Отличительным свойством учебных текстов можно считать высокую степень бесконфликтности на языковом и концептуальном уровнях. Действительно, именно учебный текст предполагает однозначное понимание его адресатом

[Леонтьев 1999] и обнаруживает высокую степень языковой нормативности [Zhang 2017]. Кроме того, учебный текст является средством профессиональной коммуникации, которая должна учитывать параметры уровня профессионального опыта, статуса и ценностей адресата [Болдырев 2024: 64]. Исходя из понимания конфликтности как несовпадения «знаний и опыта» [Болдырев 2024: 33], предположим, что конфликтность учебного текста возрастает, если содержание текста не соответствует уровню коллективного и языкового знания адресата и его учебным целям.

Когнитивные основы бесконфликтного общения объясняют коммуникативный процесс в целом. На наш взгляд, степень бесконфликтности учебного текста является его потенциальным свойством, поскольку соответствие текста концептуальной и языковой норме служит основанием для его использования в качестве учебного материала. Подтверждение бесконфликтности учебных материалов составляет методическую задачу. Примером могут служить этапы оценки материалов для обучения иностранному языку (предварительная оценка, использование и рефлексия), в соответствии с которыми оценивание соответствия учебных материалов параметрам нормы происходит только на предварительном этапе [Developing Materials for Language Teaching 2013].

Оценка бесконфликтности учебного текста в когнитивном аспекте должна учитывать параметры структурно-содержательной и концептуально-языковой нормативности, выделенные Н. Н. Болдыревым для всех типов коммуникации [Болдырев 2024; 2024a]. Опираясь на них, мы полагаем, что нормы для содержания, структуры и языкового оформления учебного текста можно представить следующим образом. Содержание учебного текста должно передавать смысл, очевидный и понятный адресату, доступными для него языковыми средствами. Этого можно достичь с помощью логики построения текста, однозначно интерпретируемых формулировок, а также необходимых разъяснений и уточнений. Структура учебного текста должна быть четкой и соответствовать определенному жанру. Лексические, грамматические и орфографические средства языкового оформления учебного текста должны обеспечивать его структурно-содержательную нормативность; соответствовать нормам вежливого официального и не-официального общения; образовывать понятные адресату структуры отдельных частей текста.

Рассмотрим, как проявляются отмеченные нормативные параметры на примере текстов для обучения английскому языку УМК *The New English File*. Содержание текстов учебника соответствует общеизвестной тематике повседневного и делового общения для заявленного уровня B1-B2:

характер человека, семья, путешествия, еда, покупки и расходы, спорт и др. Темы представляются бесконфликтными, поскольку на этом уровне изучения английского языка обучающиеся имеют определенный социокультурный опыт. Учебные тексты пособия представлены в жанрах повествования, анкеты, фрагмента тематической статьи, интервью, официального и неофициального письма, сообщения, короткого диалога-обмена мнениями.

Структура текстов разных жанров очевидна и понятна адресату, служит для фокусирования основных идей, что способствует однозначному пониманию содержания текста. Например, в текстах новостных статей каждая основная мысль выделена в отдельный абзац. Так, содержательный план текста из пяти абзацев о том, как автор отказался стать миллионером, выглядит следующим образом: отказ от лотерейного выигрыша, пожертвование выигрыша детскому дому, реакция друзей на поступок автора, на что конкретно был потрачен выигрыш, аргументация решения автора [Oxenden, Latham-Koenig 2006: 35]. Структура текстов в жанре письма еще наиболее очевидна, в ней представлены все компоненты, адрес, дата, обращение, ссылка на предыдущие контакты, цель письма, описание проблемы, предлагаемое решение и заключительные фразы [Oxenden, Latham-Koenig 2006: 17, 49].

Задания учебника фокусируют внимание на языковых средствах, которые соответствуют структуре и стилю нормативного устного и письменного общения. Так, для написания ответа на личное письмо даны опорные фразы вежливости: *Sorry for not writing earlier, but...; It was great to hear from you; That's all for now* [Oxenden, Latham-Koenig 2006: 49]. Для создания целостного официального диалога по телефону рекомендуют использовать фразы *It's a long way from; I can't wait! Are you on your own?* [Oxenden, Latham-Koenig 2006: 48]. Лексические средства, способствующие выразительности текста объявления, выделены графически: *magnificent, breathtaking, superb, perfect, spacious* [Oxenden, Latham-Koenig 2006: 65]. Отметим, что авторы данного учебника уделяют внимание орфографическим нормам. Например, в одном из абзацев личного письма допущены орфографические ошибки, которые необходимо найти и исправить [Oxenden, Latham-Koenig 2006: 49].

Подводя итог, можно констатировать, что бесконфликтность текста, понимаемая как совпадение знания и опыта коммуникантов, зависит от типа текста. Степень бесконфликтности текста на концептуальном и языковом уровнях есть его соответствие нормам общения. Учебный текст демонстрирует высокую степень бесконфликтности в соответствии со своей

коммуникативной обучающей задачей. Данное свойство учебного текста является потенциальным, поскольку выявляется на этапе оценки учебных материалов. Нормативность учебного текста проявляется в его жанровой структуре, содержании и языковых средствах, обеспечивающих нормативность общения.

Литература

Болдырев Н. Н. Теоретико-методологические аспекты изучения когнитивных основ бесконфликтного языкового общения // Когнитивные исследования языка. 2024. № 3 (59). С. 21–86.

Болдырев Н. Н. Когнитивная основа бесконфликтной языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024а. № 3. С. 5–19.

Лату М. Н. Сетевые паттерны смысловой структуры сообщений и вариативность их реализации в конфликтных поликодовых текстах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 2. С. 12–23.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 1999.

Developing Materials for Language Teaching / ed. by B. Tomlinson. London, New Delhi: Bloomsbury, 2013.

Oxenden C., Latham-Koenig C. The New English File. Intermediate. Student's Book. Oxford: OUP, 2006.

Zhang X. A critical review of literature on English language teaching textbook evaluation: What systemic functional linguistics can offer // Journal of Language and Cultural Education. 2017. V. 5. № 1. P. 78–102. URL: <https://intapi.sciendo.com/pdf/10.1515/jolace-2017-0005>

A. V. Kashcheyeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

CONFLICT-FREE NATURE OF ENGLISH EDUCATIONAL TEXT

The article considers conflict-free nature of an educational text as its potential property. This property is provided by the fact that this text type complies with the addressee's knowledge and communication norms at the conceptual and linguistic levels. The article highlights a high degree of normativity and conflict-free nature of this text type. It is manifested in terms of content, structure and language, which is confirmed by the analysis of the textbook in English.

Key words: educational text, conflict-free communication, structural-content norm, linguistic norm, degree of conflict-freeness, potential property.

Н. И. Комкова (Тула, Россия)

Тульский государственный университет
lingvo_2012@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА РАДОСТЬ В ПРОЗЕ Б. В. ШЕРГИНА

Статья посвящена изучению концепта РАДОСТЬ как одного из базовых элементов, отображающих морально-этические аспекты концептосферы произведений Б. В. Шергина. На материале рассказов писателя разных лет рассмотрены лексические средства репрезентации концепта РАДОСТЬ, показана роль лексемы в актуализации отношения героев к веселью и печали, преодолению невзгод и жизненных трудностей ради веры в свою истинную принадлежность к жителям Поморья на Архангельской земле.

Ключевые слова: концепт РАДОСТЬ, концептосфера Б. В. Шергина, язык поморов, текст художественной литературы, языковые категории, лексема, лингвистические объекты.

Роль языка в конституировании и категоризации мира выражается в основных аспектах посредством концепта, представляющего собой объединение схожих объектов, которые входят в единую структуру, формирующую контекст. [Комкова 2021: 98]. Чтобы понять концептосферу в полном объеме, необходимо детально проанализировать каждый отдельный концепт в рамках единой дискурсивной модели [Комкова 2022: 520]. Культурные и моральные принципы определенного народа находят свое отражение в литературных произведениях авторов данного региона. Творчество Б. В. Шергина как носителя культуры Архангельского края определяет внутренние качества персонажей: их отношение к невзгодам и способности преодолевать жизненные испытания [Комкова 2021: 75]. Понимание с младенческих дней своего места в этом мире, на седых просторах угрюмого Гандвига, того, что «печаль людская», как и радость, нерасторжимо связаны с родной землёй, её трудами и чаяниями, всегда отличала «мужа Поморского». Его выбором дорогого сердцу ремесла, его отношением к товарищам своим, семье, возлюбленной и «славным делам» [Горелов 1983: 10], поэтому концепт РАДОСТЬ является одним из базовых концептов в репрезентации когнитивной модели в рассказах Б. В. Шергина.

Цель статьи заключается в изучении особенностей репрезентации концепта РАДОСТЬ в прозе Б. В. Шергина. Материалом исследования являются такие рассказы писателя, как «Для увеселенья», «Егор увеселялся морем», «Матвеева радость», «Митина любовь».

Сами по себе языковые категории группируют лексемы на основе определенных общих признаков, позволяя более эффективно описывать и анализировать их. Без таких категорий изучение языка было бы лишено чёткой и семантически обоснованной структуры [Болдырев 2021: 155]. В выше обозначенных рассказах Б. В. Шергина базовым лексическим репрезентантом концепта РАДОСТЬ является одноимённая лексема, которая в «Словаре русского языка» выступает в трёх лексико-семантических вариантах: «1. Ощущение удовлетворения. 2. Тот, что (или тот, кто) даёт счастье. 3. (обычно со словом «моя») Разг. Ласковое обращение» [МАС: 442].

Концепт РАДОСТЬ представлен в рассказах Б. В. Шергина в доминантной позиции в первом значении, но при участии всех выше обозначенных понятий [Лихачёв 2014: 155], ведь веселье не бывает без источника его чистого, искреннего восторга, веры во всё светлое и незыблемое, пусть порой и «предупреждённое некими несчастьями» [Горелов 1984: 7]. Так, в рассказе «Для увеселения» повествование ведётся о братьях Иване и Ондреяне Личутиных. Из-за морской непогоды они потеряли карбас и застряли на крошечном острове. Их ждала неминуемая гибель, но свою безвременную кончину они не утопили в слезах и стенаниях, а увековечили удивительной резьбой на простой столешнице. Этой расписанной доской и любитесь рассказчик в конце повествования, восхищаясь мастерством братьев: *Неизъяснимая, непонятная радость начала шириться в сердце. Где понять!.. Где изъяснить!...* («Для увеселения»). Адъективы *неизъяснимая* и *непонятная* выступают в синонимичном ряду, интонируя искреннюю заворуженность повествователя работой героев [Зализняк 2010: 100]. Восклицательные конструкции *Где понять! Где изъяснить!* создают некий синтез скорби из-за преждевременного ухода братьев и радости от их мужества и таланта [Бахтин 1986: 44]. Лексема *радость* выступает в данном рассказе в прямом значении со смысловым нюансом ‘чувство удовлетворения, вызывающее восторг, но с оттенком грусти из-за предшествующих событий’. Радость в рассказах Б. В. Шергина – это не столько выражение счастья и приятных событий в собственной жизни, сколько сопереживание и умиление за судьбу товарищей, семьи и близких, ибо искренняя и чистая поморская душа всегда наполняется восторгом от мысли о благополучии братьев своих. В рассказе «Егор увеселялся морем» опытный кормщик Егор Васильевич принимает решение отпустить к молодому товарищу Николаю свою жену Варвару, так как герои искренне любят друг друга и не смеют предать супруга и друга.

Только решение самого Егора открывает им путь к счастью: *Видя мою радость, Коля с Варенькой стали краше утра*. Сравнение счастья влюблённых с началом дня, краше утра, означает «рассвет их новой без-

мятежной жизни» [Лихачёв 2014: 100]. Диминутивная коннотация имени собственного [Буряковская 2010: 314] *Варенька* подтверждает искренность светлых чувств Егора за юную супругу и товарища, *сызмальства знакомого* [Горелов 1984: 8]. «Включение в само название рассказа глагольной формы увеселялся, тождественной исследуемой лексеме» радость позволяет автору настроить читателя на благоприятный исход сюжетных коллизий для всех героев повествования [Бахтин 1986: 44]. Лексема радость употреблена в значении «веселье и восторг от благополучия других людей». Непередаваемый восторг ощутим в человеке, только если он выстрадал его без остатка, и после череды мытарств, когда искорки надежды тлели на перепутье, выстоял и достиг желанного момента радости.

В рассказе «Матвеева радость» победа главного героя Матвея Иванова над тяжёлыми жизненными невзгодами вмонтирована в сам заголовок произведения [Бахтин 1986: 46]. После долгих лет тяжёлого труда наёмным работником за гроши у жадного и бесчестного купца Василия Зубова герой становится председателем местного товарищества. Шхуны для Матвея как живые, они чувствуют и дышат, когда отправляются в море: *Ведь это шкуна, радость моя, к моему берегу вплотную подошла...* («Матвеева радость»). Употребление номинатива морской терминологии на поморский манер, шкуна, позволяет постичь чувства героя, притронувшегося к кораблю, сопоставимому для него с главным сокровищем жизни, при этом сокровищем думающем и чувствующем. Употребление обращения в форме словосочетания номинатива радость с притяжательным местоимением моя позволяет писателю передать степень родства, которую чувствует Матвей по отношению к конкретному судну. Лексема *радость* репрезентирована в третьем узуальном значении «ласковое обращение к дорогому сердцу существу».

Наивысшей степенью радости для героев Б. В. Шергина всегда служит любовь, любовь, к родной земле, выбранному ремеслу, друзьям и, конечно же, к женщине, ведь человек не сумевший полюбить, не сможет жить и творить. В рассказе «Митина любовь» главный герой Митька считал себя закоренелым холостяком, пока однажды в театре случайно не встретил Марью Ивановну Кярстан. Глубокое чувство оказалось взаимным. Но девушка была замужем. Судьбоносное знакомство не отпускало сердце героя. Узнав, что Маша, овдовела, Митя начинает её искать. Только после долгих скитаний ему удастся найти любимую и обрести подлинное счастье. Рассказ напоминает фольклорный сюжет английской сказки «Чёрный бык Норроуэйский»: только герой отправляется в странствия за любовью всей своей жизни вместо героини. Эта сказочность в прозе писателя, наоборот, приобретает неподдельную реалистичность выстраданного счастья [Горелов

1984: 8]: ...*Радость любезна бывает слезна... Захватила за меня, руками за шею напала...* («Митина любовь»).

Номинатив *радость* входит в состав одной из любимейших шергинских присказок, присказок истинно поморских: *радость любезна бывает слезна*. Ей заканчиваются многие сказы и сказки писателя, ведь истинное веселье поймётся только после долгих часов горя и лишений. Рифмовка кратких адъективов *любезна и слезна* создаёт «эффект песенного мотива» [Лихачёв 2014: 100], который погружает читателя в чарующий мир поморского повествования. Употребление разговорной глагольной формы прошедшего времени *захватила* позволяет пережить события рассказа как достоверно-документальные, погрузиться в мир отношений героев не в качестве стороннего наблюдателя, но участника, сопереживающего и болеющего за них всей душой [Бахтин 1986: 23]. Лексема *радость* семантизирована как «непередаваемое чувство счастья от достижения давно желанной цели».

Таким образом, концепт РАДОСТЬ в рассказах Б. В. Шергина семантизирован не просто как мимолётное удовольствие, а нечто более глубокое, связанное с внутренним удовлетворением и часто с чувством близости к чему-то значимому. Особенно важно, что близкое существо может быть как человеком, так и чем-то, что для героя имеет такую же ценность. Эта детализация помогает лучше понять мельчайшие элементы авторского замысла: умение отдельной личности побеждать любые невзгоды, сопереживать чужому горю и приходить на помощь в трудных жизненных ситуациях может стать спасением для нескольких людей, целой семьи, своих земляков, приводящее к гармонии, дружбе и благополучию, издавна царящим в удивительном Поморском крае.

Литература

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
- Буряковская А. А. Диминутивность в различных стилистическо-функциональных типах дискурса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 310–316.
- Горелов Ал. Поморское узорочье // Шергин Б., Писахов С. Сказы и сказки. М.: Современник, 1983. С. 6–15.
- Горелов Ал. «Словесный жемчуг» Бориса Шергина // Шергин Б. Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1984. С. 3–9.
- Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мир, 2010.

Комкова Н. И. Лексико-фразеологическое пространство художественной прозы Б. В. Шергина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Комкова Н. И. Особенности репрезентации концепта ПРОЩЕНИЕ как отражение нравственной проблематики в прозе Б. В. Шергина // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 518–522.

Лихачёв Д. С. Заметки о русском. М.: Колибри, 2014.

Ломакина О. В. Фразеологические средства вербализации концепта СМЕРТЬ в творчестве Л. Н. Толстого // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 780–785.

Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 3. П-Р.

N. I. Komkova (Tula, Russia)
Tula State University

THE FEATURES OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT *DELIGHT* IN THE PROSE OF BORIS SHERGIN

The article is devoted to the study of the concept of *DELIGHT* as one of the basic elements reflecting the moral and ethical aspects of the conceptual sphere of works of Boris Shergin. Based on the material of the writer's stories from different years, the lexical means of representing the concept of *DELIGHT* are considered, the role of the lexeme in actualizing the characters' attitude to fun and sadness, overcoming adversity and life difficulties for the sake of believing in their true belonging to the inhabitants of Pomors is shown in the Arkhangelsk land.

Key words: concept of *DELIGHT*, conceptual sphere of Boris Shergin, Pomor language, literary text, language categories, lexeme, linguistic objects.

В. В. Корнева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
korneva.valentina@mail.ru

МЕТОНИМИИ, КОТОРЫМИ МЫ ЖИВЕМ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье анализируются особенности функционирования топонимов в современном медиапространстве в качестве средств вторичной номинации, выделяются основные виды метонимических переносов топонимов, выявляются корреляции между тематикой медиатекста, классом топонима и видами метонимии. Делаются

выводы о когнитивных основаниях метонимических переносов, закономерностях их использования в медиапространстве.

Ключевые слова: топоним, вторичная номинация, вторичные языковые структуры, метонимия, виды метонимических переносов, концептуальная деривация, медиапространство.

Тамбовская школа лингвистов-когнитологов во главе с Н. Н. Болдыревым во многих отношениях является первопроходцем в изучении самых разных проблем связи языка и знания. Одной из таких проблем, активно разрабатываемой ими в последнее время, стала интерпретативная функция языка, изучение которой открывает широкие перспективы для понимания того, как на базе существующего знания о явлениях окружающей действительности формируется новое знание, фиксируемое в языке в виде вторичных структур. При этом в центре внимания исследователей находятся те когнитивные механизмы и схемы, которые лежат в основе их образования (см., например, [Бабина 2003; Болдырев 2019; 2022; Вторичные структуры в языковой картине мира 2022]). В русле такого подхода к анализу языковых явлений рассмотрим особенности функционирования топонимов как средств вторичной номинации в современных СМИ.

По данным ученых, номинативная плотность географических названий в медиатекстах сопоставима лишь с произведениями художественной литературы. Объясняется это тем, что средства СМИ призваны информировать реципиента о происходящих событиях и отвечать на вопрос *что – где – когда*, а также тем, что топонимы способны функционировать в них не только как средство первичной номинации для локализации события в пространстве, но и как средство вторичной номинации для обозначения принципиально иных явлений [Корнева, Разворотнева 2024]. Происходит это потому, что топонимы, как известно, обладают богатым ассоциативным потенциалом, и в разных дискурсивных условиях они активируют и со-активируют у реципиентов разные по этиологии знания.

Адекватная интерпретация топонимов в медиапространстве зависит от многих экстралингвистических факторов, среди которых степень известности географического названия, фоновые знания реципиентов и т. д. Эти и другие факторы, безусловно, учитываются создателями медиатекстов. Так, например, в ленте новостей от 24.02.25, озвученной также и на телевидении в программе «Вести», есть следующее сообщение: *«В Перу в торговом центре обрушилась крыша»* (lenta.ru), в котором локализация трагедии осуществляется довольно общо, путем указания на страну, а не на конкретное место, в котором она произошла, поскольку его название мало что

скажет массовому реципиенту в отличие, скажем, от названия всемирно известного рассказа Э. А. По «Убийство на улице Морг», в котором указывается конкретная улица, на которой произошло убийство, что характерно для криминальной хроники.

В медиапространстве топонимы часто употребляются как средство вторичной номинации [Корнева, Разворотнева 2024], что достигается в основном благодаря метонимическим переносам (достаточно разнообразным, как мы увидим в дальнейшем) и иногда метафорическим (последние характерны для прецедентных топонимов).

Метонимия в современной лингвистике понимается широко и включает все виды переноса названия с одного класса предметов/одного предмета на другой класс или предмет, ассоциируемый с ним по любому виду контакта: по смежности, сопредельности, принадлежности, партитивности и др. [Болдырев 2019; 2022]. В когнитивной лингвистике явления такого рода обозначают терминами *концептуальная метонимия* и *концептуальная деривация метонимического типа* [Бабина 2003; Болдырев 2022], тем самым подчеркивается деятельность человеческого сознания для упаковки нового знания в уже существующее тело знака.

Обратимся к анализу языкового материала и рассмотрим, какие вторичные структуры репрезентируют наиболее частотные в медийном пространстве классы топонимов и на основании каких видов метонимических переносов. Для анализа мы использовали сообщения разной тематики – политической, экономической и спортивной.

Согласно полученным данным, наибольшее разнообразие классов топонимов, видов метонимических переносов и соответственно функционально-семиотического варьирования топонимов отмечено в сообщениях политической тематики. В них частотны такие классы топонимов, как хоронимы (названия континентов), кратонимы (названия стран), полисонимы (названия столиц) и урбанонимы (названия внутригородских объектов), для которых характерны следующие виды метонимических переносов: *континент* → *объединение стран континента* (*Европейский союз*) → *руководство Европейского союза*; *страна* → *руководство страны*, *страна* → *актор международной политики*; *столица* → *руководство страны*, *столица* → *вооруженные силы страны*; *внутригородской объект* → *руководство страны/ведомства*. Проиллюстрируем сказанное примерами (lenta.ru 26.02.24):

Израиль и Хамас достигли договоренности по обмену заложников.

Вашингтон и Киев урегулировали соглашение по минеральным ресурсам.

Пентагон решил наладить спецсвязь между ПРО в Девеселу и базами США в Европе (<https://vz.ru/news/27.02.25>).

Наиболее распространенными в медийном пространстве оказываются переносы *страна* → *руководство страны* и *столица* → *руководство страны*.

В новостных сообщениях спортивной тематики представлены главным образом названия стран, городов и внутригородских объектов, стадионов, причем все они могут обозначать проводимые там соревнования: *страна* → *национальная сборная*; *страна* → *соревнования*; *город* → *соревнования*; *город* → *спортивная команда*; *стадион* → *соревнования*; *стадион* → *руководство*. Приведем лишь некоторые наиболее показательные примеры:

Отметим победу Италии над Украиной(2:1), которая позволила «скаудреадзурре» подняться на второе место в таблице. ... Лидирует же в группе «С» Англия, набравшая 13 баллов. Также стоит отметить крупную победу Испании над Кипром (6:0).

Сегодня, 26 февраля, состоится матч 27-го тура английской Премьер-лиги, в которой встретятся «Ливерпуль» и «Нью-Касл Юнайтед» (lenta.ru 26.02.24) (заметим, что в западных СМИ Ливерпуль в значении «команда» пишется, как и город, без кавычек).

В новостных сообщениях экономической тематики представлены названия стран, городов и топоним *Уолл-стрит* – крупнейший деловой центр США. Если названия стран, как правило, являются средством номинации экономики страны, ее рынка, то названия города служат обозначением находящихся в них экономических ведомств: *страна* → *экономика страны*; *страна* → *рынок*; *город* → *ведомство*; *топоним* → *люди*: *Непросто складывались отношения Уолл-стрит с государственными властями* (<https://elegantnewyork.com.wall-street-history>26.02.25).

Обращает на себя внимание тот факт, что семиотически нагруженными в качестве вторичной языковой структуры в сообщениях разной тематики оказываются названия стран, которые могут стать номинацией таких разных объектов и реалий, как *руководство страны* / *актор международной политики* / *спортивное мероприятие* / *национальная сборная* / *экономика страны* / *рынок*. В то же время разные топонимы (например, названия стран, столиц и внутригородских объектов) оказываются изосемичными и используются в результате метонимических переносов для обозначения одних и тех же реалий (руководство страны). Ср. совершенно приемлемые для носителей русского языка и культуры и весьма распространенные в медийном пространстве фразы типа *Россия/Москва/Кремль готовится к переговорам*.

Следует однако иметь в виду, что выявленные закономерности метонимического использования разных классов топонимов распространяются не на все географические названия того или иного класса, а лишь на наиболее известные. К их числу относятся в первую очередь названия стран, в меньшей степени столицы опять-таки известных на мировой арене стран (кто из нас назовет, к примеру, африканские страны и их столицы?). Что касается урбанонимов – названий внутригородских объектов, то их состав тоже весьма ограничен. Он включает в основном названия резиденций главы государства (типа *Кремль*, *Белый дом*), ведомств (*Пентагон*) и всемирно известных стадионов (*Уэмбли*).

В заключение отметим, что, как вытекает из полученных данных, одни и те же классы топонимов, а нередко даже те же самые топонимы вызывают у реципиентов разные ассоциации, что во многом обусловлено когнитивными рамками восприятия, задаваемыми тематикой сообщения, и как следствие они порождают разные виды метонимических переносов. Когнитивным основанием использования топонимов как вторичных языковых структур является концептуальная деривация метонимического типа. Результаты проведенного исследования в очередной раз убеждают в том, что в сознании человека концепты существуют не изолированно, сами по себе, а напротив, они тесно связаны друг с другом. В определенных дискурсивных условиях связи концепта, объективируемого одним и тем же топонимом, с другими концептами высвечиваются более ярко, о чем свидетельствует столь разнообразная семиотика топонимов в медийном пространстве.

Литература

Бабина Л. В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи. Тамбов-Москва: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издат. дом ЯСК, 2019.

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 1 (48). С. 19–79.

Вторичные структуры в языковой картине мира: коллективная монография. Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А. В., 2022.

Корнева В. В., Разворотнева И. Н. Особенности функционирования топонимов в заголовках медиатекстов международной тематики (на материале русского и испанского языков // Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика. 2024. № 2. С. 55–60.

V. V. Korneva (*Voronezh, Russia*)
Voronezh State University

METONYMIES THAT WE LIVE BY IN THE MEDIA SPACE

The article analyzes the features of the functioning of toponyms in the modern media space as means of secondary nomination, identifies the main types of metonymic transfers of toponyms, reveals correlations between the subject of the media text, the class of the toponym and types of metonymy. The author makes conclusions about the cognitive bases of metonymic transfers and the patterns of their use in the media space.

Key words: toponym, secondary nomination, secondary language structures, metonymy, types of metonymic transfers, conceptual derivation, media space.

П. Ж. Корокина (*Санкт-Петербург, Россия*)
Санкт-Петербургский государственный университет
st122249@student.spbu.ru

ПОНЯТИЕ “PICTURESQUE” В ТРАВЕЛОГЕ У. ГИЛПИНА О ПУТЕШЕСТВИИ ПО НОРФОЛКУ

Исследование посвящено изучению специфики понятия “picturesque” в травелог Уильяма Гилпина. С когнитивно-дискурсивных позиций были проанализированы взгляды автора на эстетическое восприятие природы и выявлены ключевые признаки живописности, противопоставляемые традиционным понятиям красоты.

Ключевые слова: пикчуреск, травелог, У. Гилпин, понятие, эстетика.

Понятие «живописное» (picturesque), сформулированное Уильямом Гилпином (1724–1804), является ключевым в британской эстетике конца XVIII века, находящееся на пересечении визуального восприятия, философии искусства и когнитивных механизмов эстетической оценки. В его путевых заметках данное понятие приобретает концептуальную специфичность, выходя за пределы традиционных категорий «красивого» (beautiful) и «возвышенного» (sublime), определённых ранее Эдмундом Бёрком [Burke 1757: 112].

Для детального анализа понятия «живописное» необходимо рассмотреть его этимологические корни, философские предпосылки, когнитивные

аспекты восприятия и лингвистические стратегии репрезентации в текстах У. Гилпина. Семантическая эволюция понятия “picturesque” восходит к итальянскому “pittresco”, происходящему от латинского “pictura” (живопись, изображение). Суффикс “-esque”, заимствованный из французского языка, добавляет значение «имеющий черты», что буквально можно интерпретировать как «имеющий свойства картины» [Clark 1949: 32; Miall 200: 49]. Однако в английской эстетике XVIII в. это слово приобрело специализированное значение, связанное с концепцией особого типа визуальной привлекательности, основанного на неправильности форм, грубости текстур и сложной светотеневой игре.

Понятие «живописное» У. Гилпина строится на оппозиции к классическим категориям «прекрасного» и «возвышенного». В отличие от «прекрасного», связанного с гармонией, симметрией и гладкостью форм, и «возвышенного», ассоциируемого с грандиозностью и вызывающим трепет масштабом, «живописное» представляет собой промежуточную категорию, характеризующуюся иррегулярностью, текстурной вариативностью и динамикой восприятия [Andrews 1999: 123; Bate 2010: 131].

У. Гилпин использует понятие “picturesque” для того, чтобы подчеркнуть, что природа может быть не только объектом рационального анализа, но и источником глубоких эстетических переживаний, что приводит к новой интерпретации восприятия природных пейзажей. Для У. Гилпина природа не просто должна была быть красивой. Она должна отображать те особенности, которые делают её уникальной с точки зрения художественного восприятия. Он утверждал, что пейзажи, которые представляют собой неидеализированные, асимметричные, порой даже грубые или причудливые формы, обладают особой «картинностью».

Так У. Гилпин рассматривает ландшафт не как статичное изображение, а как пространство, структурируемое движением взгляда, что делает ключевым элементом восприятия, поиск «оптимальной точки зрения» (point of view) [Bermingham 1986: 56; Hipple 1957: 88]. В частности, эстетика У. Гилпина базируется на феноменах: разделения фигуры и фона (figure-ground segmentation), позволяющего выделять значимые элементы из контекста [Ramachandran & Hirstein 1999: 22]; закона прегнантности (law of Prägnanz), согласно которому мозг предпочитает сложные, но целостные структуры; и эффекта рельефности (texture perception), усиливающего эстетический отклик при восприятии поверхностей с выраженной фактурой [Noë 2004: 136].

Семантическое развитие понятия “picturesque” под влиянием У. Гилпина привело к его реконцептуализации, что выразилось в трёх ключевых

функциях: дескриптивной (обозначение специфического зрительного впечатления), нормативной (регламентация критериев восприятия пейзажей) и эвристической (формирование новой категориальной схемы анализа природы через призму художественного восприятия) [Hussey 1927: 104; Andrews 1999: 78].

Рассмотрим примеры авторского мнения о живописности и неживописности объектов в травелогe “Observations on several parts of North Wales; relative chiefly to picturesque beauty; made in the summer of the year 1773”:

1. *So vast a flat made a good distance, and had its effect, as we travelled among the woods of a lofty bank, which was everywhere rough and broken, and made an excellent contrast, as well as a fore-ground* [Gilpin 1809: 156]. Одним из важнейших принципов эстетики У. Гилпина является контраст, который он рассматривает как средство визуальной выразительности и эмоционального воздействия в искусстве и природе. В данном примере контраст помогают создать *lofty* (возвышенный) берег, а также его свойства *rough* (шероховатость) и *broken* (неровность). Прилагательные, которыми автор описывает местность, несут в себе коннотацию живописности, так как именно противопоставление свойств *smooth* – *rough* является ключевым в идеологии У. Гилпина. Система свойств объекта должна обязательно включать *roughness* (неровность) для положительной характеристики автором в рамках категории “picturesque beauty”.

2. *The castle is formal, displaying a number of regular towers, and turrets; the bank beyond it, tho woody, is heavy, and lumpish; the lines have no variety, and there is still a nakedness about the whole, which is displeasing.* [Gilpin 1809: 163]. Описывая замок Конуи, автор использует прилагательные *regular* (обычный), *heavy* (тяжелый), *lumpish* (бесформенный), а также существительное *nakedness* (нагота), чтобы указать на свойства, которые делают объект неживописным. Более того, автор эксплицитно выражает свое мнение об увиденном, используя прилагательное *displeasing* (*Causing displeasure, giving offence, disagreeable*) [OD: эл. ресурс].

В данном травелогe У. Гилпин применяет целый ряд лингвистических стратегий, способствующих созданию «живописного» эффекта. Среди них выделяются: полисенсорная дескрипция, активизирующая различные каналы восприятия (*шероховатые контуры, покрытые пеленой тумана...*) [Bate 2010: 115]; метонимическое конструирование пространства, создающее атмосферу через детализацию (*развалины, поросшие мхом, будто запечатлели дыхание времени*) [Wilton & Lyles 1993: 201]; императивная модальность, включающая читателя в процесс восприятия (*Вы должны разместиться здесь, чтобы увидеть всю глубину перспективы...*) [Andrews

1999: 127]; и светотеневая метафорика, создающая эффект объемного пространства (*свет, пробивающийся сквозь листву, оттеняет грубые очертания скал...*) [Hipple 1957: 64]. Эти приемы превращают путевые заметки У. Гилпина в не просто описательный, но регулятивный текст, моделирующий эстетическое поведение читателя.

Таким образом, понятие “picturesque” У. Гилпина представляет собой эстетико-когнитивный феномен, вбирающий в себя категориальную систему восприятия. В отличие от традиционных в то время понятий красоты и величественности, автор обозначает понятием “picturesque” систему свойств объекта изображения, которая в противовес гладкости и упорядоченности включает неровность, асимметрию, разнообразие, простоту. Их единство получает в работах У. Гилпина характеризацию живописной красоты “picturesque beauty”.

Литература

- Andrews M.* Landscape and Western Art. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Bate J.* Romantic Ecology: Wordsworth and the Environmental Tradition. London: Routledge, 2010.
- Bermingham A.* Landscape and Ideology: The English Rustic Tradition, 1740–1860. Berkeley: University of California Press, 1986.
- Burke E.* A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful. London: Printed for J. Dodsley, 1757.
- Clark K.* Landscape into Art. New York: Pantheon Books, 1949.
- Gilpin W.* Observations on several parts of the counties of Cambridge, Norfolk, Suffolk, and Essex. Also, on several parts of North Wales, relative chiefly to picturesque beauty, in two tours, the former made in the year 1769. The latter in the year 1773 // Gilpin W. London: Published by his trustees for the benefit of his school at Bolder. London: printed for T. Cadell and W. Davies, Strand, 1809.
- Hipple W.J.* The Beautiful, the Sublime, and the Picturesque in Eighteenth-Century British Aesthetic Theory: Illinois: Southern Illinois University Press, 1957.
- Hussey C.* The Picturesque: Studies in a Point of View. G. P. Putnam's Sons, 1927.
- Miall D. S.* Locating Wordsworth: “Tintern Abbey” and the Picturesque Tour in British Journal of Aesthetics. 2001. V. 41(1). P. 49–64.
- Noë A.* Action in Perception: MIT Press, 2004.
- Ramachandran V. S., Hirstein W.* The Science of Art: A Neurological Theory of Aesthetic Experience // Journal of Consciousness Studies. 1999. V. 6(6–7). P. 15–51.
- Roe N.* The Politics of Nature: William Wordsworth and Some Contemporaries. London: Palgrave Macmillan, 2005.
- Wilton A., Lyles A.* The Great Age of British Watercolours: 1750–1880. Prestel, 1993.

P. Zh. Korokina (*Saint Petersburg, Russia*)
Saint Petersburg State University

THE CONCEPT OF PICTURESQUE IN W. GILPIN'S TRAVELOGUE ABOUT THE NORFOLK TRIP

This article is devoted to the specifics of the concept of PICTURESQUE in William Gilpin's travelogue. The author's views on the aesthetic perception of nature were analyzed from a cognitive-discursive perspective and the key features of picturesqueness which are opposed to traditional concepts of beauty were identified,

Key words: picturesque, travelogue, W. Gilpin, concept, aesthetics.

Е. А. Кузьмина, И. Ю. Безукладова (*Тамбов, Россия*)
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
kelenan@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ (на примере современной немецкой прессы)

Данная статья посвящена рассмотрению когнитивных стратегий, используемых в современных немецких медиатекстах для формирования общественного мнения в целом и отношения к известным персонам и политическим партиям в частности. В качестве примера используются тексты СМИ, посвященные последним парламентским выборам в Германии.

Ключевые слова: когнитивная стратегия, медиатекст, прямая номинация, метафора.

Тексты современной прессы обладают четкой социально-коммуникативной направленностью и всегда создаются в конкретных политических, экономических, идеологических и культурных условиях. Медиатексты политической направленности призваны выполнять, в первую очередь, такие функции, как информативную, эмоционально-экспрессивную, суггестивную и агитационно-пропагандистскую.

Выбор лексики играет важную роль для формирования общественного мнения и положительного / отрицательного отношения к медийным персонажам, поскольку, «выбирая то или иное языковое средство, говорящий предлагает определённый способ осмысления предмета или события и опи-

рается при этом на коллективный опыт концептуализации и категоризации мира в языке, который отражён в языковых знаниях» [Болдырев 2009: 38–39].

При конструировании медиатекста автор, выбирая то или иное слово, ту или иную грамматическую конструкцию, навязывает реципиенту некий «запрограммированный» способ осмысления события или персоны, поскольку опирается на коллективный опыт концептуализации и категоризации мира и на общие языковые знания.

В результате политического кризиса в Германии состоялись досрочные выборы в Бундестаг, которые привели к нескольким скандальным, хотя и прогнозируемым результатам. Победу одержал консервативный блок Христианско-демократического и Христианско-социального союзов (ХДС/ХСС), которые прежде состояли в оппозиции к ранее правящей Социал-демократической партии Германии (СДПГ) нынешнего канцлера Олафа Шольца, которая на февральских выборах заняла лишь 3 место. Особое внимание приковано к партии, занявшей 2 место и получившей лучший результат в своей истории – это крайне правая партия «Альтернатива для Германии» (АдГ).

Данная партия была основана в 2013 году в качестве протеста против политики Евросоюза, который выделял финансовую помощь в огромных объемах слабым европейским экономикам в ущерб Германии. Популярность среди немецкого населения «Альтернатива для Германии» завоевала, в первую очередь, благодаря своей жесткой миграционной политике. Сопредседатель АдГ Алис Вайдель получила статус кандидата на пост федерального канцлера, что привлекло к ней дополнительное внимание всего мира.

Поскольку партия предлагает использовать крайне жесткие методы борьбы с нелегальными эмигрантами, АдГ на протяжении последних лет пытались объявить радикальной, обвиняли в связях с неонацистами и в экстремизме. Жесткой критике подвергаются и все предложения партии возобновить взаимовыгодное экономическое и научное сотрудничество с Россией, не дожидаясь конца конфликта на Украине. АдГ в настоящий момент занята также реорганизацией своего молодежного крыла, которое незадолго до выборов было признано экстремистским.

Таким образом, возрастающее влияние «Альтернативы для Германии» на немецкое общество, в том числе, на молодежь волнует, возмущает и даже пугает представителей правящих до сего момента кругов и приводит к массованным атакам на АдГ в прессе.

Пример 1. *Zurückgebundene Haare, klassische Bluse, Perlenkette – Alice Weidel gibt sich bewusst bürgerlich. Doch zuletzt hatte man mehr denn je*

den Eindruck, die Perlenkette sei *die bürgerliche Hülle eines radikalen Kerns* der AfD-Kanzlerkandidatin. Gestik, Mimik und Tonalität waren beim Parteitag in Riesa *wütend-aggressiv*, die Wortwahl *hart* [<https://www.tagesschau.de/inland/bundestagswahl/parteien/portraet-alice-weidel-100.html>].

В данном примере Алис Вайдель пытаются обвинить в лицемерии и в том, что она выдает себя не за того, кем является на самом деле. Лексические единицы, репрезентирующие классические признаки представительницы среднего класса: *zurückgebundene Haare, klassische Bluse, Perlenkette* (собранные сзади волосы, классическая блузка, нитка жемчуга) – противопоставляют поведенческим характеристикам, свойственным людям агрессивным и жестоким: *wütend-aggressiv, hart* (яростно-агрессивный, жесткий). Кроме того, в данном отрывке приводится еще одна характеристика женщины-политика, выраженная метафорой: *die bürgerliche Hülle eines radikalen Kerns* (буржуазная оболочка радикального ядра), что должно было подвести читателя к мысли о том, что доверять Вайдель и ее партии нельзя, поскольку они не те, кем пытаются казаться.

Недоброжелатели постоянно упоминают в прессе наиболее яркие и неоднозначные высказывания лидера АдГ, особенно те эпитеты, которые она употребляет в адрес мигрантов: *Kopffuchtmädchen* (девушки в платках), *alimentierten Messermännern* (мужчины с ножами, которым предоставляют средства на жизнь), *von kulturfremden Völkern wie Arabern, Sinti und Roma etc. überschwemmtes Deutschland* (наводненная культурно чуждыми народами Германия – арабами, цыганами) и т. д. С точки зрения представителей «старого» правящего класса эти характеристики представляются дискриминирующими и подлежащими осуждению вместе с лицом их произносящим. Однако новые реалии заставляют немцев мыслить по-иному. Уставшие от непомерной финансовой нагрузки, возросшей преступности среди беженцев разных национальностей, бездействия властей граждане Германии соглашались с мнением АдГ, даже если пока не говорят об этом вслух. Они выразили свое мнение на выборах, отдав свои голоса Альтернативе для Германии.

Пример 2. „*Zeit für Deutschland*“, heißt es auf den Wahlplakaten der AfD. Welche Zeit genau damit gemeint ist, lässt die Partei offen. Die Forderungen lassen jedoch den Schluss zu, dass die AfD zurück ins Gestrn will. Nato-Austritt, EU-Austritt, Wiedereinführung der D-Mark. In die Atomkraft will die AfD wieder einsteigen, Gas auch aus Russland beziehen. Leistungen für Asylbewerber sollen, wenn es nach der AfD geht, dem Existenzminimum entsprechen [<https://www.mdr.de/nachrichten/deutschland/politik/bundestagswahl-portraet-alice-weidel-kanzlerkandidatin-afd-100.html>].

В данном примере жесткой критике подвергается предвыборный лозунг АдГ – *Zeit für Deutschland* (Время для Германии). Автор данного медиатекста с неприкрытым сарказмом вопрошает, какое время партия имеет в виду (*Welche Zeit genau damit gemeint ist, lässt die Partei offen.* – Какое время имеется при этом в виду, данный вопрос партия оставляет открытым). Далее, в тексте утверждается, что АдГ хочет вернуть страну в прошлое (*zurück ins Gestern*), и перечисляются все предполагаемые действия партии в данном направлении: *Nato-Austritt, EU-Austritt, Wiedereinführung der D-Mark, die Atomkraft, Gas auch aus Russland beziehen* (выход из НАТО, выход из ЕС, возвращение дойчмарки (национальной валюты) и атомной энергии, поставки газа из России). Ирония в том, что немалая часть граждан Германии считает эти шаги разумными, оправданными и направленными на повышение благосостояния народа.

Пример 3. *Laut Welt bezeichnete sie in der Mail Regierungsmitglieder als „Schweine“ und schrieb, Deutschland werde „von kulturfremden Völkern wie Arabern, Sinti und Roma etc. überschwemmt. Damals war Weidel noch nicht Mitglied der AfD. Doch schon damals klang das weniger nach bürgerlicher Perlenkette als nach radikalem Wutbürger oder gar „Reichsbürger“-Sprache* [<https://www.tagesschau.de/inland/bundestagswahl/parteien/portraet-alice-weidel-100.html>].

В данном примере речь идет об электронном письме, которое якобы было написано Алис Вайдель в 2013 году, в котором она среди прочего называет членов правительства свиньями (*Schweine*) и выражает недовольство качеством их правления. Далее снова приводится метонимический перенос – *bürgerliche Perlenkette* (буржуазная нитка жемчуга) для репрезентации представителя среднего класса, буржуазии. Автор снова подчеркивает несоответствие риторики женщины-политика и ее буржуазного, благополучного внешнего вида, употребляя такие номинанты для ее репрезентации как *radikaler Wutbürger* (радикальный гражданин в ярости), *„Reichsbürger“-Sprache* (язык граждан Рейха). То есть, в данном примере применяется стратегия фокусации: Алис Вайдель сравнивают с гражданами III Рейха, с нацистами.

Пример 4. *In Wahlsendungen wird immer wieder betont, dass die AfD eine in Teilen rechtsextreme Partei ist. Weidel versucht, dieses Bild abzuschwächen. Gelingt ihr das? Höhne: Ganz ehrlich? Ich glaube, mit einer anderen Person an der Spitze hätte die Normalisierungsstrategie der AfD besser aufgehen können. Weidel erscheint oft unsympathisch und unnahbar* [<https://www.focus.de/politik/deutschland>].

В данном примере используется стратегия прямой номинации – «Альтернативу для Германии» открыто называют правозэкстремистской

партией (*rechtsextreme Partei*), а саму Алис Вайгель характеризуют как несимпатичную (*unsympathisch*) и высокомерную (*unnahbar*) особу.

В приведенных примерах для создания негативного образа партии «Альтернативы для Германии» и ее лидера Алис Вайдель в основном применяется стратегия прямой номинации (*wütend-aggressiv, hart, radikaler Wutbürger, „Reichsbürger“-Sprache, rechtsextreme Partei, unsympathisch, unnahbar*). Кроме того, для создания образа женщины-политика использовались метафоры (*die bürgerliche Hülle eines radikalen Kerns, zurück ins Gestern*) и метонимические переносы (*eine Perlenkette*).

Литература

Болдырев Н. Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имён абстрактной семантики // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е. С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 38–51.

Интернет-ресурсы

https://www.focus.de/politik/deutschland/parteienforscher-im-interview-weidel-ist-keine-charismatische-patriarchin-sie-muss-sich-um-zustimmung-bemuehen_id_260738861.html

<https://www.tagesschau.de/inland/bundestagswahl/parteien/portraet-alice-weidel-100.html>

<https://www.mdr.de/nachrichten/deutschland/politik/bundestagswahl-portraet-alice-weidel-kanzlerkandidatin-afd-100.html>

E. A. Kuzmina, I. Yu. Bezukladova (Tambov, Russia)

*Derzhavin Tambov State University
kelena_an@mail.ru*

COGNITIVE STRATEGIES OF MANIPULATION OF PUBLIC OPINION (on the example of the modern German press)

This article is devoted to the consideration of cognitive strategies used in modern German media texts to form public opinion in general and attitudes towards famous people and political parties in particular. As an example, media texts dedicated to the last parliamentary elections in Germany are used.

Key words: cognitive strategy, media text, direct nomination, metaphor.

М. Ю. Кузьмина (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
charoitmermaid@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ ПРЯМОЙ НОМИНАЦИИ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ
ОТЧАЯНИЯ (DESPAIR)
В ПРОЗЕ У.С. МОЭМА**

В рамках данной статьи проанализированы микроконтексты употребления лексической единицы *despair* и ее дериватов в текстах художественной прозы У.С. Моэма, рассмотрены идиостилевые черты использования вышеназванных единиц, которые характеризуются высокой степенью оригинальности.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, отчаяние, прямая номинация, психологическая проза, С. Моэм, идиостиль.

Эмотивность, развиваясь на основе эмоционального компонента когнитивно-коммуникативной активности человека, представляет собой результат интеллектуальной интерпретации эмоциональности, которая, в свою очередь, характеризуется как «инстинктивный, бессознательный, незапланированный процесс проявления эмоций» [Орлова 2009: 5–6]. Как функционально-семантическая категория эмотивность формируется через использование различных языковых средств и служит для передачи носителями языка своих эмоций и отношения к окружающему миру. Это сознательный и целенаправленный процесс, который позволяет продемонстрировать эмоции через их лингвистическое выражение.

Репрезентация эмоциональных состояний персонажей или же самого автора характерна для таких жанров художественной литературы, как, например, исповедальная поэзия [Николаева 2018: 84] и психологическая проза, предметом изображения которых является внутренний мир человека. В данном исследовании будет проанализирован один из способов вербализации эмоционального состояния отчаяния в прозе У.С. Моэма, в произведениях которого представлены ценностные конфликты, важным компонентом которых является эмоциональное состояние отчаяния [Астен 2000: 20]. Выбор материала исследования обусловлен еще и тем, что У.С. Моэм чаще, чем другие авторы, использует прямую номинацию отчаяния (*despair*) в комбинации с широким набором модификаторов.

У.С. Моэм в своей прозе показывает многогранный комплекс эмоциональных состояний героев, что обусловлено тематикой его произведений. В качестве одного из наиболее показательных примеров можно упомянуть его рассказ «“Rain”», в котором прослеживается динамика эмоционального состояния отчаяния главной героини через сложный комплекс внешне-событийных и лексико-семантических элементов [Кузьмина 2025].

В рамках текущего исследования будут рассмотрены только случаи прямой номинации эмоционального состояния отчаяния, которое в английском языке передается, в первую очередь, лексической единицей *despair*. К основным методам исследования относятся методы статистического, контекстуального и семантического анализов. В проанализированном корпусе текстов, состоящем из 20-ти романов и трех томов полного собрания рассказов У.С. Моэма, лексические единицы с корнем *despair* встречаются 154 раза, из которых наибольшее число вхождений можно найти в романах “The Merry-go-round” (27 вхождений), “Of Human Bondage” (21), “The Explorer” (14), “Mrs Craddock” (13), “The Making of a Saint” (9), “Catalina” (8), “The Hero” (6), “The Moon and Sixpence” (6), «The Bishop’s Apron» (5), а также в рассказах “The Back of Beyond” (3), “Rain” (2), “Giulia Lazzari” (2), “A Man with a Conscience” (2). В зависимости от части речи распределение вхождений лексических единиц выглядит следующим образом:

- 1) *despair* (N) – 113 вхождений;
- 2) *despairing* (Adj) – 12 вхождений;
- 3) *despairingly* (Adv) – 11 вхождений.
- 4) *despair* (V) – 13 вхождений;
- 5) *despairing* (Pt I) – 3 вхождения;

6) *despaired* (Pt II) – 2 вхождения (оба раза встречается в конструкции страдательного залога *his life was despaired of*).

Существительное *despair* модифицируется в тексте художественных произведений У.С. Моэма следующими прилагательными: *restrained* (2), *hopeless*, *angry*, *hideous* (2), *tragic*, *black*, *set*, *cold*, *morose*, *entire*, *dumb*, *utter* (5), *complete*. Все перечисленные прилагательные в контексте рассматриваемых именных словосочетаний с существительным *despair* имеют отрицательную коннотацию, а сочетание *hopeless despair* представляет собой своеобразный плеоназм, поскольку *despair*, согласно своей словарной дефиниции, означает безнадежность (*hopelessness*) [Dictionary.com]. При этом стоит также отметить, что из всего вышеперечисленного ряда только словосочетания *black / complete / utter despair* являются в английском языке широко употребляемыми сочетаниями слов, что отмечено во многих

словарях английских коллокаций [Cambridge Dictionary, Collins Dictionaries, Online Collocation Dictionary].

В свою очередь, прилагательное *despairing* модифицирует в анализируемых текстах следующие существительные: *cry*, *thought*, *gesture(s)* (2), *energy* (2), *gaze*, *sob*, *pride*, *scorn*, *rage*, *women*. Некоторые из этих существительных употребляются также и в похожих по смыслу предложных сочетаниях с существительным *despair*: *a [hoarse] cry of despair* (4), *a [pitiful / weary] gesture of despair* (3).

Наречие *despairingly* в основном используется в сочетании с фонемами (*said*, *answered*, (2), *asked* (2), *muttered*, *wept*), но наряду с этим встречается и с кинемами (*looked* (2), *shrugged [shoulders]*, *turned [to sb]*). Кинемы и фонема при этом употребляются и в сочетаниях с существительным *despair*: *a look* (5) / *groan / tone of despair*; *despair in [his / her] attitude / manner* и пр. Среди прочих предложных сочетаний можно выделить *[heart / silence] heavy with despair* (2), *[eyes] dull with despair*, *in the depths of despair*, *a mask of despair*, *with the fidelity of despair*.

Поскольку эмоции редко проявляются изолированно, но чаще в составе некоего кластера, пучка схожих эмоциональных состояний, предоставляется возможным обозначить спектр эмоций, употребляемых автором в непосредственном контексте с отчаянием, а потому включаемых им в одно семантическое поле: *yearning*, *shame*, *anger*, (*vehement*) *hatred*, *misery*, *agony*, *resentment*, *horror*, *apathy*, *anguish*, (*unavailing*) *regret*, *torture*. Герои произведений У.С. Моэма порой не могут отличить отчаяние от других эмоциональных состояний, как, например, в рассказе "The Letter":

Was it contempt or despair? Mr Joyce could not tell [Maugham 1988: 881].

Существительное *despair* в некоторых случаях обнаруживается также и в сочетаниях, реализующих отношения противоположности (оксюморон), например, *a brave show of despair*; *the cheerfulness of despair*.

В романе "Then and Now" можно встретить в пределах одного предложения употребление автором двух словарных синонимов, *despair* и *despondent*:

*At one moment he was hopeful, at another **despondent**; he passed from happy anticipation to angry disappointment; now he was in a fever of excitement, then in the depths of **despair*** [Maugham 2017: 81].

Согласно дефинициям двух данных понятий в англоязычных словарях, *despondency*, в отличие от *despair*, не означает полную потерю надежды, хотя и приводит человека в состояние уныния и пассивной бездейственности по причине безнадежности [Online Etymology Dictionary],

причем существительное *despondency*, вместе с однокоренными ему прилагательным *despondent* и наречием *despondently*, насчитывает в целом всего 22 вхождения в проанализированном корпусе текстов. Прочие члены синонимического ряда лексической единицы *despair* (*despondency*, *desperation* (247 вхождений), *hopelessness* (119)) вместе с их дериватами представляют собой отдельный материал для смежного исследования. Перспектива дальнейшего изучения данного вопроса состоит также в изучении прагматики лексических репрезентаций эмоционального состояния отчаяния, а также в их акцентуализации как средства повышения метаязыковой рефлексии [Фокина 2022].

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Для прозы У.С. Моэма характерно использование прямой номинации отчаяния, при этом в качестве модификаторов существительного *despair* чаще всего используются лексические единицы с отрицательной коннотацией. Анализ микроконтекстов позволяет выделить семантическое поле эмоциональных состояний, близких состоянию отчаяния. Вербализация таких состояний реализуется через лексические единицы, имеющие общие семы с единицей *despair*. В прозе У.С. Моэма значительная часть словосочетаний с лексическими единицами, имеющими в своем морфологическом составе корень *despair*, носит идиостилевой характер и отличается высокой степенью оригинальности.

Литература

Астен Т.Б. Формирование межтекстуального эмоционального фона средствами английского языка (на материале произведений С. Моэма): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.

Кузьмина М.Ю. Образ дождя как средство выражения эмоционального состояния отчаяния в рассказе У.С. Моэма "Rain" // Russian Linguistic Bulletin. 2025. № 2 (62). URL: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.62.1>

Николаева Н.В. К вопросу о статусе американской исповедальной поэзии // Проблемы современной филологии и лингводидактики: сборник научных трудов. 2018. Вып. 9. С. 83–89.

Орлова Н.Н. Языковые средства выражения эмоций синтаксический аспект (на материале современной английской прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

Фокина М.С. Уровни метаязыковой рефлексии наивного и профессионального лингвистов // Идеи, гипотезы, поиск...: материалы XXVII региональной научной конференции аспирантов, соискателей и молодых исследователей. Вып. 27. Москва: Издательство «Знание-М», 2022. С. 145–153.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/collocation/english/despair>

Collins Dictionaries. URL: <https://www.collinsdictionary.com/browse/english-collocations/>

Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/>

Maugham W.S. Sixty-Five Short Stories. London: Heinemann/Octopus, 1988.

Maugham W.S. Then and Now. Al Haines, Cindy Beyer, 2017.

Online Collocation Dictionary. URL: <https://www.freecollocation.com/>

Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>

M. Yu. Kuzmina (*Saint Petersburg, Russia*)
Herzen State Pedagogical University of Russia

FEATURES OF THE DIRECT NOMINATION OF THE EMOTIONAL STATE OF DESPAIR IN W.S. MAUGHAM'S PROSE

This article analyzes the microcontexts of the usage of the lexical unit *despair* and its derivatives in the works of fiction by W.S. Maugham. It examines the idiosyncratic stylistic features of these units, which are characterized by a high degree of originality.

Key words: emotional state, despair, direct nomination, psychological prose, S. Maugham, individual style.

Л. В. Лебедев (*Москва, Россия*)
*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
leoneedlebedev@gmail.com*

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕТАФОРЫ В РОМАНАХ В. НАБΟКОВА “SPEAK, MEMORY” / «ДРУГИЕ БЕРЕГА»

Исследование посвящено изучению ментального пространства авторской метафоры в романе В. Набокова «Другие берега» и его англоязычной версии “Speak, Memory”. Автором рассматривается возможность перевода и поиска полного эквивалента для метафоры как лингвокогнитивного образования.

Ключевые слова: Владимир Набоков, метафора, ментальное пространство, перевод, переводимость-непереводимость.

Исследование творчества В. Набокова, одного из наиболее известных и одаренных писателей настоящего времени, представляет интерес для исследователей на протяжении многих лет. Исследования творчества В. Набокова начались еще при жизни писателя, в первую очередь, в биографических работах его супруги и сына [Набоков о Набокове 2002], и остаются актуальными в настоящее время. Особую актуальность в изучении работ В. Набокова представляет анализ его переводных произведений как феномена работ билингвального автора-переводчика. Данный феномен представляет собой редкое сочетание, когда уровень владения языком и лингвокультурными нормами автора позволяют ему делать авторский перевод собственных произведений, сохраняя собственный идиостиль в обоих вариантах текста.

Изучением метафоры в произведениях В. Набокова занимались Е. В. Омельченко, Л. В. Кривошлыкова и др. Ряд исследований рассматривает метафору в произведениях В. Набокова как фасцинативные явления [Омельченко 2012], другие изучают отдельные виды метафор, такие как колоративные метафоры, зооморфные и библеистичные метафоры и т.д. [Кривошлыкова, Лебедев 2024] при этом следует отметить, что среди исследователей творческого наследия автора нет единого мнения относительно того, считать ли автопереводные тексты собственных произведений отдельными художественными работами или результатом переводческого синтеза [Дашинимаева 2010].

В свою очередь, следует отметить, что вопрос переводимости-непереводимости или поиска функционального эквивалента является одним из наиболее значимых в современной переводческой практике [Мишкуров, Новикова 2022]. Так, Т. И. Скоробогатова и О. Ю. Суралева отмечают, что, в случае работы с безэквивалентными единицами, такими, как авторское словотворчество или уникальная метафоризация, переводчик становится своеобразным «соавтором» текста, по аналогии с концепцией М. М. Бахтина о читателе-соавторе и индивидуальной интерпретации текстовых единиц [Скоробогатова, Суралева 2018].

Говоря же о творчестве и переводе В. Набокова, автор сам выступает переводчиком собственных текстов, реинтерпретируя собственные произведения. Однако вольный перевод или переосмысление элементов собственных текстов заставляет переводчиков и лингвистов вновь и вновь обращаться в данном феномену, анализируя как отдельные элементы произведений, так и творчество писателя в целом.

В данном исследовании мы предлагаем рассматривать авторскую метафору как некое ментальное пространство, отражающее лингвокультурные и индивидуально-психологические характеристики как непосредственно автора, так и общества в целом как целевой аудитории писателя.

Роман В. Набокова «Другие берега» и его англоязычный вариант “Speak, Memoy”, как и многие другие произведения писателя, насыщены уникальными метафорами, возникающими на основе синестезии как отличительной черты его личности. Так, метафоры могут содержать элементы звуков и ощущений: *в ватной тишине зимней ночи / the stillness of a frosty night; в отроческом трепете / seep through the thrill of youth; хронология ложиться у ног с любовью / soundlessness flows love at the feet of the master*. Обращая внимание на авторский перевод данных элементов, следует отметить не только элементы вольного перевода, такие как замена лексем *тишина* на *stillness*, *хронология* на *soundlessness*, следует также отметить, что русскоязычные варианты содержат описательный характер, тогда как англоязычный вариант часто содержит деятельностную характеристику, выражающуюся посредством глагольной категории (глагол, отглагольное прилагательное, наречие как признак действия и пр.). Особенно интересным представляется последний пример *хронология ложится у ног с любовью / soundlessness flows love at the feet of the master* с точки зрения оценки эквивалентности перевода. Помимо замены лексического состава здесь также можно отметить переводческие приемы добавления и частичной замены, что одновременно является требованием грамматических категорий и используемых форм (замена тема-рематического компонента) и художественным приемом. При этом ментальное пространство, формируемое такой метафорой, также меняется.

Е. В. Омельченко отмечает, что для русскоязычной метафоры в творчестве В. Набокова присуща фасцинативность, т.е. влияние на потенциального читателя с целью произвести «эмоциональное заражение», перевести его из категории читателя в категорию наблюдателя.

Таким образом, следуя сложившейся традиции русской литературы, где описание является одним из ведущих компонентов повествования, в русскоязычной версии метафоры автора обладают большей образностью и абстрактностью, зачастую парадоксальностью, например: *Я не верю в мимолетность времени – легкого, плавного, персидского времени*. В то время как в англоязычной версии, где доминирует англосаксонская традиция акцента на действии, метафоры автора получают деятельностный компонент, при этом приобретая элементы олицетворения: *flows love at the feet of the master*; одновременно представляя собой активное действие, вовлекающее читателя за счет интерактивизации сюжета.

В заключение, можно говорить о том, что метафора в творчестве В. Набокова является одним из наиболее значимых и неоднозначных компонентов. Помимо отражения собственно индивидуально-психологических особенностей автора, таких как синестезия и билингвизм, такие художественные элементы текста также содержат лингвокультурный компонент, анализ которого возможен в сопоставлении двуязычных произведений

автора-переводчика. В свою очередь, ментальное или когнитивное пространство, формируемое автором-переводчиком за счет трансформации метафорических компонентов, также приобретает специфические черты, которые могут как отражать лингвокультурные особенности целевой аудитории, так и передавать понимание такой лингвокультуры непосредственно автором.

Литература

Богданова Е. С. Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 134–145.

Дашинимаева П. П. Психолингвистический аспект непереводимости // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 11. С. 38–43.

Кривошлыкова Л. В., Лебедев Л. В. Репрезентация фотизмов в английских переводах романов В. Набокова «Дар» и «Камера обскура» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 947–962. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-947-962>

Мишкуроев Э. Н., Новикова Н. Г. Апория «переводимости-непереводимости» как объект дискурсивно-манипулятивных игр в современной теории перевода // Вестник САФУ. Лингвистика. 2022. № 5 (22). С. 60–68.

Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе / редактор-составитель Н. Г. Мельников. М.: Изд. Независимая Газета, 2002. С. 264.

Скоробогатова Т. И., Суралева О. Ю. Проблема поэтического перевода: переводчик как соавтор // Научная мысль Кавказа. 2018. № 3. С. 85–91.

Омельченко Е. В. Фасцинативные явления в тексте романа В. Набокова «Другие берега» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Вып. 7 (1). С. 18–26.

L. V. Lebedev (Moscow, Russia)

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

MENTAL SPACE OF METAPHOR IN V. NABOKOV'S NOVELS “SPEAK, MEMORY” / “DRUGIE BEREGA”

The article deals with the study of the mental space of the author's metaphor in V. Nabokov's novel “Drugie berega” (“Other shores”) and its English version “Speak, Memory”. The author examines the possibility of translating and identifying a complete equivalent for the metaphor as a linguacognitive construct.

Key words: Vladimir Nabokov, metaphor, mental space, translation, translatability-untranslatability.

А. С. Макарова (Москва, Россия)
*Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
aleste_63@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ДИАДЫ *ЩИТ* И *МЕЧ* В ПРАВОСЛАВНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

В статье рассматриваются примеры вербализации христианских концептов *ЩИТ* и *МЕЧ* на материале православного медийного контента. Концептуальный приём исследования позволил соединить концепты в концептуальную диаду, что способствовало выявлению христианской символики, которая транслируется посредством языковых единиц книжного, устаревшего и старославянского словарного состава, библеизмами, перифразами, авторским метаязыковым комментарием, а также подтвердить реализацию смыслообразующей и концептообразующей роли данных лексем.

Ключевые слова: православный медиадискурс, медиатекст, вербализация, концептуальная диада *ЩИТ* и *МЕЧ*.

Симбиоз языка и культуры является неоспоримым. Рассматривая культуру как интегрированную модель мировоззрений, общих знаний и поведенческих алгоритмов человека, можно с уверенностью сказать, что она определяет способность индивидуума приобретать и передавать знания из поколения в поколение. Очевидно, что религия является интегральной частью общечеловеческой культуры, а идеи христианства лежат в основе разнообразных национальных культур многих стран мира. Так, например, тысячелетняя история России и православное вероисповедание представляют собой неотделимую составляющую великой христианской цивилизации.

Тесная связь языка и культуры, языка и религии выступает неким стимулом для появления новых исследовательских направлений лингвистического знания, привлекая таким образом учёных смежных наук: когнитологии, лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики, антропологической лингвистики, медиалингвистики, теолингвистики и др.

Мы считаем важным фактором использование когнитивного подхода в изучении православного медийного дискурса, так как данный подход признаёт существенную роль человека в формировании языковых значений и смыслов. В данном процессе индивидуум выступает в роли

наблюдателя и носителя конкретного опыта и определённого набора культурных, религиозных и языковых знаний [Болдырев 2020: 11]. Продолжая мысль Н. Н. Болдырева, отметим, что носитель православной культуры, будучи представителем русской культуры и общества в целом, формирует смыслы, опираясь не только на русский, но и на богослужебный язык (церковнославянский), а также на тексты Священного Писания и Предания.

Цель статьи – рассмотреть процесс вербализации концептуальной диады ЩИТ и МЕЧ на материале православного медиадискурса и обозначить его особенности.

Методология исследования базируется на методах медиалингвистики [Добросклонская 2016], однако «особое значение приобретают методы когнитивной лингвистики в сочетании с широким спектром методов смежных дисциплин, используемых в рамках интегрированного подхода, чем характеризуются современные лингвистические исследования, т.е. комплексным подходом и междисциплинарной методологией» [Макарова 2024: 580], где одним из основных методов изучения текстов православной журналистики, в которых актуализируется православная концептосфера, является концептуальный приём.

В качестве эмпирического материала выступает медиатекст протоиерея Андрея Ткачёва, выложенный на личной странице в ВКонтакте 30.12.2024 [Протоиерей Андрей Ткачёв].

В начале представим дефиниционный анализ лексем *щит* и *меч*.

Словарь русского языка определяет лексему *меч* как старинное холодное оружие в виде обоюдоострого длинного прямого ножа с рукояткой [МАС 1982: т. 2: 263]. В «Словаре «моления» Даниила Заточника» встречаем схожее определение данной лексемы: холодное оружие, длинный обоюдоострый клинок с рукоятью [Словарь 2007: 106].

Лексема *щит* имеет 8 значений в Словаре русского языка, однако нас интересует первое, где *щит* детерминируется как защитное вооружение древнего воина в виде округлой или прямоугольной плоскости из дерева или металла, для предохранения от ударов холодным оружием [МАС 1982: т. 2: 744].

Как видно из вышеприведённых дефиниций, ни одна из них не отражает символического смысла лексем *щит* и *меч*, хотя многие артефакты, как *чаша*, *венец*, *перстень*, *венок*, *трон* и др., принадлежащие к вещному миру, уже в античную эпоху приобрели символическое значение [Безкороваяная 2017]. Вместе с тем в Словаре символов лексема *меч* детерминируется не только как символ власти, высшего правосудия, света, всепроникающего

разума, но и как особенно важный символ божественной мудрости и правды [Тресиддер 1999: 209].

Сам по себе феномен репрезентируемого православного медийного контента отчасти конституирован в процесс вербализации концептов ЦИТ и МЕЧ. Актуализаторами христианской символики данных лексем служат:

- языковые единицы книжного, устаревшего и старославянского словарного состава с последующей аллюзивной коннотацией концептуальной модели в целом (*препоясаться поясом праведности, умертвить земные уды, любостяжание, разжженные дьявольские стрелы, уста Господни, воздаяние за грех, исходить из уст, истинный христианин, стрелы лукавого*);

- библеизмы (*обоюдоострый меч*).

Ср.: *обоюдоострый меч; обоюдоострое оружие* – книжн. или публ. О чём-л., воздействующем двунаправленно, способным обернуться против того, кем используется [Лепта...2019: 254];

- перифразы, содержащие образные эпитеты, тематически относящиеся ко дню Страшного суда (*особая христианская одежда; нужный момент; день злой; день лютый всемирного испытания и скорби; день высшего воздаяния за грехи*), и символизирующие духовную защиту (*щит веры; шлем спасения; броня, пояс праведности, духовная экипировка*);

- эпитеты, характерные для религиозного дискурса (*смиренный и праведный, спасительный, дьявольский*).

Сама концептуальная диада в медиатексте употребляется священнослужителем 11 раз.

Теперь проиллюстрируем особенности вербализации концептуальной диады ЦИТ и МЕЧ примерами из рассматриваемого медийного православного контента (авторская орфография сохранена – А. С.):

<...> нужно **препоясаться поясом праведности** – **умертвить свои земные уды**: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и **любостяжание**;

<...> **важно взять шлем спасения** – **смиренный и праведный, спасительный образ мыслей**;

<...> **иметь броню праведности** – **усердия к добрым делам** – **посещению больных или тайной молитве**;

Истинный христианин должен уметь ловить летящие в него **разжженные дьявольские стрелы** и **гасить их об щит веры**;

Защищаться **щитом** и рубить врага надвое **мечом** – **Словом Божиим**;

Наш меч – это то, что **исходит из уст Господних**;

<...> **из уст Его выходил наточенный с обеих сторон меч** [Протоиерей Андрей Ткачёв].

Приведённые контекстуальные примеры содержат метаязыковой авторский комментарий, который помогает проповеднику объяснять смыслы текстов Священного писания, говоря о борьбе с грехом при помощи *духовной экипировки* (*пояс, броня праведности; шлем спасения; щит веры; меч – Слово Божие*) или описывая день Страшного суда как *день лютой всемирного испытания и скорби, как день высшего воздаяния за грехи*. Следует подчеркнуть, что обнаруженные нами языковые единицы отмечены особой интертекстуальностью и прецедентностью, восходящими к библейским текстам.

Анализ, проведённый с применением методов когнитивной лингвистики и медиалингвистики, которые заметно расширяют возможности семантической трактовки медийных текстов, дискурсивной деятельности и речетворчества медийной личности, показал, что процесс вербализации способствует выявлению дополнительных смыслов и семантических оттенков, в данном случае – обнаружению особой семантики христианской символики. Насыщенность рассмотренного православного медиатекста лексико-фразеологическими средствами языка, приём семантизации концептуальной диады ЩИТ и МЕЧ, дополненные метаязыковым авторским комментарием, подтверждают важность смыслообразующей и концептообразующей роли лексем *щит* и *меч* в православном медийном дискурсе.

Литература

Безкоровайная Г. Т., Ломакина О. В., Макарова А. С. Лингвокультурологический потенциал фразеосимвола: общее и национально-специфическое (на материале фразеологизмов с компонентом-символом меч / sword / le glaive в русском, английском и французском языках) // Филология и культура. Philology and Culture. Филологические науки. Лингвистика. 2017. № 4 (50). С. 6–10.

Болдырев Н. Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 5–25.

Добросклонская Т. Г. Методы анализа видео-вербальных текстов // Медиа-лингвистика. 2016. № 2. С. 13–25.

Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2-х т. Т. 1: А–О / авт.-сост.: З. К. Адамия [и др.]; / под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019.

Макарова А. С. Приём синтаксического параллелизма как способ семантизации концептов в православных медиатекстах // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. № 2 (58). С. 579–583.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 2. К–О / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: 1981–1984.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. С–Я / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Издательство «Русский язык», 1981–1984.

Словарь «Моления» Даниила Заточника. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
Тресиддер Д. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: Фаир-Пресс, 1999.

A. S. Makarova (Moscow, Russia)
St. Tikhon's Orthodox University

FEATURES OF VERBALIZATION OF THE CONCEPTUAL DYAD OF SHIELD AND SWORD IN ORTHODOX MEDIA TEXTS

The article examines examples of verbalization of Christian concepts SHIELD and SWORD based on Orthodox media content. The conceptual approach of the study allowed us to combine concepts into a conceptual dyad, which contributed to the identification of Christian symbolism, which is transmitted through linguistic units of bookish, obsolete and Old Church Slavonic vocabulary, biblical expressions, periphrases, the author's metalinguistic commentary, and also to confirm the implementation of the meaning-forming and concept-forming role of these lexemes.

Key words: Orthodox media discourse, media text, verbalization, conceptual dyad SHIELD and SWORD.

Ж. Н. Маслова (Санкт-Петербург, Россия)
*Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I
maslovajeanna@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА В РИТМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статье предпринята попытка расширенного изучения ритмических структур в поэтическом тексте с позиций когнитивного подхода. Показано, что объекты разной онтологической природы концептуализируются не только через метроритмическую организацию поэтического текста, но и через воспроизведение различных ритмических последовательностей в тексте средствами языка.

Ключевые слова: знание, когнитивная поэтика, концептуализация, метр, поэтический текст, ритм, смысл.

Ритмичность — явление повсеместное. Ритм значим для когнитивной деятельности человека, потому что он является не только организующим началом, но и служит средством концептуализации знания. В качестве объекта лингвистического исследования ритм прочно закрепился в области анализа художественного и поэтического текста.

Хотя не только поэтическое искусство, но и разговорная речь ритмически и интонационно оформлены, именно в поэзии ритм является самостоятельным смысловым компонентом, формирующим смысл текста. В тексте и языке есть возможность фиксировать ритмическую организацию графическими средствами. Таким образом, анализу подвергается, прежде всего, графическая запись, что вызывает определенные трудности у исследователя, потому что этот формат по отношению к ритму вторичен. Ритм реализуется, воссоздается и интерпретируется в пространстве и времени, поэтому по своей онтологической природе он принадлежит к объектам мира. Знание человека о ритме, соответственно, является объектом человеческого сознания. Графическое и фонетическое воплощения ритма следует отнести к языковым объектам.

Следовательно, ритм представляет собой периодичность, которая может иметь разное акустическое воплощение. Применительно к языку и тексту ритм изучается вместе с интонацией, фонетикой и метром (они выступают как средства репрезентации ритма), так как ритм — «это манипуляция речью во времени» [Лосев 2006: 189].

Ритм в литературе определяется как закономерное повторение соизмеримых и чувственно ощутимых единиц [ЛЭ 1929–1939]. В когнитивной поэтике уже выделены звукоритмические концепты [Маслова 2011], функционирование которых обусловлено работой сознания человека: «при восприятии текста сознание учитывает объем отрезков и предчувствует их границы» [Гаспаров 1984: 6]. Таким образом, ритм поэтического текста осознается в качестве самостоятельного компонента текста.

Мир и человек находятся в непрерывных ритмических колебаниях, поэтому ритм следует рассматривать как явление глобальное, лишь частично объективируемое в языке поэтического текста. В рамках данного исследования предпринята попытка изучения концептуализации смысла на метроритмическом уровне в поэтическом тексте с целью углубления в онтологическую природу ритма и проблему вторичной концептуализации, которая предполагает вторичное осмысление знаков в процессах классифицирующей и оценочной интерпретации и реинтерпретации вербализованных знаний о мире [Болдырев 2013], чем и обусловлена актуальность проекта. В работе использованы метод интертекстуального анализа и метод когнитивного моделирования. Ритмические структуры труднее поддаются анализу

в рамках когнитивной методологии, нежели лексические или синтаксические единицы, в силу того, что языковые средства репрезентации ритма часто находятся на периферии языковой системы. Например, это передача ритма длиной и графическим расположением строк.

Подразумеваемая некую целостность в ритмической организации реальности, исследователи вводят понятие «сонорной среды обитания» [Петрушанская 2004: 52], существование которой неотделимо от звука и ритма. Акустический, в первую очередь, и иной опыт человека неизбежно концептуализируется в форме поэтических смыслов, и этот процесс является вторичной концептуализацией.

Для стихотворного текста важны не синтаксические единицы, а единицы, ритмически организованные, так как это речь, прежде всего, периодическая. Ритм является самостоятельным смысловым компонентом, формирующим общий смысл текста на разных уровнях, при этом концептуализируются объекты разной онтологической природы. В силу этого необходимо рассматривать проблему и за пределами метроритмической организации текста. В данном исследовании выделены следующие уровни анализа:

1. Ритм является основным принципом системы стихосложения, особенно силлабо-тонической. Ритм определил целое направление в изучении поэтического текста в качестве ритмически упорядоченной организации языковых единиц. Это знание о метроритмической системе, где понятия, фиксирующие определенные метрические закономерности (ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест, дольник и т. п.), являются объектами метаязыка теории стихосложения. Вторичная концептуализация в данном случае имеет место, когда метрический рисунок передает новые смыслы, которые возникают в результате метафорического или метонимического переноса. Например, «ямбохорей... встречается в хореическом метре и, как правило, выражает фольклорную стилистику или ориентацию на нее» [Федотов 1997: 220]. «У анапеста есть определенный сентиментальный семантический ореол, видимо, связанный с его вальсовым, «на три счета», ритмом» [Лосев 2006: 191].

За ритмическими отрезками закрепляется определенное культурно-историческое знание, которое помогает идентифицировать принадлежность стиха и связывает поэтическое произведение с конкретным культурным, историческим или языковым контекстом: «в XVIII в. литературное воспроизведение «русского размера» было 4-х стопным хореем с дактилическими окончаниями» [Федотов 1997: 61]. В европейской поэзии, например, 5-стопный и 4-стопный ямб стали основными размерами английской поэзии [Гаспаров 2003]. Метрический рисунок в процессе развития поэзии

связывался с определенным жанром. Так 4-стопный ямб был характерен для оды, а 4-стопный хорей для песен [Гаспаров 1984]. Кроме того, в поэзии возможна имитация ритма поэтических текстов определенного автора, так как авторские индивидуальные особенности ритмической организации узнаваемы. В подражательных стихах возникает ритмическое «эхо» другого поэта. Это тоже результат вторичной концептуализации смысла.

2. Ритмическое начало присутствует в онтологической природе авторского «Я». Через графическую запись ритмических колебаний возможна репрезентация авторских эмоциональных переживаний – концептов высокого уровня абстракции, которые являются объектами сознания человека. Например: *За то, что... остатки гнезда... / при всей ее ясности строгой... / горят для нее как звезда... / Да, да, как звезда над дорогой* (И. Бродский). Многозначия, содержащиеся в оригинале, создают особый ритм, который может быть интерпретирован как горловой спазм, вызванный тоской [Петрушанская 2004: 66]. Способы репрезентации Я-координаты и авторского «Я» были рассмотрены в рамках теории поэтической картины мира [Маслова 2011]. Следует добавить, что репрезентация концепта «Я» происходит также через особенности ритмической организации поэтического текста.

3. Через ритмические эффекты поэтического текста возможна передача ритмов социально-культурного контекста. Это, прежде всего, ритмы музыкальной культуры. Логичным выглядит предположение о том, что «стихи возникли именно как способ удержания (и повторения) музыкальной фразы» [Петрушанская 2004: 14].

Например, текст *В чистом поле мчится скорый с одиноким пассажи-ром* (И. Бродский) передает ритм «Попутной песни» М. Глинки «Веселится и ликует весь народ» (стихи Н. Кукольника). Источником ритма текста *В ночном саду под гроздью зреющего манго / Максимильтан танцует то, что станет танго* («Мексиканский дивертисмент», Часть «1867» (И. Бродский)) является аргентинское танго “El Choklo” (1905). Таким образом, в поэтическом тексте оставляет след акустический или шумовой фон эпохи. Данный акустический след активен и является частью поэтического сюжета, частью репрезентированного знания. Однако первоисточник воспроизведенного ритма часто трудно установить без специального анализа, что не мешает восприятию ритма читателем, поэтому ритм в поэтическом тексте обладает определенной самодостаточностью.

Музыкальные ритмы достаточно хорошо передаются средствами языка, поэтому образы стихотворения подкрепляются ритмическим рисунком, который устанавливает связь с мелодией или всем музыкальным жанром: *Can the rough stuff... now a Mississippi steamboat pushes / up the night*

river with a hoo-hoo-hoo-oo... and the green / lanterns calling to the high soft stars... / O jazzmen (C. Sandburg). Ритмические паттерны накладываются на языковые структуры, создавая возможность порождения новых ассоциативных связей в сознании читателя при восприятии текста.

4. Природные ритмы часто воспроизводятся как воссоздание звука или шума и здесь ритм тесно связан с фонетическим звучанием. *Where the chalk wall falls to the foam and its tall ledges / Oppose the pluck / And knock of the tide, / And the shingle scrambles after the suck- / -ing surf, and a gull lodges / A moment on its sheer side* (W. H. Auden). В данном примере, шипящие и свистящие звуки в сочетании с сонорными создают имитацию звучности прилива и одновременно шороха движимой приливом гальки. Или: *Дождь с нарастающим шумом / шел как тяжелый экспресс... / Вот уж по шиферным крышам / шпарит. Как стрелочник вышел, / я с фонарем на крыльцо* (А. Зорин). Не только ритм, но и звук, который производит дождь, необходимы для передачи этого художественного образа.

В заключение следует сказать, что через ритмическую организацию текста и ритмические эффекты возможна концептуализация знания об объектах разной онтологической природы (субъективное эмоциональное состояние, культурно-историческое знание, музыкальное произведение и т. п.). Языковые средства репрезентации ритма находятся на периферии языковой системы, поэтому наиболее полно и системно знание о ритме концептуализируется в теории стихосложения и репрезентируется в виде метроритмических схем. Вторичная концептуализация и репрезентация смысла происходит за счет воспроизведения с помощью языковых средств ритмов природы, культуры, человека и включения их в поэтический текст.

Литература

- Болдырев Н. Н. Структурирование опыта и интегрирование смысла в высказывании // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XIII. С. 18–30.
- Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 4-х т. СПб: Изд-во «Пушкинского фонда», 1998.
- Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М.: Наука, 1984.
- Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2003.
- Зорин А. Гнездо. М.: ВНИЦПМ, 1991.
- Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006.
- ЛЭ – Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Издательство Коммунистической академии; Советская энциклопедия; Художественная литература, 1929–1939. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3999/%D0%A0%D0%B8%D1%82%D0%BC

Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира: методологическое обоснование // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1(26). С. 120–128.

Петрушанская Е. М. Музыкальный мир Иосифа Бродского. СПб. Издательство журнала «Звезда», 2004.

Современная американская поэзия: антология. М.: ОГИ, 2007.

Федотов О. И. Основы русского стихосложения. Метрика и ритмика. М.: Флинта, 1997.

Zh. N. Maslova (*Saint Petersburg, Russia*)
Emperor Alexander I
St. Petersburg State Transport University

PECULIARITIES OF CONCEPTUALIZATION OF SENSE IN THE RHYTHMIC STRUCTURE OF A POETIC TEXT

The article attempts an extended study of rhythmic structures in the poetic text from the perspective of the cognitive approach. It is shown that objects of different ontological nature are conceptualized not only through the metrical organization of the poetic text, but also through the reproduction of various rhythmic sequences in the text by means of language.

Key words: knowledge, cognitive poetics, conceptualization, meter, poetic text, rhythm, meaning.

А. И. Наумова (*Севастополь, Россия*)
Севастопольский государственный университет
medr.nastya@mail.ru

КРОССКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА-ДОМИНАНТЫ СЕСТРА РЭТЧЕД ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА К. КИЗИ «НАД КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ»

Статья рассматривает влияние переводческих решений на формирование концепта СЕСТРА РЭТЧЕД в переводе романа Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом». Исследование подтвердило, что кросскультурные трансформации коннотации образа обусловлены различиями в когнитивных схемах и культурных кодах.

Ключевые слова: когнитивный перевод, художественный текст, концепт, переводческие трансформация, когнитивно-сопоставительное моделирование.

В современном когнитивном переводоведении актуальным вопросом является установление тенденций кросскультурной трансформации номинативного поля художественных концептов-доминант и когнитивных доминант [Болдырев 2018: 33].

Когнитивное переводоведение подразделяется на два направления развития. Первое направление развития рассматривает перевод как сложный когнитивный процесс, опосредованный схемами, ментальными моделями и концептуальными метафорами. Анализ когнитивных механизмов, вовлеченных в переводческую деятельность, позволяет выявить влияние когнитивных факторов на качество перевода и выбор переводческих стратегий. Исследования в этой области фокусируются на таких аспектах, как обработка информации, решение проблем и управление знаниями в процессе перевода. Понимание когнитивных процессов, лежащих в основе перевода, способствует развитию новых методик обучения и совершенствованию переводческих технологий.

Второе направление развития когнитивного переводоведения нацелено на выявление тенденций перекодировки номинативных полей концептов средствами переводного языка. В наибольшей степени получил развитие когнитивный подход к переводу концептов художественных произведений.

В художественном тексте концепты выступают не только как единицы смысла, но и как инструменты создания художественного эффекта, воздействующие на когнитивные процессы читателя. Анализ концептов в художественном тексте позволяет выявить скрытые смыслы и изучить когнитивные механизмы восприятия и интерпретации художественного произведения [Лакофф 2004: 203].

Использование концептов в художественном тексте формирует определенные когнитивные структуры у читателя, влияющие на его эмоциональное и интеллектуальное переживание. Когнитивные исследования концептов в художественном тексте открывают новые возможности для понимания природы «художественного творчества и процесса художественного восприятия» [Лангакер 2007: 120]. В свете этого значимую роль играет «потенциал когнитивно-сопоставительного моделирования текста» [Огнева 2012: 825].

Когнитивно-сопоставительное моделирование основано на принципе вовлечения номинативных полей художественных концептов оригинала и перевода в процесс моделирования.

В данной статье представляется интересным изложить тенденции передачи номинативного поля концепта СЕСТРА РЭТЧЕД с английского языка на русский с учетом того факта, что рассматриваемый концепт представляет собой концепт-доминанту, поскольку эта героиня является ключевой фигурой в романе К. Кизи «Над кукушкиным гнездом» [Кизи 2022].

В исследовании учитывается тот факт, что художественный концепт-доминанта предстает в качестве «когнитивного текстового аттрактора» [Даниленко 2024: 402], поэтому является предметом многочисленных интерпретаций. Актуальность исследования обусловлена влиянием переводческих решений на восприятие этого сложного и многогранного персонажа. Цель данной статьи – проанализировать образ сестры Рэтчед в оригинальном тексте и его русских переводах, выявив особенности перевода, которые влияют на понимание её роли в романе в конфликте с Макмерфи.

В тексте оригинала сестра Рэтчед предстаёт как воплощение системы, подавляющей индивидуальность. Её внешность описывается скупо, но эффектно: *её лицо... казалось каким-то идеально гладким, будто надутым* [Кизи 2022], что подчёркивает её искусственность и безэмоциональность. Её манеры – сдержанные, но властные, речь – формальная и лицемерная, полная скрытых угроз. Имя *Ratchet* (защёлка, застёжка) символично: она является «застёжкой», удерживающий пациентов в системе. Её манипуляции, прикрываемые заботой, проявляются в целенаправленном подрыве самоуважения пациентов.

Проведенное сравнительно-сопоставительное когнитивное моделирование концепта СЕСТРА РЭТЧЕД, выявленного в тексте оригинала романа Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом» и в тексте перевода, выполненного В. Бакановым, выявило перечень переводческих трансформаций, в совокупности формирующих потенциал когнитивно-сопоставительного моделирования рассматриваемого художественного концепта. Установлено, что в номинативном поле художественного концепта СЕСТРА РЭТЧЕД в переводе В. Баканова акцент делается на холодности и формализме Рэтчед.

Исследование показало, что потенциал когнитивно-сопоставительного моделирования рассматриваемого художественного концепта заключается в совокупности четырех типов переводческих трансформаций номинантов концепта.

Пример 1. Дескриптивная трансформация.

Her face...was perfectly smooth, like a blown-up balloon [Kesey, 2020].
Её лицо... казалось идеально гладким, будто надутым [Кизи 2022].

Номинанты художественного концепта СЕСТРА РЭТЧЕД в рассматриваемом контексте показывают, что оригинальное описание более яркое и метафоричное. Переводной номинант точно передаёт смысл – гладкость и некоторую искусственность лица. Однако, метафорический образ *надутого шарика*, подчёркивающий искусственность и отсутствие естественных эмоций, в переводном тексте нивелирован.

Пример 2. Идентификационная трансформация
...she could appear to be all sympathy and concern for their welfare...
 [Keseý 2020]. ...она могла казаться воплощением сочувствия и заботы
 об их благополучии... [Кизи 2022].

В рассматриваемом номинанте номинативного поля концепта смысл сохранен, но усиливается эффект. Переводное словосочетание *воплощением сочувствия* более категорично подчёркивает лицемерную сущность заботы сестры Рэтчед, в отличие от более нейтрального оригинального словосочетания *appear to be*.

Пример 3. Описательная трансформация.
She had a way of making you feel like you were a little bit crazy yourself
 [Keseý 2020]. У неё был такой приём, что ты начинал чувствовать себя
 немного сумасшедшим [Кизи 2022].

Перевод передаёт смысл, но упрощает структуру номинантов. Оригинальное словосочетание *making you feel* более изысканно, подчёркивает манипулятивный характер действий сестры Рэтчед, поскольку этот номинант “*making you fee*” стилистически окрашен. В переводе этот нюанс не так выражен.

Пример 4. Семантическая трансформация.
She was the Big Nurse, and she knew how to use the system to its fullest advantage [Keseý 2020]. Она была Старшей медсестрой, и она умела использовать систему себе на пользу [Кизи 2022].

В процессе передачи рассматриваемого номинанта на русский язык происходит некоторое упрощение и уточнение. Выражение *to its fullest advantage* в переводе заменено на более простое *себе на пользу*, теряя при этом некоторую многозначность и иронию оригинала, подчёркивающую полную контролируемость системы со стороны сестры Рэтчед.

В целом, номинативное поле рассматриваемого художественного концепта СЕСТРА РЭТЧЕД в переводе В. Баканова достаточно точно передает смысл оригинального художественного концепта-доминанты, но в ряде случаев используются стилистически нивелированные языковые средства, что может приводить к некоторому снижению художественной выразительности и утрате нюансов образа сестры Рэтчед. Следовательно, вышеперечисленные переводческие решения влияют на восприятие конфликта между сестрой Рэтчед и Макмерфи. Этот конфликт репрезентирован через номинативное поле художественного концепта-доминанты СЕСТРА РЭТЧЕД в текстах оригинала и перевода. В тексте перевода В. Баканова сестра Рэтчед предстаёт как более бескомпромиссный антагонист, что усиливает драматизм противостояния.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ показал, что перевод номинантов номинативного поля художественного концепта-доминанты

СЕСТРА РЭТЧЕД существенно влияет на восприятие образа сестры Рэтчед и ее конфликта с Макмерфи. Выбор лексики и стилистических приёмов как факторов, составляющих потенциал когнитивно-сопоставительного моделирования художественного концепта-доминанты СЕСТРА РЭТЧЕД репрезентировал тенденции кросскультурных трансформаций, изменяющих коннотацию образа, а следовательно, и понимание романа в целом.

Литература

Болдырев Н. Н. Перевод как проблема выбора когнитивных доминант // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 33–35.

Даниленко И. А. Художественный концепт-доминанта как когнитивный текстовый аттрактор // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–2 (58). С. 402–405.

Кизи К. Над кукушкиным гнездом: пер с англ. В. Баканов. М: AST, 2022. URL: <https://opentext.ru/old/man/index.html?id=5134>

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении // пер. с англ. И. Б. Шатуновский. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лангакер Р. Модель, основанная на языковом употреблении // Вестник Московского университета. 2007. № 4. С. 115–128.

Огнева Е. А. Потенциал когнитивно-сопоставительного моделирования текста // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 825–828.

Путынина В. Д. Тенденции кросскультурного трансфера текстовых пейзажных моделей (на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» // Лексикография и коммуникация: сборник материалов X Междунар. науч. конф. Белгород: Издательство БелГУ, 2024. С. 98–104.

Kesey K. One flew over the Cuckoos's nest. URL: <https://madbook.org/view?book=44&page=1>

A. I. Naumova (Sevastopol, Russia)
Sevastopol State University

CROSS-CULTURAL TRANSFORMATION OF THE DOMINANT CONCEPT *NURSE RATCHED* IN THE TRANSLATION OF THE NOVEL BY K. KESEY “ONE FLEW OVER THE CUCKOO’S NEST”

The article examines the impact of translation decisions on the formation of the concept of *NURSE RATCHED* in the translation of Ken Kesey’s novel “One Flew Over the Cuckoo’s Nest”. The study confirmed that cross-cultural transformations of the image’s connotation are caused by differences in cognitive schemas and cultural codes.

Key words: cognitive translation, literary text, concept, translation transformations, cognitive-comparative modeling.

М. Ю. Некрасова (Севастополь, Россия)
Севастопольский государственный университет
nekramar@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МОРСКОГО СРАЖЕНИЯ В ПОЭМЕ Л. А. СЕН-ТОМА “LE MERCURE”

В статье представлен анализ концептуальной структуры поэмы Л. А. де Сен-Тома “Le Mercure”, посвященной подвигу брига «Меркурий» в морском сражении 1829 года. На основе лексико-семантического анализа выявлена ядерно-компонентная организация концепта МОРСКОЕ СРАЖЕНИЕ, рассмотрены связи между ключевыми концептами. Определена роль метафорических средств в формировании оценочного компонента. Сделан вывод об особенностях авторской концептуализации события в поэтическом тексте.

Ключевые слова: концептуализация, ядерно-компонентная структура, поэма, Л. А. де Сен-Тома, “Le Mercure”, морское сражение.

Концептуализация играет активную роль в процессе познания мира человеком. Этот процесс начинается с восприятия, выбора и обобщения информации об объектах и явлениях, с которыми человек сталкивается в окружающем мире и в собственном сознании. Перечисленные этапы тесно связаны с языковым оформлением образов, созданием концептов и их объединением в систему знаний [Болдырев 2014; Беседина 2014; Кубрякова 1991]. Концепты – это результат интеграции личного опыта, включающего эмоциональные переживания и чувства, а также культурных факторов, представляющих искусство, традиции и идеологии. Они формируют своего рода культурный контекст, который опосредует взаимодействие человека с миром. Концепты, получившие языковую форму, выполняют три основные функции: представление содержания, хранение и накопление информации в сознании и оперирование этой информацией в речи [Кубрякова 1991: 96].

Концепт может быть выражен различными языковыми средствами: морфемами, словами, словосочетаниями, предложениями, а также текстами. Событийные концепты возникают в результате осознания значимых событий, в данном случае концептуализация события имеет индивидуальный контекст [Некрасова 2021: 45]. Морское сражение можно отнести к событийным концептам, относящимся к неповседневным «специализированным событиям». Они характеризуются определенным составом участников, которые «часто имеют специальные номинации,

выступая в событии не как обычное лицо, а в некотором позиционном или ситуативном статусе» [Трещева 2011: 7–8].

Цель данной статьи – выявление особенностей концептуализации морского сражения брига «Меркурий» с турецкими кораблями, репрезентированной в поэме Л. А. Сен-Тома “Le Mercure”.

Поэма “Le Mercure” является панегирическим произведением, написанным Л. А. де Сен-Тома, лектором Петербургского университета, в 1829 году. Она создана с целью прославить подвиг брига «Меркурий» и его капитана А. И. Казарского. Ключевым событием, послужившим импульсом к написанию произведения, является морское сражение, произошедшее 14 (26) мая 1829 года в рамках русско-турецкой войны. В ходе данного столкновения бриг «Меркурий», под командованием А. И. Казарского и вооруженный 18 орудиями одержал победу в бою против двух турецких линейных кораблей, общая огневая мощь которых составляла 184 орудия [Князев]. Указанный эпизод стал символом выдающейся отваги и военно-морского искусства, что, безусловно, оказало влияние на формирование нарративной структуры и идеологическое наполнение поэмы.

Концептуализация морского сражения брига «Меркурий» в поэме имеет ярко-выраженную сценарность. Участниками события являются бриг «Меркурий», его экипаж, капитан Казарский, турецкие корабли, турки. Время события: Русско-турецкая война 1828–1829 годов. Место действия: Черное море, корабли. Происходит репрезентация 13 сцен: сцена 1 – экипаж брига борется с ветром и волнами, но мечтает о настоящем противнике; сцена 2 – сигнальщик засекает турецкие линейные корабли; сцена 3 – подан сигнал к отступлению, но бриг не успевает уйти от противника; сцена 4 – капитан Казарский перед лицом опасности произносит напутственную речь; сцена 5 – начало сражения, Османы предлагают сдаться, сцена 6 – военный совет, принято решение сражаться; сцена 7 – память о героях прошлого и настоящего; сцена 8 – сражение; сцена 9 – пожар на бриге; сцена 10 – турецкие корабли выведены из строя – победа; сцена 11 – экипаж поврежденного брига борется со стихией; сцена 12 – встреча со своей эскадрой; сцена 13 – прославление героев.

Объективация ключевого события, лежащего в основе поэмы, осуществляется посредством четко выраженного ядерно-компонентной структуры. В ядре находится лексико-семантическое поле *guerrier* (воин), репрезентированное богатым лексическим наполнением: *héros, matelots, capitaine, officier, soldat, vigie, chef, équipage, Kozarsky* и др.

Всего зафиксировано 43 словоупотребления. В приядерном пространстве располагаются поля “*Mercure*”, *gloire* (слава), *combat* (сражение), *force de la nature* (стихия). Поле “*Mercure*” (25 словоупотреблений) включает в себя субполя *pavillon*, *brick*, *construction*, характеризуемые широким набором военно-морских терминов. Поле *gloire* (23) представлено лексемами *honneur*, *courage*, *immortalité*, *valeur*. Поле *combat* (23) репрезентируется посредством глаголов и существительных *combat*, *battre*, *défendre*, *feu*, *abordage*, *cannon*, *pistolet*, *boulet* и др. Наконец, *force de la nature* (23) выражена словами *vent*, *ouragan*, *autans*, *mer*, *vague*, *onde*, *flot* и др.

На периферии рассматриваемой концептуальной структуры располагаются лексико-семантические поля *patrie* (отечество), *destin* (судьба), *ennemi* (враг), каждое из которых демонстрирует 17 словоупотреблений. В состав поля *patrie* входят также субполя *Empereur* и *Dieu*, что согласуется с характерным для первой половины XIX века выражением «за веру, царя и отечество». Данное поле репрезентировано словами *Russie*, *patrie*, *Moscovie*, *Empire*, *Empereur*, *Dieu*, *croix*, *ciel* и др. Лексико-семантическое поле *destin* представлено лексемами *sort*, *mort*, *destin*, *trépas*, *retraite*, *victoire*, *défaite* и т.д. Поле *ennemi* отличается хорошо выстроенным синонимическим рядом, характеризующим турецкого противника. При этом, помимо обозначения противника как территориального, подчеркивается и его религиозная принадлежность, выраженная в противопоставлении. Помимо прямых обозначений *Osmanlis*, *ennemi*, *Ismail*, *Pacha*, противник описывается оценочными дескрипторами *infidèles*, *musulman*, *âme impure*.

Оценочный компонент концептуальной структуры морского сражения брига «Меркурий» репрезентируется посредством разветвленной системы метафор. Так, поле *guerrier* (воин) характеризуется с помощью аллегории *fils de Léonidas*, которая имплицитно побуждает читателя провести параллель между героизмом экипажа брига и подвигом спартанцев. Данное поле также связано с полем *patrie* посредством метафоры *enfin de la Russie*, в то время как турецкие воины, в свою очередь, изображаются как *fils d'Ismail*, что усиливает противопоставление героев и противников. Бриг в ходе сражения метафорически представлен как *théâtre d'horreurs*, что способствует концептуализации сражения как сцены разрушения и смерти, подчеркивая его жестокий характер. Образ «Меркурия» также наделяется антропоморфными чертами; корабль уподобляется живому существу, в чье раненое чрево проникает вода: *L'eau pénètre en son sein*.

Компонент *combat* репрезентируется, в частности, посредством метафорического сопоставления турецких линейных кораблей с ураганом, обрушивающимся на бриг, словно на небольшую хижину: *Ainsi que l'ouragan qui du haut des montagnes / Tombe, éclate, et soudain, d'effroyables grêlons / ... Couvre l'humble chaumière et comble les vallons...* [St-Thomas]. Лексическое поле *destin* обогащается метафорами *vrai chemin au ciel, Dieu qui tiens dans les mains le destin des héros*, связывающими судьбу с божественным предопределением, праведной верой, подчеркивающими неотвратимость героического выбора и духовную связь героев с высшими силами, предопределяющими их путь к славе или смерти.

Таким образом, концептуализация морского сражения в поэме “Le Mercure” выявляет ярко выраженную сценарность а также сложную систему взаимосвязанных лексико-семантических полей, организованных вокруг ядра. В ядре расположено лексико-семантическое поле *guerrier* (воин), в приядерном пространстве – “*Mercure*” («Меркурий»), *gloire* (слава), *combat* (сражение), *force de la nature* (стихия), на периферии – *patrie* (отечество), *destin* (судьба), *ennemi* (враг). Оценочный компонент реализован посредством разветвленной системы метафор, и играет важную роль в концептуализации рассматриваемого события, усиливая эффект героизации подвига русских моряков.

Литература

- Беседина Н. А. Когнитивное моделирование процессов репрезентации знаний в морфологии // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVIII. С. 121–124.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2014.
- Князев С. «Совершил невозможное»: как русский бриг «Меркурий» одержал победу в бою с двумя турецкими линкорами // АНО «ТВ-Новости», 2019. URL: <https://russian.rt.com/science/article/635075-rossiya-turtsiya-brig-korably-pobeda>
- Кубрякова Е. С. и др. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991.
- Некрасова М. Ю. Репрезентация события *CRIMEAN WAR* в публичном и приватном англоязычном дискурсе середины XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2021.
- Трещева Е. Г. Событие и его участники (по данным ассоциативных полей событийных стимулов) // Известия Саратовского университета. Сер.: филология. Журналистика. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 170–177.
- St-Thomas L. A. Le Mercure. Saint-Pétersbourg, 1829.

М. Ю. Некрасова (Sevastopol, Russia)
Sevastopol State University

CONCEPTUALIZATION OF NAVAL BATTLE IN L. A. SAINT-THOMAS' POEM "LE MERCURE"

The article tackles the analysis of conceptual structure of L. A. de Saint-Thomas' poem "Le Mercure", dedicated to the heroic feat of the brig "Mercury" in the naval battle of 1829. Based on lexical and semantic analysis, the core-component organization of the concept of "naval battle" is revealed and the connections between key concepts are examined. The role of metaphorical devices in shaping the evaluative component is determined. The conclusion is made about the peculiarities of the author's conceptualization of the event in the poetic text.

Key words: conceptualization, core-component structure, poem, L. A. de Saint-Thomas, "Le Mercure," naval battle.

Н. В. Николаева (Санкт-Петербург, Россия)
*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
ninochka_nik@mail.ru*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ОДИНОЧЕСТВА И ОТЧАЯНИЯ В ПОЭЗИИ ДЖОНА БЕРРИМЕНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЦИКЛА «ПЕСНИ СНОВИДЕНИЙ»)

Статья посвящена исследованию эмоциональных состояний одиночества и отчаяния в поэзии Джона Берримена, американского поэта XX века, считающегося значимой фигурой в жанре исповедальной поэзии. В статье рассматриваются языковые средства, помогающие автору передать данные эмоциональные состояния в тексте, а также стилистические средства, отражающие индивидуально-авторский стиль Джона Берримена.

Ключевые слова: исповедальная поэзия, лирический герой, языковая картина мира, американская литература, литература XX века, поэзия XX века.

В современной научной парадигме большое внимание отводится когнитивным исследованиям языка и картины мира художественного текста. Настоящая парадигма широко применяет междисциплинарный

и антропоцентрический подход в области лингвистических исследований, иными словами, она учитывает особенности познания и восприятия окружающего мира человеком. В тексте автор отражает ту часть окружающего мира, которую можно описать как обобщенную модель, часть общей картины мира, представленную в языке и посредством языка. В художественном тексте, в частности в поэтическом жанре, эта картина мира моделируется автором через призму чувственного познания, посредством репрезентации различных эмоциональных состояний автора и лирического героя в тексте.

Важно отметить, что большинство современных лингвистических исследований в области эмотиологии, лингвистики эмоций [Шаховский 2008] не обходится без анализа лингвостилистических особенностей текста, выявления средств «репрезентации эмоций в тексте» [Филимонова 2007: 8] и выявления индивидуально-авторской специфики, ведь именно через призму восприятия автором окружающего мира создается вторичная модель действительности, включающая, в том числе, эмоциональное восприятие.

Американская исповедальная поэзия – это направление в поэзии XX века, которое акцентирует внимание на личных переживаниях, эмоциях и внутреннем мире автора. Данное направление возникло в середине XX века и стало важной частью американской литературной традиции, привнеся в поэзию элементы личной искренности и уязвимости. Поэты данного направления обращаются к миру чувств и эмоций человека, поднимая в своих стихотворениях откровенные и интимные темы, такие как любовь, страдание, социальная идентификация, борьба с депрессией и экзистенциальные размышления. Исповедальной поэзии присущи психологизм, эмотивность и автобиографичность в форме глубокого откровения, которое можно описать как «терапию души» [Rosenthal 1999: 64–66]. В исповедальной поэзии на первый план выходят негативные эмоциональные состояния: страх, печаль, ненависть, отчаяние и одиночество.

Одним из самых известных представителей исповедальной поэзии является Джон Берримен. Поэзия Берримена часто исследует темы отчаяния и одиночества, что делает его одним из ключевых представителей данного направления. Его поэтические произведения, такие как цикл стихотворений «Песни сновидений» (в оригинале: *“The Dream Songs”*), представляют собой сложные и многослойные размышления о внутреннем мире человека, пропитанные темой борьбы с депрессией и экзистенциальными вопросами. В цикл «Песни сновидений» вошли две книги Берримена *“77 Dream Songs”* (1964) и *“His Toy, His Dream, His Rest”* (1968).

Равносильно тому, как «эмоциональная сфера человека воспроизводится в тексте автором как уникальной языковой личностью» [Кузьмина 2022: 68], так и эмоциональные состояния одиночества и отчаяния воспроизводятся лирическим героем в «Песнях сновидений». В качестве лирического героя «Песен сновидений» выступает персонаж, которого Берримен называет Генри. Генри переживает сложные отношения с окружающим миром, решая внешние и внутренние конфликты, он часто остается наедине со своими переживаниями и эмоциями.

Генри часто обращается к своему внутреннему «я», ведя диалоги с самим собой и неким другом, чье имя он не называет. Попытки лирического героя вести разговор самим с собой подчеркивают его одиночество, а отсутствие стремления быть понятым может свидетельствовать о доминирующем состоянии отчаяния.

В «Песнях сновидений» автор часто прибегает к прямой номинации, описывая исследуемые эмоциональные состояния. Например, в «Песне № 114» лирический герой прямо заявляет, что он остался совсем один и никто не может ему помочь: *...Henry is weft on his own...* Лексическая единица *on his own* может так же имплицитно выражать отчаяние: лирическому герою будто приходится решать проблемы своими усилиями, то есть без помощи других, и из-за этого ему одиноко. В «Песне № 40» лирический герой напрямую заявляет, что он боится остаться в одиночестве и больше никогда не увидит своего сына, что упоминается в самом начале стихотворения: *I'm scared a lonely. Never see my son...* Вводя лексические единицы *scared* и *lonely* в самом начале, то есть в сильной позиции текста, автор задает доминирующие эмоциональные состояния героя на протяжении всего стихотворения, коими является одиночество и страх.

В «Песне № 127» эмоциональное состояние отчаяния усиливается посредством использования автором лексических повторов: *All souls converge upon a hopeless mote tonight, as though the throngs of souls in hopeless pain rise up...* О нарастающем отчаянии свидетельствует повтор лексической единицы *hopeless*, которая максимально близка по своему словарному значению лексической единице *despair*; прямо номинирующей значение отчаяния [Кузьмина 2022: 69].

Эмоциональные состояния отчаяния и одиночества могут также усиливаться посредством градации, проявляющейся в форме нарастающей безысходности лирического героя. «Песня № 29» является одним из ярких примеров произведений Берримена, в котором наблюдается нарастающее настроение уныния, отчаяния и одиночества. Лирический герой в данном

стихотворении тяжело переживает смерть отца. В самых первых строках мы видим, что Генри переживает, скорбит и не может уснуть: *Henry's heart só heavy*, <...> & more, & weeping, sleepless..., автор выделяет фразовым ударением наречие *so*, подчеркивая важность прилагательного *heavy* в контексте. Лексическая единица *to have heavy heart* может намекать на глубокое отчаяние героя. Лирический герой плачет от потери отца, что передается лексической единицей *weeping*, он не может уснуть, и когда он закрывает глаза, то становится слишком поздно скорбеть, он погружается в мысли: *All the bells say: too late. This is not for tears; thinking*. Отрицание может также указывать на эмоциональное состояние отчаяния: лирический герой уже не может пролить слезу, ему остается только погрузиться в раздумья. В последних строках в автор прибегает к лексическому повтору, описывая состояние одиночества героя: *He knows: he went over everyone, & nobody's missing. Often he reckons, in the dawn, them up. Nobody is ever missing*. Употребление повторяющихся отрицательных местоимений также способствует усилению данного эмоционального состояния.

Важно также отметить, что индивидуально-авторские и языковые особенности стиля Джона Берримена проявляются в речи Генри, описывая и выводя на передний план исследуемые в тексте эмоциональные состояния. Лирический герой в каждой «песне» будто пытается найти подходящие слова, но не может, о чем свидетельствуют многочисленные упрощения, имитирование детской речи, эллипсис, использование диалектной лексики, а также «большого количества разговорных конструкций, жаргонизмов и сленга американских шоу-менестрелей – blackface minstrel slang (e. g. *yo legal & yo good. Is you feel well*)» [Николаева 2019: 56]. Эти черты речи лирического героя в его диалогах с самим собой и его воображаемым другом становятся «эмоционально-сущностными, имплицитно важные для персонажа чувства и переживания» [Щирова 2003: 48]. Воображаемый друг Генри выступает в роли совести, устанавливающей социальные рамки его поведения [Vendler 1995]. Он будто одновременно не дает лирическому герою остаться совсем одному, осуждая его поступки, периодически взывая к его совести, и в то же время является продуктом его сознания, вымыслом, что подчеркивает эмоциональное состояние глубокого одиночества Генри.

Таким образом, поэзия Джона Берримена является ярким примером того, как исповедальная поэзия может служить средством для исследования глубинных человеческих эмоций и переживаний, создавая пространство для понимания и сопереживания. Индивидуально-авторский стиль Берримена сочетает в себе элементы автобиографии наряду с многочис-

ленными повторами и упрощениями. Его поэзия пронизана эмоциональными состояниями отчаяния и одиночества, которые часто усиливаются как посредством прямых номинаций, так и имплицитно. Превалирующие в его произведениях эмоциональные состояния дополняют картину мира автора и позволяют достичь большего эффекта искренности, присущего исповедальному поэтическому жанру.

Литература

Кузьмина М. Ю. Моделирование эмоционального состояния отчаяния в художественном тексте // LXXV Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. науч. ст. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. С. 67–70.

Николаева Н. В. Об индивидуально-авторской специфике поэзии Джона Берримена // Герценовские чтения. Иностранные языки: сб. науч. тр. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 55–56.

Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный дом», 2007.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.

Щирова И. А. Психологический текст: деталь и образ. Санкт-Петербург: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2003.

Rosenthal M. L. Poetry as Confession. The Critical Response to Robert Lowell / ed. by S. G. Axelrod. CT: Greenwood Press, 1999.

Vendler H. The Given and the Made: Strategies of Poetic Redefinition. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.

*N. V. Nikolaeva (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia*

THE EMOTIONAL STATES OF LONELINESS AND DESPAIR IN JOHN BERRYMAN'S POETRY (ON THE MATERIAL OF THE CYCLE OF POEMS "THE DREAM SONGS")

The article is devoted to the study of the emotional states of loneliness and despair in the poetry of John Berryman, a XX century American poet considered a significant figure in the Confessional Poetry genre. The paper focuses on the language means that help reveal these emotional states in the text and stylistic means that portray the author's individual style of John Berryman.

Key words: confessional poetry, lyrical speaker, linguistic world image, American literature, XX century literature, XX century poetry.

Е. А. Нильсен, Е. Р. Машкова

(Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный

экономический университет

janenilsen@mail.ru; elen_msh@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВОГО КОМПОНЕНТА КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР ПОДЖАНРА «СОУЛСЛАЙК»

Компьютерные игры как сложные многоуровневые продукты представляют собой гибридные произведения, включающие элементы программного обеспечения и визуального искусства. В процессе перевода игр необходимо учитывать не только их языковые и культурные особенности, но и специфику игровой механики, характерной для конкретного игрового жанра.

Ключевые слова: компьютерная игра, интерактивная литература, игровые жанры, проблемы перевода.

В современных условиях бурного развития компьютерных технологий индустрия компьютерных игр занимает значительное место, поскольку выступает не только как источник развлекательных услуг, но и общезначимое культурное и экономическое явление. Благодаря компьютерным играм происходит формирование новых социальных связей и культурных идентичностей, а с увеличением популярности игр растет их коммерческий потенциал, ввиду чего игровая индустрия становится важным сегментом экономики, способствуя возникновению инноваций и развитию смежных отраслей, таких как разработка программного обеспечения и систем виртуальной реальности. Как комплексный многоуровневый продукт компьютерная игра представляет собой гибридное произведение, включающее в себя характерные элементы программного обеспечения и уникальные формы и средства интерпретации современного визуального искусства – интерактивные элементы в виде текстовых материалов и графических элементов, а также мультимодальные механизмы пользовательского интерфейса, а в некоторых случаях и неинтерактивные аудиовизуальные элементы, представленные в виде демонстрационных видеороликов [MacLean 1997: 301; O'Hagan 2007: 2].

В отношении жанровой отнесенности компьютерные игры следует рассматривать как особый вид интерактивной литературы, существующей на стыке аудиовизуального и художественного дискурса, поскольку для произведений, относящихся к данному жанру, характерно воздействие

на ход повествование посредством вмешательства реципиента [Нильсен, Машкова 2024: 258].

Компьютерная игра как объект перевода представляет собой сложный материал, требующий учета не только языковых аспектов, но и культурных контекстов, поскольку с точки зрения теории межкультурной коммуникации в рамках осуществления переводческой деятельности сопоставлению подвергаются не только языки, участвующие в коммуникации, но и культурная составляющая текста-источника и текста-перевода [Белик 2013: 290].

В рамках исследования переводческих стратегий при переводе компьютерных игр Минако О'Хаган приводит основной перечень жанров данного вида произведений, учитывающих основной вид взаимодействия реципиента с игровым миром, в контексте исследовательских интересов теории перевода. Компьютерные игры в соответствии с классификацией механики взаимодействия пользователя с игровым миром можно разделить на такие жанры, как экшн, приключения, симуляторы, ролевые игры (RPG), шутеры от первого лица (FPS), гонки, спорт, стратегии и т.д. Поскольку основным компонентом компьютерных игр, подлежащим языковой адаптации, является внутриигровой текст [Гуров 2022: 119], некоторые жанры игр, содержащие большой объем текстового материала, а также в значительной степени ориентированные на построение повествования, имеют большее значение для перевода [О'Наган 2007: 3].

С целью преодоления однообразия игровых стилей, а также для повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции разработчики компьютерных игр зачастую прибегают к слиянию игровых жанров для создания уникальной и узнаваемой игровой механики. Примером подобного симбиоза игровых жанров следует рассматривать игры поджанра «соулслайк» (анг. souls-like), сочетающего в себе элементы таких жанров, как ролевая игра (RPG) и «файтинг» (анг. fighting). Основоположителем данного игрового поджанра считается японский геймдизайнер и сценарист Хидетака Миядзаки – президент компании “FromSoftware”, занимающейся разработкой компьютерных игр, а классическими представителями «соулслайков» являются трилогия “Dark Souls”, “Demons’ Souls”, “Sekiro: Shadows Die Twice”. К характерным чертам игр данного жанра, в значительной степени отличающих его от других игровых стилей, относятся уникальная игровая механика, рассчитанная на заучивание пользователем специфических схем движения и поведения противников игрового мира. Основное преимущество стиля игрового процесса заключается в справедливой оценке навыков пользователя, поскольку для компьютерных игр данного поджанра предусмотрен только фиксированный уровень сложности, следовательно, все реципиенты

находятся в равных условиях, а игровой прогресс зависит непосредственно от мастерства пользователя и его навыков использования игровых механик.

Одним из ключевых отличий компьютерных игр поджанра «соулслайк» от других игровых жанров следует считать особый стиль повествования: в играх данного поджанра зачастую отсутствуют четкие сюжетные линии (как основные, так и дополнительные), а видеозаставки – внутриигровые эпизоды, иллюстрирующие результат действий или игровых выборов пользователя, – предназначены не для отображения сюжетных изменений, а, скорее, для демонстрации графической составляющей игры – дизайна уровней или особых черт противников. Свободное и не прямое повествование осуществляется по мере исследования пользователем игрового мира – нахождения различных предметов, относящихся как к техническим инструментам, например, необходимым для создания игровых приспособлений, так и к сюжетно связанным объектам, а также обнаружения неигровых персонажей (NPC), которые в некоторой степени раскрывают аспекты истории внутриигрового мира. Основной сложностью восприятия внутриигрового сюжета «соулслайков» является практически полное отсутствие рассказчика, поскольку детали игровой истории раскрываются в текстовом материале игры, большая часть которого представлена описанием любых предметов, обнаружение пользователем которых, однако, осложнено дизайном игровых уровней, поскольку для завершения каждого из которых и, соответственно, доступа к новым уровням и содержащимся в нем предметам необходимо одержать победу над особым противником. Кроме того, повествование посредством текстовых материалов происходит не последовательно – обнаруженные в рамках одного уровня предметы не обязательно будут иллюстрировать один и тот же сюжетный элемент.

Таким образом, в рамках осуществления переводческой деятельности в отношении компьютерных игр поджанра «соулслайк» можно выделить основные и специфические переводческие проблемы. При переводе интерактивной литературы, которой присущи черты как аудиовизуальных произведений, так и художественной литературы, возможен конфликт переводческих стратегий: речевая компрессия, необходимая для соблюдения ограничений пространства для текстовых сообщений и хронометрических параметров, в той или иной степени затрудняет возможность аутентичной передачи образных выражений и стилистических средств, что приводит к неизбежной утрате смыслов [Шайко 2023: 137]. К специфическим проблемам перевода компьютерных игр поджанра «соулслайк» относится особый стиль повествования, а именно, отсутствие логической последовательности внутриигрового текстового материала – ввиду большого объема игровых

предметов, описание которых в той или иной степени иллюстрирует значимые сюжетные события, создание единой корпусной базы языкового материала, однако не исключает возможности искажения или утраты смыслов. В таком случае для наиболее аутентичной адаптации оригинального текста потребовалось бы расположение игровых материалов в хронологическом или тематическом порядке, что носит лишь условный характер и не подразумевает практического применения.

Литература

Белик Е. В. Перевод как разновидность межкультурной коммуникации // Преподаватель XXI века. 2013. № 2. С. 289–294.

Гуров А. Н. Ассеты как основные элементы локализации видеогр // Казанская наука. 2022. № 9. С. 119–121.

Нильсен Е. А., Машкова Е. Р. К проблематике перевода компьютерных игр как произведений интерактивной литературы // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник материалов III Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2024. С. 257–260.

Шайко Е. Д. Особенности перевода произведений интерактивной литературы как жанра на стыке аудиовизуального и художественного дискурса // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации. Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, 2023. С. 137–139.

MacLean H. Translating Science Fiction: A Case Study // ATA Chronicle. 1997. 26(2). P. 13–17.

O'Hagan M. Video games as a new domain for translation research: From translating text to translating experience // Traduccio o Tecnologies de la Informacio I la Comunicacio: Localitzacio de videojocs. 2007. Vol. 5. P. 7.

E. A. Nilsen, E. R. Mashkova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics

TRANSLATION CHALLENGES OF THE TEXTUAL COMPONENT OF “SOULS-LIKE” SUBGENRE COMPUTER GAMES

Computer games as complex multilevel products represent hybrid products that include both software and visual art features. An interpreter should take into consideration both linguistic and cultural peculiarities of a particular game as well as the game mechanics specifics characteristic of the game genre.

Key words: computer games, interactive literature, game genres, translation challenges.

С. М. Пашков (Санкт-Петербург, Россия)

РГПУ им. А. И. Герцена

s.p.n1980@mail.ru

ДОМИНАНТНЫЙ ПРИНЦИП И ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ТЕКСТА

В статье рассматривается проблема категориального моделирования текста и формулируются два принципа ее осмысления. Паритетный принцип предполагает рассмотрение текста как актуализацию иерархически идентичных текстовых категорий. В соответствии с доминантным принципом текстокатегориальная доминанта запускает механизмы текстообразования, предопределяет языковую специфику иных текстовых свойств и обуславливает типологическую квалификацию текста.

Ключевые слова: текст, текстообразование, текстовая категория, текстообразующая категория, доминанта.

В современной науке текстовая проблематика остается приоритетной; отмечается, что абсолютное большинство филологических исследований посвящено тексту (Е. А. Гончарова). Однако, несмотря на пристальное внимание исследователей к данному феномену, число спорных положений в этой области знания увеличивается (И. В. Арнольд). Нет общепризнанного определения текста, и каждый исследователь предлагает свое понимание его сложной природы.

При формулировании определения (дефиниции) какого-либо научного объекта, в том числе текста, необходимо понимать, что определение не всегда свидетельствует о том, что определяемое познано. В связи с этим уместно обратиться к этимологии лексем «определение» и «дефиниция»: обе предполагают установление границы (предела). Иными словами, посредством определения познаваемая сущность отграничивается от других явлений. Определение – одно из действий на пути познания феномена, но отнюдь не являющееся окончательным.

В настоящей статье предлагается следующее рабочее определение рассматриваемого явления: *текст – это вербализованное сознание*. Обращение к понятию сознания при дефинировании текста представляется удобным по следующим соображениям. Во-первых, человеческому сознанию свойственна структурированность, обеспечиваемая, в частности, языком [Болдырев 2018: 106]. Это обстоятельство устрани-

необходимость фиксации в определении текста различных типов связи (ср. известное определение текста И. Р. Гальперина). Структура – взаимозависимость частей целого (М. В. Никитин), соответственно, в процессе репрезентации когнитивные структуры становятся доступными наблюдению через лексические, морфологические, синтаксические и прочие взаимозависимости. Во-вторых, сознание всегда интенционально, иными словами, сознание всегда является «сознанием о...». Интенциональность сознания предполагает направленность на цель. Это положение снимает необходимость упоминания о целенаправленности и прагматической установке как дефиниционных компонентах текста. В-третьих, текст – результат ментальной деятельности человека, или, как его определяет М. М. Бахтин, «выражение сознания, что-то отражающего» [Бахтин 1986: 308].

Разделяя дискуссионность понятия сознания, его несводимость к какому-либо «составляющим», в первом приближении его можно определить как совокупность знаний об окружающем мире [Кацнельсон 1972: 110]. В контексте настоящих рассуждений о тексте уместно привести мысль М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского о том, что любое исследование текста, может дать лишь «проглядывание' сознания» [Мамардашвили, Пятигорский 1997: 40]. Рассматривая текст как вербализованное сознание, в работе, таким образом, ставится акцент на типах знания при его (тексте) лингвистическом анализе.

При исследовании сущности текста в отечественной лингвистике традиционно используется понятие категории текста. В контексте концептуальных ориентиров когнитивной парадигмы категории текста рассматриваются как когнитивные параметры, зависящие от работы воспринимающего сознания. Согласимся с М. М. Бахтиным, что о тексте возможно вести речь исключительно «*на рубеже двух сознаний, двух субъектов*» [Бахтин 1986: 301] (Курсив автора. – С. П.), в связи с чем невозможно видеть в текстовых категориях имманентные текстовые свойства.

Многие предложенные категориальные модели текста (И. Р. Гальперин, Т. В. Матвеева, Т. Н. Николаева, З. Я. Тураева и др.) объединяет принцип паритетности: категории текста рассматриваются как равновеликие в процессе текстопроизводства. Принцип паритетности также наблюдается, если рассматривать текстуальность с позиций ее прототипической организации (В. Е. Чернявская, И. А. Щирова). Действительно, набор текстовых категорий, актуализируемых, например, в тексте романа и научной статьи, будет отличаться, по-разному реализуя текстовый прототип. Однако набор категорий, необходимый для определенного текста, не предполагает их иерар-

хического различия. Например, в работе [Ицкович 2016: 15] проповедь изучается в контексте категориально-текстового подхода; рассматривается языковая специфика репрезентации категорий темы, композиции, тональности и хронотопа. Очевидно, что обращение к иным текстовым категориям, репрезентируемым в проповеди, также выявит их лингвистическое своеобразие. Сами же анализируемые категории лишены иерархической маркированности.

Когда речь идет о главенстве той или иной категории текста, в метаязык исследования включается терминопонятие «текстообразующая категория». В этом случае отмечается необходимость разграничения текстовых и текстообразующих категорий. При актуализации текстообразующие категории проявляют «особенную интенсивность», механизм текстообразования непосредственно связан с актуализацией данных категорий. Текстообразующая категория дает основание отнести текст к определенному классу или типу текстов [Комлева 2014: 213].

Представляется продуктивным обращение к понятию доминанты при осмыслении специфики текстообразующих категорий. Учение о доминанте, разработанное русским физиологом А. А. Ухтомским, рассматривается сегодня как методологическая база описания закономерностей существования любого живого организма, включая человека и его сознание.

А. А. Ухтомский экстраполирует свои выводы о доминанте в социальную, художественную и духовно-нравственную области. Так, в одной из записных книжек имеются следующие записи: «...человек видит реальность такую, каковы его доминанты, т. е. главенствующие направления его деятельности» [Ухтомский 2022: 397]. И далее: доминанта – «связный в себе тип мышления, в котором ход дальнейших выводов и даже интуиций предопределен. Все равно, будет ли это особый «метод», или «предрассудок», или «предубеждение», – дело в некоем руководящем стержне, который, будучи дан, влечет за собой прочее как плоды» [Там же: 421]. В области творчества доминанта дает «ключ к пониманию деталей и к овладению ими!» [Там же: 480] (Курсив мой. – С. П.).

Позднее мысли А. А. Ухтомского были развиты в области эстетики, литературоведения и лингвистики. Обобщая данный опыт, предлагается следующее понимание текстообразующей категории: *текстокатегориальная доминанта, запускающая механизмы текстообразования, предопределяющая языковую специфику иных текстовых категорий и обуславливающая типологическую квалификацию текста.*

Проиллюстрируем сказанное на материале сакрального текста. Сакральность как категория религиозного сознания, проецируемая на ма-

терию библейского текста, удовлетворяет всем требованиям, необходимым для рассмотрения ее в качестве текстовкатегориальной доминанты данного текста. Эта категория детерминирует структуру и семантику сакрального текста, реализуется посредством разноуровневых языковых средств и функционально направлена на репрезентацию особого типа знания – сакрального. Данный тип знания характеризуется как трехкомпонентная семантическая структура, инкорпорирующая семантику сакральной ономотологии, сакральной императивности и сакральной эсхатологии. Три компонента семантической структуры сакральности характеризуются отношениями следствия, интерпретируемыми в качестве основы сакрального текстообразования. Детерминация сакральностью иных текстовых категорий библейского текста рассмотрена на примере категории эмотивности (см. подробнее: [Пашков 2018, 2020, 2024]).

Резюмируем. Рассмотренные принципы категориального моделирования текста характеризуются разными методологическими акцентами. Паритетный принцип позволяет унифицировать текстовый континуум и сообщает ему типологическую гомогенность. Доминантный принцип дает возможность выдвинуть на первый план типологическую гетерогенность текстового континуума, обусловленную спецификой организации сознания.

Литература

- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
- Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.
- Ицкович Т. В.* Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016.
- Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
- Комлева Е. В.* Функционально-семантическая категория апеллативности как фактор текстообразования (на материале современного немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2014.
- Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Пашков С. М.* Языковые средства репрезентации нуминозных эмоций (на материале англоязычного текста Библии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: языкознание. 2018. Т. 17. № 1. С. 52–62.

Пашков С. М. Бог и эмоции: опыт эмотивного анализа // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 2. С. 449–466.

Пашков С. М. Сакральный, художественный и религиозно-художественный тексты: опыт текстотипологического анализа // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1 (36). С. 163–170.

Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2022.

*S. M. Pashkov (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University*

DOMINANT PRINCIPLE AND THE PROBLEM OF CATEGORIAL TEXT MODELING

The article deals with the problem of categorial text modeling and principles of its conceptualization. The parity principle views a text as actualization of hierarchically identical text categories. According to the dominant principle text-categorial dominant starts text formation mechanisms, preconditions linguistic specificity of the other text properties and accounts for its typological status.

Key words: text, text formation, text category, text forming category, dominant.

*Т. И. Петухова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
t.petuhova@spbu.ru*

ЭМОТИВНОСТЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕРЦЕПТИВНОГО СОБЫТИЯ В АВТОКОММЕНТАРИИ ХУДОЖНИКА

В статье описание перцептивного события в автокомментарии художника рассматривается как эмоцентрический текст, который может иметь агентивный или дескриптивный характер. Эмотивность функционирует как полистатусная когнитивная категория и получает репрезентацию на различных уровнях языка – лексическом, синтаксическом, текстовом. Эмотивность на уровне текста автокомментария реализуется, в том числе, при помощи лексем, которые приобретают эмотивные коннотации в определенном ситуативном контексте.

Ключевые слова: когнитивная категория эмотивности, автокомментарий художника, перцептивное событие, эмоцентрический текст, контекстуально обусловленные эмотивные коннотации.

В рамках современных антропоориентированных лингвокогнитивных исследований представляется актуальным обращение к проблеме выявления специфики языковой актуализации перцептивных процессов в вербальном эго-дискурсе творческой личности художника, к которому можно отнести автокомментарии мастера к картинам, тексты автобиографий, письма, дневники, интервью. Ученые отмечают культурную детерминированность сенсорного опыта, а также тесную связь языка сенсорики с таким параметром текста, как эмотивность [Нагорная 2017].

Как отмечает Е. Г. Хомякова, органы перцепции являются необходимым инструментом, который связывает человека с окружающим его миром, предоставляя информацию, сознательная интерпретация которой происходит на уровне развитого сознания и самосознания. Именно восприятие является основой моделирования картины окружающего мира и обеспечивает осуществление познавательного процесса в рамках триады – перцепция-рефлексия-язык [Хомякова 2024].

Спецификой восприятия мира художником является высокая степень эмоционального переживания, которое сопровождает этот процесс и является основой формирования художественного образа, который находит воплощение в произведении искусства. Вместе с тем, для современного художника оказывается значимым не только создать живописное изображение, но и дать своим произведениям вербальный комментарий, который помогает активизировать более глубокую интерпретацию образа реципиентом и способствует достижению эмоционального сопереживания. При этом языковая актуализация восприятия как основы художественного миромоделирования является особенно важным аспектом в репрезентации эмоционально-оценочного опыта взаимодействия художника с окружающим миром.

По мнению В. А. Барабанщикова, в современных исследованиях восприятия в фокусе внимания должен быть именно субъект, который выполняет роль интегратора различных проявлений психики. В связи с этим ученый считает целесообразным анализировать восприятие как событие, которое реализует особую связь человека с миром. Ученый рассматривает событие как характеристику перцептивного процесса, которая способствует установлению его состава и структуры, анализу механизмов его развития, изучению его основных параметров [Барабанщиков 2008].

Предлагаемый В. А. Барабанщиковым подход позволяет всесторонне рассмотреть специфику восприятия мастером окружающего мира, поместить в фокус внимания аксиологические доминанты эго-дискурса художника, его интенции, склонность к эмоциональной, творческой переработке перцептивных образов [Петухова, Чупахина 2023]. Эмотивность репрезентации перцептивного события в автокомментарии художника свидетельствует о значимости эмоционального переживания для формирования идеи произведения искусства, о необходимости трансляции эмоций реципиенту в процессе дискурсивной деятельности.

Исследований роли эмоций в познании неизменно привлекает внимание современных ученых. Исходя из принятого в отечественной философии единства отражения, предметно-практической деятельности и коммуникации, В. И. Шаховский обосновывает взаимообусловленность эмоций, отражения и познания. По мнению ученого, эмоции принимают активное участие в познании, они его сопровождают и окрашивают. Таким образом, познание «представляется в виде комплекса знания и выраженного отношения к его содержанию» [Шаховский 2019: 30]. В связи с этим изучение эмотивности и ее репрезентации в различных типах дискурса является важным для выявления специфики познания мира человеком. Особый интерес представляет функционирование этой категории в эго-дискурсе художника, который творчески перерабатывает получаемую через органы перцепции информацию.

Для нашего исследования является актуальным, вслед за О. Е. Филимоновой, рассматривать эмотивность как полистатусную когнитивную категорию, которая функционирует на различных уровнях языковой системы: фонологическом, лексическом, синтаксическом, а также на уровне текста [Филимонова 2007]. По мнению О. Е. Филимоновой, выявление и анализ специфических единиц текста, репрезентирующих эмоциональное состояние человека, представляет не меньший интерес, чем исследование эмотивности на уровне слова и предложения.

Рассмотрим автокомментарии американского художника Эндрю Уайета к произведениям с целью выявления их эмотивной составляющей:

To me, pencil drawing is a very emotional, very quick, very abrupt medium. I will work on a tone of a hill and then perhaps I will come to a branch or leaf or whatever and then all of a sudden I'm drawn into the thing penetratingly "..."
When I'm out walking, searching, observing, I am almost like a sharpshooter when I see something. I put my sights on an object and pull the trigger, so to speak, with my drawing [Wyeth 1976: 31].

Данный фрагмент описания карандашных рисунков представляет собой в терминологии О. Е. Филимоновой агентивный эмоцентрический

микротекст, эксплицитным маркером эмотивности в котором выступает прилагательное *emotional*. Текст содержит большое количество личных и неличных форм глаголов действия – *work, come, walking, searching, observing, put, pull*, которые используются художником для описания творческого процесса и эмоционального состояния, сопутствующего созданию художественного образа – *all of a sudden I'm drawn into the thing penetratingly*. Акциональные глаголы приобретают в данном контексте эмотивные семы, что В. И. Шаховский называет наведением эмосем из контекста. Акутализации эмотивности способствует использование прилагательных с интенсификатором *very*, однородных причастий *walking, searching, observing*. Перцептивное событие маркируется художником путем сравнения себя со снайпером – *I am almost like a sharpshooter when I see something*, – что в контексте автокомментария также свидетельствует о реализации эмотивности. При этом сама эмоция художником не называется, но ее наличие реконструируется из описания выполняемых художником действий.

В большинстве случаев в ситуации языковой актуализации художником перцептивного события имеет место объективация зрительной перцепции:

I am fascinated by the changing, changing, changing quality of the sky. I would like to try to paint so nothing is at rest in my work. Nothing is frozen. I would like people to sense even in those paintings with brilliant passages of sunlight, that the sunlight is not really still but that you can really see the passage of the sun [Wyeth 1976: 39].

В данном фрагменте эмоцентрического текста, который носит дескриптивный характер, эмотивность реализуется путем номинации испытываемых художником эмоций (*I am fascinated*), репрезентацией описаний изменчивости состояния природы (*changing quality of the sky, nothing is frozen, the sunlight is not really still*), синтаксическими повторами, которые также способствуют эмфатизации высказывания.

Анализ показывает, что перцептивное событие, субъектом которого является художник, может быть представлено как зрительной, так и слуховой перцепцией:

I started Spring Fed because I was taken by the remarkable variety of sounds in the Kuerner barn. One day I became conscious of the sound of the running, trickling water all around the place. Suddenly it dawned upon me one cold winter morning how amazing that sound was and I went into the milk room. "... The whole quality of the distance of the phenomenon and the bucket hanging there like a helm, a knight's helm, fascinated me. I was caught, too, by the clang

of buckets, that strange hollow sound of metal. "... " I could hear the water running, nature itself running, running, pouring itself out. I was also excited about the hollow sound of the feet of the cattle on that cement corral and the way the long shadows crept across the area. I think this picture has a lot of sound in it [Wyeth 1976: 67].

В представленном эмоцентрическом автокомментарии художника эмоции получают языковую объективацию при описании состояния мастера, которое сопровождает перцептивное событие: *I was taken, it dawned upon me, fascinated me, I was caught, I was also excited*. Репрезентация слухового модуса перцепции маркируется существительным *sound* в контексте его употребления с эпитетами *remarkable, amazing, strange*. Актуализации эмотивности способствует использование однородных членов предложения, метафоры (*nature itself running, running, pouring itself out*), образного сравнения (*the bucket hanging there like a helm, a knight's helm*), репрезентации визуально-акустической синестезии (*this picture has a lot of sound in it*).

Таким образом, в автокомментарии художника к живописным изображениям находит актуализацию перцептивное событие, при этом языковую объективацию получают различные модусы перцепции. Описание перцептивного события представляет собой эмоцентрический текст, который может иметь как агентивный, так и дескриптивный характер, при этом эмотивность проявляет себя как полистатусная когнитивная категория и функционирует на различных уровнях языка: лексическом, синтаксическом и текстовом.

Литература

Барабаничиков В. А. Детерминация перцептивного процесса (к вопросу об объяснении феноменов восприятия) // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 117–127.

Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. М.: ИНИОН РАН, 2017.

Петухова Т. И., Чупахина А. О. Репрезентация перцептивного события в интервью с художником // ДИСКУРС. 2023. Т. 9. № 4. С. 160–175.

Хомякова Е. Г. Лингво-когнитивный потенциал сенсорно-перцептивных процессов // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1–2 (57). С. 521–524.

Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 22–37.

Wyeth A. Two Worlds of Andrew Wyeth. New York: Bulfinch Press, 1976.

T. I. Petukhova (St. Petersburg Russia)
Saint Petersburg State University

EMOTIVITY OF PERCEPTUAL EVENT REPRESENTATION IN ARTIST'S AUTOCOMMENTARY

The article considers the description of a perceptual event in the artist's autocommentary as an emocentric text which can have an agentive or descriptive character. Emotivity functions as a polystatus cognitive category and is represented at different levels of the language – lexical, syntactic, textual. Emotivity at the level of the auto-commentary text is realised, among other things, with the help of lexemes that acquire emotive connotations in a certain situational context.

Key words: cognitive category of emotivity, artist's autocommentary, perceptual event, emocentric text, contextualised emotive connotations.

О. В. Рябуха (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербургский государственный
университет телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

А. К. Лобанова (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
ovryabukha@mail.ru, post.lobanova@yandex.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ КАК КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

В данной статье рассмотрен интерпретационный аспект когнитивных процессов обработки прецедентных текстов. Особое внимание уделено анализу семиотического способа использования прецедентных текстов. В статье обсуждается значимость прецедентных текстов, потенциал их декодирования в новых контекстах в соответствии с авторским замыслом.

Ключевые слова: прецедентный текст, когнитивный процесс, цитата, прецедентный феномен, интерпретация.

В рамках когнитивного исследования текста особый интерес представляет анализ использования прецедентных текстов в новых контекстах и его влияние на восприятие и понимание мира. Данная статья рассматривает

вает то, как использование прецедентных текстов влияет на когнитивные процессы, связанные с интерпретацией и значением, а также анализирует примеры, иллюстрирующие взаимодействие языка и мышления.

Язык и текст играют важную роль в общении, культуре и искусстве, а также в процессе отражения и формирования человеческого мышления, обработки и интерпретации информации. Прецедентный текст, будучи частью культурного наследия, культурной памяти общества, является неотъемлемой частью концептуальной картины мира человека. Актуальность и значимость прецедентного текста поддерживается использованием его в новых контекстах, порой создавая связь между разными видами искусства, позволяя сохранить связь между прошлым, настоящим и будущим, передавая ценности, идеи, концепции от одного поколения к другому. Отдельные фрагменты текста начинают своё автономное существование, часто утрачивая при этом связь с литературным или другим источником, вливаясь в новые для них речевые контексты, т.е. становясь текстом в тексте. Новое прочтение текста связано с «апперцепцией, готовностью автора интерпретировать текст определенным образом, соотносимым с концептуальной картиной мира читателя» [Рябуха 2019: 167].

Ю. Н. Караулов выделяет три способа существования и использования прецедентных текстов: «Способы существования и обращения прецедентных текстов в обществе довольно однообразны, и их всего, как кажется, три: это натуральный способ, при котором текст, так сказать в первозданном виде, доходит до читателя или слушателя как прямой объект восприятия, понимания, переживания, рефлексии; другой способ можно, очевидно, назвать вторичным, и он предполагает либо трансформацию исходного текста в иной вид искусства, опять-таки предназначенный для непосредственного восприятия, либо вторичные размышления по поводу исходного текста, представленные в критических или литературоведческих (искусствоведческих) статьях, рецензиях, исследованиях; наконец, последний способ следует охарактеризовать как семиотический, когда обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты. В этом случае весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная единица обозначения. Если два первых способа существования доступны любому тексту, то семиотический присущ только прецедентному» [Караулов 1986: 217].

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет семиотический способ существования прецедентных текстов, так как он открывает широкий

спектр возможностей для декодирования и построения связей между исходным, оригинальным текстом и текстом принимающим. В качестве примера семиотического способа использования прецедентных текстов можно привести использование названия известного монолога Акта III Сцены I пьесы «Гамлет» Уильяма Шекспира “To be, or not to be: that is the question”. Эта цитата является ярким примером имманентного прецедентного текста, то есть прецедент не утрачивает своей смысловой и коннотативной значимости и не зависит от способа актуализации в новом контексте. Ввиду широкой известности, хрестоматийности исходного текста, такие цитаты способны функционировать самостоятельно и не нуждаются в широком контексте, они «становятся показателями культурных ценностей и приоритетов данного общества» [Писаревская 2007: 194].

В рассматриваемых ниже примерах используемое прецедентное высказывание трансформируется лексически, сохраняя неизменной грамматическую структуру, а именно: частица *to* + инфинитив + альтернативный союз *or* + отрицательная частица *not* + частица *to* + инфинитив.

Лексическое значение при этом меняется полностью, вместо инфинитива *to be* используются глаголы, относящиеся к другому лексико-семантическому полю. Существует целый ряд текстов, использующих данное прецедентное высказывание в трансформированном виде, как относящихся к литературным произведениям, так и к современным текстам в средствах массовой информации. Так, например, в 1805 году вышла комедийная пьеса “To Marry or Not to Marry” британского автора Элизабет Инчбалд [Inchbald 1805]. Театральная премьера состоялась в Королевском театре в Лондоне в том же году.

В наши дни упомянутое выше прецедентное высказывание также не теряет своей актуальности и находит свое отражение в заголовках газет, как в полной, так и усеченной форме: *To Marry or Not to Marry?* [Robinson 2020].

To Have Kids, Or Not To Have Kids: That Is The Question (and I have the answer!) [WrltEr 2011]. В данном случае автор статьи расширяет изначальную модель прямым дополнением после инфинитива и комментарием-предзнаменованием, присоединенным к заголовку, основанному на данном прецедентном выражении. Данный повествовательный прием расширяет контекст высказывания и отсылает читателя к поиску ответа – выражения авторской позиции в статье.

Еще одним примером трансформации данного высказывания может послужить заголовок блога *To Travel or Not To Travel* [Cook Brad R. 2022], посвященного не путешествиям, как может показаться при первом прочтении, а литературе, исследованию и написанию собственного романа.

Стоит отметить, что цитирование в данном случае помогает создать определенный пласт читательских ассоциаций и задать определенную модальность. *To be or not to be* – философский настрой, серьезность и значимость рассматриваемого вопроса – это как раз те ассоциативные связи, которые, по задумке автора современных статей, должны выстраиваться при использовании цитаты из пьесы «Гамлет». Возведение вопросов о браке, детях и написании романа как форме литературного путешествия в один ранг с экзистенциальным вопросом о сущности бытия времен Уильяма Шекспира подчеркивает значимость обсуждаемых вопросов и делает акцент на выбранном заголовке. Подобное включение цитат в журнальные и газетные статьи демонстрирует попытку оказать влияние на формирование определенного мнения у читательской аудитории. «Представляя ту или иную ситуацию с помощью языка, человек привлекает весь спектр знаний об этой ситуации <...> и акцентирует внимание на том или ином ее аспекте или элементе, соответствующим образом профилирую эти знания, придавая им конкретную конфигурацию и добиваясь тем самым передачи нужного смысла» [Болдырев 2006: 17].

В качестве одного из интересных примеров семиотического способа существования прецедентных текстов на уровне не цитаты или прецедентного высказывания, а всего текста можно привести рассказ американской писательницы Joyce Carol Oats “The Lady with the Pet Dog”, который, разделяя и в чем-то повторяя символизм и сюжетную линию рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой», благодаря изменению места и времени событий, смены рассказчика и хронологии повествовательной линии, становится уникальным произведением, основанным на переплетениях между двумя авторскими замыслами.

В настоящее время понятие прецедентного текста включается в понятие более широкого плана – прецедентный феномен, который может быть представлен вербально и невербально (произведения живописи, музыки, кинематографа, архитектуры и т. д.) и находит выражение в прецедентных ситуациях, текстах, именах и высказываниях. Большинство прецедентных феноменов могут иметь инварианты восприятия. Например, прецедентное имя может апеллировать к прецедентному тексту и быть связано с прецедентной ситуацией. Важно понимать, что прецедентный феномен должен, в первую очередь, способствовать эффективному общению. Однако различные факторы, такие как разные когнитивные пространства, временной разрыв между порождением и восприятием текста, индивидуальные характеристики влияют на степень узнаваемости. Некоторые прецедентные феномены требуют минимум когнитивных

усилий при дешифровке и таким образом могут быть поставлены в один ряд с «обычными» лексическими единицами языка (Золушка, Наполеон, Шалтай-Болтай, Робин Гуд), они вызывают ограниченное количество предсказуемых реакций, не требуют обращения к первоисточнику, исходному культурному концепту, освобождают «собеседников от необходимости каждый раз подбирать соответствующую языковую форму для передачи некоего содержания» [Белова, Землякова 2024: 136].

Таким образом, сам прецедентный феномен воскрешает в памяти знакомый образ и дает возможность дополнять смыслы высказывания. Прецедентный текст или его фрагмент наделяется дополнительной семантикой, художественной образностью, метафоризируется, обретая новые значения и, следовательно, прочтения. Наличие прецедентных текстов не только обогащает содержание благодаря скрытым значениям, но и открывает горизонты для новых смысловых трансформаций и интерпретаций.

Литература

Белова Е. В. Землякова К. В. Использование психологических терминов в Интернет-среде как признак виртуализации мышления молодежи // Социогуманитарные коммуникации. 2024. № 4(10). С. 128–143.

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.

Писаревская А. К. Прецедентный текст как лингвокультурологическое воплощение диалогизма // Studia Linguistica. XVI. Язык. Текст. Культура: Сборник. СПб.: Борея Арт, 2007. С. 191–194.

Рябуха О. В. Национально-культурная детерминированность языковой картины мира в тексте газетной статьи // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). 2019. № 28. С. 165–169.

Cook Brad R. To Travel or Not To Travel // The Writers' Lens. [22.01.2022]. URL: <http://www.thewriterslens.com/2012/02/to-travel-or-not-to-travel.html>

Inchbald E. To Marry, Or Not To Marry; A Comedy, In Five Acts // London: Printed For Longman, Hurst, Rees, And Orme, Paternoster Row, [1805]. URL: <https://www.fadedpage.com/showbook.php?pid=20150811>

Robinson Bryan E. To Marry or Not To Marry? [19.10.2020]. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-right-mindset/202010/to-marry-or-not-to-marry>

WrltEr. To Have Kids, Or Not To Have Kids: That Is The Question (and I have the answer!) [22.01.2011]. URL: https://www.teenink.com/opinion/social_issues_civics/article/289608/To-Have-Kids-Or-Not-To-Have-Kids-That-Is-The-Question-And-I-Have-The-Answer

O. V. Ryabukha (*St. Petersburg, Russia*)
Herzen State Pedagogical University of Russia
The Bonch-Bruевич Saint Petersburg
State University of Telecommunications

A. K. Lobanova (*St. Petersburg, Russia*)
Herzen State Pedagogical University of Russia

INTERPRETING PRECEDENT TEXTS AS A COGNITIVE PROCESS

The article examines interpreting precedent texts as the process of cognition. Special attention is paid to the analysis of a semiotic way of using precedent texts. The article discusses the significance of precedent texts and their potential for being decoded in new contexts in accordance with the author's intention.

Key words: precedent text, cognitive process, quotation, precedent phenomenon, interpretation.

Н. Д. Сувандии (*Кызыл, Россия*)
Тувинский государственный университет
suvandiin@mail.ru

ОБРАЗ *АЪТ* (КОНЯ/ЛОШАДИ) В ТУВИНСКИХ СКАЗКАХ

Статья посвящена описанию образа *аът* (коня, лошади) в тувинских сказках. Материалом для анализа послужила авторская картотека, собранная путем сплошной выборки из сборников тувинских сказок. В работе дается характеристика коня – одного из главных героев как героических сказаний, так и народных сказок. Имена главного героя и его лошади дают яркую их характеристику.

Ключевые слова: тувинский язык, фольклор, образ, конь, лошадь, имянаречение.

Междисциплинарность современной науки продиктована вызовами времени, расширением методов и материалов исследования, изменением методологической базы.

Каждый язык теснейшим образом связан с культурой народа, на чем в своих работах останавливался знаменитый лингвист В. фон Гумбольдт: «Человек преимущественно живет с предметами так, как их преподносит им язык... каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит... круг...» [Гумбольдт 1985: 37]. Одним из наиболее ярких проявлений

взаимодействия языка и культуры являются малые жанры фольклора (сказки, народные рассказы, пословицы, загадки). «Объединение фольклорных текстов для представления кодов культуры наглядно демонстрирует постулирование системы ценностей народа, этнокультурные стереотипы, особенности мировосприятия» [Ломакина 2024: 557].

Образ коня в тюркском фольклоре представлен гораздо более частотно и разнообразно, чем в индоевропейском. Если в общих для 50 европейских языков пословицах лексемы *horse / mare* (конь / кобыла) встречаются только в 2% случаях и только в четырех сочетаниях (с лексемами *fat* «тучный», *gift* «подарок», *stumble* «спотыкаться», *smith* «кузнец»), то только в пословицах одного тувинского языка *аът* (конь, лошадь) используется в три раза чаще и в десять раз в более разнообразных сочетаниях [Бредис, Иванов, Ломакина, Нелюбова, Кужугет 2021: 153–154]. В ряде случаев только обращение к межъязыковому и межкультурному анализу позволяет адекватно интерпретировать тот или иной образ в рамках данной фольклорной традиции. Например, такое качество коня, как способность *не сбиться с пути*, отраженное в тувинской пословице *Эки аът орук часпас, Өдүрек куш хөл часпас* (Хороший конь не собьётся с дороги. Утка не пролетит мимо озера), вопреки ожиданиям, не представлено в народно-поэтической традиции ни тюркских, ни монгольских народов, однако есть в китайском фольклоре (ср. восходящую к народному рассказу пословицу *老马识途* [Иванов 2023: 252–254]. При этом от образа коня, который «не собьётся с пути» (*Старая лошадь знает дорогу*), следует отличать близкий образ *старого коня*, который *мимо не ступит* распространенный в фольклоре разных народов (например, в русском: *Старый конь мимо не ступит* и т. п.) [Иванов, Ершов 2024: 16], поскольку в последнем случае речь идет о *коне и пахаре* (*не ступит*» *мимо борозды при пахоте*), а не о коне и всаднике.

В фольклоре народов Южной Сибири образ *аът* (коня) описывается как один из основных атрибутов богатыря, наряду с его одеждой и снаряжением, что отмечают и известные исследователи [Потапов 1977: 164–173]. Образ *аът* (коня, лошади) для тувинцев как представителей кочевых народов является одной из основных ценностей. В ряде работ ученых рассматривается образ коня в разных жанрах тувинского фольклора [Хертек 2014; Соян 2023: 84–96]. Есть исследование об именах героев и их коней [Ондр 2022: 60–78].

Специфику миропонимания одного из представителей тюркских народов Южной Сибири, тувинцев, можно увидеть в их фольклоре, в частности, в тувинских героических сказаниях и народных сказках, где

главным героем является образ богатыря или арата (бедняка-крестьянина). В то время как *аът* (конь, лошадь) – его верный друг и помощник, которого нарекают вместе с хозяином, причем из этнографических материалов известно, что еще в XIX в. мальчик получал «мужское» имя очень поздно – в возрасте 10 и более лет. До этого его называли *мальчик*, *маленький мальчик*, *сын* и т.п. Такие случаи мы находим в эпических сказаниях тувинцев, где приводятся примеры наречения именем юноши только тогда, когда он получает коня и укрощает его. Например, герой эпического сказания «Мөге Шагаан-Тоолай» получает имя перед поездкой за невестой... [Вайнштейн 1964: 124–125]. Причем при наречении сына родители проводили *дой* (праздник, пир), собирали весь народ в своем *аале* (селение, двор, 3–4 юрты), давали угощение: *ак чем* (белой пищей) и *арага* (национальной водкой). Перед его проведением объявляли *адаан-мөөрей* (состязание): *Кым эн эки ат адаарыл?* (Кто назовет самое лучшее имя?). Человека, который дал подходящее имя, награждали чем-то очень ценным, например, оседланной лошастью, а если нарекал самый старый человек, то нареченный всю жизнь за ним ухаживал (кормил, поил до конца жизни).

В героическом сказании «Алдай-Буучу» главный герой Алдай-Буучу созывает свой народ, угощая его изобилием разной пищи, и объявляет *адаан-мөөрей* (состязание). Но никто не осмелился дать имя его сыну, кроме *чөнүк кадай* (дряхлая, престарелая женщина), которая изъявила желание дать его сыну имя. Она сказала, что если имя не понравится, то она согласна и на казнь. После согласия Алдай-Буучу она дает имя *Хан-Шилги аъттыг Хан-Буудай* (Хан-Буудай, имеющий коня Хан-Шилги), где имя коня образовано от слов *хан* (кровь) и *шилги* (красновато-рыжий), а имя сына – от *хан* (кровь) и *буудай* (возможно, от глагола *будаар* – сбивать с правильного пути). Видимо, это имя женщина дала с намерением, чтобы в жизни он был ловким, смелым, хитрым человеком, который ни перед чем не останавливается. Отсюда следует сказать, что почти во всех героических сказаниях конь так же, как и его хозяин, имеет свое личное имя, свидетельствующее об особом отношении наших предков к нему, причем они в большей степени созвучны.

В тувинских героических сказаниях *аът* (конь) – один из основных героев, являющийся верным и преданным другом, образ которого неразрывно связан с образом хозяина.

Исходя из собранного материала, нами выявлены имена *аът* (коня, лошади), характеризующие как его самого, так и его хозяина. Во-первых, они связаны с мастью животного, параллельно подчеркивая и особенности

хозяина, причем они созвучны с именем хозяина: *Демир-Кара аъттыг Тевене-Мөге* (Тевене-Мөге, имеющий коня Демир-Кара), в котором имя коня образовано от слов *демир* (железный) и *кара* (черный). Следовательно, при именнаяречении ему пожелали стать в жизни железным борцом, имеющим такого же железного коня, который никогда его не подведет, а станет его защитником. *Бора-Шокар аъттыг Боралдай ашак* (старик Боралдай, имеющий коня Бора-Шокар) где *бора* (сивый) и *шокар* (рябой, пятнистый), *Каңгай-Кара аъттыг Каңгывай-Мерген* (Кангывай-Мерген, имеющий коня громадного черного коня) от слов *каңгай* ('громадный) и *кара* (черный) и др. Во-вторых, имена лошадей сравниваются с некоторыми животными и птицами: *Арзылаң-Кара аъттыг Чечен-Кара Мөге* (Богатырь Чечен-Кара, имеющий коня Арзылан-Кара), где лошадь сравнивается с могучим животным *арзылаң* (львом), который имеет огромные силы. *Эзир-Хүрең аъттыг Эр-Хей Эртине-Мерген* (Эртине-Мерген, имеющий коня Эзир-Хурен), от *эзир* (орел) и *хүрең* ('бурый), где лошадь характеризуется как орел – хваткий, быстрый, ловкий и т. д.

Нужно отметить, что подобные характеристики животных, связанные с их мастью, в большей степени отмечаются в героических сказаниях, при этом они в обязательном порядке являются лошадьми героев-богатырей.

В тувинских народных сказках встречаются некоторые характеристики лошадей бедных героев аратов, которые связаны с их возрастом, что отражено в их кличках: *Дөнен-Калдар аъттыг Аскагалдай-Сайын-Хавытчы* (Аскагалдай-Сайын-Хавытчы, имеющий коня Донен-Калдар) от слов *дөнен* (четырёхгодовалый) и *калдар* (мухортый) – лошадь, где Сайын-Хавытчы – табунщик, который пасет табун богатых *хаан* (королей). *Чаваа-Хылбың аъттыг Өскүс-оол* 'Оскюс-оол (имеющий коня Чаваа-Хылбың), образованное от *чаваа* (стригун, стригунок) и *хылбың* ~ *хылбаң* (бледный). В данном случае Оскюс-оол – это мальчик-сирота, в связи с чем и конь соответствует его статусу.

Нами зафиксированы и примеры, в которых отражены особые их характеристики: *Хүлүк-Бора аъттыг Хүлер-Мөге* 'Хүлер-Мөге (имеющий коня Хулук-Бора), где кличка животного образовано от слов *хүлүк дүржөк* (грубый, наглый, жестокий). В данном случае имя животного соответствует статусу его хозяина, который характеризуется как сильный, всегда побеждающий герой с жестоким характером.

Аът (конь, лошадь) для тувинцев – неразлучный друг, которого ценили с древних времен, о чем свидетельствует очень уважительная, ласкательная его характеристика: *Эргелиг-Хүрең аъттыг Эртине-Мерген* (Эртине-Мерген, имеющий коня Эргелиг-Хурен), в котором кличка об-

разовано от *эргелиг* (нежный, ласковый) и *хурең* (бурый), где выражается очень близкое отношение к нему его хозяина. В имени *Арбас-турбас Шокар аъттыг Дээк Сарыг-Мөге* Дээк-Сарыг мөге (имеющий коня Арбас-турбас Шокар), образованном от слов *арбас-турбас* (не похудеет, не устает) и *шокар* (рябой, пятнистый), дана характеристика-пожелание о всегда здоровом помощнике хозяина.

Таким образом, в тувинских героических сказаниях и народных сказках образ коня достаточно ярко отражен в личных именах и кличках. Само содержание сказки можно понять из ее названия, которое неразрывно связано с личным именем главных героев – с именем коня и его хозяина. Перспектива работы состоит в инвентаризации личных имен и кличек животных, определении их роли в культурно-языковом трансфере, что дополнит сведения о взаимодействии языка и культуры как внутри рассматриваемого языка, так и контактных с ним языков.

Литература

Бредис М. А., Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю., Кужугет Ш. Ю. Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 143–160.

Вайништейн С. И. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // Ономастика. М.: Наука, 1969. С. 125–132.

Гумбольдт В. Язык и философия культура. М.: Прогресс, 1985.

Иванов Е. Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 243–258.

Иванов Е. Е., Еришов В. И. Тувинские пословицы как объект сопоставительной паремиографии (на широком языковом фоне) // Новые исследования Тувы. 2024. № 2. С. 6–23.

Ломакина О. В. Роль интегративных исследований в характеристике лингвокультурного концепта // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 556–560.

Ондар М. В. Особенности языка тувинских героических сказаний. Абакан: ООО ИПП «Журналист», 2022.

Потапов Л. П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 164–173.

Соян А. М. Образ коня в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 84–96.

Хертек Л. К. Мифологические традиции в тувинских героических сказаниях. Кызыл: Тувинский государственный университет, 2014.

*N. D. Suvandiy (Kyzyl, Russia)
Tuvan State University*

IMAGE OF АЪТ (HORSES) IN TUVAN FAIRY TALES

The article is devoted to the description of images of аЪт (horse) in Tuvan fairy tales. The material for the analysis was the author's card index, collected by continuous sampling from collections of Tuvan fairy tales. The work provides a description of the horse – one of the main characters of both heroic tales and folk tales. The names of the main character and his horse give a vivid description of them.

Key words: Tuvan language, folklore, image, horse, horse naming.

*О. А. Толстых (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
tolstykh@asusu.ru*

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ТЕКСТА СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЙНОГО АУДИОГИДА

В работе представлена когнитивная модель текста современного музейного аудиогuida постоянных экспонатов «Государственного исторического музея Южного Урала» (г. Челябинск). Текст данного типа аудиогидов представляет собой единство четырех компонентов – коммуникативного, когнитивного, семантического и структурного.

Ключевые слова: аудиогид, когнитивная модель, туристический дискурс, мультимедийный продукт.

Укрепление социокультурной и региональной идентичности, конструирование положительного имиджа регионов России в настоящее время рассматриваются в качестве магистральных задач современной национальной политики, которая нацелена на сохранение культурного наследия и традиций, а также на формирование устойчивого позитивного восприятия региона как внутри страны, так и на международной арене. Это включает в себя поддержку локальных инициатив, развитие туристического потенциала, популяризацию уникальных культурных, исторических и природных достопримечательностей, а также создание

условий для диалога между различными этническими и религиозными группами. Особую роль в этом процессе играет туристический дискурс, а также музейные аудиогиды как один из жанров современного туристического дискурса. Аудиогиды становятся важным инструментом продвижения культурного наследия, сохранения региональной идентичности, поскольку они не только предоставляют информацию, но и формируют эмоциональную связь между слушателем и объектом культурного или исторического значения.

В последние годы российские музеи перешли на инновационный вариант экскурсионной программы – мультимедийные мобильные аудиогиды. Одной из площадок для размещения аудиогидов в сети Интернет выступает платформа Izi.Travel, принцип работы которой похож на социальную сеть. Это своеобразный аналог Интернет-платформы, при этом ее основной контент нацелен на туристов и посетителей музеев. Основным источником информации на данной платформе являются аудиозаписи, представленные как музейные аудиогиды, аудиогиды-экскурсии по городу и аудиогиды, посвященные различным достопримечательностям [Дуров, Сизова 2023].

Современный аудиогид функционирует как особый жанр туристического, образовательного и рекламного дискурсов, демонстрируя свои композиционные и языковые особенности. При этом под жанром здесь мы понимаем коммуникативную модель текста, которая включает в себя не только прагматическую функцию, но и особое конструктивное построение текста [Брандес, Провоторов 2003]. Гибридный характер жанра аудиогид обусловлен прежде всего его прагматическим потенциалом, который реализуется через информирующую, образовательную, аттрактивную и прагматическую функции.

Анализируя обобщенную коммуникативную модель текста аудиогид, С. С. Примак включает в его инфраструктуру пять элементов: это, прежде всего, субъекты коммуникации (отправитель и получатель), микросреда (туристический автобус, музей, улица города и т. д.), цель (получение прибыли – получение экскурсионно-туристической услуги), содержание (страноведческая, историческая, искусствоведческая информация) и стратегия (стратегия позитива) [Примак 2017: 117].

Аудиогид можно также описать как коммуникативно-когнитивную систему, которая имеет ряд информационных, ценностных и культурных доминант. Основываясь на теории когнитивной модели делового письма Г. Х. Даутовой [Даутова 2004], в текстах современных аудиогидов можно также выделить четыре значимых аспекта – коммуникативный, когнитивный,

семантический и структурный. Коммуникативный аспект текста аудиогида представлен аудиальным каналом передачи информации и реализуется в виде двух функций – информирующей и активизирующей, когнитивный компонент связан с выделением в тексте универсальных концептов, семантический коррелирует с содержанием текста и его смыслом, а структурный – с особенностями его композиции.

Общеизвестно, что при восприятии текста важную роль играют когнитивные опоры и структурные опоры, а также опора на ситуацию порождения/восприятия текста [Романова 2021]. В тексте аудиогида, зачастую в заголовочном комплексе, обязательно представлен доминирующий (доминантный) концепт, смысловой центр текста, тот экспонат, которому посвящен аудиогид, и ряд субконцептов, коррелирующих с образной, ассоциативной, понятийной, этимологической или исторической составляющими.

В рамках данного исследования были проанализированы тексты аудиогидов «Государственного исторического музея Южного Урала», одного из крупнейших региональных музеев России, хранящих и оберегающих историко-культурное наследие региона. В 2007 году музей получил высшую награду на конкурсе «Музей года. Евразия». Экспозиции музея включают в себя постоянные выставки, где представлены самые известные экспонаты (шерстистый носорог, фрагмент метеорита, плащаница с изображением Иисуса Христа) и временные передвижные проекты («Герои Отечества», «Чайная история уездного города», «Судьба ученого» и другие).

Основная цель данного исследования – описать когнитивную модель текста музейного аудиогида. В задачи исследования входило определить компоненты когнитивной модели, описать их функции и провести лингвокогнитивный анализ текста аудиогида. Материалом исследования послужили 15 русскоязычных текстов аудиогидов постоянных экспонатов музея, представленных на платформе Izi.Travel. Методологической базой исследования стали труды Т. В. Романовой [Романова, Винокурова, Маликова 2021], Г. Х. Даутовой [Даутова 2004], В. Н. Карпухиной [Карпухина 2013: 3].

Рассмотрим когнитивную модель аудиогида на примере текста «Челябинский метеорит» (рис. 1 на стр. 412, <https://www.izi.travel/ru/c522-gosudarstvennyy-istoricheskiy-muзей-yuzhnogo-urala/ru#/browse/14ce27fa-4cdf-4996-b184-34e2ad4b2c49/ru>).

Длительность текста аудиогида, посвященного падению метеорита в Челябинской области 15 февраля 2013 года, составляет 1 минуту 43 се-

Челябинский метеорит

Прослушать историю

-01:47

Перед вами один из самых знаменитых экспонатов нашего музея - Челябинский метеорит!

15 февраля 2013 крупный метеорит вошёл в атмосферу Земли со скоростью 64000 км/час. Космическое тело взорвалось на высоте 24000 км. над Челябинском. Мощность взрыва составила, по оценкам НАСА, от 300 до 500 килотонн в тротиловом эквиваленте. Общие размеры первоначального тела - около 17 метров в диаметре, масса - 10 000 тонн.

Рис. 1. Аудиогид «Челябинский метеорит»
на платформе Izi.travel

кунды. Материал разбит на пять смысловых блоков, каждый из которых связан с общей коммуникативной задачей и выполняет определенную функцию – информирующую (познавательную, развлекательную, аттрактивную, экспрессивную и др.) или активизирующую (побудительную, манипулятивную и др.). Особое внимание при анализе аудиогuida необходимо уделить и аудиальному каналу передачи основной информации, который тесно связан с фонационными паралингвистическими средствами коммуникации. Так, интонационные средства становятся мощным инструментом эмоционально-экспрессивного воздействия на реципиента.

Смысловым ядром данного монотематичного текста, его главным ментальным конструктором является концепт МЕТЕОРИТ, который заявлен в самой сильной позиции текста – заголовочном комплексе и встречается в тексте объемом 206 слов 8 раз. В качестве субконцептов фигурируют такие лексемы, как ВЗРЫВ, АСТЕРОИД, КОСМИЧЕСКОЕ ТЕЛО, ОСКОЛКИ, ФРАГМЕНТ, ассоциативно связанные с образом метеорита и его падением и функционирующие в качестве слотов вокруг основного фрейма-концепта.

Особенностью данного текста является обилие прецизионной информации («15 февраля 2013», «24000 км», «от 300 до 500 килотонн», «17 метров в диаметре», «505 кг», «4,5 млрд лет», «300 млн лет назад» и др.), выполняющей в данном случае не только и не столько познавательную и популяризаторскую функции, сколько прагматическую – заинтересовать слушателя и привести его в музей.

Текст аудиогuida «Челябинский метеорит» относится к повествовательному типу и выстраивается в виде блоков знаний, объединенных

одной тематикой – вначале представлена краткая история падения метеорита, в следующем фрагменте содержится предыстория и причины данного чрезвычайного происшествия, далее речь заходит о возрасте метеорита (4,5 млрд лет), который адресант сравнивает с возрастом самой планеты, таким образом приравнивая значение выставленного в музее экспоната к вселенским масштабам и имплицитно заявляя об уникальности данного объекта. В заключении адресат узнает о последствиях падения метеорита, повлекшего за собой массовые разрушения. В качестве финального аккорда аудиогид сообщает, что число пострадавших в результате этого происшествия «не имеет аналогов в мировой документальной истории».

Таким образом, текст аудиогuida можно представить в виде когнитивной модели, состоящей из четырех основных блоков – коммуникативного, когнитивного, семантического и структурного. Каждый из аспектов направлен на создание комфортного и эффективного взаимодействия между адресантом и адресатом, результатом которого является подготовленный текстом инферентный вывод – «наш экспонат уникален, вам непременно нужно посетить наш музей».

Литература

Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста: учебное пособие. М.: НВИ-ГЕЗАУРУС, 2003.

Даутова Г. Х. Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Уфа: БГУ, 2004.

Дуров В. И., Сизова В. А. Аудиотуры как новая форма взаимодействия музея с аудиторией (опыт работы московских музеев на платформе *izi.travel*) // Информационное общество. 2023. № 2. С. 79–88. URL: https://doi.org/10.52605/16059921_2023_02_79.

Карпухина В. Н. Типология когнитивных моделей текстопорождения и интерпретации текста: лингвоаксиологический аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2. С. 2–32.

Примак С. С. Аудиогид как жанр туристического дискурса // Лингвокультурное пространство туристического дискурса: универсальные, национальные и региональные приоритеты и направления: материалы международной научно-практической конференции 13–14 октября 2016 г. Барнаул, 2017. С. 116–119.

Романова Т. В., Винокурова А. С., Маликова Д. А. Когнитивно-дискурсивный анализ новых сфер и жанров коммуникации: монография. Нижний Новгород: Деком, 2021.

O. A. Tolstykh (*Chelyabinsk, Russia*)
South Ural State University

COGNITIVE MODEL OF THE MODERN MUSEUM AUDIOGUIDE

The paper presents the cognitive model of Russian audio guides for the State history museum of South Ural (Chelyabinsk). This model includes a communicative, cognitive, semantic and structural component.

Key words: audioguide, cognitive model, tourist discourse, multimedia product.

А. П. Ушакова (*Тюмень, Россия*)
*Тюменское высшее военно-инженерное
командное училище им. В. И. Прошлякова
(apushakova@rambler.ru)*

С. А. Шишкина (*Тюмень, Россия*)
*Тюменский государственный
медицинский университет
raddoc@rambler.ru*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗА ПРАВИТЕЛЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА МАКСИМОВИЧА «ФЕАТРОН»)

В статье анализируются ценностные аспекты поведения человека, стоящего у власти. Данные аспекты применимы к любому человеку, желающему жить по совести, в соответствии с заповедями Божиими. Хотя текст был написан в конце XVIII века, его идеи значимы и сейчас. Вопросы власти, управления государством всегда актуальны, нравственные вопросы имеют ценность и значимость во все времена.

Ключевые слова: лингвокультурология, ценность, художественный образ.

Исследование ценностных аспектов поведения личности является актуальным, особенно это важно сейчас, когда в мире идет борьба различных идеологий, подходов к управлению государством, пониманию долга, защиты отечества, жизненных идеалов. К данному вопросу обращаются многие ученые. Теоретические основы рассмотрения ценностного поведения личности заложены в трудах Н. Н. Болдырева, представителей волгоградской

лингвистической школы, исследованиях других ученых [Болдырев 2008, Карасик 1996, 2004].

Мы обратились к творчеству наиболее чтимого в Сибири святого – Иоанна (Максимовича), митрополита Сибирского и Тобольского, в связи с тем, что написанная им книга «Феатрон» поднимает вопросы о значимости человека, его роли в жизни государства, непосредственно о роли руководителя государства в судьбе отечества. Она была издана в 1708 году на церковнославянском языке (перевод был выполнен с латинского сочинения папского каноника Амвросия Марлиана). Автор подходил творчески к переводу, сообразуя содержание текста с православным взглядом на управление государством. Труд святителя Иоанна можно назвать энциклопедией власти во всех ее проявлениях. Полное название книги в переводе на русский язык – «Феатрон, что означает обозрение всенародное, для царей, князей и владык, и для всех чинов полезное» [Максимович 2017: 28].

С церковнославянского языка на современный русский фундаментальный труд святителя Иоанна (Максимовича) был переведен в 2017 году сотрудниками Тюменского культурного центра «Русская неделя». Книга имеет 856 страниц, содержит более 1500 иллюстраций и 1700 ссылок научного аппарата. В книге приводится также церковнославянский оригинал глав, и каждый желающий может самостоятельно перевести «Феатрон» [Максимович 2017: 567–851].

Данный труд обладает высокой историко-культурной, научной, художественной, материальной ценностью; относится к числу книжных памятников национального значения, представляет собой одно из лучших переводных сочинений начала XVIII в., изданных в России. «“Феатрон” святителя Иоанна Тобольского послужит добрым советом для всех, ищущих духовной жизни во Христе», – отмечает издатель М. Ю. Бакулин [Максимович 2017: 6].

В книге подчеркиваются и рассматриваются различные аспекты личности человека, стоящего у власти. Рисуется образ начальника, каким он должен быть в соответствии с его предназначением: служить своему отечеству на благо государству и для славы народа. Автор замечает, что это тяжкий труд и выделяет те нравственные ценности, которыми должен обладать начальствующий. Это кодекс чести и для любого человека, желающего честно и добросовестно служить своей Родине.

Автор подчеркивает взаимосвязь правителя, стоящего у власти, и народа. Главная идея книги святителя Иоанна: каков будет в своей нравственной жизни государь, таков будет и народ. С другой стороны, книга учит нас той истине, что власть в стране такова, какую себе намолил на-

род. Таким образом, автор приводит нас к выводу, что правитель и народ должны жить, руководствуясь заповедями Божиими. В этой связи из текста «Феатрон» мы выделили два основных ценностных аспекта: ответственность и взаимопомощь.

Ответственность. Святитель Иоанн в первой главе подчеркивает, что начальствующий должен быть примером для подчиненных: *Начальник должен выбрать для своей жизни достойный образ, чтобы все следовали ему, как тень* [Феатрон 2017: 36]. Автор замечает: *Начальник, подобно солнцу, обращая на себя взоры, должен жить благоправно, потому что граждане своими нравами ему подражают, и он, как божественный магнит, к себе привлекает подчиненных* [Феатрон 2017: 37]. Далее приводится стихотворение поэта в подтверждение мысли о благочестии начальника:

*В желании власти сначала свой долг ты исполни,
Тогда все приказы исполнит и твой подчиненный.
Не так люди следуют внешним словам,
Как подражают разумным и добрым делам.
Великие и славные начальника деяния
Рождают в подчиненных подражание.*

[Феатрон 2017: 37].

То же подтверждает другое стихотворение:

*Хороший начальник по-доброму правит.
У подчиненных он нравы исправит.
Как тень весь день за фигурой летает,
Так за начальником доброе все повторяют.*

[Феатрон 2017: 50].

Таким образом, начальник должен трудиться для пользы своего государства, тогда и народ будет честен и благочестив.

Начальник должен бодрствовать, заботиться о подчиненных, постоянно трудиться:

*Один журавль на страже, прочие все отдыхают
И знают, что охотники их в сети не поймают.
Внимание царя журавль изображает,
И никого из стаи волк не похищает.*

[Феатрон 2017: 143].

Как правило, глава заканчивается итогом в стихотворной форме:

*Имея власть, используй благонравно:
Богач, бедняк пусть будут равноправны.
Тогда судьей народу будешь славным.*

[Феатрон 2017: 69].

Начальник должен быть всевидящим: и днем, и ночью заботиться о подчиненных:

*Всякий царь прославлен долгим бдением,
О делах насыщенных размышлением,
На его плечах, как на плечах атланта,
Держатся все сложности гражданские.
Знает он, кто как живет и дышит.
Слуги спят, а он законы пишет.
Как стоглазый Аргус, он за всем внимает.
Власть его Сам Бог благословляет.*

[Феатрон 2017: 152].

Взаимопомощь. Автор выделяет в название второй главы определение значимости данной ценности: *В делах непростых царь должен искать непростых советников как сторожей государства, и тогда оно укрепится* [Феатрон 2017: 206]. Далее автор приводит различные иллюстрации, где показана необходимость следовать данной истине:

*Пусть слепой на спине переносит хромого,
А хромой объясняет дорогу слепому.
Что не может один, то вдвоем совершают.
Так советы друзей власть царю дополняют.*

[Феатрон 2017: 207].

Или дальше приводится рассуждение автора:

Почему же Бог дал нам двойные члены – два глаза, столько же ушей, рук и ног? Чтобы один другому помогал. Такую взаимовыручку можно увидеть у животных: у оленя, журавлей и прочих [Феатрон 2017: 207]. Желая царствовать долго должен благодарить тех, кто ему помогает:

*Сильный царь в сраженьи защищается,
Войском и богатством умножается,
Потому он царствует без горя и печали,
Укрепляясь советом мудрых крепче стали.*

[Феатрон 2017: 233].

Таким образом, в произведении святителя Иоанна Максимовича «Феатрон», наряду с другими, отмечены следующие культурные ценности: ответственность, взаимопомощь. Они должны быть присущи людям, стоящим у власти, и важны для каждого человека, желающего жить по совести, по заповедям Божиим.

Литература

Болдырев Н. Н. Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. III. С. 25–37.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.

Святитель Иоанн (Максимович) Феатрон / свт. Иоанн (Максимович) / пер. с ц.-сл. М. Ю. Бакулин и Т. А. Сайфуллин. Тюмень: РУССКАЯ НЕДЕЛЯ, 2017.

A. P. Ushakova (Tyumen, Russia)

*Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after V.I. Proshlyakov
apushakova@rambler.ru*

S. A. Shishkina (Tyumen, Russia)

*Tyumen State Medical University
raddoc@rambler.ru*

LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS OF THE IMAGE OF A RULER IN MEDIEVAL RUSSIAN LITERATURE (BASED ON THE WORK OF ST. JOHN MAXIMOVICH “THEATRON”)

The article analyzes the value aspects of the behavior of a person in power. These aspects are applicable to any person who wants to live according to his conscience, in accordance with the commandments of God. Although the text was written at the end of the 18th century, its ideas are still significant today. Issues of power, government are always relevant, moral issues have value and significance at all times.

Key words: cultural studies, value, artistic image.

М. А. Черезова (Самара, Россия)
Самарский юридический институт ФСИН России
kuprijanova07@mail.ru

Ю. А. Блинова (Самара, Россия)
Самарский национальный исследовательский
университет им. акад. С. П. Королева
jublinova@mail.ru

НАРРАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОВРЕМЕННОГО НОВОСТНОГО ТЕКСТА (на материале немецких СМИ)

Статья посвящена новостному нарративу в современных немецкоязычных СМИ. Для исследования его лингвистических признаков авторы опираются на нарративную схему Т. А. ван Дейка. В соответствии с ней знаки наррации встречаются на протяжении всего текста новости: авторские комментарии сопровождают краткое содержание, описание главного и предшествующих событий, осложнение сюжета и, конечно, итог истории.

Ключевые слова: нарратив, нарративная схема, немецкий язык, говорящий, интерпретация.

Нарратив представляет собой «рассказывание истории» [Обдалова, Левашкина 2019: 333], при котором говорящим создается некоторая последовательность событий, интерпретация окружающей его реальности. Предположим, что и современный новостной текст имеет в своей структуре языковые признаки наррации. Для большей упорядоченности будем использовать нарративную схему, предложенную Т. А. ван Дейком как наиболее характерную для нашей европейской культурной традиции [Дейк 2000: 130].

Вообще нарратив, по утверждению ряда исследователей, тесно связан с понятием «культура», выступая «посредником между человеком и культурой» [Обдалова, Левашкина 2019: 335]. По замечанию И. В. Алещановой, с чем также следует согласиться, нарратив хранит, воспроизводит и в дальнейшем транслирует культурные установки того или иного народа [Алещанова 2006: 43].

Возвращаясь к нарративной схеме, выделим следующие ее значимые компоненты: краткое содержание (резюме), обстановку, направленность, осложнение, развязку, оценку и код (заклучение / вывод / итог истории) [Дейк 2000: 130]. Порядок следования этих категорий в новостных текстах определяют коммуникативные стратегии говорящего (понимаемые нами как компоненты интерактивной деятельности, в которую включены говоря-

щий и слушающий / читающий). По вполне обоснованному утверждению Т. А. ван Дейка, без использования нарративной схемы продуцирование и дальнейшая интерпретация текста остались бы лишь на уровне единичного текста [Дейк 2000: 131], и сюда бы не вошел весь столь значимый для понимания прочитанного социальный контекст.

Рассмотрим теперь на примерах статей из современных немецких СМИ (журнал “FOCUS ONLINE” и газета “ZEIT ONLINE”), где в структуре новости мы можем наблюдать знаки наррации в соответствии с обозначенной схемой.

В первую очередь это заметно при осложнении сюжета, когда описывается «интересное» событие, необычное или неожиданное действие. В осложнении в рамках нарративной схемы заложен социальный конфликт. В такие фрагменты повествования включаются негативно окрашенные описания поведения представителей другой национальной / социальной группы. Например, статья “Gegenoffensive...” в самом начале дает описание конфликта, подчеркивая неординарность происходящего словами: *ungewöhnlich heftige Kämpfe; völlig unterschiedliche Versionen*; выбором конструкции с модальным глаголом, которая призвана передать мнение о других участниках событий *soll es zu Konflikten gekommen sein* [“Gegenoffensive...” “FOCUS ONLINE” 19.06.2023].

Другая статья “Letzte Generation...” во вводке дает отсылку к интервью из журнала “Spiegel”, где описывается противостояние двух политиков [“Letzte Generation...” “FOCUS ONLINE” 19.06.2023]. Дальнейшее повествование строится как поединок этих двоих, где каждый высказывается в отношении другого, рассказы попеременно сменяют друг друга. Версия одного из них (Al Wazir) передается косвенной речью *die Klimaschutzziele zwar als legitim ansieht; radikale Aktionen eher schaden als fördern*, или автор статьи включает в текст прямую речь политика: *Damit überzeugt man niemanden vom Klimaschutz, sondern diskreditiert ihn* / *Die Leute wollen aber nicht belehrt, sondern überzeugt werden*. Позиция политика строится на убеждении, и автор статьи с ним согласен, так, последняя фраза вынесена в заголовок.

Версия второго политика (Klimaaktivist Lars Werner) представляет собой скорее оборонительную позицию, он защищается от нападок собеседника и постоянно оправдывается: *...eine Einladung zu einer ehrlichen Debatte über die Klimakatastrophe; hingegen argumentierte: Je mehr Angst die Menschen vor etwas haben, desto eher sind sie bereit zu handeln. Aber wir machen keine Angst. Wir konfrontieren mit der Realität*. Его позиция также подкрепляется цитированием речи. Интересна довольно субъективная развязка указанного осложнения: *Eine sehr spezielle Sichtweise!* Автор позволяет себе эмоционально выразить свое отношение к оппоненту, отдавая явное предпочтение первому политическому деятелю.

Вообще комментарии (оценки), которые обычно в нарративной схеме представлены в конце, в новостном тексте встречаются часто по ходу повествования. Например: *Ja, die ukrainischen Truppen sondieren die russische Verteidigung... Ja, sie führen „vorbereitende Operationen“ durch... Ja, die Ukrainer wollen die seit Februar 2022 verlorenen Gebiete zurückerobern...* [Gegenoffensive... “FOCUS ONLINE“ 19.06.2023]. С одной стороны, в анафоре и прямом порядке слов выражается психологическое давление (ср. заголовок + заголовок 2 уровня: *Neben der Rückeroberung läuft eine psychologische Kriegsführung*). С другой стороны, подобный выбор языковых средств выражает солидарность автора.

В другой статье “Klimapolitik ...” дается сначала негативная оценка (заголовок 2 уровня: *Umwelthilfe kritisiert ...*, выбор глаголов *bemängelte; kritisierte; sind verloren*, а также цитирование *entgegen jeder Vernunft weiterhin als angeblich erneuerbare Energie geädelt*), а затем позитивная оценка (в самом конце статьи): заголовок *Energie und Wasserwirtschaft sieht “deutliche Verbesserungen*, подкрепляемый цитированием с лексическими повторами, использованием наречий в сравнительной степени *zahlreiche deutliche, deutlich praktikabler* [Klimapolitik... “ZEIT ONLINE” 14.06.2023]. На синтаксическом уровне противопоставление подчеркивается обратным порядком слов.

Кроме того, признаки нарратива обнаруживаются при описании предшествующих событий. Они не являются частью происходящих событий (главных), но обеспечивают характеристику общего, исторического, политического, социального контекста. Например, задавая читателю вопрос: *Was bedeutet das alles?* – автор статьи дает историческую отсылку со своим личным комментарием в самом начале статьи (3 абзац), объясняя выбор заголовка [Gegenoffensive... “FOCUS ONLINE“ 19.06.2023]. В другой статье описание предшествующих событий выносится в отдельный блок текста с подзаголовком *Flüchtlingsboot war über Libien nach Italien unterwegs* [Kutter sinkt... “FOCUS ONLINE” 16.06.2023].

Заключительная часть новостного текста (кода) может представлять авторское рассуждение, вступление с читателем в диалог (например, от лица эксперта): *Im Nachhinein wurde klar, dass der D-Day* (возврат к заголовку, историческому экскурсу) ... *Vielleicht ... – vielleicht ... Unterdessen sollten Sie aber bitte nicht vergessen, dass ... nicht Ihre Unterhaltung ist* [Gegenoffensive... [FOCUS ONLINE 19.06.2023]. Так подчеркивается роль повествователя / «сценариста» описываемых событий. Ниже автор статьи дает справку: *Über Expertin: Anna Applebaum, 58, ist eine US-Historikerin, Osteuropa-Expertin und Journalistin. Sie wurde mehrfach für ihre Arbeiten ausgezeichnet, u. a. mit dem Pulitzerpreis für „Gulag: A History“*. Значимость рассказчика подчеркивается указанием возраста, статуса, множеством поощрений.

Наиболее же типичным для новостей является подведение итогов со слов очевидцев, это помогает автору статьи снять с себя ответственность за сказанное. В последней части статьи задается вопрос: *Was auf dem Boot vorgefallen sein soll* (заголовок 2 уровня), на который и дается ответ-вывод: *Überlebende berichten, dass ... [Kutter sinkt... "FOCUS ONLINE" 16.06.2023]*.

Другой прием завершения рассказывания – описание нового события, нечто похожее на «подготовку к новой серии». Статья "Türkei..." указывает в последнем абзаце новые требования со стороны турецкого президента: *Beobachtern zufolge könnte Erdoğan mit seinem Vorgehen weitere Forderungen ... stellen [Türkei... "ZEIT ONLINE" 14.06.2023]*.

Итак, в соответствии с обозначенной нами схемой знаки наррации могут встречаться на протяжении всего новостного текста. Для последнего характерно присутствие авторских комментариев независимо от того, это краткое содержание или описание главного события, исторический экскурс или описание предшествующих событий. Комментарии очень часто подкрепляются вербальными реакциями для большей убедительности. В современном новостном тексте представлен также выход на диалог с потенциальным читателем (в виде заголовков-вопросов / прямых указаний, что и как следует понимать и пр.). Перспективным видится дальнейшее изучение нарративной схемы в другом жанре исследуемого дискурсивного пространства – электронных комментариях к статьям, что позволит, на наш взгляд, увидеть всю полноту и динамику акта рассказывания в новостях.

Литература

Алещанова И. В. Нарративность: определение понятия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 3 (16). С. 43–47.

Обдалова О. А., Левашикина З. Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. С. 332–348.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.

Gegenoffensive: Ukrainer bereiten ihren D-Day vor – und setzen dabei auf Psychologie // FOCUS ONLINE. 19.06.2023. URL: https://www.focus.de/politik/gegenoffensive-ukrainer-bereiten-ihren-d-day-vor-und-setzen-dabei-auf-psychologie_id_196569366.html

Kutter sinkt vor griechischer Küste: Nach Flüchtlingskatastrophe taucht jetzt ein böser Verdacht auf // FOCUS ONLINE. 16.06.2023. URL: https://www.focus.de/panorama/welt/katastrophe-vor-griechischer-kueste-ueberlebende-berichten-wie-schleuser-die-menschen-an-bord-erpressten_id_196496021.html

„Letzte Generation“: Spitzen-Grüner herrscht Klimakleber an: „Die Leute werden wütend, logisch“ // FOCUS ONLINE. 19.06.2023. URL: https://amp.focus.de/politik/deutschland/letzte-generation-spitzen-gruener-weist-klimakleber-zurecht-die-leute-werden-wuetend-logisch_id_196748838.html

Klimapolitik: Neuer Heizgesetzentwurf gefährdet laut Verbänden die Klimaschutzziele // ZEIT ONLINE. 14.06.2023. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2023-06/klimapolitik-heizungsgesetz-bundesregierung-klimaschutz-umweltverbaende>

Türkei: Erdoğan will Nato-Beitritt Schwedens weiter blockieren // ZEIT ONLINE. 14.06.2023. URL: https://www.zeit.de/politik/ausland/2023-06/erdogan-blockiert-nato-beitritt-schwedens?utm_referrer=https%3A%2F%2Fe.mail.ru%2F

M. A. Cherezova (Samara, Russia)
Samara Law Institute of the FPS of Russia

Yu. A. Blinova (Samara, Russia)
Samara National Research University

NARRATIVE SIGNS IN MODERN NEWS TEXT (on the material of German media)

The article is devoted to the news narrative in modern German media. The authors rely on T.A. van Dijk's narrative scheme to study narrative linguistic feature. According to the scheme narrative signs are found throughout the news text: author's comments accompany the summary, description of the main and preceding events, complication of the story and, of course, its conclusion.

Key words: narrative, narrative scheme, German, sender, interpretation.

Д. Ш. Шакирова (Казань, Россия)
Казанский федеральный университет
shakirova_ds@mail.ru

ЦВЕТОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ «СОБСТВЕННИК» ДЖ. ГОЛСУОРСИ

Статья посвящена исследованию употребления традиционных для британской лингвокультуры цветообозначений, которые являются значимыми для воссоздания культурных, исторических и психологических аспектов эпохи развертывания сюжета программного произведения Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Было установлено,

что наиболее употребительными смыслообразующими колоронимами являются красный, белый, серебряный, золотой, синий, зеленый и серый.

Ключевые слова: концептуализация, художественный текст, британская культура, национальная идентичность идиостиль, колоронимы.

Вопрос организации семантического пространства художественного текста всегда находится под пристальным вниманием исследователей в области лингвистики, литературоведения, герменевтики, имагологии и других дисциплин.

Цветовая концептуализация, представленная средствами языка, может говорить о глубоких культурных различиях народов и национальностей [Шакирова 2025: 152]. Так, например, в русском языке существуют 12 базовых цветообозначений, в то время как в английском языке их 11 [Berlin, Brent, and Paul Kay 1969]. Кроме того, существуют исследования, которые отражают детализацию того или иного хроматического термина. Примером может стать вьетнамский язык, в котором существует несколько слов для вербализации зеленого цвета [Alves, URL].

Крайний интерес представляет исследование цветовых маркеров в художественном дискурсе, в том числе знаковых представителей англоязычной лингвокультуры. Колоративная дифракция является одной из наименее изученных проблем в идиостиле Дж. Голсуорси, несмотря на тот факт, что она является ярким показателем мировосприятия писателя сквозь призму национальной культуры. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей репрезентации ключевых составляющих цветового спектра в романе «Собственник» («Сага о Форсайтах»), идентифицирующих британскую национальную культуру.

Общепризнано, что данное произведение входит в плеяду выдающихся культурных феноменов английской художественной литературы. В центре повествования находится жизнь нескольких поколений типичной английской семьи в условиях? типичных для Англии 19–20 веков, демонстрирующих все многообразие социальных явлений и характеров.

Дж. Голсуорси известен как мастер социальной драмы, которая «рисует» определенной палитрой красок, передающих тонкие психологические нюансы характеров персонажей, мотивированные социальным и культурно-историческим контекстом. Цветопередача при этом осуществляется не только сквозь призму особенностей перцептивной системы, но и с учетом когнитивного опыта автора и самого героя. Анализу подверглись 162 контекста с цветообозначениями, полученных методом сплошной выборки из романа «Собственник» в переводе М. Лорие [Голсуорси 2017].

Ключевым аспектом в создании образа является описание внешности героя, а также его одежды. Каждый цвет в романе отсылает нас к истинно британскому характеру. Безусловно, характер в общем смысле слова невозможно визуализировать в виде конкретных цветов, однако есть основания говорить о том, что цвета, используемые автором при конструировании текстового пространства, ассоциируются у читателя с различными аспектами британской истории, культуры и национальной самоидентификации.

Так, например, Великобритания является одним из старейших государств, которое сохранило монархический строй, для которого традиционным является красный цвет. Поскольку в романе речь идет об аристократической британской династии, красный цвет прослеживается во всем, что можно отнести к типичным имперским атрибутам: за длинным столом **красного дерева**, крытым кожей, сидел старый Джолион (с. 141) (здесь и далее примеры взяты из [Голсуорси 2017] с указанием страниц); Он хотел пообедать и провести вечер за бильярдом в «**Красной кружке**» – единственном в своем роде заведении (с. 146); вынужден из запертого в комод **красного сафьянового футляра** два больших браслета (с. 117); неподвижно возвышаясь в **красном шелковом кресле** с золоченой спинкой (с. 90); построил блистательный ряд высоких **красных домов** в Кенсингтоне (с. 117); широко расставив ноги, он стоял на **красной дорожке** (с. 99) и т.д.

Примечательно, что при описании внешности аристократов красный цвет соседствует с белым и золотым, что отсылает нас к фразеологизму «белая кость» (*white bone*) и «золотая молодежь» (*the golden youth*): надела их на свои **белые руки** (с. 117); Вся семья собралась здесь, блистая **белыми перчатками** (с. 3); Суизин в **белом жилете** на крупных пуговицах из оникса в **золотой оправе** (с. 20); **белая кожа** Ирэн (с. 35); кружево на ее **белых плечах** (с. 37); дали Ирэн темно-карие глаза и **золотые волосы** (с. 23) и т.п.

При описании аристократии крайне важен серебряный цвет, поскольку в английском языке идиома *to be born with a silver spoon in one's mouth* обозначает представителей богатых и привилегированных семей [Академик: URL]. Дж. Голсуорси находит этой идиоме непосредственную репрезентацию при описании предметов обихода, преимущественно посуды: множеством **серебряных безделушек** (с. 34); сметавшую **серебряной щеточкой** крошки со стола (36); вошел мальчик с **серебряной суповой миской** (с. 47); перед небольшим старинным зеркалом в **серебряной раме** (с. 60); яблочную шарлотку на **серебряном блюде** (с. 62); **серебряный поднос** с немецкими сливами (с. 62); египетские сигареты в **серебряном ящичке** (с. 62) и т.д.

Синий цвет, ассоциирующийся у Дж. Голсуорси с викторианской Англией и консерватизмом, встречается в тексте только в связи с описанием Суинзина и его окружения. Это один из старших братьев Форсайтов, который символизирует уходящую эпоху: *маленький дворик, вымощенный зелеными плитами и уставленный по краям розовыми гортензиями в ярко-синих горшках* (с. 34); *светло-синие брюки* Суизина (с. 53); *нарядился в синий фрак* (с. 66); *оранжево-синих апартаментов* (с. 10). Именно его персонаж демонстрирует крушение консервативных взглядов, поэтому синий цвет в романе практически не встречается.

Зеленый цвет ассоциируется с традиционным британским ландшафтом, сельской местностью и устоявшимся стилем жизни британцев как в английской лингвокультуре, так и в цветовом пространстве романа «Собственник», поэтому в тексте он встречается преимущественно при описании интерьера или местности: *выкрашенную в зеленую краску парадную дверь* (с. 28); *дворик, вымощенный зелеными плитами* (с. 34); *брызги света дрожали на зеленых шапках акаций перед скромными домиками* (с. 43); *я ставлю зеленую черепицу* (с. 51); *он сидел посреди зеленых ломберных столиков* (с. 94); *двери, обитой зеленым сукном* (с. 141) и т. д.

Еще один традиционный для Британии цвет – серый. Этот цвет всегда ассоциируется с характерной для островов туманной и пасмурной погодой. Как известно, природа – это зеркало эмоционального состояния героев в художественной литературе, следовательно, серый цвет является важным в идиостиле Дж. Голсуорси, о чем говорят следующие контексты его употребления: *в его серых глазах застыла какая-то тревожная мысль* (с. 4); *Ее руки в серых лайковых перчатках* (с. 5); *домов, смутно видневшихся сквозь серую мглу* (с. 56); *как покрытый серой известью потолок* (с. 75); *Звуки стройки поднимались к сероватому небу* (с. 76); *Сероватая мгла окутывала деревья в сквере* (с. 115); *шел под ясным, серым, как сталь, небом* (с. 158) и т. д.

Таким образом, все вышесказанное позволяет говорить о нескольких ключевых особенностях употребления колоронимов в проанализированном романе Дж. Голсуорси. Во-первых, очевидно, что цветовые маркеры в художественном тексте играют важную роль в передаче культурных и национальных особенностей: они конкретизируют описание исторического контекста, который влияет на становление характера героев.

Доминирующие цвета, употребляемые в романе, ассоциируются с типичной консервативной Великобританией. К их числу стоит отнести красный (цвет британского флага, имперской мощи и аристократии), синий

(цвет консерватизма и былого морского величия государства), а также зеленый (цвет традиционного размеренного уклада жизни британцев на фоне природы). Значимыми цветами также являются белый и серебряный как цвета представителей аристократии; золотой как цвет достатка, известный во всех лингвокультурах мира; и серый – цвет типичной погоды Британии и отражение угнетенного эмоционального состояния героев. Справедливо заключить, что проанализированные цветообозначения становятся не только визуальными, но и смысловыми элементами, которые помогают раскрыть авторский замысел и передать атмосферу эпохи.

Литература

Академик.py. be born with a silver spoon in one's mouth. URL: <https://translate.academic.ru/be/%20born%20with%20a%20silver%20spoon%20in%20one%27s%20mouth/en/ru/>

Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах. Т. 1: Собственник. Москва: Время, 2017.

Шакирова Д. Ш. Проблема интерпретации вербального символа в тексте / А. М. Мубаракшина, Д. Ш. Шакирова // Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития: материалы международной научно-практической конференции (Казань 7–8 ноября 2024 года) / под общ. ред. ректора КГЭУ Э. Ю. Абдуллазянова. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2025. С. 152–155.

Brent B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.

Alves M. Chinese Loanwords in the Vietnamese System of Color Terms. URL: <https://www.researchgate.net/publication/325998911>

D. Sh. Shakirova (*Kazan, Russia*)
Kazan Federal University

COLOR CONCEPTUALIZATION AS A REFLECTION OF CULTURE AND NATIONAL IDENTITY IN THE NOVEL “THE MAN OF PROPERTY” BY J. GALSWORTHY

The article deals with the study of the use of traditional color meanings for British linguculture which are significant for recreating the cultural, historical and psychological aspects of the era of the unfolding of the plot of the program work “The Forsyte Saga” by J. Galsworthy. It was found that the most commonly used semantic coloronyms are red, white, silver, gold, blue, green and gray.

Key words: conceptualization, artistic text, British culture, national identity, idiosyncrasy, coloronyms.

А. П. Шапошникова (Москва, Россия)

*Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
shaposhnikova_ap@pfur.ru*

ОПИСАНИЕ БОЛЕЗНИ В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ КАК СПОСОБ КАТЕГОРИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (на материале русского языка первых десятилетий XXI в.)

Статья посвящена анализу особенностей описания болезни в дневниковых записях, а именно – исследованию индивидуального видения образа болезни. Исследование было проведено на материале 645 записей и воспоминаний из электронного корпуса «Прожито».

Ключевые слова: болезнь, дневниковые записи, ценностная характеристика.

Категория здоровья является неотъемлемой и постоянно сопутствующей частью жизни любого человека. Её можно сравнить с такими ключевыми концептами, как ЖИЗНЬ, СУДЬБА, СЧАСТЬЕ, но при этом она становится для них доминантной. Может ли нездоровый человек быть счастливым? Хорошо ли сложится его судьба? Долгой ли будет его жизнь? Возможно, поэтому в обыденном общении люди говорят «Здравствуйте!», «Здорово», «Ваше здоровье!», «На здоровье!» [Долинский 2015: 87], тем самым желая окружающим лучшего. Полной противоположностью здоровья выступает болезнь. Однако, как отмечают Т. В. Маркелова и М. Л. Новикова, ЗДОРОВЬЕ и БОЛЕЗНЬ не представлены ни в перечне концептов Ю. С. Степанова, ни среди концептов лингвокультурного кода В. И. Карасика [Маркелова, Новикова 2021: 850]. Вместе с тем крылатика, репрезентирующая эту дихотомию, отличается востребованностью, например, в текстах СМИ [Ломакина, Хохлов 2022].

Целью нашего исследования стал анализ дневниковых записей XXI века на русском языке, в которых затрагивается тема болезни. Материалом послужили 645 авторских текстов из электронного корпуса «Прожито» [Электронный корпус «Прожито»].

Для исследования нами выбраны дневниковые записи, поскольку именно они являются «наиболее личным, интимным модусом запечатлённой памяти» и позволяют «самым непосредственным образом связать структуры текста и структуры индивидуального сознания» [Летягин 2008: 57]. Считаем данный материал ключевым для исследования индивидуально-личностной темы болезни, ведь именно в дневниковых записях человек может быть полностью открытым и честным.

Итак, в «Большом толковом словаре русского языка» лексема **болезнь** имеет три толкования: 1. конкретное заболевание, нарушающее деятельность организма (или его отдельных органов), расстройство здоровья; 2. разрушение, повреждение чего-л.; 3. отклонение от нормы в чём-л., отрицательное качество, свойство [БТС].

В «Русско-семантическом словаре» Н. Ю. Шведовой **болезнь** относится к категории «Заболевания, болезни, травмы», подкатегории «Общие обозначения болезненных состояний; состояния агонии». Под **болезнью** понимается «расстройство здоровья, нарушение деятельности организма, состояние того, кто болен» [Шведова 1998: 127]. Синонимы болезни трактуется через неё же: заболевание – «то же, что болезнь» или «возникновение болезни»; недуг – «то же, что болезнь»; немощь – «слабость, болезнь»; хворь – «то же, что болезнь».

В терминологическом плане («Словаре медицинских терминов») **болезнь** – это «жизнь, нарушенная в своём течении повреждением структуры и функций организма под влиянием внешних и внутренних факторов при реактивной мобилизации в качественно-своеобразных формах его компенсаторно-приспособительных механизмов» [СМТ]. Таким образом, для наивного и научного знания конечным идентификатором семантики **болезнь** являются семы «нарушение» и «отклонение».

В «Активном словаре русского языка» Ю. Д. Апресяна **болезнь** имеет следующую лексико-семантическую сочетаемость: описание длительности болезни (*многодневная болезнь*), тяжесть болезни (*хроническая болезнь*), передача болезни другим (*заразная болезнь*), носитель болезни (*старческие болезни*), орган, поражённый болезнью (*глазная болезнь*), причина и способ передачи болезни (*генетические болезни*), тип болезни (*гипертоническая болезнь*), наступление болезни (*унаследовать болезнь*), существование и протекание болезни (*история болезни*), результат болезни (*умереть от болезни*), лечение и прекращение болезни (*лечить болезнь*) [Апресян 2014: 311].

Обратимся к электронному корпусу дневниковых записей и воспоминаний «Прожито» с целью анализа записей, в которых авторы описывают **болезнь**. Для этого взят промежуток с 2000 по 2019 год, в который не попали записи о коронавирусной инфекции. Всего в подкорпус вошло 645 записей 59 авторов.

В таблице 1 (стр. 430) представлены сочетания, наиболее часто встречающиеся в проанализированных текстах. Они поделены на условные смысловые группы.

На основании данной таблицы можно говорить, что **болезнь** – самостоятельный образ, который воспринимается человеком как сильный соперник.

Таблица 1
Конкорданс существительного *болезнь*

Прилагательное + <i>болезнь</i>	
Время и принадлежность	всемирная, главная, детская, долгая, неизвестная, новая, очередная, прошлая, распространённая, редкая, собственная, современная, юношеская
Качество (внутреннее)	горькая, изматывающая, тяжёлая, тяжелейшая, унижительная
Качество (внешнее)	душевная, жестокая, коварная, неизлечимая, непонятная, опасная, особенная, прилипчивая, психическая, странная, страшная, смертельная, стремительная, хроническая
<i>Болезнь</i> – дополнение	
Борьба с болезнью	бороться, одолеть, перебороть, пережить, преодолеть, пресечь, победить, справиться, уйти
Взаимодействие с болезнью (внутреннее)	сковать, страдать, терпеть
Взаимодействие с болезнью (внешнее)	воспринять, заболеть, заниматься, заражать, лечить, надеяться, назвать, накликать, нравиться, обнаружить, обсуждать, отпустить, подхватить, призывать, прикрываться, принимать, развивать, спихивать
<i>Болезнь</i> – подлежащее	
Движение в пространстве	вернуться, возвращаться, заходить, отступить, покинуть, посещать, привести, уйти
Воздействие	заставлять, измотать, косить, лишать, менять, мучить, отбирать, отнимать, поддаться, подействовать, позволять, помочь, поразить, расставлять, свалить, съесть, усугублять
Собственные действия	вплетаться, заводиться, заканчиваться, наваливаться, начинаться, обостряться, продолжаться, развиваться, случаться, тлеть

С ним человек пытается справиться, борется, иногда побеждает, а иногда оказывается побеждённым. Стоит отметить, что количество предложений, в которых *болезнь* выступает подлежащим, почти равно тем, где лексема выступает в функции дополнения. Именно в первом типе предложений раскрывается образ *болезни*: она способна самостоятельно «передвигаться» в пространстве, имеет широкий спектр влияния на человека и ряд действий,

направленных на саму себя. Нередки однородные ряды «*болезнь и боль*», что говорит о негативном восприятии данного образа.

Как правило, автор или страдает от собственной болезни, или сочувствует больным (*Я наблюдаю её и вижу, что **болезнь** не меняет её к лучшему, она продолжает превозноситься, унижает людей*). Однако нередко случаи, когда в своих размышлениях автор приходит к тому, что благодарен болезни (***Болезнь**, казалось бы, избавила от многих соблазнов: нет ни возможности, ни надобности отвлекаться на тусовки, выпивки. Одно могу сказать, что **болезнь** моя мне много помогла или Без этой **болезни** я вообще не человек*). В таких ситуациях наблюдается единение, слияние автора и болезни, некое смирение с ней, что проявляется в притяжательном местоимении *моя*.

Образ *болезни* сопровождается философскими размышлениями о её причинах, гранях, связи с жизнью: *Где кончается здоровье и начинается **болезнь**, отклонение, перверсия?* В таких рассуждениях образ здоровья неоценим, оно *наиважнейшее сейчас*.

В немалой части записей *болезнь* – это метафора, обладающая теми же свойствами, что и «настоящая» болезнь. Как правило, речь идёт о каких-то отклонениях от «правильного» поведения, о чём-то, что беспокоит человека, заставляет его переживать: *Это уже как **болезнь**: не читаю – чего-то не хватает, начинаюсь – будто гадости наглотался, иногда чуть ли не заболелаю*. Образ *болезни* используется для описания как человеческих грехов (*Жажда денег – **болезнь**, Жажда художника показать себя – это неизлечимая **болезнь**, Коррупция – русская **болезнь***, так и для тех качеств, которые являются «положительными»: *Гениальность – это не **болезнь**, а искра Божия, Мудрость – это **болезнь**, которую надо лечить*. Через призму *болезни* происходит переоценка базовых жизненных ценностей.

Наименьшим количеством метафор и скрытых смыслов обладают те записи, в которых автор использует название *болезни*, в т.ч. **выраженное через фразеологические сочетания** (напр., ишемическая *болезнь* сердца, лучевая *болезнь*, *болезнь* Альцгеймера и т.д.).

Таким образом, через БОЛЕЗНЬ происходит категоризация действительности. Болезнь является самостоятельным образом, равным или даже более сильным, чем сам автор. С ним человек вступает в борьбу, желает его победить, избавиться от него, либо же принимает и поддаётся ему. Кроме того, болезнь – это особый период, конец которого автор ждёт. В этом периоде доминирующим оказывается мотив переживания и ощущения болезни.

Литература

Активный словарь русского языка. Т. 1. А–Б / отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 1.

БТС – Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000.

Долинский В.А. Антонимия в когнитивном измерении (болезнь / здоровье) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 15 (726). С. 86–119.

Летягин Л.Н. Личный дневник: самосознание жанра // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 56. С. 56–67.

Ломакина О.В., Хохлов А.А. Варьирование крылатых единиц как способ расширения репрезентантов концепта (на материале газетных заголовков 2020–2022 гг.) // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 1 (37). С. 72–80.

Маркелова Т.В., Новикова М.Л. Концептосфера «здоровье – болезнь»: культурный код // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 848–874.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т. 3.

СМТ – Словарь медицинских терминов. URL: <https://medicinskie-terminy.slovaronline.com/>

Электронный корпус «Прожито». URL: <http://corpus.prozhito.org>

*A. P. Shaposhnikova (Moscow, Russia)
People's Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba*

DESCRIPTION OF ILLNESS IN DIARY ENTRIES AS A WAY OF CATEGORIZING REALITY (on the material of the Russian language of the first decades of the XXI century)

The article deals with the analysis of the features of the description of the disease in diary entries, namely, the study of the individual vision of the image of the disease. The study was conducted on the basis of 645 recordings and memories from the electronic corpus “Prozhito”.

Key words: disease, diary entries, value characteristics.

Х. КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЯЗЫКА

И. Г. Барабанова

(Ростов-на-Дону, Россия)

Ростовский государственный экономический

университет (РИНХ)

lenikol@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КОНЦЕПТ» В КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Термин «концепт» — это ключевое понятие когнитивной лингвистики, но его четкое определение и отграничение от близких по смыслу терминов остается предметом научных дискуссий. Изучение концептов — это междисциплинарная задача, требующая интеграции знаний из лингвистики, психологии, антропологии, философии и других наук. Автор акцентирует внимание на том, что концепт формируется благодаря процессам концептуализации, которые основаны на ключевых типах метафорического осмысления. В статье рассматриваются определения термина «концепт», его понятийное содержание, а также описываются базовые характеристики.

Ключевые слова: лингвистика, концепт, концептосфера, картина мира, понятие, смысл, образ, язык.

«Языковая картина мира» относится к фундаментальным понятиям современной лингвистики. А поскольку особенности языковой картины мира прослеживаются на уровне концептосферы языка, то понятие «концептосфера» можно отнести к основным категориям современного языкознания. Н. Б. Подвигина называет концептуальной системой (концептосферой) «систему концептов в сознании человека, воспроизводящую в виде структурированных и упорядоченных знаний представления о мире, действительность и результаты внутреннего рефлексивного опыта человека» [Подвигина 2007]. З. Попова и И. Стернин отмечают, что концептосфера — это «совокупность концептов, которые находятся между собой в отношениях пересечения, объединения, иерархии, составляющие оппозиции кластеры» [Попова, Стернин 2001: 36].

Феномен «концепт» получил широкое распространение современных исследованиях. Сам термин «концепт» в лингвистике имеет долгую историю, уходящую корнями в средневековый концептуализм. Философы, такие как Томас Гоббс, Пьер Абеляр и Уильям Оккам, заложили основы понимания концептов как универсалий – абстрактных представлений, обобщающих признаки вещей. Средневековое понимание концепта отличалось от современного, прежде всего, своей тесной связью с теологическими и метафизическими представлениями о сущности бытия. В современной лингвистике, особенно в рамках когнитивного подхода, концепт переживает своего рода ренессанс. Его значение возросло, отражая поворот в науке к изучению познавательных процессов и их отражения в языке [Николаева 2023]. Однако, отсутствие единого определения концепта – это не просто проблема терминологии, а отражение сложности самого феномена. Множество отечественных лингвистов, включая таких авторитетных исследователей как Д. С. Лихачев, Р. М. Фрумкина, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, В. Н. Телия, В. И. Карасик, В. В. Колесов, З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. П. Бабушкин, Г. Г. Слышкин, С. Г. Воркачев, Г. И. Берестнев, Л. О. Чернейко и многие другие, внесли значительный вклад в изучение концептов, предлагая различные определения и модели их структуры.

Классическое толкование концепта разработала А. Кубрякова: «Концепт – термин, который служит объяснению единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, отражающие знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в психике человека» [Кубрякова 2004: 90].

Категориально-концептуальная система представляет собой структурированную систему отображения категоризированных и концептуализированных предметов, явлений и отношений в объективном мире. Конституентами такой системы выступают определенные ментальные образования, которые являются компоненты нашего сознания и наших знаний о мире. В когнитивной лингвистике существует ряд терминов и понятий, которые используются для обозначения когнитивных единиц: категория, идеализированная когнитивная модель, образ-схема, концепт, гештальт, сценарий, скрипт, ментальное пространство, домен и фрейм. Все эти понятия отражают определенный «сгусток» информации, поэтому уместно выявить разницу между ними и объяснить особенности их корреляции.

Базовой единицей для обозначения «кванта информации» [Кубрякова 2004] является концепт, определяемый как дискретное ментальное об-

разование, выступающее опорной единицей предметного кода человека. То есть любая осознанная порция информации об определенном фрагменте действительности может считаться концептом.

Отражение объективного мира в сознании человека является очень разноплановым, что предполагает существование различных типов концептов. В соответствии с обозначаемыми денотатами концепты подразделяются на два основных типа: остенсивные и номинальные [Дрик 2015]. Остенсивный тип включает те концепты, которые имеют конкретный денотат в объективном мире. К ним относятся концепты-образы, гештальты и сценарии.

Концепт-образ является абстрактным осознанием определенного элемента действительности, которое неразрывно связано с перцептивным восприятием, например, цветом или геометрической формой.

Гештальт является комплексным ментальным образованием, компоненты которого формируют определенный целостный образ.

Сценарий – это концептуализированный процесс или явление реальности, которые предполагают наличие определенных составляющих, реализуемых в регламентированном порядке во времени и пространстве. Примером сценария может быть *going to a restaurant* и др. Отдельными элементами сценариев выступают скрипты, например, *ordering a taxi*, *booking a table*.

Концепты номинального типа являются ментальными сущностями, которые обозначают определенные абстрактные понятия, референты которых не воспринимаются непосредственно органами чувств, например, LOVE, FRIENDSHIP и т. д.

Понятие «концепт» неразрывно связано с понятием категория. Следует подчеркнуть, что категория является определенным информационным стержнем концепта, который обуславливает его соотношение с другими элементами действительности. В основу категории положена идеализированная когнитивная модель [Lakoff 1987], которая состоит из категориальной решетки и ее семантического наполнения. В узлах категориальной решетки находятся классификационные признаки, выступающие параметрами категоризации. Семантическое наполнение решетки представлено семантическим прототипом. Таким образом, категоризация действительности происходит путем сравнения объекта категоризации в соответствии с категоризационными параметрами с «эталонным» категориальным семантическим прототипом, достаточное совпадение с которым позволяет объекту познания войти в определенную категорию. Кроме семантического прототипа, концепт имеет более расширенный перечень когнитивных при-

знаков, которые вместе составляют его когнитивный смысл и конституируют его макроструктуру.

В основу идеализированной когнитивной модели положен образ-схема схему [Johnson 1987], которая определяется как повторяемое восприятие определенных схожих идей, что провоцирует образование определенного зафиксированного схематического образа. Например, идеализированная когнитивная модель категории DUTY «сила, заставляющая вас делать то, что вы обязаны делать» в своей основе имеет образ-схему COMPULSION, которая является схематическим обобщенным восприятием одного из видов взаимоотношений в окружающем мире: влияние одного объекта на другой, в результате чего последний претерпевает изменения.

Концепт тесно связан с другим понятием – ментальным пространством, которое определяется как «уникальный временной пакет информации», конструируемый для оперирования информацией в конкретном дискурсе [Fausconnier 1994]. Таким образом, ментальным пространством может быть любой концепт, который актуализируется во время мыслительного или/и коммуникативного акта для однократного обеспечения его протекания. Например, абстрактный концепт DUTY выступает ментальным пространством, когда человек воспринимает, осознает или вспоминает конкретный случай морального обязательства в определенном контексте. «Одноразовый» характер ментального пространства объясняется тем, что каждое последующее упоминание не является идентичным ни предыдущему, ни оригинальной концептуализации, поскольку каждая новая апелляция к определенному зафиксированному элементу опыта осуществляется в других коммуникативно-когнитивных условиях, то есть относительно различных пресуппозиций.

Другим близким понятием является термин «домен». По определению Р. Лангакера, доменом выступает определенная когнитивная область, относительно которой концептуализируется определенный концепт [Langacker 2001]. Таким образом, домен выступает определенной реляционной системой, относительно которой объектируется когнитивный смысл концепта.

По своей когнитивной сути любой концепт может выступать доменом для другого концепта. Например, концепт KILLING объективируется относительно концепта DUTY в случае совершения убийства на войне, совершенного солдатом во время выполнения своего морального обязательства, в то время как его понимание относительно домена CRIME предполагает осуждение и презрение. Часто объективизация концепта осуществляется относительно нескольких взаимосвязанных доменов. В этом

случае совокупность доменов, объединенных определенными структурно-семантическими связями, выступает фреймом, относительно которого происходит понимание концепта. В приведенном примере фреймом может выступать WAR, которая будет включать домены INTELLIGENCE, COMBAT, RETREAT и т.д.

Таким образом, определенный вербализованный фрагмент картины мира может одновременно выступать в роли различных когнитивных понятий. Например, возьмем единицу DUTY. Так, DUTY выступает концептом, когда мы рассматриваем этот конструкт как фрагмент картины мира, и как категорию, когда DUTY выступает ментальным конструктом для классификации опыта социальной взаимодействия. Как элемент концептуальной проекции DUTY может выступать исходным или целевым доменом. Если этот фрагмент является реляционной системой для понимания других концептов, то DUTY выступает фреймом, который входит в более общий фрейм, где он в этой роли имеет статус слота. Актуализация этого элемента в памяти определенного говорящего придает DUTY статус ментального пространства, которое может участвовать в блэндах. Развертывание DUTY во времени и пространстве предполагает существование сценария DUTY. То есть в зависимости от исследовательского взгляда один и тот же концептуализированный фрагмент может выступать в роли различных единиц и иметь разные «оперативные» свойства, которые ему характерны в определенный момент времени в определенной ситуации.

Литература

Дрик Ю. С. Типологии терминологических дефиниций: попытка систематизации / Ю. С. Дрик, Е. С. Медведева // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 3(5). С. 311–314.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.

Николаева Е. С. Структурно-семантическая специфика метафоры в спортивном дискурсе (на материале англоязычных СМИ) // Ученые записки факультета лингвистики и журналистики: Сборник статей. Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2023. С. 111–118.

Подвигина Н. Б. Понятие концепта и концептосферы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2007. № 3. С. 97–105.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.

Fauconnier G. Cognitive Links and Domains: Basic Aspects of Mental Space Theory. Oxford: Oxford University Press, 1994.

Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Langacker R. W. Discourse in Cognitive Grammar // Cognitive linguistics. 2001. V. 12. № 12–2. P. 143–188.

I. G. Barabanova (*Rostov-on-Don, Russia*)
Rostov State University of Economics (RINH)

ABOUT THE TERM “CONCEPT” IN COGNITIVE RESEARCH

The term “concept” is a key notion in cognitive linguistics, yet its precise definition and differentiation from closely related terms remain subjects of scientific debate. The study of concepts is an interdisciplinary task that requires the integration of knowledge from linguistics, psychology, anthropology, philosophy, and other fields. The author emphasizes that a concept is formed through processes of conceptualization, which are based on key types of metaphorical understanding. The article examines definitions of the term “concept”, its conceptual content, and describes its basic characteristics.

Key words: linguistics, concept, conceptsphere, worldview, concept, meaning, image, language.

А. Д. Борзилов (*Москва, Россия*)
*Московский государственный
лингвистический университет
adborz@mail.ru*

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С КОМПОЗИЦИОННЫМ ПОДЛЕЖАЩИМ FAMILY: КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье исследуются когнитивные эффекты метафоры и метонимии в англоязычных грамматических конструкциях с подлежащим FAMILY. В результате расширяется объяснительная база для явления смыслового согласования в современном английском языке.

Ключевые слова: Когнитивная метонимия, когнитивная метафора, конструкция, композиционное существительное *family*, понятийное согласование.

В сообщении представлен фрагмент исследования, направленного на объяснение особенностей смыслового согласования в современном английском языке, грамматически реализуемого вариативным употреблением форм единственного / множественного числа предиката. В данном случае ставится цель изучить механизмы метафоры и метонимии на примере англоязычных грамматических конструкций с композиционным одушевленным именем существительным FAMILY как подлежащим, поскольку указанные когнитивные процессы «запускают» выбор необходимой формы глагольного компонента.

В качестве основной методологии анализа особенностей структур с композиционными подлежащими выбрана Грамматика конструкций (CxG), для которой характерен необходимый комплексный подход к объяснению лингвистических единиц, обладающих очевидной многомерностью, которую можно также назвать конструкционностью. Обосновывая выбор методологии для решений общих и частных задач исследования, отметим, что в современном прочтении Грамматика конструкций совмещает методологические возможности сразу нескольких актуальных направлений лингвистической науки: падежной грамматики, когнитивной грамматики, когнитивной семантики и теории концептуальной метафоры. Более конкретно, по определению Р. У. Ленекера, когнитивная грамматика призвана структурировать и объективировать концепты, а все грамматические структуры – это сложные символы, посредством которых происходит репрезентация различных стереотипных ситуаций с использованием языковых средств [Langacker 1976]. В этом смысле, стереотипность ситуаций действительности отражена в типичной логико-грамматической конструкции предложения, образующегося вокруг субъектно-предикатной основы. Существенно также, что для используемой методологии центральным является понимание конструкции как единого целого, не выводимого из суммы его частей. Отсюда лексико-грамматическое наполнение конструкции является одним из важных факторов объяснения конструкционности семантического согласования: особенности изучаемых структур связаны, в первую очередь, со спецификой композиционности подлежащего, его двойственностью, которая раскрывается в избирательных связях с предидирующим глагольным элементом [Борзилов 2024]. Более точно, для грамматики CxG конструкция важна потому, что «именно она требует искомого семантического взаимодействия, которое часто приводит к сдвигу исходных значений» [Лингвистика конструкций 2010: 63]. Доказано, что эти сдвиги значений внутри конструкций происходят по законам метонимии и метафоры или метафоры и метонимии вместе в разных последователь-

ностях и комбинациях [Сорокина 2020: 3–4]. Сказанное допускает, что грамматическая конструкция, репрезентирующая смысловое согласование, может рассматриваться как устройство, обладающее возможностью вербальной материализации известных когнитивных процессов – метафоры и метонимии, в форме которых современная лингвистика описывает познавательную деятельность.

Развивая идеи Дж. Лакоффа и М. Джонсона о метонимии как концептуальном феномене, в 1998 г. исследователи Г. Радден и З. Кёвечес сформулировали определение метонимии, отражающее когнитивную сущность данного явления: «Метонимия – это когнитивный процесс, в котором один концепт-источник (vehicle, source) обеспечивает ментальный доступ к другому концепту-цели (target) в пределах одного домена или идеализированной когнитивной модели». Такой доступ осуществляется благодаря основным когнитивным метонимическим моделям ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ и ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ [<https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/234212/1/353–356.pdf>] и их частным проявлениям, в том числе, у композиционных имен. Так, согласно трактовке исследователя А. Бириха, метонимические значения у композиционных существительных, называющих совокупности лиц, могут обозначать: а) помещение (класс – группа учеников, обучающихся совместно → помещение, комната, где проходят занятия такой группы (*учитель вошел в класс и класс встретил его стоя*)); б) место (табор – группа семейств цыган, кочующих вместе (*повстречать табор*) → место стоянки цыган (*в таборе зажгли костры*)); в) действие (кавалькада – группа едущих всадников (*на дороге показалась кавалькада*) → устар. прогулка, поездка верхом группой, компанией (*устроить кавалькаду*) и т. п. [Бирих 1995: 82]. В схожем ключе исследователи Н. А. Илюхина [Илюхина 2015] и Е. В. Падучева [Падучева 2004] предлагают рассматривать композиционные существительные как метонимические концепты. Поскольку к этой группе слов относится и существительное *family*, данное видение продуктивно для его лингво-когнитивной интерпретации: семантический дуализм здесь является отражением сложной онтогенетической природы данного имени [Борзилов 2024]. Здесь имеют место идеализированная когнитивная модель семьи и гештальт как целостное рационально-эмоциональное многоликое устройство семьи.

Перейдем к наблюдениям над языковым материалом.

Например, в русскоязычных структурах *вся моя семья идет в театр / обсуждает последние новости / находится дома* слово *семья* используется для обозначения как всей группы, так и ее отдельных членов; при этом, грамматически «игнорируя» внутренний состав группы, говорящие

вербализуют закрепившуюся в строе русского языка доминанту концептуального представления о семье как семействе [<http://slovardalja.net.>]. В английском языке, оставаясь в рамках идеализированной когнитивной модели СЕМЬЯ, или иначе, внутри одной концептуальной области, устроенной гештальтно, говорящий располагает вариантами: *all my family is coming* [<https://www.english-corpora.org/bnc/>] или *all my family are coming*. [ibid.]. Общий понятийный фон обоих высказываний составляет представление о том, что в некотором событии участвует группа и наступление события возможно при исполнении формирующего его действия отдельными участниками. Если вслед за Е. В. Падучевой [ibid.] рассматривать метонимию как **сдвиг фокуса внимания**, объяснение вариативности получает удовлетворительный результат: «метонимический сдвиг наиболее естественен в рамках того, что воспринимается и осмысливается как единое целое, то есть обеспечивает «узнаваемость» метонимически обозначаемого целого по его части либо узнавание одной части целого по другой его части» [Илюхина 2015]. В первом случае для описания того, какое именно событие произойдет, действует механизм метонимии ЦЕЛОЕ (вся группа) в значении ЧАСТЬ (член группы), «схватываемый» согласованием подлежащего со сказуемым в единственном числе: *family* (= *every member of the family, every person no matter how many or which of them in particular*) *is coming*. Во втором случае действует метонимический механизм ЧАСТЬ как ЦЕЛОЕ с переносом внимания на единообразный характер отдельных действий, т. е. на то, как и кем должно быть выполнено действие, чтобы событие состоялось: *family members* (= *people, as many as there are, all there exist*) *are coming*. Именно это выявляет множественное число предиката. Известно при этом, что «явление метонимии вообще <...> в большинстве случаев обязано действию закона экономии языковых усилий и средств» [Илюхина 2015], что объясняет строевые проявления смыслового согласования и позволяет считать форму числа глагольного компонента упаковочным маркером переноса внимания. При этом предикат *come* – агенс-ориентированный глагол целеположенного перемещения – ведет себя конформно по отношению к обеим опциям за счет сохранения семы одушевленности в смысловых вариантах существительного *family*.

Продуктивность метонимических процессов для групповых существительных основывается на свойстве аналогии. В частности, в данных, предоставленных корпусом BNC, обнаруживаются структуры буквально идентичные, например: *The family is still around.* VS *The family are still around.* *My family has all died.* VS *My family have all died.* *The family is not*

using the pool. VS The *family* **are** not using the pool [<https://www.english-corpora.org/bnc/>].

Сравнивая упомянутые примеры с материалом русского языка, обнаруживаем значимые грамматические изменения: *У меня / В моей семье все умерли*. Здесь обнаруживается сдвиг фокуса внимания в сторону другой частной онтологической зоны – местоположения, локации. Упоминание членов семьи становится неизбежным, что меняет структуру высказывания и требует особого оформления предиката. В этом случае особое значение приобретает наблюдение исследователей-когнитивистов о том, что разнообразие метонимии далеко не стихийно. Так, по мнению Г. Раддена, если именно когнитивные принципы лежат в основе выбора метонимических моделей, допускаемых гештальтностью знания, одним из правил концептуальной системы нужно считать и избирательность восприятия, т. е. исторические, социокультурные, биосоциальные и психологические предпочтения, взаимозависимые и способные пересекаться. [<https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kognitivnosti-metonimii-v-sovremennom-angliyskom-yazyke/viewer>] Так, например, Г. Радден доказывает, что связанное с человеком превалирует над несвязанным. Применительно к изучаемому материалу это объясняет преобладание исторически и социально детерминированного метонимического механизма ЦЕЛОЕ КАК ЧАСТЬ в современных конструкциях с существительным *family*: по данным BNC, количество таких контекстов составляет 1217, в то время, как проявление механизма ЧАСТЬ КАК ЦЕЛОЕ обнаружено в 287 контекстах.

Активный характер когнитивных ограничителей, регулирующих метонимию, обнаруживается в англоязычной лингвокультуре; здесь же проявляет себя метафоризация соответствующих представлений, т. е. «понимание и переживание сущности одного вида, представленного доменом цели, в терминах сущности другого вида, представленного доменом источника» [<http://scodis.ru>]. Например, такие паремии, как *A family that prays together stays together* (a) или *You may choose your friends; your family is thrust upon you* (b) убедительно иллюстрируют метонимическое взаимоотношение между частями целого (a), а также целым и частью (b). Другая группа паремий (*Our family is a nest, where fledglings learn to soar / Family is the garden, where love and care bloom / Our family is the fortress against life's battles / In life's desert, our family is the oasis*) показательна для действия метафоро-метонимического механизма «семья – это локация + семья – это защита»: здесь доменом источника выступает укрепленное и защищенное место, а доменом цели – семейный коллектив. В примерах

Our family is the anchor, holding us through life's storm / Like a ship, family helps navigate the rough seas of life / Like a lighthouse, family guides us safely to the shore домен источника – инструмент или проводник, а домен цели – семейные узы. В изречениях *In life's theater, the family plays the central role / A united family eats from the same plate / A real family eats from the same cornmeal* доменом источника служит происхождение, а доменом цели – семья как положительный образ жизни. Паремии *A family is a novel, each member a unique chapter / A family is a book, with each member a distinct story / A family is like a forest, when you are outside, it is dense, when you are inside, you see that each tree has its place* основаны на диалектической оппозиции целого и части как домен источника и их отражение во внутрисемейной организации как домен цели. Возвращаясь к цельности конструкции, отметим, что приведенные примеры выпукло демонстрируют положительную окрашенность лексики, связанной с доменом-источником, а также явные структурно-грамматические приоритеты: конструкции формируются с использованием составного именного сказуемого, отвечающего за восприятие концептуального тождества между представлениями. На характерную обобщенность опыта как абстрагирование от индивидуальных проявлений объектов и явлений при этом указывает единственное число глагольного компонента предиката.

Таким образом, изучение когнитивных эффектов метафоры и метонимии, в том числе в их взаимодействии, на платформе конструкционности имеет значительный объяснительный потенциал для раскрытия закономерностей смыслового согласования в современном английском языке.

Литература

Бирх А. Метонимия в современном русском языке. Семантический и грамматический аспекты. Мюнхен: Otto Sagner, 1995.

Борзилов А. Д. Вариативность в понятийном согласовании как проекция ролевых отношений в клаузе с существительным *family* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 30–36.

Илюхина Н. А. Феномен сценарной метонимии: о когнитивном принципе типологии лексической метонимии // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 99–107.

Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Сорокина Т. С. Неканонические английские результативные конструкции: метафора и метонимия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 11 (840). С. 251–259.

Langacker R. Non-Distinctive Arguments in Uto-Aztecán. University of California Press, 1976.

A. D. Borzilov (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

ENGLISH GRAMMATICAL CONSTRUCTIONS WITH FAMILY AS THE COMPOSITIONAL SUBJECT: A COGNITIVE TREATMENT

The article studies the cognitive aspects of metaphor and metonymy in the English language grammatical constructions with FAMILY as the subject. As a result, an explanatory basis for the phenomenon of notional agreement in modern English is extended.

Key words: cognitive metonymy, cognitive metaphor, construction, compositional noun *family*, notional agreement.

Е. И. Голованова (*Челябинск, Россия*)
Челябинский государственный университет
ligol@csu.ru

РОЛЬ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению роли качественных прилагательных в концептуализации специальных знаний. Отмечается, что в сфере профессиональной номинации наиболее типично использование относительных прилагательных, так как они служат обозначением постоянных признаков, свойств предметов и явлений. Однако для образования большого количества терминов и профессионализмов привлекаются качественные прилагательные. В центре внимания автора статьи – прилагательное *чистый*, широко востребованное для концептуализации специальных знаний в разных сферах профессиональной деятельности.

Ключевые слова: качественные прилагательные, концептуализация, профессиональное знание, термин, терминология, профессионализм.

Для образования полилексемных терминологических единиц наиболее типично привлечение относительных прилагательных, так как они передают сведения о постоянных признаках, свойствах объектов (*беговая дорожка, спортивная гимнастика, облачный архив* и др.) Между тем во многих сферах профессиональной коммуникации используется значительное количество терминов и профессионализмов, включающих в свой состав качественные прилагательные, как правило, многозначные (см., напр.: [Голованова 2017; Голованова 2024а; Голованова 2024б]).

Востребованность качественных прилагательных для концептуализации профессионального знания требует, на наш взгляд, тщательного изучения. Чтобы выявить специфику подобных наименований, рассмотрим специальные единицы с компонентом *чистый*.

В экономической терминологии избранное прилагательное используется в наименованиях *чистый доход* (сумма дохода, которая остается после вычета всех отчислений и налогов из валового дохода), *чистая прибыль* (часть балансовой прибыли предприятия после вычета всех расходов, налогов и выплат по кредитам), *чистые активы* (реальная стоимость имущества, имеющегося у организации, ежегодно определяемая за вычетом его долгов и взятых на себя обязательств).

В лингвистической терминологии оно представлено в ряде наименований: *чистый язык* – 1) «язык с низким уровнем засоренности, т.е. с низким уровнем содержания лингвотоксинов» [Экология: 258–259], 2) «язык, не подвергшийся смешению и получивший естественное развитие своего первоначального состояния» [Жукова 2013: 496]; *чистая речь* – «речь, в которой нет элементов, чуждых литературному языку по нравственным и эстетическим соображениям» [Матвеева 2003: 397]; *чистая основа* – «основа, состоящая из корня и суффикса, без приставки» [Ахманова 2007: 297]; *чистые гласные* – неназализованные [Там же: 516], свободные от носового звучания.

В компьютерной терминологии используется наименование *чистый носитель* – «носитель данных, который не содержит ни начальных меток, ни данных пользователя» [Цифровой мир: 506]. В терминологии эстетики сочетание *чистое искусство* служит обозначением концепции, в которой утверждается самоценность искусства, его свобода от влияния общества и социальных проблем («искусство для искусства») [Борев 2003: 172]. В сельскохозяйственной терминологии наименование *чистый пар* означает поле, свободное от возделывания культур в течение всего вегетационного периода.

В профессиональной речи спортсменов употребляется большое количество наименований с рассматриваемым прилагательным, например: *чистая победа* – в борьбе: выигрыш в схватке, за которую борцу не начислено

ни одного штрафного очка; *чистый бросок* – в баскетболе: бросок с места, который проходит без сопротивления и давления со стороны противника. В легкой атлетике *чистый бег* – бег без барьеров [Елистратов 2011: 13], в футболе *чистый нападающий* – игрок, действующий только в нападении [Там же: 88]; в общеспортивной коммуникации *чистый* используется для обозначения спортсмена, не употребляющего допинговых препаратов [Там же: 161].

В современной военной коммуникации прилагательное «чистый» активно функционирует в сочетании с существительным *небо*. Но если в общеупотребительном языке под словосочетанием *чистое небо* понимается «безоблачное небо», «небо без туч» [ТСРЯ: 1094; Морковкин 2023: 657 и др.], то в речи военнослужащих данное сочетание имеет специальное значение ‘отсутствие в небе ударных беспилотных летательных аппаратов, представляющих опасность для солдат и боевой техники’. Противоположная характеристика выражается сочетанием *грязное небо* (в общем употреблении отсутствует).

Относительно новым в русском языке является употребление рассматриваемого прилагательного в значении «не содержащий опасных для здоровья веществ; получаемый без применения вредных компонентов» [ТСРЯ-ЯИ: 673], которое также востребовано в профессиональной коммуникации. В частности, в диетологии используется наименование *чистое питание*, или *чистая диета*, для обозначения питания, основанного на натуральных продуктах, без лишних добавок и стадий переработки.

Как видно из примеров, общим признаком специальных объектов, обозначенных с помощью прилагательного *чистый*, выступает признак ‘свободный от чего-либо’. Соответствующее значение зафиксировано и в общелитературных словарях. Конкретизацией этого значения прилагательного во многих специальных наименованиях выступает ‘отсутствие примесей (или минимальный их процент) в том, что названо определяемым словом’. Например, *чистые металлы* – металлы с низким содержанием примесей (*технически чистые металлы*, *химически чистые металлы*) [Гальцев 2007: 36]. В указанном значении компонент *чистый* представлен уже в исторических терминосистемах. Так, в уральской горнозаводской терминологии XVIII–XIX веков название *чистая медь* служило обозначением меди, очищенной от примесей [Голованова 1995], в «Словаре золотого промысла Российской империи» зафиксировано наименование *чистое золото* – «очищенное от примесей высокопробное золото» [Борхвальдт 1998: 82]. По свидетельству «Исторического словаря лингвистической терминологии», А. А. Барсов использовал в своих работах термин *чистый падеж* – «падеж,

употребляемый без предлога (родительный, дательный и творительный)» [Шерстянникова 2019: 404], тем самым в отдельный разряд выделены падежные формы, семантика которых не осложнена значениями предлогов.

В микробиологии с помощью рассматриваемого прилагательного репрезентируется признак ‘однородный’: *чистая культура* – совокупность микроорганизмов одного вида, имеющих одинаковые морфологические и биохимические свойства (как правило, выращивается на питательных средах из одной клетки популяции). Ср.: *смешанная культура* – совокупность бактерий двух или более видов, первоначально взятых из естественных источников (воздуха, воды, почвы) и культивированных на культурных средах.

В терминологии сопротивления материалов прилагательное «чистый» актуализирует признак ‘простой, первичный’: *чистый изгиб* – вид сопротивления, при котором в поперечных сечениях бруса возникают только изгибающие моменты, а поперечные силы равны нулю [<https://soprotmat.ru/izgib.html>]; *чистый сдвиг* – вид напряженного состояния, при котором на двух взаимно перпендикулярных площадках действуют только касательные напряжения [<https://prosopromat.ru/sopromat/chistyj-sdvig.html>].

В наименованиях, характерных для профессиональной речи музыкантов и спортсменов, адъективный компонент репрезентирует признак ‘точный, правильный’: *чистый звук*, *чистая интонация*, *чистая нота*, *чистое исполнение*, *чистый прокат* (в фигурном катании), *чистая стрельба* (в биатлоне) и т. д.

В полиграфии и театральной среде специальные единицы, включающие прилагательное «чистый», актуализируют признак ‘абсолютный’. *Чистые листы* (*чистые экземпляры*) – первые выпуски тиража книги, служащие контрольным экземпляром перед выпуском [БТС: 1483], т. е. не предназначенные для реализации через торговую сеть. В театральной среде используется профессионализм *чистая перемена*, обозначающий полную смену декораций.

В сфере маркетинга с помощью рассматриваемого прилагательного репрезентируются признаки ‘истинный’, ‘непосредственный’: *чистая конкуренция* – конкуренция, существующая в том случае, если большое число фирм продает одинаковые товары; *чистая монополия* – ситуация на конкретном товарном рынке, где выступает всего один продавец; *чистые издержки обращения* – затраты, непосредственно связанные с куплей-продажей товара [Маркетинг: 137]. Второй признак актуализирован также в наименовании, характерном для профессиональной речи риелторов: *чистый клиент* – о покупателе с наличными деньгами (без посредников расплачивается за покупку недвижимости).

Таким образом, прилагательное «чистый», обладая в общем употреблении большим семантическим потенциалом (15 значений в [БСТ]), выступает значимым средством концептуализации свойств специальных объектов. Наиболее востребованным в сфере профессиональной коммуникации является признак ‘свободный от чего-либо’ (как правило, лишнего, ненужного; т.е. такой, который полностью совпадает с качествами того, что названо определяемым словом, истинный, без примесей и дополнений).

Полагаем, что привлечение качественных прилагательных для концептуализации профессионального знания обеспечивается таким свойством специальных наименований, как их условный характер. Термин или профессионализм с качественным прилагательным в составе актуализирует одно (или более) из присущих ему значений, приспособлявая, конкретизируя его в соответствии со спецификой сферы профессиональной деятельности. В результате прилагательное, известное даже неспециалисту, позволяет кратко и точно передать в наименовании информацию о специальном предмете, свойстве, отношении.

Немаловажно, что с помощью качественных прилагательных в терминологии достаточно легко формируются оппозиции наименований, соответствующие противопоставлению стоящих за ними понятий, ср.: **сильный – слабый** (*сильная позиция гласных/согласных – слабая позиция гласных/согласных*; *сильные электролиты – слабые электролиты*), **легкий – тяжелый** (*легкая атлетика – тяжелая атлетика*; *легкая промышленность – тяжелая промышленность*), **простой – сложный** (*простое предложение – сложное предложение*; *простой состав преступления – сложный состав преступления*; *простой процент по вкладу – сложный процент по вкладу*) и т.д. К тому же привлечение качественных прилагательных для обозначения специальных объектов не требует создания новых слов, увеличивающих нагрузку на память, а позволяет экономно использовать существующие средства языка.

Литература

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007.
Борев Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов. М.: Астрель: АСТ, 2003.
Борхвальдт О. В. Словарь золотого промысла Российской Империи. М.: Рус. путь, 1998.
БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008.
Гальцев Ю. В. Терминологический словарь-справочник судебного эксперта / Ю. В. Гальцев, С. А. Смирнова, Г. А. Рябинин и др. СПб.: Петрополис, 2007.

Голованова Е. И. Живой и мертвый в языках профессиональной коммуникации / Е. И. Голованова, И. А. Голованов // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). С. 76–81.

Голованова Е. И. Реализация семантического потенциала общеупотребительной лексемы в составных терминах (на примере прилагательного «прямой») // Вестник Челябинского государственного университета. 2024а. № 5 (137). С. 7–14.

Голованова Е. И. Семантическое развитие слова в языках для специальных целей (на материале прилагательных-колоронимов) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024б. № 55. С. 114–121.

Голованова Е. И. Становление уральской горнозаводской терминологии в XVIII – начале XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1995.

Елистратов А. А. Толковый словарь русского спортивного жаргона. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2011.

Жукова И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Пронина, Н. Г. Юзефович. М.: Флинта: Наука, 2013.

Маркетинг: Толковый терминологический словарь-справочник. М.: Инфоком, 1991.

Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003.

Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая: в 2 т. Т. 2. М.: Арт-Пресс школа, 2023.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008.

ТСРЯ-ЯИ – Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складневской. СПб.: Фолио-Пресс, 2000.

Цифровой мир: терминологический словарь-справочник в определениях официальных документов / под ред. И. Р. Бегишева. М.: Проспект, 2024.

Шерстянникова Е. А. Исторический словарь русской лингвистической терминологии. Красноярск, 2019.

Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов / авт.-сост. А. П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2017.

*E. I. Golovanova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

THE ROLE OF QUALITATIVE ADJECTIVES IN THE CONCEPTUALIZATION OF PROFESSIONAL KNOWLEDGE

The article deals with the role of qualitative adjectives in the conceptualization of special knowledge. It is noted that in the field of professional nomination, the use of relative adjectives is most typical, since they serve as a designation of constant signs, properties of objects and phenomena. However, for the formation of a large number

of terms and professionalism, high-quality adjectives are involved. The focus of the author of the article is the adjective pure, widely in demand for the conceptualization of special knowledge in various fields of professional activity.

Key words: qualitative adjectives, conceptualization, professional knowledge, term, terminology, professionalism.

Е. Е. Голубкова (Москва, Россия)

*Московский государственный
лингвистический университет
Финансовый университет
при Правительстве РФ
katemg@yandex.ru*

А. Г. Захарова (Москва, Россия)

*Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
un_bello_gesto@mail.ru*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АКРОНИМЫ ТИПА *UNICEF-INSPIRED* С ПОЗИЦИЙ ГРАММАТИКИ КОНСТРУКЦИЙ

Настоящая статья ставит своей целью раскрыть особенности реализации семантики прецедентных акронимов, имеющих в своем составе название политической или экономической организации, в ракурсе грамматики конструкций. Шаблон *abbr + V-ed* может генерировать неограниченное число новых единиц номинации, кроме того, данная конструкция обладает единым концептуальным значением, что вполне согласуется с основными принципами конструкционного анализа.

Ключевые слова: акроним, прецедентная номинация, политическая организация, лексико-грамматическая конструкция, грамматика конструкций.

В современной коммуникативной среде, характеристиками которой является экономия пространства и времени, аббревиатуры различной структуры и протяженности становятся своеобразным диалектом общения (ср., ИМНО, YOLO, CU2mottow, TL; DR). В данном сообщении мы обратимся к единицам, традиционным для медийного дискурса, акронимам, обозначающим названия международных организаций и сообществ. Попытка

установить их примерное количество на настоящий момент привела нас к более 700 единицам для английского языка.

В статье мы хотели бы объединить теоретические установки грамматики конструкций, которая вот уже более четырех десятилетий развивается в пределах когнитивной лингвистики, питаемая корпусными исследованиями, и теорию прецедентности, в орбиту внимания которой вовлекается все более разнообразный материал.

Материал исследования включает шесть акронимов-названий международных политических и/или экономических организаций, включенных в лексико-грамматическую конструкцию *Abbr + V-ed*, выполняющую функцию определения, характеризующего какое-либо абстрактное явление (UNICEF, OPEC, NATO, ASEAN, BRICS). Поиск материала осуществлялся методом сплошной выборки и в корпусах современного английского языка, таких как COCA, NOW Corpus, iWeb, GloWbE.

В силу того, что среди основных характеристик прецедентной номинации исследователи отмечают ее емкость, имплицитность, понятность некоторой социальной группе и отсутствие необходимости в пространном толковании передаваемого смысла [Гудков 1999], нам представляется, что и акронимы, формирующие названия известных мировых торговых, политических международных объединений, вполне претендуют на статус прецедентных номинаций. Емкость прецедентного имени выражается в передаче «большого смысла» посредством малого количества лексических единиц, что можно по праву назвать яркой чертой современного английского языка. В данных единицах, цитируя В. В. Робустову, проявляется «один из когнитивных принципов – принцип экономии, при котором при минимуме языковых средств выражается максимум значения», и, добавим, реализуется аксиологический потенциал прецедентной номинации [Робустова 2010: 33]. Отметим также, что акронимы-названия организаций часто встречаются и в других производных единицах (aka конструкция) типа *OPEC-watcher*, *BRICS-from-below*, *BRICS-wide*, *Natosphere*, *ASEANology*, что, по нашему мнению, свидетельствует в пользу отнесения частотных акронимов такого рода к прецедентным номинациям.

Принимая утверждение о том, что акронимы типа NATO, являются прецедентными номинациями, мы хотели бы ответить в сообщении на следующие вопросы. С позиций конструкционных грамматистов мы хотели бы поставить вопрос о правомерности отнесения *Abbr + V-ed* к категории конструкций, в целом, а с позиций когнитивистики нам хотелось бы ответить на вопрос о метаморфозах семантики акронимов

в составе данной конструкции. Иными словами, проанализировать, какие когнитивные механизмы включаются при участии аббревиатуры (высокой степени прецедентности) в конструкции с причастием прошедшего времени в английском языке.

Примерами конструкции-прототипа для Abbr + V-ed, в которой в роли левого элемента, отвечающего на вопрос *Done by whom?* являются такие случаи, как: *LeBron James-led opponent* [NOW Corpus], *Annapolis-based nonprofit* [NOW Corpus], *the Jack Nicklaus-designed collection* [iWeb]. В конструкции с акронимом, однако, левый элемент, обозначающий инициатора действия, выражен названием известной, влиятельной и, следовательно, прецедентной по своей природе организации. Прецедентный характер названия предопределяет аксиологическую окраску номинации, которая зависит и от автора, и от адресата высказывания.

Так, в примерах: «*Priyanka then visited a Unicef-supported learning centre at Balukhali where she actively participated in lessons, games and song*» [NOW Corpus], «*Notable Achievements: Thobeka led a Unicef-backed campaign to raise awareness about child brides...*» [NOW Corpus], «*Around 5,000 UNICEF-trained youth volunteers from the Ministry of Youth and Sports will help to provide life skills activities in these hubs...*» [NOW Corpus] детский фонд ООН ЮНИСЕФ, будучи в составе данной конструкции, предстает как положительный актор, деятельность которого направлена на гуманитарные цели. Однако вероятно, что одной конструкции недостаточно, чтобы вывести аксиологическую оценку акронима. Очевидно, что акроним метонимически представляет деятельность всей организации и одновременно воспринимается как олицетворение – некий одушевленный собирательный образ участников данной организации подобно хорошо известному примеру, в котором упоминаются столицы двух государств – Moscow, Washington.

Нефтяная группа ОПЕК, напротив, предстает в найденных контекстах, как монополист бизнеса, диктующий в некоторой степени цены на рынке сырья: *The Opec-engineered price rally has spurred a surge in drilling in the US shale patch* [NOW Corpus], *an OPEC-induced oil crisis* [COCA], *the OPEC-dominated economy* [COCA]. Обратим внимание на семантику задействованных глаголов, которые характеризуют организацию как властного монополиста, снова олицетворяющего ее характер деятельности: *engineer, dominate, induce*.

Аналогичные глаголы волеизъявления и санкционирования тех или иных действий в составе конструкции Abbr + V-ed мы находим и в *ASEAN-led* (diplomacy), *ASEAN-centered* FTA, *BRICS-backed* (global

currency), *WHO-sanctioned* retaliation (tariff retaliation threat), *WTO-negotiated* (outcome), *WTO-appointed* (mediator).

Таким образом, памятуя о том, что, как указывают сами конструкционисты [Capelle 2024], не существуют конструкции без значения, а сами лексико-грамматические конструкции традиционно определяются как “pairings of form and meaning” (единства формы и содержания) или “form-function units” [Capelle 2024: 1], мы, опираясь на известный афоризм А. Гольдберга [Goldberg 2003: 223] “it’s constructions all the way down”, берем на себя смелость утверждать, что и рассматриваемая конструкция Abbr + V-ed также когнитивно обусловлена. Следовательно она обладает общим концептуальным значением, по аналогии с ней создаются новые единицы номинации. Рассматриваемая нами словообразовательная модель притягивает инициальные аббревиатуры. Вслед за конструкционистами, признающими наличие конструкций различного уровня обобщения, мы можем предложить на суперординатном уровне формулировку общего концептуального значения конструкции Abbr + V-ed: характеристика источника цели деятельности (target, outcome, diplomacy, oil shortage, approach, quota, price, tariff, etc.) с указанием способа выполнения действия организации, выраженного глаголом в форме причастия прошедшего времени (*backed*, *standardized*, *supported*, *approved*, *appointed*, etc.).

При этом акроним-название организации несет потенциальное прагматическое значение, связанное с характером деятельности организации: военный блок, торговое объединение, нефтяной монополист, фонд помощи детям и проч., тем самым прогнозируя аксиологическую оценку ее действий.

Литература

Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

Робустова В. В. Прагматическая функция единиц вторичной антропонимической номинации в дискурсе // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 30–40.

Capelle B. Can construction grammar be proven wrong? Cambridge University Press, 2024.

COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

Goldberg A. E. Constructions: A new theoretical approach to language // Trends in Cognitive Sciences. 2003. 7(5). P. 219–224.

iWeb – The 14 Billion Word Web Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/>
NOW Corpus – News on the Web. URL: <https://www.english-corpora.org/now/>

E. E. Golubkova (*Moscow, Russia*)

*Moscow State Linguistic University
Financial University under the Government
of the Russian Federation*

A. G. Zakharova (*Moscow, Russia*)

MGIMO University

PRECEDENT ACRONYMS OF THE UNICEF-INSPIRED TYPE FROM THE STANDPOINT OF CONSTRUCTION GRAMMAR

This article aims to reveal the features of the realisation of the semantics of precedent acronyms that contain the name of a political or economic organization from the standpoint of construction grammar. The abbr + V-ed template can generate an unlimited number of new units of nomination, and this construction has a single conceptual meaning, which is quite consistent with the basic principles of constructional analysis.

Key words: acronym, precedent nomination, lexico-grammatical construction, Construction Grammar.

Е. И. Давыдова (*Тамбов, Россия*)

*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
aleliv@rambler.ru*

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАХ ВТОРИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДИКАТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Синтаксис не является языковой уровнем, который привлек внимание когнитивистов в числе первых. Тем не менее, современные исследователи проявляют явный интерес к изучению когнитивных основ единиц синтаксиса. Несмотря на это, остается много вопросов, связанных с выявлением механизмов репрезентации информации основными синтаксическими единицами, принципов структурирования знаний ими, когнитивных основ формирования их смысла. Вторичные явления области синтаксиса изучены в рамках когнитивной парадигмы еще в меньшей степени.

Ключевые слова: когнитивный синтаксис, синтаксический концепт, вторичная деривация, вторичная предикация.

Через язык человек общается и познает мир, не только осмысливает реальность, но и осознает качество этого осмысления.

Когнитивная лингвистика реализует насущную необходимость дать «когнитивное объяснение и обоснование» как функционированию языковой системы в целом, так и «каждому языковому явлению, единице, уровню, категории» [Болдырев 2000: 12].

Грамматический уровень языковой системы фиксирует знание мира и знания о мире, соответственно, все грамматические категории (в том числе синтаксические) имеют определенный когнитивный статус [Lakoff 1987].

Предложение, как языковой знак, и описываемое им событие реальной действительности не соотносятся напрямую. Сознание наблюдателя, который воспринимает и интерпретирует события, членит мир и отражает его посредством когнитивных моделей. Соответственно, предложение, сформулированное говорящим, репрезентирует не столько конкретное событие объективной действительности, сколько понимание человеком этой ситуации.

Интенция говорящего, реализуемая в коммуникативной задаче, обуславливает категоризацию наблюдаемой ситуации, как действие, процесс или состояние, с набором таких характеристик, как финитность/ нефинитность, объективность/ субъективность и т. д. Для репрезентации события действительности могут быть использованы концептуальные структуры, относящиеся к различным категориям. Конкретная интенция детерминирует выбор той или иной конструкции для вербализации события.

Предложение (простое или сложное) позволяет не только описать ситуацию, представить ее основных и второстепенных участников, но и ее развитие в виде последовательности элементов и их взаимосвязей.

Необходимым условием того, чтобы предложение выражало относительно законченную мысль, является то, что оно должно содержать механизм соотнесения его содержания с реалиями действительности. Этот механизм закладывается посредством установки субъектно-предикатных отношений между основными элементами высказывания и находит реализацию в конкретной языковой форме (из числа нескольких возможных), т. е. предикативной связью.

Предикативное отношение, связывающее субъект и объект, играет важнейшую роль в формировании смысла предложения. Именно предикативность является грамматической категорией, которая обеспечивает формирование смысла предложения, как основной синтаксической единицы.

Концептуальной структурой, фиксирующей в концептуальной системе отдельное событие, признана пропозиция. Пропозиция, согласно определению Л. А. Фурс, представляет собой «синтаксически репрезентируемый концепт» обозначающий «максимально абстрагированные компоненты смысла, концентрирующие и структурирующие знания о мире» [Фурс 2009: 31].

Пропозиция формирует смысловой каркас предложения. Особенностью этой смысловой структуры является то, что она объединяет совокупность всех возможных способов своего выражения, представленных во множестве конкретных высказываний.

Каждый раз, когда говорящий воспринимает свойства одних и тех же предметов и явлений, их взаимосвязь в повторяющейся ситуации, он выделяет, фиксирует ее объективно существующие признаки. При этом человек познает дополнительные черты и грани данной ситуации, поскольку в процессе познания он обращает внимание на новые, существенные признаки предметов, явлений, их свойств и отношений между ними.

Поскольку каждая ситуация характеризуется наличием разнообразных признаков, естественно, что при их неоднократном отражении в сознании человека эти признаки формируют смыслы, которые при всей их близости не являются тождественными. Ни одна из ситуаций не может быть многократно тождественно воспроизведена в силу динамичности её протекания и невозможности одновременно всесторонне познать один и тот же денотат, каковым является ситуация.

Разное видение ситуации передается различными синтаксическими конструкциями, т.е. находят отражение в построении синтаксических структур, которые могут составлять синонимические ряды.

Синонимические ряды призваны выражать нюансы формирования мысли, интерпретирующей взаимосвязи. Языковые единицы, представляющие синонимический ряд, выражают различные комбинации фокусирования внимания на элементах ситуации.

Вторичная или имплицитная предикация предполагает использование нетипичной языковой единицы для выражения предикативного отношения. В случае имплицитной предикации пропозитивное значение выражено словом или словосочетанием. Словосочетание (реже слово) предстает в таком случае как вторично-предикативная структура, отражающая сложный денотат, как возможность объективации смысла.

Вторичные явления широко представлены на всех уровнях системы языка, поэтому достаточно сложно их описать детально и представить в виде системы по причине их разнообразия и неоднородности. Вторичность напрямую связана с переосмыслением сущности языковой единицы.

Рассмотрение явления вторичной репрезентации предикации с позиций когнитивистики позволяет предположить наличие общего когнитивного механизма в основе этих явлений. В рамках когнитивной лингвистики концептуальная деривация трактуется в качестве универсального когнитивного механизма, обеспечивающего формирование вторичных языковых явлений, представленных на разных уровнях, с одной стороны. С другой стороны, концептуальная деривация как механизм составляет основу вторичной репрезентации концептов как особого типа представления знаний.

Суть этого механизма заключается в признании «лингвокреативности» как одной из характеристик человеческого мышления. Б. А. Серебрянников называл «лингвокреативной» способность человека выводить новые знания на основе существующих [Серебрянников 1988: 87–107].

Существенное отличие вторичной репрезентации концептов базируется на том, что ее суть состоит не столько в воспроизведении первичного концепта, сколько в его изменении путем развития, расширения и т. д.

Соотношение базисного и производного концептов (в случае вторичной репрезентации) может быть основано на следующих принципах: выделение дополнительных характеристик в структуре базисного концепта, его интерпретация путем введения оценочного элемента, нивелирование ряда его характеристик и т. д.).

Трансформация первичного концепта имеет следствием формирования производного, для которого используемые языковые формы являются средством первичной (прямой) репрезентации, которые с точки зрения соотношения базисного и производного концептов выступают средствами его вторичной (косвенной) репрезентации.

Как следствие, событие может получить языковую репрезентацию несколькими синонимичными синтаксическими структурами с точки зрения их семантики, каждая из которых представляет на концептуальном уровне определенный формат знания.

Синонимичными, на наш взгляд, следует считать конструкции, которые кроме общности референта, обладают так же общностью выражения отношений между событиями, описываемыми в предложении.

Такое понимание сущности синтаксической синонимии не исключает важной роли таких критериев синонимичности синтаксических конструкций, как разноструктурность, наличие в их значении как общих, так и дифференциальных сем (компонентов). Сходство их внешней и внутренней валентностной связи, вследствие чего является возможность их взаимной трансформации.

Поскольку пресуппозиция имеет большое значение в организации высказывания, она позволяет либо обратиться к компрессии, либо сохранить избыточность. Свидетельством этого являются случаи, когда одни и те же ситуации могут быть выражены в простом, осложненном и сложном предложениях.

Когда они шли по дороге, они встретили друга.

Идя по дороге, они встретили друга.

По дороге они встретили друга.

Дорогой они встретили друга.

Ряды синтаксических синонимов построены по принципу структурной конденсации. Это означает, что конструкции, которые образуют тот или иной синонимический ряд, неоднородны по своей структуре. Среди них следует различать конструкции оптимального состава и сжатые, компрессированные структуры. Сосуществование в языке развернутых и сжатых структур является отражением двух противоборствующих тенденций, характерных для языка как системы, а именно: стремления к созданию избыточности или избыточной информации, которая необходима для повышения надежности понимания сообщаемого, и стремления к компрессии, к экономии речевых средств, когда информация передается высказыванием минимального объема с максимальным сохранением смыслового содержания.

Эта сжатость выражается в структурно-семантическом уплотнении высказывания, которое диктуется рядом экстралингвистических факторов, к которым можно отнести цель и содержание высказывания, условия в которых происходит коммуникация, количество объективируемой информации, а также другие условия речевого общения.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000.

Серебрянников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке // Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988.

Фурс Л. А. Особенности когнитивной категории в синтаксисе // Когнитивные категории в синтаксисе: кол. монография / под ред. Л. М. Ковалевой, С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновой. Иркутск: ИГЛУ, 2009.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: what categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

*E. I. Davydova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

ON THE COGNITIVE BASIS OF SECONDARY REPRESENTATION OF PREDICATION IN LANGUAGE

Syntax was not among the first linguistic levels to draw cognitivists' attention. However, modern researchers are clearly interested in the cognitive foundations of syntactic units. Despite this, there are still many questions regarding the mechanisms by which the main syntactic units represent information, the principles by which they structure knowledge, and the cognitive basis of their meaning formation. Secondary phenomena within the field of syntax have been studied in the cognitive paradigm to an even lesser extent.

Key words: cognitive syntax, syntactic concept, secondary derivation, secondary predication.

*А. Ш. Доржу (Кызыл, Россия)
Тувинский государственный университет
adorzhu91@yandex.ru*

МАКРОКОНЦЕПТ ЗЛО В ТУВИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ)

Статья посвящена описанию особенностей репрезентации концепта ЗЛО в тувинской лингвокультуре имплицитно. Рассмотрены устойчивые единицы, характеризующие жадность, пьянство, зависть, склонность к болтовне и сплетням, лицемерность, хвастовство, хитрость и лживость как отрицательные качества человека и составляющие макроконцепт ЗЛО. Материалом исследования стала авторская выборка устойчивых единиц из лексикографических источников.

Ключевые слова: паремия, пословица, фразеологизм, ценности, концепт ЗЛО, тувинский язык.

В последние годы значительно возрастает интерес к пословичному и фразеологическому фонду языков в различных аспектах, в том числе различных языковедческих аспектах: лингвокультурологическом, лингво-аксиологическом, семантико-когнитивном и пр.

Изучение устойчивых единиц в лингвоаксиологическом аспекте позволяют выявить базовые ценности и антиценности конкретной лингвокультуры [Ломакина 2021: 97], а также их номинации [Ломакина 2024]. В пословицах и фразеологизмах отражается взгляд народа на мир и его оценка, в них заложены ценностные установки и стереотипы, свойственные нации [Льянова 2020: 220]. В пословицах, которые в отличие от фразеологизмов относятся к афористическим единицам [Иванов 2019: 390–391], категоризируются когнитивные, культурные, аксиологические стереотипы отношения к окружающей действительности – природной, социальной, духовной [Иванов 2023].

В пословичном и фразеологическом фонде любого языка содержится ряд единиц, наделённых лингвоаксиологическим потенциалом, который выражается как эксплицитно, так и имплицитно [Ломакина 2021: 100]; в них наиболее ярко отражается система ценностей, которая выражается, прежде всего, через ценностную диаду *добро – зло*. Названная дихотомия составляет основу любой культуры, что определено в научных работах [Долгополова 2019; Лотря 2004; Махмудова 2021; Писарь 2010 и др.].

М. В. Долгополова обращает внимание на необходимость чёткого разграничения добра и зла как одного «из главных условий устойчивости общества и человеческого существования», определяя дихотомию как архетипическую и передающуюся «из поколения в поколение» [Долгополова 2019: 126]. В ряде работ, в том числе сравнительно-сопоставительного характера, показана основополагающая роль диады *добро – зло* в текстах культуры. Г. Н. Воронцова, анализируя тувинские сказки, обозначенную дихотомию называет смыслообразующей для этого дискурса [Воронцова 2021: 470].

Данная статья продолжает начатое нами исследование аксиологической дихотомии *добро – зло* [Доржу 2024] и посвящена рассмотрению устойчивых единиц тувинского языка, отражающих отрицательную оценку, представляющую собой имплицитную репрезентацию концепта ЗЛО. Материалом для исследования послужили авторская выборка из сборников «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б. К. Будупа, «Тувинско-русского фразеологического словаря» Я. Ш. Хертека.

Имплицитная репрезентация концепта ЗЛО как антиценности в тувинских паремиях и фразеологизмах выражается при помощи таких отрицательных качеств и поведений человека, как жадность, пьянство, зависть, склонность к болтовне и сплетням, лицемерность, хвастовство, хитрость и лживость.

Анализ тувинских паремий показал, что наибольшее количество паремий выявлено с лексемой *харам* ‘жадный’, ‘скупой’: *Харам кадай – өг чуду* ‘Скупая жена – позор для юрты’, *Харам сеткил – дужак* ‘Скупость что душевные пути’, *Артык сеткил ара дүжер* ‘Алчность до добра не доведет’. Жадность как проявление зла также отталкивает человека, скупой человек оценивается негативно: *Харам кижээ эш ырак, чоржаң аътка чер ырак* ‘Скупому человеку – товарища нет, ленивому коню – путь далек’, *Кадыг черге мал доктаавас, харам кижээ эш доктаавас* ‘На голой земле скот не пасется, у скупого человека друзей не заведется’. Различные синонимы, раскрывающие стороны зла, лежат в основе ряда тувинских пословиц: *Харам кижинин караа соок* ‘У скупца глаза холодные’, *Чалгаадан сөс үнер, чазыйдан оор үнер* ‘От лени – баловство, от жадности – воровство’, *Чалгаа кижини «бажым» дээр, чазый кижини «суксадым» дээр* ‘Ленивый говорит: «Голова болит», обжора говорит: «Пить хочется»’, *Чалгаа кижиниң өөнде чарган ыяш чок, чазый кижиниң өөнде аъш-чем чок* ‘У лентяя не ищи дров, у скупого не ищи еды’ содержат не только лексемы с отрицательной характеристикой *харам* ‘жадный’, во втором компоненте пословицы имеются такие прилагательные, характеризующие отрицательные качества человека: *соок* ‘холодный’ (в значении ‘взгляд холодный’), *чалгаа* ‘ленивый’, *чазый* ‘прожорливый’, которые, безусловно, приведут к недобрым делам – баловству, воровству, голоду и холоду. Пословицы *Хат улуг-даа болза, хаяны угбас, хаан бай-даа болза, эдинге пөкпес* ‘Ветер хоть сильный, скалу не поднимет, хан хоть богатый, золотом не пресытится’, *Ыт чараазын чылгааш, тотпас, дүжүмет үндүт алгааш тотпас* ‘Собака слюной не насытится, чиновник – поборами’ характеризуют ненасытность и скупость высших чиновников и ханов. Пословицы, построенные на (*Хырны тотса-даа, караа тотпас* ‘Живот сыт, а глаза голодны’, *Чок кижини чогуңга чалынмас, бай кижини байынга пөкпес* ‘Бедный нищете не покорится, богатый золотом не насытится’) также свидетельствуют об отрицательной характеристике жадности и алчности.

Наряду с паремиями, фразеологизмы также осуждают скупость: *аш карактыг, караа аш* ‘прожорливый, жадный, алчный’, букв. ‘с голодными глазами’, *кадыг холдуг* ‘скупой’, букв. ‘с крепкой рукой’.

Далее в количественном соотношении преобладают пословицы, характеризующие пьянство, алкоголизм как источник зла, где духовно-нравственная антиценность передается через лингвоаксиологический маркер – этнолингвомаркер *арага* ‘арака, водка’: *Араганың кырынга чүгле чам үнер* ‘После выпитого спиртного может быть только ссора’, *Арага*

ээзин танывас ‘Арака хозяина не знает’, *Арагадан аржаң үнер, аржаңдан коржаң үнер, коржаңдан хоран болур* ‘От перегона араки получится аржан (водка), от аржана – коржан (спирт), от коржана – хоран (отрава)’. В тувинской традиционной культуре употребление араки, водки считалось плохим деянием: выпив ее человек становился подобным дьяволу, злодею. Женщины как хранительницы домашнего очага, продолжатели рода никогда не употребляли спиртное вплоть до 30–40-летнего возраста, только лишь слегка могли ее пригубить. Считалось, что арака – это отравы, она ни к чему хорошему и доброму не приведет: *Артык сөстөн кырыш үнер, арагадан чогуш үнер* ‘От лишнего слова возникает ссора, от вина – драка’, *Далайга дүжүп өлгеннерден дашкага хораннанып өлгеннер хөй* ‘Отравленных рюмкой больше, чем утопленников в море’. Человека-пьяницу можно описать тувинскими фразеологизмами *арага хавы, арага ээзи* ‘пьяница’, букв. ‘пакет араки’, ‘хозяин араки’.

Зависть в тувинской лингвокультуре воспринимается как негативное чувство, грех, также находит отражение во фразеологии: *ишти бак, ишти багай, иштинде диштиг* ‘коварный’ букв. ‘нутро его плохое’; *ишти ирик, ишти иришр, ишти сөктүр, ишти төктүр, ишти чарлыр* ‘завистливый, ‘завидовать к-л.’, букв. ‘нутро гнилое’; *өдү чарлыр* ‘лопнуть от зависти’, ‘лопнуть со злости’.

В тувинских устойчивых единицах также отмечаются такие порочные чувства человека, как лицемерие и хвастовство: *Чок чүвени бар диве, чоржаң аътты маңныг диве* ‘Не хвались тем, чего нет, не выдавай клячу за скакуна’; *Аъттыг мен дээш адыыргава, эштиг мен дээш эшкеденме* ‘Не кичись, что имеешь коня, не чванись, что имеешь друга’; *аксы улуг* ‘хвастливый’; *бодун өрү көрдүнер* ‘быть высокомерным’, ‘быть высокого мнения о себе’.

Хитрость и лживость представлены следующими паремиями и фразеологизмами: *Кажарның караа каттырбас* ‘У хитрого глаза не смеются’; *Аксында бурган, артында хырын* ‘Во рту – бог, в уме – выгода’; *кажар дилги* ‘хитрый’, букв. ‘хитрая лиса’; *сөөк баштыг* ‘хитрец’, букв. ‘кость да голова’. Пословица *Чаппаа кижинин сөзү хөй, чалгаа кижиниң чылдаа хөй* ‘У подхалима много слов, у лентяя много причин’ позволяет отнести лживость и лень к отрицательным качествам человека.

Сплетни и склонность к болтовне в тувинской культуре не признавались добродетелью, так, пословицы *Хоп хорандан хоралыг* ‘Сплетня хуже, чем яд’; *Хөөрем чорук көвук ышкаш* ‘Болтливость подобна пене’; *Аксым бар дээш алаң салбас* ‘Хвалясь красноречием, нельзя распускать язык’ говорят о пустоте, безрезультатности сплетен и болтовни. О болтливом

человеке можно сказать *дылы боош, дылы узун* букв. ‘с длинным языком’, ‘язык ненадежный’.

Итак, анализ языкового материала позволил показать «зло» как макроконцепт, который имплицитно репрезентируют устойчивые единицы тувинского языка, выявляющие порицаемые тувинским народом качества: жадность, лицемерие, хвастовство, хитрость, пьянство.

Литература

Воронцова Г. Н. Концептуальная дихотомия добро – зло в тувинских народных сказках // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 467–471.

Долгополова М. В. Когнитивное пространство «добро – зло» в паремиях русского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 126–128.

Доржу А. Ш. Концепт «добродетель» («ачы») как отражение системы ценностей тувинского народа (на паремиологическом материале) // Казанская наука. 2024. № 12. С. 443–446.

Иванов Е. Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401.

Иванов Е. Е. Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 4. С. 1154–1177.

Ломакина О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Том 7 (73). № 1. С. 97–107.

Ломакина О. В. Номинация ценности как когнитивная проблема (на материале русских пословиц о труде и безделье) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–1 (58). С. 277–280.

Лотря Л. В. Концептуальная оппозиция «добро-зло» в этноязыковой картине мира (на материале русского и чувашского языков): дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004.

Лянова А. М. Передача эмоциональности, экспрессивности и оценочности через коннотативное значение во фразеологизмах // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. 2020. № 4. С. 220–223.

Махмудова Ф. С. Фразеологическая объективация концепта добро/зло в китайском языке // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2021. № 3–4 (75). С. 289–299.

Писарь Н. В. «Добро – зло» в составе дихотомии «бог – дьявол» // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 180–182.

A. Sh. Dorzhu (*Kyzyl, Russia*)
Tuvan State University

MACROCONCEPT *EVIL* IN TUVAN LINGUOCULTURE (BASED ON PHRASEOLOGICAL UNITS AND PROVERBS)

The article is devoted to the description of the features of the representation of the concept *EVIL* in the Tuvan linguoculture implicitly. The stable units characterizing greed, drunkenness, envy, a tendency to chatter and gossip, hypocrisy, bragging, cunning and flattery as negative qualities of a person and components of the macroconcept *EVIL* are considered. The material of the study was the author's selection of stable units from lexicographic sources.

Key words: proverb, proverb, phraseological unit, values, concept *EVIL*, Tuvan language.

Н. А. Иванова (*Москва, Россия*)
МГИМО МИД России
ivanova_na@inno.mgimo.ru

И. А. Улиткин (*Москва, Россия*)
Государственный университет просвещения
ulitkin-ilya@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Терминология различных областей профессиональной коммуникации становится предметом изучения когнитивной лингвистики, где особое внимание уделяется не значению термина, а концептуальному соответствию, лежащему в его основе. Рассматриваются когнитивные аспекты перевода терминов в области профессиональной коммуникации. Предлагается способ перевода терминов с учетом когнитивного подхода к их переводу в профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: терминология, когнитивные механизмы, термин, профессиональная коммуникация.

Терминоведение как отдельная научная дисциплина является относительно молодой. Данное направление возникло из необходимости осуществления специализированной коммуникации и перевода в профессиональной

сфере, а также передачи знаний между специалистами различных областей знаний и языковых сообществ, которые имеют как схожие, так и разные уровни знаний.

Терминоведение как дисциплина зародилась в 1930-х годах благодаря работам австрийского ученого Ойгена Вюстера, автора книги «Станкостроение. Межъязыковой словарь основных понятий» [Wüster 1968], в которой он заложил основы организации технических словарей стандартизированных терминов, и отечественного терминоведа Дмитрия Семеновича Лотте, автора статьи «Очередные задачи технической терминологии» [Лотте 1931], в которой он привел классификацию терминов, методы изучения терминологии, основные особенности и задачи терминоведения.

На этапе становления терминоведения как науки [Лотте 1931; Винокур 1939] основное внимание уделялось классификации словарного состава языка в зависимости от его сферы использования, а также изучались основные закономерности функционирования терминов в профессиональной коммуникации.

В 1950–1960-е гг. в центре внимания лингвистов [Капанадзе 1965; Лейчик 2007] были такие вопросы как определение статуса термина, особенности передаваемого термином информационного содержания, проблема разграничения терминов и других единиц языка, а также особенности перевода терминов.

В конце 1960-х гг. для разграничения понятий термин и терминология вводится новое понятие, «под которым следует понимать раздел науки, исследующий семантическую природу, грамматическую организацию и законы функционирования терминов, обслуживающих различные сферы профессиональной деятельности человека. Таким образом, сохранив за термином *терминология* значение совокупности слов и словосочетаний, выражающих специально-профессиональные понятия, *терминоведением* называли научную дисциплину, предметом которой являются терминологии различных областей профессиональной деятельности человека» [Головин, Кобрин 1987: 7].

В 1970–1980-е гг. происходит уточнение и развитие взглядов на специальную лексику, формулируются общетеоретические положения терминоведения, которое приобрело статус самостоятельной науки [Даниленко 1977; Felber 1984].

Начиная с 1990-х гг. терминоведение получает дальнейшее развитие и представляет собой комплексную науку с различными направлениями исследования термина, определяются основные характеристики, законы и методы специальной лексики.

В конце XX в. появился ряд работ, посвященных когнитивному аспекту исследования терминологической лексики в синхронии и диахронии. С. В. Гринев отмечает, что в ближайшем будущем основным подходом к изучению терминов станет именно когнитивное терминоведение, которое позволит по-новому взглянуть на природу термина и особенности его функционирования в области профессиональной коммуникации [Гринев 2000: 33]. Как подчеркивает Л. А. Манерко, существует «настоятельная необходимость вести речь о когнитивном терминоведении, в котором должны рассматриваться терминосистемы через призму человеческой деятельности, антропоцентричности и посредством представления их функционально-семиотических характеристик» [Манерко 2002: 48].

Развитие терминологии напрямую влияет на эффективность профессиональной коммуникации, увеличивая объем обмена информацией между учеными и специалистами. В этой связи важным представляется изучение терминов в когнитивном аспекте, что позволит определить насколько мышление связано с процессом формирования и функционирования терминов, выражающих факты языковой действительности.

В основе любого термина лежит семантика, которая позволяет передать при помощи языка его содержание. Термины выступают в качестве специальных единиц языка, которые описывают реальные объекты окружающей нас действительности в сфере профессиональной коммуникации. Чаще всего термины используются специалистами и позволяют им общаться на одном языке. Различные ученые предлагают разные подходы к описанию терминов, но наиболее часто упоминаемыми являются лингвистический, коммуникативный и когнитивный способы [Sabré 1999: 39]. Последний способ подразумевает тот факт, что термин состоит не из отдельных знаков, а цельных концептуальных соответствий, которые упорядочены в сознании говорящего и вступают во взаимодействие с другими концептуальными соответствиями.

В результате развития когнитологии и когнитивной лингвистики происходит смещение акцента исследований от классической однозначности термина к его многозначности, и, следовательно, возможности его экспрессии, образности, эмоциональности, метафоризации и пр. Постепенно происходит понимание того, что при разработке когнитивных механизмов перевода терминов необходимо учитывать и его коннотативные значения (эмоциональность, образность, экспрессивность), и определенные семантические наслоения, которые играют ведущую роль в концептуализации окружающей человека действительности [Ивина 2003: 46].

С когнитивной точки зрения межъязыковая коммуникация и соответственно процесс перевода представляют собой «взаимодействие двух концептуальных пространств, результатом которого становится заимствованный концепт или концептуальная структура» [Голованова 2011: 108]. В результате такого взаимодействия осуществляется обмен информацией в профессиональной сфере либо при помощи заимствованных терминов при их отсутствии в одном из языков, либо при помощи уже имеющихся терминов при их некотором соответствии в языках общения. По мнению Е. И. Головановой, «на языковом уровне концептуальное соответствие проявляется в наличии релятивных лексических рядов, цепочек и парадигм, отражающих знания и опыт в определенных областях деятельности» [Голованова 2011: 108].

Накопление и освоение новых научных знаний в сфере профессиональной коммуникации способствует развитию терминологии, что в свою очередь подразумевает поиск наиболее удачного словесного выражения для тех или иных понятий. Все это позволяет утверждать, что появление термина есть ни что иное, как сознательный процесс осмысления окружающей нас действительности. По мнению Г. О. Винокура, «термины не появляются, а изобретаются, создаются по мере осознания ими своей необходимости» [Винокур 1939: 24]. Все это позволяет утверждать, что «исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как ментальных единиц» [Попова, Стернин 2007: 14].

Таким образом, перевод терминов в сфере профессиональной коммуникации с учетом когнитивного подхода может осуществляться в три этапа.

В ходе первого этапа (этап осмысления) переводчик воспринимает иноязычный термин, постигая его смысл на основе поиска концептуального соответствия. Здесь также возможен процесс предвосхищения значения, которое позволит дать итоговое значение термина на языке перевода. В данном случае переводчик осуществляет экспликацию концептуального соответствия рассматриваемого термина.

Во время второго этапа (собственно этап перевода) переводчик мысленно создает концептуальное соответствие термину, используемому в тексте оригинала, а затем осуществляет поиск эквивалентной ему концептуальной структуры в языке перевода. Здесь же происходит вычленение соответствия на основе уже имеющихся в языке концептуальных соответствий, а также осуществляется поиск стратегий адекватной замены в случае отсутствия эквивалента в языке перевода. В этом случае одним из приемов может быть моделирование концептуального соответствия, то есть создание нового понятия при помощи уже существующей в языке перевода аналогии.

В данном случае происходит выбор необходимого когнитивного механизма перевода термина.

В ходе заключительного, третьего, этапа переводчик создает на языке перевода соответствующий термин с учетом его концептуального соответствия термину в языке оригинала.

Таким образом, в ходе осуществления своей профессиональной деятельности переводчик фактически адаптирует термин в виде концептуального соответствия для существующей научной картины мира. То есть в процессе перевода переводчик использует свой накопленный опыт для создания концептуального соответствия тому или иному термину. К сожалению, на данный момент нельзя однозначно сказать, как точно осуществляется этот процесс отбора соответствия и формирования переводческого решения и как он влияет на конечный результат перевода, однако можно точно утверждать, что именно экстралингвистические категории, такие как память и накопленный когнитивный опыт, которые могут быть представлены в виде знания концептуальных соответствий, позволяют переводчику осуществлять поиск эквивалентов и принимать нужные переводческие решения.

Литература

Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. Т. 5. 1939. С. 3–55.

Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2011.

Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пос. для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1987.

Гринев С. В. Терминоведение на пороге третьего тысячелетия // Научно-техническая терминология (научно-реферативный сборник). М.: ВНИИКИ, 2000. № 1. С. 31–34.

Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.

Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): учебно-методическое пособие. М.: Академический Проект, 2003.

Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. С. 75–85.

Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Лотте Д. С. Очередные задачи технической терминологии // Известия Академии Наук СССР. 1931. Сер. 7. № 4. Отд-ние обществ. наук. С. 883–891.

Манерко Л. А. Когнитивно-дискурсивный аспект исследования номинативных единиц в современном английском языке // Когнитивная парадигма: Фреймова

семантика и номинация: межвуз. сб. науч. статей. № 1. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. С. 97–111.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Cabré Castellvi M. T. Terminology. Theory, Methods, Applications. Translated by Janet Ann DeCesaris. Amsterdam: John Benjamins, 1999.

Felber H. Terminology Manual. Paris: UNESCO & INFOTERM, 1984.

Wüster E. The Machine Tool. An Interlingual Dictionary of Basic Concepts. London: Technical Press, 1968.

N.A. Ivanova (Moscow, Russia)
MGIMO University

I.A. Ulitkin (Moscow, Russia)
State University of Education

COGNITIVE MECHANISMS OF TRANSLATION OF TERMS IN THE FIELD OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

Terminology of various areas of professional communication becomes the subject of study of cognitive linguistics, where special attention is paid to the conceptual correspondence of the term rather than to its meaning. Cognitive aspects of translation of terms in the field of professional communication are considered. A method of translation of terms is proposed, which takes into account the cognitive approach to their translation in professional communication.

Key words: terminology, cognitive mechanisms, term, professional communication.

И. Н. Ивашкевич (Минск, Беларусь)
Международный университет МИТСО
ivash@tut.by

ОБ АНТРОПОМОРФНОМ ВОСПРИЯТИИ МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКИХ ПРИРОДНЫХ ПРОСТРАНСТВ

В статье рассматриваются вопросы антропоморфной метафоризации сквозь призму семантики английских природных пространств, которая сохраняет связь с персонификацией и анимизацией. В терминах частей тела возможна интерпретация основных концептосфер бытия англичан (названий растений, животных, предметного

мира, абстрактных понятий и т.д.), что свидетельствует о том, что данный домен является одним из основных сфер-источников вторичной репрезентации фрагмента английской языковой картины мира.

Ключевые слова: метафоризация, природные пространства, части тела, концептосфера, антропоморфизм.

Настоящая статья посвящена замечательному юбилею коллектива научного сообщества «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы», разносторонняя и многоаспектная деятельность которого, под руководством доктора филологических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Николая Николаевича Болдырева, получила заслуженное общественное и государственное признание.

На современном этапе развития научной мысли изучение языка как важнейшей «когнитивной составляющей человеческого мозга» во многом изменило методы, цели и задачи лингвистических описаний, в которых все больше укрепляется мысль о том, что понять природу языка можно лишь исходя из человека и его мира в целом. «Цель когнитивной лингвистики <...> может быть сформулирована следующим образом: посредством постижения языка проникнуть в формы разных структур знания и описать существующие между ними и языком зависимости [Болдырев 2004: 23]. Эта цель лежит в основе фундаментальной исследовательской программы научной школы «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы», где ученые-когнитологи продолжают работу над построением общей теории языковой репрезентации знаний на основе изучения особого типа когнитивных структур, связанных с интерпретативной деятельностью человека.

Исследование языковых явлений в когнитивном освещении проводится в тесной связи с изучением сознания, мышления и практической деятельности человека, где особо акцентируется один из главных принципов современной лингвистики – принцип антропоцентризма, который непосредственно коррелирует с принципом антропоморфизма. Суть данных принципов заключается в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствование».

вания. Человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели. В лингвистике антропоцентрический принцип связан с попыткой рассмотреть языковые явления в связи «язык и человек» [Кубрякова 1995: 212]. Данные принципы оказывают влияние и на методы изучения языковых систем в когнитивном освещении, в которых вскрываются «глубинные структуры» и стоящие за ними знания. Описывая специфику отображения мира психики и знания в языке, В. Н. Телия отмечала, что «образы мира и человека взаимноизоморфны» [Телия 1987: 67].

Цель настоящей статьи – описать некоторые аспекты антропоморфного восприятия мира сквозь призму семантики природных пространств, которые являются обширнейшей областью познания для англичан. Антропоморфизм рассматривается как концептуальная и мировоззренческая концепция, выраженная номинативными средствами языка, изобразительных искусств, в центре которой – перенесение человеческого образа и его свойств на неодушевленные предметы и животных, растения, природные явления, сверхъестественных существ, абстрактные понятия и др. В некоторых исследованиях ученые представляют принцип антропоморфизма как в узком, так и широком смысле слова. Так, антропоморфизм в узком смысле слова – это или полное «очеловечивание» (персонификация) нечеловеческих сущностей, т.е. их представление в образе людей, или же частичная антропоморфизация (например, приписывание объектам внешнего мира наличия глаз, рук, ног, имени, характерных человеческих свойств или действий и т.п.). Антропоморфизм в широком смысле слова подразумевает наделение объектов внешнего мира не только прямыми чертами человеческого облика, но и атрибутами, формами и свойствами всего человеческого мира, всего, что создано человеком вокруг себя [Толстая 2004].

Отметим, что в когнитивных исследованиях постулируется особая роль человеческого тела для целей категоризации мышления, сознания и языка. С позиций корпореального подхода (*embodied cognition*) изучается опыт взаимодействия тела с окружающим миром, что представлено во многих зарубежных работах (см.: [Johnson 1987; Lakoff, Johnson 1999 и мн. др.]). В этих когнитивных работах красной нитью проходит мысль о том, что ментальные и языковые категории формируются исходя из особенностей устройства и функционирования человеческого тела. Дж. Лакофф и М. Джонсон, авторы исследования «Философия во плоти: воплощенный разум и его вызов западной мысли», продемонстрировали, что тело человека и его взаимодействие с окружающей средой являются базовым источником метафоризации в языке. Ученые постулируют, что понятийные и языковые

категории возводятся к особенностям устройства и функционирования человеческого тела – например, его асимметрии, проявляющейся в наличии у человека «верха» и «низа», «правого» и «левого» с их различной ролью в восприятии окружающего мира. Эта идея связана с именем М. Джонсона, который акцентировал внимание на том, что человек воспринимает и интерпретирует окружающий мир главным образом на основании своего физического, телесного опыта, включая двигательный опыт – ощущения телесного положения и движения, и многие абстрактные концепты являются расширением физических концептов [Johnson 1987: 233].

Антропоморфная модель концептуализации окружающей действительности занимает важное место в системе английского языка, являясь, по оценке ученых, частью древнейшего антропного, или собственного человеческого, кода культуры. Подчеркнем, что когнитивный процесс антропоморфизации в английском языке может иметь два направления реверсивного метафорического переноса: 1) характеристики и качества человека переносятся на предметы и явления (ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА → ПРИРОДНЫЕ ПРОСТРАНСТВА); 2) свойства природы проецируются на человека (ПРИРОДНЫЙ ОБЪЕКТ → ЧАСТИ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА). Это свидетельствует о том, что восприятие мира в английском языковом сознании происходит сквозь призму человека и соизмеряется с человеком.

Об антропоморфности английского языка свидетельствует, прежде всего, номинация пространственных объектов с помощью лексики, называющей тело человека или его частей. При этом формируется одна из семантических универсалий языка – антропоморфные метафоры. Ср.: *the face of the earth, the face of the country, the brow of the hill/the shoulder of the hill, the mouth of the river* и др. Метафорическое *sole* означает ‘дно долины’, *neck of land* ‘перешеек’, *white nose* ‘небольшая волна с белым гребнем’, *body of land* ‘земля’, ‘материк’, ‘суша’, *neck of the woods* ‘местность’ и др.: *What brings you to this neck of the woods? (neck of your woods ‘someone or something that is from your neck of the woods is from the same part of the country as you are’)* [CED]. Таким образом, в английском языке происходит «своеобразное «очеловечивание» вселенского пространства через его связь с частями человеческого тела: / подножье горы, горный хребет, устье реки, глава горы, горловина и т. д., а также понятия правое/левое, верх/низ и др.» [Топоров 1983: 232].

Природные объекты могут зачастую наделяются антропоморфными характеристиками, обозначая либо человека, либо группу лиц, и сравнивая их с природными объектами. Например: *Anthony Carey was a mountain of a man. Nothing ever wavered him, nothing broke him* [COCA].

Как и живые существа, они могут совершать физические действия, либо испытывать физиологические реакции (разговаривать, испытывать одиночество, боль, проявлять чувства и др.), актуализируя, тем самым, одну из самых древних стратегий метафоризации. Ср.: 1. *Wind echoing strangely around unseen rock faces – the giant sighs of a sleeping mountain*. 2. *The ocean's a killer;» said Michael, but the river is nice* [BNC]. В примере (1) способом создания персонифицированного образа (букв. 'вдыхающей спящей горы') является использование имени существительного *sigh* ('вдох'), которое обозначает свойственное человеку физическое действие, связанное с выражением определенного чувства ('a long, deep audible exhalation expressing sadness, relief, tiredness, or simila') и прилагательного *sleeping* образованного от глагола 'to sleep' с присущей ему антропоморфной семантикой (*When you sleep, you rest with your eyes closed and your mind and body inactive*). Во втором примере – олицетворение океана с убийцей – происходит за счет профилирования семы одушевленности в семантике имени: 'a killer is a person who has killed someone, or who intends to kill someone' [CED] т.д. В интерпретации ученых, человек воспринимает происходящее через призму собственного «я»: своих размеров, намерений, уже имеющихся знаний и пр., и при этом создает, «строит» образ воспринимаемого объекта или явления и одновременно производит его подсознательную интерпретацию [Рябцева 1995: 234].

Увеличению аудиальной (звуковой) картины мира англичан способствует метафорическая номинация волн, водных потоков, водопадов, движение которых по водной поверхности сопровождается характерным звуком, что и получает свою вербализацию в языке. Ср. RIPPLE 'a slight wave or undulation on the surface of water' → 'a sound reminiscent of water flowing quietly in ripples (*a ripple of laughter* 'тихий смех'; *ripple applause* 'волнообразно распространяющиеся аплодисменты')'. SWELL 'the undulating movement of the surface of the open sea' → 'a crescendo followed by an immediate diminuendo' (увеличение силы звука в музыке, следующее за уменьшением интенсивности звука). Признак ритмичного движения (оппозиция вверх/вниз) лежит в основе семантического сдвига 'колебание водной поверхности' → звук 'колебание интенсивности звука', который воспринимает человек. Корреляция перцептивных признаков и признаков движения в семантике первичных природных реалий (небольшая/большая волна + движение волны на поверхности) являются когнитивным основанием для метафорического переноса в мир человеческих звуков, указывая на степень фиксированности высоты и громкости звуков значения вторичных языковых знаков.

Таким образом, одним из способов создания антропоморфных образов английских природных пространств является использование имен

существительных, в семантике которых находит фиксацию признаков одушевленности, который свойственен лексике, характеризующей человека. Однако, как показывает проведенный концептуальный анализ, в такой роли могут выступать и глаголы. Ср.: *When water laps against something such as the shore or the side of a boat, it touches it gently and makes a soft sound. Streams whisper and waterfalls roar; a soft rush echoes from mountain gorges, and forest leaves drip with life* [BNC]. По замечанию Н. Д. Арутюновой, «присутствие человека дает о себе знать на всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» [Арутюнова 1999: 3].

Одним из основных когнитивных механизмов «очеловечивания» природных пространств в англоязычной культуре являет антропоморфная метафора, которая «сохраняет связь с мифологическим восприятием, антропоморфизацией, персонификацией, анимизацией». В терминах частей тела (так называемых соматизмов) возможна интерпретация основных концептосфер бытия англичан (названий растений, животных, предметного мира, абстрактных понятий и т. д.), что свидетельствует о том, что данный домен является одним из основных сфер-источников репрезентации семантического образа и формирования новых структур знания об определенном фрагменте английской языковой картины мира.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 3–17.
- Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.
- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). М.: Ин-т языкознания РАН, 1995.
- Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.
- Телия В. Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 65–75.
- Толстая С. М. «Очеловечивание сущего»: заметки об антропоцентризме и антропоморфизме в языке и культуре // Антропоцентризм в языке и культуре. М.: Индрик, 2017. С. 8–24.
- Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст, семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- BNC – British National Corpus <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 16.11.2023).
- Collins English Dictionary. L., 1997.

COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.buy.edu/coca/> (дата обращения: 16.11.2023).

Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning Imagination and Reason. Chicago, London: University of Chicago Press, 1987.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy In The Flesh: The Embodied Mind And Its Challenge To Western Thought. New York: Basic Books, 1999.

I. N. Ivashkevich (Belarus, Minsk)
International University MITSO

ON THE ANTHROPOMORPHIC PERCEPTION OF THE WORLD THROUGH THE PRISM OF THE ENGLISH NATURAL SPACES

The article deals with the issues of anthropomorphic metaphorisation through the prism of the semantics of English natural spaces, which retains a connection with personification and animisation. In terms of body parts it is possible to interpret the main conceptual spheres of English people's existence (names of plants, animals, object world, abstract concepts, etc.), which indicates that this domain is one of the main sources of secondary representation of the semantic image of a fragment of the English linguistic picture of the world.

Key words: metaphorisation, natural spaces, body parts, conceptsphere, anthropomorphism.

Е. Е. Киреевкова (Санкт-Петербург, Россия)
*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
ekaterina.koryukina@gmail.com*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОГО МОДУЛЯ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

В данной статье речь идет о современном взгляде на развитие когнитивной лингвистики; исследуются новые тенденции в лингводидактике для изучения иностранного языка на базе уже существующих когнитивных теорий о хранении, переработке, извлечении и поддержании информации во время понимания и воспроизведения речи в отдельных языковых модулях сознания человека.

Ключевые слова: когнитивная лингводидактика, концепты, языковой модуль, лингвистические знания.

Изучение иностранного языка неразрывно связано с лингвосоциальным аспектом, поскольку каждый язык существует в определенном контексте, который влияет на него. При общении пользователи языка взаимодействуют друг с другом. Следовательно, преподавание и изучение языка является продуктивным лишь с опорой на социальное восприятие, оценку, понимание представителей разных национальностей не только предметов материального мира, но и социальных «объектов».

Стоит отметить, что лингводидактика связана и с пользователями разного уровня владения языком, соответственно, необходимым является определение границ так называемых базовых, универсальных концептов, или «тематических примитивов» [Одинцова 2014: 59]. Они представляются достаточными для общения на иностранном языке в реалиях современности.

Для лингводидактики актуальным является тщательный отбор концептов и работа с ними. В объемных концептах фиксируются центральные и периферийные зоны: выделяются национально окрашенные концепты, отражающие картину мира человека. В универсальных концептах также отмечаются национально окрашенные зоны. В когнитивной лингводидактике решаются проблемами обучения языку как речемыслительному процессу, речемыслительной деятельности, в результате чего языковые знаки приобретают значение и смысл [Болдырев 2004: 22].

Понятие «рабочей памяти» стало широко использоваться для определения механизмов или процессов, которые играют важную роль во временном хранении, переработке информации и поддержании ее во время когнитивных операций, как понимание и воспроизведение речи. Рабочая память занимает основную роль в процессе обучения. Она обрабатывает и фильтрует поступающую информацию, а затем передает часть этой информации на хранение в долговременную память [Попова 2001: 10].

Британский лингвист Майкал Шервуд Смит (Michael Sharwood Smith), исследователь в области лингвистики и когнитивной науки, занимающейся полилингвизмом и усвоением неродных/ иностранных языков совместно со своим коллегой из Национального университета Цинхуа (Тайвань) Джоном Траскоттом (John Truscott) разработали теоретическую платформу MOGUL (Modular Online Growth and Use of Language), или «Модульный онлайн-рост и использование языка». MOGUL, в первую очередь, интересуется умственными или психологическими процессами, принимая генеративный взгляд на язык и когнитивный взгляд на его развитие.

Авторы концепции MOGUL считают, что некоторые основы языка являются врожденными, хранятся и обрабатываются в отдельных языковых

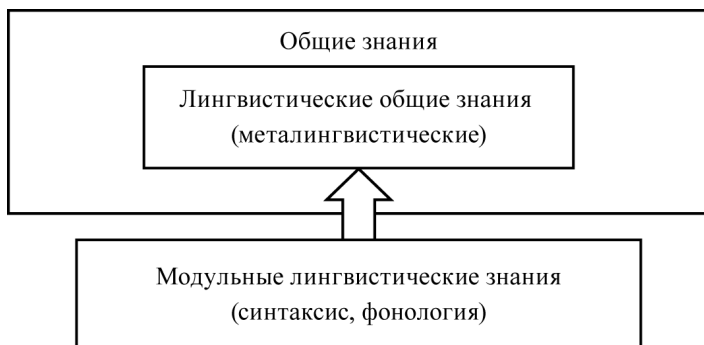

Рис. 1. MOGUL: типы знаний, необходимые для изучения языка

модулях сознания. Одной из задач сторонников MOGUL является определение представления внешнего и внутреннего мира в сознании человека. Исходя из принципов MOGUL, сознание имеет модульную структуру и сконструировано из ряда «систем» (отдельных хранилищ памяти и отдельных процессоров, связанных с каждым из них) и интерфейсов, которые их соединяют.

Помимо языкового модуля существуют так же слуховая, зрительная, понятийная, аффективная (эмоциональная) и двигательная системы. MOGUL опирается на узуальный подход к изучению языка, но его отличие в том, что «он утверждает существование врожденных языковых примитивов (UG) и формальной архитектуры языка, вытекающей из них» [Whong 2011].

MOGUL развивает идею модульности разума, другими словами, языковой модуль ограничен основными аспектами языка (фонологией, синтаксисом и семантикой). Одной из отличительных черт модульного знания является то, что оно недоступно сознательной обработке, ведь обработка синтаксических и фонологических структур происходит без нашего контроля или понимания. В отличие от модульных знаний, общие знания доступны сознательной обработке.

Концепция MOGUL подразумевает наличие у языка обоих типов знаний, *модульных лингвистических знаний и (нелингвистических) общих знаний*, так как мы должны иметь общее представление и понимание о мире, чтобы сослаться на него лингвистически. Кроме того, возможно иметь и металингвистические знания о языке. В терминах MOGUL они называются *немодулярными лингвистическими общими знаниями*.

Для того, чтобы проиллюстрировать эти типы знаний, рассмотрим, следующий пример и обозначим основные знания для понимания этого высказывания:

ex. He knows if you've been naughty or nice

Для того, чтобы обработать данное англоязычное предложение носителю русского языка потребуется: знать принципы (1) английского синтаксиса, такие как порядок слов и согласование подлежащего и глагола, (2) английской фонологии, чтобы звуки можно было сегментировать в слова, и (3) английской семантики, чтобы понять, например, что подлежащее, выраженное местоимением, относится к некоторой сущности, не названной в предложении, но известной говорящему (носителю языка).

Примеры вышеперечисленных знаний хранятся в языковом модуле, или модульных лингвистических знаниях. Однако помимо этих языковых знаний есть дополнительная информация, которую носители определенной традиции или люди, изучающие английский язык, получают из знаний об истории и культуре страны изучаемого языка.

Соответственно, использование фразы *He knows if you've been naughty or nice* для большинства носителей английского языка, а также изучающих этот язык, вызовет ассоциацию с Санта-Клаусом и Рождеством, поскольку данная фраза является строчкой из рождественской песни *Santa Claus is coming to town*.

Однако, не имея дополнительных знаний о фразе, приведенной выше, не получится углубиться в ее смысл. А чтобы фраза приобрела более широкий смысл надо использовать знания, которые хранятся в немодульном, или общем компоненте ума. Таким образом, приведенный пример может рассматриваться как когнитивная конструкция, в основе которой лежит форма и смысл высказывания.

Далее стоит обратиться к немодульным лингвистическим общим знаниям (металингвистическим). Одним из основных аспектов концепции MOGUL является то, что «немодульный» компонент сознания также приспособлен для хранения знаний о языке. Для более ясного определения понятия лингвистического знания опять обратимся к примеру и выделим из него слова: *naughty and nice*. С точки зрения грамматики они выступают в качестве предикативных определений, что входит в понятие модульного лингвистического знания. Оно показывает, что данные определения выполняют в данном высказывании только эту функцию, а существование их в качестве глагола или предлога, будет грамматически неверным решением.

Например, следующие высказывания не будут иметь смысла: *I will naughty/nice (as a verb) my gifts for Christmas. *Put the gift naughty/nice (as a preposition) the tree.*

Однако, если рассматривать значения *naughty and nice* вне лингвистического контекста, с точки зрения языкового «обывателя», можем смело предположить, что данные прилагательные принадлежат понятию немодульного лингвистического знания. Это означает, что вне примера, который был приведен выше, *naughty and nice* не будут сопоставляться с Сантой Клаусом или Рождеством. Соответственно, в данном случае не будет работать модульное лингвистическое знание, которое также сопровождается знанием правильных синтаксических структур.

Стоит отметить, что лингвистические и металингвистические знания могут существовать вместе, поскольку языковой процесс основывается на обоих видах знаний, что дает возможность металингвистическим знаниям компенсировать модульные лингвистические знания. Если обучающийся не способен развивать модульные лингвистические знания, как это делают дети в раннем возрасте, он может потенциально развивать немодульные общие лингвистические знания посредством трудоемкой работы. Другими словами, существует как модульный, так и немодульный онлайн-рост и использование языка. И что самое обнадеживающее, нет причин, по которым немодульные знания не должны приводить к производству языка, подобного родному, — хотя это может потребовать много практики и использования.

Таким образом, MOGUL может быть полезен для преподавания языка, потому что отражает современные взгляды в лингвистике. Кроме того, эта структура позволяет комплексно понимать, что такое язык как на структурном, так и функциональном уровнях. Она также поддерживает открытия в области психологии, направленные на развитие и обработку знаний. То есть, MOGUL обеспечивает единую структуру (фрейм) для понимания сложных процессов, вовлеченных в развитие языка.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 1. 2004. С. 18–36.

Одинцова И. В. «Тематические примитивы» как основа обучения иностранному языку на начальном этапе // Мир русского слова. 2014. № 1. С. 58–63.

Попова З. Д. Из истории когнитивного анализа в лингвистике // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронеж. МИОН, Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 7–17

Melinda Whong. Language teaching. Linguistic theory in practice. Edinburgh: Edinburgh University press, 2011.

E. E. Kireenkova (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia
ekaterina.koryukina@gmail.com

TO THE QUESTION OF THE LANGUAGE MODULE FORMATION IN COGNITIVE LINGUODIDACTICS

This article discusses a modern view of cognitive linguistics development; the new trends in linguodidactics to study foreign language are explored based on existing cognitive theories about the storage, processing, extraction and maintenance of the information during the understanding and reproduction of speech in individual language modules of human consciousness.

Key words: cognitive linguodidactics, concepts, language module, linguistic knowledge.

Е. А. Красикова (Москва, Россия)
*Московский государственный
лингвистический университет*
krasikova.liza@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ: РОЛЬ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ КИТАЙСКОГО ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ЗНАКА

В статье рассматриваются концептуальные основания внутренней формы многозначного китайского иероглифического знака 股. Анализируется графическая и семантическая структуры логограммы с целью выявления базовых концептов и концептуальных операторов, формирующих концептуальную внутреннюю форму иероглифического знака. Концептуальный анализ показывает, что китайская письменность служит важным когнитивным инструментом и источником формирования представлений об образном мышлении носителя китайского языка. В графической форме китайской логограммы содержатся информация, которая отражает интерпретацию мира, характерную для китайского языка.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, концептуальная внутренняя форма, интерпретация, китайский язык, логограмма.

Язык – как одно из средств доступа к сознанию человека, к концептосфере позволяет эксплицировать концептуальное содержание сознания носителя языка (см.: [Болдырев 2016]). В китайском языке глубинные

аспекты китайского мышления отражены, в первую очередь, в иероглифическом письме. Иероглифика, как особая система письменности, не только служит средством коммуникации, но и является ценнейшим источником для дешифровки когнитивных особенностей носителей китайского языка. Китайская письменность также неразрывно связана с китайской культурой. Одним из подтверждений данному положению может служить тот факт, что в китайском языке для обозначения таких понятий, как «культура» и «письменность» употребляется одна общая номинация 文化 *вэньхуа*. Как отмечает Н. А. Спешнев, «иероглиф – это не только некое обозначение, которое со временем меняется. Это и передатчик информации» [Спешнев 2023: 101]. Целью данной статьи является рассмотрение концептуальной внутренней формы (далее КВФ) иероглифического знака, которая представляет собой важный ключ к пониманию культурных и когнитивных особенностей, влияющих на восприятие и интерпретацию информации носителем китайского языка (см.: [Беляевская 2008]).

КВФ иероглифов включает в себя не только их графическую структуру, но и семантические, а также фонетические аспекты. Каждый иероглифический знак содержит не только определенное денотативное значение, которое может быть связано с культурными традициями, историческими событиями и философскими концепциями, но также является передатчиком информации, которая «закодирована» на глубинном уровне иероглифического знака. Например, в КВФ иероглифов 婚 (свадьба) и 娶 (брать в жены) содержится дополнительная информация о том, что «в далекие времена в Китае существовал обычай похищать невесту в сумерках и что свадебный обряд происходил в вечернее время» [Спешнев 2023: 101]. Мышление носителей китайского языка формируется под влиянием культурного контекста, который находит отражение в иероглифической письменности. Концептуальная внутренняя форма иероглифов позволяет выявить, как носители языка воспринимают и интерпретируют окружающий мир.

Рассмотрим в качестве примера многозначную логограмму 股 *гǔ*. С целью моделирования КВФ данного иероглифического знака был проведен многоступенчатый анализ, который включал в себя следующие этапы:

На **первом** этапе исследования вслед за О. М. Готлибом (см.: [Готлиб 2007]) была проанализирована графическая форма логограммы, которая представляет собой фоноидеогамму, состоящую из графем (肉 *мясо,肢体 тело, конечности и корпус*) + (殳 *ника бамбуковая, 持械打击 удар вооруженного человека*) со значением 挨打的肢体 *тело, подвергшееся удару*

[URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=8994>]. Как мы увидим далее, данные графемы мотивируют дальнейшее развитие многозначности рассматриваемого иероглифического знака.

На **втором** этапе было описано первое значение иероглифа 股: 名词, 臀部, 大人教训孩子时常鞭打的部位 первоначальное значение: имя существительное, *ягодицы – это та часть тела, по которой взрослые часто бьют плетью в целях воспитания*. В словаре 说文解字 Шовэнь цзецзы зафиксировано следующее значение: 股, 髀也 бедро, ляжка.

На **третьем** этапе исследования вслед за Е. Г. Беляевской (см.: [Беляевская 2009]) был проведен анализ лексикографических источников 汉字形义分析字典 (1999), 新华多功能字典 (2008), 汉语量词大词典 (2013), 新华大字典 (2015), 现代汉语词典 (2016), и на основе полученных данных были установлены базовые концепты (далее БК) и концептуальные операторы (далее КО), формирующие когнитивное основание для КВФ иероглифического знака 股 (см. табл. 1):

Таблица 1

Когнитивные доминанты, выделенные из концептуальных оснований семантики иероглифического знака 股

Базовый концепт	Концептуальный оператор
Целое	Существует целое
Часть	По форме: 1) цилиндрическая с прямой траекторий; 2) длинная линия с прямой траекторий
Характер целого	Структура/субстанция
Соотношение части и целого	Целое разделяется на части
Функция	1) Опора 2) резкое движение
Цель	Имеется
Адресат	Подразумевается

На основе проанализированных словарных дефиниций была выявлена доминирующая роль вышеуказанных концептов в формировании КВФ анализируемого иероглифа. Было отмечено, что в результате синтеза БК и КО формируется комплексная иерархическая КВФ иероглифического знака 股 в китайском языке, которая обуславливает особенности употребление иероглифического знака 股 в составе многосложных лексем китайского языка, что подтверждается следующими примерами:

БК часть (КО форма: цилиндрическая с прямой траекторией): 股肱 *бедро и плечо*, 股掌 *нога и рука*. Интересно отметить, что в метафорическом значении лексемы 股肱 *бедро и плечо* и 股掌 *нога и рука* синонимичны, поскольку образно обозначают *опору, верного помощника, 'правую руку', ближайших помощников*. Лексема 大腿 *бедро* в переносном смысле также обозначает *влиятельную персону*.

БК часть (КО форма длинная линия с прямой траекторией): 勾股 *меньший и больший катеты* (в математике), 绳股 *проволочная прядь; прядь троса; стренга*.

БК соотношение части и целого (КО целое разделяется на части) + **БК функция** (КО опора): 股息 *дивиденд*, 股长 *заведующий секцией (сектором, группой)* 2) *командир отделения, секции* (о военном деле).

Функционируя в качестве счетного слова, иероглифический знак 股 «вбирает» в себя следующие БК и КО:

БК часть (КО форма цилиндрическая с прямой траекторией) + **БК функция** (резкое движение) + **БК цель**: 一股人流 *людовой поток (скопом)*, 两股敌军 *две колонны неприятельских войск*, 一股鲜血 *поток крови (резкий запах)*, 一股瀑布 *водопад*, 一股子勇气 *со всем мужеством*, 一股子恼气 *вспышка гнева*, 一股干劲 *порыв энтузиазма, энергии, рвение, усердие*, 一股烟悬在休眼火山上空 *Над вулканом Сюянь висит столб дыма*.

Последняя группа примеров показывает, что при переводе на русский язык счетного слова 股 эквивалентами могут служить такие существительные, как [целая] струя, [целый] поток, [целое] облако (*пыли*), наплыв, прилив, колонна, столб, вспышка, порыв.

Проведенный концептуальный анализ иероглифического знака 股 позволяет графически представить ментальную модель его КВФ следующим образом – см. рис. 1.

Условное графическое изображение призвано наглядно показать, что на основе проведенного анализа языкового материала были сделаны выводы о том, что КВФ данного иероглифического знака, представляет собой сложную иерархическую структуру из синергетически взаимодействующих между собой БК и КО, которая высвечивает две центральных когнитивных доминанты: во-первых, идею цилиндрической формы, и, во-вторых, идею целенаправленного (иногда резкого) движения по определенной траектории. Из этих выводов следует, что, употребляя данную

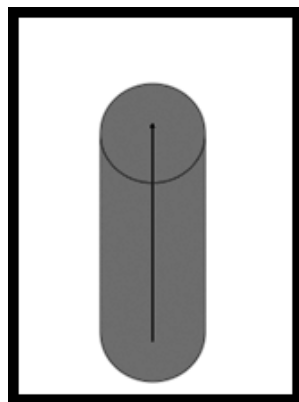

Рис. 1. Концептуальная внутренняя форма иероглифического знака 股

языковую единицу в речи, носитель китайского языка в первую очередь опирается на образ формы объекта, а также на выполняемую объектом функцию.

Письменность играет в китайском языке особую роль, и изучение интерпретации мира в языке должно начинаться с анализа КВФ китайских иероглифических знаков, поскольку они являются важным инструментом для понимания образа мышления носителей китайского языка. Исследование данной темы открывает новые горизонты для понимания взаимосвязи между языком, мышлением и культурой.

Литература

Беляевская Е. Г. Концептуальные основания семантики и «внутренняя форма» языковых единиц // Когнитивные исследования языка. 2009. № 2. С. 342–351.

Болдырев Н. Н. Когнитивная природа языка. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016.

Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: Изд-во «КАРО», 2023.

汉字形义分析字典. —北京: 北京大学出版社, 1999年, 736 页.

新华多功能字典. —北京: 商务印书馆辞书研究中心编, 2008, 1331 页.

汉语量词大词典. —上海: 上海辞书出版社, 2013 年, 322 页.

新华大字典. —北京: 商务印书馆国际有限公司, 2015 年, 1352 页.

现代汉语词典. 第7版. 北京: 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编商务印书馆, 2016–1800 页.

E. A. Krasikova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

INTERPRETATION OF THE WORLD IN LANGUAGE: THE ROLE OF THE INNER FORM OF THE CHINESE HIEROGLYPHIC SIGN

The article examines the conceptual foundations of the inner form of the polysemous Chinese hieroglyphic sign 股. The graphical and semantic structures of the logogram are analyzed in order to discover the basic concepts and conceptual operators that form the conceptual internal structure of the hieroglyphic sign. The conceptual analysis shows that Chinese writing is an important cognitive tool and a source of insights into the imaginative thinking of a native Chinese speaker. The graphic form of a Chinese logogram may contain important cues helping to explain how information about the world is reflected and interpreted in language.

Key words: cognitive linguistics, concept, conceptual inner form, interpretation, the Chinese language, logogram.

В. О. Николаев (Санкт-Петербург, Россия)

Ленинградский государственный университет

им. А. С. Пушкина

tenn11054@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *TRUST* В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье проводится анализ языкового выражения концепта *TRUST* в среднеанглийском языке на материале корпусных баз данных. Рассмотрение словарных данных о ключевой лексеме, репрезентирующей концепт, позволило выделить такие ядерные признаки концепта, как *доверие*, *веру в Бога*, *убежденность в истинности*. На основании текстов, содержащих лексему-репрезентант, были выделены такие периферийные признаки, как *размер*, *объем*, *качество* и *истинность*.

Ключевые слова: среднеанглийский язык, концепт *TRUST*, когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика.

Когнитивная лингвистика остается одним из наиболее актуальных направлений в отечественном языкознании, исследования в рамках которого позволяют выявить и структурировать процесс восприятия действительности [Болдырев 2019: 38].

Центральным понятием когнитивной лингвистики является **концепт**. По определению Н. Н. Болдырева, **концепты** – это единицы концептуального (познавательного) содержания, выделяемые человеком с целью последующей передачи их в языковой форме или дальнейшего накопления знаний о мире [Болдырев 2016: 18].

Исследования языкового выражения концептов в среднеанглийском языке позволяют построить фундамент диахронического исследования, на основании которого возможно проследить появление, утрату или модификацию компонентов концепта, а следовательно, отследить динамику восприятия действительности носителями языка [Нильсен 2014].

Анализ языкового выражения концепта осуществляется путем построения его номинативного поля, то есть выделения его центральных признаков – на основании словарных дефиниций ключевой лексемы, репрезентирующей концепт в языке – и периферийных, на основании наблюдения за реализацией выявленной лексемы непосредственно в языке [Попова, Стернин 2007: 124–125].

Ключевое слово, репрезентирующее концепт *TRUST* в среднеанглийском языке, – *trust(e)*, а также его вариации (*trost(e)*, *troiste*, *trist(e)*, *trest(e)*, *treost*, *turst*, *prist*, *thrist*). В толковом словаре среднеанглийского языка Middle English Dictionary представлены такие значения рассматриваемого

существительного, как: *trust(e)* – 1) *confidence, reliance*, 2) *religious belief or faith*, 3) *overconfidence*, 4) *confident expectation or well-grounded hope*, 5) *reliability, faithfulness* [Middle English Dictionary].

Таким образом, можно выделить следующие центральные признаки концепта TRUST: 1) чувство доверия; 2) вера в Бога; 3) чрезмерная вера в себя; 4) уверенность в вероятности события, в том числе обоснованная; 5) убежденность в верности или честности человека.

В целях получения данных о реализации выделенных центральных и потенциальных периферийных признаков концепта TRUST был произведен анализ следующих коллокаций его ключевой лексемы:

1) ключевая лексема-репрезентант + существительное / существительное + ключевая лексема-репрезентант;

2) глагол + ключевая лексема-репрезентант / ключевая лексема-репрезентант + глагол;

3) прилагательное + ключевая лексема-репрезентант.

Анализ первого и второго типов коллокаций позволяет установить частотные субъектно-объектные отношения в процессе, номинируемой ключевой лексемой, репрезентирующей концепт, а первый и третий типы сочетаний позволяют сделать вывод его частотных ассоциативных (когнитивных) характеристиках.

Поиск текстов производился посредством корпуса среднеанглийского языка *Corpus of Middle English Prose and Verse*, отбор сочетаний производился методом сплошной выборки.

По результатам исследования были выявлены частотные коллокации лексемы-репрезентанта со следующими существительными: *god* (Бог), *forgevenesse* (прощение), *grace* (благодать), *mercy* (милость), *sauacioun* (спасение). Употребляется *trust(e)* и в отношении Иисуса Христа (*triste to Iesus Criste*) или святых (*trist in saint Andrew*), а *trust* обозначается и в качестве спасителя: *Crist seide: 'See, for þi trust haf saued þe.'* (Middle English Prose and Verse). Справедливо будет полагать, что концепт в рассмотренных примерах реализуется в значении «веры» или «надежды».

С существительным *hope* также были выявлены случаи употребления *trust*, как в следующем примере: *The paynenis had a **truste** and a **hope** that by their godis they wer releued and gretly sett up* (Middle English Prose and Verse).

Помимо вышеуказанных, были обнаружены и менее частотные коллокации: *þrist of wepnen*, *trust of sokoure*, *trist of tresour*, *trist of flesch*, *trost for riht*, *truste to yonder*, *trust on help*, *trust in woman*, *trist to lif*, *trust of fauour*, *trust of recoueringe and of hele*, *truste of word*, *trost in talys*. Данные примеры указывают на реализацию значения «доверия», причем как человеку (*truste*

to yonder, trust in woman), так и его словам (*truste of word*). В последнем случае можно предположить, что *trust* репрезентирует отношение субъекта к истинности объекта.

В сочетании с лексемой-репрезентантом было выявлено частотное употребление следующих глаголов: *haven* (иметь), *setten* (устанавливать), *taken* (принимать), *yiven* (отдавать), *putten* (налагать, класть). Подобные результаты позволяют предположить, что концепт объективизируется, наделяется физическими свойствами, становится более реальным и осязаемым – настолько, что его можно передать от одного человека к другому или потерять (как в *losse of her owne trust*).

Прилагательными, обнаруженными в сочетании с лексемой-репрезентантом, являются: *gret* (великий), *full* (полный), *bade* (плохой), *gud* (хороший), *litel* (малый), *gracious* (милостивый), *tru* (истинный). Во-первых, подобные коллокации говорят о том, что *trust* «измеряется» по объему (*gret/litel trust(e)*). Во-вторых, *trust* «измеряется» качественно, как то в *Moyses... sayd... 'be ze of gud trest: god sall vs saue certayn'* (Middle English Prose and Verse). Кроме того, подобная оценка *trust* нередко происходит в контексте религии, то есть измеряется степень веры в Бога.

Из рассмотренных выше примеров можно сделать следующие выводы. Во-первых, концепт TRUST в языковой репрезентации в среднеанглийском языке крайне многогранен, поскольку отражает отношение человека к себе, к другим людям и к Богу. Наиболее частотные коллокации ключевой лексики-репрезентанта с существительными позволяют предположить, что отношение к Богу отражается чаще всего. Во-вторых, в своей сути исследуемый концепт отображает отношение субъекта к истинности объекта, степень уверенности в которой является измеримой.

Таким образом, в среднеанглийский период концепт TRUST соотносится с другими концептами, а именно GOD, FAITH, BELIEF, HOPE, TRUTH. К когнитивным признакам концепта относятся *объем* или *размер* (великий, полный, малый), *качество* или *истинность* (хороший, плохой, истинный). Концепт осмысливается как объект, обладающий физическими свойствами, который возможно передать или потерять.

Литература

Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуж. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 28–30 сент. 2016 г. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 16–25.

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 37–44.

Нильсен Е. А. Языковая объективация темпорального сознания: опыт диахронической концептологии (на материале английского языка): монография. П.-Камчатский: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2014.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Middle English Dictionary. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/c/collsize/collsize?summ=all> (дата обращения: 20.02.2025).

Middle English Prose and Verse. URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/> (дата обращения: 22.02.2025)

V. O. Nikolaev (Saint Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University

REPRESENTATION OF THE *TRUST* CONCEPT IN MIDDLE ENGLISH

The article examines the representation of the TRUST concept in Middle English based on the corpus data. Analysis of dictionary data on the key lexeme representing the concept allowed to identify such nuclear features of the concept as *trust*, *belief in God*, *conviction of truth*. Based on the texts containing the representative lexeme, such peripheral attributes as *size*, *volume*, *quality* and *truthfulness* were identified.

Key words: Middle English, TRUST concept, cognitive linguistics, corpus linguistics.

Е. С. Николаева (Ростов-на-Дону, Россия)
*Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)*
lenikol@yandex.ru

МЕТАФОРА КАК КОГНИТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Областью данного исследования является анализ концептуальной системы языка и изучения способов концептуализации действительности. Рассматривается концептуальная метафора как важный способ структурирования человеческого восприятия окружающего мира и понимания многих его явлений. Традиционно

рассматриваемая как исключительно риторический прием, метафора в когнитивной лингвистике обретает статус фундаментального когнитивного процесса, формирующего наше понимание мира. В статье углубляются теоретические предпосылки, лежащие в основе такого подхода, анализируются принципы формирования метафорических проекций и их влияние на когнитивные процессы.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, концепт, метафоризация, категоризация, когнитивная лингвистика.

Феномен метафоры рассматривается философами и лингвистами уже более двух тысячелетий. Большинство ученых сходятся во мнении, что истоки теории метафоры восходят к временам Аристотеля, который «определил и очертил границы метафоры для всей последующей истории западной мысли» [Ricoeur 1981: 3]. Философ подчеркивал, что «странные слова нас смущают, обычные слова выражают то, что мы уже знаем, а именно метафора позволяет открыть нам что-то новое» [цит. по: Smith 1982: 128]. В целом античная мысль оставила в наследие концепцию, согласно которой метафора рассматривалась как замена слова с отклонением от его прямого значения на основе сходства между двумя вещами и использовалась для достижения эффекта «понятности» и «убедительности». В эпоху Нового времени взгляды на метафору несколько изменились, иногда даже на диаметрально противоположные. Дж. Локк, в частности, был ярким противником употребления метафор, поскольку считал, что «метафоры не предназначены ни для чего другого, как для того, чтобы внушать ложные идеи, разжигать страсти и вводить в заблуждение» [Locke 1997], поэтому, по мнению философа, их следует избегать.

Основы теории концептуальной метафоры были заложены И. Ричардсом в его интеракционистской концепции метафоры, где метафора рассматривалась не как слово, а как взаимодействие двух мыслей: «использование метафоры предполагает существование двух мыслей о разных вещах, которые взаимодействуют друг с другом и выражаются одним общим словом, значение которого является результатом такого взаимодействия» [Richards 1936: 93]. Эти взгляды получили свое развитие в трудах М. Блэка, который сместил фокус метафорических исследований из области риторики и стилистики в сферу аналитической философии [Black 1993]. Все это привело к тому, что во второй половине XX века метафора стала рассматриваться как один из наиболее фундаментальных лингвистических вопросов, поскольку многие ученые воспринимали ее как ключ к пониманию процессов функционирования языка и даже особенностей восприятия реальности в целом.

С момента зарождения когнитивной лингвистики в 1970-х годах исследование метафоры занимает центральное место в этой научной парадигме,

поскольку ее изучение раскрывает способы, модели и механизмы познания, что является ключевой проблемой данного направления языкознания. Главной идеей этих исследований была мысль о том, что существование метафоры как языкового явления возможно благодаря тому, что она существует, прежде всего, как инструмент мышления и познания реальности.

В рамках когнитивной лингвистики термин «метафора» относится не к индивидуальному языковому высказыванию, а к модели концептуальных ассоциаций: «Метафора заключается в понимании одной сущности в рамках другой» [Lakoff, Johnson 2003: 5]. Теория концептуальной метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, в основном основывается на интеграции ряда теорий, включая теорию слияния, теорию первичной метафоры, нейронную теорию метафоры и теорию концептуального бленда [Lakoff, Johnson 2003].

В когнитивной парадигме метафора рассматривается в контексте теории концептуальной метафоры (ТКМ) – Conceptual metaphor theory, однако следует отметить, что эта теория известна также под другими названиями – “the contemporary theory of metaphor” (СТМ) – «современная теория метафоры», “the cognitive theory of metaphor” (СТМ) – «когнитивная теория метафоры». Однако наиболее широкое употребление получил термин «теория концептуальной метафоры», который взят за основу в данной научной работе.

Основополагающим понятием ТКМ является заимствованный из математики термин “mapping” («перенос»), который означает «преобразование» или «функция». В контексте когнитивной лингвистики этот термин используется для обозначения систематических метафорических соответствий между двумя связанными идеями (концептами). Таким образом, метафорический перенос охватывает две сферы или два концепта, которые называются доменами: исходный домен (source domain) и целевой домен (target domain). Суть метафорической проекции заключается в переносе признаков исходного домена на целевой, что возможно благодаря наличию определенных общих черт, которые обуславливают их ассоциативное сходство. Известным примером является концептуальная метафора *state is a ship*, которая подразумевает перенос характеристик корабля на государство [Grady 1999]. Таким образом, концептуализация домена *state* осуществляется на основе домена *ship*. Другими словами, знания о типичных чертах и свойствах корабля позволяют понять черты и свойства государства, то есть происходит осознание одного объекта через другой.

Систематическая проекция элементов исходного домена предполагает перенос не только когнитивных черт (например, прочность, размер), но и отношений между элементами домена и сценариев, которые его характеризуют.

Это позволяет развивать и расширять концептуальную проекцию. Например, концептуальная метафора *love is a journey* также включает перенос структурных элементов исходного концепта и их взаимосвязей (*ravelers are lovers, destination is marriage, bumps on the roads are problems*).

Процесс образования метафоры начинается с осознания необходимости выразить мысль об определённой идее (концепте). Осознание и объективизация концепта осуществляется относительно имеющегося опыта и информации о других известных ментальных конструктах, среди которых выбирается тот, который больше всего совпадает с «актуальными» (теми, которые требуют объективизации) классификационными и дифференциальными признаками целевого концепта. Таким образом, первым шагом к построению концептуальной метафоры является осознание ключевых когнитивных признаков целевого концепта, которые требуют объективизации, то есть объяснения относительно другого элемента когнитивного опыта. Вторым шагом является поиск исходного концепта, который содержит соответствующие признаки, имеющие статус прототипных в его когнитивном содержании.

По справедливому утверждению О. Ю. Любимовой, концептуальная метафора не сводится исключительно к математическому переносу признаков исходного домена на целевой, а всегда является погруженной в социокультурный и коммуникативный контексты, а потому может быть также индивидуально и ситуативно обусловленной [Любимова 2022].

В целом, теорию концептуальной метафоры можно свести к следующим тезисам:

1) Метафоры являются всеобъемлющими, поэтому они функционируют не только в художественной литературе, но и выступают основополагающим принципом человеческого мышления;

2) Метафоры не сводятся к арифметическому сравнению двух сущностей, а являются систематическими переносами признаков и структурных отношений исходного домена на целевой;

3) В рамках метафорических проекций исходный домен является более конкретным по сравнению с более абстрактным целевым доменом. То есть вектор метафоры направлен от конкретного к абстрактному домену;

4) Метафоры возникают в сознании во время мыслительной деятельности, а затем получают языковое выражение.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных теории концептуальных метафор, она подверглась критике некоторых исследователей, утверждающих, что метафору не всегда можно объяснить когнитивными процессами, она может быть вызвана культурными или контекстуальными

факторами [Semino 2008]. Однако лингвокультурные факторы также имеют когнитивную основу, поэтому культурно детерминированные метафоры тоже могут быть объяснены когнитивной теорией, но только с учетом соответствующего языка, в котором метафорические высказывания функционируют. Согласимся с утверждением Р. Гиббса о том, что различные теории метафоры описывают разные стадии ее формирования и функционирования с учетом различных аспектов [Gibbs 1992].

В целом большинство ученых подчеркивают важность теории концептуальной метафоры и других похожих концепций, поскольку их исследование является ключом к пониманию принципов познания. Существует мнение, что метафоры являются неотъемлемым элементом конструирования мировоззрения или даже что «метафора выступает одним из фундаментальных инструментов для выживания человеческого рода» [Grady 1999]. Метафора имеет бесспорную когнитивную природу и является инструментом для концептуализации абстрактной информации по отношению к материальным элементам внешнего мира, которые составляют центральный перцептивный опыт человека. Несмотря на наличие большого количества, посвященных проблеме метафоры, до сих пор нет единого мнения о механизмах построения метафорических проекций.

Литература

Любимова О. Ю. Когнитивный подход к концептуальным метафорам и его применение при анализе сложных абстрактных понятий в юридическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 9(864). С. 80–85.

Black M. More about metaphor // *Metaphor and Thought* / ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 19–41.

Gibbs Jr. R. W. When Is Metaphor? The Idea of Understanding in Theories of Metaphor // *Linguistics. Poetics Today*. 1992. V. 13. P. 575–606.

Grady J., Oakley T., Coulson S. Metaphor and blending // *Metaphor in cognitive linguistics* / ed. by R. Jr. W. Gibbs, J. S. Gerard. Amsterdam: John Benjamins, 1999. C. 101–124

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

Locke J. *An Essay Concerning Human Understanding*. London: Penguin, 1997.

Richards I. A. *The Philosophy of Rhetoric*. Oxford: Oxford University Press, 1936.

Ricoeur C. *The Rule of Metaphor: Multi-Disciplinary Studies of the Creation of Meaning in Language*. Toronto: University of Toronto Press, 1981.

Semino E. *Metaphor in Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Smith M. K. Metaphor and mind // *Review of Metaphors we live by*. Durham, 1982. P. 128–133.

E. S. Nikolaeva (*Rostov-on-Don, Russia*)
Rostov State University of Economics (RINH)

**METAPHOR AS A COGNITIVE TOOL
FOR CONCEPTUALIZING REALITY:
A THEORETICAL ASPECT**

The field of this research is the analysis of the conceptual system of language and the study of ways to conceptualize reality. The conceptual metaphor is considered as an important way of structuring human perception of the surrounding world and understanding many of its phenomena. Traditionally considered as an exclusively rhetorical device, metaphor in cognitive linguistics acquires the status of a fundamental cognitive process that shapes our understanding of the world. The article delves into the theoretical background underlying this approach, analyzes the principles of the formation of metaphorical projections and their impact on cognitive processes.

Key words: metaphor, conceptual metaphor, concept, metaphorization, categorization, cognitive linguistics.

Е. А. Никулина (*Москва, Россия*)
*Московский педагогический
государственный университет*
ea.nikulina@mpgu.su

М. А. Солошенко (*Санкт-Петербург, Россия*)
*Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого*
monikari@yandex.ru

**АНГЛИЙСКИЕ ТЕРМИНОЛОГИЗМЫ
КАК ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ
КОНЦЕПТА VICTORY**

В статье предпринимается попытка применить достижения когнитивной лингвистики к анализу терминологизмов английского языка. Целью статьи является выявить когнитивные основания глагола *win* как репрезентанта концепта VICTORY и проследить отражение соотношения его концептуальных составляющих с составом сверхсловных единиц, репрезентирующих концепт VICTORY.

Ключевые слова: терминологизм, концепт, концептуальная составляющая, победа, английский язык.

В своих работах Е. С. Кубрякова говорила о необходимости категоризации как процесса, который упорядочивает мир вокруг человека и, с одной стороны, выявляет сходство одних явлений, с другой, помогает определить критерии отличия других [Кубрякова 2004: 96]. Изучение явления категоризации терминологических словосочетаний, которые имеют буквальное, терминологическое значение, и второе, фразеологическое значение, невозможно в отрыве от общелексикологических проблем.

В настоящей статье ставится вопрос о возможности репрезентации концепта VICTORY терминологическими фразеологизмами (терминологизмами). Данные языковые единицы представляют собой языковой феномен, буквальное значение которого (чаще всего терминологического) переосмысливается и в дальнейшем актуализируются в речи «в зависимости от контекста употребления – терминологического или нетерминологического» [Никулина 2013: 10]. Глагол *win* является одним из репрезентантов концепта VICTORY, и было принято решение рассмотреть семантику данной единицы, исходя из наличия у нее как собственно семантического, так и глубинного уровня, на котором располагается внутренняя форма или, пользуясь термином Е. Г. Беляевской, «когнитивная модель», которая является общей для всех значений лексемы [Беляевская 2005].

Следуя алгоритму концептуального анализа, на первом этапе нашего исследования обратимся к этимологическому онлайн-словарю Online etymology dictionary: здесь представилось возможным выявить, что значение глагола *win* развилось в ходе слияния значений двух других глаголов: «be successful or victorious» in a game, contest, or battle, c. 1300, *winnen*. Заслуживает внимания тот факт, что в данной словарной статье указывается на слияние в глаголе *winnen* значений двух глаголов староанглийского языка: *winnan* в значении «to labor, toil, struggle for, work at; contend, fight» и *gewinnan* «to gain or succeed by struggling, conquer, obtain». Как видно из приведенной словарной статьи, в семантике глагола *win* выделяются компоненты «получить что-то/преуспеть в чем-то» и «прилагать усилия, работать, преодолевать». Таким образом, можно сделать вывод о том, что победа в чем бы то ни было равнозначна успеху, обладанию чем-то после преодоления какого-либо сопротивления, прикладывания усилий.

В этом же этимологическом словаре есть указание на то, что, что глаголы *winnan* и *gewinnan* восходят к протогерманскому глаголу **wennanan*, имеющему значение «to seek to gain,» т.е. «искать, чтобы обрести». Прослеживается связь с индоевропейским корнем **wen-* «to desire, strive for», («желать, прилагать усилия»), «want,» «try to obtain». Впоследствии значение «exert effort» в среднеанглийском изменилось на «earn (things of value) through effort» (с. 1300), но прослеживается в слове *breadwinner* [<https://www.etymonline.com>].

Проследив этимологию глагола *win*, было решено обратиться к современной трактовке данного глагола в толковом словаре Merriam-Webster online dictionary: *win*

transitive: 1) a) to get possession of by effort or **fortune** b) to obtain by work syn. earn; 2) a) **to gain in** or as if in battle or contest b) **to be the victor in**; 3) a) to make friendly or favorable to oneself or to one's cause b) to induce to accept oneself in marriage; 4) a) to obtain (something, such as ore, coal, or clay) by mining b) to prepare (a vein or bed) for regular mining c) to recover (metal) from ore 5) to reach by expenditure of effort;

intransitive: 1) **to gain the victory in a contest** syn. **succeed**; 2) **to succeed in** arriving at a place or a state [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/win>].

Для наглядности были выделены лексемы, которые отражают основные концептуальные составляющие репрезентируемого глаголом *win* концепта VICTORY.

Обобщая вышесказанное, представляется возможным выделить следующие семы значения глагола *win*: 1) цель, которую надо достичь (материальная или нематериальная); 2) элемент соревнования с кем-либо; 3) лучший результат по сравнению с соперниками; 4) усилия, которые необходимо приложить для достижения результата. В данном случае, анализируя выделенные словарем специализированные значения глагола *win* в области горнодобывающей промышленности, мы сталкиваемся с теми же семами: добыть руду во время горных работ (прилагая усилия, обрести что-то); приготовить жилу для постоянных горных работ (успешно провести подготовительные работы, чтобы впоследствии не возникало проблем); переработать руду в металл (снова получение чего-либо осязаемого после приложения усилий).

Для анализа терминологизмов мы обратились к словарям фразеологизмов А. В. Кунина (1084) (АРФС), Cambridge International Dictionary of Idioms (1988) и NTC's American Idioms Dictionary (2000). В современном английском языке существует несколько терминологических фразеологизмов, объединенных концептом VICTORY, причем, некоторые терминологизмы имеют в своем составе непосредственно лексему *win*, а другие – нет. Приведем примеры первых:

carry/win the day

Cambridge: if you win the day, you persuade people to support your ideas or opinions, or if a particular idea wins the day, it is accepted by a group of people; АРФС: *воен.* одержать победу; *фраз.* одолеть, одержать верх, выйти победителем);

win by a nose

NTC's: to win by the slightest amount of difference. (Informal. As in a race where one horse wins with only its nose ahead of the horse that comes in second.);

АРФС: *спорт.* (скачки) выиграть, выйти вперед; *фраз.* выиграть с небольшим преимуществом

win hands down

Cambridge: to win easily; АРФС: *спорт.* (скачки) бросить поводья (о жокее), так как победа обеспечена; *фраз.* выиграть без труда, выиграть шутя, легко одержать победу; ≅ «одолеть в два счета»);

Приведем примеры контекстов, в которых перечисленные терминологизмы реализуют свои фразеологические значения:

Win the Morning, Win the Day has connected people at a time when many may have been missing contact with friends and family, and provided a space where the emphasis is on mental health and friendship, not physical fitness or tough challenges [<https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2021/oct/11/you-feel-like-a-child-again-would-exercising-at-5am-make-you-a-happier-person>];

Loneliness is the deal. Loneliness is the last great taboo. If we don't accept loneliness, then capitalism wins hands down [<https://www.theguardian.com/film/2003/sep/20/features.weekend>].

Но существуют и терминологизмы, репрезентирующие концепт VICTORY, в которых глагол «выигрывать» не фигурирует, и в передаче образа победы участвуют другие лексические единицы, которые объединены семей «выигрывать».

Рассмотрим, обладают ли рассматриваемые терминологизмы эксплицитными или имплицитными компонентами, выделенными ранее:

Beat somebody on the post: *спорт.* выиграть на финише [*post* – ворота у финиша]; *фраз.* победить кого-либо, выиграть у кого-либо с минимальным преимуществом

В этом сверхсловном комплексе обращает на себя внимание глагол *beat*, который предполагает победу в соревновании, элемент соревновательности, выражаемый местоимением *somebody* и характер прилагаемых усилий – *on the post*, служащий маркером того, что времени на выигрыш было совсем мало и победитель вынужден был приложить большие усилия для того, чтобы прийти первым. Данный компонент выделяется из контекста имплицитно.

Knock someone for six: *спорт.* (крикет) получить шесть очков, ударив по мячу, поданному соперником; *фраз.* одержать верх, победить кого-либо. В данном случае важно знать правила крикета, в котором удар, за который нужно получить шесть очков, является достаточно: чтобы его правильно сделать, необходимо приложить усилия, и, одновременно, преуспевая в таком сложном ударе игрок сразу становится лучшим по сравнению с оппонентом.

Таким образом, есть все основания полагать, что английские терминологизмы действительно репрезентируют концепт VICTORY, само употреб-

бление терминологических фразеологизмов способствует созданию разных образов, причем, в метафорических значениях данных единиц присутствует терминологическая сема как обоснование развития на основе терминологического второго, метафорического значения. С помощью привлечения достижений когнитивной лингвистики представляется важным и возможным вскрыть глубинные механизмы возникновения фразеологического значения на основе терминологического.

Литература

Беляевская Е. Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (к вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 5–14.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познания мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984.

Никулина Е. А. Терминологизмы и контекст // Преподаватель XXI век. 2013. № 1. Часть 2. С. 282–288

Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge University Press, 1988.

Merriam-Webster online dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/win> (дата обращения 24.02.2005).

Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения 24.02.2005).

NTC's American Idioms Dictionary. NTC Publishing Group, 2000.

The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения 27.02.2005).

E. A. Nikulina (*Moscow, Russia*)

Moscow Pedagogical State University

M. A. Soloshenko (*St. Petersburg, Russia*)

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ENGLISH QUASI-IDIOMS AS A LANGUAGE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT *VICTORY*

There is an attempt to apply the achievements of cognitive linguistics to the analysis of terminological phraseological units (quasi-idioms) of the English language. The study of thorough basis of the concept *VICTORY* which is represented in the English language with the help of terminological phraseological units reveals rather complicated connec-

tions which are formed because of metaphORIZATION, that leads to a deeper understanding of the concept VICTORY.

Key words: terminological phraseological unit, concept, conceptual element, victory, the English language.

Т. В. Романова (Нижний Новгород, Россия)

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

tvromanova@mail.ru

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ ВЕРИФИКАЦИИ ТЕЗАУРУСА КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Содержанием статьи является анализ ассоциативных данных, представленных в алгоритме описания каждого термина в «Проектном словаре-справочнике когнитивных терминов» [Романова 2022]. Полученные сведения позволяют выявить содержание терминов в дискурсе специалистов и студентов-лингвистов, верифицировать тезаурусные связи внутри когнитивной терминосистемы для профессионального сознания и сознания обучающихся.

Ключевые слова: термин, понятийный тезаурус, ассоциативный эксперимент, ассоциативный тезаурус.

В «Проектном словаре-справочнике когнитивных терминов» [Романова 2022] тезаурусного типа в качестве составной части представлены результаты ассоциативного эксперимента. Целью эксперимента являлся сбор информации, репрезентирующей формат знаний, который соотносится со структурой понятийного тезауруса студентов-лингвистов, отражающего восприятие и усвоение семантики терминов когнитивной лингвистики. В эксперименте приняли участие 144 студента-лингвиста, в качестве слов-стимулов студентам было представлено 60 слов-стимулов из словника словаря.

В ассоциативном эксперименте через систему реакций выявляется содержания понятия, обозначенного словом-стимулом, в дискурсе студентов-лингвистов.

Компонентами в алгоритме анализа ассоциативного тезауруса послужили синонимы/антонимы; гиперонимы/гипонимы; сужение (спецификация); расширение; деривационно-эпидигматические связи; коллокации; способы интерпретации терминов; оценочная интерпретация; сравнение с данными

научного дискурса; выявление компонентов в семантике термина и отношений, в которые он вступает, важных для студентов-лингвистов.

Проанализируем ассоциативную статью для термина-стимула *инференция*. «ИНФЕРЕНЦИЯ: конференция 12; интерференция 11; вывод 10; inferно (inferno) 8; референция, результат 5; физика, умозаключение, внутренний 3; взаимодействие, внутри, перемешивание, влияние, явление, смешение, логика, что, что это?, информация, отношение, догадка, язык 2; 142+78+18+56» [Романова 2022: 50].

Реакции ранжированы по частоте, в конечной формуле указано (1) количество полученных реакций, (2) различных реакций, (3) число отказов, (4) единичных реакций.

Под *инференцией* в когнитивной лингвистике понимают «получение выводных данных в процессе обработки информации и/или языка и само выводное знание, умозаключение» [КСКТ 1996: 33].

Наиболее частотными полученными в эксперименте реакциями, в 36 из имеющихся 86 случаев (общее число неединичных реакций), на стимул *инференция* являются термины *конференция* и *интерференция*. Можно предположить, что в основе данных ассоциаций в первую очередь лежит фонетическое сходство [Мartiнович 1990]. К тому же типу ассоциаций можно отнести реакции *инферно* и *референция*.

В то же время ассоциацию *интерференция* можно трактовать как классификационную. Термин в сознании студентов ассоциируется с предметной областью *физика* (реакции *явление, взаимодействие, перемешивание, смешивание, влияние*). *Интерференция* в физической науке определяется как «взаимное усиление или ослабление звуковых, электромагнитных волн с одинаковыми периодами при их наложении друг на друга» [СРЯ 1999: 136]: *инференция* → (*интерференция*) → *физика, явление, взаимодействие, перемешивание, смешивание*. Последние четыре реакции можно соотнести и с общелингвистическим пониманием термина *интерференция* как «взаимодействие и взаимовлияние двух языковых систем в условиях, когда население пользуется сразу двумя языками (билингвизм)» [Жеребило 2010:184].

Вторыми по частоте являются классификационные ассоциации, такие пары слов стимул – реакция, которые обладают общими существенными содержательными признаками. К таким реакциям относятся реакции: *вывод, результат, умозаключение, внутренний, внутри, догадка, отношение*; сюда же можно отнести реакцию *логика*, как основа умозаключения, а также *язык*, как средство формулирования умозаключения. Ассоциации классификационного типа возникли у 29 опрошенных.

На стыке классификационных и фонетических ассоциаций по сходству находится ассоциация *инференция* → *информация*, поскольку информация, подвергается обработке в процессе инференции, но в то же время реакция могла основываться на некотором фонетическом сходстве слов.

Реакции *что, что это?* свидетельствует об отсутствии понимания содержания термина у опрашиваемых.

Сопоставляя слова-реакции, со словом-стимулом семантически (классификационные ассоциации), с дефиницией термина *инференция* в рамках научного дискурса, отметим общие с терминологическим эксплицитные компоненты значения: ‘вывод’, ‘информация’, ‘язык’, ‘умозаключение’, фигурирующие в самом определении, а также имплицитные компоненты: ‘результат’ (‘результат мыслительного процесса’), ‘внутренний’, ‘внутри’, ‘догадка’, ‘логика’. Общее количество таких ассоциаций – 29. В сознании студентов присутствуют представления о результате инференции (22), характеристике мыслительного процесса (5) и обрабатываемой информации (4), которые можно интерпретировать как компоненты фрейма. Единственным незаполненным слотом структурированной схемы знаний остается гиперонимическое понятие *мыслительная операция* и т.п., обозначающее сам процесс, от которого часто отталкиваются исследователи при определении термина в научном дискурсе. Кроме того, реакции *вывод* (10), *умозаключение* (3) и *догадка* (2) соответствуют представленным в научном дискурсе синонимам.

Рассмотрим ассоциативный ряд к термину *прототип*. Ср. словарное определение: «Образ типичного представителя класса, категоризируемого концептом» [Попова, Стернин 2001: 72]. Ассоциации:

«ПРОТОТИП: образец 17; прообраз 12; модель 11; пример 10; образ 6; основа, аналог, первый 4; робот, разработка, шаблон 3; вариант, стереотип, идеал, воробей, игра, персонаж, герой, тип, человек 2; 175 + 100 + 1 + 80» [Романова 2022: 159].

Парадигматико-синтагматические отношения

Синонимы:

Образец: прототип – ‘прообраз, первоначальный образец кого-, чего-л.’ [Захаренко 2006: 301].

Прообраз: прототип – ‘реально существовавшее лицо, послужившее автору прообразом для создания литературного персонажа’ [Захаренко 2006: 315].

Модель – ‘образец для создания других подобных изделий’ [Шведова 2007: 115].

Пример: прототип – ‘образец, пример’ [Абрамов 1986].

Шаблон – ‘образец, по которому изготавливаются какие-л. одинаковые изделия’ [Захаренко 2006: 412].

Фонетическая ассоциация: *тип, стереотип*.

Гиперонимы: *основа* – ‘источник, главное, на чём строится что-н., что является сущностью чего-н.’ [Шведова 2007: 421].

Коллокаты, не встречающиеся со словом прототип в лингвистическом понимании: *робот, разработка* (конкретизация значения), *воробей, игра* (примеры прототипов из экспериментальной когнитивной практики).

Полевая структура ассоциаций

В ядро войдут ассоциации *образец 17; прообраз 12; модель 11; пример 10; образ 6*, в ближнюю периферию – *основа, аналог, первый 4*, в дальнюю – *робот, разработка, шаблон 3*, к крайней периферии отнесем реакции, частота которых не превышает 2: *вариант, стереотип, идеал, воробей, игра, персонаж, герой, тип, человек*.

В ассоциативное ядро входят синонимичные термины научного дискурса. Периферию составляют коллокаты бытового дискурса. В сознании носителей языка, обладающих специальными знаниями в области когнитивной лингвистики, преобладают ассоциации к термину прототип, основанные на синонимии: *образец, прообраз, модель, пример, образ*. Синонимы в словарной статье словаря-справочника когнитивных терминов совпадают с синонимами, предложенными респондентами как ассоциации на стимул *прототип*.

Содержательные данные об ассоциативной структуре терминов, полученные в результате эксперимента, в своей подавляющей части подтверждают данные о тезаурусе терминов в научном дискурсе. Результаты ассоциативного эксперимента согласуются также с данными автоматически выделенных мер ассоциативности на материале научного корпуса.

Литература

Абрамов Н. А. Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений. URL: <http://slovari.ru>.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010.

Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2006.

КСКТ – Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996.

Мартинович Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 143–146.

Мartiнович Г. А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1993/932/932093.htm>.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2001.

Романова Т. В., Колчина О. Н., Куликова В. А., Хоменко А. Ю. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: Учебное пособие. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 2.

Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М.: Азбуковник, 2007. Т. 4.

T. V. Romanova (*Nizhny Novgorod, Russia*)
HSE University

ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS A WAY TO VERIFY THE THESAURUS OF COGNITIVE LINGUISTICS

The content of the article is an analysis of the associative part presented in the algorithm for describing each term in the “Project Dictionary-handbook of cognitive Terms” [Romanova 2022]. The information obtained makes it possible to identify the content of terms in the discourse of specialists and students of linguistics, to verify thesaurus connections within the cognitive terminological system for professional cognition and the cognition of students.

Key words: term, conceptual thesaurus, associative experiment, associative thesaurus.

Е. Б. Рябых (*Тамбов, Россия*)
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
ekaterina_riabykh@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАРФЮМЕРНОГО ЗАПАХА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается моделирование индивидуально-авторской метафорической интерпретации парфюмерного запаха в немецком языке (на примере сайта www.fragrantica.ru). В процессе метафорического моделирования обосновывается значимость всей цепочки осуществляемого процесса от траектории мышления,

направляемого исходным стимулом, до его взаимосвязи с контекстными факторами, пространственно-временной соотнесенностью, аспектами моно-, либо мультикультурализма.

Ключевые слова: метафора, полиметафоричность, когнитивная матрица, доминанта, контекст.

Порождение метафор в ходе вторичной интерпретации знаний о мире мотивировано доминантным устройством языкового сознания. Часть элементов языкового сознания социума в целом или отдельной языковой личности формируют так называемый концептуальный профиль – систему взаимосвязанных когнитивных доминант [Болдырев 2020: 22–24], которые, находясь в фокусе внимания, способны активизировать содержимое языкового сознания коллектива или индивида.

Как показывает анализ примеров, при создании метафор в качестве подобных доминант для авторов выступают важные для них контексты знаний (психоэмоционально-физиологический, географический, социокультурный, религиозный, исторический, профессиональный контексты), обусловленные их национальным самосознанием и идентичностью. Все эти контексты можно представить в виде когнитивной матрицы (в соответствии с концепцией Н. Н. Болдырева), т. е. системы взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации окружающего мира, которая не предполагает их одновременное иерархическое ассоциирование с тем или иным словом или концептом [Болдырев 2009: 47–49].

Выбор матричного формата для описания метафорического моделирования окружающего мира и роли человека в нем связан с развитием междисциплинарного подхода в лингвистике. В связи со становлением когнитивной парадигмы и развитием теории антропоцентризма возникает новое видение процесса метафорического моделирования и определяется ведущая роль автора как мыслящего субъекта, способного, основываясь на индивидуальной мыслительной траектории в результате ментальных проекций сознания соотносимо с пространственно-временной координатой влиять на метафорическую интерпретацию окружающего мира и роль человека в нем, тем самым отражая реальный и создавая свой собственный виртуальный миры.

К основным характеристикам создаваемой индивидуально-авторской метафоры относятся: 1) динамичность авторского решения относительно пространственно-временной траектории; 2) трансформационная открытость и интегративно-коррелирующая расширяемость конвенциональных

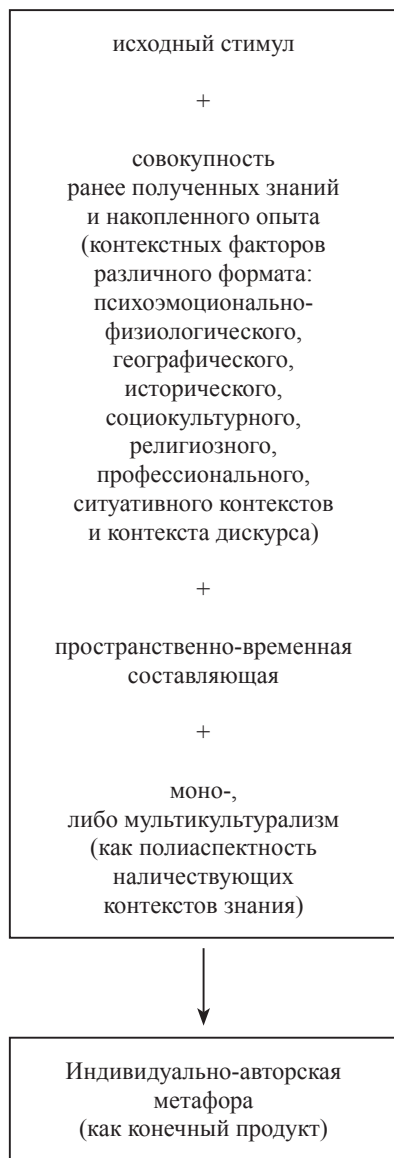

Схема 1

представлений об области-мишени метафорического моделирования; 3) интуитивно-осознанная самоорганизация процесса метафорического моделирования. Матрица метафорического моделирования представляет собой целостную систему связей, состоящих из внешних и внутренних компонентов, направленных на поиск оптимального интерпретирующего решения в процессе метафорического моделирования на основе креативного подхода с опорой на контексты знаний, пространственно-временную составляющую и моно-, либо мультикультурную авторскую составляющую (схема 1) [Рябых 2023].

Выявленные примеры моделирования индивидуально-авторской метафорической интерпретации парфюмерного запаха в немецком языке (на примере материалов сайта www.fragrantica.ru) наглядно демонстрируют возможности множественной метафорической вариативности и показывают, как работают наши мыслительные процессы в условиях стимуляции сенсорно-перцептивных процессов и разнообразия триггеров. Так, антропоморфная метафора в рамках описываемого практического материала может быть представлена моделью: DUFT – MANN, LIEBHABER, MÄNNERFRESSER (ODER FRAUENFRESSER), VERFÜHRER, FRAUENKILLER, SPRÖSSLING, GOURMAND, ASCHENPUTTEL, MISS «SCHMOLLMUND LOLITA», FRANKENSTEIN и др.

В ряде примеров индивидуально-авторская метафора проявляется за счет развертывания концептуального метафорического сценария, то есть системы допущений о различных аспектах ситуации-источника, в частности ее участниках, особенностях их поведения, сюжетных линиях, причинно-следственных моментах развития ситуации и пр., что опосредуется доминантными контекстами знаний. Индивидуально-авторские метафоры данной группы в основе своего порождения опираются на психоэмоционально-физиологический, социокультурный, религиозный, исторический, профессиональный контексты знаний, то есть, имеют в своей основе большое количество стимулов, непосредственно и опосредованно задействованных в процессе индивидуально-авторской метафорической интерпретации парфюмерного запаха.

Так, DUFT – MANN – это молодой человек, который, украв поцелуй у женщины своей мечты, ждет ее на скамейке в сквере, как было условлено, но девушка так и не появляется, потому что не может стереть свою прежнюю любовь из своего сердца. Это также более зрелый мужчина, который сидит в кресле с грустным и потерянным видом, держит стакан виски и смотрит в окно на дождливый осенний закат. Перед ним деревянный деревенский стол, заваленный пожелтевшими письмами, которые он никогда не осмеливался отправить женщине, с которой мог бы разделить свою жизнь, но до этого просто не дошло: (*Vilhelms Die Oud-Affäre*) *Es ist der junge Mann, der, nachdem er seiner Traumfrau einen Kuss gestohlen hat, wie vereinbart auf einer Bank auf einem Platz auf sie wartet, aber das Mädchen erscheint nie, weil es seine frühere Liebe nicht aus seinem Herzen löschen kann. Die Oud-Affäre ist dieser Mann im sechzigsten Lebensjahr, der mit traurigem und verlorenem Blick in einem Sessel sitzt, ein Glas Whisky in der Hand hält und aus dem Fenster auf einen verregneten Herbstsonnenuntergang schaut. Vor ihm steht ein rustikaler Holztisch mit vergilbten Briefen, die er sich nie getraut hat, an die Frau zu schicken, die sein Leben hätte teilen können, aber es ist einfach nicht dazu gekommen.*

DUFT – VERFÜHRER. Этот соблазнитель имеет определенный облик (*barfuß und in einer über den Knien ausgefranst Sommerhose*) и ему подходит жизнь на Карибских островах с белыми песчаными пляжами под ярким солнцем: *XJ 1861 Naxos Xerjoff. Dieser überzeugte Verführer lädt nicht ein zu irgendwelchen abendlichen Feiern oder Gesellschaften, noch weniger möchte er sich finden in dem Gedränge sportlicher Aktivitäten auf schneebedeckten Bergen. Dort würde er wohl eher deplaziert und seltsam verirrt wirken. Nein, Naxos serviert seine verlockend angerichteten Kokosseisen und mit Vanille und Honig versetzten Süßigkeiten barfuß und in einer über den Knien*

ausgefranst Sommerhose auf einem silbernen Tablett, um die nie endenden Träume von karibischen Inseln mit weißen Sandstränden unter strahlender Sonne im blauen Meer wieder einmal hervorzuholen!

Погружение в профессиональный контекст и его переплетение со знаниями мифологии в рамках социокультурного контекста позволяет метафорически интерпретировать запах как человека, страдающего расстройством множественной личности: *Eros von Versace ist ein Parfüm, das unter einer multiplen Persönlichkeitsstörung leidet, die sich selbst boykottiert. Es hätte ein großartiges Parfüm sein können, sehr vielseitig und verführerisch. Aber es gibt einen Grund, warum Plato sagte, dass Eros von Poros (Überfluss) und Penia (Armut) gezeugt wurde. Die alte griechische Mythologie hat immer noch eine starke und unterschwellige Kraft in der sozialen Vorstellungswelt.*

Социоморфная модель объединяет метафоры, связанные с различными понятиями социальной среды и опосредована социокультурным, историческим, политическим, религиозным, профессиональным контекстами, что, при учете обширной контекстной палитры, задействованной в процессе индивидуально-авторской метафорической интерпретации парфюмерного запаха и его моделирования свидетельствует о ее тесной связи с антропоморфным типом. DUFT – WEIHNACHTSZAUBER, WINTERFERIEN, FEIERTAGEN; DUFT – HAUS, SCHUTZ VOR SCHLECHTEM WETTER, FAMILIENTREFFEN, UMARMUNG EINES GELIEBTEN MENSCHEN, EINE ZÄRTLICHE UMARMUNG; DUFT – APOTHEKE ODER DROGERIE.

Вторая по продуктивности модель метафорического переноса – артефактная: DUFT – KANDIERTE ORANGE, (PFANN)KUCHEN, BRENNENDE KASTANIEN; DUFT – KLEBRIGER KINDERSAFT, EINE TASSE ROTER TEE, SCHNAPS; DUFT – HALSWEHNBONBON UND VEILCHENPASTILLEN; DUFT – OPIUM; DUFT – ZAHNPASTA; DUFT – KERZEN; DUFT – KASCHMIR-PULLOVER, RÜSTUNG; DUFT – PLAID; DUFT – BUCH, EIN WAHRES GEDICHT, KUNSTWERK; DUFT – BOMBE, ETWAS, WAS J-D FÜR «DIE JAGD» BENUTZT. Индивидуально-авторские метафоры данной группы лучше всего мотивированы и раскрываются через социокультурный и исторический контексты. Менее частотны натуроморфная метафора, которая связана с образами живой и неживой природы, а также зооморфная и фитоморфная модели, связанные с географическим контекстом.

Таким образом, в результате анализа примеров нами было установлено, что для индивидуально-авторского метафорического осмысления и интер-

претации парфюмерного запаха полиметафоричность – типичное явление. Контексты в рамках матричной модели играют важную роль для процесса моделирования индивидуально-авторской метафорической интерпретации парфюмерного запаха в немецком языке.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25–78.

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4(43). С. 21–79.

Рябых Е. Б. Индивидуально-авторская метафора в немецком языке: когнитивный аспект: монография. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023.

E. B. Riabykh (*Tambov, Russia*)

Derzhavin Tambov State University

MODELING OF THE AUTHOR'S METAPHORICAL INTERPRETATION OF THE PERFUME SMELL IN GERMAN

The article is devoted to modeling the author's metaphorical interpretation of the perfume smell in German (using the example of the website www.fragrantica.ru). In the process of metaphorical modeling, the significance of the entire chain of the process is substantiated, from the trajectory of thinking guided by the initial stimulus to its relationship with contextual factors, spatial and temporal correlation, aspects of mono- or multiculturalism.

Key words: metaphor, polymetaphoricity, cognitive matrix, dominant, context.

О. А. Сулейманова (*Москва, Россия*)

Московский городской педагогический университет

Souleimanovaoa@mgpu.ru

МЕТАФОРА ДВИЖЕНИЯ В ОПИСАНИИ КОГНИТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье рассматривается метафорическое представление когнитивных процессов через использование глагола движения *идти* и его префиксальных дериватов, выстраивается корреляция между типом действия движения и его объектом, а также между синтаксической моделью: дативной, генитивной

(пространственной) и аккузативной и выбором глагола движения в метафорическом значении.

Ключевые слова: метафора, глаголы движения, когнитивный процесс, русский язык, дативная конструкция, генитивная пространственная конструкция, аккузативная конструкция, безличная конструкция.

Введение

Психоэмоциональная когнитивная сфера индивида предстает в русском языке как средоточие разнонаправленных процессов / действий, (см. например, описание действий *помнить* / *забывать* в [Сулейманова, Тивьяева, Афанасьева 2024]), описываемых в том числе метафорически через предикат движений *идти* / *приходить*. Этому концептуально сложному фрагменту с высоким синтаксическим и семантическим потенциалом логичным образом соответствует веер разнофакторных ракурсов анализа, а именно: это, во-первых, семантика и вытекающие из нее особенности употребления как самих «первообразных» глаголов, так и их дериватов, во-вторых, метафорическая перспектива анализа, а также координация описываемых действий с типом синтаксической (например, безличной) модели: дативной, пространственной генитивной или аккузативной.

Означенные перспективы исследования неизменно находятся в сфере внимания лингвистов: исследуются глаголы движения в различных перспективах [Голубкова 1987; Сулейманова, Ильясова 2025], см. обобщающие семантические классификации глаголов движения в [Samigullina, Samigullin, Ivanaevskiy 2021; Vlodarczyk, Vlodarczyk 1999]; анализируются также безличные структуры [Сулейманова 1999], однако попыток сопряжения метафорического представления когнитивных процессов с помощью глагола движения *идти* и его дериватов с типом безличной структуры, в которой имеет место объективация данных глаголов, не представлено. Данные аргументы и служат обоснованием **актуальности** предпринятого исследования, **цель** которого составляет анализ репрезентации когнитивных процессов и действий первообразным глаголом движения *идти* и его дериватами в метафорическом употреблении. Поставленная цель предопределила постановку ряда **задач**, в свою очередь определивших **методику** работы: предполагается формирование эмпирической базы через отбор префиксальных дериватов глагола *идти*, способных участвовать в описании когнитивных процессов и действий, например, *прийти (в голову)*,

на ум и др.), выявление безличных аккумулятивных, генитивных и дативных моделей, в которых эти глаголы могут использоваться, и установление семантической корреляции между ними.

Результаты

Семантика дативных структур

Как показано в работах [Степанов 1981, 314; Сулейманова 1999, 109 и др.], в дативной безличной модели позицию субъекта занимает только одушевленное лицо. Ср. возможное, например, *Мне не спится* и, напротив, невозможное **книге не лежит на полке* (см. [там же: 114–118]). Показано, что в данной модели вносится информация о том, что «носитель предикативного признака представлен как существо, ощущающее результат действия, произведенного над ним» [там же: 115].

При этом может реализоваться признак заинтересованности, в том числе отрицательной [Григалюнене 1987], однако этот признак реализуется только в том случае если речь идет о «непосредственном физическом пространстве человека... рот, нос, горло и под.» [там же: 117]. Далее, «дативно-безличная модель типа *Мне оторвало палец* вносит информацию о том, что X является объектом действия на него каких-то внешних по отношению к нему сил... извне» [там же: 117]. Данная семантика хорошо согласуется с практикой описания когнитивных процессов в ментальной сфере индивида (голова, память, мозг) через глагол *идти* в метафорическом значении: движение может быть направлено на внутреннее пространство индивида: *мне приходит в голову, пришло на ум, на память*. См. также недавно вошедшее в узус разговорно-просторечное *мне зашло / не зашло*. Обратим специально внимание на то, что при проникновении говорящий акцентирует внимание на затронутости сферы протагониста и в этом смысле его заинтересованности. При этом для описания таких процессов используется не вся палитра дериватов от глагола *идти*, нельзя, например, **войти / вошло в голову, *войти в ум* (на фоне вполне возможного *взбрело на ум*), тогда как для описания симметричного события–выхода из описываемого пространства–используется большее число дериватов, например, можно *сойти с ума*, однако не вполне ясно, почему, например, ассиметричны процессы входа–выхода, почему *приходит в голову / на память, пришло* но не *ушло из головы*, но может, хотя и несколько необычное? *уйти из памяти*; при этом вполне может задержаться в памяти – *не уходит / не выходит из головы*. Ср. другие семантически глаголы, где имеет место реверсная асимметрия – у меня

выскочило из головы и **мне вскочило в голову*, у меня не выходит из головы / памяти, но не мне **входит / заходит в голову / память*. Таким образом, нечто *приходит в голову / на ум / память*, затем «отказывается» выходить оттуда: *не идет / не уходит из головы / не выходит из головы (но не памяти!)*. Понятно при этом, что сходные когнитивные действия допускают иное представление через другие глаголы движения, причем легко осмысляются как, например, *отпечаталось в памяти / мозгу*, или быстрые и резкие, например, выходы: *выскочило из головы / памяти*. После «задержки» в когнитивном пространстве заинтересованного индивида нечто выходит из него, причем происходит переключение фокуса с заинтересованного актора на пространственную интерпретацию действия, а именно: акцент переносится на генитивную структуру.

Семантика пространственных генитивных конструкций

Данные структуры вносят информацию о том, что субъект представляет собой «территорию» осуществления некоторого события, причем для говорящего несущественны свойства говорящего как личности.

Семантика аккузативных конструкций

Аккузативная модель, вносящая информацию о воздействии на объект, не используется для описания когнитивных процессов метафорическими глаголами движения, она используется для описания таких процессов метафорическими глаголами, которые вносят информации об очевидно внешнем воздействии, ср., *меня осенило / озарило / поразило / рассмешило*.

Анализ деривационного поля глагола *идти* показал, что использование данных глагола в первообразных значениях для описания физических перемещений [Сулейманова, Ильясова 2025] покрывает разнообразные процессы, тогда как для описания ментальных / когнитивных процессов язык использует ограниченное число дериватов: *приходить*, *(не) уходить*, *(не) выходить*.

Вывод

Анализ концептуализации когнитивных действий при использовании дериватов глагола *идти*: *прийти*, *(не) уйти*, *(не) выйти* в метафорическом значении позволил установить, что семантика датива / генитива / аккузатива определяет возможности употребления / неупотребления дериватов глагола движения *идти* в метафорическом значении, причем число таких дериватов по всей видимости невелико потому, что сложные ментальные

процессы требуют описания более «направленными» глаголами, причем в метонимической перспективе, где информация о движении служит presupпозицией, общим «фоном» для детализации процесса – см., например, глаголы (*меня*) *озарило, осенило, пронзило, (у меня) выскользнуло из головы, мне думается* и мн. др.

Литература

Голубкова Е. Е. Фразовые глаголы движения: (когнитивный аспект). М.: ГЕОС, 2002.

Григальонене Й. Й. Структурная схема и ее варианты // Типы коммуникации и со-держательный аспект языка. М.: Институт языкознания АН СССР, 1987. С. 116–124.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981.

Сулейманова О. А. Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений. М.: Диалог МГУ, 1999.

Сулейманова О. А., Ильясова Д. А. Лингвотопологическая схематизация движения глаголами *идти* и *бежать* в русско-английском переводе // Вестник МГПУ. Филология. Лингвистика. Языковое образование. 2025. № 1. С. 120–132.

Сулейманова О. А., Тивьяева И. В., Афанасьева О. В. Концептуализация процессов памяти в естественном языке: *забывать* и *помнить* // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 1. С. 38–50.

Samigullina L. Z., Samigullin E. F., Ivanaevskiy V. B. Characteristics and functions of English verbs of lexical-semantic group of movement // European proceedings. Social and behavioural sciences. 2021. P. 833–838.

Włodarczyk A., Włodarczyk H. Semantics of motion verbs // Semantyka a Konfrontacy Jezykowa. Warszawa, 1999. P. 59–84.

O. A. Suleimanova (Moscow, Russia)
Moscow City University

METAPHOR OF MOVEMENT IN THE DESCRIPTION OF COGNITIVE ACTIONS

The paper focuses on metaphoric featuring of cognitive processes with the verbs of movement, i. e., the verb *to go* (*идти*) and its prefixed derivatives. The correlation between prefixed verbs and syntactic constructions such as genitive spatial, dative and accusative is built.

Key words: metaphor, verbs of movement, cognitive processes, Russian language, Dative constructions, Genitive spatial constructions, Accusative constructions, impersonal constructions.

Т. П. Третьякова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет

tretyakova.tp.50@gmail.com

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ КОММУНИКАТИВНЫХ ИДИОМ В РАМКАХ КОГНИТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ

В статье рассматриваются теоретические проблемы представления семантики коммуникативных идиом в рамках интегрального подхода с привлечением процедурной семантики. Понятие коммуникативной идиомы как элемента метапрагматики понимается широко с привлечением данных реальной и виртуальной коммуникации. Особое внимание уделено функционально-семантическим свойствам коммуникативных идиом как элементов реализации процедурного знания в ситуации прескриптивной когнитивной модели.

Ключевые слова: коммуникативная идиома, интенциональность, метапрагматика, когнитивная модель, процедурная семантика, аффорданс-элементы, прескриптивная модель.

Под коммуникативными идиомами понимается широкий спектр устойчивых высказываний, многие из которых отнесены к сфере фразеологии, но которые уже в привычном стереотипном формате отражают интерактивные модели общения. В этом случае мы рассматриваем устойчивую единицу языка/речи представляющую в коммуникации не просто номинативный метафорический смысл, а смысл «привязанный к стереотипной (конвенциональной, иногда институализированной) ситуации. В связи с развитием цифровой коммуникации, а также введением формата синхронного или асинхронного виртуального общения класс коммуникативных идиом изменяется, так как включаются в сферу общения новые единицы, например, хештеги. Оба типа коммуникации связаны с понятием синкретизма, основанного на способности единиц получать новые коммуникативно-семантические значения, позволяющие заполнять место в уже существующих моделях типовых ситуаций иной формой.

Цель настоящего исследования продемонстрировать некоторые элементы процедурной семантики, позволяющие выявить значение коммуникативных идиом как устойчивых токенов речевой коммуникации и их отличительные свойства, проявляющиеся в рамках интегрального функционально-семантического анализа.

1. Самые простые по построению высказывания, которыми все пользуются узуально и бессознательно в рамках повседневной коммуникации,

с теоретической точки зрения становятся достаточно сложными для представления их семантики, при попытке применения системного подхода. Одним из системных подходов является определение семантики коммуникативных идиом с позиции концептуализации коммуникативной ситуации в рамках процедурной семантики.

Под процедурной семантикой понимается такой тип представления значения языковых единиц разных уровней, который можно соотнести с процедурами интерпретации этих значений в рамках интегральных исчислений и возможных функциональных интерпретаций. Например, так это произошло, с высказываниями приветствия, когда функция приветствия с номинацией реального время повторяется, но значение не приближается, а удаляется от итеративной функции, (функция, которая повторяет часть кода). Например, английское приветствие *Good evening* можно было услышать и утром в тот момент, когда оно стало употребляться в популярной передаче Дэвида Фроста в составе фразы *Hello, good evening and welcome!* оно перешло в состав стереотипных высказываний, т.е. стало употребляться вне привычного контекста (Crystal D. *Encyclopaedia of the English Language*). Можно сравнить русское *Здравствуйте – Пожалуйста!*, выражающее удивление, иронический комментарий, но оно не относится к этикетному общению. Повторение приводило в связи с изменением прагматического контекста к возникновению новых функций – к шуточной, как в случае с Д. Фростом и к комментирующей в случае с русской фразой. Введение в семантическое описание элементов процедурной семантики с учётом и промежуточного состояния $S_1 (=S_{init}+1)$, $S_2 \dots S_j \dots S_{fin}$ – Поскольку процедурный подход включает конечное и начальное состояние, то при интерпретации можно учитывать и «буквальный смысл». Разный статус грамматической структуры коммуникативных идиом (от однословных междометных высказываний до двусоставных предложений), не является препятствием для построения когнитивно-дискурсивной схемы с процедурными преобразованиями смыслов.

2. Коммуникативная идиома обладает функциональным потенциалом в свернутом виде отражать всю формулу (код) коммуникативной ситуации, и она не мыслится вне коммуникативной ситуации, т.е. обладает грамматикализованным коммуникативным значением. В высказываниях прямой номинации происходят процессы закрепления коммуникативных значений, и пропозициональное значение «подавляется», остается только одна функция. Имеется в виду тот факт, что номинативный элемент, который изначально и составлял прямое значений, теряет изначальную функцию,

начинает употребляться в иных контекстах. Например, из англо-саксонского словосочетания *will cuma* (приятный, долгожданный гость) развилось современное высказывание и приветствие (*Welcome home*), и ответ на благодарность (– *Thanks a lot – You are welcome.*). Оба типа высказывания – суть коммуникативные идиомы, обслуживающие разные коммуникативно-семантические сферы общения.

Второй специфический аспект данного типа идиом-высказываний – это их динамический характер когнитивной интерпретации, который определяется принципами контекстной прагматики, позволяющей установить адаптацию существующих кодов для определения стереотипной схемы. Как отмечает Н. Н. Болдырев, «языковая единица приобретает свое значение в результате выделения и высвечивания конкретного участка в пределах соответствующей когнитивной области, что предполагает структурирование этой области с помощью той или иной схемы. При этом данные схемы являются психологической реальностью, а не конструктами лингвистической теории, что подтверждается экспериментальными данными...» [Болдырев 2018: 297–298]. Селективная, репрезентативная и оценочные функции интерпретации коммуникативных идиом обеспечиваются единством индивидуального и социального аспектов интерпретации [там же: 300–301].

Третьей специфической чертой коммуникативных идиом как интериоризированных компонентов коммуникативного знания является способность выступать метапрагматическими сигналами. Данный тип сигнальной деятельности связан с анализом данных высказываний как элементов коммуникативного события в целом. Фрагмент семантического описания основан на понимании языкового выражения в контексте стереотипных интерактивных отношений между субъектами коммуникации, а второй связан с реализацией этих отношений через высказывания, которые располагаются по шкале от метаноминии коммуникативной ситуации. В качестве репрезентативного примера могут быть приведены высказывания, основанные на дейктических элементах. Например, (1) *This is it*; (2) *That's it u* (3) *That's that!* (Collins Cobuild). Каждое из высказываний имеет разное функциональное значение: 1) одобрение; 2) иронический комментарий; 3) невозможность доделать дело.

Для примеров коммуникативных знаков виртуальной коммуникации перспективным представляется обращение к изучению аффорданс-элементов, которые изменяют коммуникативные возможности пользователей. Современная сетевая коммуникация представлена разного рода ссылками, которые привлекают внимание. К ним относятся три группы

элементов – мемы, хештеги и эмодзи. Эмодзи, эмотиконы/ смайлики относятся к визуальным и графическим символам комментирующих значений. Более интересное с точки зрения становления близких к вербальным коммуникативным смыслам представлено хештегами. Расширение функциональной семантики хештегов, которые в отличие от тегов, структурирующих большие массивы информационных данных, становятся частью высказываний – текстов. Например, они начинают выполнять функцию коммуникативной кооперации в том случае, если объединяют мнения автора с предметом обсуждения или сопровождают выражение мнения, как например, в случаях: *#Tattoo no.5 booked*; *#excited*; *#are you kidding me*; *#did that just happen*; *#banter*; *#sarcasm*; *#truth*; *#sorry*; *#not sorry*; *#first world problems*; *#YOLO* (you only live once) и многие другие. С когнитивной точки зрения включение хештега в текст главным образом сигнализирует о желании принять участие в более широком обсуждении той или иной темы.

Интересным фактором является вербализация данного аффорданса: “Two young girls were sat at the bar talking to each other about some or other tripe and I kid you not one turned to the other and said “*He was so fit! hashtag i definitely would*”. Подобные новые элементы экспрессивного синтаксиса обращают на себя внимание тем, что они воспринимаются как знаки метапрагматического характера, т.е. знаки, которые имеют рефлексивный характер. Это касается того, что этот знак начал приобретать новые сигнальные функции. В отличие от номинативных идиом, речевые стереотипы этого уровня обладают широким спектром функциональных значений. Прежде всего это относится к семиотическим аспектам оперирования знанием, в котором сходятся объективное и субъективное [Болдырев 2018: 167–250].

3. Без накопленного коммуникативного знания и зафиксированных словарями знаний процедуры интерпретации регистрация коммуникативной идиомы была бы невозможна. С другой стороны, возможен метапрагматический характер с возможностью рефлексивного декодирования коммуникативных идиом. Это понимание заключается в построении ментального образа, описываемого этим выражением фрагмента внешнего мира и последующей интеграцией этого образа в модель мира. Механизмы, ответственные за построения образа и за интеграцию описываются отдельно и лишь в совокупности составляют понимание языкового выражения. В лингвистическом анализе процедурная семантика связана с так называемым «рекурсивным мышлением», позволяющим создавать некоторые формы упрощения. В этом случае повторение функции ведет и к повторению

самого кода [Johnson-Laird 1977]. В отличие от языков программирования, в которых процедурная семантика как правило сосредоточена на поиске вычисления списка целей на основе заданной программы и верификации истинности, в лингвистической интерпретации рекурсия может приводить к нарастанию новых смыслов.

Процедурная семантика позволяет проследить становление когнитивных преобразований, т.е. операций над смыслами, которые связаны с пониманием языковых выражений, т.е. их толкованием. В приведённом примере наблюдается интеграционный характер семантики, т.к. касается как векторности направления интерпретационных координат к слушателю, так и семантической организации исследуемых языковых выражений – нарастание функциональных значений. Акцент в семантическом описании делается на определении соотношения текущего сознания и интеграции в него знаний, содержащихся в высказывании.

Во-первых, реальное время рассматривается в качестве компонента семантики, что позволяет учитывать нарастание функционально-семантических значений и проследить движение изначального и конечного смысла. Это касается не столько поиска соотношения буквального и небуквального значений языковых единиц, сколько значений, релевантных для данного момента развития языка. Во-вторых, в процедурной семантике постоянно учитываются речемыслительные операции, которые трактуются не абстрактно, а описательно, с учетом процесса рекурсивного пересмотра, который позволяет произвести любые операции из возможных моделей, совместимых с данным дискурсом. Этот момент важен в связи с тем, что коммуникативная идиома в силу его знакового характера мыслится как базисный элемент интерпретации, а не как ее объект. В-третьих, процедурная семантика отвечает стремлению современных лингвистических теорий к интегральному описанию языковых явлений.

Постоянный категориальный сдвиг в значении, зависимость которого от буквального значения имеет относительный характер не обязательно учитывать при выявлении процедурной семантики и при определении интенциональных значений [Johnson-Laird 1977; Searle 1993: 163–179].

Рассмотрим несколько процедурных преобразований коммуникативной идиомы в роли прескриптивного высказывания. Функциональная семантика идиом этой группы строится по шкале выражения категоричности (*forte*) или некатегоричности (*delicate*) волеизъявления. Основное функциональное значение коммуникативных идиом разделяется на две группы в зависимости от желаний говорящего (Прескриптора) – либо направить действия собеседника (Исполнителя) в какое-то определённое русло, или изменить

его отношение к происходящему. В некоторых случаях, если необходимо получить информацию, используется оператор вопроса и возникают идиомы-вопросы, типа *How come? Says who?*

Модель прескриптивной ситуации выглядит следующим образом: [оператор воли > *forte* > {приказ, призыв} > *delicate* {предупреждения, советы}; оператор вопроса > {верификация; идентификация}].

Коммуникативные идиомы-призывы строятся по модели глагольных императивных структур. Например, *Come (now)* – попытка убедить или *Take it from me* – призыв поверить будущему сообщению: *Come along* – попытка уговорить собеседника. В зависимости от эмоционального отношения говорящего призывы могут рассматриваться и как просьбы. Это касается тех случаев, когда в интеракцию вводится значение вежливости. В качестве призыва в современном английском языке употребляется высказывание *Come on (Come on, Doreen. Let's dance* – призыв сделать что-либо, что собеседник не очень хочет делать. Если при высказывании *Come on* употребляется *Oh/Aw*, то меняется значение стереотипа – он начинает выражать призыв успокоиться: – *Have you said all this to the police? – Aw, come on, Sue, that was years ago.*

Сходное значение демонстрирует стереотип *Take it from me*, который означает призыв поверить: *Take it from me / He is up to no good*). Процедурная схема призывов выглядит следующим образом:

[<S_i призыв к действию – <+ раздражение Прескриптора> S_{ii} призыв-убеждение>; S_{iii} призыв/просьба успокоиться].

Процедурная семантика позволяет прескриптивным идиомам переходить в иной функциональный класс. Так, высказывание *Look at it!* стало выражать удивление, т.е. перешло в группу комментирующих стереотипов реактивного характера, изменив при этом и свою форму – (*Look it! / Lookit!*), стало восприниматься как глагол: *Oh, lookit at that!* Высказывание *Look out!* выступает как призыв-предупреждение об опасности: «*Look out!*» somebody shouted, as the truck started to roll towards the sea. Процедурная модель выглядит следующим образом:

[<S_{init} призыв обратить внимание – S_i выражение удивления – S_{ii} предупреждение>].

В заключении хотелось бы отметить особую роль коммуникативных идиом в современном дискурсе как элементов метапрагматики не только как элементов типовых коммуникативных ситуаций, но и как особых единиц, моделирующих эти ситуации в зависимости от интенциональных установок говорящего, при этом коммуникативная семантика идиом интегрирована в процедурные интерпретации когнитивных моделей.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Третьякова Т. П. Когнитивные основы комментирующих высказываний // Когнитивные исследования языка. 2023. 1 (54). С. 299–302.

Johnson-Laird P. N. Procedural semantics // *Cognition*. 1977. 5(3). P. 189–214.

Searle J. Intentionality. An essay in the philosophy of mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

T. P. Tretyakova (St. Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University

PRESENTATION OF COMMUNICATIVE IDIOM SEMANTICS IN COGNITIVE PROCEDURE FRAMEWORK

The article deals with the theoretical problem of representing the semantics of communicative idioms within the framework of the integral approach with the involvement of procedural semantics. The concept of communicative idiom as an element of metapragmatics is understood broadly with the involvement of real and virtual communication data. Special attention is paid to functional-semantic properties of communicative idioms as elements of procedural knowledge realization in the situation of prescriptive cognitive model.

Key words: communicative idiom, intentionality, metapragmatics, cognitive model, procedural semantics, affordance elements, prescriptive model.

A. A. Фазилова (Москва, Россия)
*Московский государственный
лингвистический университет*
angelina.fazilova@gmail.com

КАКОЕ ВЫ ИМЕЕТЕ ПРАВО? ИЛИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЕДИНИЦЫ *RIGHT* В КОРПУСНОМ РЕСУРСЕ SKETCH ENGINE

Цель настоящей статьи – провести дескриптивный анализ коллокатов лексической единицы *right* и установить особенности ее контекстуальной реализации в ресурсе Sketch Engine. Подобная процедура позволит в дальнейшем верифицировать и дополнить существующие лексикографические данные относительно

но специфики представлений о смысловом пространстве RIGHT в английском языковом сознании.

Ключевые слова: ментальный конструкт, лексическое портретирование, коллокат, лингвистический корпус.

Современные лингвистические исследования, выполненные в русле когнитивной лингвистики, сосредоточены на анализе функционирования сложных ментальных конструктов. Одним из ключевых инструментов, способствующих углубленному пониманию связи языка и мышления, является лингвистический корпус – обширная база данных, содержащая примеры использования языка в его разнообразных проявлениях. Лингвистические корпуса предоставляют исследователю возможность изучения того, как те или иные концепты находят свое выражение в языке, а также как они варьируются в зависимости от контекста и культурных особенностей. В настоящей работе представлен анализ лексической единицы *right* (далее – ЛЕ) по данным корпуса Sketch Engine (<http://www.sketchengine.eu>) (дата обращения 20.01.2025).

По мнению Е. В. Сувориной, выбор языкового корпуса и наличие сетевого программного обеспечения, способного обработать отобранные для лингвистического анализа данные, крайне важно для проведения современного когнитивно-дискурсивного исследования [Суворина, 2012: 53]. Так, отличительной особенностью лингвистического корпуса Sketch Engine является возможность создания т. н. «скетчей слов» (*‘Word Sketch’*), то есть исследователи могут воссоздать своеобразный лексико-семантический портрет любой лексической единицы.

Под термином «лексическое портретирование» мы понимаем изучение коллокатов определенной лексической единицы в корпусе естественного языка. Данная методика позволяет построить лексические профили единиц и выявить концептуальные особенности употребления тех или иных конструкций [Суворина, Шевелева 2024: 609]. Лингвистический корпус Sketch Engine позволил проанализировать семантическое наполнение ЛЕ *right*, тем самым изучить ее смысловое содержание и рассмотреть ее концептуальное наполнение в процессе контекстуального функционирования, данные которого получены автором путем автоматизированного анализа всех контекстов, содержащих указанную ЛЕ.

Для проведения дескриптивного анализа и идентификации всех определений, встречающихся с ключевой ЛЕ *right* в поисковом запросе раздела корпуса *‘Word Sketch’*, была задана лемма *right* как ключ [Kilgarriff 2004: 107]. Примененный нами ресурс привел частотные списки, в которых

коллокаты были представлены по частотности их встречаемости в корпусе: 1) модификаторы для ЛЕ *right*, 2) существительные, для которых сама единица *right* служит модификатором, 3) предложные фразы с *right*, 4) обладатели *right* и т.д.

В соответствии с целями анализа нами были учтены результаты, представленные в первых двух колонках раздела ‘Word Sketch’. Нажатие на коллокат в этом разделе позволяет получить данные раздела Конкорданс (‘Concordance’), в котором не только представлены все контексты употребления исследуемого коллоката в Sketch Engine, но и появляется возможность задать грамматический признак исследуемого *прилагательного* как коллоката строго в (–1) позиции, а грамматический признак *существительного* как коллоката – на расстояние от (–1) до (+1). Таким образом, к корпусному менеджеру были сформированы три запроса *adj+right*, *noun+right*, *right+noun*. Изначально для исследования были отобраны первые сорок коллокатов, однако дальнейший анализ выявил резкий спад частотности их употребления. Таким образом, мы ограничились самыми частотными двадцатью коллокатами.

Рассмотрение конструкции *adj+right* (в скобках даны числовые показатели частотности), показало, что для ЛЕ *right* характерны следующие коллокаты: *own* (237528), *civil* (85803), *constitutional* (54258), *legal* (45280), *political* (38794), *fundamental* (33742), *upper* (32626), *democratic* (27059), *religious* (26823), *inalienable* (25203), *natural* (25107), *reproductive* (24815), *exclusive* (21812), *moral* (18306), *extreme* (18254), *statutory* (15599), *far* (13623), *indigenous* (12990), *divine* (11629), *basic* (10905), *inherent* (8969), *god-given* (7469), *equal* (7365).

Анализ полученных списков коллокатов позволил отметить следующие особенности: для конструкции *adj+right* характерны коллокации, связанные с такими тематическими областями, как политика (*political*, *democratic*, *far*, *extreme*), законодательство (*legal*, *constitutional*, *statutory*, *fundamental*), экономика и бизнес (*exclusive*), религия (*religious*, *divine*, *god-given*, *moral*). Отмечены и коллокации, связанные со способностью обладать чем-то на основе своего происхождения (*own*, *civil*, *indigenous*, *inherent*, *reproductive*, *inalienable*, *natural*, *basic*, *equal*).

В конструкции *noun+right* для ЛЕ *right* наиболее частотными являются такие коллокаты, как: *top* (62162), *human* (48510), *water* (39285), *gay* (33748), *bottom* (38021), *something* (29448), *everything* (29017), *privacy* (27016), *land* (29449), *access* (24456), *animal* (21361), *abortion* (29032), *Amendment* (18347), *gun* (16448), *patent* (15975), *property* (11994), *minority* (11795), *labor* (11203), *consumer* (10430), *immigrant* (7474).

Проанализированные списки коллокатов позволили сделать следующие выводы: для конструкции **noun+right** наиболее частотными являются коллокации, связанные с такими тематическими областями, как политика (*water, land, Amendment*), различные социальные группы (*gay, minority, labor, consumer, immigrant, abortion, human, animal*), расположение в пространстве (*top, bottom*), верность и точность выполнения какой-либо задачи (*something, everything*), а также возможностью обладать чем-либо (*gun, patent, privacy, access, property*).

В третьей исследуемой конструкции **right+noun** для ЛЕ *right* наиболее характерными являются следующие коллокаты: *groups* (89622), *movements* (77963), *abuse* (73576), *organizations* (69111), *issues* (55479), *laws* (44854), *corner* (42897), *defenders* (37603), *advocates* (28034), *record* (19162), *hand* (13562), *legislation* (11657), *lawyer* (11363), *violation* (10402), *wing* (9560), *protection* (8090), *campaigner* (7818), *obligation* (7456), *treaties* (6512), *advocacy* (4270).

Изучение семантики полученных коллокаций позволяет отметить следующее: для конструкции **right+noun** характерны коллокации, связанные с тематической областью политики (*wing, movements, campaigner, treaties*), законодательства (*issues, laws, legislation, record*), необходимостью и обязанностью защищать кого-либо или что-либо *правое* (*abuse, defenders, advocates, lawyer, violation, protection, obligation, advocacy*), расположением в пространстве (*corner, hand*), а также с обладателями какого-либо *права* (*groups, organizations*).

На рисунке 1 (стр. 522) представлено обобщенное речевое поведение ЛЕ, что позволяет визуализировать семантические особенности ЛЕ *right* в корпусе Sketch Engine. На схеме тематические области, выделенные **жирным шрифтом**, представляют сферы употребления, характерные для всех трёх исследуемых конструкций; тематические области, выделенные *курсивом*, представляют сферы употребления, характерные для исследуемых конструкций по парам; тематические области, выделенные подчеркиванием, представляют сферы употребления, характерные для каждой отдельной исследуемой конструкции.

Так, пересечения полученных множеств представлены следующими сферами употребления коллокатов:

1. В паре конструкций *adj+right* и *noun+right* ключевыми тематическими областями реализации ЛЕ *right* являются политика и обладание чем-либо;
2. В паре конструкций *noun+right* и *right+noun* ключевыми тематическими областями реализации ЛЕ *right* служат такие области, как: политика, обладание чем-либо, расположение в пространстве;

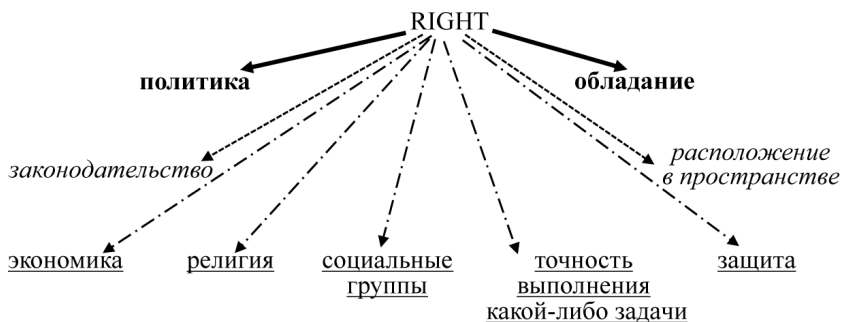

Рис. 1. Сферы употребления коллокатов *right*

3. В паре конструкций *adj+right* и *right+noun* ключевыми тематическими областями реализации ЛЕ *right* являются политика, законодательство и обладание чем-либо.

Как показал анализ, обобщенное смысловое содержание ЛЕ *right* представляет собой достаточно гетерогенное образование, синтезирующее весьма разнообразные и концептуально неравнозначные блоки. Важно, что тематическими сферами употребления коллокатов ЛЕ *right*, встречающимися во всех трёх типах коллокаций, являются *политика* и *обладание чем-либо*. По нашему мнению, данные сферы являются ядерными тематическими областями, определяющими особенности семантики ЛЕ *right* в словаре и в контексте.

Очевидно, что использование лингвистических корпусов углубляет понимание «устройства» сложных ментальных конструкторов и процесса их отражения в языковых формах и структурах. По нашему мнению, привлечение корпусных данных служит действенным инструментом изучения семантического содержания анализируемых ЛЕ, их концептуализации и реализации в различных контекстах.

Литература

Суворова Е. В. Лингвокогнитивные характеристики слов *emotion(s)* и *feeling(s)* и их коллокаций в современном английском языке: на материале текстовых и корпусных данных: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Суворова Е. В., Шевелева Е. О. Лингвокогнитивное исследование лексического триплета «Power – Strength – Force» // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. № 2 (58). С. 607–611.

Kilgarriff A., Rychlý P., Smrž P., Tugwell D. The Sketch Engine // Proceedings of the 11th EURALEX International Congress. 2004. P. 105–116.

*A. A. Fazilova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

**WHAT GIVES YOU THE RIGHT?
THE LEXICAL-SEMANTIC PORTRAIT
OF THE LEXICAL UNIT *RIGHT*
IN THE SKETCH ENGINE CORPUS RESOURCE**

The article aims to conduct a descriptive analysis of collocates of the lexical unit *right* and to identify the features of its contextual implementation in the Sketch Engine resource. This will allow us to further verify and supplement the existing lexicographic data regarding the specifics of ideas about the semantic space of *RIGHT* in the English linguistic cognition.

Key words: mental construct, lexicographic portrait, collocate, linguistic corpus.

*И. В. Чеханова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
ira_chekh@mail.ru*

**КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ**

В статье изучаются механизмы формирования сравнений. Сравнение понимается как когнитивная модель, по которой происходит соотношение нового с известным. Сравнение осуществляется с помощью так называемой когнитивной опоры – известного ориентира из числа объектов окружающего мира.

Ключевые слова: сравнение, познание, ассоциативные признаки, когнитивная опора, интерпретация.

Предметом изучения в данной работе выступают языковые процессы, порождающие сравнительные конструкции.

Исследователи выделяют ряд функций сравнения, которые оно выполняет в процессах познания. Сравнение помогает систематизировать знания о мире, реализует механизм выделения, активизирует кванты фонового знания.

Сравнение представляет собой специфическое когнитивно-языковое явление, способствующее пониманию мира, закреплению этого понимания в культуре и формированию языковой картины мира того или иного этноса.

Когнитивная теория сравнения основана на тезисе о том, что в сознании существуют глубокие структурные связи между понятиями. Это объясняет, почему сравнения в разных типах языка создаются и воспринимаются так просто. С когнитивной точки зрения, процесс сравнения состоит в специфических операциях знания, которые часто приводят к изменению онтологического статуса знания, когда неизвестное переходит в категорию известного, а известное приобретает совершенно новое качество [Румянцева 2007].

Сравнение выступает как логическая структура, как когнитивная модель, посредством которой происходит отнесение сложных ментальных пространств к конкретным, более простым наблюдениям. Другими словами, понимание новой информации сводится к попытке найти в памяти подобную ситуацию [Там же].

При построении образного сравнения у носителя языка активируются ассоциации, которые соотносятся с фоновыми знаниями о конкретной реалии. В механизме сравнения взаимодействуют эмпирический опыт, когнитивные процессы и культурное наследие этноса. Все это работает для того, чтобы представить картину мира в языковой форме.

При изучении сравнения В. Б. Гольдберг использует термин «когнитивная опора». Суть его сводится к следующему: фоновые знания человека активируются не полностью. В конкретной ситуации задействованы лишь отдельные фрагменты базовых знаний. Активируемый в данный момент фрагмент и называют «когнитивной опорой» [Гольдберг 2011].

В настоящей работе рассматриваются опорные элементы, представленные одним словом-именем существительным или группой слов, включающих существительное и зависимые слова.

1) *Jane is so beautiful. She is just like a dream* (Austen).

Слово *dream*, согласно словарям, имеет следующие значения:

1. a series of images, ideas, emotions, and sensations occurring involuntarily in the mind during certain stages of sleep (American Heritage Dictionary of the English Language);

2. mental activity, usually in the form of an imagined series of events, occurring during certain phases of sleep (Collins English Dictionary);

3. a series of events or images that happen in your mind when you are sleeping (Cambridge Advanced Learner's Dictionary);

4. a cherished ambition or ideal, a fantasy (Oxford Dictionary).

На основании дефиниции 4 выявляется характеристика концепта DREAM – идеальный. Именно эта характеристика проецируется на объект сравнения и помогает его интерпретировать: по мнению говорящего, девушка идеальна.

2) *A group of masked men had slipped like shadows from the trees on either side of the track* (British National Corpus).

Слово “shadow” означает:

1. obscurity (Webster’s Dictionary);
2. a feeling or cause of gloom or unhappiness (American Heritage Dictionary of the English Language);
3. an area of relative darkness (Cambridge Advanced Learner’s Dictionary);
4. shelter from danger or observation (Merriam-Webster’s Dictionary).

На основании дефиниции 1 выявляется характеристика концепта SHADOW – незаметность. Именно эта характеристика проецируется на объект сравнения и помогает его интерпретировать: по мнению говорящего, люди в масках передвигались незаметно.

3) *So was her sister, miss Sophia, but it was a different kind. She was gentle and sweet like a dove, and she was only twenty* (Twain).

Слово “dove” имеет следующие толкования:

1. pure and gentle (Webster’s Dictionary);
2. a person who advocates peace, conciliation, or negotiation in preference to confrontation or armed conflict (American Heritage Dictionary of the English Language);
3. any of numerous pigeons (Merriam-Webster’s Dictionary);
4. a bird with short legs, a large body, and a small head, often used as a symbol of peace (Cambridge International Dictionary of English).

Когнитивной опорой для описания девушки является концепт, репрезентированный словарным толкованием 1. На этом основании выявляем характеристику концепта DOVE – непорочный, нежный. Именно эта характеристика проецируется на объект сравнения и помогает его интерпретировать: по мнению говорящего, девушка непорочна и нежна.

4) *Like a giant golden disc, the sun was sliding into the sea...* (British National Corpus).

Слово “disc” означает: something with a round shape resembling a flat circular plate (Webster’s Online Dictionary). На основании дефиниции выявляется характеристика концепта DISC – предмет, имеющий круглую форму. Слова giant, golden придают дополнительную характеристику объекту сравнения. Именно эти характеристики проецируются на объект сравнения и позволяют его интерпретировать: по мнению говорящего, солнце похоже на большой золотой диск.

Таким образом, когнитивная опора – это активизируемый квант фоновых знаний. Для опоры человек выбирает ориентиры среди объектов окружающего мира, которые считает важными для себя лично или значимыми

для своей культуры. Образное сравнение служит одним из способов представления ценностных ориентиров. Например, среди ориентиров можно отметить объекты природного пространства, детали помещения, продукты питания, профессии и т. д.

Литература

Гольдберг В. Б. Форматы фонового знания в образном сравнении // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. IX. С. 106–112.

Румянцева М. В. Сравнение как модель создания художественного образа // Научный журнал «Lingua mobilis». 2007. № 4. С. 17–19.

I. V. Chekhanova (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University

COGNITIVE MECHANISMS OF COMPARATIVE CONSTRUCTIONS FORMATION

The article studies the mechanisms of comparison formation. Comparison is understood as a cognitive model by which new and known information are related. The process of comparison is carried out with the help of a cognitive base, a well-known reference point from among objects of the surrounding world.

Key words: comparison, cognition, associative feature, cognitive base, interpretation.

Чжао Сюй (*Санкт-Петербург, Россия*)
Санкт-Петербургский государственный университет
st122678@student.spbu.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ НАЧАЛО И КОНЕЦ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АССОЦИАЦИЙ

Статья посвящена анализу репрезентации концептов НАЧАЛО и КОНЕЦ, выявляемой в результате опроса 109 респондентов. Представлены ассоциативно-вербальные поля, образуемые реакциями на слова-стимулы *начало* и *конец*. Ассоциаты демонстрируют большое разнообразие семантических векторов в осмыслении концептов. Отмечена комплексность ассоциативных полей, выявлены общие культурные стереотипы и индивидуальные особенности восприятия. Полученные ассоциаты

объединены в несколько групп: иллюстрирующие сочетаемость вербализаторов концептов, их парадигматические связи с другими словами языка, эмоционально-оценочные признаки концепта и проявления его образной вербализации. Интерес представляют реакции, отражающие фразеологически связанные значения отдельных слов и представляющие яркие индивидуальные ассоциации.

Ключевые слова: концепт, начало, конец, ассоциативно-вербальное поле, ассоциативный эксперимент, типология признаков.

Концепты НАЧАЛО и КОНЕЦ принадлежат к числу базовых категорий человеческого мышления и языкового сознания. Эти понятия занимают важное место в восприятии мира: «начало» ассоциируется с исходной точкой, зарождением нового, первопричиной или отправным моментом, в то время как «конец» отражает завершение, предел, прекращение действия или существования чего-либо. «В сознании человека достаточно рано возникла необходимость в концептах “начало” и “конец” в качестве пары пространственно-временных координат бытия, допускающих количественную оценку» [Мечковская 2002: 109]. Данные концепты тесно связаны с представлениями о причинно-следственных связях, взаимозависимостях, а также с этапностью и фазами в протекании различных процессов.

В. И. Карасик считает концепт «многомерным смысловым образованием» и в качестве одного из возможных подходов к его изучению называет выявление «ассоциативно-связанных смысловых признаков» [Карасик 2002: 91, 107]. Совокупность реакций на стимулы образует ассоциативно-вербальную сеть (АВС). Эта «модель языковой способности» является показателем языкового сознания индивида [Караулов 1996: 69]. Эта сеть отражает способ, с помощью которого человек воспринимает и интерпретирует через язык окружающий мир.

Ассоциативный эксперимент (АЭ), изучение типов ассоциаций и частоты однотипных (близких) словесных реакций на слова-стимулы служат постижению языкового сознания человека и его тезауруса. По мнению В. П. Белянина, АЭ «вскрывает объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов» [Белянин 2004: 133], образующие ассоциативно-вербальное поле. Оно репрезентирует фрагмент образа мира этноса, «отраженный в сознании “среднего” носителя той или иной культуры, его мотивов, оценок, и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 1996: 140].

Цель статьи составляет анализ результатов проведенного ассоциативного эксперимента, позволяющего получить представление о спектре ассоциаций, включенных в содержание концептов НАЧАЛО и КОНЕЦ,

и семантике их вербализаторов, а также выявить некоторые стереотипные представления носителей русского языка и культуры.

В опросе приняли участие 109 человек в возрасте от 17 до 75 лет. Респондентам предлагалось заполнить анкету, целью которой было выявление спонтанных ассоциаций: следовало написать не менее пяти слов-реакций на стимулы *начало* и *конец*.

Приведем полученные нами результаты в отношении лексемы *начало*, располагая ассоциаты по степени частотности – в направлении по убывающей. Ассоциат *старт* – 40 упоминаний (36.7%), *конец* – 37 (33.9%), *путь* – 17 (15.6%), *жизнь* – 13 ответов (11.9%), *утро* – 10 упоминаний (9.2%). Далее по нисходящей в соответствии с индексом частоты не менее 4 следуют: *зачин, новое, рождение* – 8; *исток, начинание, свет* – 7; *время* – 6; *дело, жизни, почин, слово, солнце* – 5; *дорога, пути, работа, страх, фильм, хорошее* – 4.

Анализ ассоциаций к слову *конец* показал следующий спектр: наиболее частотны ассоциаты *завершение* (24 упоминания, 22.0%), *смерть* (24/ 22.0%), *начало* (20/ 18.3%), *финиш* (20/ 18.3%), *итог* (16/ 14.7%), *финал* (16/ 14.7%). Менее частотны, но относительно регулярны: *результат* – 14, *окончание* – 12, *фильм* – 10; *жизнь, венец (делу венец)* – 9; *облегчение* – 8; *путь, заключение, точка, отдых, грусть, успех* – 7; *работы, свобода, закат* – 6; *веревка, счастливый, радость* – 5; *победа, награда, темнота, печаль* – 4.

Можно заметить, что в числе ассоциатов к словам *конец* и *начало* названы ближайшие антонимы – и в том числе биномы *начало – конец* и *конец – начало*, что иллюстрирует сопряженность противоположных понятий и отражает бинарность восприятия явлений, характерную для когнитивных процессов.

Сравнение данных ассоциативного эксперимента и «Русского ассоциативного словаря» [РАС.1: 359, 264] подтверждает устойчивую связь между этими концептами, что говорит об их бинарном восприятии в языковом сознании. В обоих случаях ассоциат *конец* значим среди реакций на стимул *начало*. Показатели при этом близки: 33.9% – при опросе и 35.9% в РАС.

В отношении же иных реакций наблюдаются небезынтересные различия. На первом месте среди ассоциатов к стимулу *начало* в анкетах слово *старт* (40 / 36.7%), тогда как в РАС эта реакция отсутствует. Для стимула *конец* респондентами часто упоминаются *смерть* и *завершение* (по 22%), в то время как в РАС доминируют ассоциаты *фильм* (14.4%) и *свет* (14.2%). Различия могут быть объяснены социально-культурными особенностями выбора респондентов, но также и постепенными изменениями в языковом сознании современников.

Для определения характера семантических связей между словами-стимулами и ассоциатами мы опираемся на классификацию Е. И. Горошко [Горошко 2001] и разделяем реакции на несколько групп.

1. Синтагматические ассоциации: начало – *дорога, жизнь, путь, дело, слово, работа, фильм*; конец – *жизнь, фильм, путь, работа*. Здесь проявляется привычная для говорящих сочетаемость; ср.: начало [*чего*] *жизни, пути, фильма* и т.д. Связь между словами *начало* и *слово* опосредована, очевидно, библейской фразой «В начале было Слово». *Слово* как библейское понятие – это «первоначало, божественный разум, дух, Бог» и т.д. [Дубровина 2010: 94].

2. Парадигматические ассоциации: начало – *старт, зачин, начинание, исток, конец, почин, отправная точка*; конец – *завершение, окончание, начало, финиш, итог, финал, заключение*. Они охватывают три главных типа отношений: синонимию, антонимию и гиперогипонию. Слова *начало* и *старт, зачин, начинание, исток, почин* и др. – синонимы или могут сближаться в контексте. Слова *конец* и *завершение, окончание, финиш, итог, финал, результат, заключение* могут выступать как синонимы в различных контекстах. *Начало* и *конец* – это бесспорные антонимы, сохраняющие логическую связь.

3. Эмоционально-оценочные ассоциации: начало – *новое, хорошее, страх*; конец – *счастливый, безвозвратно, облегчение, грусть, успех, свобода, радость, победа, награда, печаль*. Начало часто ассоциируется с новизной и позитивом, возможностями, что вызывает надежду и радость. Оно также может порождать страх перед неизвестностью и переменами. Конец, с одной стороны, воспринимается как облегчение, свобода и победа, завершение трудного этапа. Но респонденты ассоциируют его и с утратой и печалью. Разные ответы на вопросы о начале и конце – это реакции, определяемые жизненным опытом.

4. Метафорические ассоциации: начало – *утро, солнце, рождение, росток*; конец – *смерть, кладбище, закат*. Начало может ассоциироваться с жизнью, светом и ростом, символизировать новые возможности и надежды. Конец же как ассоциируется с уходом, завершением жизненного пути. Например, слово *закат* часто выступает как метафора старения или приближающегося конца; ср.: на *закате жизни*.

5. Устойчивые речевые словосочетания: начало – *комом, половина всего*; конец – *венец, делу венец, точка, свет, веревка, палка*. Слово *конец* в сочетании с лексемами *палка* и *веревка* и словосочетанием *делу венец* отражает связи, укоренившиеся в языковом сознании благодаря фразеологизмам и пословицам; ср.: *палка о двух концах; Сколько веревочке*

ни виться, а конец будет; Конец – делу венец. Слово начало в сочетании с комом и словосочетанием половина дела также отражает фразеологизированные связи; ср.: Первый блин комом и Доброе начало – половина дела. Конец в сочетании со словом точка – отзвук, вероятно, устойчивого выражения поставить точку – ‘закончить’. Ср. частотные обороты поставить точку в деле / в разговоре. Связь слова начало с ассоциатом свет можно интерпретировать как вторичную ассоциацию, которая проявляется через устойчивое выражение конец света и взаимосвязь концептов НАЧАЛО и КОНЕЦ.

6. Индивидуальные ассоциации: начало – Чурикова. Здесь причина связи культурного свойства – известный фильм с участием Инны Чуриковой «Начало».

Эти классификации демонстрируют сложность семантической структуры ассоциативных полей «начало» и «конец», а характер обнаруженных связей не всегда допускает однозначные трактовки – часто в силу многозначности как самих стимулов, так и ассоциатов. Данный этап проведенного опроса позволил выявить ключевые элементы ассоциативного поля понятий «начало» и «конец».

Литература

Белянин В. П. Психолингвистика. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004.

Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков: Ра-Каравелла, 2001.

Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта: Наука, 2010.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Караулов Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 67–96.

Мечковская Н. Б. Концепты «начало» и «конец»: тождество, антонимия, асимметричность // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 109–120.

Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. Т. 1.

Уфимцева Н. В. Русские: Опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: материалы семинара «Язык, сознание, культура: межэтнические аспекты» / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 139–162.

Zhao Xu (*Saint Petersburg, Russia*)
St. Petersburg State University

**REPRESENTATION OF THE CONCEPTS *BEGINNING*
AND *END* IN RUSSIAN LINGUISTIC COGNITION
THROUGH THE PRISM OF ASSOCIATIONS**

The article analyzes the representation of the concepts *BEGINNING* and *END* based on a survey of 109 respondents. It presents associative-verbal fields formed by reactions to the stimulus words *beginning* and *end*. The associates demonstrate a wide variety of semantic vectors in conceptualizing these concepts. The complexity of associative fields is highlighted, revealing both shared cultural stereotypes and individual perceptual features. The obtained associates are grouped into several categories: those illustrating the combinability of conceptual verbalizers, their paradigmatic links with other linguistic units, emotional-evaluative attributes of the concepts, and manifestations of their figurative verbalization. Of particular interest are reactions reflecting phraseologically bound meanings of specific words and vivid individual associations.

Key words: concept, beginning, end, associative-verbal field, associative experiment, typology of attributes.

XI. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. В. Ачкасов (Санкт-Петербург, Россия)
*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
a_v_achkasov@mail.ru*

КОГНИТИВНАЯ НАГРУЗКА В ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ РАСПОЗНАВАНИЯ РЕЧИ

В статье представлены результаты экспериментального исследования когнитивной нагрузки в ходе выполнения последовательного перевода с использованием средств распознавания речи. Установлено, что модель усилий Д. Джайла для перевода с листа не может быть экстраполирована на указанный сценарий, так как на этапе производства речи когнитивная нагрузка перераспределяется в пользу переосмысления результатов распознавания.

Ключевые слова: последовательный перевод, средства распознавания речи, когнитивная нагрузка, модель усилий, кратковременная память.

На сегодняшний день нет общепринятой методики измерения когнитивной нагрузки во время устного перевода. Можно упомянуть исследование жестикуляции как маркера когнитивной нагрузки во время перевода [Cienki, Iriskhanova 2020], корпусное исследование когнитивной нагрузки на основе частотности маркеров потери беглости речи (*disfluency marker*), скорости речепроизводства, лексической плотности, длины предложений [Moratto et al 2023]. Есть опыт анализа переводческой скорописи в динамике на основе данных цифровой ручки [Mellinger 2022]. В данном исследовании представлен результат анализа когнитивной нагрузки в процессе устного последовательного перевода с использованием средств распознавания речи на материале экспериментальных данных.

Описание и анализ когнитивной нагрузки в устном переводе осуществляется преимущественно с использованием «модели усилий» (*efforts model*) Д. Джайла. В рамках указанной модели процесс устного перевода

представлен как сочетание разных когнитивных действий, что позволяет, в том числе, дифференцировать разные виды устного перевода в аспекте когнитивной нагрузки. Для синхронного перевода Д. Джайл выделил четыре основных когнитивных усилия: слушание, производство, запоминание и координация. Для последовательного перевода в рамках такого подхода выделяются два этапа: (1) слушание и запись и (2) производство целевого высказывания. На первом этапе переводчик во время записи более интенсивно, чем в синхронном переводе, использует кратковременную память, а на втором – расшифровывает скоропись и извлекает информацию из кратковременной памяти [Gile 2009: 175–176]. Производство целевого высказывания таким образом опосредовано фазами записи и расшифровки, что увеличивает количество когнитивных действий, но снижает общую когнитивную нагрузку.

Использование средств распознавания речи в последовательном переводе меняет описанный сценарий. Опора на автоматически распознанную речь избавляет переводчика от необходимости фиксировать информацию скорописью и в дальнейшем расшифровывать ее на этапе производства целевого высказывания. Теоретически это должно снизить интенсивность когнитивной нагрузки на переводчика. Такой сценарий по ряду параметров сближает последовательный перевод с использованием средств распознавания речи и перевод с листа. В последнем случае фаза слушания замещается фазой чтения, а на этапе производства речевого высказывания менее интенсивно задействованы механизмы краткосрочной памяти. По мнению Д. Джайла при переводе с листа это снижает когнитивную нагрузку [Gile 2009: 180]. Сказанное позволяет предположить, что когнитивная нагрузка будет снижаться и при выполнении последовательного перевода с использованием средств распознавания речи, то отчасти подтверждается данными уже проведенных исследований: «большинство переводчиков считают, что с помощью технологии распознавания речи задача перевода стала легче, это в основном отражается в уменьшении напряжения памяти, и в конце концов, рабочая нагрузка у переводчика на практике устного перевода снижается» [Хунфэй, Ибин 2021: 103].

Тем не менее прямая экстраполяция характеристик перевода с листа на последовательный перевод с использованием средств распознавания речи будет некорректной. Во-первых, опора на распознанный текст при последовательном переводе сочетается со слушанием и, во-вторых, результаты распознавания устной речи существенно отличаются от письменной речи. Результаты распознавания сохраняют ряд особенностей устной речи, включая ее синтаксические особенности, речевые ошибки, нарушение когезии,

паузы и т.п. Опора на такой результат распознавания может требовать дополнительных усилий при переводе.

Указанный аспект последовательного перевода с использованием средств распознавания речи исследован на корпусе экспериментальных данных. В эксперименте две группы переводчиков переводили видеозапись защиты диссертации по социологии [Karlin 2014] с использованием традиционной скорописи и с опорой на результаты распознавания. Для повышения экологической валидности эксперимента переводчики прошли предварительный тренинг. В ходе выполнения перевода участники эксперимента получали результаты распознавания в режиме эмуляции, так как распознавание в режиме реального времени могло давать разные результаты. После завершения перевода проводилось постпереводческое интервью [Ачкасов 2024].

Переводы, выполненные с использованием средств распознавания речи, характеризуются выраженной опорой на линейную структуру распознанной речи, сохранением в переводе значительной части несущественных нюансов и повторов. Как следствие средняя длина предложений в таких переводах на 15% выше, чем в переводах, выполненных с опорой на традиционную скоропись. Более того, чем длиннее фрагмент для перевода, тем в большей степени перевод копировал линейное развертывание оригинального высказывания. В аспекте распределения когнитивных усилий указанный параметр обусловлен отсутствием необходимости задействовать кратковременную память для «шифровки» и последующей дешифровки высказывания. Хотя такой вывод кажется очевидным и укладывается в «модель усилий» Д. Джайла, постпереводческое интервью показало, что по ходу выполнения перевода испытуемые в ряде случаев были вынуждены прилагать дополнительные усилия для переосмысления результатов распознавания. Трое из пяти испытуемых отметили в разных формулировках, что опора на распознанную речь приводила к снижению осмысленности формулировок в переводе, а в случаях нарушения когезии к необходимости прилагать дополнительные усилия для «вычленения главного». В результате это вело к накоплению усталости и повышению степени рутинности процесса.

Вместе с тем, когда оригинальное высказывание было оформлено синтаксическими конструкциями с нечеткой структурой или несогласованными предложениями в сочетании с высоким темпом речи, опора на распознанную речь позволяла переводчикам дать более полный перевод, в то время как в переводе с опорой на скоропись могли быть опущены существенные смысловые компоненты. Таким образом можно говорить

не столько о снижении, сколько о перераспределении когнитивной нагрузки в таких случаях.

В заключение можно сделать ряд выводов. «Модель усилий» для перевода с листа (Д. Джайл) не может быть в неизменном виде экстраполирована на перевод с использованием средств распознавания речи, так как распознанный текст сохраняет параметры устной речи. Кроме того, при переводе с опорой на распознанный текст скорость поступления информации определяется темпом речи говорящего. При переводе с использованием средств распознавания речи, в отличие от перевода с опорой на скоропись, снижается интенсивность когнитивных усилий на фазе восприятия текста, так как в меньшей степени оказывается задействованной кратковременная память. Вместе с тем, на этапе производства речи переводчики вынуждены прилагать больше усилий для переосмысления результатов распознавания, так как опора на линейную структуру распознанного текста ведет к снижению степени «охвата» общей смысловой структуры высказывания. Указанный параметр может быть связан с отсутствием у переводчиков опыта регулярного использования средств распознавания речи, поэтому описанная практика требует дополнительных исследований на расширенной экспериментальной базе.

Литература

Ачкасов А. В. Речевые характеристики последовательного перевода в условиях использования средств распознавания речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 9. С. 3355–3360.

Хунфэй Г., Ибин Л. Технология распознавания речи и ее альтернативные возможности улучшения качества устного последовательного перевода с русского на китайский // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2021. № 3. С. 90–107.

Cienki A., Iriskhanova O. K. Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1 // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 1. С. 5–11.

Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Revised edition. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009.

Karlin B. Beth Karlin Ph. D. Thesis Defense. 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=w7PZsQmOg7A> (accessed 01.09.2024).

Mellinger C. D. Cognitive behavior during consecutive interpreting: Describing the notetaking process // Translation & Interpreting. 2022. Vol. 14. № 2. P. 103–119.

Moratto R., Zhimiao Y. Probing the cognitive load of consecutive interpreters: A corpus-based study // Translation and Interpreting Studies. The Journal of the American Translation and Interpreting Studies Association. 2024. Vol. 19. Iss. 2. P. 234–256.

*A. V. Achkasov (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia*

COGNITIVE LOAD IN CONSECUTIVE TRANSLATION WITH THE USE OF SPEECH RECOGNITION TOOLS

The article presents the findings of an experimental study on cognitive load during consecutive interpreting with the use of automatic speech recognition. The results show, that D. Gile's efforts model for sight translation cannot be extrapolated to this scenario, because cognitive load is redistributed in favor of reinterpreting the results of recognition during the speech production phase.

Key words: consecutive translation, speech recognition tools, cognitive load, efforts model, short-term memory.

*A. B. Ачкасов, И. А. Наговицына
(Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
a_v_achkasov@mail.ru, stariris@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВЕБСАЙТОВ

Локализация вебсайтов изучается в разных аспектах, каждый из которых имеет когнитивное «измерение». Лингвистический анализ преимущественно ограничен применением традиционных методов межкультурной коммуникации и переводоведения. Включение в сферу анализа лингвистики данных прикладных исследований в области человеко-компьютерного взаимодействия, маркетинга и поисковой оптимизации способствует лучшему пониманию влияния цифровой среды на формирование и протекание когнитивных процессов.

Ключевые слова: локализация вебсайтов, межкультурная коммуникация, человеко-компьютерное взаимодействие, параметры Хофстеде, поисковая оптимизация.

Локализация в широком смысле как процесс межкультурной адаптации цифровых продуктов тесно связана с когнитивными процессами. Локализация вебсайтов в частности представляет собой «когнитивный, текстуальный, коммуникативный и технологический процесс, посредством которого тексты модифицируются для использования в разных социолинг-

вистических контекстах» [Jiménez-Crespo 2013: 5]. Приведенная дефиниция указывает на многоаспектность процесса локализации, но не охватывает весь спектр факторов, влияющих на адаптацию цифровых продуктов. В этот перечень необходимо включить, как минимум, факторы экономические, маркетинговые, а также специфику человеко-компьютерного взаимодействия и поисковой оптимизации. Каждый из упомянутых аспектов локализации имеет собственное когнитивное «измерение», которое изучается в соответствующей междисциплинарной области. Попытки концептуализации всех аспектов локализации в рамках одной парадигмы привели к возникновению «исследований в области локализации» (*Localization Studies*). В рамках этой широкой области не сложился консенсус об общем предмете исследования, который распадается на частные аспекты «адаптации продукта». Такая ситуация обусловлена прежде всего узкой практической направленностью упомянутых выше направлений исследования. Так, например, в области глобального маркетинга изучение влияния «культурных, географических и инфраструктурных особенностей на решение о создании вебсайтов для конкретного сегмента рынка» [Shneor 2012: 352] не включает анализ прагматических характеристик контента. В области менеджмента предметом анализа становилось взаимодействие в процессе локализации групп участников, принадлежащих к разным культурам (*communications teams*) [Ledet, Bailie 2005: 32], что практически не касается вопросов адаптации технической и содержательной адаптации сетевых ресурсов.

Особняком стоят исследования в области человеко-компьютерного взаимодействия, которые сыграли существенную роль в изучении влияния фоновых знаний культуры пользователя на разработку интерфейсов. Можно упомянуть работы, посвященные «влиянию культурных различий на потребности пользователя» [Choi et al. 2006: 171] или анализу роли культурных когнитивных стилей в процессе использования интерфейсов (см. обзор [Clemmensen, Roesse 2010]). Такие работы тесно связаны с культурологическими штудиями, учитываются в кросс-культурном маркетинге, но практически не повлияли на собственно лингвистические подходы к изучению локализации.

В переводоведении в целом доминирует и упрощенный подход к локализации как одному из видов «культурной адаптации», которая является частью лингвистической парадигмы межкультурной коммуникации. Такой «тип адаптации... не является чем-то новым для переводоведения, особенно после появления коммуникативных и ориентированных на целевой текст теорий перевода» [Jiménez-Crespo 2013: 31]. Эмпирические

исследования локализации вебсайтов нередко сводятся к констатации различий в аспекте языковых конвенций (культурно-специфическая лексика, метафоры, реже – узуальные функциональные нормы), которые включаются в контекст культурных шаблонов (цветовые предпочтения, объекты и реалии, ассоциируемые с конкретной культурой). Когнитивный аспект анализа в такой парадигме выражается в основном в отсылках к исследованиям в других областях, констатирующим значение адаптации для когнитивно-прагматического восприятия продукта или потенциальное «снижение когнитивных усилий» [Singh et al. 2004] при использовании кастомизированных вебсайтов. Такой подход не учитывает, например, что вебсайты адаптируются, чаще всего, не для культуры в целом, а для конкретной целевой аудитории (относительно обособленные социолингвистические группы), или что целевой контент может быть ориентирован на повышение трафика в рамках стратегии поисковой оптимизации. Более того, сохранение компонентов культуры исходного вебсайта также может быть частью процесса локализации и в этом случае когнитивно-прагматические аспекты адаптации приобретают иной смысл и могут повышать когнитивную нагрузку. Существенно обогатить лингвистический анализ локализации вебсайтов могли бы исследования в области кросс-культурного или кросс-языкового маркетинга или «кросс-рыночного копирайтинга» (cross-market copywriting). Хотя такие исследования ориентированы на практическое применение конкретных техник создания текстов, они дают практические наблюдения, основанные на лучших практиках, которые могут быть осмыслены в лингвистических категориях. Такие обобщения потенциально могут стать основой методологий анализа эмпирического материала, в том числе и с позиций когнитивной лингвистики.

В качестве примера такого кросс-дисциплинарного подхода можно назвать применение в исследованиях по локализации параметрического метода Г. Хофстеде [Hofstede 1991], который является когнитивным по своей сути. Базовые «культурные параметры» по Г. Хофстеде (дистанция власти, избегание неопределенности, индивидуализм и маскулинность) использовались для анализа культур в целом, однако были адаптированы для анализа культурных различий вебсайтов. Так, параметр «дистанция власти» определяется с учетом симметрии, структуры, особенностей навигации, речевого оформления базовых блоков. Параметр индивидуальности определяется образами успеха, вниманием к личным достижениям, информацией о корпоративной этике, игровой составляющей контента и пр. [Cucchi 2012; Фокина 2023].

Еще один подобный пример представлен анализом межъязыковых аспектов поисковой оптимизации (multilingual search engine localization). Поисковые системы опосредуют контент и потребителя, давая на основе поискового запроса выдачу наиболее релевантных результатов. Повышение рейтинга вебсайта предполагает учет алгоритмов поисковой системы и типичного поискового поведения пользователей. В рамках лингвистической концептуализации межъязыковой поисковой оптимизации поисковая система рассматривается как участник коммуникации, выполняющий функцию «селективного медиатора» (selective mediator) между автором (переводчиком) и получателем [Jude, Massey 2011: 151]. Указанный подход не в полной мере учитывает влияние поисковых систем на процесс локализации, но показывает, что поисковые системы активно формируют новые практики межъязыковой адаптации, особые сетевые микрожанры и речевые стили [Achkasov 2015; Ачкасов 2021].

В заключение можно сделать ряд выводов. На сегодняшний день изучение когнитивных аспектов локализации вебсайтов носит кросс-дисциплинарный характер, однако такие исследования сосредоточены преимущественно на отдельных аспектах адаптации контента и интерфейсов. Лингвистический анализ в общей массе ограничен применением традиционных методов межкультурной коммуникации и переводоведения. Результаты исследований в области человеко-компьютерного взаимодействия, кросс-языкового маркетинга и поисковой оптимизации в таких исследованиях учитываются мало. С другой стороны, нет междисциплинарных исследований, обобщающих эмпирические данные, полученные в упомянутых областях, и результаты когнитивной лингвистики. Появление таких исследований может расширить методологическую базу когнитивной лингвистики и способствовать лучшему пониманию влияния цифровой среды на формирование и протекание когнитивных процессов.

Литература

Ачкасов А. В. Межъязыковые аспекты поисковой оптимизации // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2021. № . 199. С. 142–149.

Фокина М. С. Актуализация семиотических свойств языка в семиотических словесных играх // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 900–904.

Achkasov A. Words Under Pressure: Translation in the Context of Search Engine // Journal of Siberian Federal University Humanities & Social Sciences. 2015. V. 8. № 2. P. 200–208.

Choi B., Lee I., Kim J. Culturability in Mobile Data Services: A Qualitative Study of the Relationship between Cultural Characteristics and User-Experience

Attributes // International Journal of Human-Computer Interaction. 2006. № 20(3). P. 171–206.

Clemmensen T., Roese K. An overview of a decade of journal publications about culture and Human-Computer Interaction (HCI) // Human Work Interaction Design: Usability in Social, Cultural and Organizational Contexts. IFIP Advances in Information and Communication Technology. 2010. P. 98–112.

Cucchi C. Hofstede's Cultural Dimensions in ELF Company Websites of European Countries: Lexical Choices in Sweden and Greece // Facchinetti R. (ed.) A Cultural Journey through the English Lexicon. Cambridge Scholars Publishing. 2012. P. 153–183.

Jiménez-Crespo M. A. Translation and Web Localization. London: Routledge, 2013.

Jude P., Massey G. Machines as participants in the communication process: The implications of SEO for translation // Evolution der Informationsgesellschaft. Markenkommunikation im Spannungsfeld der neuen Medien / ed. by C. Steinmann. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. P. 143–155.

Ledet D., Bailie R. Following the Road Untraveled: From Source Language to Translation to Localization // Proceedings of the IEEE International Professional Communication Conference. July 2005. P. 32–39.

Singh N., Furrer O. & Massimiliano O. To Localize or to Standardize on the Web: Empirical Evidence from Italy, India, Netherlands, Switzerland and Spain // Multinational Business Review. 2004. № 12. P. 69–88.

Shneor R. Influences of culture, geography and infrastructure on website localization decisions // Cross Cultural Management: An International Journal. 2012. № 19 (3). P. 352–374.

A. V. Achkasov, I. A. Nagovitsyna

(Saint Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University of Russia

COGNITIVE ASPECTS OF WEBSITE LOCALIZATION

Website localization is explored from multiple dimensions, each incorporating a cognitive aspect. Traditionally, linguistic analysis in this domain has been limited to established methodologies within intercultural communication and translation studies. However, the integration of insights from applied research in human-computer interaction, marketing, and search engine optimization greatly enhances our understanding of how the digital environment shapes and influences cognitive processes. This broader perspective not only deepens our comprehension of localization but also highlights the intricate relationship between language, technology, and user experience in a global digital context.

Key words: website localization, intercultural communication, human-computer interaction, Hofstede's cultural dimensions, search engine optimization.

М. А. Бредис (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
briedis@yandex.ru

**КОНТАКТНЫЕ ПОСЛОВИЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАСФЕРА
(НА ПРИМЕРЕ ПОСЛОВИЦ
РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)**

В статье представлены примеры контактных параллелей пословиц 8 разноструктурных языков. Паремии рассматриваются в свете лингвокультурного трансфера как функции языка и когнитивной системы в рамках взаимодействующих лингвокультур. Контактные пословичные параллели возникают в ходе лингвокультурного трансфера в виде заимствований, полных или адаптированных воспринимавшей культурой.

Ключевые слова: паремия, лингвокультура, лингвокультурный трансфер, коммуникация, передача, коллективная память.

Теория культурных трансферов – относительно молодое направление в лингвистике. Первоначально в гуманитарных науках она разрабатывалась только в отношении истории и литературоведения (М. Эспань, М. Мидделль и др.) [Бредис, Ломакина 2020: 29]. Позднее эта теория распространилась и на другие науки, в том числе лингвистику [Бредис, Ломакина, Мокиенко 2020]. В настоящее время применительно к фразеологии культурный трансфер рассматривается как процесс взаимообмена, в том числе путем заимствования из общего источника, и как свод правил для перевода и переинтерпретации фразеологизмов [Дронов 2018: 6].

Согласно С. Г. и А. В. Проскуриным, лингвокультурный трансфер представляет собой перенос культурной информации во времени, который имеет две формы – коммуникацию и передачу. Перенос информации «здесь и сейчас» является коммуникацией, а перенос информации через поколения является передачей [Проскурины 2016: 429]. С точки зрения паремиологии для нас важно следующее положение о лингвокультурном трансфере: «Функция передачи, будучи функцией языка и когнитивной системы, увековечивает “некую базовую идентичность”, общую для всех тех людей, кто использует родной язык, и позволяющую потомкам почувствовать принадлежность к предкам, накапливая при этом коллективную память той или иной исторической группы» [там же]. Это положение развивает

теорию медиологии Режи Дебрэ, который данным термином обозначает новое учение о передаче знаний и традиций и относит к *передаче* всё, что имеет отношение к динамике коллективной памяти, а к *коммуникации* – обращение сообщений в заданный момент [Дебрэ 2010: 16].

Руководствуясь изложенными выше теоретическими положениями, мы рассматриваем контактные пословичные параллели в языках соседних народов как проявления лингвокультурного трансфера, передачу опыта, культурной информации во времени и пространстве.

Цель работы – в подтверждение теоретических положений привести и проанализировать ряд примеров контактных параллелей пословиц разноструктурных языков в контексте лингвокультурного трансфера.

Независимо от генетического родства языков пословицы могут быть результатами взаимодействия языков и культур народов, проживающих бок о бок друг с другом или на соседних территориях. Примеры подбирались из пословичных сборников и словарей русского, латгальского, латышского, марийского, удмуртского, татарского и тувинского, языков, среди которых: *Большой словарь русских пословиц* под ред. В. М. Мокиенко, Т (2010); *Карельские пословицы и поговорки* = *Karjalazet sananpolvet da sananpiät* = *Karjalaiset šananlaškut ta šananpolvet* (2011); *Марий калык ойпого: Калыкмут-влак – Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки* А. Е. Китикова (2004); *Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки* Т. Г. Перевозчиковой (1987); *Tatar халык макальләре һәм әйтемнәре* Л. Х. Мухаметзяновой и И. И. Ямалтдинова (2020); *Пословицы и поговорки тувинского народа* Б. К. Будупа (2020); *Latviešu sakāmvārdi un parunas P. un M. Birkerti* (1997); *Latgaļu parunas un sokomvōrdi* В. Opincāne (2000).

Пословицы – одновременно явление культуры и инструмент лингвокультурного трансфера, т.е. передачи опыта народа, культурной информации. Внутри одной лингвокультуры пословицы служат цели передачи культурной информации во времени, ее увековечения между разными поколениями одного этноса. Кроме того, пословицы у соседних народов могут быть результатом передачи не только во времени, но и в пространстве, примером трансфера из одной лингвокультуры в другую, осуществляемого посредством коммуникации, в том числе перевода. Это наблюдается в приграничных районах, а также в регионах, где существует тесное соседство и взаимодействие разных народов. Чем ближе родство языков, тем больше наблюдается в них сходных пословиц. Пословицы как единицы языка всегда служили когнитивным инструментом передачи опыта, моральных и культурных ценностей народа из поколения в поколение. До появления

письменности паремии были важной частью идентичности. Идентичность индивидуума была тождественна идентичности этноса [Проскурины 2016: 434].

В районах культурно-языкового взаимодействия у разных народов встречаются одинаковые по семантике и образности пословицы. Например: рус. *Родимая сторона – мать, [а] чужая – мачеха*; латгальск. *Sova zeme – mōte, sveša – pamōte* ‘Своя земля – мать, чужая – мачеха’; латышск. *Sava zeme – māte, sveša – pamāte* ‘Своя земля – мать, чужая – мачеха’; удм. *Дор пал – аныкай, ятвыл – сюарнай* ‘Родная сторона – мать, чужая – мачеха’; марийск. *Туан вел – ävă, ördÿж вел – вараи ävă* ‘Родная сторона – родная мать, чужая сторона – мачеха’; тат. *Туган илең – туган анаң, чит ил – уги ана* ‘Родная сторона – родная мать, чужая сторона – мачеха’; тув. *Өскен чери – төрээн ие, / Өскелерниң – соңгу ие* ‘Родная земля – мать, / Чужая земля – мачеха’. Упомянутые балтийские, финно-угорские и тюркские языки тесно взаимодействуют или взаимодействовали в прошлом с русским языком. Однако назвать русскую паремию источником всех приведенных выше пословиц затруднительно, поскольку концепты ЗЕМЛЯ, РОДИНА и МАТЬ взаимосвязаны во многих языках. Например, тувинские информанты указывают в качестве пословицы следующее выражение *Дээр – ада, чер – ие* ‘Небо – отец, земля – мать’, которое восходит к древним мифологическим представлениям народа. Следовательно, в данном случае не исключается и полигенез пословиц.

Другой интересный пример контактных параллелей представляют собой карельская, латышская и русская паремии о крайней степени скупости: карельск. *Keyhy bohatas ei saa ni kivie peedy puhkata* ‘Бедняк у богача и камня не выпросит голову пробить’; латышск. *Skopais uz sava tīrūma citam akmeņa nedod nosisties* ‘Скупой на своём поле другому и камня не даст разбиться’; рус. *Не выпросишь камня, голову разбить*. Здесь также сложно установить источник трансфера. Все три пословичные параллели используют образ скупца, которому жаль дать камень крестьянину, задумавшему от безысходности разбить свою голову. В «Большом словаре русских поговорок» паремия помечена как новгородская, т.е. она не является общерусской. Ясно, что речь идет о контактных пословичных параллелях региона, включающего территорию современной Латвии, а также российских Новгородской области и Карелии.

В процессе лингвокультурного трансфера паремий сопредельных народов происходит заимствование пословиц, при котором они подвергаются культурной перекодировке, адаптации принимающей лингвокультурой. Так, русская пословица *Конейка рубль бережет* заимствована рядом со-

седних народов: латышск. *Kapeika rubli sargā* ‘Копейка рубль бережёт’; тат. *Тиен таңкәне саклый* ‘Копейка рубль бережет’; марийск. *Кумыр тенгем аныкла* ‘Копейка рубль сбережет’. В латышский язык русская поговорка попала без изменений с сохранением заимствованных образов *kapeika* ‘копейка’ и *rublis* ‘рубль’.

Татарская и марийская лингвокультуры адаптировали эти образы, используя собственные названия русских денежных единиц: тат. *тиен* ‘букв. белка’, *таңкә* ‘рубль’; марийск. *кумыр* ‘букв. три белки’, *тенге* ‘рубль’. Для понимания значения этих пословиц необходим лингвокультурологический комментарий. Названия рубля в татарской и марийской пословицах (*таңкә*; *тенге*), вероятно, восходят к более ранней серебряной монете, по одной из версий, к *даннику* или *данга* – денежно-весовой единице в Поволжье XIV в. [Бредис 2024: 21]. После вхождения в состав Русского государства это название перенесено на рубль. Названия копейки *тиен* и *кумыр* связаны с беличьими шкурками, которые в древности использовались у народов Поволжья в качестве валюты в торговле с арабами. Позднее название *белка* перешло на серебряную монету, а с XVI в. – на русскую копейку [там же: 22]. Возможно, первоначально стоимость беличьей шкурки и составляла 1 серебряную монету (копейку). Марийское название копейки – *кумыр* ‘три белки’ – позволяет установить время возникновения пословицы – период сразу после денежной реформы 1840 г., когда был введен стандарт серебряного рубля и установлен курс за 1 рубль серебром – 3,5 рубля ассигнациями. 1 коп. серебром стала стоить 3,5 коп. старого образца и получила в народе название *трёшник*. С тех пор в мордовских пословицах *трёшник* и значит ‘копейка’. Соответственно, *кумыр* ‘три белки’ – копейка нового образца – стоила 3,5 коп. старого образца. Три копейки нового образца по-марийски стали называться *кумуриш* ‘букв. три белки серебро’ [там же: 23].

Анализ примеров пословичных контактных параллелей показывает, что в ареалах соприкосновения русской и других лингвокультур источником лингвокультурного трансфера чаще всего является передача пословиц из русского языка. Процесс передачи имеет языковую и когнитивную функции. В рассмотренных примерах пословичные параллели представляют собой либо полные заимствования (кальку), либо адаптированные воспринимающей лингвокультурой заимствования. В последних используются национальные образы, как, например, исторические названия денежных единиц в ряде финно-угорских и тюркских паремий, заимствованных из русского языка. При этом не исключается и полигенез пословиц в сходных исторических и бытовых реалиях соседних народов. Кроме того,

следует учитывать наличие универсальных интернациональных пословиц. Определение источника лингвокультурного трансфера бывает затруднено, часто необходимы специальные историко-лингвокультурологические изыскания.

Литература

Бредис М. А. Национальная маркированность названий денежных единиц в чувашских пословицах (на фоне разноструктурных языков) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2024. № 4 (125). С. 18–25.

Бредис М. А., Ломакина О. В. Пограничные территории как пример культурно-языкового трансфера (на материале латгальской и русинской паремиологии) // Вопросы этнополитики. 2020. № 2. С. 28–38.

Бредис М. А., Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. 2020. № 60. С. 198–212.

Дебрэ Р. Введение в медиологию / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2010.

Дронов П. С. Очерки по культурным трансферам во фразеологии: монография. М.: Ин-т языкознания РАН, 2018.

Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Коммуникация и передача как формы лингвокультурного трансфера // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 429–450.

M. A. Bredis (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CONTACT PROVERBAL PARALLELS AS A MANIFESTATION OF LINGUOCULTURAL TRANSFER (ON THE EXAMPLE OF PROVERBS OF STRUCTURALLY DIFFERENT LANGUAGES)

The paper presents examples of contact parallels of proverbs of 8 structurally different languages. Proverbs are considered in the light of linguacultural transfer as a function of language and cognitive system within the framework of interacting linguacultures. Contact proverbial parallels arise in the course of linguacultural transfer in the form of borrowings, complete or adapted by the receiving culture.

Key words: paremia, linguoculture, linguacultural transfer, communication, transmission, collective memory.

Е. А. Вишнякова (Тула, Россия)
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
vishnyalis@yandex.ru

ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЗНАНИЯ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Успешность межкультурного общения, обусловленная процессом согласования концептуальных систем коммуникантов, сопровождается приращением и интеграцией культурного знания, выступающего как основной элемент достижения необходимого уровня развития межкультурной компетенции.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, интеграция, культурное знание, концептуальное измерение.

Понятие успешности коммуникации непосредственно связано с понятием успешности деятельности, трактуемой учеными как определенная позитивная результативность, поскольку «даже обсуждая успешность процесса, мы имеем в виду его особенности, обеспечивающие прогнозируемый результат» [Лиюнова 2006: 101]. Вместе с тем, совершенно справедливым представляется тезис о том, что вопрос об успешности общения требует существенных уточнений в первую очередь вследствие участия в нем двух или более субъектов, что само по себе предполагает возможность неоднозначной оценки результата коммуникативного взаимодействия с точки зрения его участников и, соответственно, различий в интерпретации содержания-намерения высказываний. Важным аспектом коммуникативного взаимодействия является мотивационный фактор, реализуемый как эксплицитно, так и в ряде случаев имплицитно, – что также может затруднить как сам процесс общения, так и достижение желаемого результата. Значимым условием успешности является система ценностей, лежащая в основе достижения ценностно-ориентационного единства коммуникантов, а также их субъективное отношение к пониманию сущности и целей коммуникации, ее успешности (если предположить, что в широком понимании успех – это социально конструируемый и прогнозируемый феномен [Quinton, Brunton 2017]).

Важными выводами в процессе изучения межкультурной коммуникации с точки зрения ее успешности и эффективности явились положения об общности сознаний коммуникантов, о корреляции культурных и кон-

цептуальных картин мира и представлений образа мира в целом на фоне взаимодействия языка и культуры [Телия 1999; Тер-Минасова 2000; Martin, Nakayama 2000]. Как пишет Е. Ф. Тарасов, «носители разных языков будут понимать друг друга в той мере, в какой образы их сознаний пересекаются (обладают общностью), несовпадение этих образов и будет служить причиной неизбежного непонимания при межкультурном общении» [Тарасов 1996: 8]. Рассмотрение специфики репрезентации различных структур культурно обусловленного знания и их роли в построении дискурса находится в русле когнитивно-прагматического подхода, направленного на изучение механизмов и принципов речевой деятельности на уровне взаимообусловленности языка и культуры и взаимодействия их носителей – представителей национальных лингвокультур [Щурикова 2003]. Общность концептуальных систем коммуникантов, существование универсальных концептуальных ориентиров [Степанов 2001], достаточная степень общности когнитивного контекста [Болдырев 2014, 2019] являются наиболее значимыми характеристиками успешности коммуникации. Вместе с тем, следует учитывать феномен взаимовлияния факторов индивидуального и коллективного порядка. По замечанию Н. Н. Болдырева, «познание окружающего мира всегда индивидуально и основывается на собственном опыте взаимодействия с этим миром: практического, ментального, вербального. Языковое общение предполагает тот или иной уровень стандартизации знаний, определенную степень овладения ими со стороны всех участников коммуникации как членов культурной, национальной, территориальной, социальной, профессиональной и другой общности людей, т. е. коллективность знания» [Болдырев 2009: 93–94].

Среди наиболее современных подходов к данной проблематике может быть выделена методика концептуального проецирования, основанная на положении о том, что в процессе взаимодействия культур принимают участие четыре выделяемых ментальных пространства: родовое ментальное пространство, обусловленное присутствием общечеловеческих универсальных концептов; ментальное пространство собственной культуры, характеризующееся наличием культуроспецифических концептов родной культуры; ментальное пространство другой культуры, характеризующееся наличием культуроспецифических концептов чужой культуры; интегрированное ментальное пространство, представляющее собой концептуальный блэнд [Заботкина 2024: 118]. Исследователи указывают, что понимание данной иерархии непосредственно связано с понятием аксиосферы культуры и проникновением в сущность механизма оценочного суждения, направленного на принятие верного решения в оценке того или другого события. Данное

решение обусловлено шкалой ценностей, присущей конкретному лингвокультурному социуму, с учетом ее универсальных и культуроспецифических элементов. В. И. Заботкина пишет: «Ценность события зависит от генетически закрепленных культурологических схем / моделей, которые передаются из поколения в поколение и определяют поведение человека в различных ситуациях обыденной жизни в различных культурах» [Там же: 120]. В ходе межкультурной коммуникации особая роль принадлежит интерактивному выравниванию, при котором наибольшей значимостью обладает концептуальное измерение.

Процесс межкультурного общения с точки зрения своей успешности обусловлен необходимостью согласования концептуальных систем коммуникантов для достижения их общности на основе определенной когнитивной базы, в том числе способности к активизации механизмов порождения новых когнитивных структур и форматов. В первую очередь речь идет о языковом и культурном знании (знании о мире) [Болдырев 2007, 2009; Keesing 1979], разделяемом участниками коммуникации и представляющем собой как известные, так и новые форматы знания, образуемые в результате межкультурных взаимодействий в их динамике. Синтетический, интегративный характер подобного вида знания обусловлен необходимостью достижения адекватного понимания в ходе межкультурного общения. Включение новой информации, обладающей культурной значимостью, предполагает возможность ее креативного осмысления и адаптации к тем культурным знаниям, которыми обладает коммуникант, что в свою очередь влечет за собой приращение и трансформацию имеющегося знания. Интеграция культурного знания предполагает сложную инференционную деятельность во избежание когнитивного диссонанса, который может возникнуть в результате неподготовленных межкультурных взаимодействий. В данном случае первостепенная роль принадлежит концептуальному уровню репрезентации, поскольку именно концепт служит обеспечению культурной идентичности, отражая базовые смысловые ценности данной культуры и является их носителем в процессе трансляции. Ю. С. Степанов пишет: «Культура – это совокупность концептов и отношений между ними» [Степанов 2001: 40]. Характеризуя процесс межкультурной коммуникации, исследователи отмечают, что «при контакте двух культур происходит своего рода аккомодация двух концептуальных картин мира» [Заботкина 2024: 120].

Таким образом, в терминах когнитивных представлений достижение успешности и эффективности межкультурного общения осуществляется в ходе информационного приращения и трансформации имеющегося у ком-

муникантов культурного знания, выступающего как неотъемлемая часть необходимого уровня развития межкультурной компетенции. Результатом данного процесса является создание новых форматов культурного знания, разделяемого участниками коммуникации и имеющего интегративный характер, который предполагает качественное изменение взаимодействующих элементов с новым уровнем понимания их сущности.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 43–52.

Болдырев Н. Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. С. 12–28.

Болдырев Н. Н. Проблемы исследования языкового знания // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. I. С. 91–102.

Болдырев Н. Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 118–122.

Заботкина В. И. Межкультурная коммуникация: ментальные и языковые пространства // Межкультурная коммуникация как область научного исследования и как академическая дисциплина. М.: Изд-во «Наука», 2024. С. 118–122.

Люознова Е. В. Успешность общения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 8. Вып. 1. С. 101–106.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.

Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 7–23.

Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Материалы II междунар. конф. Тамбов, 1999. Ч. 3. С. 14–15.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.

Цурикова Л. В. Анализ межкультурной коммуникации: когнитивно-прагматический подход // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 162–182.

Keesing R. M. Linguistic Knowledge and Cultural Knowledge: Some Doubts and Speculations // American Anthropologist. 1979. P. 14–36.

Martin J. N., Nakayama T. K. Intercultural Communication in Contexts. California: Mayfield Publishing Company, 2000.

Quinton T., Brunton J. A. Implicit Processes, Self-Regulation and Interventions for Behavior Change // Frontiers in Psychology. 2017. № 8. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.00346/full> (accessed 12.01.2025).

E. A. Vishnyakova (Tula, Russia)
Tula State Pedagogical University
named after L. N. Tolstoy

INTEGRATION OF CULTURAL KNOWLEDGE AS A FACTOR OF SUCCESSFUL INTERCULTURAL COMMUNICATION

Successful intercultural communication, determined by the process of coordination of conceptual systems of the communicants, is accompanied by the increase and integration of cultural knowledge, regarded as the basic element in terms of the necessary level of intercultural competence development.

Key words: intercultural communication, integration, cultural knowledge, conceptual dimension.

А. Б. Гулиянц, С. Б. Гулиянц (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
guliyancab@mgpu.ru, guliyancsb@mgpu.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ПЕРЕДАЧИ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В статье представлен анализ специфики перевода абстрактных существительных, который выполнен в когнитивной научной парадигме. В рамках исследования изучены переводы абстрактных существительных на *-изн*, обозначающих качество, а именно конкретные признаки предмета, связанные с формой, размером, цветом, вкусовыми ощущениями, на материале НКРЯ.

Ключевые слова: перевод, абстрактные существительные с суффиксом *-изн*, корпусное исследование.

Вопросам межкультурной коммуникации уделяется достаточно большое внимание, поскольку из-за расхождения культур люди не всегда могут понять друг друга. Н. Н. Болдырев говорит о трех главных функциях языка: когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей [Болдырев 2020], что становится особенно актуальным в свете языковой асимметрии, возникающей при переводе.

В рамках настоящего исследования изучены варианты перевода абстрактных существительных, обозначающих качество (*белизна, голубизна, дешевизна, желтизна, кривизна, левизна, новизна, прямизна*) на английский язык. Данные лексические единицы являются абстрактными именами существительными, образованными при помощи стилистически маркированного суффикса *-изн(а)*. Т. Н. Попова отмечает, что большинство подобных субстантивов принадлежат северорусским и западнорусским говорам [Попова 2008]. По мнению Н. М. Шанского, такие существительные появились примерно в XVIII–XIX вв. и отражают качество [Шанский 1958]. Особенностью суффикса *-изн(а)* является то, что большинство существительных, произведенных с его участием, как правило, обозначает конкретные признаки предмета, связанные с формой, размером, цветом, вкусовыми ощущениями. Указанные признаки доступны прямому визуальному наблюдению и воспринимаются эмпирически на сенсорном уровне. Имена существительные, образованные при помощи суффикса *-изн(а)*, немногочисленны среди диалектных субстантивов. Н. М. Шанский также указывает, что: данный суффикс в настоящее время мало продуктивен [Шанский 1958]. Однако наличие и довольно широкое распространение данных диалектных абстрактных имен существительных в произведениях русской классической литературы XVIII–XX вв. может представлять трудность для переводчиков.

Проанализировав словарные статьи в Толковом словаре русского языка Д. Ушакова, Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова, Новом толково-образовательном словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой и Малом академическом словаре А. П. Евгеньевой, можно сделать следующие выводы. Согласно словарю Д. Н. Ушакова, слова *прямизна, крутизна, голубизна* принадлежат к книжной лексике. По Т. Ф. Ефремовой, абстрактные субстантивы *дороговизна, дешевизна* входят в состав разговорной лексики. В связи с отсутствием у слов *новизна, белизна, желтизна* каких-либо обозначений стилистической маркированности в проанализированных словарях, определяем, что данные единицы стилистически нейтральны. Следует отметить, что только в словаре Т. Ф. Ефремовой обнаружены словарные статьи на все исследуемые имена существительные. Значения обозначенных выше лексем представлены в таблице 1 (стр. 552).

Согласно В. З. Демьянкову, при переводе особое внимание необходимо уделить выбору переводного эквивалента. Важно учитывать контекст [Демьянков 2023]. Поэтому для дальнейшего анализа отобран языковой материал из параллельного подкорпуса НКРЯ. Важность применения

Таблица 1

Анализ семантических значений изучаемых единиц
и их словарный перевод

Слово	Толкование		
белизна	белый цвет	яркий / чистый белый цвет	ослепительно белый цвет
голубизна (книжн.)	голубой цвет / оттенок	яркий голубой цвет	
желтизна	желтый цвет / оттенок	яркий желтый цвет	
новизна	что-то новое	новшество	свойство или состоя- ние нового
дороговизна (разг.)	высокий уровень цен	состояние / положение рынка, когда цены на то- вары очень высокие	
дешевизна (разг.)	низкий уровень цен	положение, когда цены на товары очень низки	
прямызна (книжн.)	отвлеченное сущ. по отн. к прил. <i>прямой</i>		
крутизна (книжн.)	отвлеченное сущ. по отн. к прил. <i>крутой</i>	крутой спуск обрыв	

цифровых технологий в лингвистических исследованиях подчеркивают О. А. Сулейманова, В. В. Никитина и А. М. Иванова, Л. Г. Викулова и др. [Сулейманова 2020; Никитина, Иванова 2023; Викулова 2023].

В поле исследования вошли 111 фрагментов, взятых из текстов классической русской литературы XIX–XX вв. в переводе носителей английского языка. Предложенные профессиональными переводчиками модели перевода сведены в таблицы 2 и 3. Там же представлено количество вхождений каждой единицы, а также приведена частота использования той или иной трансформации в переводе.

На основе анализа языкового материала, представленного в параллельном корпусе НКРЯ, определены основные переводческие стратегии,

Таблица 2

Статистика переводческих приемов на базе анализа практического материала параллельного корпуса НКРЯ

желтизна	18	голубизна	10	белизна	45	крутизна	12
yellowness	2	blueness	2	whiteness	24	steepness	4
N/Adj+ yellow(ish)	6	N/Adj+ blue	2	N/Adj+ white	9	(N/Adv+) steep (+N)	3
the yellow	6	the blue/azure (n.)	6	the white (n.)	7	toppled over	1
опущение	2			cleanliness	1	escarp	1
tinged slightly green	1			the sky was blindingly white	1	the steep	2
sallowness	1			pallor	2	precipice	1
				sugary snow	1		

Таблица 3

Статистика переводческих приемов на базе анализа практического материала параллельного корпуса НКРЯ

дороговизна	6	дешевизна	4	новизна	14	прямизна	2
high prices	3	cheapness	2	newness	1	straightness	1
cost of living	1	things getting cheaper/ was so cheap	2	novelty	7	stick-like straightness	1
was scarce	1			as being new/to renovate the world	2		
scarcity	1			modern	1		
				innovation	2		
				something new	1		

применяемые для передачи на английский язык отвлеченных субстантивов *белизна*, *голубизна*, *дешевизна*, *желтизна*, *дороговизна*, *новизна*, *прямизна*, *рябизна*, *серизна*, *крутизна*. Самыми частотными видами трансформации стали конверсия, разворачивание в атрибутивную конструкцию, суффиксальное словообразование и метонимический перенос.

Конверсия при переводе сохраняет частеречную принадлежность оригинальной единицы и обладает в английском языке большим стилистическим потенциалом, что позволяет сохранить стилистическую маркированность при переводе. Подходит для передачи абстрактных существительных, обозначающих цвета: *белизна, голубизна, желтизна*. Отмечено разворачивание анализируемых единиц в атрибутивную конструкцию, особенно лексем *дешевизна, дороговизна, новизна, крутизна*. Схема *Adjective + Noun* является самой распространенной. При переводе исходной единицы через *Adjective* происходит фиксация значения качества, а представляемое субстантивом определяемое слово восстанавливается из контекста, конкретизируя ситуацию. Данный тип трансформации не передает стилистическую маркированность единицы перевода в полной мере, но совпадает со склонностью английского языка к атрибутивным образованиям (а также предикатам состояния). Выявлено и суффиксальное словообразование с помощью суффиксов отвлеченного качества *-ness, -ty*. Несмотря на то, что единицы, образованные таким образом, в английском языке достаточно широко распространены, при переводе не рекомендуется использовать данную трансформацию во избежание языковой интерференции. Метонимический перенос при переводе на английский язык может быть осуществлен с сохранением частеречной принадлежности исходной единицы без суффиксального словообразования. Настоящий вид преобразования выявлен только в случае перевода абстрактного существительного *новизна*.

Литература

- Демьянков В. З. Перевод как путешествие по возможным и невозможным мирам // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 3. С. 26–39.
- Болдырев Н. Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 5–25.
- Никитина В. В., Иванова А. М. Перспективы использования big data в семантических исследованиях // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2023. № 3(59). С. 38–49.
- Шанский Н. М. Имена существительные с суффиксом -изна в русском языке // Сборник статей по языкознанию. Профессору МГУ акад. В. В. Виноградову в день его 80-летия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. С. 330–341.
- Викулова Л. Г., Ермоленко Г. А., Жукоцкая А. В. Язык, культура, социум: *essentia et existential*. Москва: Книгодел, 2023.

Suleimanova O.A., Guseinova I.A., Vodyanitskaya A.A. The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science // Society. Integration. Education: Proceedings of the International Scientific Conference, Rēzekne, 22–23 May, 2020. Vol. 4. Rēzekne: Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija, 2020. P. 657–669.

A. B. Guliyants, S. B. Guliyants (*Moscow, Russia*)
Moscow City University

**COGNITIVE BASIS
FOR THE TRANSLATION OF ABSTRACT NOUNS
IN INTERCULTURAL COMMUNICATION
(CORPUS RESEARCH)**

The research focuses on the specifics of the abstract nouns translation which is made in a cognitive scientific paradigm. The corpus research helps to differentiate translation strategies used for the interpretation of the Russian abstract nouns that indicate the quality of a subject associated with the form, size, colour, and taste.

Key words: translation, abstract nouns, corpus research.

М. В. Денеко (*Москва, Россия*)
*Московский технический университет
связи и информатики, МТУСИ
m.v.deneko@mtuci.ru*

**ЭТНОПСИХОЛОГИЯ ЗЕЛЕННОГО ЦВЕТА
ВО ФРАНЦУЗКОЙ ЛИНГВОЦВЕТОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(на материале перифраз)**

Исследование посвящено описанию этнопсихологических особенностей *зеленого цвета* во фразеологии французского языка. Предпринята попытка анализа аксиологической значимости цветокомпонента *vert*, определены лексические репрезентанты, структурированы ядерные атрибуции и пресуппозиции.

Ключевые слова: этнопсихология, французский язык, фразеология, лексический репрезентант, пресуппозиция.

Эффективная межкультурная коммуникация немыслима без формирования метаязыковой компетенции, которая строится на процессе соотнесения собственного / родного наименования и приобретаемого

го / иноязычного. «Прочтение образного основания дает возможность проникнуть в логико-понятийную систему лингвокультурного сообщества и проследить особенности мышления человека как носителя той или иной культуры» [Сурмятова 2007: 108]. Далее следует этап отнесения познаваемого предмета к определенному классу, который варьируется среди материальных, перцептивных и сенсорных образов, социальных штампов, иногда даже стереотипов поведения того или иного этноса.

Совокупный общественный опыт не всегда бывает очевиден: этно-психологические особенности зачастую проявляются не только вербально, но и невербально. Одним из ключей к разгадкам тайн определенного этноса может быть отнесен цвет. Семиотическая насыщенность цвета у каждой страны особенна, она раскрывается через геральдику, когда государственные символы дают определенное понимание, аксиологическая и мифологическая составляющая развития этноса помогает сформировать «иерархическую систему смыслов, их многообразие, вариативность и дифференциация формируется путем «наслаивания» производных мифологических и символических значений в результате постоянной эволюции языка. Несмотря на исходные реакции человека на какой бы то ни было цвет, коннотативная потенция концепта «цвет» объемна, и этот процесс бесконечен» [Пчелинцева 2022: 52].

Формируемая народностью лингвоцветовая картина мира бывает столь многообразной, что сформировался научный диалог, формирующий новый раздел языкознания лингвоцветологию. В разное время и на разных языковых площадках феномен цвета изучался такими учеными: Н. Б. Бахилина (1975), Д. Н. Борисова (2008), А. П. Василевич (2005), А. Вежбицка (1996), А. Ю. Вычужанина (2009), Л. Р. Гатауллина (2005), Ю. В. Дюпина (2009), Ю. В. Зольникова (2010), О. А. Кудря (2015), В. Г. Кульпина (2001), Б. Я. Мисожников (2021), Ю. В. Норманская (2007), Т. В. Пастушенко (1998), Т. В. Сивова (2007), И. В. Царевская (2014) и многие другие.

Сопоставление лингвоцветовых картин мира позволяет ученому, педагогу и обучающемуся «участвовать в концептуализации ментальных сущностей и больших областей действительности, ярко и образно отражать характерные черты мировосприятия народа, влияние культурологических, мифо-символических, социально-исторических и других факторов на образование производных смыслов» [Сурмятова 2017: 123]. Это исследование концептуальной системы цветообозначений различных языков ведет к «пониманию эстетических ассоциаций, формирующих определённые цветовые

коды, – необходимое условие для исследования традиционной культуры» [Зольникова 2015: 838].

С целью раскрытия имплицитных сторон семантики французского языка методом контекстуального анализа был проанализирован цветокомпонент *vert* франкоязычной линвоцветовой картины мира. Концепт ЦВЕТ / COULEUR обладает активно дифференцированным ядром / репрезентантом и многочисленными пресуппозиториями, репрезентующими базовые цвета и оттенки. Кластерные слои смыслов настолько символичны, что видится перспективным исследование каждой отдельной цветолексемы. Вопросами изучения цветообозначений в разное время занимались: М. И. Кролль (1980), С. А. Шашева (2009), Е. Ю. Воробьева (2015), Ж. В. Кургузенкова (2014, 2015), В. М. Бурунский (2016). Лексика этой сферы для французов столь важна и разнообразна, что помимо базовых цветокомпонентов *rouge, blanc, gris, bleu, jaune, vert, marron, rose, noir*, в состав палитры добавились этимологически французские полуцвета *couleur orange, bordeaux, violett, lilas, beige*.

Выбор в пользу цветообозначения *vert* обуславливается его символической насыщенностью и аксиологической значимостью. Периферия ядра дополняется пресуппозиционными колоронимами: *cendre verte, verte-de-gris, vert olive, vert sapin, vert wagon, vert epinard, vert pomme, vert-poise, vert petrole*. Зеленый цвет прежде всего ассоциируется с природной основой, цветом листвы, кустарников, деревьев, с обновлением, комфортом, умиротворением, экологичностью, молодостью, что однозначно обладает для всего человечества активным положительным аксиологическим потенциалом: *le vert est ami de l'œil* – зелёный цвет приятен для глаз / зрения. Нейтральная интерференция зеленого цвета для многих экономических секторов и консорциумов приводит к тому, что, казалось бы, связанный с медициной символ «красный цвет на белом фоне» был изменен на «зеленый крест на белом фоне». У большинства государств по этой же причине наиболее часто встречающийся цвет на банкнотах и кредитных картах – зеленый: *carte verte* (кредитная карточка банка «Креди агриколь» – букв. зеленая карта).

Определение значимости символики смысла путем анализа французских перифраз производилось с учетом асимметрии оценки между положительными и отрицательными зонами. Лексикографическими источниками для выборки перифраз послужили корпуса словаря Strauss, Emanuel (1994) и Dictionary of European proverbs (Volume 2 ed.) Routledge.p.631 и «Новый большой французско-русский фразеологический словарь» (2005). Для выявления референсов было проанализиро-

вано 76 перифраз с цветокомпонентом, они структурировались логико-семантического поля и каузальных атрибуций производилось методом фразеологического моделирования. Выделились следующие группы с положительной коннотацией:

1. Природные явления, атрибуции, сельское хозяйство: *ceinture verte* («зеленый пояс», участок земли, не обязательно непрерывный, расположенный рядом или окружающий большую застроенную территорию; ухоженная, ирригированная территория), *Coulée verte* (полоса зеленых насаждений), *classe verte* («зеленая» школа, оздоровительный выезд школьников с учителем в деревню, в горы, на море), *jachère verte* («занятый пар», поле севооборота, занимаемое в первую половину лета сельскохозяйственными растениями, после их уборки почву обрабатывают под последующую культуру), *espace vert* (сквер, парк – букв. – пространство зеленое), *menthe verte* (мята колосовая, посевная), *plante verte* (растение, цветок), *révolution verte* («зеленая» революция, широкое распространение высокоурожайных сортов пшеницы, кукурузы и риса в 60-х – начале 70-х годов XX века), *l'Europe verte* (Европейское сельскохозяйственное сообщество), *orange cigue verte* (бледная поганка), *zone verte* (зеленые насаждения), *se mettre au vert* (отдыхать – букв. – разместиться в зелени).

2. Обозначения лиц и персоналий: *vert – galant* (старый волокита, прозвище Генриха IV), *avoir la main verte* (быть хорошим садоводом – букв. – иметь руку зеленую), *vert galant* (сердцеед – букв. – зеленая галантность), *bérêts verts* (парашютисты – букв. – береты зеленые), *haricots verts* (немецко-фашистские оккупанты – букв. – фасоль зеленая), *plante verte* (дорожный регулировщик).

3. Камни, геммологические породы и химические составы: *couperose verte* (мелантерит, железный купорос), *roche verte* (офиолит, зеленокаменная порода), *vert de chrome* (зеленый хром, окись хрома).

4. Локации и географические объекты: *station verte* (база отдыха для туристических походов), *houille verte* (букв. экологически чистый уголь, гидроэнергия рек).

5. Консорциум: *l'Europe verte* (Зелёная Европа).

К семантически нейтральным категориям можно отнести:

1. Продукты питания: *coriandre verte* (кинза), *sauce verte* (зелены соус из салата или трав), *morue verte* (треска, засоленная на борту), *vin vert* (молодое вино – букв. – вино зеленое).

2. Разрешения: *fiche verte* (разрешение на хранение оружия), *donner le feu vert à quelqu'un* (позволить кому-либо действовать – букв. – дать свет зеленый кому-либо).

Неодобрительное значение прослеживается у следующих групп перифраз:

1. Порицание и осуждение: *être vert* (фамильярничать, букв. быть зеленым), *verte semonce* (нахлобучка), *les pères ont mangé des raisins verts et les enfants ont eu mal aux dents* (за грехи отцов расплачиваются их дети – букв. – отцы ели виноград зеленый, а у детей болят зубы), *en dire des vertes* (говорить гадости, букв. скажи что-нибудь зеленое), *au diable vert* (у чёрта на куличках), *en dire des vertes et des pas mûres* (рассказывать небылицы или сальности).

2. Отрицательная эмотиология: *être vert de rage* (быть очень злым – букв. – быть зеленым от ярости), *en voir des vertes et des pas mûres* (всего натерпеться).

3. Характеристика языка: *langue verte* (арго, воровской жаргон, блатной язык).

Конверсия смысла, заложенная в перифразах с цветокомпонентом, изучение дискурсивной практики способствуют межкультурному и межличностному сближению, вскрытию речевых загадок, пониманию иерархии символических значений образно-ощущаемого мира.

Литература

Зольникова Ю. В. Цветономинации как фрагмент концептуальной картины мира русского и немецкого языков // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 838–840.

Пчелинцева И. Г. Вопросы лингводидактики в теории и практике обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2022.

Сурмятова Ю. В. Русские и немецкие пословицы как лингвокультурологические единицы (на материале русского концепта «Свет» и немецкого концепта «Licht») // Лексические и грамматические категории в свете типологии языков и лингвокультурологии: материалы Всероссийской научной конференции, Уфа, 29–30 марта 2007 года / ответственный редактор Р. З. Мурашов. Уфа: Башкирский государственный университет, 2007. С. 108–110.

Сурмятова Ю. В. Устойчивые сочетания слов с цветокомпонентом GRÜN в идиоматической картине мира немецкого языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 12–2. С. 122–125.

Strauss E. Dictionary of European proverbs (Volume 2 ed.). Routledge, 1994.

Новый большой французско-русский фразеологический словарь = Le nouveau grand dictionnaire phraséologique française-russe: более 50000 выражений / В. Г. Гак [и др.]; под ред. В. Г. Гака. М.: Рус. яз. – Медиа, 2005.

M. V. Deneko (Moscow, Russia)
*Moscow Technical University
of Communications and Informatics*

**ETHNOPSYCHOLOGY OF THE GREEN COLOR
IN THE FRENCH LINGUISTIC COLOR WORLDVIEW
(based on the material of periphrasis)**

The study is devoted to the ethnopsychological features description of the green color in the French language phraseology. There is an attempt to analyze the axiological significance of the *vert* color component, to identify lexical representations and to frame nuclear attributions and presuppositions.

Key words: ethnopsychology, French language, phraseology, lexical representation, presupposition.

О. А. Иванова (Москва, Россия)
*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
olgaivanova.info@mail.ru*

**ЧУЖОЕ «СВОЁ»: ОСМЫСЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ
СИМВОЛОВ НЕМЕЦКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ¹**

В результате межкультурного и межпоколенного трансфера знаний происходит переосмысление культурной ценности реалий чужой культуры, ставшими за столетия производства и употребления в немецком культурном сообществе одними из символов немецкой традиции и качества.

Ключевые слова: символ, транслируемость, трансфер, концепт, понятие, свой-чужой.

Важнейшим этапом освоения действительности является осмысление реальности, которое с давних времен исследуется представителями многих научных направлений. Особую значимость имеет осмысление чужой и своей культуры в глобализованном мире. В данной работе на конкретных примерах рассматриваются описания в немецких СМИ некоторых реалий

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова.

традиционной немецкой культуры, воспринимаемых как одни из символов немецких традиций и качества, анализируются знания о происхождении реалии и знания, репрезентируемые в языке.

Немцы тщательно берегут и гордятся своими традициями. Особенно остро стоит вопрос сохранения немецкой культуры в связи с большим количеством беженцев и мигрантов. Вводится и развивается понятие *die Leitkultur* (ведущая культура), транслируются традиционные и современные немецкие ценности, общеевропейские правила поведения и этнокультурная немецкая специфика. Символы также имеют этнокультурную специфику [Карасик 2013: 99], их названия известны каждому немцу с детства, они – часть немецкой культуры, поэтому к ним часто обращаются как к образцам «немецкого», на них ссылаются. Вместе с тем, закрепляющийся в языковом сознании носителей языка квант переживаемого знания может быть эксплицирован, а, следовательно, и исследован в языке [Карасик 2009: 174].

Большое количество представителей других культур в Германии и их поведение порождают недовольство некоторых политических и общественных сил, в связи с чем праворадикальными силами выдвигаются лозунги как, например, „Bockwurst statt Döner“ (сарделька вместо донера), „Kartoffeln statt Döner“ и т.п., в которых противопоставляются традиционные немецкие блюда, элементы одежды и пр. иностранным, используемым и распространяющимся в современном немецком обществе. Вместе с тем, исторические корни некоторых провозглашаемых и любимых «истинно немецких» культурных реалий ведут, например, как в случае с Bockwurst, к французским гугенотам, которые в 17 в. образовали поселения на немецкоговорящих территориях. Как полагают исследователи, свое название сардельки получили от названия пива Bockbier, к которому они подавались [Möring 2016]. Однако, в немецкой культуре этот факт упоминается только в исследованиях и широкой публике он неизвестен, а потому Bockwurst продолжает восприниматься как истинно немецкое блюдо, символ немецкой традиционной еды. Еще одним представителем старых немецких традиций питания является марципан. Самый известный из них – Lübecker Marzipan (марципан из города Любек) – от mlat. **Marci panis* ‘Markusbrot’ [DWDS]. В немецких СМИ актуализация стоящего за номинацией знания появляется в связи с историческими моментами (традиции семейных предприятий, выставки, музеи), рекламой, в связи с упоминанием любви к марципану известных людей, членов королевских семей Европы, Востока и Азии, в реальных и написанных детективных историях. Характеристиками, на которые обращается внимание, являются: благородный вкус, неизменное качество,

тонкий аромат, вековые традиции, разнообразие вкусов и форм, средство побаловать себя, чтобы стать счастливее; как подарок, достойный особ королевской крови; драгоценность, дарящая наслаждение. Этот символ немецкой традиции и качества также первоначально появился с Востока. Персидский врач Rhazes, живший с 850 до 923 г., написал книгу, в которой он расхваливает смесь из миндаля и сахара в качестве лечебного средства [Niederegger 2025].

Таким образом, традиционные реалии, на которые ссылаются и провозглашают в своих лозунгах, которые рекламируют и сохраняют, могут представлять собой бывшие реалии иной культуры, в связи с чем при транслируемости культуры между поколениями следует обращать внимание не только на языковые знаки, но и на концептуальные структуры, находящие свою реализацию на протяжении длительного периода в иных языковых знаках, с целью уточнения представлений о транслируемой информации [Беляевская 2007:50, Вишнякова, Липгарт 2024: 278].

Для немецкой культуры практическая ценность чего-либо для человека и общества в целом является одним из императивов позитивного восприятия объекта [KL 2015:1159]. Если ценность принятия значимого для немецкого общества представителя иной культуры велика, то при его желании он быстро переходит в разряд «своего». Подобное утверждение действительно в отношении восприятия немецких граждан с миграционным прошлым, если они являются подающими надежды или звездами спорта, науки и т. д., получившие немецкое гражданство, но не являющиеся урожденными немцами [Иванова 2017]. Если «ставшие своими» совершают противоправные действия или поступки, нарушающие представления немецких граждан о поведении «своих», то «чужие свои» стремительно подвергаются жесткой критике в СМИ, и процесс успешной интеграции «чужих» в немецкое сообщество вновь ставится под сомнение. Неодушевленные реалии чужой культуры не могут совершить ничего противоправного, а лишь являются предметами ежедневного сопровождения и для многих – привычного и любимого потребления. Меняются поколения, которые владели первичным знанием происхождения блюда, теряется во времени знание, остается лишь использование продукта в новых реалиях, в результате чего складываются новые представления о ценности данного продукта и особенностях его изготовления и применения. За длительное время своего существования произошла аккультурация некоторых чужих культурных реалий в немецкой культуре, в которой они впоследствии стали символами традиций определенных регионов Германии. Релевантные признаки, выделяющие «чужое» от «своего», нивелируются с течением длительного времени и благодаря

особой значимости «чужого» для немецкой культуры. Они замещаются на новые, позволяющие воспринимать ранее «чужое» как символическую и ценностную части «своей» культуры. Представляется, что эти два фактора – время и польза от использования – имеют тесную взаимосвязь, поскольку в длительном развитии общества продолжает существование лишь то, что имеет практическую ценность, и способны изменять категоричные границы оппозиции «свой-чужой».

«Чужое», используемое в немецкой культуре лишь некоторые десятилетия (например, *Döner kebab*) и ставшее любимым и привычным, также может претерпевать изменения по своему составу, адаптируясь к новым вкусовым приоритетам немецких граждан, но по-прежнему продолжает сохранять иностранное именование, которое, тем не менее, получает свое дальнейшее развитие (напр., говорят о донеризации городов – *Dönerisierung der Städte*). Представляется правильным отметить тот факт, что технология приготовления «чужого» продукта меняется с целью удовлетворения вкусовых приоритетов и выгоды от продаж, в то время как свои традиционные товары немцы продолжают изготавливать строго согласно рецептуре, о чем всегда указывается на этикетках. Таким образом, в случае трансфера знаний о *Bockwurst* и *Marzipan* из других культур в немецкую за несколько столетий произошло переосмысление их культурных ценностей, они стали одним из символов немецких традиций питания и немецкого качества.

Литература

Беляевская Е. Г. Культурологическая информация в семантике лексических единиц // Когнитивные исследования языка. Выпуск № 4 (013). 2007. С. 44–50.

Вишнякова О. Д., Липгарт А. А. Транслируемость и концептуальный анализ как лингвокогнитивные составляющие переводческого процесса // Когнитивные исследования языка. Выпуск № 2 (58). 2024. С. 276–279.

Иванова О. А. Лингвокультурная идентификация понятия *der Fremde* «чужой» в материалах СМИ Германии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 11 (827). 2019. С. 178–189.

Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/wb/Marzipan>

KL – Kant-Lexikon. 1 Band. Hrsg. Von Marcus Willaschek, Jürgen Stolzenberg, Georg Mohr und Stefano Bacin. Berlin/Boston: De Gruyter, 2015.

Möring M. Fremdes Essen / Die Geschichte der ausländischen Gastronomie in der Bundesrepublik Deutschland. Taschenbuch, 2016. S. 555.

Niederegger Lübeck – Marzipan aus Liebe. Seit 1806. URL: <https://www.niederegger.de/>

O. A. Ivanova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

**FOREIGN “OWN”:
UNDERSTANDING OF SOME SYMBOLS
OF TRADITIONAL GERMAN CULTURE
IN A MODERN CONTEXT**

As a result of the cross-cultural and cross-generational transfer of knowledge, there is a reinterpretation of the cultural value of the realities of other cultures, which have been produced and consumed in the German cultural community for centuries as one of the symbols of German tradition and quality.

Key words: symbol, transparency, transfer, concept, term, own-alien.

Л. С. Комисарова (Магнитогорск, Россия)
*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова
lyudmila-komisarova@mail.ru*

**ВЛИЯНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЧУЖОГО И СВОЕГО
В МЕТАФОРАХ
НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ
В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ**

В работе рассматриваются роль метафор в формировании культурной картины мира и традиции метафорического мышления в Европе и Азии в аспекте концепции «чужой» и «свой». Работа включает анализ данных концепций в коммуникативных стратегиях европейцев и азиатов, исследование типов метафор, способов преодоления межкультурных различий и разработку рекомендаций для эффективности взаимодействия.

Ключевые слова: метафорическое мышление, концептуальная метафора, лингвокультура, самоидентификация, межкультурная коммуникация.

В современной лингвистике существует проблема взаимосвязи трех единств: культуры, языка и сознания. Культура влияет на формирование сознания, сознание трансформирует язык и культуру, а язык, в свою очередь, выступает посредником между сознанием и культурой. Именно язык позволяет человеку описывать мир так, как его видит культура, в которой

он вырос. Действительность дается нам непосредственно через язык и заставляет мыслить [Вежицкая 2001: 201].

Принято считать, что языковая картина мира (ЯКМ) отражает реальность через культурную картину мира и воплощает ее в языковых формах. Такими знаменитыми лингвистами, как Ю. Д. Апресян, А. Вежицкая, Л. В. Щерба, Б. Уорф и Э. Сепир проводились исследования языковой и культурной картин мира у представителей разных культур, что послужило фундаментом для создания ассоциативных словарей разных языков, которые богаты материалом для изучения особенностей восприятия действительности в рамках той или иной культуры. Именно поэтому изучение роли языка в создании национально-культурной картины мира становится объектом нашего исследования. Язык как знаковая система связывает внутренний мир человека с внешним, фиксируя результаты познания. Языковая картина мира отражает совокупность знаний о мире, специфическую для представителей разных этнических групп. Согласно утверждению Г. В. Колшанского, ЯКМ являет собой «совокупность знаний о мире» [Колшанский 2006: 21].

Одним из продуктивных средств вербализации действительности и концептуализации мира является метафора, которая не только отражает, но и формирует восприятие действительности, а также раскрывает структуры мышления и представления о мире. По мнению А. П. Чудинова, метафорическое моделирование – это средство постижения, представления и оценки действительности в народной ментальности, отражающее национальное самосознание [Чудинов 2001: 54]. Национальное самосознание формирует систему образов и ассоциаций, которые могут как способствовать укреплению культурной идентичности, так и создавать барьеры между участниками межкультурного взаимодействия. По мнению Е. Ф. Тарасова, для анализа проблем взаимопонимания в межкультурной общении необходимо проблему «общения носителей разных национальных культур» понимать как проблему «общения носителей разных национальных сознаний» [Тарасов 2001: 304].

Метафоры, связанные с понятиями «свой» и «чужой», отлично передают культурные и ментальные особенности народа. Например, «чужая душа – потемки» в русском языке указывает на непостижимость внутреннего мира другого, в то время как «свой человек» ассоциируется с доверием и близостью. Однако, когда представителями разных культур используются метафоры, несущие противоположные или несовместимые значения, это нередко приводит к искажению смысла сообщения, а в последствии может обернуться конфликтом. Часто это происходит, когда метафора,

воспринимаемая в одной культуре как положительная, имеет негативный оттенок в другой.

В статье проводится анализ языковой репрезентации концепта оппозиции «свой-чужой» в сознании носителей английского и вьетнамского языков. Исследование основывается на лексическом материале англо-вьетнамского параллельного корпуса, а также на примерах, взятых из словарей фразеологизмов и крупных англо-вьетнамских словарей. Сравнительное изучение концептов оппозиции «свой-чужой» в данных языках осуществляется в синхроническом аспекте.

Рассмотрим вьетнамское выражение «*Ăn cơm nhà vác tù và hàng tổng*». Эта метафора переводится как «есть рис дома, но нести ответственность за дела общины». Она отражает уважительное отношение к людям, которые работают на благо общества, не преследуя личной выгоды. В коммунистическом государстве это уважается, однако в восприятии носителя британской культуры это может восприниматься как пренебрежение личными границами и неразумное самопожертвование, что может быть воспринято излишне альтруистичным или обременительным.

Второе выражение из вьетнамского языка «*Nước chảy đá mòn*», обладающее положительной коннотацией, переводится как «вода точит камень» и символизирует упорство и терпение, способствующее преодолению любых препятствий. Однако в англоязычной культуре эта метафора может интерпретироваться как потеря времени или излишняя настойчивость, особенно если нет немедленного результата.

Третья метафора «*Con hơn cha là nhà có phúc*» имеет положительное значение в языке-оригинале и переводится так: «Если дети превосходят отца, то семья благословлена». Вьетнамская метафора отражает радость от успехов детей, превышающих достижения родителей, а в англоязычной культуре это может вызвать сомнения в контексте уважения к родителям, так как акцент делается на конкуренцию между поколениями.

Итак, восприятие метафор накладывает особую ответственность на участников межкультурного взаимодействия, которые должны учитывать лингвокультурные особенности своих собеседников, поскольку эффективность коммуникации между представителями разных культур обеспечивается посредством осознанного использования метафор, которые минимизируют барьеры восприятия. Для этого необходимо изучать особенности метафорического моделирования в других культурах, создавать нейтральные метафоры, которые имеют универсальный характер, а также обучать навыкам декодирования метафорического смысла, учитывая культурный контекст.

Таким образом, метафоры становятся не только инструментом выражения национальной идентичности, но и важным механизмом, способным либо усиливать, либо снижать эффективность межкультурной коммуникации. Их осознанное использование позволяет преодолевать барьеры взаимопонимания и формировать более гармоничные отношения между представителями различных культурных сообществ.

Литература

Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Колианский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Эдиториал УРСС, 2006.

Тарасов Е. Ф. Языковое сознание и его познавательный статус // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. М.: Институт языкознания РАН, 2001. С. 301–311.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Ấncomnhàthoìtùvàhàngtổng: nghĩalàgi? [Электронный ресурс] // LuậtMinhKhue. URL: <https://luatminhkhue.vn/an-com-nha-thoi-tu-va-hang-tong-nghia-la-gi.aspx> (дата обращения: 09.01.2025).

Nướccâyđámòn [Электронный ресурс] // VOH. URL: <https://voh.com.vn/song-dep/nuoc-chay-da-mon-434397.html> (дата обращения: 09.01.2025).

L. S. Komisarova (*Magnitogorsk, Russia*)
Nosov Magnitogorsk State Technical University

INFLUENCE OF THE CONCEPTS OF SELF AND NON-SELF IN METAPHORS ON THE EFFECTIVENESS OF COMMUNICATION IN THE INTERCULTURAL CONTEXT

The paper examines the role of metaphors in shaping the cultural picture of the world, the concepts of SELF and NON-SELF, and the tradition of metaphorical thinking in Europe and Asia. The work includes an analysis of the perception of concepts in the communication strategies of Europeans and Asians, a study of types of metaphors, ways to overcome cross-cultural differences, and the development of recommendations for effective interaction.

Key words: metaphorical thinking, conceptual metaphor, linguistic culture, self-identification, intercultural communication.

В. Г. Кузнецов (Москва, Россия)
*Московский государственный
лингвистический университет*
vvgk.avamo@mail.ru

ИДЕОЛОГИЯ И ЯЗЫК **(на материале перевода советизмов** **на французский и английский языки)**

Влияние идеологии на язык рассматривается на материале лексикографического и переводческого аспектов советизмов. Советизмы–лексемы, номинирующие социальные, идеологические и политические реалии периода существования СССР. Предпринята попытка разработать приемы перевода советизмов на французский и английский языки. Этот вопрос является актуальным, поскольку эквиваленты перевода многих советизмов либо отсутствуют в двуязычных словарях, либо словари ограничиваются транслитерированным и калькированным способами перевода.

Ключевые слова: идеология, советизм, реалья, номинация, способы перевода, аксиология, фоновые знания.

Свидетельством тесной связи языка с идеологией являются советизмы, их роль в концептуальной и языковой картине мира. Термин «советизм» был введен в научный оборот видным специалистом по теории и практике перевода Г.В. Черновым [Чернов 1958]. Советизмы–лексемы, номинирующие социальные, идеологические и политические реалии периода существования СССР. В свое время в пользовавшейся большой популярностью среди переводчиков работе «Непереводимое в переводе» ее авторы С. Влахов и С. Флорин писали: «Советизмы ... представляют для переводчика с русского особый интерес потому, что хочется и нужно каждый из них довести до сознания и сердца иностранного читателя, а сделать это бывает иногда мучительно трудно» [Влахов, Флорин 1980: 141]. С тех пор прошло много времени. Советизмы перешли в разряд историзмов. Для их понимания, даже молодыми носителями русского языка, нужны фоновые знания. Например, далеко не каждый студент имеет четкое представления о содержании таких советизмов, как *молодой гвардеец пятилетки, переходящее красное знамя, ударная комсомольская стройка, буденовка* и др. За последнее время можно констатировать возрождение интереса к советизмам и репрезентирующим ими советских реалий в связи с тем, что история России стала обязательным предметом в вузах, а также уделением большого внимания патриотическому воспитанию.

Нами была предпринята попытка разработать приемы перевода советизмов на французский и английский языки. Трудности перевода советизмов

усугубляются еще и тем, что эквиваленты перевода многих советизмов либо отсутствуют в двуязычных словарях, либо словари предлагают транслитерированный или калькированный перевод. Материалом исследования послужили Лингвострановедческий словарь «Советское общество» [Еськов, Кузнецов 1988], двуязычные и толковые словари французского и английского языков.

Рассмотрим способы перевода советизмов на французский и английский языки. Существуют четыре способа перевода: транслитерация (побуквенный перевод), экспликативный (объяснительный), калькированный и приблизительный перевод.

Транслитерированный перевод целесообразно применять только в том случае, если носители французского и английского языков хорошо знакомы с соответствующей советской реальией. В русско-французском словаре под редакцией Л. В. Щербы даются побуквенные переводы слов *дружинник* – *droujinnik*, *колхоз* – *kolkhoze*, *буденовка* – *boudyonovka*.

Наиболее эффективным способом перевода советизмов-реалий является экспликативный или объяснительный перевод. Именно этот способ перевода содержит фоновые знания. Нами разработаны эквиваленты экспликативного перевода советизмов, отсутствующих в словарях двух языков. *Ударная комсомольская стройка* – *grand chantier patronisé par le Komsomol / large construction patronized by the Komsomol*, *непеходящее красное знамя* – *drapeau rouge de challenge / challenge red banner*, *молодой гвардеец пятилетки* – *jeune travailleur distingué du quinquennat / young distinguished worker of the five-year plan*, *мовапийцеский суд* – *tribunal public prononçant les mesures d'action et d'éducation sociales / public Court passing measures of social actions and education*. *Ворошиловский стрелок* – *Voroshilov tireur d'élite (insigne) / Voroshilov sharpshooter (badge)*, *хрущёвка* – *appartement de type "Khrouchtchev" / flat, apartment "Khrushchev"*. В англоязычных странах употребляется сленговое слово *commieblocks*, которое ассоциируется с коммунизмом.

В русско-французском словаре отсутствует экспликативный перевод советизмов *добровольная народная дружина (ДНД)*, *буденовка*. В русско-английском они имеются. Для ДНД приводятся два эквивалента: *voluntary people's patrol* и *public order squad*. *Буденовка*: транслитерированный перевод дополняется экспликативным. *Budyonovka*, *pointed helmet formerly worn by Red-Army men*. Можно предложить следующие эквиваленты для перевода этих советизмов на французский язык: *service bénévole de maintien de l'ordre public*; *un type de chapeau, élément de l'uniforme de l'armée rouge, pendant la guerre civile, symbole de l'armée rouge*.

Примеры калькированного перевода: *рабочая (трудовая) династия* – *dynastie de travailleurs / labor dynasty*, *рабочая эстафета* – *relève ouvrière / labor relay race*, *социалистическое обязательство* – *engagement socialiste / socialist obligation*, *социалистическое соревнование* – *émulation socialiste / socialist emulation*, *доска почета* – *tableau d'honneur / board of honour*, *книга почета* – *livre d'honneur / book of honour*, *почетный член трудового коллектива* – *membre d'honneur d'un collectif de travailleurs / honour member of labor collective*, *комсомольская путевка* – *ordre de mission du Komsomol / Komsomol mission order*, *октябрята* – *enfants d'Octobre, petits Octobristes / little Octobrists*, *дом политпросвещения* – *centre d'instruction politique / center of political education*, *политкружок* – *cercle politique / political circle*, *напмактив* – *militants du Parti, actif du Parti / the active members of the Party organization, the Party activists*, *красноармеец* – *soldat de l'armée rouge / Red Army man*, *краснофлотец* – *marin de la Flotte rouge / Red Navy man*, *товарищеский суд* в русско-английском словаре дается калькированный эквивалент *comrades' court*. Некоторые калькированные эквиваленты являются общеупотребительными словами, которые приобрели идеологическую коннотацию. Например, *наставничество* – *prise en tutelle / tutorship*. В советском обществе наставничество являлось одной из форм профессиональной подготовки, политического и нравственного воспитания молодежи.

При калькированном переводе советизмов важно принимать во внимание парадигматические и синтагматические связи французских и английских эквивалентов. Так, в качестве эквивалента перевода советизма *социалистическое соревнование* используются лексемы *émulation / emulation*, поскольку их синонимы *compétition / competition* относятся к области спорта и ассоциируются с состязанием, соперничеством. В поиске нужного эквивалента большим подспорьем являются словари синонимов и толковые словари. Так, в толковом словаре Le Petit Robert [Robert 2020] *émulation* определяется как «стремление сравняться или превзойти к.-л. в знаниях, в заслугах, в труде».

Калькированный перевод может нарушать синтагматические нормы французского и английского языков. Например, в качестве эквивалента советизма *ударник* двуязычные словари предлагают эквивалент *travailleur de choc / shock worker*. Для носителей французского и английского языков такое словосочетание непривычно и может ассоциироваться с *troupes de choc / shock troops* – *штурмовой отряд*. На наш взгляд, более удачные эквиваленты *ouvrier d'avant-garde* и *pionnier de la production / foremost worker*; также *ударничество* – *mouvement des pionniers de la production / foremost workers movement*. При калькированном переводе экспрессивность, присущая советизмам, как правило, утрачивается. Франкофону и англофону, не знакомому с реалией-советизмом, калькированный

перевод может быть не понятен, например, коммунистический субботник – *samedi communiste*. В таком случае целесообразно дополнить объяснительным переводом *samedi de travail bénévole / Saturday of unpaid voluntary labor*.

В случае приблизительного перевода в качестве эквивалента используется нейтральное выражение с широким значением, в этом случае экспрессивно-идеологическая коннотация советизма утрачивается, имеет место демегафоризация. Например, *красный уголок* – *salle de réunion / Red Room*, *комсомольский прожектор* – *contrôle komsomol / Komsomol searchlight*, *красные следопыты* – *éclaireurs rouges / red Scouts*. В последнем случае возможна ассоциация с организацией скаутов. Примером приблизительного перевода может служить перевод на французский и английский языки советизма *встречный план* соответственно *contre-plan* и *counter plan*. Это понятие существует в капиталистическом обществе и означает альтернативу существующему плану с целью достижения лучших результатов. При этом утрачивается идеологическая составляющая – связь с социалистическим соревнованием и трудовой энтузиазм. В эпоху СССР встречный план означал соревнование по производительности труда между государственными предприятиями, цехами, бригадами и отдельными работниками.

Некоторые распространенные советизмы зарегистрированы во французских и английских толковых и энциклопедических словарях: *кулак*, *стахановец*. В то же время определение советизма *кулак*, например в словаре *Le Petit Robert riche paysan propriétaire* не является полным, поскольку отсутствует важный компонент значения «эксплуатирующий бедняков». В статье *Stakhanoviste* приводится следующее определение *travailleur appliquant les méthodes d'augmentation du rendement du travail du mineur Stakhanov*. Более подробные дефиниции содержатся в энциклопедическом словаре *The American Heritage [American Heritage]*. *Kulak – a class of Russian peasants after the revolution who opposed the collectivization and had their property confiscated. Stakhanovite – after Alexei Stakhanov, Russian miner who set a productivity record in 1935 that was taken as a model*. В обоих случаях не упоминается о тесной связи стахановского движения с социалистическим соревнованием.

Результаты проведенного исследования имеют лексикографическую, переводческую и дидактическую значимость.

Литература

- Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
- Еськов Г. С., Кузнецов В. Г. Советское общество. Лингвострановедческий словарь (для говорящих на французском языке) / под ред. Г. С. Еськова. М.: Русский язык, 1988.

Чернов Г. В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. Т. 16. 1958. С. 223–225.

American Heritage illustrated encyclopedic dictionary. Boston: Houghton Mifflin, 1988.

Robert P. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2020.

V. G. Kuznetsov (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

IDEOLOGY AND LANGUAGE

(based on the translation of sovietisms into French and English)

The impact of the ideology on the language is examined on the material of lexicography and translation aspects of sovietisms. Sovietisms are lexemes which nominate ideological and political realities of the era of the USSR. An attempt is made to work out the procedures of translation of sovietisms into French and English. This problem is actual because equivalents of translation of sovietisms are often absent in bilingual dictionaries or these dictionaries give only transliteration and calque equivalents.

Key words: ideology, sovietism, reality, nomination, modes of translation, axiology, background of knowledge.

Н. А. Кукова (*Тамбов, Россия*)
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
kuksova@tsutmb.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИНЕГО ЦВЕТА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье рассматриваются особенности изучения концептов цвета с позиции когнитивной лингвистики. Использование метода когнитивно-матричного анализа позволило выявить области знания, репрезентируемые с помощью лексики цвето-обозначений русского и английского языков, в которых проявляются национально-культурные особенности восприятия синего цвета представителями русской и английской лингвокультур.

Ключевые слова: когнитивный подход, когнитивно-матричный анализ, концептуальная область, лингвокультурный концепт, концепт цвета.

Цвет является одним из способов коммуникации, он играет важную роль в передаче культурно-значимой информации. Когнитивная лингвистика дает возможность сравнить категорию цвета в разных культурах путем изучения способов вербализации цветовых представлений и выявления смыслов, передаваемых с помощью лексики с семантикой цветообозначений. Выявление важных особенностей при сравнении лингвокультурных концептов позволяет выявить различия между культурами и судить об особенностях менталитета разных народов [Карасик 2008: 145].

В целях выявления структуры и содержания культурно-специфических концептов Н. Н. Болдырев предлагает использовать метод когнитивно-матричного анализа. По его мнению, построение когнитивной матрицы позволяет выявить специфические «когнитивные контексты, в рамках которых происходит осмысление культурной специфики языковых единиц» [Болдырев 2019: 427]. Использование метода когнитивно-матричного анализа для анализа лингвокультурных концептов цвета позволило выявить концептуальные области, репрезентируемые с помощью лексических единиц с семантикой цветообозначений в их вторичной репрезентации. Концептуальные области матриц и их составляющие актуализируют когнитивные контексты осмысления языковых средств, репрезентирующих определенные способы кодирования культурной информации с помощью цвета.

Когнитивная матрица концепта СИНИЙ в русскоязычной концептосфере включает в себя следующие концептуальные области: ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК, ОБЪЕКТ, КОЛИЧЕСТВО.

Концептуальная область ПРИРОДА когнитивной матрицы концепта СИНИЙ представлена концептуальными признаками ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ, ФЛОРА, ФАУНА: *синее небо, синее-синее море, синий туман, синий иней, синец* (рыба, растение), *синица, синий* (баклажан).

Анализ языкового материала позволил выявить содержательные признаки концептуальной области ЧЕЛОВЕК когнитивной матрицы СИНИЙ. К ним относятся: ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ – *синие губы, лицо посинело, синие от холода руки, синие круги под глазами, синий, синяк* (пьяница), ПРОФЕССИЯ – *синие мундиры* (жандармы), ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – *синий чулок* (интеллектуальная деятельность) [ТСРЯ], ХАРАКТЕРИСТИКА – *до посинения* (упорство), ЭМОЦИИ – *синяя борода* (ревность). Часто наряду с актуализацией признака, репрезентируется отрицательная оценка. Концептуальный признак ЭМОЦИИ может быть репрезентирован фразеологическими единицами: *гори все синим*

пламенем (безысходность, безразличие); *гоняться за синей птицей* (стремление к счастью).

Кроме того, в данной матрице можно выделить концептуальные области КОЛИЧЕСТВО – *ни синь пороха* (мало) и ОБЪЕКТ – *синие* (советские купюры в 25 рублей) – деньги, *синька* (краситель), *синька* (водка).

Матрица лингвоконцепта ГОЛУБОЙ состоит из следующих концептуальных областей: ПРИРОДА, ТЕХНИКА, ЧЕЛОВЕК, СОБЫТИЕ.

Так, концептуальная область ПРИРОДА репрезентирована следующими лексическими единицами: *голубые магистрали* (реки), *голубая ель*, *голубой песок*, *голубая планета* (Земля), *голубой континент* (Антарктида), *голубое топливо* (газ), при этом актуализируются концептуальные признаки ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ, РАСТЕНИЯ, ЖИВОТНЫЕ, ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ.

Концептуальная область ЧЕЛОВЕК также получает свою репрезентацию в русской картине мира с помощью слов и выражений с семантикой цветообозначения в их вторичной репрезентации. Так, выражения *голубая кровь* (дворянское происхождение), *голубые береты* (воины-десантники), *голубой* (человек нетрадиционной ориентации), *голубая роль* (актерская профессия) репрезентируют такие характеристики данной концептуальной области, как СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС и ПРОФЕССИЯ человека. Кроме того, выражения со словами с семантикой «голубой» репрезентируют признак ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: *голубой ворюшка* (клептоман) – неконтролируемое воровство, *ложь – на голубом глазу* (говорить неправду), а также ЭМОЦИИ – стремление к счастью, безмятежности: *голубая мечта* – стремление к мечте.

Концептуальная область ТЕХНИКА репрезентирована выражениями *голубой экран* – экран телевизора, *голубой огонек* (телепередача). Выражение *на блюдечке с голубой каемочкой* (без усилий забот, в готовом виде) [ТСРЯ] репрезентирует концептуальный признак СОБЫТИЕ, а именно обозначает субъективную оценку событий в жизни человека, которые интерпретируются как удачное стечение обстоятельств.

Особо следует отметить, что в структуре данной концептуальной области наблюдается положительная оценочная интерпретация лексики с семантикой цветообозначения «голубой». Например, *голубая роль* (роль положительного персонажа), *голубая характеристика* (положительная характеристика), *голубой образ* (положительный персонаж).

Рассмотрим аналогичный лингвокультурный концепт английской концептосферы BLUE, который также был проанализирован с использованием метода когнитивно-матричного анализа. В структуре концепта BLUE были

выделены следующие концептуальные области: HUMANS, NATURE, TIME, SPACE, MUSIC, OBJECT.

В концептуальной области HUMANS получают репрезентацию сразу несколько концептуальных признаков. Как и в русской лингвокультуре, синий цвет используется для передачи информации о здоровье человека, лекарственных средствах: *blue baby* (having heart problems), *bluing finger*, *black and blue* (bruised), *to be blue* (alcohol intoxicated), *blue Monday* (hangover), *a blue* (a pill). Механизм концептуальной метонимии лежит в основе актуализации концептуальных признаков PROFESSION и ACTIVITY, например, актуализирует принадлежность к политической партии или определенной профессии: *blue states* (democrats), *blue collars* (workers), *blue team* (wearing blue uniform), *a blue boy* (a policeman). Признак SOCIAL STATUS получает репрезентацию в выражениях *blue blood*, *blue-blooded*, в которых актуализируется принадлежность к высшему обществу. Средством репрезентации концептуального признака EMOTIONS являются выражения: *to feel blue* (sadness), *to shout blue murder* (anger), а признака QUALITIES: *to be blue in the face* (perseverance), *blue and well-informed* (ladies), *bluestocking* (intellect) [MW].

Концептуальная область NATURE, как и в русской концептосфере, широко представлена лексическими единицами с семантикой цветообозначений в виду общности способов познания окружающего мира. Словосочетания *blue sky*, *blue water*, репрезентируют природную среду, в то время как *blueberry*, *blue spruce*, *blue butterfly*, *bluefish* и др. – растительный и животный мир. Концептуальная область EVENT представлена выражением *to have a blue* (argument) [UD], где прилагательное с семантикой цвета служит для репрезентации события – ссоры. Фразеологические единицы *out of the blue* (suddenly) и *once in a blue moon* (very rarely) репрезентируют концептуальный признак TIME, *disappear into the blue* (far distance) – концептуальный признак SPACE, а жанр афро-американской музыки *blues*, *a blue song* актуализирует признак MUSIC. Средством репрезентации концептуального признака OBJECT являются словосочетания *blue ribbon* (award), *blue badge* (parking sign for disabled people) [CD]. Данные предметы являются характерными для англоязычной культуры, отражающими национальные традиции.

Особо отметить следует оценочную интерпретацию лексики с семантикой цветообозначений. Так **положительная оценка** актуализируется в следующих примерах: *a blue Sunday city* (puritanical), *a blue-eyed boy* (liked very much and treated well by other people), в то время как **отрицательная**

оценка представлена выражениями *a blue joke, a blue movie* (indecent), *turn the air blue, blue the air* (say rude words) [CD].

Таким образом, исследование проиллюстрировало принципиальные различия в концептуализации цвета представителями разных культур. Способ концептуализации синего цвета различен в картине мира русских и англичан. В русской концептосфере он представлен двумя концептами – СИНИЙ и ГОЛУБОЙ, в отличие от английской концептосферы, где есть только один концепт для осмысления того же спектра – BLUE. Применение методики когнитивно-матричного анализа позволило выявить схожие концептуальные области рассмотренных когнитивных матриц: ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК, СОБЫТИЕ, ОБЪЕКТ (в каждом языке актуализируются свои культурно-специфические объекты), а также специфические культурные когнитивные контексты: КОЛИЧЕСТВО, ТЕХНИКА, характерные для русской лингвокультуры, и ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, МУЗЫКА, являющиеся специфическими компонентами матрицы BLUE. Большую роль в интерпретации цвета играет оценочная интерпретация. Для английского языкового сознания характерна как положительная, так и отрицательная интерпретация синего цвета, в то время как для русской лингвокультуры характерно символическое восприятие синего как негативного, а голубого как позитивного аспекта жизни. Таким образом, цвет играет важную роль в восприятии человеком окружающей действительности, в нем закодировано культурное многообразие окружающего мира.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. науч. трудов / [редкол.: Н. Н. Трошина (отв. ред.) и др.]. М.: РАН, Ин-т науч. информации по обществ. наукам, 2008. С. 127–155.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/> (дата обращения 22.02.2025).

CDO – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения: 20.02.2025).

MW – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 22.02.2025).

UD – Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 20.02.2025).

*N.A. Kuksova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

COGNITIVE ASPECTS OF REPRESENTATION OF *BLUE* IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUACULTURES

The article examines the features of studying colour concepts from the perspective of cognitive linguistics. The use of the cognitive-matrix analysis method made it possible to identify areas of knowledge represented by colour terms in Russian and English, which reveal national and cultural features of the perception of blue by representatives of Russian and English linguacultures.

Key words: cognitive approach, cognitive-matrix analysis, conceptual domain, linguacultural concept, colour concept.

*А. Э. Левицкий (Москва, Россия)
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
andrelev@list.ru*

*Т. Н. Никульшина (Горловка, Россия)
Донецкий национальный
технический университет
tan_n-n@mail.ru*

АНТРОПОНИМЫ КАК КУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Настоящее исследование посвящено рассмотрению антропонимов в сказочном дискурсе как маркеров этнокультурной традиции. Сопоставление функционирования антропонимов как репрезентантов национальной культуры на примере русского и английского сказочного дискурса позволяет выявить сходные и отличительные черты категоризации содержащейся информации.

Ключевые слова: антропонимы, сказочный дискурс, лингвокультура, сопоставление, русский и английский языки.

Язык считают средством проникновения в ментальность, а, следовательно, и ключом к этнической, культурной и социальной группе, к которой принадлежит индивид (см., напр., [Болдырев 2018, Кубрякова 2012, Молчанова

2014]). Исследование, проводимое на материале русского и английского языков, дает возможность расширить знания о национальной ментальности русских и англичан – носителей неблизкородственных языков.

Изучение антропонимов представляет собой одно из наиболее актуальных направлений в области когнитивной ономастики, поскольку личные имена являются не только наиболее многочисленным ономастическим пластом, впитав в себя культурологические, исторические, этнографические, социологические и психологические знания, но и наиболее дискуссионным. О сложности и многогранности личного имени свидетельствует широкая дискуссия (наличие/отсутствие значения, различные классификации, выполняемые функции и т.д.) среди лингвистов, которая нашла свое отражение в ряде трудов (см., напр., [Cognitive Onomastics 2016, Langendonck 2007]).

Эмпирическим материалом нашего исследования служат 300 русских [РНС1, РНС2] и 300 английских [Briggs 1991, EFT, FTE, Riordan 1987] народных сказок (далее – сказки), представленных в двух жанровых модификациях: волшебные и бытовые сказки.

Результаты, полученные в процессе анализа эмпирического материала, позволяют говорить о наличии в антропонимическом пространстве русской и английской сказки имен как типичных сказочных героев, так и реальных исторических лиц. Народная сказка, невзирая на вымышленный характер, отличается присутствием в ней имен реальных лиц, сыгравших заметную роль в истории России и Англии, например, правители разного периода (*царь Петр Великий, государь Иван Васильевич, царевич Федор, Димитрий-царевич; Edward the First, Henry the Third, King Henry the Elder, King Edward III*). В английских сказках также зарегистрированы номинации представителей знатных родов, политических деятелей и исторических фигур (*Cardinal Wolsey, Childe Lambton, Lord Percy, Sir Richard Whittington*). Реальные антропонимы обозначают лиц, знакомых рассказчику и служащих фоном для воссоздания реальности событий, происходящих в сказках. К доминирующему способу идентификации сказочных героев следует отнести указание на монархический титул (*царь Вахрамей, Иван-королевич, царевич Федор, король Кармаус, князь Лазарь Лазаревич, Ольга-царевна, Настасья-королевна; Earl Mar, Lord Lathom, Prince Florentine, Princess Margaret*). Религиозный титул (*святой Никола, non Пахом; Abbot of Canterbury, Bishop Latimer, priest Dando*) также является одним из способов идентификации, но гораздо менее значимым, чем монархический титул. Распространенную группу имён в сказках носителей английского языка составляют антропонимы

с титульным приложением Mr. (*Mr. Holland of the Sheffield, Mr. Fitzwarren, Mr. Waldron*) или Master (*Master Tom*), тогда как примеры с нарицательным компонентом Miss (*Miss Ann*) для дифференциации женщин в английских сказках не являются популярными. Зарегистрированы также номинации, требуемые этикетом: *Your Grace, His / Her / Your Majesty*. Для носителей русского языка данная группа не является востребованной, включая две номинации: *Ваше величество* и *Ваше царское величество*.

Сказочные персонажи являются представителями разных социальных слоев, эксплицируя многообразие сословно-социальной лексики как в русских, так и английских сказках. Как правило, герои принадлежат либо к высшим, привилегированным слоям общества, либо к низшему сословию. Анализ языкового материала свидетельствует об отсутствии существенных отличий между русскими и английскими сословно-социальными наименованиями. Сословно-социальная антропонимическая лексика характеризует принадлежность персонажей к тому или иному классу, тем самым дифференцируя их между собой и создавая социальное пространство сказки, в котором они существуют. В частности, идентификация сказочных персонажей посредством акцентирования их рода деятельности (*Вертогор, Вертодуб, Никита Кожемяка, Холодило, Скороход, Рыкодельница; William the Conqueror, Warlock Merlin, Jack the Giant Killer, Kate Crackernuts*) или профессиональной характеристики (*Дарья-прислужница, Андрей-стрелок, Фрол-настух; Mr Coachman, Jack the farmer, Mrs. Cook*) в равной мере является актуальной, но разнообразнее представлена в русских сказках.

Маркер возрастной характеристики сказочного персонажа также отмечен в номинациях. В русских сказках фиксируется закрепление личных имен за определенной возрастной категорией: молодое поколение (*Алёнушка, Марья-царевна, Маша, Полюша*) и старшее поколение (*баба Маланья, бабка Степанида, бабушка Даша*).

Если в английской сказочной традиции популярны номинации лиц по месту проживания/рождения (*William of Newbridge, Mattehew of Westminster, the lord of Pengerswick*), то в русской сказочной традиции востребованным является вид патронимов, созданных по схеме «чей-то + сын»: *Иван-крестьянский сын, Иван-девкин сын, Иван-коровий сын*.

Самыми распространенными мужскими антропонимами в русском и английском сказочном пространстве являются личные имена *Иван* (более 80% сказок) и *Jack* (более 70% сказок), *John* (более 30% сказок). Имя *Иван* не закреплено за конкретной социальной группой. Будучи универсальным, антропоним Иван номинирует как представителя социальной верхушки

(*Иван-царевич, Иван-королевич*), так и простого человека (*Иван-солдатский сын, плотник Иван, Иван-батрак*), тогда как антропоним *Jack* служит для обозначения исключительно простолюдина. Популярные антропонимы *Иван, Jack, John* становятся уникальными в случае присоединения к ним характеризующего компонента, который находится либо в препозиции (*Canny Jack, Clever Jack, Daft Jack, Lazy Jack; King John*), либо в постпозиции (*Иван-богатырь Иван Бесчастный, Иван Сильный; Jack the Farmer, Jack the Fool, Jack the Robber; John Call, John Marshall, John Taprail, John Rendle, John Sturtridge, John Thomas*). Отмечаем предпочтение постпозиции характеризующего компонента для антропонима *Иван*.

Наряду с полными и сокращенными личными именами вносят разнообразие в антропонимикон русской и английской сказки и наименования с уменьшительными суффиксами *-ушк-, -юшк-, -ie, -у* (*Аленушка, Василисушка, Васильюшка, Емелюшка, Иванушко, Маремьянушка, Фролушка; Betty, Bobby, Johnny, Mally, Molly Whuppie Tibby, Sammy, Dolly, Sally, Willie*), которые свидетельствуют о симпатии или сочувствии у рассказчика по отношению к данным героям. Некоторые уменьшительные суффиксы (например, *-к-, -ie, -у*) могут констатировать пренебрежительное отношение (*Афонька, Ванька, Варфоломейка, Сенька; Billy, Tommy*). В русских сказках почтительное и уважительное отношение к сказочным персонажам передается через упоминание их полного имени (*Андрей, Василий, Дмитрий, Иван, Степан, Федор*) или имени и отчества (*Демьян Ильич, Еруслан Ерусланович, Марфа Вахрамеевна*); в английских сказках – с помощью титульного приложения (*Mr. Fordyce, Master Tom, Miss Mary*).

Итак, антропонимикон русских и английских сказок является одним из ключевых компонентов, позволяющих сформировать представление о духовной культуре носителей русского и английского языков и отразить картину мира в давние времена и сопоставить ее с нынешней. Антропонимическое пространство русских и английских сказок наполнено как реальными, так и вымышленными личными именами.

В русской и английской сказочной традиции мужские образы преобладают над женскими, что объясняется весомой ролью мужчины в обществе и в средневековый период, и в последующие эпохи. Асимметричность в антропонимиконе русских и английских сказках проявляется в разном количественном составе личных имен с наименованием территории, которой отдают предпочтение носители английского языка, тогда как индивидуализация по схеме «чей-то+сын» актуальна для носителей русского языка. Для антропонимической лексики русских сказок также характерно наличие диминутивных элементов.

Представленное изыскание раскрывает широкий круг новых идей в области исследования языка, мышления и познания сквозь призму сказочной традиции носителей неблизкородственных языков.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Молчанова Г. Г. Когнитивная поликодированность межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014.

PHC1 – Русские народные сказки. URL: <http://lukoshko.net/storyList/russkie-narodnye-skazki.htm>.

PHC2 – Русские народные сказки. URL: <http://hyaenidae.narod.ru/>

Briggs K. M. A Dictionary of British Folktales in the English Language incorporating the F. J. Collection. Routledge&Kegan Paul, 1991.

Cognitive Onomastics: A Reader / ed. by S. Brendler. Hamburg: Baar, 2016.

EFT – English Fairy Tales / Retold by Joseph Jacobs. L.: David Nutt, 1890. URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/index.htm>.

FTE – Folk Tales of England / ed. by K. M. Briggs and R. L. Tongue. L.: Routledge and Kegan Paul Limited Broadway House, 1964.

Langendonck W. V. Theory and Typology of Proper Names. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007.

Riordan J. Folktales of British Folktales. М.: Радуга, 1987.

A. E. Levitsky (*Moscow, Russia*)

Lomonosov Moscow State University

T. N. Nikulshina (*Gorlovka, Russia*)

Donetsk National Technical University

ANTHROPONYMS AS CULTURAL INDICATORS OF FAIRY-TALE DISCOURSE FROM THE COMPARATIVE PERSPECTIVE

The article deals with the analysis of anthroponyms in fairy-tale discourse as indicators of ethnocultural tradition. The comparison of functioning anthroponyms as representatives of national culture in Russian and English fairy-tale discourse makes it possible to reveal their common and divergent features of information categorization.

Key words: anthroponyms, fairy-tale discourse, linguaculture, comparison, Russian and English languages.

А. Р. Нурутдинова (Казань, Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
AiRNurutdinova@kpfu.ru

КОГНИТИВНЫЕ И АФФЕКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯПОНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Омойяри – 思いやり (*omoiyari*) – является многогранной концепцией в японской культуре, глубоко укорененное как в языке, так и в поведении. Анализируя паремиологические единицы, данная статья направлена на формулирование концептуальной основы и проявление лингвистических моделей *Omoiyari* в японской коммуникации, культуре. Изучение когнитивных и аффективных аспектов японской паремиологии позволяет: глубже понять японскую картину мира и культурные ценности; выявить особенности японского мышления и эмоционального восприятия; создать основу для сравнительно-сопоставительных исследований. Данное исследование не только обогащает понимание социальных ожиданий *Omoiyari*, но и подчеркивает важность лингвистического и лингвокультурологического анализа в раскрытии сложностей человеческого взаимодействия.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, картина мира, языковая картина мира, ментальность, национальная культура, пословицы.

Исследование когнитивных и аффективных аспектов японской паремиологической картины мира представляет собой важный вклад в понимание японской культуры, языка и мышления. Паремиологические единицы являются не только отражением культурных ценностей, но и ключом к пониманию того, как японцы воспринимают мир, структурируют знания и выражают эмоции. Когнитивные и аффективные аспекты японской паремиологии тесно связаны: Гармония (когнитивный аспект) достигается через эмпатию (аффективный аспект), что отражается в пословицах, которые одновременно передают и рациональные, и эмоциональные установки. Интуитивное понимание (когнитивный аспект) часто сопровождается сдержанностью (аффективный аспект), что подчеркивает важность невербальной коммуникации в японской культуре.

Психологические элементы, включая эмпатию, сочувствие [Harada 1991; Kikuchi 1998; Matsui 1991] были переведены на японский язык с введением «технического понятия» как «поведение *omoiyari*» [Eisenberg, Mussen 1989; Hoffman 2001; Jones 1993] в контексте интраперсональной психологии. 「思いやり」 неизменно выделяется как первостепенная концепция, имеющая глубокое значение, и является центральным постулатом нравственного воспитания и рассматривается как основной принцип общения [Akanuma 2004; Ito 1998a].

Концепция 「思いやり」 (Omoiyari), переводимая как «доброта», «интуиция» «чувствительность», «сострадать», «сочувствовать», «сопереживать», означающая способность воспринимать с сочувствием эмоции, личные дела и обстоятельства другого человека, приводящие к продуманным действиям. Основными моментами являются умение прогнозировать чьи-то потребности и заранее их удовлетворять, если они противоречат интересам другого человека [Masahiko 1991; Shinmura 1991]. В японской культуре 「思いやり」 (Omoiyari) является краеугольным камнем межличностных отношений и выходит за рамки простой эмпатии: это подразумевает активное предвосхищение потребностей других людей и действия таким образом, чтобы поддерживать социальную гармонию 「和」 (wa).

Концепция 「思いやり」 (Omoiyari) тесно связана с японским акцентом на непрямую коммуникацию 「腹芸」 (haragei) и на инстинктивное понимание перспектив других людей и последующих действий [Shinmura 1991; Travis 1998; Uchida, Kitayama 2001]. В японской коммуникации многое передается посредством молчания, языка тела и контекста, что соответствует концепции 「思いやり」 (Omoiyari), где ключевым является понимание и реагирование на невысказанность/недосказанность, например, 「空気を読む」 (*kuuki wo yomu*, буквальный перевод – «читать атмосферу/воздух»), литературный перевод «ощущение чужих потребностей и желаний без явного упоминания» – считается исключительно важным в японской культуре [Spiechowicz 2016]. Японцы считают, что, привязанность и взаимопомощь необходимы, люди должны «уметь читать» истинные намерения друг друга, а установленные отношения должны уважаться как ценность [Hamaguchi 1985].

Значимость 「思いやり」 (Omoiyari) оценивается по чистоте внимания к другим, однако искреннее внимание иногда противоречит поведению, но, оно не будет подвергнуто критике со стороны окружающих, поскольку они знают истинные чувства. За подобным стилем общения скрывается невысказанное предположение, что истинные и честные чувства будут поняты другими, несмотря на то, что поведение человека противоречит его психологическим ощущениям. Японская концепция 「思いやり」 (Omoiyari) ценит невербальное и интуитивное понимание, что отражается в пословице: 「以心伝心」 (Ishin denshin) перевод «Душевное общение/сердце передается сердцу», подчеркивая важность неявного знания и интуиции в японском мышлении [Kikuchi 1988].

Когнитивный аспект связан с тем, как японские пословицы отражают способы мышления, категоризации и восприятия мира. Японская паремология акцентирует внимание на следующих когнитивных моделях:

– Гармония и баланс. Многие японские пословицы подчеркивают важность гармонии (和, wa) и баланса в отношениях между людьми и природой: 「和を以て貴しとなす」 (Wa o motte tottoshi to nasu) перевод «Гармония – высшая ценность»; 「思いやりの心は和の基」 (Omoiyari no kokoro wa wa no moto) перевод «Внимательность – основа гармонии» – сочувствие и внимание необходимы для поддержания мирных отношений и сотрудничества [Aikawa 1993].

– Взаимозависимость. Японские пословицы часто подчеркивают взаимосвязь между людьми и их окружением: 「情けは人の為ならず」 (Nasake wa hito no tame narazu) перевод «Доброта не только для других» – пословица отражает когнитивную модель, согласно которой добрые поступки возвращаются к тому, кто их совершает; а также выражает акты сострадания приносящие пользу как дающему, так и получателю, подчеркивая психологическое вознаграждение за бескорыстное поведение.

– Интуитивное понимание. Японская культура ценит невербальное и интуитивное понимание, что отражается в пословице 「以心伝心」 (Ishin denshin) перевод «Душевное общение/сердце передается сердцу», подчеркивая важность неявного знания и интуиции в японском мышлении [Kikuchi 1988].

Омоiyari тесно связано с коллективистской природой японского общества, где благополучие группы часто преобладает над индивидуальными желаниями, например 「三人寄れば文殊の知恵」 (San nin yoreba monju no chie) перевод «Когда собираются три человека, они обладают мудростью Манджушри (буддийского божества)» – пословица отражает когнитивную установку на коллективное знание и сотрудничество, на приоритет коллективного благополучия над индивидуальными интересами, являющимися ключевыми аспектами Омоiyari [Asato 2004].

Концепция 「思いやり」 (Omoiyari) не включает в себя понятие «инаковости», идею о том, что существует внешняя или посторонняя перспектива, которую необходимо учитывать [Eisenberg, Mussen 1989]. Концепция Омоiyari глубоко укоренена в японской культуре, которая придает большое значение ценности единства с другими. С точки зрения языка и культуры, 「思いやり」 (Omoiyari) отражает укоренившуюся ценность в японском обществе, подчеркивая гармонию, социальную сплоченность и способность предвидеть потребности других без явного общения. Японцы высоко ценят эмоциональный интеллект и считают его ключевым компонентом национальной идентичности [Harada 1991].

Концепция 「思いやり」 (Omoiyari) рассматривается как фундаментальный элемент в понимании японских культурных ценностей и социальных

взаимодействий, например, 「人のふり見て我がふり直せ」 (Hito no furi mite waga furi naose) перевод «Смотрите на поведение других и исправляйте свое» – эта пословица побуждает людей задуматься о своих действиях и скорректировать свое поведение в соответствии с потребностями и ожиданиями других [Lebra 1976; Amri 1986]. 「思いやり」 (Omoiyari) не основана ни на жалости, ни на механизме отношений «отдал-принял», она основана на отсутствие ожидания взаимности или вознаграждения, что подчеркивает бескорыстный и безусловный характер, например, 「相手の身になって考える」 (Aite no mi ni natte kangaeru) перевод «Поставьте себя на место другого человека» – это и не традиционная пословица, это современное выражение отражает суть omoiyari, побуждая людей рассматривать ситуации с точки зрения других.

己の欲せざる所、人に施すことなかれ」 (Onore no hossezaru tokoro, hito ni hodokosu koto nakare) перевод «Не навязывайте другим то, чего сами не желаете» – эта пословица, вдохновленная конфуцианской философией, согласуется с omoiyari, побуждая людей относиться к другим с таким же вниманием и уважением, как они хотели бы к себе. Поведение, предполагающее вознаграждение, не вызывает уважения, а скорее презрение. 「思いやり」 (Omoiyari) преподается детям как моральная ценность 「思いやりを持って人に接する」.

思いやり」 (Omoiyari) часто используется в контекстах, где от человека ожидают бескорыстных или внимательных действий без просьб, а также часто используется в таких фразах, как 「思いやりのある人」 (omoiyari no aru hito), что означает «внимательный человек», что является высоко ценимой чертой в японском обществе. В качестве одного из определений 「思いやり」 (Omoiyari), на которое часто ссылаются, можно назвать определение, предложенное культурным антропологом как «способность и готовность сопереживать эмоциям других людей, испытывать радость или дискомфорт, которые они испытывают, и помогать им в исполнении их желаний, независимо от вербальных инструкций» [Lebra 1976: 38]. 「思いやり」 (Omoiyari) включает качественную оценку эмоций людей с соответствующим вниманием к чувствам и принятием обстоятельств как своих собственных.

Аффективный аспект связан с эмоциональной составляющей пословиц, которые передают чувства, настроения и эмоциональные установки. Японские пословицы часто выражают следующие аффективные состояния:

– Эмпатия и сочувствие. Пословица 「他人の痛みを我が痛みと思え」 (Tanin no itami o waga itami to omoie) перевод «Считайте боль других как свою собственную» подчеркивает важность эмпатии и сочувствия, что является

ключевым элементом концепции 「思いやり」 (Omoiyari), призывая людей глубоко сопереживать страданиям других и действовать с состраданием [Akanuma 2004: 23].

– Ценность скромности и сдержанности в выражении эмоций. 「出る杭は打たれる」 (Deru kui wa utareru) перевод «Торчащий гвоздь забивают» – эта пословица напоминает о том, что чрезмерное проявление индивидуальности может вызывать негативную реакцию. Данная пословица часто интерпретируется как предостережение против индивидуализма, она также отражает поведенческий аспект Omoiyari, где от человека ожидают действий, и предполагает, что человек должен помнить о том, как действия могут нарушить групповую гармонию, и советует действовать осмотрительно, не вызывая дискомфорт [Akanuma 2004].

– радость и эмоциональное удовлетворение от заботы о других 「情け深い人は幸せになる」 (Nasakebukai hito wa shiawase ni naru) перевод «Сострадательный человек найдет счастье» – это высказывание отражает веру в то, что практика omoiyari и проявление доброты к другим приводит к личному удовлетворению и счастью. Японцы ценят эмоциональный интеллект и считают ключевым компонентом национальной идентичности [Akanuma 2004].

Японская паремиологическая картина мира представляет уникальное сочетание когнитивных и аффективных аспектов, которые отражают глубинные ценности японской культуры. Пословицы и поговорки служат не только инструментом передачи знаний, но и средством выражения эмоций и установок, формирующих японское мировоззрение. Исследование аспектов открывает новые перспективы для понимания японской культуры и языка. Анализируя паремиологические единицы, мы можем раскрыть лингвистические и культурные механизмы, посредством которых передается и закрепляется Omoiyari. Приведенный анализ паремиологических единиц со значением 「思いやり」 (Omoiyari) позволил выявить следующие концептуальные рамки: когнитивные аспекты японской паремиологии (гармония и баланс, взаимозависимость, интуитивное понимание); аффективные аспекты японской паремиологии (эмпатия и сочувствие, скромность и сдержанность, радость и удовлетворение от помощи другим). В качестве перспективы дальнейших исследований были выделены следующие направления: сравнительный или кросс-культурный анализ Omoiyari с аналогичными концептами в других культурах; исследование роли Omoiyari в современной японской коммуникации; разработка методик преподавания Omoiyari как части межкультурной коммуникации.

Литература

- Нурутдинова А. Р.* Лингвокультурные и когнитивные аспекты японских пословиц: культурно-когнитивная асимметрия // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5(61). С. 673–676.
- Aikawa M.* Human relationship skills: Training and self-help. Tokyo: Seishin-shobo, 1993.
- Akanuma K.* Why do the Japanese make efforts to anything? Tokyo: Daisan-shokan, 2004.
- Amri M.* Ojigi: The Ethics of Japanese Community's Nonverbal Language. Proceedings of the Social Sciences, Humanities and Education Conference (SoSHEC2019), 2019.
- Asato N.* Universal politeness theory: application to the use of Japanese honorifics // Journal of Pragmatics, 2004. doi:10.1016/j.pragma.2003.11.006
- Doi T.* The anatomy of self: The individual versus society. Tokyo: Kodansha International, 1985.
- Eisenberg N., Mussen P. H., Kikuchi A.* The roots of prosocial behaviour in children. Tokyo: Kaneko-shobo, 1989.
- Hamaguchi E.* Kanjinshugi no shakainihon. Tokyo: Toyo Keizai Shimposha, 1985.
- Haugh M.* Revisiting the conceptualisation of politeness in English and Japanese // Multilingua. 2004. Vol 23. P. 85–109.
- Hayashi A., Karasawa M., Tobin J.* The Japanese Preschool's Pedagogy of Feeling: Cultural Strategies for Supporting Young Children's Emotional Development // Ethos. 2009. 37(1), P. 32–49. URL: <http://www.jstor.org/stable/20486598>
- Hoffman M. L.* Empathy and moral development: Implications for caring and justice. Tokyo: Kawashima-shoten, 2001.
- Ito K.* Moral education classes to develop omoiyari mind: The development of programs at elementary schools. Tokyo: Meiji Tosho Shuppan, 1998.
- Kikuchi A.* Developmental psychology of omoiyari // Child Psychology. 1988. 42 (6) P. 18–22.
- Masahiko M.* Haiku as a Discourse Regulation Device: A Stanza Analysis of Japanese Children's Personal Narratives // Language in Society. 1991. 20(4), P. 577–599. URL: <http://www.jstor.org/stable/4168283>
- Spiechowicz M.* «Omoiyari»: the key word of harmonious Japanese communication // New Ways to Face and (Im)Politeness. 2016. P. 169–186.

*A. R. Nurutdinova (Kazan, Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University*

COGNITIVE AND AFFECTIVE ASPECTS OF THE JAPANESE PAREMIOLOGICAL WORLD PICTURE

Omoiyari – 思いやり (omoiyari) – is a multifaceted concept in Japanese culture, deeply rooted in both language and behavior. By analyzing paremiological units, this article aims to formulate a conceptual basis and manifestation of linguistic models of Omoiyari in Japanese communication and culture. Studying the cognitive and affective

aspects of Japanese paremiology allows us to: gain a deeper understanding of the Japanese worldview and cultural values; identify the features of Japanese thinking and emotional perception; create a basis for comparative studies. This study not only enriches the understanding of social expectations of Omoiyari, but also emphasizes the importance of linguistic and linguacultural analysis in revealing the complexities of human interaction.

Key words: cognitive linguistics, linguaculturology, world picture, linguistic world pictures, mentality, national culture, proverbs.

И. А. Савватеева (Иркутск, Россия)
*Иркутский национальный исследовательский
технический университет
savvrina@mail.ru*

ВИЗУАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИИ *ОТНОШЕНИЯ* В ИТАЛЬЯНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ В СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье представлен сопоставительный анализ семиотических значений категории *отношения* в поведенческом аспекте в контекстах визуального восприятия в итальянском и английском языках. Функциональные особенности лексем *face* и *viso* подвергаются лингвокогнитивной и лингвокультурологической интерпретации в прагматическом аспекте.

Ключевые слова: категория *отношения*, поведение, семантика, семиотика, прагматика.

Целью данного сопоставительного исследования является анализ когнитивных факторов, влияющих на особенности выражения семиотических смыслов в поведенческом аспекте, характерных для итальянской и английской лингвокультур: «Проблема лексических соответствий всегда будет актуальной, ведь помимо собственно языкового значения слово несет еще и национально-культурную информацию. Особый интерес вызывают лексические соответствия в неблизкородственных языках в случае передачи универсальных понятий, поскольку в таких случаях во многом выбор эквивалента будет определять этнокультурная специфика исходного языка» [Шамне, Милованова 2024: 453].

Н. Н. Болдырев отмечает «стремление современной лингвистики к интегративному анализу процесса формирования языковых значений

и поиску новых принципов и методов исследования языка как важнейшей когнитивной деятельности и средства доступа к сознанию человека, что подразумевает учет данных, полученных в смежных науках. С учетом понимания мотивированности содержательной стороны языка когнитивным опытом индивида (включающим знания о фундаментальных принципах устройства бытия и знания, полученные вследствие принадлежности к определенной культуре), психологическими особенностями и лингво-креативным потенциалом языковой личности, а также другими факторами, имплицитно встроенными в семантику языковых единиц» [Болдырев 2023: 688]. Анализируемый языковой материал отобран на основании возможности семиотизации поведения и отношений (см.: [Савватеева 2023]), которые зачастую зависят от зрительного восприятия ситуации наблюдателем: от перцептивной визуальной доступности субъекта поведения и ее внешнего выражения и группируется по двум типам: сходство и различие в семиотическом выражении. «В различных культурах воспринимаемые, подвергающиеся когнитивной обработке объекты, процессы, сущности, феномены наделяются неодинаковыми, несхожими значимостями. Перцепты (образы воспринятого) в таком случае в зависимости от значительности, важности получают различное оформление в языках. Но когда возникает идея значимости, особой выделенности, то происходит приближение к области семиотики, формированию и (или) интерпретации знаков и знаковых систем. Недавно появившееся понятие ландшафта с определенной семиотикой (*semiotic landscape*) описывает исторически обусловленный опыт взаимодействия живых организмов с физической окружающей средой и предыдущие взаимодействия человека с другими живыми особями, разделяющими данный конкретный ландшафт. Он представляет собой некоторый постоянно поддерживаемый процесс культурного, социального и индивидуального взаимодействия, включающего физические и ментальные аспекты» [Иванова, Верхотурова 2022: 46].

В представленном фрагменте сопоставительного анализа рассматриваются существительные *face* и *viso*. В прагматике сопоставляемых языков нас интересуют семиотический потенциал данных лексем, объективирующих значения поведения и отношений.

В итальянском языке лексема *viso* происходит от латинского слова *vīsus*, что означает *взгляд* или *внешний вид* (*vista, atto del guardare, sguardo*). Она обозначает акт смотрения и может использоваться в физиогномике для выражения определенных чувств (*la fisionomia, in quanto esprime determinati sentimenti*). Кроме того, *viso* может означать приспособление к неприятным обстоятельствам, а также проявление непримиримости и смелости

в действиях или высказываниях (*mostrare intransigenza; avere v. di fare o dire qualche cosa(piu' com. avere la faccia di..., avere l'ardire di.)*). В этом контексте присутствует компонент отношения (*atteggiare*) и демонстрации (*mostrare*), что отражается в таких выражениях, как *сделать доброе лицо* или *nonpu-ветствовать: mostrare, far buon v., atteggiare il volto a compiacimento, far buona accoglienza: la donna, fatto buon v.* [Treccani]. В английском языке лексема *face* также включает в себя компоненты, указывающие на отношения. Например, странное выражение лица может сигнализировать о неприязни к кому-то или чему-то, а искаженное выражение может свидетельствовать о насмешке или отвращении: *to make a strange expression with your face, for example to show that you do not like someone or something* [CDO]. Кроме того, *face* может обозначать хорошую репутацию и престиж: *good reputation; standing; prestige* [DC]; *the respect and honour of others* [CDO]. Также, лицо, обладающее определенными качествами, иногда контекстуально эквивалентно зрению или присутствию: *The countenance as having particular qualities or attributes; Conceived as the sum of the eyes and other sense organs; hence sometimes contextually equivalent to 'sight, presence'* [OED]. Сопоставив данные лексемы, можно выделить сходства: оба слова содержат компоненты, указывающие на отношения и выражение чувств. Однако есть и различия. В итальянском языке *viso* может означать проявление непримиримости и смелости, в то время как в английском *face* акцентируется на репутации и престижности.

Семантическое наполнение лексем в сопоставляемых языках обнаруживает связь с поведением и отношениями, которая прослеживается и в прагматическом аспекте в виде ознаковления ситуации как поведения. В нижеприведенных контекстах также можно выделить как сходства, так и различия при выражении поведения и отношений, которые демонстрируют, как лексемы *face* и *viso* используются в английском и итальянском языках для передачи отношений, как эмоциональных состояний, так и социальных взаимодействий.

В английском языке знак *задумчивое лицо* может интерпретироваться наблюдателем в контексте предиката *смотреть* как нежелательное негативное отношение между субъектами ситуации (нет ничего страшнее): 1) *There is nothing more terrifying than my sister's **thinking face** when it is trained directly on you* / Нет ничего страшнее, чем задумчивое лицо моей сестры, когда она смотрит прямо на тебя [Glosbe]. В примере 2) сам субъект поведения в качестве наблюдателя в выражении потеря лица интерпретирует свое отношение к ситуации как нежелательное и предполагает коррекцию своих будущих поведенческих действий и отношения:

2) *Un visage told myself that I shouldn't regard it as a **loss of face**.* / Я твердил себе, что не должен воспринимать это как потерю лица [Glosbe]. Пример 3) демонстрирует негативное отношение к субъекту поведения в выражении *never dare show his face*. В интерпретации *не посмел бы показать своего лица* возможна знаковость такого поведения как стыд и трусость после сложившейся определенной поведенческой ситуации между субъектами отношений (оскорбительные поведенческие действия, что нежелательно для оцениваемого субъекта): 3) *But he would **never dare show his face** here after the humiliation he had caused her* / Впрочем, он никогда не посмел бы показаться здесь после нанесенного ей оскорбления [Glosbe]. Семиотика поведенческой ситуации (ответил, не оборачиваясь) интерпретируется самим субъектом поведения как неуверенность в сказанных им словах второму субъекту поведения. Цель *не увидеть его лицо* понимается, как непредоставление возможности для собеседника понять истинное отношение (неуверенность) к ситуации: 4) *"I'm certain of it," I said, but did not turn around so that she could see my **face*** / Я в этом уверен, – ответил я, не поворачиваясь, чтобы она не видела моего лица [Glosbe]. В следующем примере, лингвистическим выводом является то, что глаголы, которые в системе языка не представлены как поведенческие (*to say, step back*), становятся предикатами поведения под воздействием определенного контекста. Семиотика данных действий прослеживается наблюдателем по встревоженному выражению лица: 5) *I thought he was going to say something more, but abruptly he stepped back, **a troubled look on his face*** / Я думала, он еще что-то скажет, но Дарклинг резко отступил, и на его лице проступило встревоженное выражение [Glosbe].

В итальянском языке приведем пример семиотизированной поведенческой ситуации, расшифрованной наблюдателем по выражению лица как недоверие: 6) *Ancora una pausa, ma questa volta Bayard crede di identificare **l'espressione del viso: incredulità**.* / Снова пауза, но на этот раз Байяр, кажется, сумел расшифровать выражение лица: недоверие [Glosbe]. Употребление глагола *улыбаться* в следующем примере демонстрирует принципиальное различие в трактовке мимического действия. В примере 7) субъект поведения намеревается создать положительные отношения: *Non ci sono per niente abituata, ma non mi levo il sorriso dal viso perché voglio piacere a questa signora gentile.* / Мое лицо не привыкло к улыбкам, но я продолжаю улыбаться, потому что хочу понравиться этой милой женщине [Glosbe]. Глагол *улыбаться* является указателем эмоционального состояния (лицо не привыкло улыбаться), но в определенном контексте становится предикатом поведения, то есть становится семиотическим вербализатором поведенческих действий.

Как свидетельствуют результаты анализа выражения поведения и отношений в приведенных контекстах можно выделить сходства в употреблении лексем *face* и *viso* в сопоставляемых языках. Обе лексемы, используются для передачи эмоций и состояний. В социальном выражении отношений оба слова имеют социальный контекст. Обе лексемы могут обозначать физическое участие в поведенческой ситуации. Итальянское *viso* и английское *face* могут использоваться для описания внешнего вида человека в различных контекстах. Несмотря на общие черты в использовании этих лексем в сопоставляемых языках, контексты и нюансы их интерпретации могут различаться. В итальянском языке *viso* может акцентироваться на выражении чувств и эмоциональных состояний через лицо (*non mi levo il sorriso dal viso*), в то время как в английском *face* часто используется в контексте социального статуса и репутации. В английском языке акцент делается на физическом проявлении (например, *show his face*).

Таким образом, исследование когнитивных процессов восприятия и интерпретации лица в зависимости от культурного контекста представляет собой актуальное направление лингвистического анализа когнитивных основ семиотики поведения и отношений

Литература

Болдырев Н. Н. Федяева Е. В. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 686–703.

Иванова Р. П., Верхотурова Т. Л. Когнитивно-семиотический анализ лексики зрительной перцепции в якутском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (224). С. 45–51.

Савватеева И. А. Взаимосвязь лингвистических и психологических методов исследований в выявлении когнитивных механизмов категоризации феномена отношения // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1–2 (57). С. 460–463.

Шамне Н. Л., Милованова М. В. Отдельные аспекты вариативности лексических соответствий в русском и немецком языках // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 453–455.

CDO – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/make-a-face>

DC – Dictionary. com. URL: <https://www.dictionary.com/browse/face>

Glosbe – Glosbe Italian-English Dictionary. URL: <https://app.glosbe.com/en/it>

OED – Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/face_n?tl=true

Treccani – Treccani Vocabolario. URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/viso/2/>

I. A. Savvateeva (Irkutsk, Russia)
Irkutsk National Research Technical University

**VISUAL INTERPRETATION
OF THE CATEGORY OF *RELATIONS*
IN ITALIAN AND ENGLISH
IN THE SEMIOTIC ASPECT**

The article presents a comparative analysis of the semiotic meanings of the category of *relations* in behavioral aspect in the contexts of visual perception in Italian and English. The functional features of the lexemes *face* and *viso* are subject to linguacognitive and linguacultural interpretation in the pragmatic aspect.

Key words: category of *relations*, behavior, semantics, semiotics, pragmatics.

И. Г. Серова (Санкт-Петербург, Россия)
*Ленинградский государственный
университет им. А. С. Пушкина
irina_serova@list.ru*

**ВТОРИЧНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНИМАЦИОННОГО ФИЛЬМА
НА ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК**

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается переводчик, выполняющий задачу трансляции прецедентных феноменов русской культуры в западноевропейском и мировом культурном пространстве в ходе перевода российского мультфильма «Маша и Медведь», решая при этом важную проблему сближения на культурном треке различных культур и популяризации отечественной культуры в глобальном культурном дискурсе.

Ключевые слова: прецедентный феномен, интертекстуальность, когнитивное варьирование, вторичная репрезентация, иностранный язык, перевод.

Проблема вторичной репрезентации прецедентных феноменов как части картины мира переводимого текста является задачей, с решением которой постоянно имеют дело переводчики в сфере межкультурного общения (см., например: [Лотман 1973; Кустова 2016]). Ответственность переводчика становится все более очевидной в период глобализации как

эпохи сверхскорого распространения аудиовизуальной информации в пространстве интернета.

Особую роль в этом процессе играют мультипликационные фильмы, так как их аудитория чрезвычайно многочисленна и разнообразна – мультфильмы смотрят не только дети, но и их родители, бабушки и дедушки, то есть зрители трех поколений, причем, сегодня это – представители множества иных стран и культур. С позиций этого последнего обстоятельства можно рассматривать российские мультсериалы «Смешарики», советские «Ну, погоди!» «Чебурашка» и «Простоквашино» не только как развлекательный контент, но и как незаменимые инструменты популяризации русской культуры в сознании иностранного зрителя.

Одним из таких сверхпопулярных отечественных мультсериалов является мультсериал «Маша и Медведь», который насчитывает сегодня миллионы просмотров. Видимо, это связано с тем, что авторам удается через сюжет, основанный на одноименной детской сказке, создать образы, аутентично транслирующие константы русской культуры.

Авторы мультфильма (Дмитрий Ловейко и др.) насытили свою историю Маши и Медведя огромным количеством отсылок к прецедентным феноменам русской и советской культуры, что является, с одной стороны, несомненным достоинством фильма, а с другой стороны – серьезным вызовом для переводчика, своеобразным тестом на корректное когнитивное варьирование оригинального кинотекста,

В настоящей статье рассматривается, в частности, такое явление, как поиск переводческих решений по формированию вторичных концептов прецедентных феноменов российской культуры в ходе репрезентации аудиовизуального текста в рамках иной культуры. Для обозначения поиска таких соответствий вряд ли применимо слово «перевод» в традиционном его использовании: как заметил И. Гамбье, с середины 1950-х годов появилось стремление искать новые термины для описания этой деятельности в контексте аудиовизуальных продуктов. В научном сообществе сегодня популярны следующие термины: киноперевод, языковой трансфер, экранный перевод, мультимедийный перевод, “versioning” (творческое переписывание, включающее субтитры и дубляж). Это свидетельствует «о неявном стремлении исследователей отойти от узкого понимания «перевода» в буквальном смысле этого слова (пословного перевода)» [Гамбье 2016: 56].

Практика когнитивного варьирования прецедентных феноменов отечественной культуры свидетельствует о том, что они далеко не всегда могут быть транслированы в иные культуры «без потерь».

Прецедентные тексты и онимы

Русская народная сказка «Маша и Медведь» и одноименный сериал имеют очень мало общего по сюжету. Единственное, что их связывает, – это наличие общих действующих персонажей, но они значительно различаются по своим характерам. В русской народной сказке «Маша и Медведь» Маша – послушная девочка, которая просит разрешения у дедушки с бабушкой пойти в лес с подружками за грибами, и старики соглашаются. Потеряв подружек в лесу, Маша натывается на домик, принадлежащий Медведю. Медведь делает ее своей пленницей, но Маша не теряет решительности и разрабатывает хитроумный план побега. В сказке о Маше и Медведе Маша появляется в образе находчивой и хитрой девочки, а Медведь предстает перед нами в виде деспотичного и злого персонажа. В мультфильме же Маша предстает как озорной ребенок, а Медведь – в виде доброго и заботливого Мишки.

Сюжет мультфильма «Маша и Медведь», в целом, больше соответствует русской народной сказке «Три медведя». Героиня сказки самовольно убегает гулять по лесу. Там она натывается на незнакомый домик. И не просто заходит внутрь, но и ест чужую похлебку, двигает мебель, ломает стульчик Медвежонка, мнет постели и засыпает в чужой кровати. Если вспомнить эпизод «Маша и Медведь. Первая встреча», то в нем Маша также, отправившись бегать по лесу, попадает в незнакомый домик, прыгает на кровати Мишки и наносит ущерб его имуществу. Таким образом, хотя сказка «Маша и Медведь» и сериал имеют общие элементы, сюжеты совпадают только частично, а характеры героев, мотивы их поведения и последствия их поступков существенно отличаются друг от друга.

История Маши и Медведя во всех вариантах является формальной отправной точкой для моделирования сюжета сериала и интерпретации характеров персонажей. Если антропоним «Маша» передается транскрипцией во всех вариантах перевода на различные языки, то при передаче зоонима «медведь» наблюдается некоторая вариативность.

Во французской версии сериал называется “Masha et Michka”, где «Мишка» – это имя персонажа, а не разновидность животного. Аналогично, в итальянской версии перевода отсутствие артикля перед зоонимом и написание с заглавной буквы указывают на то, что это именно имя персонажа, а не указание на принадлежность к медведям – “Masha e Orso”. Особенно, если учесть, что в итальянском языке «Orso» также является распространенным именем и фамилией.

Эти варианты перевода заметно отличаются от перевода на другие языки – такие, как английский (“Masha and the Bear”), немецкий (“Mascha

und der Bär”), нидерландский (“Masha en de Beer”) (все с заглавной буквы и с определенным артиклем), испанский (“Masha y el oso”) (со строчной буквы).

Таким образом, степень «очеловеченности» персонажа варьируется, что, несомненно, сказывается на отношении к персонажу зрительской аудитории. Превращение зоонима в оним-антропоним связано, видимо, и с тем, что в настоящее время существует тенденция отношения к животным как к равным человеку.

К прецедентным текстам, знание которых необходимо для понимания замысла автора, относятся не только тексты двух русских сказок, но также поговорки, фразеологизмы и тексты песен. Например, новогодняя серия называется «Раз, два, три! Ёлочка гори!» В переводе: “One, Two, Three! Light the Christmas Tree”! [Masha and The Bear].

Оригинальное название серии относится непосредственно к отечественной культуре. В России существует традиция выкрикивать эту фразу перед наряженной в гирлянды ёлкой на так называемых «ёлках» в детских садах, а затем включать иллюминацию. Что касается английской культуры, подобное мероприятие имеет несколько иные очертания. Там отмечают в основном Рождество, а не Новый год, при этом включение гирлянд, которое сопровождается аналогичной «кричалкой», не предполагает, что в эту процедуру вовлечены только дети. Передать уменьшительно-ласкательный компонент слова «елочка» на язык перевода становится неактуальной задачей, однако переводчики смогли сохранить рифму в названии Три – Гори! / Three! – Christmas-Tree! и перевод получился полностью соответствующим содержанию серии.

В этом же эпизоде имеется интересный пример использования песни как прецедентного новогоднего текста, когда Дед Мороз напевает городской романс «Из-за острова на стрежень». В английском варианте русский городской романс заменен “Jingle Bells”, одной из самых известных англоязычных рождественских песен, что делает фрагмент более понятным для иностранной аудитории. И, хотя в переводе утрачен национальный культурный элемент, нельзя не признать решение переводчика справедливым, поскольку замена не мешает, а способствует пониманию сюжета.

На этом пути не исключены потери вследствие неосведомленности иностранной аудитории о многих прецедентных текстах русской культуры. При переводе серии под названием «Следы невиданных зверей» переводчики использовали прямой перевод “Tracks of Unknown Animals”, опустив отсылку к строке из песни первой произведения Александра Сергеевича Пушкина «Руслан и Людмила», а именно:

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...

Конечно, переводчики могли бы обратиться к английским переводам «Руслана и Людмилы», однако в этом не было необходимости, поскольку в таком случае было бы крайне сложно уловить сказочный бэкграунд, который скрывает название. Произведения Александра Сергеевича являются всемирно известными, но подобные аллюзии трудноуловимы и доступны к пониманию без дополнительных пояснений лишь носителям русского языка и культуры. Далее в этой серии мультсериала не наблюдается аллюзий к произведениям поэта, поэтому упущение данной отсылки, которую, скорее всего, невозможно передать, не приводит к потере смысла.

Прецедентные артефакты

В пятом эпизоде мультсериала мы можем наблюдать дом волков – брошенную в лесу карету скорой медицинской помощи УАЗ-452, – в простонародье «буханка», «таблетка» или «Уазик», визуальный образ которой является отражением компонента постсоветского культурного пространства. Надпись на борту «Скорая медицинская помощь» была адаптирована переводчиками в понятное английскому зрителю “Ambulance”, – надпись, которую можно наблюдать на каретах скорой помощи в англоязычных странах.

В восьмой серии мультсериала медведь использует банку из-под консервов «Завтрак туриста», в которой он хранит червей. «Завтрак туриста» – это наименование нескольких разновидностей мясных консервов в СССР, а после и на всем постсоветском пространстве [История возникновения консервов Завтрак Туриста].

Эти консервы представляют собой собирательный образ мясных консервированных продуктов. В англоязычной версии переводчики нашли аналог со схожей коннотацией, отсылающий к английской культуре. Это “SPAM” – торговая марка консервированного мяса, производимого американской компанией Hormel Foods Corporation. Название является аббревиатурой от Shoulder of Pork and hAM – «свиные лопатки и окорока», или, по другим данным, от SPiced hAM – «ветчина со специями». Таким образом, переводчик осуществил локализацию, отослав зрителя к аналогичному артефакту в англоязычной культуре. Кроме того, сам факт хранения червей в консервной банке является прецедентным.

Насыщение мультфильма множеством отсылок к прецедентным феноменам стало удачным ходом создателей мультфильма, обеспечившим произведению успех у зрительской аудитории. Особенно удачным является наличие отсылок к реалиям советского пространства, которые красной нитью проходят через все серии мультфильма и вызывают ностальгию и теплые чувства у отечественных представителей *boom generation*; а с другой стороны, они позволяют в какой-то мере реабилитировать реалии советского периода в глазах *зумеров*, привыкших к их однозначно негативной трактовке в России в конце XX – начале XXI века.

Все это позволяет сделать фильм событием для нескольких поколений российской семьи, не говоря уже о привлечении иностранной аудитории, получившей уникальный шанс ближе познакомиться со спецификой русской и русской советской культуры.

Литература

Гамбье И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Язык и литература. 2016. № 4. С. 56–73.

Кустова О. Ю. Концептуальные модели исследования киноперевода // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 192. С. 123–130.

Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.

Masha and The Bear – One, Two, Three! Light the Christmas Tree! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kEvA23H0k9U> (дата обращения: 22.03.2023).

История возникновения консервов Завтрак Туриста. URL: <https://dzen.ru/a/YHBA9kINRQDt6UEC/> (дата обращения: 22.03.2023).

I. G. Serova (*Saint Petersburg, Russia*)
Leningrad State University named after A. S. Pushkin

SECONDARY REPRESENTATION OF PRECEDENT PHENOMENA IN THE TRANSLATION OF ANIMATION FILM INTO A FOREIGN LANGUAGE

The article highlights the problem, which the translator faces in the course of adaptation of the precedent phenomena in the Russian animated cartoon film “Masha and the Bear” for the foreign viewers, facing the intricate task of the popularization of national culture in the global cultural discourse.

Key words: precedent phenomenon, intertextuality, cognitive variation, secondary representation, foreign language, translation.

И. В. Убоженко (Москва, Россия)
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
МГИМО (университет) МИД РФ
iubojenko@hse.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ДИФФЕРЕНЦИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ: КОГНИТИВНО-РЕФЛЕКСИВНАЯ ИНТРОСПЕКЦИЯ

В статье обосновывается инновационная шкала дифференцирования творческого переводческого решения (ТПР), в сравнении со стандартным решением в отношении той же исходной единицы оригинала. Методом когнитивно-рефлексивной интроспекции автор впервые иллюстрирует дефинитивный алгоритм идентификации нестандартных переводческих решений на фоне их возможных конвенциональных эквивалентов, в том числе свойственных машинному и, как правило, дословному (а нередко и буквальному, т. е. неадекватному) переводу.

Ключевые слова: когнитивное переводоведение, творческое переводческое решение (ТПР), метод когнитивной интроспекции.

Введение

В данной статье, в логике предыдущих исследований автора, посвящённых изучению терминологического концепта «творческое переводческое решение», рассматривается подход к дифференциации решений переводчика по признаку их уникальности [Убоженко 2024: 430]. Прошедший год был годом 100-летия со дня рождения основоположника отечественной теории перевода профессора В. Н. Комиссарова, а текущий год является годом 20-летия его памяти. В свете этих событий особенно значимо вновь обратиться к разработанной им теории уровней эквивалентности и убедительно показать её неизменную действенность в вопросе оценки адекватности перевода. Как известно, Комиссаров считал любые трансформационные преобразования инструментом обеспечения точной интерпретации оригинала и выбора окончательного переводческого варианта [Комиссаров 1990].

Творческое переводческое решение мы определяем как не зафиксированный ни в одном словаре окказионализм, значение которого актуализируется заново каждый раз, когда исходная единица помещается в иной контекстуальный сегмент дискурса. Его адекватная интерпретация рецепиентами перевода при этом возможна, если они являются представителями языкового и культурного сообщества, воспринимающими окружающую

действительность в качестве общего когнитивного фона¹. Другие переводческие решения, выходящие за рамки очерченной категории, рассматриваются как нетворческие.

Новизна нашего подхода выражается в стремлении применить интроспективный анализ [Киндеркнехт 2019] как металингвистическую и одновременно методологическую основу для самостоятельного разграничения профессиональным переводчиком возможных типов потенциально принимаемых решений, с точки зрения их стандартности vs нестандартности, т.е. через призму осознанного рассуждения, приводящего в итоге или не приводящего к адекватному творческому результату.

Целью работы является методологическое конструирование когнитивного переводческого алгоритма по идентификации творческого переводческого решения в процессе рандомной выборки иллюстративных кейсов, требующих адекватной интерпретации и последующей их качественной оценки.

Ход исследования и результаты

В этой связи предлагаем следующую логику последовательности переводческих действий:

1) выявляем в оригинальном дискурсе исходные единицы, подлежащие трансформационным преобразованиям в силу невозможности их адекватного перевода на самом высоком уровне эквивалентности (т.е. дословно): первичный машинный перевод (или автоматически сгенерированный текст (АГТ), в терминах нейросетевого перевода) в данном случае может служить инструментом индикации неадекватности и буквализмов при передаче смысла оригинала;

2) изучаем предложенное переводчиком решение или предлагаем собственные стандартные и/или творческие переводческие решения (в зависимости от целевой коммуникативной ситуации) с учётом доминирующего прагматического стимула их принятия [Ubozhenko 2020];

3) реализуем сравнительный анализ машинного (АГТ) и/или авторского или собственного перевода единицы оригинала путём осуществления интроспективного комментария, а именно: заполняем условную градуированную шкалу творческой сложности принятого в переводе решения, где

¹ См. в оригинале: "...the creative translation decision is defined here as ... a totally new one definitely not fixed in any dictionary, and therefore it may be considered as a pure translation occasionalism whose actual contextual meaning immediately evaporates as soon as the problem original unit has been placed in another contextual discourse segment. All other translation decisions, beyond the above described category, are, consequently, regarded as non-creative, pattern-like" [Ubozhenko 2020: 366].

- индекс «0» – стандартное переводческое решение, являющееся адекватным при нулевой трансформации (дословном переводе), не требующее актуализации широкого или экстралингвистического контекста и использования иных сторонних ресурсов;
- индекс «1» – нетворческое/стандартное решение, достигнутое с помощью конвенциональных переводческих трансформаций на одном из уровней языка, не требующее при переводе когнитивной операции смыслового развития (известной как приём переводческой модуляции) или смысловой компенсации;
- индекс «2» – творческое решение с применением переводческих приёмов (к примеру, смысловой модуляции и/или компенсации), требующих реализации целого комплекса трансформационных преобразований по семантическому варьированию на разных языковых уровнях;
- индекс «3» – творческое решение с высокой когнитивной переводческой нагрузкой, требующее осуществления целостного преобразования на самом низком уровне эквивалентности (кейс полного семантического несоответствия) и с возможным привлечением сторонних (в том числе справочных, не исключая автоматизированных) ресурсов для реализации особой или сверх-прагматической задачи.

Приводимые ниже примеры намеренно заимствованы из давно ставшего классическим труда профессора Комиссарова: его курса лекций по современному переводоведению.

Пример 1. Индекс «0».

<i>I saw him at the theatre.</i>	<i>Я видел его в театре.</i>

Комментарий 1.

Даже в данном случае дословного перевода следует подчеркнуть, что достижение эквивалентности на уровне семантики слова ограничивается несовпадением значений слов в разных языках: далее каждый из трёх основных макрокомпонентов семантики слова (денотативного, коннотативного и внутриязыкового значений) может поставить переводчика перед проблемой выбора [Комиссаров 1999: 132].

Пример 2. Индекс «1».

<i>They had their backs to the sunshine now.</i>	<i>Теперь солнце светило им в спину.</i>

Комментарий 2.

Классический пример семантического варьирования, который, по В. Н. Комиссарову, заключается в изменении направления отношений между признаками при описании коммуникативной ситуации, с исполь-

зованием лексических конверсивов: так, в романе Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» есть эпизод, где герои романа едут в открытом автомобиле, он поворачивает за угол, и автор пишет “They had their backs to the sunshine now”; дословный перевод «Теперь их спины были обращены к солнцу» выглядит по-русски нелепо, и в переводе мы читаем: «Теперь солнце светило им в спину» [Комиссаров 1999: 129].

Пример 3. Индекс «2».

– <i>No sweethearts, I b'lieve?</i>	– <i>А нет ли у неё зазнобы?</i>
– <i>Sweetmeats did you say, Mr. Barkis?</i>	– <i>Сдобы, мистер Баркис?</i>

Комментарий 3.

Сложнее оказывается всегда перевод игры слов, и в данном кейсе переводчик использует приём компенсации, при котором смысловые потери неизбежны. В романе Ч. Диккенса «Давид Копперфильд» есть момент, когда маленького Деви везут в интернат, и возчик Баркис расспрашивает его о служанке в их доме, а мальчик его переспрашивает. Переводчик в своей версии попытался сохранить фонетическое сходство слов в оригинале и с опорой на данный доминантный стимул принял соответствующее творческое решение [Комиссаров 1999: 136].

Пример 4. Индекс «3».

<i>A rolling stone gathers no moss.</i>	<i>По свету шататься, бедняком остаться.</i>

Комментарий 4.

Поскольку дескрипция той же ситуации не обеспечивает необходимого результата, целесообразно использовать версию, описывающую иную ситуацию коммуникации. По предлагаемой в нашем исследовании шкале подобное переводческое решение характеризуется максимальным творческим индексом, поскольку здесь к качеству перевода предъявляется только требование сохранения цели коммуникации оригинала, а финальное решение переводчика может семантически неограниченно варьироваться, в том числе в зависимости от степени и объёма вовлечения в процесс творческой интерпретации сторонних ресурсов [Комиссаров 1999: 123].

Дискуссионный вывод

Таким образом, проведённое исследование акцентирует внимание на значимости творческих решений для реализации процесса перевода, а полученные результаты могут служить фундаментом разработки методологии обучения переводу в творческо-интерпретативной парадигме, равно как и стать основой для качественного оценивания нестандартных решений в практической переводческой деятельности. В перспективе логичным ви-

дится дальнейшее усовершенствование предложенного рефлексивного алгоритма для задач повышения уровня саморедактирования результатов своей работы переводчиками и критиками перевода. Важно также подчеркнуть, что в очередной раз эмпирически доказанное допустимое пространство вариативности принятия творческих переводческих решений демонстрирует системность, а не хаотичность данного уникального ментального процесса, а значит, требует его всестороннего изучения.

Литература

- Киндеркнехт А. С.* Метод самонаблюдения в исследовании языковой личности медиатора // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2(27). С. 252–255.
- Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 1999.
- Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990.
- Убоженко И. В.* К вопросу о множественности терминологических соответствий: переводческое решение в креативной парадигме когнитивного переводоведения // Когнитивные исследования языка. 2024. № 4(60). С. 425–431.
- Ubozhenko I. V.* Cognitive political discourse analysis: creative translation teaching case // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. 13(3). P. 363–374.

I. V. Ubozhenko (Moscow, Russia)

National Research University

Higher School of Economics (HSE University),

MGIMO University

DIFFERENTIATION METHODOLOGY OF CREATIVE TRANSLATION SOLUTIONS: COGNITIVE-REFLEXIVE INTROSPECTION

The paper substantiates the innovative scale of differentiation of the creative translation solution (CTS), in comparison with a standard solution in relation to the same initial unit of the original. Using the method of cognitive-reflexive introspection, the author illustrates a novel definitive algorithm for identifying non-standard translation solutions against the background of their apparent conventional equivalents, including those inherent in machine translation and, as a rule, word for word (and often verbatim/literal, i. e. inadequate) translation.

Key words: cognitive translation studies, creative translation solution (CTS), the method of cognitive introspection.

Е. В. Федяева (Москва, Россия)

Московский государственный

лингвистический университет

fedyaeva_lena@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЙ ЭТНОСТИЛЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена проблеме межкультурного общения. Межкультурная коммуникация как сложный феномен связана с такими когнитивными процессами, как концептуализация, категоризация и интерпретация действительности. Автор полагает, что выстраивание процесса бесконфликтного межкультурного взаимодействия подразумевает осознание культурного разнообразия и разных стилей мышления, которые находят свое выражение в различных этностилях коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативный этностиль, концептуальное взаимодействие, бесконфликтная коммуникация.

Проблематика бесконфликтной языковой коммуникации подробно разрабатывается в работах доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Николая Николаевича Болдырева [Болдырев 2022, 2023, 2024 и др.]. Знаком глубокой признательности и уважения к Николаю Николаевичу является продолжение этой темы в данной статье.

Актуальность проблемы выстраивания эффективной языковой коммуникации в современном обществе не вызывает сомнений. Геополитические изменения, процессы интеграции и дезинтеграции культур, высокая информационная насыщенность – все это факторы, провоцирующие конфликтные ситуации общения не только на межличностном, но и на межкультурном уровне. Поэтому одной из фундаментальных задач сегодняшнего дня может считаться изучение составляющих бесконфликтной языковой коммуникации.

Известно, что барьерами на пути выстраивания бесконфликтной коммуникации на межличностном уровне обычно становятся различия количественно-качественного характера (разный объем имеющихся знаний, качественно разный когнитивный опыт), ведущие к несовпадению мнений. Коммуникация «опирается на общие для собеседников познавательные силы и оказывается успешной в той мере, в какой общие для собеседников ментальные конструкторы, опыт, интересы, пресуппозиции позволяют прийти к более или менее единой точке зрения» [Хомский, Бервик 2018: 131–132].

Не вызывает сомнений тезис о том, что межличностная коммуникация на межкультурном уровне представляет собой еще более сложный когнитивно-дискурсивный феномен, поскольку данный вид интеракции включает в себя такие процессы как концептуализация, категоризация и интерпретация знаний о мире, кодирование, обработка и декодирование информации, выбор номинативных и коммуникативных стратегий и т.п.

Отметим, что ситуации непонимания, не способствующие эффективному межкультурному общению, могут возникать между коммуникантами, хоть и принадлежащими к разным культурам, но говорящими на одном языке (пусть и в разных его национальных вариантах):

1) *I first came to England at the other end of my life, when I was still quite young, just twenty. ... I thought I knew a fair amount about the place, but I quickly discovered upon arriving that I was wrong. I couldn't even speak my own language there. In the first few days, I failed to distinguish between collar and colour, ... karma and calmer.*

Needing a haircut, I ventured into a unisex hairdresser's in Oxford, where the proprietress, a large and vaguely forbidding woman, escorted me to a chair, and there informed me crisply: 'Your hair will be cut by a vet today.'

I was taken aback. 'Like a person who treats sick animals?' I said, quietly horrified.

'No, her name is Yvette,' she replied and with the briefest of gaze into my face made it clear that I was the most exhausting idiot that she had encountered in some time (B. Bryson. The Road to Little Dribbling).

Коммуникация между носителями разных культур, говорящими на разных языках, может быть дополнительно отягощена внешними (невербальными) помехами. К подобного рода помехам относятся, например, особенности физиологической идентичности. Обратимся к примеру:

2) *...I don't blend. Tall and blond and pink-complexioned, I am less a chameleon than a flamingo. Everywhere I go but Dusseldorf, I stand out garishly. When I was in China, women used to come up to me on the street and point me out to their children as though I were some escaped zoo animal. And their children – who had never seen anything quite like this pink-faced yellow-headed phantom person – would often burst into tears at the sight of me. I really hated that about China (E. Gilbert. Eat Pray Love).*

Данный контекст иллюстрирует внутреннее состояние дискомфорта индивида, которое формируется за счет его «выделенности» на фоне представителей другой культуры, что подтверждается использованием глагола *to hate*. Следовательно, признание различий (Assuming Difference в терминах М. Беннета [Bennet 1998]), в том числе и внешних показателей иной физио-

логической идентичности, является важной составляющей бесконфликтного межкультурного общения.

Однако, перечисленные эксплицитные различия (особенности происхождения, особенности внешности) представителей разных культур представляют собой лишь верхушку айсберга, поскольку еще большую «угрозу» бесконфликтному формату коммуникации и, в целом, экологичному общению, несут различия, формирующиеся на концептуальном уровне, имеющие скрытый имплицитный характер.

Известно, что концептуальная система человека представляет собой совокупность концептов. Н. Н. Болдырев подчеркивает, что формирование концептуальной системы «не может не зависеть во многом от времени и места проживания, исторической эпохи, социального статуса человека и его взаимоотношений с другими людьми, семейных связей, пола, возраста, уровня образования, профессиональных интересов, политических взглядов, идеологических установок и личных пристрастий» [Болдырев 2013: 11]. Приведем пример, который ярко иллюстрирует имеющиеся различия в сознании разных индивидов:

3) *He existed only to supervise the exchange of goods and money, and anything that didn't directly concern that process was alien and irrelevant to him as a Rachmaninov piano concerto to a Trobriand fisherman* (Т. Холт. *May Contain Traces of Magic*).

Однако быть «на одной концептуальной волне» с собеседником представляется недостаточным, поскольку языковая репрезентация концептуального содержания, его «упаковка» осуществляется «под давлением» регулятивов и коммуникативных конвенций определенного лингвокультурного сообщества. В свое время Ш. Балли писал, что «подчинение мышления языку проявляется в употреблении самых обыкновенных слов, потому что говорящие субъекты ... бывают вынуждены выражать и классифицировать свои представления, следуя императивным ... нормам» [Балли 1955: 25]. Следовательно, концептуальная согласованность должна иметь адекватное для партнера по коммуникации языковое оформление, соответствующее его «коммуникативному этностиллю», который определяется как «исторически сложившийся, предопределяемый культурой и закрепленный традицией тип коммуникативного поведения народа, проявляющийся в выборе и предпочтительности определенных стратегий и средств коммуникации (вербальных и невербальных), используемых в процессе межличностного взаимодействия» [Ларина 2013: 196]. Коммуникативные конвенции культуры, формирующие ее особый этностиль, побуждают представителей данной носителей излагать

свои мысли лаконично и прямо, многословно или лишь полупонамеком, допускать свободу в проявлении своих эмоций или сдерживать их и т. п. Кроме того, Н. Энфилд высказывает следующую мысль: “When we talk, we do not drive the conversation machine. The conversation machine drives us” [Enfield: URL], подчеркивая тем самым, что различия в языковом оформлении схожего концептуального содержания обусловлены автоматическим использованием речевых образцов (определенных клише), закрепленных в нашей памяти, отсутствие которых у носителя другого языка ведет к непониманию и повышает вероятность коммуникативных неудач и потенциально конфликтных ситуаций.

Таким образом, особое значение для процесса выстраивания бесконфликтной межкультурной коммуникации приобретает (наряду с формированием языковой и культурной компетенций) обучение нормам определенного этностиля коммуникации, поскольку в ходе общения, каждый коммуникант невольно придерживается правил, усвоенных в рамках своей культуры.

Литература

Балли Ш. Общая стилистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.

Болдырев Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2013. № 1 (034). С. 5–13.

Болдырев Н. Н. Концептуальное взаимодействие как фактор бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка 2022. № 3 (50). С. 27–31.

Болдырев Н. Н. Учет коллективного и индивидуального знания в бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). С. 21–27.

Болдырев Н. Н. Бесконфликтная языковая коммуникация // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 48–54.

Ларина Т. В. Коммуникативный этностиль как способ систематизации этнокультурных особенностей поведения // Cuadernos de Rusística Española. 2013. № 9. С. 193–204.

Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. Санкт-Петербург: Питер, 2018.

Bennett M. J. Overcoming the Golden Rule: Sympathy and Empathy // Basic Concepts of Intercultural Communication. Selected Readings / ed. by M. J. Bennet. Yarmouth, ME: Intercultural Press, Inc., 1998. P. 191–214.

Enfield N. J. How We Talk. The Inner Workings of Conversations. URL: <https://www.hachettebookgroup.com/titles/n-j-enfield/how-we-talk/9780465059942/#module-whats-inside>.

Список источников иллюстративного материала

Bryson B. The Road to Little Dribbling. Black Swan, 2016.

Gilbert E. Eat, Pray, Love. Bloomsbury, 2007.

Holt T. May Contain Traces of Magic. URL: https://books.google.ru/books?id=5BXYQV_oiiUC&pg

E. V. Fedyaeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

COMMUNICATIVE ETHNOSTYLE AS A COMPONENT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article refers to the theory of intercultural communication. Intercultural communication as a complex phenomenon is connected with such cognitive processes as conceptualization, categorization and interpretation of reality. As the author shows, the organization of conflict-free intercultural interaction is the recognition of cultural diversity and cognitive styles which find manifestation in communicative ethnostyles and must be taken into consideration in the process of intercultural communication.

Key words: communicative ethnostyle, conceptual interaction, conflict-free intercultural communication.

E. B. Федяева, Э. В. Массон
(Москва, Россия)

*Московский государственный
лингвистический университет*

e.v.fedyaeva@linguanet.ru; masson.elvira@yandex.ru

УНИВЕРСАЛЬНОЕ VS КУЛЬТУРНОСПЕЦИФИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ПРОЦЕССА МЕТАФОРИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме когнитивных оснований механизма концептуальной метафоры. Анализ фактического материала показал, что когнитивным основанием процесса метафоризации могут служить универсальные знания, присущие всему человечеству, а также знания, сформированные в рамках определенного лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: когниция, знание, культура, метафора, концептуализация.

Исследование результатов познания мира человеком на основе анализа языковых данных в рамках когнитивного подхода в лингвистике, принимающего положение об антропоцентрическом характере языковых единиц, имеет своей целью описание различных способов оформления концептуального содержания в языке и выявление структур знания, стоящих за семантикой языковых единиц. Изучение самого феномена знания как продукта познания окружающей действительности показывает, что именно язык, являясь средством концептуализации, категоризации, хранения и передачи знаний о мире, представляет собой определенную систему знаний.

Проблемы, связанные с выявлением типологии знаний, описанием вариативности их языковой интерпретации, обусловленной различиями в осмыслении действительности разными культурами, являются сегодня одними из самых актуальных. Рассматриваемые в контексте взаимосвязей ЯЗЫК ↔ СОЗНАНИЕ ↔ КУЛЬТУРА, единицы языка указывают на специфику опыта познания и объяснения мира определенным лингвокультурным сообществом, на знания, накопленные этим сообществом в филогенезе.

Опыт познания мира, знания о мире, полученные определенным лингвокультурным сообществом, являются фоном, определяющим значение слова, когнитивным контекстом формирования и понимания смыслов (см. подр., [Болдырев 2019]). Контекст культуры является особенно значимым, поскольку коллективные схемы языковой интерпретации мотивированы определенной географической и социокультурной средой обитания, ценностями, нормами, а также образно-символическими представлениями, воплощению которых в языковые формы способствуют различные когнитивные механизмы, в том числе, и механизмы воображения, такие, например, как концептуальная метафора и сравнение.

По мнению Н. Н. Болдырева, феномен метафоры, представляется одним из ключевых способов концептуализации и интерпретации мира вокруг и внутри нас. Конструируя окружающий мир в своем сознании, человек интерпретирует как сам мир – различные объекты и события, их особенности и проявления – так и свои знания о мире в контексте своего индивидуального языкового и неязыкового опыта взаимодействия с этим миром. В процессе этого конструирования он опирается на когнитивные схемы языковой интерпретации в виде различных моделей, в том числе – метафорических [Болдырев 2016].

В основе языковой метафоры лежит, как известно, когнитивный механизм концептуальной метафоры, который основывается на одновременной

активации двух когнитивных областей: область-источник представляет собой область интерпретирующего знания, а область мишень – интерпретируемое. Так, например, концепт ВРЕМЯ как один из базовых элементов концептуальной системы человека осмысливается в разных лингвокультурных сообществах в связи с представлениями о движущейся воде: *time is a river*, *le temps est comme un fleuve*, *время – река*. Другими словами, в основе данных метафор лежит универсальное (разделяемое всем человеческим обществом) знание о естественном водном потоке и его характеристиках. Это знание является основанием интерпретации феномена времени. Приведем примеры:

1) *Time is a river that flows to the sea...* (C.I. Sneider, K. Barrett, K. Beals. River Cutters. Teacher's Guide).

2) *Le temps est comme un fleuve qui entraîne toutes choses; c'est comme un torrent irrésistible.* (M.A. Jules, B. Saint-Hilaire. Pensées pour moi-même.).

3) *Время – река, уносящая меня, но эта река я сам...* (И.И. Гарин. Век Джойса).

Как и концепт ВРЕМЯ, концепт ЖИЗНЬ представляется значимым элементом концептуальной системы человека. Данный феномен зачастую подвергается метафоризации, основанием которой становятся как общие (универсальные), так и культурноспецифические знания. Так, в сознании представителей русской культуры *жизнь* может мыслиться в образах *книги*, что подтверждается наличием таких единиц в русском языке, как *книга жизни*, *писать книгу жизни* и т.п. Например:

4) *Если язык как коммуникация дан нам, чтобы писать книгу жизни, а язык как искусство – лишь для того, чтобы книгу жизни комментировать, то Серёжа Скупой явно злоупотреблял этими комментариями.* (О. Копытов. Защита Ружина).

5) *Это как перевернуть страницу жизни и начать новую главу.* (И. Ячменникова. Бессветные).

6) *Перевернуть страницу жизни и легкомысленно сказать: «Баста», – это самое простое из возможностей ленивого существования* (К. Антарова. Две жизни).

Отметим, что и представителям других культур свойственно метафорическое осмысление жизни человека с опорой на данную область-источник, что подтверждается наличием таких выражений в английском и французском языках, как *a book of life* (R. M. Hutchins. The great conversation), *to write a book of life* (Th. Dreiser. Theodore Dreiser: Interviews), *to turn the page of life* (Ch. Unkill. Unkill Charlie's Nightmares), *la vie c'est comme un livre* (P.-A. Genillard. L'errance mortelle) и указывает на конвенциональный ха-

ракетер метафоры ЖИЗНЬ → КНИГА. Заметим также, что данная метафора может стать одним из основных сюжетообразующих инструментов целого произведения. Примером может служить произведение французского писателя М. Пруста «A la recherche du temps perdu», в котором автор сравнивает человека и его жизнь с книгой:

7) ***«Sans doute mes livres eux aussi, comme mon être de chair, finiraient un jour par mourir. Mais il faut se résigner à mourir. On accepte la pensée que dans dix ans soi-même, dans cent ans ses livres, ne seront plus».*** (Без сомнения, мои книги, как и моё существо из плоти, в конце концов умрут. Но нужно смириться с тем, что умрёшь. Принять мысль о том, что через десять лет нас самих, через сто лет наших книг, уже не будет.) (M. Proust. Le Temps retrouvé).

Подобным образом жизнь осмысляется и в романе американской писательницы японского происхождения Р. Озеки «A Tale for the Time Being», где метафора ЖИЗНЬ → КНИГА также является одной из сюжетообразующих. Как известно, главная героиня решает заполнить пустые страницы дневника, вставленные в обложку романа М. Пруста «В поисках утраченного времени», описанием жизни своей бабушки:

8) ***“This diary will tell the real life story of my great-grandmother Yasutani Jiko”.***

9) ***“...and that’s when the idea popped into my mind of using Marcel Proust’s important book to write down my old Jiko’s life”.***

10) ***“There are lots of blank pages, and Jiko’s got lots of stories, and I write pretty slow, but I’m going to work really hard, and probably by the time I’m done filling in the last page, old Jiko will be dead, and it will be my time, too”.***

Аналогичным образом данная метафора реализуется в других эпизодах, когда страницы дневника-книги осмысляются героями романа как отдельные страницы жизни:

11) ***“...it was too much for her foggy brain to process. The world inside the pages was as dim as a dream”.***

Анализ представленных примеров позволяет сделать вывод о конвенциональном характере метафоры ЖИЗНЬ → КНИГА, о схожести осмысления данного феномена представителями разных культур, что и находит своё отражение в английском, французском и русском языках.

Оценочная метафоризация феномена жизни человека может быть связана с выбором и других областей-источников. Это обусловлено тем фактом, что процесс нашего мышления метафоричен в своей основе и базируется на соответствиях в опыте, который является культурно-специфичным

[Козлова 2020]. Так, например, в китайской культуре областью-источником для метафорического осмысления жизни человека становится китайская опера (LIFE → OPERA), отражающая философскую позицию и отношение к жизни представителей данной культуры [Ning Yu 2017].

В сознании представителей американской культуры жизнь ассоциируется с путешествием:

12) *Your **life's journey** has impacted many people* (L. Hunter. Write Your Journey).

Анализ фактического материала свидетельствует о наличии и других областей-источников. Приведем следующие примеры:

13) *Our **life is like the play*** (J. McKee Bullock. Life's Like That).

14) ***Life is like a basketball game**. It has a goal and lots of players* (L. Larson, L. Lee. Some Things You Need to Know Before the World Ends).

Для представителей французской культуры при метафорическом осмыслении жизни человека в качестве области-источника могут выступать как реальные объекты действительности, так и абстрактные понятия:

15) *Plein d'une joie pure et paisible, le saint homme lui dit doucement: « **La vie est un long fleuve tranquille** ».* (M. Ballé. L'éveil).

16) *C'est la joie de recevoir, la joie de respirer, la joie de s'ouvrir, **la joie de contempler, de vivre**...* (Ch. Baudelaire. Les Fleurs du Mal et Oeuvres Choies).

17) ***La vie est une histoire d'amour à elle seule, elle EST c'est tout*** (M. Koehler. Un seul chemin vers la lumière).

Подводя итог, отметим, что поскольку язык структурирует и хранит все знания человека о мире, в нем находят свое отражение различные типы знаний: универсальные, разделяемые всем человечеством, и культурноспецифические знания, сформированные в рамках определенного коллектива. Эти знания являются основой для оценочной метафоризации различных явлений и фрагментов действительности.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.

Болдырев Н. Н. Язык как система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Козлова Л. А. Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. Р. 899–925.

Yu Ning. LIFE as OPERA. A Cultural Metaphor in Chinese // Advances in cultural linguistics, 2017. P. 65–87.

E. V. Fedyaeva, E. V. Masson (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

UNIVERSAL VS CULTURE SPECIFIC KNOWLEDGE AS THE BASIS FOR THE METAPHORIZATION PROCESS

The article deals with the problem of cognitive bases of conceptual metaphor mechanism. The analysis of language material has shown that universal knowledge inherent to all mankind as well as knowledge accumulated within a certain linguocultural community forms the cognitive basis of the metaphorization process.

Key words: cognition, knowledge, culture, metaphor, conceptualization.

А. В. Эсаулова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
annaesaul@mail.ru

СИТУАТИВНО-СМЫСЛОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И КОНЦЕПЦИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧЕВЫХ АКТАХ ВЕТОТИВНОГО ХАРАКТЕРА

В статье рассматривается коммуникативный контекст, речевые формы выражения, использование принципов вежливости и стратегической грубости при реализации иллокутивных речевых актов группы «ветотивы» и анализируются личностные характеристики собеседников для достижения перлокутивного эффекта запрета.

Ключевые слова: запрет, ветотив, коммуникативный контекст, прямой запрет, косвенный запрет, принцип вежливости, стратегическая грубость.

Любое высказывание, как известно, преследует определенную задачу, осуществляется в конкретной обстановке и ориентировано на получение желаемого эффекта. Иными словами, каждый речевой акт обладает собственной структурой, включающей в себя ряд элементов: отправителя, получателя, исходный смысл высказывания, намерение передающего, развертывание и внутреннее устройство коммуникативного действия, а также окружающую обстановку и обстоятельства взаимодействия.

В данной статье под ветотивом обобщенно понимается речевое действие, выражающее намерение говорящего остановить или не допустить

действия адресата. Кроме того, предполагается наличие у говорящего юридически или ситуативно обусловленного права на запрет, распространяющегося исключительно на адресата, находящегося в подчинении и способного действовать самостоятельно. Смысловая составляющая запрета также включает в себя возможность исполнения запрета подчиненным, вероятность применения санкций в случае его нарушения или игнорирование мнения того, к кому обращен запрет.

Таким образом, в успешном выражении «ветотива» большую роль играют значительность или незначительность фигуры говорящего, обязательность выполнения действия, количество исполнителей этого действия, желательность или нежелательность его для одного из участников интеракции и стандартность или нестандартность коммуникативной ситуации.

Важным аспектом, определяющим выбор формы выражения запретов и компонентов структуры данного речевого акта, являются коммуникативные условия, которые делают уместным тот или иной языковой вариант. Иными словами, это коммуникативный контекст, в котором используется форма, передающая запретительную интенцию говорящего.

В этой связи, представляется целесообразным, опираясь на теорию Дейка [Дейк 1989: 30], разграничить термины «ситуация» и «контекст», где под ситуацией понимается объективная, текущая действительность, в рамках которой осуществляется коммуникативное взаимодействие, в то время как контекст – это совокупность языковых компонентов, релевантных для данного речевого акта.

При анализе выражения запрета, коммуникативный контекст рассматривается как разновидность социального контекста, включающая ключевые элементы коммуникации, влияющие на выбор лингвистических форм, используемых для выражения запрета.

В рамках этой работы проводится различие между полноценными и неполноценными речевыми ситуациями. Полноценная речевая ситуация характеризуется одновременным присутствием говорящего и слушающего как в момент произнесения, так и в момент восприятия высказывания, обычно в одном и том же месте и при визуальном контакте. Ключевым признаком такого непосредственного общения является прямое взаимодействие между участниками. Неполноценная речевая ситуация, напротив, не соответствует перечисленным условиям. Пространственно-временные координаты говорящего и адресата не совпадают, и время создания сообщения может отличаться от времени его получения.

Исследование показало, что для реализации ветотива необходимы условия полноценной речевой ситуации.

При анализе дифференциаций смыслового контекста, мы выделили три типа запрета.

1. Предотвращающие; запрет сообщён до действия.
– Ich verbiete Dir, allein spazieren zu gehen.
2. Непосредственные; запрет сообщён во время действия.
– Geh nie wieder in mein Büro!
3. Исправляющие; запрет сообщён после действия.
– Ich verbiete Ihnen, das nächste Mal so lange am Telefon sprechen, während Sie arbeiten.

Анализ представленных ветотивов демонстрирует, что при реализации речевого акта запрета ключевую роль играет восприятие адресата и учет его социально-психологического портрета [Арутюнова 1988: 15]. Взаимосвязи между участниками коммуникации, включая их возрастные категории, социальный статус, степень близости и местоположение, а также возможное присутствие третьих лиц, оказывают существенное влияние на то, как именно выражается запрет.

Немаловажным фактором, влияющим на выбор способа выражения ветотива в процессе общения, выступает как дистанция между коммуникантами, так и характер их ролевых взаимоотношений.

Исходя из этих факторов, мы выделяем следующие виды коммуникативных контекстов:

1. Равнопозиционные (одинаковые позиции собеседников)
2. Разнопозиционные (более высокая позиция одного из собеседников).

Анализ показал, что ветотив представляет собой речевой акт, который возникает в ситуации неравной коммуникации, когда запрет передается от лица с более высокой социальной позицией к лицу с более низкой, независимо от их физической либо психологической близости или отдаленности. В этом случае запрет направлен от говорящего, занимающего более высокую позицию в иерархии, к адресату, занимающему более низкую позицию, и является коммуникативным актом с нисходящим статусно-властным вектором.

В зависимости от способа осуществления запрещающего воздействия, речевые акты запретительного характера мы классифицируем на прямые и косвенные. Прямое выражение ветотива предполагает явное стремление говорящего повлиять на слушающего, используя языковые средства, чья интенциональная направленность очевидна для слушающего. Косвенные формы запрета, в свою очередь, разделяются на эксплицитные и имплицитные, исходя из степени выраженности ветотивных компонентов в высказывании. Запрет в косвенной эксплицитной форме может быть

сформулирован как просьба: “Ich möchte Sie bitten, nichts in meinem Zimmer zu berühren”.

Непрямая, имплицитная форма ветотива может возникнуть, когда говорящий желает остановить или предотвратить определенное действие, но из соображений вежливости стремится смягчить прямолинейность своей запретительной интенции. К примеру, преподаватель во время лекции может сказать: “Ich kann nicht sprechen, wenn Sie so laut lachen. Hören Sie auf, das zu machen”.

Хотелось бы подчеркнуть, что использование косвенных форм помогает избежать слишком требовательных высказываний, которые могут вызвать негативную реакцию у собеседника, а соблюдение речевого этикета способствует формированию дружелюбной атмосферы в общении и достижению взаимопонимания с другими людьми. Это приобретает особенное значение, когда мы формулируем запрет или ограничение.

Таким образом, основной причиной стремления использовать косвенные формы при выражении ветотива является вежливость. Вежливая стратегия не обязательна в структуре запрета, но может усилить благосклонность адресата к говорящему и стать важным принципом социальной интеракции, основанной на уважительном взаимодействии. Это приобретает особенное значение, когда собеседнику необходимо приложить большое усилие для совершения или прекращения действия и при далекой дистанции между говорящим и слушающим, именно в этом случае требуется использовать наиболее косвенные формы ветотива, подчеркивающие наличие свободы выбора у адресата.

Анализируя социальную дистанцию между говорящим и слушающим, уровень влияния одного собеседника на другого и степень вторжения в поле адресата, можно успешно регулировать свое речевое поведение в зависимости от оценки коммуникативного контекста.

Лингвисты Браун и Левинсон считают, что каждый человек имеет два лица: положительное и отрицательное.

Часто люди стремятся сохранить «положительный образ», быть одобренными в обществе и вызывать восхищение, и от того, насколько высок риск потери этого образа, зависит выбор говорящего, совершать или не совершать запретительный речевой акт, а если совершать, то какой тактический прием вежливости выбрать – эксплицитный или имплицитный.

Однако, человеку присущ и отрицательный образ, под которым понимается стремление к свободе действия и отсутствие наказания, а также потребность в том, чтобы этим действиям не препятствовали другие.

Из этого можно сделать вывод, что положительные или отрицательные образы собеседников зависят друг от друга и сохранение положительного лица является обоюдным интересом коммуникантов.

Так, Браун и Левинсон вводят понятие ликоущемляющих речевых актов [Brown, Levinson 1978: 118], которым обозначаются высказывания, угрожающие «позитивному статусу» собеседника и побуждающие его действовать требуемым образом, даже если это не соответствует его личным желаниям.

В теории вежливости ликоущемляющие речевые акты представляют собой важные компоненты, так как данная теория направлена на облечение принуждающих, и часто «грубых», директивных речевых актов в наиболее вежливую форму, чтобы максимально избежать ущемления прав собеседника.

К вышеупомянутым «грубым» речевым актам относятся запреты, которые всегда направлены на определённое поведение адресата. В случае, если слушающий уклоняется от требуемого образа действий, это побуждает говорящего оказать на него давление. При этом адресант для достижения необходимого перлокутивного эффекта в силу определенного социального контекста может воспользоваться стратегией грубости, а адресат из-за разности иерархических позиций не имеет права ответить тем же. Таким образом, у говорящего есть разнообразные формы для реализации своей речевой интенции, а на выбор варианта влияют различные аспекты, такие как социальный статус коммуникантов, коммуникативный контекст и уровень социально-психологической дистанции.

В заключение необходимо сделать вывод, что большинство ветотивов представляют собой «невежливые» речевые акты, являющиеся обязательными для исполнения и, как правило, не оставляющие адресату возможности выбрать свою линию поведения. Для достижения необходимого эффекта коммуниканту, выражающему запретительную интенцию, необязательно быть вежливым, так как его превосходящая позиция не позволяет неподчинения, однако, он может для сохранения «положительного лица» придерживаться принципа вежливости, чтобы расположить к себе собеседника.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.
- Дейк ван Т.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Brown P., Levinson S.* Universals in Language Usage: Politeness Phenomena // Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 56–310.

A. V. Esaulova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

SITUATIONAL-SEMANTIC CONDITIONALITY AND THE CONCEPT OF POLITENESS IN SPEECH ACTS OF A PROHIBITED NATURE

The article examines the communicative context, speech forms of expression, the use of the principles of politeness and strategic rudeness in the implementation of illocutionary speech acts of the veto group and analyzes the personal characteristics of the interlocutors to achieve the perlocutionary effect of prohibition.

Key words: prohibition, veto, communicative context, direct prohibition, indirect prohibition, principle of politeness, strategic rudeness.

Ян Юнья (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
yunya62bua@163.com

ИЗУЧЕНИЕ КОНЦЕПТА ЧЕСТЬ РОДИНЫ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (на материале китайских и русских плакатов)

Данное исследование посвящено изучению концепта ЧЕСТЬ РОДИНЫ в китайской и русской лингвокультурах на материале плакатов, отражающих патриотические идеи и национальную идентичность. Основное внимание уделяется визуальным и текстовым элементам плакатов, создавая сравнительный анализ символики, образов и языковых средств, использованных в обеих культурах. С помощью технологий искусственного интеллекта, включая *компьютерное* зрение и обработку естественного языка, исследуются ключевые элементы, формирующие представление о чести родины в Китае и России. Результаты анализа позволят выявить общие темы и отличия в подходах к патриотизму, а также проанализировать влияние исторического контекста на восприятие чести и долга перед родиной. Это исследование способствует глубокому пониманию культурных различий и сходств, а также формированию национальной идентичности в современном обществе.

Ключевые слова: честь родины, патриотизм, лингвокультура, китайская культура, русская культура, плакаты, искусственный интеллект, визуальный анализ, текстовый анализ, национальная идентичность, символика, сравнительное исследование, исторический контекст.

Концепт ЧЕСТЬ РОДИНЫ занимает важное место в лингвокультуре различных народов и обуславливает патриотическое сознание. В данной статье исследуется, как этот концепт представлен в китайской и русской культурах через призму плакатов. Плакаты, как средство массовой информации, отражают ценности и идеалы общества, а использование технологий искусственного интеллекта (AI) позволяет глубже анализировать визуальные и текстовые элементы. Новизна данного исследования заключается в комплексном подходе к изучению концепта ЧЕСТЬ РОДИНЫ в китайской и русской лингвокультурах с использованием технологий искусственного интеллекта. В отличие от традиционных методов анализа, применение компьютерного зрения и обработки естественного языка позволяет выявить не только текстовые, но и визуальные паттерны, отражающие патриотические ценности.

Кроме того, сравнительный анализ плакатов из двух культур позволяет углубленно исследовать различия и сходства в представлениях о патриотизме, что способствует более глубокому пониманию культурных идентичностей. Исследование также акцентирует внимание на влиянии исторического контекста на формирование концептов чести и долга перед родиной, что делает его актуальным в условиях глобализации и культурного обмена. В результате, работа предоставляет новые аналитические инструменты для изучения лингвокультурных концептов и подчеркивает значимость визуальной культуры в формировании общественного сознания.

Лингвокультура – это совокупность языковых и культурных элементов, которые формируют уникальные особенности коммуникации в определенной языковой среде. Она включает в себя не только язык, но и традиции, обычаи, мировоззрение, ценности и социальные практики, отражающие культурную идентичность народа. Лингвокультура включает в себя язык, традиции, ценности и обычаи народа, что влияет на восприятие и интерпретацию различных концептов.

Концепт – это ментальная единица, которая представляет собой обобщение определенного аспекта реальности, закрепленного в языке и культуре. Концепты помогают понимать, как люди воспринимают и интерпретируют мир вокруг себя, а также как эти представления выражаются через язык.

В русском языке это слово как термин впервые используется С. А. Аскольдовым (псевдоним С. А. Алексеева) в 1928 году в статье «Слово и концепт», опубликованной в журнале «Русская речь», где автор главным свойством концептов указывает функцию заместительства [Аскольдов 1997: 269].

В. И. Карасик определяет концепт как многостороннее смысловое образование, в котором можно выделить ценностную, образную и понятийную стороны. Ученый отмечает, что о концептах следует говорить в том случае, если данная область осмысливается в языковом сознании и получает обозначение одним словом [Карасик 1997: 109].

Понятие концепта является достаточно разработанным в российской культурологии и лингвистике, однако в разных направлениях этот термин приобретает различное наполнение и содержание [Шаклеин 2012: 64].

С. Г. Воркачева дает подобное толкование концепта, которое является последовательно лингвистическим в той мере, в какой он отождествляется с лексическим значением [Воркачев 2004: 20].

В. А. Маслова под концептами подразумевает обусловленные культурой основные элементы картины мира, обладающие значимостью как для языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества [Маслова 2001: 51].

Концепты, в свою очередь, являются ментальными структурами, которые отражают культурные особенности и представления людей. Они фиксируются в языке и служат основой для коммуникации и передачи знаний. Например, концепт ЧЕСТЬ РОДИНЫ включает в себя идеи патриотизма, преданности и готовности к защите своей страны, что может быть выражено через различные лексические и фразеологические единицы в языке. Отражение чести родины в китайской и русской лингвокультурах проявляется в различных аспектах языка, литературы и традиций.

Концепт ЧЕСТЬ РОДИНЫ в китайской и русской лингвокультурах имеет свои особенности, связанные с историей, культурными традициями и социальными ценностями.

В русской лингвокультуре концепт ЧЕСТЬ РОДИНЫ также имеет глубокие корни, акцентируя внимание на патриотизме и готовности к защите отечества.

Концепт ЧЕСТЬ РОДИНЫ в плакате может быть изображен через символы национальной идентичности, такие как флаги, гербы, памятники или исторические события. Также можно использовать патриотические лозунги и образы людей, которые внесли вклад в защиту и развитие страны. Русские плакаты, в свою очередь, акцентируют внимание на личной ответственности и героизме. Образы солдат, исторические события, такие как Великая Отечественная война, и символы, как орден и герб, создают эмоциональную связь с историей страны. Тексты на плакатах часто содержат призывы к защитникам родины и выражают гордость за прошлое. Это создает глубокую связь между личной честью и национальной идентичностью.

Рис. 1. Русские плакаты о чести родины

Например:

1. «Долг, честь, родина.»
2. «За родину, за честь, за свободу.»
3. «Слава советскому воину, отстоявшему честь и независимость родины!»

В китайской культуре понятие «честь родины» тесно связано с конфуцианством, где ценятся семья, общественные связи и коллективные интересы. В языке часто встречаются выражения, подчеркивающие патриотизм и долг перед страной.

Китайский государственный деятель и писатель эпохи Сун Фань Чжунъянь (范仲淹) писал: «先天下之忧而忧, 后天下之乐而乐» (Первым будь, заботясь о горестях Поднебесной, последним – пожиная плоды ее радостей).

Китайский поэт Вэнь Тяньсян (文天祥) писал: «人生自古谁无死, 留取丹心照汗青» (Истари кто из людей не умирал, так пусть мое алое сердце осветит историю).

В китайской культуре честь родины тесно связана с концепцией «家国 Цзягуо», где семья и общество играют важную роль. В китайской лингвокультуре и философии часто подчеркивается коллективизм, пре-

Рис. 2. Китайские плакаты по «家国 Цзягуо»

данность родине и обязанность защищать её. Китайские плакаты часто акцентируют коллективные ценности и единство народа. Визуальные элементы, такие как флаг, Великая стена и образы исторических личностей, служат символами защиты родины. Тексты на плакатах подчеркивают важность долга перед государством и призывают к совместным усилиям в укреплении национальной идентичности. Например, лозунги о единстве и силе народа активно используются для формирования патриотических настроений.

В русской и китайской лингвокультурах подчеркивается важность патриотизма, но в китайской традиции более выражен коллективный аспект, тогда как в русской культуре часто акцентируется индивидуальная доблесть и личная ответственность.

В русской культуре честь родины также занимает важное место, особенно в контексте исторических событий, таких как войны и революции. В языке присутствуют фразы и пословицы, подчеркивающие важность родины и национальной идентичности.

Сравнительный анализ показал, что концепт ЧЕСТЬ РОДИНЫ в обеих культурах, хотя и имеет разные акценты, в целом сосредоточен на патриотизме и готовности к защите своей страны. В китайской культуре акцент на коллективизме и единстве, в то время как в русской – на индивидуальном героизме и личной ответственности. Эти различия обусловлены историческим контекстом и культурными традициями.

Исследование концепта ЧЕСТЬ РОДИНЫ через плакаты в китайской и русской лингвокультуре позволяет глубже понять, как различные культуры формируют патриотические идеи. Использование технологий AI для анализа визуальных и текстовых элементов открывает новые перспективы для изучения культурных различий и их влияния на национальную идентичность. Данное исследование подчеркивает важность сохранения и уважения к культурным традициям, а также необходимость дальнейших исследований в этой области.

Таким образом, обе культуры используют язык и литературные традиции для передачи ценности «честь родины», хотя контексты и акценты могут различаться.

Литература

- Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 267–279.
- Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004.

Карасик В. И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) // Концепты. 1997. Выпуск 2. С. 156–158.

Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001.

Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. М.: Флинта, 2012.

Yang Yunya (Moscow, Russia)
Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia

**STUDY OF THE CONCEPT *HONOUR OF THE MOTHERLAND*
IN CHINESE AND RUSSIAN LINGUOCULTURES
(on the material of Chinese and Russian posters)**

This research is devoted to the study of the concept HONOUR OF THE MOTHERLAND in Chinese and Russian linguocultures through the analysis of posters reflecting patriotic ideas and national identity. The focus is on the visual and textual elements of the posters, creating a comparative analysis of the symbolism, images and linguistic means used in both cultures. Using artificial intelligence technologies, including computer vision and natural language processing, key elements that shape the representation of homeland honour in China and Russia are explored. The results of the analysis will identify common themes and differences in approaches to patriotism, and analyse the influence of historical context on perceptions of honour and duty to the motherland. This study contributes to a deeper understanding of cultural differences and similarities, as well as to the formation of national identity in modern society.

Key words: motherland honour, patriotism, linguoculture, Chinese culture, Russian culture, posters, artificial intelligence, visual analysis, textual analysis, national identity, symbolism, comparative study, historical context.

Научное издание

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (63)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР: СОБРАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Материалы Всероссийской конференции с международным участием,
посвященной юбилею основателя Тамбовской школы когнитивной лингвистики
доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ
Болдырева Николая Николаевича

г. Тамбов, 18–19 сентября 2025 г.

Часть II

Главный редактор
Болдырев Николай Николаевич

Ответственный редактор выпуска
Фурс Людмила Алексеевна

Компьютерная верстка *Т. О. Прокофьевой*

ISBN 978-5-00078-927-8

Подписано в печать 01.09.2025 г. Дата выхода в свет 22.09.2025 г. Формат 60×84/16.
Физ. печ. л. 39,00. Тираж 500 экз. Заказ 25147. Цена свободная.

Учредитель:
Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Адрес редакции и издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Отпечатано в Издательском доме «Державинский»
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г